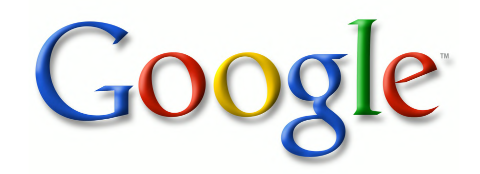
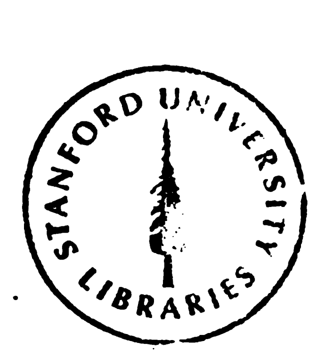
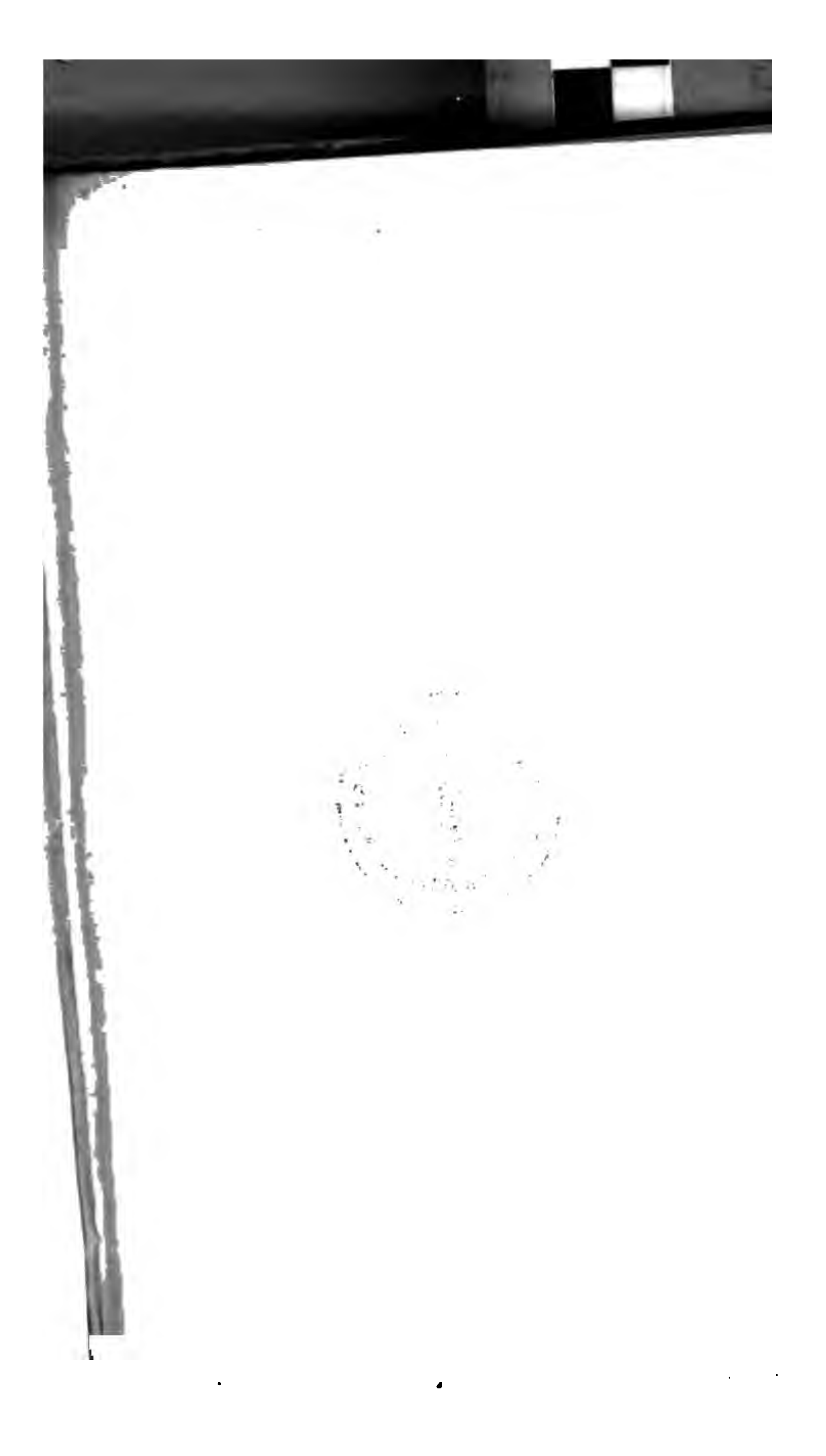

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ V.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

(1867—1874)

Изданіе П. Гайдебурова книги Вундта.—Шомбергъ-Колонтай. — Шишкины. — Графъ И. Морковъ. — Изъ дѣла о скопцахъ Плотицыныхъ и др. — Изданіе писемъ объ Англіи Луи-Блана Щаповымъ. — Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. — Нечаевское дѣло. — Изданіе Поляковымъ «раціонализма» Лекки. —Дуэль между Утинымъ и Жоховымъ. — Пальмъ. — Дементьевъ. — Терпигоревъ. — Дѣло объ убійствѣ Чихачева. — Дѣло Долгушина и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская, 26.

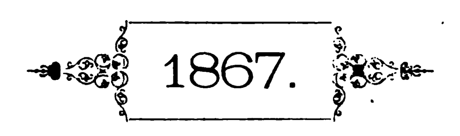
1893.

Типографія С. А. Корнатовскаго, Малая Морская, 9.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

1.

Дѣло о Павлѣ Гайдебуровѣ, судимомъ по поводу изданнаго имъ перевода 2 тома книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ».

Гайдебуровъ обвинялся въ томъ, что издавая книгу, въ которой были мѣста касающіяся прямо религіи и потому дающія полный поводъ сомнѣваться въ возможности допустить это изданіе къ обращенію безъ разсмотрѣнія духовной цензуры, отпечаталъ эту книгу безъ представленія въ предварительную цензуру, что составляетъ проступокъ предусмотрѣнный 1024 ст. уложенія о наказаніяхъ. Разборъ дѣла происходилъ во 2 Отдѣленіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 11 апрѣля 1867 года.

Гг. Судьи!

Настоящее дѣло возникло по иниціативѣ комитета духовной цензуры, при посредствѣ комитета цензуры свѣтской, и по отзывамъ ихъ, переданнымъ прокурорскому надзору.

Мнѣ невыгодно имѣть трехъ противниковъ; очень понятно, что я хотѣлъ бы имѣть дѣло съ однимъ. Вотъ почему я прежде всего поставлю слѣдующій вопросъ: какое значеніе можетъ имѣть отзывъ духовной цензуры?

Обязательно ли для окружнаго суда мнѣніе духовной цензуры, или нѣтъ? Если обязательно, то не стоитъ и защищаться; если не обязательно, то я надѣюсь въ судебномъ состязаніи поставить столь сильные доводы въ оправданіе моего кліента, что онъ будетъ отъ суда освобожденъ.

Прежде всего разберемъ, что содержится въ отзывѣ духовной цензуры? Во 1-хъ, обвиненіе книги въ противозаконности и антирелигіозности содержанія; 2) прямое и положительное заявленіе того, что она должна была идти на предварительный просмотръ духовной цензуры. Что касается до перваго пункта, то я бы хотѣлъ, но не въ правѣ его касаться, потому что онъ не внесенъ въ обвинительный актъ, обвинительная власть не поддерживаетъ его. Остается 2-й пунктъ—одинъ, и только одинъ. Духовная цензура прямо утверждаетъ, что книга Вундта подлежитъ ея вѣдѣнію, и изъ этого положенія выводитъ слѣдующія послѣдствія: личную отвѣтственность для издателя по 1024 ст. и конфискацію для сочиненія, какъ можно предугадывать, по 255 ст. цензурнаго устава. Можетъ ли судъ принять это заявленіе на вѣру или долженъ отнестись къ нему критически: разобрать его и повѣрить, согласно ли оно съ дѣйствительностью, или нѣтъ? Я полагаю—отвѣтъ одинъ: мнѣніе духовной цензуры необязательно и должно быть разобрано по всѣмъ правиламъ доказательствъ. Цензурный комитетъ не есть судъ, его отзывъ не можетъ имѣть такого значенія, какъ, напримѣръ, рѣшеніе суда, вошедшее въ законную силу; онъ есть сторона, возбуждающая преслѣдованіе.

Я полагаю, что дѣло Гайдебурова будетъ разбираться, какъ будто бы его обвинялъ одинъ только г. прокуроръ. Обвиненіе г. прокурора держится на 2 статьяхъ цензурнаго устава: 199 и 39. Въ 199 ст. перечислены сочиненія и переводы, которые должны идти на просмотръ духовной цензуры; въ п. 3 сказано: «сочиненія и переводы, содержащіе изложеніе истинъ, относящихся къ основаніямъ христіанской вѣры или религіи вообще». Въ ст. 39 говорится, что

свѣтская цензура входитъ въ сношеніе съ духовной всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры. Что касается до 199 ст., то я долженъ поблагодарить г. прокурора за его слова, занесенныя въ обвинительный актъ; эти слова вполнѣ и совершенно оправдываютъ моего клиента. Г. прокуроръ заявилъ въ обвинительномъ актѣ, что сочиненіе Вундта собственно не содержитъ истинъ христіанской вѣры или истинъ религіи вообще, но только близко *касается* ихъ. Но такъ какъ въ ст. 199 не говорится о книгахъ, близко касающихся основаній религіи, а только о содержащихъ изложеніе основаній религіи, то съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ бы былъ и споръ всякій прекратиться, т. е. должно бы быть принято, что т. 2 книги Вундта по собственному признанію г. прокурора, какъ не содержащій изложенія основаній религіи, не подходитъ подъ 199 ст. цен. уст., и слѣд. цензурѣ духовной не подлежитъ, какъ бы близко онъ ни касался разряда книгъ, подлежащихъ просмотру духовной цензуры. Я ставлю обвиняющей власти слѣдующую дилемму: или книга подходитъ прямо подъ ст. 199, тогда вы должны измѣнить вашъ обвинительный актъ, потому что по вашему она не подходитъ, а только касается, а о подобномъ касательствѣ нѣтъ и помину въ законѣ; или книга не подходитъ подъ 199 ст., тогда не зачѣмъ и возбуждать преслѣдованія. Перехожу теперь къ ст. 39. По этой ст. Гайдебурову вмѣняется въ вину не то, что онъ преступилъ законъ, а то, что онъ усомнился, что легко можетъ преступить его; что онъ не подумалъ: авось, можетъ быть эта книга и въ самомъ дѣлѣ должна идти предварительно въ духовную цензуру. Но чтобы подвергнуть Гайдебурова отвѣтственности за то, что онъ не усомнился, надо доказать, что на немъ лежала юридическая обязанность сомнѣваться. Но сколько я ни вертѣлъ 39 ст., все-таки не могъ взять въ толкъ и

понять, какъ можетъ она относиться къ Гайдебурову. Въ ней излагаются обязанности свѣтской цензуры, т. е. правительственнаго установленія, имѣющаго цѣлью производить просмотръ рукописей и отпечатанныхъ книгъ, а мой довѣритель никогда цензоромъ не былъ и даже въ коронной службѣ не состоялъ. Г. прокуроръ полагаетъ, вѣроятно, что за упраздненіемъ предварительной цензуры для нѣкотораго рода сочиненій, обязанности цензоровъ перешли на сочинителей и издателей. Я думаю, что онъ ошибается: никто не можетъ быть въ одно и тоже время и наблюдателемъ и наблюдаемымъ, и цензоромъ и цензуруемымъ. Такое раздвоеніе себя, такое отправленіе двухъ противоположныхъ функцій превышаетъ силы человѣческія. Это свыше природы человѣческой. Ст. 39 существуетъ и до сихъ поръ, но она до сихъ поръ относится къ однимъ цензурнымъ установленіямъ, а не къ частнымъ лицамъ. И теперь еще, когда въ комитетъ свѣтской цензуры представляется отпечатанное сочиненіе, гдѣ оно должно пролежать 3 дня, комитетъ цензуры свѣтской лишь только замѣтитъ мѣста духовнаго содержанія, хотя бы они и не подходили прямо подъ 199 ст. цензурнаго устава, обязанъ тотчасъ препроводить книгу съ отмѣченными мѣстами въ духовную цензуру и подождать до полученія отзыва отъ духовной цензуры. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что срокъ трехдневный слишкомъ коротокъ; но цензурный комитетъ пользуется, какъ извѣстно, весьма широко правомъ просматривать въ теченіе времени большаго, нежели 3 дня; слѣдовательно это возраженіе не можетъ имѣть мѣста. Такимъ образомъ, я полагаю, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что статья эта не идетъ къ Гайдебурову. Какъ можетъ и какъ смѣетъ Гайдебуровъ входить въ роль цензора и принимать на себя его обязанности?!

Что эта статья не идетъ къ Гайдебурову, можно доказать еще другимъ способомъ, слѣдующимъ: въ ст. 39 излагаются извѣстныя юридическія обязанности; всякая юридическая обязанность выражена въ законѣ и имѣетъ

свою санкцію, т. е. съ нарушеніемъ юридической обязанности соединены невыгодныя для нарушителя послѣдствія; спрашивается, какая санкція ст. 39? Я говорю, уголовной—никакой, потому что пересмотрите весь уголовный кодексъ, вы не найдете наказаній, опредѣленныхъ за такого рода упущенія, совершенныя цензоромъ. А такъ какъ уголовнаго наказанія нѣтъ, то онъ и не можетъ быть преданъ суду, а развѣ подвергнуться отвѣтственности дисциплинарной въ административномъ порядкѣ. Г. Гайдебуровъ подводится подъ 39 ст., слѣдовательно и подъ санкцію 39 ст., а эта санкція есть административное взысканіе. Слѣдовательно, пускай и подвергаютъ его, если могутъ, административнымъ взысканіямъ: выговорамъ, замѣчаніямъ и т. п., но только не по суду, потому что по суду его проступокъ не можетъ подлежать никакому наказанію. Въ законѣ только сказано: «за напечатаніе безъ цензуры произведенія, подлежащаго цензурѣ, хотя бы содержаніе напечатаннаго и не было противозаконно...» Вину Гайдебурова по обвинительному акту надлежало бы формулировать такимъ образомъ: отпечатаніе сочиненія, хотя и не подлежащаго цензурѣ, но относительно коего былъ поводъ сомнѣваться, не подлежитъ ли оно духовной цензурѣ... Но какъ подобное преступленіе не предусмотрѣно кодексомъ, то и объ уголовной отвѣтственности Гайдебурова не можетъ быть и рѣчи. Nullum crimen, nulla poena sine lege poenali.

Въ доказательство того, что сомнѣніе въ духовномъ содержаніи книги не могло не являться у г. Гайдебурова и что оно дѣйствительно являлось, обвинительный актъ приводитъ два факта: 1) что въ декабрѣ 1865 г. другой издатель Вундта представилъ въ цензурный комитетъ 2-й томъ «О душѣ» и получилъ отвѣтъ, что духовная цензура не допускаетъ этого сочиненія; 2) что онъ самъ, Гайдебуровъ, повычеркалъ многое въ оригиналѣ, слѣдовательно предвидѣлъ, что цензура неблагопріятно отнесется къ этой книгѣ. Что

касается до 1-го факта, то онъ ничего не доказываетъ и даже къ дѣлу не идетъ: Гайдебуровъ не зналъ и не обязанъ былъ знать, какъ поступила духовная цензура съ другимъ издателемъ. Что касается до 2-го факта, то онъ вполнѣ справедливъ, т. е. что Гайдебуровъ сократилъ и повычеркалъ многое изъ «Души человѣка и животныхъ»; но что же изъ этого слѣдуетъ. Что онъ зналъ, что сочиненіе Вундта подлежитъ духовной цензурѣ? Нисколько. Онъ этого не зналъ, онъ этого не знаетъ; и теперь онъ положительно убѣжденъ, что книга не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя въ ней и были нѣкоторые отрывки, которые, въ виду нашихъ цензурныхъ правилъ, подлежали исключенію. Пора вывести споръ изъ той колеи, на которой онъ поставленъ обвинительнымъ актомъ, и обратить его на иную дорогу. Я прямо ставлю вопросъ: подлежалъ ли 2-й т. перевода Вундта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ отпечатанъ, разсмотрѣнію духовной цензуры, или не подлежалъ? Я утверждаю, что не подлежалъ, что признаетъ и обвинительная власть. Я бы могъ основываться на ея признаніи, но судъ можетъ пойти дальше, нежели прокурорская власть;—я прошу судъ внимательно вникнуть въ содержаніе сочиненія. Задача довольно важна и стоитъ труда. Она состоитъ въ томъ, чтобы провести точную границу между интересами свѣтскими и духовными; между тѣмъ, о чемъ можно свободно писать, и тѣмъ, о чемъ нельзя писать безъ предварительнаго спроса; между богословіемъ и философіею. Постараюсь провести эту предѣльную черту на точномъ основаніи цензурнаго устава.

Всѣмъ извѣстно, что есть цѣлая отрасль знаній, цѣлый циклъ наукъ, которому посвящены за границею особые факультеты въ университетахъ, у насъ особыя академіи; циклъ этихъ знаній носитъ названіе богословія, науки божественнаго, систематическаго изложенія тайнъ откровенія. Эта отрасль знаній отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что она вся основана на авторитетѣ;

между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ знаніяхъ главнымъ орудіемъ и зодчимъ является свободный разборъ, свободная критика. Весь циклъ наукъ богословскихъ изъятъ отъ льготъ, предоставленныхъ 6 апрѣля 1865 г. литературѣ, и остался на прежнемъ положеніи, но только онъ одинъ. Разберите отдѣлъ 3, VI главы цензурнаго устава о предметахъ духовной цензуры и въ особенности ст. 199; здѣсь говорится о тѣхъ только предметахъ, которые распредѣлены въ богословскихъ факультетахъ и академіяхъ между особыми кафедрами: 1) церковное служеніе и житія святыхъ; 2) коментаріи на священное писаніе—герменевтика; 3) догматическое богословіе; 4) апологетика; 5) гомилетика; 6) церковная исторія; 7) церковное право и наука церковнаго управленія, наконецъ 8) учебныя книги для духовныхъ училищъ. Только то, что содержится въ этомъ кругѣ, находится подъ бдительною охраною духовнаго начальства, котораго власть въ этихъ предѣлахъ не подлежитъ ни малѣйшему спору и сомнѣнію. Кто бы осмѣлился напечатать сочиненіе апологетическое, гомилетическое, догматико-богословское, тотъ подлежалъ бы, я признаю, наказанію по 1024 ст., но только тотъ; все остальное, хотя бы въ немъ говорилось о Богѣ, хотя бы въ немъ были тексты изъ священнаго писанія, подлежитъ разсмотрѣнію только свѣтской цензуры.—По 37 ст. цензурнаго устава, книги, относящіяся къ нравственности, даже и тѣ, въ которыхъ разсужденія подкрѣплены ссылкою на священное писаніе, подлежатъ свѣтской цензурѣ. И такъ, прежде всего вопросъ о подвѣдомственности сочиненій рѣшается общимъ характеромъ сочиненія: богословское ли оно или не богословское въ цѣломъ своемъ составѣ. Но затѣмъ можетъ случиться, что будетъ вотъ что: книга свѣтская по общему характеру, а есть въ ней нѣкоторыя мѣста духовныя,—этотъ вопросъ рѣшенъ въ ст. 38: если въ книгѣ свѣтской встрѣтятся мѣста относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ церковной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя на уваженіе духовной цензуры.

Статьи, которыя я привелъ, рѣшаютъ вполнѣ вопросъ объ обязательности и отвѣтственности издателя. Коль скоро книга по общему содержанію своему свѣтская, то издатель можетъ, не опасаясь никакой личной отвѣтственности, отпечатать ее; но если въ этой свѣтской книгѣ цензура найдетъ нѣчто духовное, то эти мѣста, отдѣльно отъ прочаго, она отправляетъ на разсмотрѣніе духовной цензуры, которая можетъ эти мѣста уничтожить.

Заручившись этими выводами, приступаю къ книгѣ Вундта и задаю себѣ два вопроса: 1) есть ли это книга свѣтская или духовная въ общемъ своемъ составѣ? 2) нѣтъ ли въ ней мѣстъ, относящихся или къ догматамъ вѣры или къ церковной исторіи?

1) Въ 1863 г. гейдельбергскій профессоръ Вундтъ издалъ свои лекціи о психологіи: «Душа человѣка и животныхъ»—сочиненіе весьма серьезное, глубоко ученое, въ которомъ авторъ воспользовался всѣми новѣйшими открытіями физіологіи, лучшій учебникъ опытной психологіи, основанной на наблюденіи фактовъ, а не на метафизикѣ.

Что авторъ не матеріалистъ, это онъ заявилъ со второй лекціи, которая вся посвящена коренному опроверженію грубыхъ недостатковъ матеріалистическаго метода; это онъ заявляетъ вездѣ, постоянно утверждая, что положительное опытное индуктивное знаніе имѣетъ свои, весьма точно очерченныя, границы, которыхъ переступить не можетъ и за которыми лежитъ нѣсколько вопросовъ, которыхъ рѣшить оно не можетъ и не будетъ никогда въ состояніи рѣшить. Первый томъ посвященъ экспериментальному анализу воспріятія ощущеній, законамъ ощущеній, образа представленій, понятій, сужденій— иными словами, онъ вмѣщаетъ въ себѣ теорію ощущеній и теорію логики по новѣйшимъ открытіямъ. Второй томъ занимается изслѣдованіемъ о чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ (теорія сознательныхъ душевныхъ процессовъ, тѣсно соединенныхъ, и опирающаяся на теорію

безсознательныхъ процессовъ, I томъ). Сначала разбирается эстетическое чувство, потомъ нравственное—совѣсть; теорія и исторія нравовъ, потомъ умственное чувство, потомъ религіозное чувство; остальныя главы, посвящены изслѣдованію законовъ воли, образованію языковъ, законамъ дѣйствій, наконецъ—общимъ выводамъ и соображеніямъ. Такимъ образомъ изъ 57 лекцій въ сочиненіи Вундта есть только 5 ($^{1}/_{11}$ доля), которыя касаются и то не религіи, а религіознаго чувства въ человѣкѣ: за тѣмъ все остальное $^{10}/_{11}$ до того свѣтскаго содержанія, что никакимъ образомъ не должно быть отправлено въ духовную цензуру. Но если такъ, то возможно слѣдующее: Гайдебуровъ пожертвуетъ всѣми этими 5 главами и вырѣжетъ ихъ изъ изданія; выйдетъ, что душа доктора Вундта лишится религіознаго чувства; но сохранитъ всѣ остальныя; что у нея отрѣзано будетъ одно изъ крыльевъ, но черезъ то она все-таки будетъ годна къ общему употребленію. Венера Милосская дивно хороша, хотя у нея вмѣсто рукъ одни обрубки рукъ; тоже самое можно будетъ сказать и о книгѣ доктора Вундта, такъ какъ даже и въ этомъ видѣ она можетъ разойтись, потому что исключенное составляетъ только $^{1}/_{11}$ часть содержанія. Этимъ рѣшится вопросъ первый, т. е. надо признать, что по общему своему характеру, книга Вундта не богословская, и потому не подлежитъ предварительному просмотру духовной цензуры, и потому издатель нисколько не провинился, не представляя ее въ рукописи въ духовную цензуру.

2) Есть ли въ этой книгѣ мѣста, относящіяся къ догматамъ вѣры, или къ церковной исторіи? Я прямо отвѣчу, что таковыхъ не имѣется. Авторъ избралъ предметомъ не какую либо религію, а одно только религіозное чувство у разныхъ народовъ земнаго шара. Такимъ образомъ, ни одного догмата религіи онъ не разбираетъ, не доказываетъ и не опровергаетъ: ни одного текста священнаго писанія не приводитъ. Такъ какъ, разсматривая религіозное чувство, онъ не могъ не ка-

саться нѣкоторыхъ его проявленій, то и у Вундта были, въ видѣ примѣровъ, нѣкоторыя ссылки на исторію евреевъ. на исторію христіанства; всѣ эти примѣры Гайдебуровъ самымъ тщательнымъ образомъ исключилъ— всѣ до одного, чтобы, именно, сообразовать свою книгу съ ст. 38, т. е., чтобы не было и тѣни подозрѣнія, что въ его книгѣ есть малѣйшая связь съ священною исторіею.

Г. прокуроръ находитъ предосудительнымъ, что на стр. 300 и 301 высказываются мнѣнія объ источникахъ естественной религіи, или стр. 309, въ которой выводится признаніе монотеизма внѣ божественнаго откровенія. Но, въ такомъ случаѣ надлежало бы исключить изъ исторіи Будду, Сократа, Платона. Монотеизмъ лежитъ въ существѣ природы человѣческой и язычники были предрасположены къ воспріятію откровенія. Кто былъ Сократъ: язычникъ или еврей? онъ былъ язычникъ, религія у него была не откровенная, а естественная, и, однако, онъ самъ дошелъ до единобожія. Прокуроръ находитъ, на 341 стр., неумѣстнымъ объясненіе связи идей религіозныхъ и нравственныхъ, между тѣмъ, какъ самъ законъ разрѣшаетъ это объясненіе въ ст. 38 ценз. устава. Наконецъ, я совершенно смущенъ ссылкою г. прокурора на гл. 40, гдѣ говорится о спеціальномъ и политическомъ значеніи христіанства; это возраженіе больше всего приводитъ меня въ затрудненіе. Мѣста, на которыя указываетъ г. прокуроръ, самыя безвинныя; это такія мѣста, что христіанство пріучило человѣка быть гражданиномъ міра, а не быть гражданиномъ одного опредѣленнаго отечества. Но это такія истины, которыя мы слышимъ въ дѣтствѣ, читаемъ во всѣхъ учебныхъ исторіяхъ, слушаемъ въ университетахъ; истины, избитыя отъ частаго повторенія; истины, сдѣлавшіяся давно достояніемъ общественнымъ. Отсылать за подобныя мѣста книгу въ духовную цензуру значитъ изъять изъ вѣдѣнія свѣтской власти и предать духов[illegible]у вѣдомству всѣ сочиненія, относящіяся къ исторіи

послѣ Р. Х. Исторію цивилизаціи Гизо нельзя переводить и печатать, потому что половина ея посвящена политическому и соціальному значенію христіанства, также и многихъ другихъ сочиненій. Христіанство есть громаднѣйшій фактъ исторіи; запретите говорить о немъ и прагматическая исторія человѣчества невозможна. Мы до сихъ поръ находимся подъ сѣнью креста, водвореннаго на Гольгофѣ; мы не можемъ ни видѣть блѣднаго лица Распятаго, ни говорить о немъ, ни изображать его на полотнѣ, ни слѣдить за отраженіемъ его божественнаго слова и въ нравахъ, и въ законахъ,—значитъ всѣ соціальныя науки исключены будутъ отъ дѣйствія закона 6 апрѣля и льготы этого закона коснутся развѣ математики, геологіи и естественной исторіи, да и то, можетъ быть, съ значительными вырѣзками; съ изъятіемъ Кювье и палеонтологіи и теоріи Дарвина, съ его идеями о родствѣ людей съ обезьянами. Я думаю, что подобная строгость далеко оставляетъ за собою даже цензурныя привычки 30 и 40 годовъ.

Перехожу къ окончательнымъ заключеніямъ. Гайдебуровъ судится за преступленіе, въ которомъ онъ невиновенъ; вы не можете его осудить. Дѣло Гайдебурова, повидимому, личное, а между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, потому что вопросъ, который здѣсь рѣшается—вопросъ общій, въ которомъ заинтересована вся литература. Осужденіе Гайдебурова, хотя, оно касается его лично, предрѣшаетъ, однако, и судьбу книги; потому что вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено будетъ, что она подлежитъ духовной цензурѣ, а коль скоро она подлежитъ духовной цензурѣ, то приговоръ ей написанъ, она ни подъ какимъ видомъ Гайдебурову не будетъ возвращена. Но независимо отъ матеріальныхъ потерь, ваше рѣшеніе, осуждающее Гайдебурова, повлекло бы за собою слѣдующія послѣдствія: 1) оно убило бы и сдѣлало бы невозможными нѣсколько отраслей литературы, весьма важныхъ, ставя ихъ въ положеніе худшее, нежели до 6 апрѣля 1865 года, потому что до 6 апрѣля онѣ не были под-

вѣдомы духовной цензурѣ, а теперь будутъ подвѣдомы. Религія и философія (метафизика) двѣ родныя сестры; обѣ занимаются безконечнымъ, обѣ помогаютъ одна другой, и отъ взаимнаго ихъ общенія происходятъ самыя плодотворныя послѣдствія; но онѣ сестры равныя, самостоятельныя, и ни одна не можетъ, не переставая быть, чѣмъ она есть, идти подъ начало другой. Философія уже не будетъ философіей, когда превратится въ служку богословія. Вслѣдъ за богословіемъ и психологія перестанетъ быть свѣтской, чего примѣръ представляетъ подлежащая вашему рѣшенію судьба книги д-ра Вундта. Объ исторіи тоже нечего и говорить; такъ какъ невозможно себѣ представить учебникъ исторіи безъ понятія о христіанствѣ, его соціальномъ значеніи, церкви, ея отношеніи къ государству, то эта вѣтвь литературы изъята будетъ изъ свободнаго обращенія. Очередь дойдетъ и до книгъ юридическихъ, до права гражданскаго, потому что въ немъ говорится о бракахъ, а бракъ есть таинство, и до уголовнаго права, потому что наказаніе есть искупленіе вины, и т. д. до безконечности. 2) Идеѣ религіи ваше осуждающее рѣшеніе не принесло бы никакой пользы, а одинъ только вредъ. Литература для своего развитія нуждается въ свободѣ; отнимите свободу выражать свои мысли, и литература перестанетъ заниматься этими предметами, о которыхъ нельзя свободно выражаться. Скажите, что нельзя ничего печатать о Богѣ и божественномъ, безъ разрѣшенія духовной цензуры, и тотчасъ же увидите, что не будетъ и помину о Богѣ и божественномъ: водворится тотъ религіозный индиферентизмъ, который составляетъ язву и болѣзнь нашего вѣка. Мы жалуемся, что наша наука перестала быть религіозною, нравы наши до того отрѣшились отъ всего религіознаго, что каждый изъ насъ думаетъ, что все сдѣлалъ, когда исполнилъ нѣсколько обрядовъ внѣшнихъ — ваше рѣшеніе будетъ вполнѣ въ духѣ этого индиферентизма. Въ литературѣ есть отрасль подвѣдомственная духовной цензурѣ—богословіе; но религіозное

чувство питается еще сверхъ богословскихъ сочиненій и не богословскими, въ которыхъ люди простые, не ученые, отъ избытка религіознаго чувства прославляютъ Бога. Позвольте имъ прославлять Бога, какъ они умѣютъ, позвольте свободно выражаться, не стѣсняясь канономъ, и тому, кто видитъ въ Богѣ первую причину, кто считаетъ землю его подножіемъ, а небо звѣздное — его шатромъ, и тому, кто понимаетъ Бога, какъ верховный нравственный законъ, царящаго въ недосягаемыхъ глубинахъ нашего духа, и поклоняется ему благоговѣйнымъ вошествіемъ въ себя, вознošеніемъ себя къ идеалу.

Наконецъ, если бы вы осудили Гайдебурова, то я замѣчу, что ваше рѣшеніе пойдетъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается; оно не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Книги одинаковаго содержанія съ книгою Вундта печатались и печатаются до сихъ поръ безъ разрѣшенія духовной цензуры. За что же одного Вундта постигнетъ печальная участь? Вотъ напечатанная въ 1866 г. исторія философіи Льюиса. Вотъ исторія умственнаго развитія Дрэпера, родъ философіи исторіи, въ которой множество мѣстъ, относящихся къ религіи и къ христіанству, такъ много, что ихъ не перечтешь. Вотъ Микрокозмъ Лотцэ, система психологіи, совершенно тождественная съ трудомъ Вундта по содержанію. Наконецъ, вотъ Опыты Герберта Спенсера; на эту книгу я обращаю особенное вниманіе, потому что она была задержана цензурою, но потомъ выпущена и разрѣшена въ продажѣ. На страницахъ 217—223 тамъ помѣщена статья: польза антропоморфизма—коротенькая, которая содержитъ на 7 страницахъ мнѣніе о религіи посильнѣе и порѣзче, нежели во всей книгѣ Вундта. Но, однако, никто не посылалъ Герберта Спенсера въ духовную цензуру.

Окружный судъ опредѣлилъ: 1) признать что въ томѣ 2-мъ книги Вундта лекціи 44—47 подлежали отдѣльно отъ прочихъ частей представленію въ духовную цензуру; 2) Гайдебурова за непредставленіе этихъ лекцій въ цензуру подвергнуть аресту на 1 недѣлю и штрафу въ 25 рублей. С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло по апелляціямъ сторонъ, утвердила 14 іюля 1867 г. приговоръ Окружнаго Суда относительно уголовной отвѣтственности Гайдебурова, но измѣнила его относительно книги, которую она положила препроводить въ полномъ составѣ на разсмотрѣніе духовной цензуры.

8 ноября 1867 г. Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената, отмѣнилъ рѣшеніе Палаты главнымъ образомъ потому, что почти нѣтъ научнаго сочиненія, которое бы не имѣло прямого или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ; что для научныхъ сочиненій вездѣ, гдѣ существуетъ цензура, свобода мысли подвергается наименьшимъ ограниченіямъ; что законъ не указываетъ на то, чтобы въ духовную цензуру отсылались сужденія и усмотрѣнія касающіяся косвенно предметовъ вѣдомства духовной цензуры.

Вслѣдствіе сего Гайдебуровъ былъ признанъ впослѣдствіи оправданнымъ, а 2-й томъ книги Вундта выпущенъ въ обращеніе.

2.

Дѣло объ уроженцѣ Царства Польскаго, дворянинѣ Евстафіѣ Шомбергъ-Колонтаѣ, обвиняемомъ въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ.

Шомбергъ-Колонтай обвинялся: 1) въ пріѣздѣ въ Россію и проѣздѣ отъ Вержболова до Баку съ завѣдомо чужимъ, выданнымъ на имя великобританскаго подданнаго Гомерри Стефенсона, паспортомъ и ложномъ присвоеніи себѣ означеннаго званія, имени и фамиліи. съ преступною цѣлью скрыть свое настоящее званіе, имя и фамилію; 2) въ привозѣ въ Россію и провозѣ въ предѣлахъ Имперіи отъ Вержболова до Баку купленныхъ заграницею, завѣдомо фальшивыхъ заграничнаго издѣлія россійскихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства и въ выпускѣ таковыхъ билетовъ въ обращеніе въ городѣ Баку, на Кавказѣ. Эти преступленія предусмотрѣны 976, 977, 1412, 1416, 573, 571 и 576 ст. уложенія о наказаніяхъ. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по Уголовному Отдѣленію 9 августа 1867 года.

Гг. Присяжные!

Подсудимый, котораго судьба рѣшается въ эту минуту, не только сознался, но ни на одну минуту не скрывалъ своего преступленія. Фактъ, который ему вмѣняется въ вину прямо и безусловно преступенъ; законъ на этотъ счетъ строгъ и положителенъ, и нѣтъ ника-

кихъ обстоятельствъ, которыя бы исключали возможность примѣненія къ нему наказанія. Послѣ двухлѣтняго тюремнаго содержанія подъ слѣдствіемъ, одинокій, оставленный родными, Шомбергъ-Колонтай впалъ въ состояніе близкое къ помѣшательству,—признаки болѣзни замѣчены были слѣдователями, и слѣдователи сами ходатайствовали о томъ, чтобы его помѣстить въ больницѣ умалишенныхъ и пользовать. Его вылечили, и онъ предстоитъ предъ вами умственно здоровый, хотя и истомленный, измученный тяжкою тоскою, подавленный стыдомъ; онъ ни на что не надѣется, онъ только просить отпустить его скорѣе, предать его тому наказанію, которое за его преступленіе назначаетъ законъ, той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ. При такихъ условіяхъ, повидимому, мнѣ нечего и дѣлать, а вамъ нечего и думать, размышлять и колебаться,—вамъ предстоитъ только сказать два слова: да, виновенъ.

Но въ дѣлѣ суда взвѣшиваніе вины подсудимаго никогда не можетъ быть производимо или какъ работа механическая, или какъ исполненіе обряда, формальности: передъ вами не одно дѣйствіе, о которомъ идетъ разговоръ, — нѣтъ сомнѣнія, что оно безусловно преступно, — но живой человѣкъ, душа, въ тайны которой вы должны заглянуть и изучить ея изгибы; законъ снабдилъ васъ широкою властью смягчать суровость кары признаніемъ виновнаго заслуживающимъ снисхожденія. Законъ далъ защитника подсудимому, который бы сказалъ въ пользу его даже и то, чего онъ самъ не могъ и не хочетъ сказать. Мнѣ выпала на долю эта обязанность; исполняя ее, я и берусь изложить все то, что, по моему мнѣнію, не искупитъ, но ослабитъ вину подсудимаго, и доказать, что онъ не столько злой, сколько слабый и легкомысленный человѣкъ.

Шомбергъ-Колонтай — полякъ, и я долженъ благодарить г. прокурора, что онъ воздержался отъ всякихъ намековъ, относящихся къ національности подсудимаго; нѣтъ ничего легче, какъ ругать въ настоящее время

на эту тему, и пользуясь возбужденнымъ состояніемъ общественнаго мнѣнія, вооружать гг. присяжныхъ противъ подсудимаго во имя ненавистной національности. Свои злодѣи есть у всякаго народа. Въ одномъ только случаѣ на поддѣлку и ввозъ монеты могла бы оказывать вліяніе національность подсудимаго, а именно тогда, еслибы это преступленіе имѣло политическій характеръ, если бы оно было совершено съ цѣлью повредить государству, подорвать кредитъ, если бы оно входило въ кругъ дѣйствія революціонной партіи, руководившей въ послѣднее время возстаніемъ. Ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ: Колонтай никакого участія въ послѣднемъ польскомъ движеніи не принималъ, ни съ кѣмъ изъ революціонеровъ, ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ эмиграціи заграницею знакомъ не былъ. Къ преступленію побуждали его только виды и цѣли личные: желаніе поправить свои денежныя обстоятельства. Я ссылаюсь на заключеніе слѣдственной коммисіи, которая устраняетъ всякую мысль о прикосновенности Колонтая къ какимъ либо политическимъ замысламъ. Шомбергъ-Колонтай — дворянинъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ знатныхъ фамилій царства польскаго. Есть законъ въ Уложеніи, по которому, чѣмъ выше состояніе, званіе, тѣмъ строже должно быть наказаніе (2 п. 129); но этотъ законъ не для васъ, гг. присяжные, — онъ для судей. Вы по внутреннему убѣжденію будете судить о человѣкѣ, не стѣсняясь его состояніемъ и званіемъ, такъ какъ они въ дѣйствительности далеко не всегда являются обстоятельствами, отягчающими вину; въ настоящемъ случаѣ они располагаютъ скорѣе къ смягченію, нежели къ строгости, ибо подсудимый, именно потому, что онъ баричъ, былъ весьма дурно воспитанъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ извѣстно, что такое воспитаніе барское; оно одно и тоже всюду. Съ малыхъ лѣтъ ребенка окружаетъ стая боннъ, гувернантокъ; раньше, нежели на языкѣ родномъ, выучивается

онъ щебетать на иностранныхъ языкахъ; съ раннихъ лѣтъ стараются сообщить дѣтямъ свѣтскія манеры, наружную изящность — обманчивый видъ образованности, безъ внутренняго содержанія. Дома твердятъ ему съ малолѣтства, что онъ графъ, что онъ богатъ, что ему незачѣмъ трудиться, — въ модномъ пансіонѣ онъ можетъ пріобрѣсти весьма легкій запасъ поверхностнаго и болѣе, того—ни на что непригоднаго знанія. Онъ не прошелъ великую школу гражданскаго равенства, которую долженъ пройти всякій, кому приходилось на мѣдныя деньги учиться въ одномъ изъ открытыхъ для всѣхъ сословій училищъ общественныхъ. Въ 20 лѣтъ воспитаніе кончено и въ результатѣ выходитъ молодой человѣкъ, совершенный космополитъ, не имѣющій никакого понятія о долгѣ, объ обязанностяхъ въ отношеніи къ обществу, о значеніи денегъ, о великомъ искуствѣ копить деньгу трудомъ, о необходимости избрать извѣстную карьеру и пролагать себѣ трудовую дорогу въ обществѣ, которое не любитъ паразитовъ.—Добрый малый, но пустой, не способный работать, онъ настолько эстетически развитъ, чтобы умѣть жуировать, кутить и наслаждаться, — а такъ какъ у насъ дома и наслаждаться негдѣ порядкомъ, то въ немъ возбуждается непреодолимая наклонность странствовать за границей и искать тамъ самыхъ дорогихъ и самыхъ утонченныхъ удовольствій. Такимъ образомъ Колонтай изъ всѣхъ общественныхъ заведеній вступилъ только въ дворянскій институтъ, въ 1851 г. когда ему было 21 годъ, потомъ поступилъ въ агрономическую школу, но нигдѣ не кончилъ курса. Съ 1856 г. начинаются его путешествія за границею, странствованія безъ цѣли; его забавлялъ, повидимому, процесъ движенія съ мѣста на мѣсто. Наблюдать съ пользою природу, нравы, — на это надо имѣть подготовку, которой не доставало у Колонтая. Его любимая и единственная книга «L' art d'expliquer les songes», а записная книжка содержитъ кабалистическіе знаки, — и то, и другое хорошій матеріалъ для характеристики умственныхъ спо-

собностей Колонтая. Побывавъ на всѣхъ водахъ Европы, онъ былъ съ паспортомъ бельгійца Фіоно на коронаціи въ Москвѣ, въ Италіи доѣхалъ до Неаполя, былъ въ Бостонѣ и Филадельфіи, въ Ріо-де-Жанейро и на Антилахъ. Остался неизвѣданъ только Востокъ; на Востокъ-то и устремились мысли Колонтая, и онъ думалъ только о томъ, какъ бы пробраться въ Тибетъ, куда его приглашалъ старикъ Тимуръ, съ которымъ онъ познакомился въ Лондонѣ, во время выставки. Этотъ Тимуръ упоминается и въ слѣдствіи; я бы счелъ его вымысломъ, если бы не зналъ, что Колонтай вообще справедливый и не любящій лгать человѣкъ, его показанія всѣ подтверждены самымъ точнымъ образомъ при слѣдствіи. Странствованія по обоимъ полушаріямъ требуютъ денегъ, и денегъ притомъ значительныхъ. На эти поѣздки ушло все состояніе Колонтая. Въ 1855 году, раздѣлившись съ братомъ, онъ получилъ 22,500 руб.; потомъ въ 1863 г., по смерти родственника Колонтая, Діонисія, ему досталось 6,000 р.; отъ матери онъ взялъ въ 1864 г. 45,000 р. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, на какихъ условіяхъ эти деньги были даны ему. Есть отзывъ брата, будто они даны на покупку имѣнія; но это никакими доказательствами не подтверждено, такъ что, можетъ быть, мать, которая любила сына, подарила ему эту сумму. Изъ всѣхъ этихъ суммъ, около 74,000 р., у него оставалось немного въ половинѣ 1865 г. — какихъ нибудь 10 — 12 тысячъ руб., а такъ какъ онъ привыкъ роскошно жить и лишенъ былъ всякой способности зарабатывать, то дѣла его начали принимать оборотъ самый критическій. Въ эту критическую минуту подвернулся человѣкъ, который его опуталъ, явился въ видѣ искусителя, и пріобрѣлъ надъ нимъ такое вліяніе, что превратилъ его въ страдательное орудіе своихъ замысловъ. Этотъ человѣкъ былъ еврей Леонъ Кронгольдъ, съ которымъ теперь приходится познакомиться. Въ вольномъ городѣ Краковѣ жила еврейская фамилія Кронгольдовъ, отецъ былъ токарь, семейство было бѣдное. Они пере-

селились въ царство польское, и потомъ въ Варшаву. Старшій сынъ, Лейзеръ, отошелъ отъ родственниковъ, завелъ связь съ цвѣточницею Стирбель, пропалъ безъ вѣсти и очутился заграницею. Скромнаго ремесла было мало для его предпріимчивости. Онъ нашелъ для себя нѣчто получше; изъ-за границы писалъ онъ къ родителямъ, сулилъ имъ золотыя горы, и такимъ образомъ переманилъ ихъ въ Краковъ, куда они и отправились въ началѣ 1864 г. Давидъ и Шива Кронгольдъ остановились въ Бохнѣ; Шива Кронгольдъ разсказывала всюду, что сынъ ей пришлетъ денегъ на покупку помѣстья. Источникъ этихъ ожидаемыхъ благъ былъ очень простой. Леонъ Кронгольдъ сошелся съ дѣлателями фальшивыхъ ассигнацій въ окрестности Манчестера, изъ которыхъ многіе потомъ попались (Шнеуръ, Абрагансонъ) и старался примкнуть къ нимъ и войти съ ними въ союзъ; но чтобы быть сообщникомъ даже ихъ, нужны деньги.— Бумажки, хотя и фальшивыя, а всетаки покупаются. Надобно найти капиталъ, купить на него фальшивыхъ бумажекъ и пустить ихъ въ оборотъ въ Россіи и заграницею. Этой цѣли и старался достигнуть Кронгольдъ, когда случай свелъ его съ Колонтаемъ въ Парижѣ. Кронгольдъ понялъ очень скоро, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; опуталъ Колонтая, одурачилъ и сдѣлалъ изъ него совершенную игрушку.

Они были знакомы по Кракову и потому, что сестра Леона Кронгольда была нѣкогда въ услуженіи у матери Колонтая. Съ услужливостью бывшаго кліента великосвѣтскаго дома Калонтаевъ, Кронгольдъ сталъ, вѣроятно, навязываться графу, и узнавъ, что у графа только остатки значительнаго состоянія — около 10,000, — предложилъ ему «*алмазную*» аферу. Для усыпленія совѣсти, Кронгольдомъ пущены были въ ходъ самыя разнообразныя обольщенія: что купцы ростовскіе и нахичеванскіе разбогатѣли отъ фальшивыхъ ассигнацій, что ихъ весьма много обращается въ Россіи, что ими не брезгаетъ даже заграничная эмиграція. Колонтай поймался на эту удочку

и рѣшился поѣхать съ Кронгольдомъ для покупки 50 руб. бумажекъ по 17 шиллинговъ за штуку. Кронгольдъ выманивалъ у него сотню за сотнею и прибралъ къ своимъ рукамъ почти весь наличный капиталъ Колонтая — 1,500 ф. стерл. На первыхъ же порахъ онъ обсчиталъ Колонтая самымъ очевиднымъ образомъ. За 15,000, по расчету 17 шил. за штуку, Колонтай долженъ былъ получить около 88,000 р. сер. Кронгольдъ обѣщалъ ему 60,000, но далъ ему только 35,000, изъ остальныхъ 5,000 отсчиталъ для своего отца, а 20 тыс. обѣщалъ доставить Колонтаю по прибытіи въ Москву; обѣщанія этого онъ и не думалъ исполнить. Эти деньги, на которыя Кронгольдъ прислалъ Колонтаю квитанцію берлинскаго почтамта, были просто на просто пересланы Кронгольдомъ, черезъ посредство Ротермана, матери Кронгольда, Шивѣ Кронгольдъ. Ротерманы положили деньги въ амбарѣ; крестьянинъ Май, молотя у нихъ хлѣбъ, утащилъ ящикъ съ бумажками, сталъ ихъ продавать по нѣскольку гульденовъ за пачку изъ 10 бумажекъ. Но бумажки были весьма дурно сдѣланы: бумага простая, безъ водяныхъ знаковъ, оборотная сторона, литографія, весьма топорно исполнена; обманъ обнаружился и правительство австрійское накрыло разомъ на 15,000 фальшивыхъ бумажекъ, и на почтѣ оно перехватило цѣлую корреспонденцію монетнаго свойства между Леономъ, Давидомъ и Шивою Кронгольдами, которые, между тѣмъ, успѣли скрыться. Такимъ образомъ выходитъ, что большую часть денегъ, выманенныхъ у Колонтая, Кронгольдъ обратилъ въ свою пользу на пріобрѣтеніе для себя бумажекъ, и что фальшивыя бумажки, 85,000 р., доставшіеся Колонтаю, обошлись ему по 43 шиллинга штука, — сдѣлка безразсудная, цѣна непомѣрно высокая, и только такой неопытный человѣкъ, какъ Колонтай, могъ поддаться на подобную сдѣлку. Кронгольдъ, мало того, что обсчиталъ Колонтая, онъ сталъ еще доить его систематически. Ни одно государство не терпитъ фабрикаціи иностранныхъ бумажекъ. Англійскій законъ и

англійское правосудіе на этотъ счетъ столь же строги, какъ и всѣ другіе. Кронгольдъ сталъ пугать Колонтая, сталъ намекать, что онъ выдастъ, что донесетъ на него, и этимъ способомъ сталъ собирать съ него оброкъ. Колонтай посылалъ ему по почтѣ, вѣроятно, вслѣдствіе такихъ намековъ, два раза по 50 ф. стерл. «Я просто его боюсь», говоритъ Колонтай, и это очень вѣроятно. Этимъ психическимъ вліяніемъ, принужденіемъ, объясняется и то, что Кронгольдъ выманилъ у Колонтая его паспортъ, а его убѣдилъ взять новый, англійскій, на вымышленное имя Стефенсона. Наконецъ, когда Колонтай, собравшись ѣхать въ Россію за «алмазнымъ» дѣломъ, чрезъ Кёльнъ отправился въ Берлинъ, Кронгольдъ нагналъ его въ Берлинѣ и заставилъ дать ему еще 50 ф. стерлинговъ, однимъ словомъ, онъ обдѣлалъ дѣло гладко и обобралъ Колонтая, какъ липку, чисто. Въѣзжая въ предѣлы Россіи, Колонтай имѣлъ всего на всего около 300 ф. стерлинговъ монетами англійскими, французскими и прусскими, ящикъ съ фальшивыми бумажками, самый малый гардеробъ, порядочный запасъ лекарствъ, помады, щипцовъ для завивки волосъ, косметиковъ, пару часовъ и драгоцѣнныхъ камней, колецъ, запонокъ, булавокъ— на сумму 3½ т. по самой высокой оцѣнкѣ. Послѣ пріѣзда въ С.-Петербургъ, Колонтай почувствовалъ, что у него не хватитъ духу быть злодѣемъ, не могъ рѣшиться на выпускъ ассигнацій, почувствовавъ слишкомъ поздно, что это не въ его характерѣ. Такимъ былъ онъ въ Петербургѣ и Москвѣ; прожилъ въ обѣихъ столицахъ весьма кротко, весьма одиноко, на настоящія деньги, которыя у него были. Изъ Москвы Колонтай отправился для исполненія завѣтной мысли своей о путешествіи на Востокъ, чрезъ Нижній на Волгу, вплоть до Астрахани. На пароходѣ познакомился онъ съ богатыми купцами закавказскаго края Кочкачовымъ и Шушановымъ, передъ которыми онъ выдавалъ себя за англійскаго консула, ѣдущаго на Востокъ, и показывалъ алмазный перстень, будто бы подаренный ему королевою. Изъ Астрахани,

въ тарантасѣ Шушанова, доѣхалъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, гдѣ взялъ подорожную до Тифлиса. Въ Дербентѣ его принималъ радушно и гостепріимно Кочкачовъ. Изъ Дербента онъ проѣхалъ въ Баку. Здѣсь граница Персіи, рубежъ Россіи. За исчерпаніемъ всѣхъ почти средствъ пропитанія, кромѣ драгоцѣнностей, на которыя не было покупщика, Колонтай впервые рѣшился пустить въ ходъ темный товаръ—фальшивыя ассигнаціи. Самъ онъ не отважился мѣнять ихъ у купцовъ, а поручилъ это дѣло отставному рядовому Баусову, который ходилъ по базару и громко окликалъ: «кому нужны крупныя деньги?». 11 бумажекъ были розданы, на 12-й Баусова поймали; Баусовъ показалъ на Колонтая, полиція отправилась туда и накрыла Колонтая совершенно неожиданно,—весьма немногія только изъ бумажекъ успѣлъ онъ сжечь въ печкѣ, остальныя были найдены и взяты. Колонтай во всемъ повинился, не запираясь ни на одну минуту. Вотъ подробная и вѣрная дѣйствительности исторія преступленія; она довольно назидательна и наводитъ на бездну размышленій.

Прежде всего, гг. присяжные засѣдатели, передъ вами человѣкъ, который не хуже и не лучше сотенъ и тысячъ другихъ людей, избѣгающихъ наказанія, слабохарактерный, податливый, мягкій, но довѣрчивый бы и добродушный, который поскользнулся и упалъ. Если онъ иначе былъ воспитанъ, если бы съ раннихъ лѣтъ былъ пріученъ работать, то, по всей вѣроятности, онъ пошелъ бы своей дорогой и былъ бы очень порядочнымъ, полезнымъ членомъ общества. Онъ еще не старъ, онъ исполненъ стыда и раскаянія, надломленъ и палъ духомъ, онъ не въ конецъ испорченъ; долгъ справедливости, долгъ человѣколюбія требуетъ оставить ему за жестокимъ наказаніемъ, котораго ему не миновать, какой нибудь выходъ, слабый лучъ надежды на какое нибудь будущее за острогомъ. Слѣдственная коммисія приписала въ одномъ изъ заключеній своихъ Колонтаю необыкновенную жадность къ деньгамъ, которая, будто бы, и склонила его

войти въ сношенія съ поддѣлывателями бумажекъ. Тоже говоритъ теперь и прокуроръ. Я убѣжденъ, что это не такъ. Колонтай человѣкъ безпутный, мотъ, человѣкъ не имѣющій понятія о цѣнности вещей, сорящій деньгами, но онъ не жадный человѣкъ. Если бы онъ былъ жаденъ, то его бы не надулъ Кронгольдъ такимъ очевиднымъ образомъ. Я приведу еще одинъ разительный примѣръ того, какъ мало цѣнилъ свои средства Колонтай: въ Шурѣ, когда у него, кромѣ фальшивыхъ бумажекъ, было всего на все только какихъ нибудь нѣсколько десятковъ рублей, да драгоцѣнности, — средства малыя на дальній восточный путь, — спутникъ его, Шушановъ, даритъ ему бурку, башлыкъ и сумку съ съѣстными припасами, всего на какихъ-нибудь рублей 5 — 6. Колонтай никакъ не хочетъ остаться въ долгу и отблагодарилъ тотчасъ-же Шушанова кольцемъ съ изумрудомъ и бриллiантами, за которое заплатилъ въ Парижѣ 2,600 франковъ. Затѣмъ, гг. присяжные, примите во вниманіе полную и совершенную откровенность Колонтая: съ перваго раза онъ сказалъ, кто онъ, откуда деньги, указалъ на Кронгольда, и съ такою точностью, что по его словамъ и по квитанціи берлинскаго почтамта доискались и открыли цѣлую партію бумажекъ и цѣлое гнѣздо злодѣевъ за границею. Наконецъ, господа присяжные засѣдатели, есть еще одно обстоятельство, которое да будетъ засчитано Колонтаю въ смягченіе наказанія, — долговременность его содержанія подъ стражею: цѣлые три года странствованій по разнымъ тюрьмамъ и острогамъ въ Баку, Тифлисѣ, по разнымъ частямъ С.-Петербурга и въ Литовскомъ замкѣ, при совершенномъ одиночествѣ, потому что родные его оставили на произволъ судьбы, и братъ, проживавшій въ Варшавѣ, отрекся отъ него — ни единаго слова не отвѣтилъ, ни единой копѣйки не прислалъ на улучшеніе содержанія арестанта. Гг. присяжные, будьте сострадательны и милосерды, въ предѣлахъ, предоставляемыхъ вашему состраданію и милосердію самимъ за-

кономъ, — признайте Колонтая заслуживающимъ снисхожденія.

Тов. пр. Красноречивое слово г. защитника имѣетъ цѣлью побудить васъ, гг. присяжные, признать Шомберга-Колонтая заслуживающимъ снисхожденія. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важно въ общественномъ и государственномъ отношеніи, чтобъ можно было на него смотрѣть такъ легко. Какъ готовымъ мотивомъ для снисхожденія г. защитникъ выставилъ то, что Колонтай слабый человѣкъ, что будто Леонъ Кронгольдъ опуталъ его, увлекъ, что, наконецъ, онъ не зналъ цѣнности денегъ, не имѣлъ никакого понятія о спекуляціи, въ которую вовлекъ его другой, что онъ какъ говорится, попалъ въ это дѣло, безъ внутренняго убѣжденія, безъ знанія того, что онъ дѣлаетъ. Гг. присяжные засѣдатели! Вы изволили слышать изъ моей рѣчи и изъ рѣчи г. защитника, что Шомбергъ-Колонтай принадлежитъ къ именитому роду, что онъ получилъ, если и поверхностное, то все таки довольно приличное воспитаніе, что, наконецъ, путешествуя за границей, онъ долженъ былъ развиться. Какъ же онъ пользовался этимъ развитіемъ, какъ онъ исполнилъ тѣ обязанности, которыя лежали на немъ, какъ на человѣкѣ, получившемъ развитіе,— образованномъ? Онъ промоталъ почти всѣ деньги, которыя имѣлъ, за границей; остальныя деньги, которыя онъ могъ съ пользою пустить въ оборотъ, онъ пускаетъ въ оборотъ по такому дѣлу, преступность и гнусность котораго не могла не быть ему извѣстна; онъ пускаетъ въ оборотъ эти деньги, зная тѣ послѣдствія, къ которымъ поведетъ его преступленіе; онъ не могъ не знать, что 35 тысячъ фальшивыхъ рублей могутъ попасть и должны попасть къ людямъ, которые живутъ мелкимъ промысломъ, служебнымъ трудомъ, или занимаются торговлею, и по необходимости будутъ въ убыткѣ, когда обнаружится, что эти деньги, которыя они получили, не имѣютъ никакого значенія—онъ долженъ былъ имѣть это въ виду. Наконецъ, какъ граж-

данинъ, какъ человѣкъ образованный, онъ долженъ былъ болѣе другихъ сознавать значеніе закона, онъ не можетъ отговариваться незнаніемъ того, что законъ въ подобномъ преступленіи видитъ нарушеніе державныхъ правъ государства. Слабохарактерность не извиняетъ человѣка: человѣкъ, какъ существо нравственное, обязанъ сдерживать свои страсти, обязанъ остановиться, когда уже готовъ преступить законъ. Не можетъ быть принято въ уваженіе и то, что его обманулъ другой человѣкъ, вовлекъ его въ преступленіе. Еслибы Шомбергъ-Колонтай не получилъ образованія, тогда еще можно допустить, что другой болѣе образованный человѣкъ могъ вовлечь его въ преступленіе; но если поставимъ на одну доску Шомбергъ-Колонтая и Леона Кронгольда, который не могъ получить того образованія, которое получилъ Шомбергъ-Колонтай, то преимущество развитія останется на сторонѣ Шомбергъ-Колонтая; это развитіе должно было предостеречь отъ всякихъ уловокъ и замысловъ Леона Кронгольда. Далѣе защитникъ поводомъ къ заявленію о снисхожденіи ставитъ то, что Шомбергъ-Колонтай совершилъ преступленіе не изъ алчности, не изъ жадности, что ему неизвѣстна цѣна денегъ; изъ этого онъ выводитъ, что такъ какъ Шомбергъ-Колонтай не понималъ толку въ этомъ дѣлѣ, не понималъ цѣны денегъ, то съ его стороны желанія обогатиться полагать нельзя; но я предоставляю вашему усмотрѣнію рѣшить вопросъ, упустилъ ли онъ изъ виду тѣ денежныя выгоды, которыя представляетъ подобная спекуляція. Ему это дѣло было представлено въ видѣ легкаго средства нажить милліоны; Леонъ Кронгольдъ выставляетъ даже тѣхъ лицъ, которыя на дѣлѣ доказываютъ, какъ выгодна подобнаго рода спекуляція, и Шомбергъ-Колонтай рѣшается послѣдовать совѣту Кронгольда. Но если онъ послѣдовалъ не съ тѣмъ, чтобы обогатиться, то какую онъ искалъ другую цѣль?—Другой цѣли я не вижу и заявлять не имѣю основанія. Такимъ образомъ, всѣ эти доводы, которые

выставилъ защитникъ, съ тѣмъ, чтобы возбудить въ васъ гг. присяжные, чувство милосердія, побудить васъ заявить о снисхожденіи, сами по себѣ не представляютъ достаточнаго основанія въ дѣлахъ уголовнаго правосудія.

Пр. пов. Спасовичъ. Я опять долженъ повторить, что, Колонтай по образованію, по умственному развитію, стоитъ низко. Человѣкъ, который ничего не читалъ, человѣкъ, который, какъ это можно видѣть, и по французски пишетъ не совершенно правильно, такой человѣкъ во всякомъ случаѣ стоитъ низко, ниже Кронгольда. Какъ можно его сравнивать съ Кронгольдомъ, который гораздо его образованнѣе! Что касается до алчности, то я не отрицаю, что алчность была отчасти поводомъ того, что онъ рѣшился на преступленіе; но алчность не есть главная преобладающая черта его характера. Что же касается до виновности, то доказывать его виновность тоже самое, что ломать открытую дверь, онъ виновенъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но вѣдь лежачаго не бьютъ. Для слабаго человѣка, надломленнаго, раскаявшагося будетъ достаточнымъ наказаніемъ и болѣе легкое наказаніе, чѣмъ то, которое опредѣляетъ законъ. Вотъ почему повторяю просьбу о признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія.

Для разрѣшенія гг. присяжныхъ засѣдателей были поставлены судомъ слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ ли подсудимый, именующій себя графомъ, дворянинъ радомской губерніи, сандомирскаго уѣзда,—Шомбергъ-Колонтай въ томъ, что проѣхалъ по Россіи отъ Вержболова до Баку, съ завѣдомо чужимъ паспортомъ англійскаго подданнаго Стефенсона, и въ ложномъ присвоеніи означеннаго званія, имени и фамиліи? 2) Виновенъ ли онъ же, Шомбергъ-Колонтай, въ привозѣ въ Россію и въ провозѣ въ предѣлахъ Имперіи, отъ Вержболова до Баку, купленныхъ имъ за границей, завѣдомо фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства, поддѣланныхъ за границей эстампнымъ и литографическимъ способами? 3) Виновенъ ли онъ же, Колонтай, въ выпускѣ въ обращеніе въ Баку части этихъ фальшивыхъ билетовъ съ знаніемъ лицъ, занимавшихся переводомъ этихъ билетовъ?

На всѣ три вопроса присяжные дали утвердительный отвѣтъ, но притомъ заявили, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія. — По приглашенію предсѣдателя дать заключеніе о наказаніи, слѣдующемъ подсудимому, товарищъ прокурора заявилъ слѣдующее:

Вслѣдствіе приговора гг. присяжныхъ засѣдателей, прошу окружный судъ примѣнить наказаніе по слѣдующимъ статьямъ закона: 1 п. 531, 573, 1 ч. 576, 977, 976, 1416, принявъ во вниманіе 1418 и 152 ст. Улож. о Наказ. и 828 ст. Уст. Угол. Суд.

Пр. пов. Спасовичъ. Шомбергъ-Колонтай совершилъ два преступленія. Первое — подъ чужимъ вымышленнымъ именемъ и не съ принадлежащимъ ему паспортомъ онъ проѣхалъ всю Россію — это преступленіе я оставляю безъ вниманія, потому что наказаніе за него поглощается большимъ наказаніемъ, за второе преступленіе; второе преступленіе—есть распространеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, которое прокурорская власть въ обвинительномъ актѣ старалась разбить на два самостоятельныя: ввозъ въ Россію фальшивыхъ бумажекъ, по 573 ст., и выпускъ ихъ, по 576 ст. Я утверждаю, что это два дѣйствія одного и того же продолжающагося преступленія.

Разница въ обоихъ случаяхъ огромная. Въ первомъ случаѣ, по 1 п. 152, мѣра наказанія назначается за тягчайшее изъ двухъ преступленій, а такъ какъ они совершенно по наказуемости равны, то каторжная работа до 10 лѣтъ. Во второмъ—судъ сохраняетъ полную возможность избирать наказанія въ предѣлѣ maximum'а и minimum'а, и даже смягчить его по облегчающимъ вину обстоятельствамъ. Мою аргументацію основываю на слѣдующемъ. По 573 ст. ввезшій изъ за границы фальшивыя бумажки наказывается какъ участникъ въ самой поддѣлкѣ, хотя бы онъ присталъ къ участію уже въ то время, когда бумажки были поддѣланы. По 576 ст., тотъ, кто будетъ выпускать фальшивыя бумажки, наказывается также, какъ участникъ, и сказано въ законѣ, на основаніи правила, выше сего въ

[redacted]

ст. 573 означеннаго,—слѣдовательно, тоже какъ участникъ, потому что въ статьѣ 573 говорится объ участникахъ. И такъ, оба случая такого соучастія подходятъ подъ одинъ законъ о поддѣлкѣ. Иными словами—поддѣлка кредитныхъ знаковъ есть весьма обширное по закону понятіе, въ которомъ умѣщаются всѣ виды отдѣльныхъ случаевъ: и печатаніе шрифтовъ, и ввозъ въ Россію, и выпускъ. Если такъ, то, по отношенію къ фальшивымъ бумажкамъ, Колонтай виноватъ въ одномъ только продолжающемся преступленіи. Продолженіе преступленія есть понятіе, которое и въ кодексы многіе вошло, и въ теоріи занимаетъ видное мѣсто; объ этомъ много толкуется во всякомъ учебникѣ. Для понятія продолжающагося преступленія необходимо одно преступное намѣреніе, выражающееся въ цѣломъ ряду однородныхъ дѣйствій,—всѣ эти условія налицо. Преступная цѣль: размѣнъ фальшивыхъ бумажекъ на настоящія—и ввозъ въ Россію и выпускъ бумажекъ—только отдѣльныя и однородныя дѣйствія, связуемыя во едино единствемъ намѣренія.—Я поясню мою мысль примѣромъ. Въ Баку посылалъ Колонтай Баусова въ теченіи нѣсколькихъ дней мѣнять то двѣ, то три бумажки, однако онъ не судится за два самостоятельныхъ выпуска фальшивыхъ бумажекъ; такъ точно и за ввозъ и выпускъ онъ не можетъ быть наказанъ какъ за два самостоятельныя преступленія, потому что это только два случая поддѣлки кредитныхъ знаковъ.

Если мое толкованіе будетъ принято и судъ не возьметъ на себя обязанность подвергнуть Колонтая maximum наказанія, то я попрошу судъ обратить вниманіе на то, что онъ имѣетъ власть смягчать наказаніе, независимо отъ смягченія участи подсудимаго присяжными. По смягчающимъ вину обстоятельствамъ, онъ можетъ понизить наказаніе за minimum на 1 и 2 степени. Я и прошу судъ понизить это наказаніе за предѣлы minimum'а—4-хъ лѣтъ каторжной работы, то есть, приговорить Колонтая къ ссылкѣ на поселеніе, по налич-

ности слѣдующихъ уменьшающихъ вину объстоятельствъ 2 п. 134 ст.—полное признаніе, съ раскаяніемъ при первомъ же допросѣ; 3 п.—указаніе всѣхъ участниковъ преступленія, 4 п.—преступленіе учинено имъ по легкомыслью, которымъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ преступленіе. По 152 ст. судъ можетъ понизить такимъ образомъ наказаніе, что Колонтай будетъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, и я прошу именно приговорить его къ этому наказанію.

Тов. пр. Съ этимъ примѣненіемъ наказанія къ настоящему дѣлу, какъ оно излагается защитникомъ, я не могу согласиться на томъ основаніи, что Шомбергъ-Колонтай признанъ виновнымъ въ привозѣ изъ заграницы билетовъ и выпускѣ ихъ въ Россіи, потому здѣсь не одно преступленіе, но, въ виду спеціальнаго закона, въ немъ два момента преступленія. Спеціальный законъ существуетъ, дабы пресѣчь въ самомъ началѣ возможность обращенія въ Россіи фальшивыхъ билетовъ, при этомъ взыскивается за самый провозъ билетовъ чрезъ границу (573 ст.). Затѣмъ, законъ взыскиваетъ за выпускъ въ обращеніе билетовъ. Нельзя соединить этихъ двухъ моментовъ въ одинъ, потому что если кто провезъ билеты изъ заграницы, но не сбылъ ихъ въ Россіи, тотъ уже подлежитъ наказанію, на основаніи 573 ст.; если же привезъ и затѣмъ сбылъ въ Россіи, то онъ совершаетъ еще другое преступленіе, которое предусмотрѣно въ 576 ст. Такимъ образомъ, я полагалъ бы, что наказаніе должно быть выведено по правиламъ совокупности преступленій, такъ какъ Шомбергъ совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное въ спеціальномъ законѣ, въ статьѣ 573, и преступленіе, предусмотрѣнное 576 ст. Что же касается до того, чтобъ наказаніе сбавить на одну или на двѣ степени по заявленію гг. присяжныхъ засѣдателей о томъ, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія, и, кромѣ того, чтобъ судъ примѣняясь къ 774, еще сбавилъ самъ наказаніе, то я долженъ сказать, что такой взглядъ несовсѣмъ согласенъ съ

буквою и духомъ закона. Статья 774, разрѣшающая суду по обстоятельствамъ уменьшать наказаніе, относится къ тѣмъ приговорамъ, которые постановляются безъ участія присяжныхъ засѣдателей; по приговорамъ же, которые постановляются съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судъ имѣетъ ту возможность, которая указана въ 828 статьѣ. 828 ст. не можетъ существовать рядомъ съ 774 ст. Поэтому я прошу окружный судъ назначить наказаніе по правиламъ совокупнаго преступленія, сбавивъ, по 828 ст., наказаніе на одну степень и не примѣняя 774 ст.

Прис. пов. Спасовичъ. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, что, такъ какъ 573 и 576 ст. говорятъ, что ввозъ и выпускъ фальшивыхъ билетовъ считаются какъ участіе въ поддѣлкѣ, слѣдовательно, преступленіе, за которое приговаривается подсудимый къ наказанію, есть только поддѣлка; что касается до смягченія судомъ наказанія, то это совершенно не зависитъ отъ признанія гг. присяжными засѣдателями подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, потому что въ законѣ опредѣлены уменьшающія вину обстоятельства, которыя не обязательны для гг. присяжныхъ засѣдателей, а обязательны только для суда. А такъ какъ есть драгоцѣнныя вещи, принадлежащія Колонтаю, если онъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, то съ нихъ должно быть взыскано въ видѣ штрафа столько, сколько выпущено билетовъ, на основаніи 573 ст.

Тов. прок. Я долженъ опять повторить, что 774 ст. не касается до приговоровъ, постановленныхъ съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей, иначе она была бы помѣщена въ отдѣлѣ 3, главы 9 Устава. Что же касается до заявленія о вещахъ, то прошу судъ принять во вниманіе законы, которые установлены на случай вознагражденія за убытки съ имущества подсудимыхъ.

По обсужденіи дѣла, судъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

На основаніи 6 степ. 19, 1 степ. 20, 2 пун. 152, 2 п. 571 и 573, 1 ч. 576, 976 и 977 ст. Улож. о наказ., изд. 1866 года, и 828 ст.

Уст. Угол. Судопр., именующаго себя графомъ, дворянина радомской губерніи, сандомирскаго уѣзда, Евстафія Шомбергъ-Колонтая, 36 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, взыскавъ съ него, Шомбергъ-Колонтая, или его имущества: 1) одну тысячу рублей, какъ сумму равную представляемой количествомъ выпущенныхъ имъ двадцати фальшивыхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства, и 2) судебныя по настоящему дѣлу издержки.

3.

Дѣло объ отставномъ инженеръ-штабсъ-капитанѣ Владимірѣ Ивановѣ Шишкинѣ и женѣ его, Вѣрѣ Ивановой Шишкиной, обвиняемыхъ въ присвоеніи и растратѣ чужого имущества.

Бывшая вдова выборгскаго первостатейнаго купца Ландсберга, жена отставного инженеръ штабсъ-капитана, Вѣра Ивановна Шишкина и мужъ ея (по второму браку), отставной военный инженеръ штабсъ-капитанъ, Владиміръ Ивановъ Шишкинъ обвинялись въ томъ, что, утаивъ обманнымъ образомъ отъ описи, присвоили себѣ значительную часть оставшагося послѣ умершаго, 20 октября 1863 г., выборгскаго первостатейнаго купца Давида Ландсберга движимаго имущества какъ то: цѣнную мебель, экипажи, серебряныя издѣлія, бриліанты, жемчугъ и прочее, а также денежные капиталы, всего по приблизительному разсчету сына его, Абрама Ландсберга, на 178,000 р., что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 151, 1665 и 1666 ст. Улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по Уголовному Отдѣленію 28—31 августа 1867 года.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели!

Я слушалъ со вниманіемъ прекрасную, строго логичную, сдержанную рѣчь товарища прокурора, и затѣмъ я все-таки остаюсь въ недоумѣніи; я задаю себѣ вопросъ: въ какомъ преступленіи прокуроръ обвиняетъ подсудимыхъ?—Онъ сказалъ въ утайкѣ. Беру и пере-

листываю уложеніе, —такого преступленія нѣтъ въ уложеніи; тамъ есть кража, разбой, присвоеніе и растрата чужого имущества, но утайки нѣтъ. Для того, чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, — въ какомъ преступленіи желаетъ товарищъ прокурора обвинить подсудимыхъ, въ чемъ состоитъ то преступное дѣяніе, въ которомъ обвиняются подсудимые,—я долженъ былъ обратиться къ судебному слѣдствію и къ обвинительному акту. Судебное слѣдствіе приводитъ меня къ заключенію, что подсудимые обвиняются въ преступленіи, которое составляетъ прямое воровство-мошенничество; въ обвинительномъ актѣ говорится, что они преданы суду на основаніи 1665 ст. Улож., которая говоритъ дѣйствительно о воровствѣ-мошенничествѣ. Такимъ образомъ, необходимо, чтобы дѣянія, которыя приписывались подсудимымъ, были вмѣнены имъ въ вину, подходили подъ опредѣленіе этого закона. По опредѣленію закона, для того, чтобы существовало мошенничество, необходимо вовлеченіе кого нибудь въ убыточную сдѣлку посредствомъ обмана; такъ да будетъ позволено мнѣ привести такой примѣръ: если купецъ кого либо обмѣритъ или обвѣситъ, или продастъ фальшивый товаръ, то это будетъ прямое мошенничество. Нуженъ обманъ, посредствомъ котораго владѣлецъ сдѣлки вступилъ бы въ нее по доброй волѣ. Могутъ быть другаго рода преступленія обманы или лжи, но если этотъ обманъ или ложь не ведутъ къ сдѣлкѣ, то преступленіе не можетъ быть названо мошенничествомъ; такъ, еслибъ воръ вошелъ въ лавку и сказалъ купцу, «смотри, лавка горитъ», и пользуясь отвлеченіемъ вниманія купца, схватилъ бы что нибудь изъ лавки и бѣжалъ; еслибъ кто нибудь подъ вымышленнымъ предлогомъ вошелъ въ квартиру и пользуясь этимъ унесъ бы что нибудь, то это была бы просто кража. И такъ, полагаю, что главный признакъ мошенничества — то [illegible], въ сдѣлку одна сторона вовлечена обманомъ, ду- [illegible] что эта сдѣлка доставитъ выгоды, что эта сдѣлка [illegible] выгодна. Если обратиться къ закону, къ статьѣ

1665, то въ ней преступленіе мошенничество такъ опредѣлено: «мошенничествомъ признается всякое посредствомъ какого либо обмана учиненное похищеніе чужихъ вещей, денегъ или инаго движимаго имущества». Такимъ образомъ, въ этомъ опредѣленіи есть три признака, которые должны быть признаны въ дѣяніи того, кого мы хотимъ обвинить вь мошенничествѣ. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что предметомъ преступленія должны быть вещи чужія, то есть, кому либо другому въ собственность принадлежащія; 2-й —вещи эти должны быть похищены, т. е., должны быть взяты преступникомъ изъ чужаго владѣнія и переведены въ его владѣніе, и 3-й—онѣ должны быть похищены при посредствѣ обмана того лица, кому вещи принадлежатъ.

Примѣнимъ эти три признака,—разсмотримъ, есть ли они въ дѣяніи, которое вмѣстѣ совершили Шишкины. Что касается до перваго признака, т. е. того, есть ли вещи, составляющія предметъ преступленія, чужія, то есть, кому либо въ собственность принадлежащія, то я скажу, что это сомнительно. Вещи принадлежали Ландсбергу, но онъ умеръ, слѣдовательно вещи были еще безхозяиныя или, очевидно, вещи принадлежали наслѣдникамъ; одна изъ наслѣдницъ—Вѣра Шишкина, другая—дочь Ландсберга; другіе наслѣдники были или нѣтъ, этого не знаемъ,—такъ какъ процесъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства кого бы то ни было не конченъ; Ландсбергъ былъ выборгскій купецъ и вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи финляндскихъ законовъ, въ которыхъ мы всѣ, сколько насъ ни есть, некомпетентны. Несмотря на то, что мой отводъ былъ отвергнутъ судомъ, я думаю все-таки, что Абрамъ Ландсбергъ неутвержденъ еще въ правахъ наслѣдства. Послѣ Ландсберга осталось имущество движимое и недвижимое; что касается до недвижимаго имущества, то вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается тѣми судебными мѣстами, гдѣ находится недвижимое имущество, и такъ какъ это недвижимое имущество здѣсь, то оно подлежитъ дѣй-

ствію русскихъ законовъ; но что касается до движимаго имущества, то раздѣлъ его совершается по финляндскимъ законамъ, а хотя по этому дѣлу есть постановленіе финляндскаго суда первой степени, но оно до такой степени неясно, что изъ него вытекаетъ сомнѣніе. Тамъ не сказано, что раздѣлъ вступилъ въ законную силу, но сказано, что онъ имѣетъ законную силу потому, что не предъявлено опроверженіе. Изъ этого слѣдуетъ, что если будетъ представлено опроверженіе, то еще Абрамъ Ландсбергъ можетъ быть и не признанъ наслѣдникомъ. Господинъ товарищъ прокурора заявилъ, что еслибъ даже наслѣдниковъ и не было, то онъ все-таки обвинилъ бы Шишкиныхъ въ воровствѣ-мошенничествѣ; здѣсь, въ обвинительной рѣчи, онъ проводилъ мысль, будто наслѣдникомъ послѣ Ландсберга является казна. Признаюсь, въ X томѣ Св. Законовъ нѣтъ такого вида наслѣдованія. Если къ несостоятельному откупщику казна простираетъ свои претензіи, то она можетъ явиться въ видѣ кредитора, наряду съ другими кредиторами, но никакъ не въ видѣ наслѣдника, и это дѣлалось тысячу разъ и постоянно, на каждомъ шагу, встрѣчается, что если послѣ умершаго остаются деньги и кредиторы простираютъ свои претензіи на имущество, то наслѣдники отвѣчаютъ за эти долги, и если не совершена, не сдѣлана опись имущества, оставшагося послѣ умершаго, то кредиторы не только довольствуются всѣмъ тѣмъ имуществомъ, которое осталось послѣ умершаго и перешло къ наслѣдникамъ, но они имѣютъ право простирать свою претензію и на собственное имущество наслѣдниковъ. Слѣдовательно, если бы Шишкиной, какъ наслѣдницей, не были соблюдены формальности, не была составлена опись, то и тогда бы это имѣло только гражданскія послѣдствія, но ни въ какомъ случаѣ она не могла бы быть обвиняема въ воровствѣ-мошенничествѣ.— Что касается до второго признака, т. е. до похищенія вещей изъ чужого владѣнія, то я не вижу чтобъ этотъ признакъ существовалъ въ настоящемъ дѣлѣ. Вѣра

Ивановна Шишкина осталась вдовою, мужъ ея умеръ, вещи остались на ея рукахъ. Наконецъ, третьяго признака здѣсь я тоже не вижу. Признакъ этотъ—обманъ. Обманъ этотъ можетъ быть только въ отношеніи третьяго лица, именно: посредствомъ этого обмана третье лицо должно было быть вовлечено въ невыгодную сдѣлку. Такимъ лицомъ могли быть только наслѣдники, а наслѣдниковъ-то и не было въ то время, когда совершались тѣ дѣйствія, о которыхъ говоритъ обвиненіе.— Такимъ образомъ, думаю, что за неимѣніемъ признаковъ, которые требуются для понятія мошенничества, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи: если нѣтъ признаковъ, которыми характеризуется преступленіе, то нѣтъ и самаго преступленія. Я думаю, что гораздо было бы ближе обвинить Шишкиныхъ въ присвоеніи и растратѣ чужой собственности; но опять здѣсь встрѣчается затрудненіе въ томъ, что законъ наказываетъ только за присвоеніе чужаго ввѣреннаго имущества. Здѣсь нѣтъ ввѣренной собственности,—потому что принятія на сохраненіе не было, и я опять повторяю, что къ Шишкиной вещи перешли самымъ естественнымъ образомъ.—Кромѣ того, въ отношеніи присвоенія и растраты имущества, является еще вопросъ: кто такіе были наслѣдники, чье имущество было присвоено и растрачено? Вопросъ этотъ никакимъ образомъ иначе не можетъ быть рѣшенъ, какъ на основаніи финляндскихъ законовъ, въ которыхъ вы, господа присяжные засѣдатели, некомпетентны и вопроса этого потому рѣшить не можете. Здѣсь вы находитесь въ такомъ же положеніи, какъ еслибы въ дѣлѣ отравленія васъ заставили судить человѣка и сказали, что не будетъ спрошенъ медикъ о томъ, есть ли въ тѣлѣ этого человѣка несомнѣнные признаки яда, или нѣтъ. Такимъ образомъ, вамъ былъ бы поставленъ вопросъ, о которомъ вы должны были бы сказать «да» или «нѣтъ», хотя между вами нѣтъ ни одного человѣка, который бы зналъ толкъ въ этомъ вопросѣ. Я думаю, что съ какой бы стороны ни брать эти дѣйствія Шишкиныхъ, вы

постоянно будете наталкиваться на одно сомнѣніе,—а если въ процесѣ уголовномъ, съ присяжными засѣдателями, встрѣчается какое нибудь сомнѣніе на счетъ виновности подсудимаго, на счетъ примѣненія къ нему закона, то для присяжныхъ засѣдателей нѣтъ другаго выхода, какъ только сказать: «*нѣтъ, невиновенъ*». Вотъ о произнесеніи этихъ то словъ я и буду просить васъ, гг. присяжные засѣдатели. Я повторяю и буду повторять еще много разъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, надъ всѣмъ высится одинъ большой гражданскій вопросъ: что дѣло пошло неправильно путемъ уголовнымъ, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы идти путемъ гражданскимъ.

Еслибъ я защищалъ дѣло въ судѣ безъ присяжныхъ засѣдателей, то, можетъ быть, на этомъ и окончилась бы моя защита; но въ судѣ съ присяжными засѣдателями я на это не рѣшаюсь, потому что въ такомъ судѣ весьма важное значеніе, кромѣ юридической стороны дѣла, съ которой моя довѣрительница неуязвима, имѣетъ нравственная сторона. Я не желаю, чтобъ, моя довѣрительница вышла изъ дѣла хотя и оправданною, но съ извѣстными упреками въ неблаговидномъ образѣ дѣйствій; я не хочу оставить Вѣру Ивановну подъ гнетомъ тяжкаго упрека въ неблаговидныхъ поступкахъ. Вотъ почему я долженъ войти въ подробное разсмотрѣніе обвиненія. Обвиненіе съ большимъ искуствомъ сгрупировало факты, освѣтило ихъ извѣстнымъ образомъ и бросило темную полосу тѣни отъ этой группы фактовъ на характеръ, образъ дѣйствій и отношенія подсудимыхъ. Судебное слѣдствіе отчасти разломало это зданіе; весьма многія обвиненія уже отошли, цѣлые куски отвалились, цѣлые своды треснули, остается разрушить и обратить въ сыпь эти остатки зданія обвинительнаго акта, построеннаго съ такимъ трудомъ, съ такимъ искуствомъ; кромѣ того, я долженъ еще отвѣчать гражданскому истцу,—я долженъ устранить малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ томъ, что

образъ дѣйствій моей довѣрительницы былъ дуренъ, долженъ буду приступить къ разбору имущества, оставшагося послѣ Давида Ландсберга, по мелочамъ. Но прежде чѣмъ приступить къ этому, я обращусь къ тому, каковы были отношенія Ландсберга къ женѣ, съ начала супружества до конца, и къ Шишкину.

Въ городѣ Проскуровѣ, подольской губерніи, жилъ еврей—купецъ, Давидъ-Лейба Ландсбергъ, женатый на Мосци Дзойрѣ, родившійся около 1798 г. или 1799—(по 8 ревизіи 1834 г. ему значится въ сказкахъ 35 л.)—и прижившій съ нею многочисленное потомство: сына Абрама и 5 дочерей. Около 1836 г. Давидъ Ландсбергъ бросилъ жену, оставилъ семью, отдѣлился отъ нихъ съ тѣмъ, повидимому, чтобы никогда къ нимъ не возвращаться, поѣхалъ въ Петербургъ, сталъ странствовать по Россіи и Финляндіи, занимаясь разными болѣе или менѣе удачными спекуляціями, нажился и поставилъ себя такимъ образомъ въ обществѣ, что если не былъ богатъ, то, однако, все-таки считаемъ былъ за богатаго человѣка. Въ то время, когда онъ появился на петербургской аренѣ, главнымъ препятствіемъ успѣховъ его дѣятельности служило вѣроисповѣданіе, которое не допускало, при жизни въ Петербургѣ, пользоваться правами гражданскими. Дабы одолѣть это препятствіе Давидъ Ландсбергъ принялъ въ 1836 г. христіанскую вѣру и, какъ христіанинъ, записался въ выборгскіе первостатейные купцы. Главнымъ предметомъ его спекуляцій были питейные откупа, посредствомъ которыхъ, какъ извѣстно, можно было и милліоны заработать и столь же легко ихъ спустить. Лѣтъ 20 прошло съ тѣхъ поръ, когда Ландсбергъ, уже старикъ подъ 60 лѣтъ, съ виду бодрый и хорошо сохранившійся, присватался къ молоденькой дѣвицѣ изъ купеческаго званія, дочери богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, весьма достаточныхъ родителей, Вѣрѣ Ивановнѣ Калугиной, которой было всего на все 22 года, и получилъ согласіе на вступленіе съ нею въ бракъ. Передъ невѣстою и передъ свѣтомъ

Ландсбергъ скрывалъ тщательно свои лѣта, и свое недавнее прошлое бѣднаго проскуровскаго купца, и являлся въ видѣ свѣтскаго, хорошо образованнаго, на многихъ языкахъ говорящаго холостяка, если не въ цвѣтѣ, то и не на склонѣ лѣтъ.

Вѣнчаніе происходило въ Морскомъ Богоявленскомъ соборѣ, на Адмиралтейской площади, 6 октября 1857 г. Жениху показали всего 47 лѣтъ, а такъ какъ при запискѣ въ выборгскіе граждане онъ названъ холостымъ, также и въ прибрачномъ обыскѣ онъ назвалъ себя холостымъ; холостымъ онъ названъ въ свидѣтельствѣ пастора Аншпаха, холостымъ его признавали и свидѣтели по немъ, и въ метрикѣ бракосочетанія Вѣра Ивановна названа женою перваго его законнаго брака. Вскорѣ послѣ вступленія въ бракъ обнаружилось, чего собственно хотѣлъ достигнуть Ландсбергъ: ему нужна была нестолько жена, сколько сидѣлка, которая бы ухаживала и присматривала за нимъ. Отъ брака этого родилась одна только дочь Евгенія, малолѣтняя теперь (9 л.), затѣмъ больше дѣтей и не могло родиться.

Ландсбергъ пораженъ былъ страшною болѣзнію. Четыре года длились эти страданія,—четыре года Вѣра Ивановна исполняла обязанности присматривающей за мужемъ подруги—4 года скуки, одиночества, возни съ больнымъ старикомъ, обреченнымъ на неминуемую смерть. Одно только обстоятельство разсѣевало эту скуку и вносило немного разнообразія въ жизнь супруговъ Ландсберговъ, —это знакомство, дружба и услуги теперешняго мужа Вѣры Ивановны, Владиміра Ивановича Шишкина. Да, гг. присяжные засѣдатели, дружба! Я долженъ прежде всего говорить истину и буду ее говорить, не стѣсняясь никакими соображеніями, ни даже улыбкою недовѣрія на счетъ того, какъ можно быть въ одно и тоже время и другомъ стараго мужа, и другомъ хорошенькой молоденькой жены. Да, гг. присяжные засѣдатели, Шишкинъ былъ другомъ Ландсберга. Ландсбергъ понималъ свое положеніе: онъ зналъ, что и по возрасту, и по здоровью

его отношенія къ женѣ должны походить на отношенія отца къ дочери; онъ былъ сердечно радъ тому, что его женѣ было съ кѣмъ иногда поѣхать въ театръ, на концертъ и проч. Шишкинъ былъ человѣкъ домашній и бывалъ въ послѣдніе годы почти ежедневно. Ландсбергъ зналъ, что по смерти жена его выйдетъ замужъ за Шишкина, онъ благословилъ передъ смертью этотъ бракъ, онъ не ощущалъ никакой ревности, напротивъ того, находилъ утѣшеніе въ той мысли, что жена его, которая окружала его въ теченіи многихъ лѣтъ столь нѣжнымъ попеченіемъ, найдетъ то счастіе, котораго онъ не былъ въ состояніи ей доставить.

Никогда, — ни прежде, ни послѣ — до самой своей кончины, послѣдовавшей 20 октября 1863 года, Ландсбергъ ничего не говорилъ Шишкину и женѣ на счетъ своего прежняго брака, ни на счетъ своей еврейской семьи. Близкому знакомому своему Малеру онъ сообщилъ, что у него есть родные, и изъ показаній Малера видно, что когда сынъ его, Абрамъ, пріѣхалъ, то покойный выпроводилъ его очень скоро, давъ ему рублей 50 на дорогу, потому что «безпорядки будутъ въ семьѣ». Г. Абрамъ Ландсбергъ утверждаетъ, что онъ былъ представленъ г-жѣ Ландсбергъ, что онъ состоялъ съ отцомъ въ корреспонденціи. Но я просто на просто считаю оба эти обстоятельства выдумкою и измышленіемъ, во-первыхъ, потому, что онъ не могъ разсказать даже, при какихъ условіяхъ совершилось это представленіе; во-вторыхъ, потому, что онъ не представилъ ни одного клочка бумажки, написанной отцемъ. Ландсбергъ какъ будто отрекся отъ своей семьи, какъ будто эта семья вовсе не существовала, такъ что, когда онъ умеръ, Вѣра Ивановна была вполнѣ увѣрена, что она и малолѣтняя дочь ея, Евгенія, единственныя наслѣдницы всего оставшагося послѣ Ландсберга имущества. Она была въ высшей степени удивлена, когда не успѣлъ еще остыть трупъ Ландсберга, а уже явилась полиція дѣлать опись имуществу покойнаго, опечатывать мебель, комнаты,

рухлядь. Она была еще болѣе изумлена и приведена въ негодованіе, когда внезапно передъ нею выросъ, будто грибъ изъ земли, Абрамъ Ландсбергъ съ своими сестрами, окруженный вліятельными лицами изъ евреевъ, поддерживаемый раввиномъ Нейманомъ и снабженный приказомъ князя Суворова о производствѣ уголовнаго слѣдствія. Спрашивается, могла ли она и ея женихъ и совѣтникъ, Шишкинъ, отнестись иначе къ Абраму Ландсбергу. Они сочли его самозванцемъ, а себя жертвами гнусной еврейской интриги, и рѣшились въ полномъ сознаніи своей правоты отстаивать свое добро. Вѣра Ивановна защищалась какъ мать, съ полною увѣренностью въ правотѣ своего дѣла и съ благою цѣлью спасти достояніе своего ребенка, на котораго простирали руку неизвѣстные пришлецы иного рода, племени и закона. Теперь мы знаемъ, что Абрамъ Ландсбергъ имѣлъ отчасти право дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, какъ сынъ; но что онъ сынъ, того Вѣра Ивановна не знала и въ то не вѣрила до послѣдняго времени. Началась упорная борьба между двумя сторонами изъ-за вещей: накладываніе и сниманіе печатей, понужденіе къ производству и противодѣйствіе противъ описей, заборы вещей и распоряженіе ими какъ своими собственными, въ полной увѣренности, что онѣ составляютъ дѣйствительно собственность. Настойчивость, съ которою дѣйствовали Шишкины при отстаиваніи того, что они считали своимъ правомъ, страшно повредила имъ и привела ихъ на скамью подсудимыхъ. Если бы они предвидѣли этотъ вредъ, то они предпочли бы приплатить свое, откупиться, лишь бы уйти имъ отъ напасти и не сидѣть въ острогѣ. Но побудительныя причины этой настойчивости столь естественны, столь понятны, что гг. присяжные не откажутся войти въ ихъ положеніе и посмотрѣть на дѣло ихъ глазами.

Перенесемся мысленно въ моментъ, когда по словамъ обвинительнаго акта, началась преступная дѣятельность Шишкиныхъ — въ моментъ смерти Ландсберга,

20 октября, и посмотримъ, какого рода была эта дѣятельность, въ чемъ они и въ какой степени являются преступниками и нарушителями закона. Обвиненіе говоритъ, что они захватили, заграбили имущество, оставшееся послѣ Ландсберга. Спрашивается, изъ чего слагалось это имущество? Когда мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ, то и хозяйство у нихъ бываетъ общее; на мебель и рухлядь не наклеиваются ярлыки съ обозначеніемъ, что мужнино, что женино; все смѣшано: мужъ пользуется вещами жены и, не обинуясь, можетъ выдавать ихъ за свои, наоборотъ, также и жена. Заставъ у Ландсберга такое смѣшеніе вещей, обвиненіе стало на ошибочную точку зрѣнія и предпослало раздѣлу имущества супруговъ, который оно старалось совершить, ту ложную, по моему мнѣнію, посылку, что все то, въ общей массѣ мужнино, относительно чего жена не можетъ доказать положительными фактами, что оно принадлежитъ ей въ исключительную собственность. Въ доказательство того, что мужъ — владѣтель массы, а жена— изъятіе изъ этой массы, предъявлялись сторонами самыя странныя соображенія. Изъ мѣдной бляхи на дверяхъ «D. L. Landsberg», бляхи, которая должна была указывать посѣтителямъ, что въ квартирѣ живетъ такой-то, г. Абрамъ Ландсбергъ выводитъ заключеніе, что все за этими дверями въ квартирѣ принадлежало Д. Л. Ландсбергу. Въ доказательство, что у Д. Ландсберга были капиталы и драгоцѣнности, и что они похищены, указывалось и на несгораемый шкафъ, который оказался пустъ, и на страховой полисъ Royal, по которому вещи въ квартирѣ Ландсберга застраховывались съ 1860 по 1864 г., въ 15,000 р.; какъ будто не бывало примѣровъ, что мужъ страхуетъ на одно свое имя общее семейственное имущество, какъ будто бы не бывало примѣровъ, что разъ застрахованное имущество страхуется въ ту же цѣну и въ послѣдующіе годы, хотя бы составъ его измѣнился — прибыло или убыло изъ него многое. Другая ошибочная посылка въ обвиненіи та, что обвиненіе,

принимая на вѣру и безъ критики показанія Абрама Ландсберга и его друзей о богатствѣ и капиталахъ Д. Ландсберга, не подтвердившіяся потомъ послѣ смерти его,—все, что не оказалось, относило на счетъ расхищенія его имущества Шишкиными, а всякія деньги и всякіе капиталы, которые усмотрѣны потомъ въ рукахъ у Шишкиныхъ, считаются неизбѣжно происходящими изъ этого источника, то есть, изъ расхищенія имуществъ Д. Ландсберга. Всего разительнѣе замѣтна эта особенность во всемъ относящемся до *денежныхъ капиталовъ* Д. Ландсберга, которыхъ разборомъ и повѣркою я прежде всего займусь.

Денежные капиталы Д. Ландсберга хранились за его ключемъ, въ его письменномъ столѣ, въ комнатѣ, которая въ послѣднее время служила ему и спальнею, и кабинетомъ. Въ этомъ кабинетѣ, гдѣ лежалъ онъ за занавѣсью и шкафомъ, 3 послѣдніе дня сторожила его безвыходно женщина, заслуживающая всякаго довѣрія — сидѣлка изъ сердобольныхъ, Евдокія Кузнецова, которой присяжное показаніе имѣется въ дѣлѣ. Въ комнату изрѣдка входили слуги и жена. Когда Ландсбергъ скончался, то прислуга засуетилась около трупа—стали его обмывать, а дворникъ побѣжалъ за полиціею. При Кузнецовой никто ничего не бралъ, не вынималъ изъ-подъ подушки, не искалъ ключа или бумажника, не ходилъ въ столъ или въ шкафъ, а такъ какъ тотчасъ же явилась и полиція и за неотысканіемъ ключа отъ шкафа, надзиратель Черкасовъ, не открывая стола, запечаталъ комнату печатями полиціи, то показаніе Кузнецовой вмѣстѣ съ актомъ, составленнымъ Черкасовымъ, и съ показаніемъ обмывавшаго трупъ дворника, Степана Васильева, не видавшихъ ни ключа, ни бумажника, исключаютъ всякую вѣру допустить расхищеніе бумагъ и капиталовъ, бывшихъ во владѣніи Ландсберга въ моментъ его смерти. Послѣ смерти мужа, во время предварительнаго слѣдствія и до сихъ поръ, жена Ландсберга заявила, что у него было 2,000 рублей, припасенные къ поѣздкѣ за-

границу, но эти самыя деньги были израсходованы на погребеніе. Гражданскій истецъ оспариваетъ, чтобы всѣ деньги употреблены были на похороны. Не знаю, на чемъ основываетъ онъ свой споръ; вѣроятно на томъ, что въ виду его не были многіе расходы, напр. на свѣчи и т. п. Когда впослѣдствіи сняты были печати и всѣ бумаги, находившіяся въ комнатѣ Ландсберга, подвергнуты описи, то у него не оказалось никакихъ наличныхъ капиталовъ, кромѣ векселей на 11,000. Изъ того, что капиталовъ не оказалось, обвиненіе выводить не то заключеніе, что у Ландсберга ихъ не было, а то, что они были похищены. Что гражданскому истцу выгодно насчитывать баснословныя суммы и утверждать, что у Давида Ландсберга должно быть на 24,000 векселей, на 100,000 именныхъ банковыхъ билетовъ и на 38,000 облигацій городскаго кредитнаго общества (162 т.),— это понятно, это въ порядкѣ вещей. Я даже удивляюсь скромности вычисленій—можно было насчитать до милліона. Но я удивляюсь, что въ обвинительный актъ вошли, какъ серьезные факты уличающіе подсудимыхъ, голословные извѣты Абрама Ландсберга, который при отцѣ не былъ и только послѣ его смерти прибылъ въ Петербургъ, раввина Неймана, который съ 1863 г. поселился въ Петербургѣ и никогда съ Ландсбергомъ не имѣлъ знакомства, или г. Малиса, который никогда у Ландсберга не бывалъ. Нисколько не желая порочить лицо гражданскаго истца, я только утверждаю, что онъ здѣсь сторона заинтересованная, сторона незаслуживающая вѣроятія. Нужны положительныя доказательства. Доказательствъ, правда, приведена куча; разберемъ ихъ по одиночкѣ. Служанка Хрущевыхъ, Марья Никольская, слышала отъ няни Хрущевыхъ, Афимьи Ивановой, будто Вѣра Ивановна, въ моментъ смерти мужа, передала Шишкину 40,000. Что это? свидѣтельство по слуху. Законъ воспрещаетъ допрашивать по слухамъ, да и Афимья Иванова вчерашній день не подтвердила ссылки. Служанка Марья Циммеръ чрезъ замочную скважину

видѣла, какъ въ маѣ 1864 года Вѣра Ивановна отсчитывала мужу 50,000, вынутыхъ изъ шкафа; но потомъ въ своемъ показаніи она показала, что Шишкина дала мужу 25 руб; потомъ сказала, что Шишкина передала нѣсколько ассигнацій, но сколько—не знаетъ. Но если и правда, что Шишкина, въ маѣ 1864 года, передавава деньги, то что же изъ этого слѣдуетъ? Если она имѣла деньги, а, кажется, тогда уже могла имѣть деньги, и я укажу откуда она могла передать ихъ своему мужу. Другія свидѣтельскія показанія доказываютъ, что Ландсбергъ располагалъ нѣкоторыми средствами. Лури мѣнялъ ему билетъ въ 10,000 р. но это было за три года передъ смертью. Осипъ Васильевъ видѣлъ, когда Ландсбергъ вынималъ купонъ отъ билетовъ на 257 руб., но это было за нѣсколько лѣтъ передъ смертью; затѣмъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ онъ покупалъ билеты у мѣнялъ Смирнова и Скворцова, но это было тогда, когда дѣла его не были въ дурномъ положеніи, когда онъ еще имѣлъ откупа, и покупка его не выходила изъ предѣловъ 12,000—15,000. Оборотъ не столь значительный, по его оборотамъ. Можетъ быть покажется ложнымъ показаніе Малера. Г. Малеръ (Андрей) видѣлъ у Ландсберга въ іюнѣ (за три мѣсяца до смерти) 33,000 р. серіями. Малеръ могъ ошибиться, могъ не сосчитать эту сумму,—онъ вышелъ тогда только что изъ больницы, гдѣ его лечили отъ разстройства нервной мозговой системы, тѣбмъ болѣе, что все ограничилось тѣмъ, что Ландсбергъ, показавъ пачку серій, сказалъ ему, что тамъ 33,000 р. Эти загадочныя серіи могли уйти куда нибудь по распоряженію самого Ландсберга въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ его жизни. Я постараюсь впослѣдствіи доказать, что, умирая, Ландсбергъ былъ голъ, какъ соколъ, и потому наличность серій болѣе нежели сомнительна. Вообще относительно Малера я вотъ что замѣчу: я нисколько не сомнѣваюсь въ его добросовѣстности, но нѣсколько рѣзкихъ промаховъ относительно времени, когда онъ вышелъ изъ боль-

ницы, доказываютъ, что память его далеко не надежна. Кромѣ того, Малеръ, по моему мнѣнію, человѣкъ увлекающійся и до того подчиненный авторитету лица, которому онъ служилъ, котораго превосходство денежное и моральное онъ признаетъ, что это подчиненіе превратилось въ культъ, въ обожаніе. Все, что ни дѣлаетъ г. Ландсбергъ, хорошо; онъ покупаетъ хорошія вещи, онъ только покупаетъ и ничего не продаетъ, экипажи у него хорошіе, долговъ никакихъ нѣтъ, откупныя дѣла шли превосходно и т. д. Очевидно, что при такомъ розовомъ взглядѣ на предметъ своего поклоненія г. Малеръ естественно долженъ былъ придти къ тому предположенію, что все, что ни есть у Ландсберга, принадлежитъ ему: домъ, серебро и бриліанты, которые надѣвала жена его, не смотря на то, что въ то же время онъ же, Малеръ, хвалилъ вещи, весьма не подходящія къ такому гиперболическому восхваленію достатковъ Ландсберга, напр., что проживалъ Ландсбергъ всего отъ 5,000 до 6,000 въ годъ. Да это для откупщика болѣе, чѣмъ скромно, просто бѣдно. Въ показаніяхъ Малера необходимо отдѣлить дѣйствительное отъ предположеній, основанныхъ на собственныхъ и совершенно своеобразныхъ умозаключеніяхъ свидѣтеля. Не продалъ мебели Ландсбергъ потому, что онъ никогда не продавалъ ничего, а только покупалъ. Есть еще средство отдѣлить дѣйствительный фактъ, сличивъ его показанія съ показаніями другихъ, болѣе трезво относящихся къ Ландсбергу лицъ, напр. съ Янсеномъ и Васильевымъ. Напр. Янсенъ прямо говоритъ, что Ландсбергъ хвастался, спрашивая о рентахъ, но серьезно не хотѣлъ ихъ покупать, а только любилъ хвастаться. Васильевъ, очень хорошо знакомый съ денежными обстоятельствами Ландсберга, прямо говоритъ, что Ландсбергъ на самомъ дѣлѣ нуждался и только выказывалъ себя богатымъ. Вотъ и всѣ свидѣтельскія показанія, не много въ суммѣ своей стоющія. Важнѣе ихъ письменные документы: векселя г. Охроменко, сохранныя росписки Шишкина на имя жены, да слѣды банковыхъ

билетовъ и облигацій, перешедшихъ черезъ руки Шишкина и Розенкранца. Относительно этихъ документовъ, вотъ что я имѣю честь объяснить.

Г-жа Шишкина, выходя замужъ и состоя въ супружествѣ, была женщина со средствами; она имѣла, по крайней мѣрѣ, собственный домъ на Невскомъ Проспектѣ, домъ красивый, дающій 14,000 годоваго дохода, по другимъ показаніямъ отъ 6,000—8,000, за который она, Шишкина, заплатила г-жѣ Калерджи 105,000 по купчей 30 апрѣля 1858 г. Правда, что и этотъ домъ пытаются теперь отъ нея оттянуть, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, на основаніи отзыва г. Малера, что домъ купленъ на деньги Ландсберга. Странный примѣръ: свидѣтельское показаніе употребляется для опроверженія крѣпостнаго акта, примѣръ, который я разбирать не стану—до такой степени, и передъ совѣстью, и передъ закономъ крѣпки права собственности г. Шишкиной на укрѣпленное за нею имущество. Кто имѣетъ дома, тотъ и доходами на нихъ имѣетъ право пользоваться; кто имѣетъ домъ, тому принадлежатъ и суммы, взятыя подъ залогъ дома, не такъ ли? Домъ Колеркди купленъ былъ съ банковымъ долгомъ въ 62,000 р; своихъ собственныхъ денегъ Вѣра Ивановна вложила туда слишкомъ 40,000. Затѣмъ, на нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью, когда доктора сказали Ландсбергу, что ему надо ѣхать заграницу, а ѣхать ему было не съ чѣмъ, жена предложила заложить домъ вторично въ городскомъ кредитномъ обществѣ; взято было 78,000 облигаціями городскаго кредитнаго общества, изъ которыхъ слишкомъ 50,000 ушли на покрытіе прежняго банковаго долга, а 26,000 или 27,000 остались въ запасѣ и не были употреблены на цѣль, на которую предназначались. Когда Ландсбергъ умеръ, то, по совѣту Шишкина, Вѣра Ивановна старалась войти въ соглашеніе съ казною и погасить посредствомъ этой суммы громадную, но безнадежную для казны, недоимку по откупамъ, но тщетно—отъ департамента неокладныхъ сборовъ не было никакой уступки.

Часть этихъ капиталовъ разошлась отъ октября до февраля 1864 г., часть была въ рукахъ у Шишкиной и слѣдъ ея обнаруженъ при обыскѣ въ имуществѣ Шишкиныхъ 7 іюня 1864 г., когда ломали при посредствѣ слесарей принадлежащіе ей ящики съ бумагами. Тогда тамъ и были найдены 2 записки, писанныя рукою Шишкиной со счетомъ денегъ на 500 р., 5 процентныхъ банковыхъ билетовъ на 6,450 и облигацій городскаго кредитнаго общества на 18,600, всего на 25,000 р. Шишкинъ, чувствуя, что этотъ капиталъ растаетъ и улетучится, если трудное дѣло, которое имъ приходилось вести съ Абрамомъ Ландсбергомъ, продолжится, убѣдилъ жену отдать ему эти деньги; посредствомъ ихъ онъ хотѣлъ устроить маслобойный заводъ, управляющимъ котораго былъ тотъ самый, который назвался маклеромъ Розенкранцемъ. Ему то Шишкинъ и передалъ изъ этого капитала по счету отъ 7 февраля 1864 г. на 16,100 р. облигацій городскаго кредитнаго общества. Капиталъ 25,000 данъ былъ Шишкиною мужу на слово, безъ всякихъ гарантій и обезпеченій; но, употребляя его на рискованное предпріятіе, которое потомъ лопнуло, Шишкинъ для снятія съ себя нравственной отвѣтственности передъ женщиною, довѣрившей ему всю свою наличность, убѣдилъ ее взять съ него, Шишкина, сохранную росписку въ 25,000 р., ту росписку, которая помѣчена 20 февраля 1864 года, числомъ, весьма близкимъ къ тому, въ которое облигаціи общества переданы были Розенкранцу. Что касается до сохранной росписки въ 40,000 руб., то я удивляюсь одному: зачѣмъ она приплетена къ слѣдствію? Я благодарю прокурора, что онъ не упоминалъ о ней въ своей обвинительной рѣчи; но такъ какъ гражданскій истецъ разсказалъ о ней цѣлую исторію, то я считаю себя обязнннымъ отвѣчать ему. Для меня не понятно, какой можно сдѣлать выводъ изъ этой росписки въ смыслѣ обвиненія? Она или денежная, или безденежная. Если безденежная, то Шишкинъ могъ на сотни тысячъ надавать женѣ подобныхъ росписокъ,

отъ чего она ни чуть не сталабы богаче, если ему, Шишкину, платить женѣ нечѣмъ. Если она денежная, то она скорѣе служитъ къ оправданію Вѣры Ивановны. Взгляните на число ея «февраля 1863 года», т. е. за полгода до смерти Ландсберга; значитъ, въ то время у Вѣры Ивановны были въ рукахъ свои собственные капиталы. Или вы будете утверждать, что записка писана заднимъ числомъ, но въ такомъ случаѣ скажите, чѣмъ вы это докажете, гдѣ, кѣмъ, при комъ и при какихъ обстоятельствахъ она сочинена? Или васъ поражаетъ то обстоятельство, что Вѣра Ивановна пыталась при обыскѣ вырвать ее у слѣдователя и изорвать въ клочки? Это движеніе кажется обвиненію подозрительнымъ. Да, она пыталась это сдѣлать; да, ей больно и теперь, что эта росписка попала въ судъ. Но тѣ соображенія, которыя заставили ее рвать записку, не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ дѣломъ. Хотите знать ихъ? нѣтъ ничего проще: взгляните на число 9 февраля 1864 года. Она была еще женою Ландсберга, но уже ей было извѣстно, что Ландсбергъ скоро умретъ, что онъ жилецъ съ краткосрочнымъ паспортомъ; обязанность свою—ухаживаніе за больнымъ, она исполняла, но сердце ея и мысль, даже съ вѣдома и согласія Ландсберга, уже принадлежали Шишкину. Ты меня не оставишь, ты меня не бросишь?—былъ положительный и не умолкающій съ ея стороны вопросъ. Шишкинъ, чтобы ее успокоить и чтобы дать видимый залогъ своей любви, вещественное доказательство, охотно принимаетъ на себя кабалу. Шишкинъ самъ навязалъ ей эту росписку: не оставлю, а если бы оставилъ, такъ вотъ тебѣ бумага: ты меня можешь раззорить и посадить въ долговое отдѣленіе. Онъ ей вручилъ записку, а она, несвѣдущая въ дѣлахъ, взяла ее, какъ талисманъ, и оставался онъ забытый между бумагами, послѣ того, какъ совершилось предусмотренное и исполнилось. Потомъ, когда рука обыщиковъ перевернула бумаги, она раскрыла этотъ клочекъ, ей вспомнилось былое и

стало ей страшно, что эта записка будетъ схвачена ея врагами и что станутъ они толковать: такъ то она заботилась о мужѣ! Она помышляла о другомъ замужествѣ, она, сирота, окруженная, по милости своего перваго мужа, всѣми дарами и благами міра сего, говоря слогомъ Абрама Ландсберга!... Она хотѣла спрятать страницы изъ исторіи своего сердца, а перетолковали, что она хочетъ скрыть часть чужого имущества. Но вы, гг. присяжные засѣдатели, взгляните на дѣло человѣчнѣе и оцѣните фактъ по достоинству, какъ обстоятельство, къ дѣлу нисколько не относящееся.

Остается вексель г-жи Охраменко.—У Вѣры Ивановны найденъ вексель, выданный ей вдовою Охроменко 26 октября, нѣсколько дней послѣ похоронъ мужа въ 1.500 р. Абрамъ Ландсбергъ утверждаетъ, со словъ умершаго Эттингера, который, какъ умершій, ни подтверждать, ни отрицать словъ его не можетъ, что г-жа Охроменко была должна Ландсбергу по двумъ векселямъ, на 900 р. каждый, 1,800 р. и что по смерти Ландсберга она согласилась переписать эти векселя вмѣсто Ландсберга на его вдову съ уменьшеніемъ суммы съ 1,800 на 1,500 рублей.

Не знаю, откуда взялъ эти подробности Абрамъ Ландсбергъ, не знаю, должна ли была г-жа Охроменко что либо Ландсбергу. Въ дѣлѣ есть письма Ивана Охроменко къ Ландсбергу о векселяхъ, но между Иваномъ Охроменко и его женою, Охроменко, нѣтъ ничего общаго. Жаль, что ея здѣсь нѣтъ, она бы могла удостовѣрить, что она вексель выдала не безденежный и никогда своихъ векселей на Шишкину не переписывала. Я отрицаю у обвинителей право во всякомъ обязательствѣ г-жи Шишкиной доискиваться похищеннаго, какъ будто бы она никакой своей части собственности не имѣла, какъ будто бы она не въ правѣ была вступать ни въ какія обязательства. Я не вижу никакой надобности со стороны г-жи Шишкиной входить въ какія либо объясненія по этому предмету и давать какіе либо отчеты.

Самый крупный предметъ въ имуществѣ, принадлежавшемъ Ландсбергу, безъ сомнѣнія, серебро. Я не скрываю, что это и самый опасный предметъ. Шишкины путались въ показаніяхъ, говорили сначала одно, потомъ другое. При судебномъ слѣдствіи Шишкинъ сознался, что онъ тутъ виноватъ, подбивалъ жену показывать, какъ онъ показываетъ, и поставилъ ее въ весьма опасное положеніе. Если вы, гг. присяжные, полагаете, что всякая ложь уже несомнѣнный признакъ того преступленія, въ которомъ кто либо обвиняется, то всякая защита будетъ напрасна; но если вы, гнушаясь ложью, захотите, однако, разобрать ее и заглянуть въ самый корень дѣла, въ самую сущность его, то я не сомнѣваюсь, что Шишкины, не смотря на свои противорѣчія, найдутъ передъ вами оправданіе.

Когда полиція совершала опись, то найдено всего серебра 15 ф., по оцѣнкѣ на 322 р., именно, столоваго (8 ложекъ, 12 ножей, 12 вилокъ, чайникъ, сахарница, молочникъ, 1 разливательная ложка, 5 чайныхъ, ситечко). Между тѣмъ, ходили слухи, что у Ландсберга были цѣлыя горы серебра,—кто говоритъ пять, кто десять пудовъ,—которыя будто бы хранились въ несгораемомъ шкафѣ и желѣзномъ сундукѣ. Повидимому, изъ этихъ вещей несгораемый шкафъ только и важенъ, но и онъ представляетъ поводъ къ сомнѣніямъ. Сундукъ, по словамъ свидѣтелей, Брудерера и Малера стоялъ въ спальнѣ г-жи Ландсбергъ. Она говоритъ, что хранила тамъ свои мѣха и другія вещи. И нѣтъ данныхъ предпологать, чтобы этотъ сундукъ, у нея стоявшій, не былъ въ ея владѣніи. Что касается до шкафа, то онъ стоялъ въ комнатѣ смежной со спальнею и, указывая на него Ландсбергъ говорилъ Брудереру, что здѣсь все мое хранится. По словамъ кистера Брудерера, управляющаго домомъ госпожи Ландсбергъ, въ шкафу хранилось серебро, что довольно невѣроятно, такъ какъ вмѣстимость шкафа мала. По словамъ Малера, серебро уложено было въ сундукѣ подъ кроватью, на которой лежалъ больной.

Супруги Шишкины хранили молчаніе и относительно серебра, и относительно хранилища. Шишкинъ показывалъ, что отъ жены никакого серебра не получалъ. Тогда, по указанію Абрама Ландсберга, произведенъ былъ обыскъ въ нижнемъ этажѣ дома Шишкиной и подъ воротами найдены запертые и шкафъ и сундукъ. Г-жа Шишкина признала ихъ за свои вещи, но не хотѣла отворять замка за неимѣніемъ ключей, потомъ прислала ключи чрезъ Марфу Костюкову. Хранилища оказались совершенно пустыми. Затѣмъ, при обыскѣ, произведенномъ въ имуществѣ Шишкиныхъ, 1 іюня 1864 г., у нихъ найденъ ящихъ краснаго дерева, а въ немъ столовое серебро на 24 персоны, 4 подноса, чайникъ, сахарница плетеная корзинка, лампадка, 2 солонки и еще столоваго серебра на 6 персонъ. Затѣмъ въ ихъ бумагахъ отысканы 4 билета ссудной казны на заложенное серебро, изъ коихъ видно, что черезъ 3 недѣли по смерти Ландсберга заложено серебра на 2,580 руб. Серебро это, уложенное въ 4 наволочки, изъ коихъ двѣ безъ мѣтокъ, а двѣ съ мѣтками *Л*, состовляло: овальныя блюда, подносы, ложки, чашки, блюдечки, тарелки, раковины и проч. всего 270 штукъ. Присутствовавшіе при осмотрѣ въ ломбардѣ, 15 декабря, Малеръ и купецъ Янсенъ заявили, что они видѣли эти вещи у Ландсберга, что это то самое столовое серебро. До осмотра серебра Шишкинъ далъ отзывъ, который, очевидно, несостоятеленъ и который отстаивать нѣтъ никакой возможности, что серебро онъ купилъ за 3,000 р. у какого-то коммерческаго человѣка въ началѣ ноября 1863 г., но, не имѣя наличныхъ денегъ, заложилъ его тотчасъ въ ломбардъ, билеты же потомъ подарилъ женѣ за 2 дня до обыска.—Все это ложь, и въ десятитысячный разъ оправдывается въ этомъ случаѣ замѣчаніе, что всякій дурной поступокъ приноситъ съ собою и свое наказаніе: Шишкинъ совралъ и тѣмъ подорвалъ вѣру въ свою искренность, навлекъ на себя тѣмъ подозрѣнія и этому же подвергъ и свою жену. Теперь

онъ кается, но, Богъ вѣсть, исправитъ ли онъ испорченное. Путь настоящій, есть путь прямой, а не кривой, и, между тѣмъ, какъ легко было ему избрать эту прямую дорогу, сказавъ: все это серебро принадлежало моей женѣ. Да, оно принадлежитъ всецѣло Вѣрѣ Ивановнѣ. Приборъ обѣденный на 24 персоны, найденный у нея въ сундукѣ краснаго дерева, подаренъ ей былъ мужемъ вскорѣ послѣ женидьбы въ 1858 г. и она его хранила въ память покойнаго. Остальное куплено въ теченіе супружескаго сожитія, и, понятно, на ея деньги. Она имѣла домъ и съ этого дома получалось до 14,000 р. дохода, или, по словамъ другихъ, до 8,000; онъ же, раззоренный откупщикъ, какъ я докажу впослѣдствіи, не имѣлъ никакой возможности дѣлать столь значительныя затраты. Серебро заложено въ 3,000 р.; положимъ, оно стоило 5,000 р. 5,000 р. не Богъ вѣсть какая сумма для женщины съ состояніемъ, подобнымъ тому, какое несомнѣнно имѣла Вѣра Ивановна. Оно было въ домѣ, оно подавалось, когда были гости; Ландсбергъ могъ его показывать Малеру и Янсену, не объясняя имъ, чье оно, и оставляя ихъ въ убѣжденіи, что оно составляетъ его собственность. Какъ еврей, какъ откупщикъ, какъ человѣкъ, живущій кредитомъ, онъ любилъ щеголять и хвастаться, выдавать себя за богатаго. Онъ зналъ всю цѣну репутаціи богача, хотя бы эта репутація ничѣмъ не оправдывалась въ дѣствительности. И онъ, Ландсбергъ, могъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ щеголять добромъ, купленнымъ на доходы жены и, слѣдовательно, принадлежащимъ женѣ, что шведскіе законы о супружествѣ, которымъ онъ подчинялся, какъ выборгскій купецъ, не устанавливаютъ между супругами той совершенной раздѣльности имуществъ, какая имѣется въ нашихъ законахъ. Серебро это не хранилось въ несгараемомъ шкафѣ, который былъ для этой цѣли малъ, и не въ ящикахъ подъ кроватью, потому что ящики бы не помѣстились, да и видѣлъ бы кто-либо изъ прислуги—сердобольная Кузнецова, двор-

никъ, полиція—еслибъ ихъ выносили. Что же касается до хранилищъ, то исторія ихъ слѣдующая: сундукъ всегда принадлежалъ Вѣрѣ Ивановнѣ, а шкафъ мужу. Мужъ хранилъ въ немъ дѣйствительно свои бумаги, но когда все состояніе лопнуло и пришелъ онъ въ раззореніе, то съ тѣхъ поръ шкафъ оставался пустой и даже ключъ отъ шкафа былъ переданъ Ландсбергомъ женѣ.

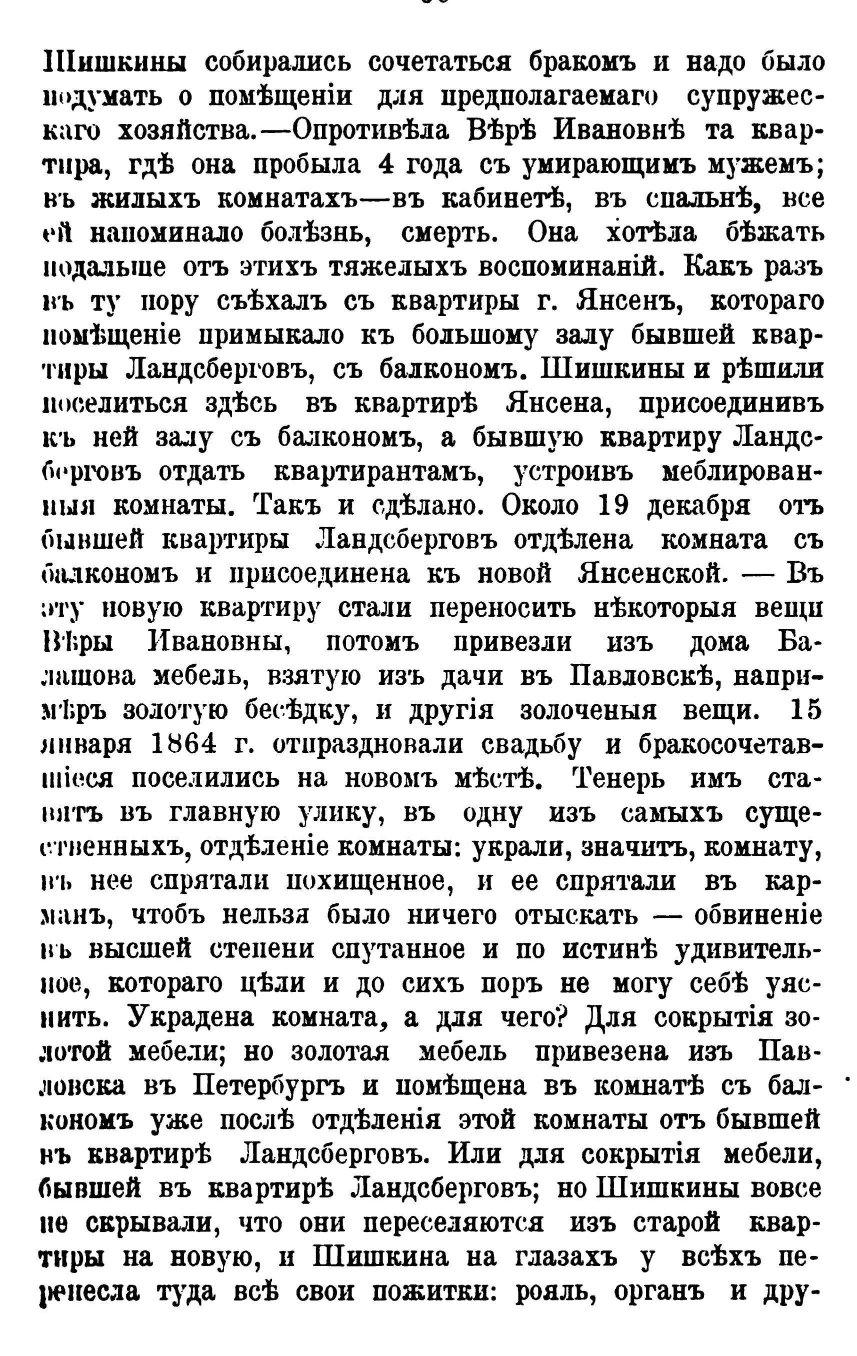
Перехожу къ бриліантамъ. Въ бумагахъ покойнаго Ландсберга найденъ безъ года и числа разсчетъ бриліантщика Григорьева, изъ котораго видно, что когда то изъ лавки Григорьева отпущено было Ландсбергу брилліантовъ на 6,510 р. Куда ушли эти бриліанты, съ какою цѣлью они были пріобрѣтены — неизвѣстно; можетъ быть онъ подарилъ ихъ кому-либо, можетъ быть перепродалъ, — но эти бриліанты не имѣютъ ничего общаго съ бриліантами г-жи Шишкиной, которые описаны и найдены въ незначительномъ количествѣ. Говорятъ, что у Ландсберга была діадема, но діадемы никто не видалъ, кромѣ Малера; нѣкоторые изъ бриліантовъ видѣлъ Брудереръ, но эти бриліанты могли принадлежать его женѣ. Я полагаю, напримѣръ, что фермуаръ былъ женинъ. Но еслибы этихъ бриліантовъ найдено было гораздо больше у г-жи Шишкиной, еслибъ у нея нашлась та нитка крупныхъ бриліантовъ, которую видѣлъ Брудереръ, какъ онъ утверждаетъ, и та діадема или вѣнецъ и тотъ жемчугъ, которые видѣлъ Малеръ, то и это обстоятельство вины Шишкиныхъ еще не доказываетъ; Ландсбергъ могъ распоряжаться этими вещами до смерти, могъ, наконецъ, показывать постороннимъ драгоцѣнности жены. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи другихъ данныхъ и за смертью Ландсберга, если идетъ споръ объ извѣстныхъ драгоцѣнностяхъ: брошкѣ, браслетѣ, серьгахъ, діадемѣ; то я только въ такомъ случаѣ склоненъ былъ бы допустить предположеніе, что эти вещи—собственность Ландсберга, еслибы онъ былъ ювелиръ, еслибы онъ торговалъ каменьями. Коль скоро

онъ имъ не былъ, то не естественнѣе ли предположить, что эти принадлежности дамскаго туалета, что эти украшенія собственность той, которая можетъ ими пользоваться, а не того, кто не можетъ изъ нихъ извлекать никакой непосредственной пользы.

Я готовъ обойти молчаніемъ неважные предметы—шубы, столовые съ козелкомъ часы, про которые говорятъ, что они были спрятаны въ диванѣ; дѣйствительно, они были спрятаны въ диванѣ; но для чего? Неужели въ видахъ утайки! Если вы, гг. присяжные засѣдатели, находите возможнымъ осудить обвиняемыхъ за этого злополучнаго козелка, то осудите. При обыскѣ 1-го іюня въ бумагахъ Шишкина найденъ, отъ 24 мая 1864 года, счетъ мѣховаго магазина Одноушевскаго о принятіи на сбереженіе двухъ мѣховыхъ шинелей. Одна изъ этихъ шинелей означена въ видѣ ильковой шубы въ описи вещей Ландсберга, въ актѣ 2 января 1864 г. Отдача ея въ лавку не есть утайка, а просто желаніе сбереженія, предохраненія шубы отъ моли.—Другая шинель, дрянная, старая, въ 25 руб., не вошла въ опись потому, что про нее забыли, на нее, по ея ветхости, не обратили вниманія. Шуба, которая въ обвинительномъ актѣ названа бобровою, каторая считается утаенною, и есть та самая, которая въ описи названа ильковою.

Что касается до самаго главнаго, по смыслу обвинительнаго акта, пункта—присвоенія экипажей и мебели то моя защита должна, по необходимости, соображаться съ отношеніемъ къ сему моей довѣрительницы. Она только знала, что этими предметами распоряжается такимъ образомъ ея женихъ, а потомъ мужъ, знала и соглашалась на эти распоряженія; распоряжался же онъ самъ непосредственно. — Онъ и дастъ полный и подробный отчетъ. Моя защита будетъ по необходимости самая общая, не потому, чтобы жена въ этомъ случаѣ отдѣляла передъ вами свою отвѣтственность отъ отвѣтственности мужа и старалась взвалить на него всю

вину; нѣтъ, супруги Шишкины не доставятъ врагамъ своимъ удовольствія раздора и пререканій предъ судомъ—они неразрывно связаны судьбою на жизнь и смерть, на осужденіе и оправданіе—въ такомъ смыслѣ мнѣ поручена и защита; но потому, что она гораздо меньше знаетъ нежели Шишкинъ, о предметахъ, которые подлежатъ разбирательству, о ихъ происхожденіи, принадлежности и переходахъ съ одной квартиры на другую и изъ одного города въ другой. У Ландсберга была дача въ Павловскѣ, хорошо меблированная, съ конюшнями, сараями, экипажами—все это осталось на мѣстѣ, когда 29 сентября Ландсберга, уже трудно больнаго, перевезли изъ Павловска въ С-Петербургъ, въ домъ Вѣры Ивановны, гдѣ онъ и скончался 20 октября.—Экипажи, которые помѣщались на этой дачѣ: коляску, фаэтонъ, двѣ кареты, г-жа Шишкина признавала и признаетъ своею собственностью и нѣтъ никакихъ въ дѣлѣ данныхъ, которыя изобличали бы ее въ этомъ пунктѣ во лжи. Самъ кучеръ Петровъ и до сихъ поръ не знаетъ, чьи были лошади чьи были экипажи. Что касается до мебели, то Вѣра Ивановна Шишкина знала, что передъ самою смертью мебель на дачѣ въ Павловскѣ продана Ландсбергомъ Шишкину, за 7,000 р. Она слышала о томъ отъ Шишкина, слышала отъ самаго Ландсберга, который нуждался въ деньгахъ для поѣздки заграницу и радъ былъ получить ихъ отъ Шишкина. Когда Ландсбергъ умеръ и полиціею заявлено было, что она приступитъ къ описи его имущества, очень понятно, что Шишкинъ принялъ свои мѣры, чтобы пріобрѣтенная имъ движимость не попала въ эту опись. 7 ноября 1863 г. нанято имъ было помѣщеніе съ сараемъ на Лиговкѣ, въ домѣ Балашова, и 8 ноября туда привезены экипажи и разная дорогая мебель на 14 возахъ. Перемѣщеніе дѣлалось не воровскимъ образомъ, не тайно, но явно на глазахъ множества людей, какъ фактъ вполнѣ естественный и законный, въ которомъ нѣтъ ничего дурного. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, въ декабрѣ,

Шишкины собирались сочетаться бракомъ и надо было подумать о помѣщеніи для предполагаемаго супружескаго хозяйства.—Опротивѣла Вѣрѣ Ивановнѣ та квартира, гдѣ она пробыла 4 года съ умирающимъ мужемъ; въ жилыхъ комнатахъ—въ кабинетѣ, въ спальнѣ, все ей напоминало болѣзнь, смерть. Она хотѣла бѣжать подальше отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній. Какъ разъ въ ту пору съѣхалъ съ квартиры г. Янсенъ, котораго помѣщеніе примыкало къ большому залу бывшей квартиры Ландсберговъ, съ балкономъ. Шишкины и рѣшили поселиться здѣсь въ квартирѣ Янсена, присоединивъ къ ней залу съ балкономъ, а бывшую квартиру Ландсберговъ отдать квартирантамъ, устроивъ меблированныя комнаты. Такъ и сдѣлано. Около 19 декабря отъ бывшей квартиры Ландсберговъ отдѣлена комната съ балкономъ и присоединена къ новой Янсенской. — Въ эту новую квартиру стали переносить нѣкоторыя вещи Вѣры Ивановны, потомъ привезли изъ дома Балашова мебель, взятую изъ дачи въ Павловскѣ, напримѣръ золотую бесѣдку, и другія золоченыя вещи. 15 января 1864 г. отпраздновали свадьбу и бракосочетавшіеся поселились на новомъ мѣстѣ. Теперь имъ ставятъ въ главную улику, въ одну изъ самыхъ существенныхъ, отдѣленіе комнаты: украли, значитъ, комнату, въ нее спрятали похищенное, и ее спрятали въ карманъ, чтобъ нельзя было ничего отыскать — обвиненіе въ высшей степени спутанное и по истинѣ удивительное, котораго цѣли и до сихъ поръ не могу себѣ уяснить. Украдена комната, а для чего? Для сокрытія золотой мебели; но золотая мебель привезена изъ Павловска въ Петербургъ и помѣщена въ комнатѣ съ балкономъ уже послѣ отдѣленія этой комнаты отъ бывшей въ квартирѣ Ландсберговъ. Или для сокрытія мебели, бывшей въ квартирѣ Ландсберговъ; но Шишкины вовсе не скрывали, что они переселяются изъ старой квартиры на новую, и Шишкина на глазахъ у всѣхъ перенесла туда всѣ свои пожитки: рояль, органъ и дру-

гія вещи и мебель, которую она признаетъ своею собственностью. И чтоже значитъ это обвиненіе въ сокрытіи мебели? Если бы еще эту комнату, которую отдѣлили и въ которую помѣстили мебель, замуровали со всѣхъ сторонъ, тогда можно было бы сказать что скрыли; но дѣло извѣстное, что перехода на другую квартиру и отдѣла комнаты ни отъ кого не скрывали. Разборъ статей имущества, которое предполагается похищеннымъ, разборъ тяжелый, утомительный, скучный, оставляетъ только то впечатлѣніе, что нельзя разобрать, кому какая вещь принадлежала, что права собственности крайне перепутаны, и не разобрать—что было мужнино и что женино. Но эта запутанность можетъ хотя отчасти, быть устранена, если отъ мелочей мы перейдемъ къ общему и, вмѣсто того, чтобы перебрать каждый стулъ, столикъ, рамку отдѣльно, спросимъ себя объ источникахъ происхожденія этихъ предметовъ, или о состоятельности лицъ, которыхъ отношенія мы разбираемъ: кто изъ нихъ богатъ, кто бѣденъ: жена ли и Шишкинъ жили на счетъ мужа или Ландсбергъ держался средствами своей жены и своего пріятеля? Вопросъ громадной важности, дающій всему дѣлу новое освѣщеніе, вопросъ, который даже и не поставило обвиненіе, а между тѣмъ въ немъ вся суть, въ немъ корень дѣла. Если Шишкины — голые паразиты, обвившіеся кругомъ богача, то они присвоили чужое имущество; если Ландсбергъ, проспекулировавшійся банкротъ, то тѣ сотни тысячъ, которыя отыскиваетъ гражданскій истецъ, не болѣе, какъ мифъ, мечта воображенія, мыльный пузырь, и тогда правдоподобіе на той сторонѣ, которая богаче. Г-жа Шишкина изъ рода зажиточныхъ купцовъ Калугиныхъ, она имѣла домъ, это ея неоспоримая и неотъемлемая собственность; съ дома получала доходы, внесла въ него приданое. Самъ гражданскій истецъ не отвергалъ здѣсь, что Калугины имѣли значительные капиталы, но онъ говоритъ только, что капиталы эти долговые. Г. Шишкинъ также изъ купе-

ческихъ дѣтей—у родителей его домъ въ С.-Петербургѣ. Самъ онъ имѣетъ кирпичный заводъ. Спрашивается, чтоже такое Ландсбергъ? Гдѣ его золотоносные рудники? Гдѣ нажился этотъ новый Монтекристо? Гдѣ его имѣнія, конторы? То вѣроятно, что онъ не торговалъ, подъ ручные залоги денегъ не давалъ, акціонерныхъ компаній не основывалъ; онъ только откупщикъ по виннымъ откупамъ, не болѣе. Какъ откупщикъ, онъ имѣетъ свои откупныя книги. Эти книги есть, и если бы совокупною дѣятельностью обвиненія и защиты, при пособіи экспертовъ по откупному дѣлу, можно было разобрать ихъ, то тогда опредѣлилось бы состояніе Ландсберга до копѣйки. Обвиненіе не взялось за эту работу и защита не нашла нужнымъ прибѣгать къ ней, — для защиты достаточно и тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя были прочитаны при судебномъ сдѣдствіи и которыя изображаютъ, какъ нельзя лучше положеніе Давида Ландсберга— его страшное безденежье, его медленную финансовую агонію. Съ 1851 — 1857 год. Ландсбергъ содержитъ откупъ яранскій. Въ пакетѣ № 7 есть его записка съ обозначеніемъ выручки—недобора 152,000 р. Съ тѣхъ поръ начинаются его слезныя записки къ начальнику губерніи о раззореніи, о безвыходномъ положеніи, о спасеніи, если не его, то залогодателей,—его вопли и стоны, его прошеніе къ Государю (прошеніе 2 марта 1860 г.) о томъ, что онъ внесъ 33,000 руб., и еще остается внести 134,000 р., и такъ какъ онъ такихъ средствъ не имѣетъ дабы расплатиться, то проситъ ихъ сложить. Съ большихъ откуповъ онъ сходитъ на мелкіе, беретъ въ 1859 г. два незначительные откупа—варнавинскій и солигаличскій. Онъ такъ стѣсненъ, что проситъ костромскую казенную палату отпустить ему вина въ 1859 г. подъ залоги Орловой. Въ тоже время Утинъ отнимаетъ у него залоги по варнавинскому и солигаличскому откупамъ. Въ началѣ 1862 г. и этихъ откуповъ онъ содержать не въ силахъ: 1-го февраля яранскій откупъ перешелъ къ Расланину, 7 іюня солигаличскій—

къ Вѣткину, не за деньги, а просто за документы, за векселя, за которые никто теперь и 10 рублей не даетъ, потому что и Расланинъ и Вѣткинъ сдѣлались банкротами. Конецъ всѣхъ отношеній и вѣнецъ откупной дѣятельности Ландсберга —это отношеніе с-петербургской казенной палаты отъ 19 мая 1864 г. въ вятскую казенную палату о казенной недоимкѣ въ 93,905 руб., которая, по недостаточности залоговъ (27,000), должна быть пополнена изъ всего его имущества. Такимъ образомъ имущество Ландсберга, не плюсъ, а минусъ, призракъ, миражъ въ пустынѣ, и я удивляюсь смѣлости и рѣшительности гражданскаго истца, старающагося взять эту тяжелую, претяжелую ношу.

Тщательно скрываемый дефицитъ въ концѣ операцій, минусъ въ кассѣ, скрываемый за тремя замками и семью печатями, доставляютъ намъ возможность разгадать Ландсберга, его характеръ, его дѣятельность, и раскрыть весь секретъ Ландсбергова наслѣдства. Этотъ проскуровскій еврей, бѣгущій отъ своей семьи, бросаетъ свое имущество, которое потомъ продается съ публичнаго торга, продолжаетъ вездѣ потомъ ту же самую игру, ведетъ жизнь таинственную, загадочную — смѣсь блеска и тумана. Блескъ этотъ чисто наружный— перстни на пальцахъ, богатая пріемная, серебро столовое, хотя и взятое въ долгъ, ложа въ театрѣ, хотя бы потомъ пришлось сидѣть въ долговомъ отдѣленіи. Всякая операція построена на одномъ только кредитѣ; кредитъ поддерживается ловкимъ образомъ дѣйствій — умѣньемъ показать немногое за многое, оцѣнкою своего имущества въ десять разъ болѣе противъ настоящей стоимости. Въ концѣ концовъ послѣ каждой операціи— fiasco, паденіе, и опять повтореніе той же сизифовой работы, но, между тѣмъ, цѣль достигнута, — и жизнь пройдена, если не безъ колючекъ и терній, то, по крайней мѣрѣ, со всѣми признаками, а порою и наслажденіями великой роскоши, великаго богатства. Картина, которую я рисую, можетъ быть и не красива. Я прошу

извиненія у моей довѣрительницы и у гражданскаго истца, что я ее изображаю, что память мужа и отца можетъ пострадать отъ судебнаго состязанія и выйти не совсѣмъ чистою изъ этого засѣданія; но интересы правды выше всякихъ другихъ интересовъ, а въ отношеніи мертвыхъ, если мы чѣмъ либо обязаны, то только одною чистою и ничѣмъ неприкрываемою истиною — нагою истиною, безъ покрывала, какъ изображала ее древность. Гг. присяжные, во имя этой истины я прошу васъ, въ интересѣ моей довѣрительницы, вникнуть въ то, что такое наслѣдство Ландсберга и вы увидите, что оно все состоитъ не изъ настоящаго богатства, а изъ фальшивой репутаціи о мнимомъ богатствѣ, которая Шишкину давитъ и не даетъ ей жить. Я не сомнѣваюсь, что вы освободите ее отъ этого фальшиваго наслѣдства, то есть, что вы признаете ее невинною въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя такъ не юридически и не согласно съ дѣйствительностью взводятся на нее гражданскимъ истцомъ и обвинительною властью.

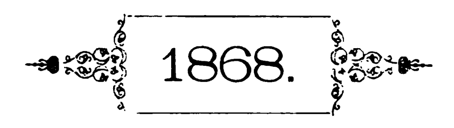
Для обсужденія присяжныхъ были постановлены слѣдующіе вопросы:

1) Виновна ли бывшая вдова выборгскаго купца Ландсберга, нынѣ жена инженеръ штабсъ-капитана, Вѣра Ивановна Шишкина, въ томъ, что присвоила часть не принадлежащаго ей имущества или денежнаго капитала, оставшагося послѣ умершаго, 20 октября, купца Давида Ландсберга, на сумму свыше 300 руб.?

2) Виновенъ ли въ томъ же преступленіи отставной инженеръ штабсъ-капитанъ Шишкинъ?

На оба вопроса присяжные засѣдатели отвѣтили отрицательно, почему судъ объявилъ подсудимыхъ свободными.

4.

Дѣло о графѣ Ираклiѣ Морковѣ, судимомъ за убiенiе крестьянина Будилы.

Дѣло докладывалось 7 мая 1868 г. во 2 отдѣленiи 5 департамента правительствующаго сената.

1) Гг. Сенаторы! 26 декабря 1866 г. совершено таинственное убiйство крестьянина Будилы, а въ ночь съ 3 на 4 января еще болѣе таинственное похищенiе головы трупа того же Будилы. По стеченiю нѣсколькихъ уликъ, на графа Моркова направлено обвиненiе въ томъ, что онъ похитилъ голову у трупа, а такъ какъ въ похищенiи головы могъ быть заинтересованъ только убiйца, для сокрытiя слѣдовъ преступленiя, то и выведено было заключенiе, что убiйца графъ Морковъ. Къ этой догадкѣ пришла сначала слѣдственная коммиссiя, ее разнесла потомъ широко молва, вслѣдъ за молвою явились оговоры, со стороны лицъ болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ дѣло. По этимъ даннымъ графъ Морковъ попалъ въ тюрьму и приговоренъ подольскою уголовною палатою къ 12½ лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Прямыхъ доказательствъ противъ него нѣтъ, онъ съ

негодованіемъ отвергалъ и отвергаетъ обвиненіе. Какой же вѣсъ для усиленія его могутъ имѣть слова какого нибудь Тишковскаго или Замеховскаго; графъ Морковъ для нихъ лѣстница, по которой они надѣются выбраться изъ острожной ямы. Самъ Флорчукъ, столь неправильно спрошенный коммиссіею подъ присягою, есть лицо прикосновенное къ дѣлу, укрыватель давшій при первоначальномъ слѣдствіи лживое показаніе. Если устранить всѣ эти три поздніе сомнительные оговоры, то останутся однѣ лишь улики. Я бы могъ въ этомъ случаѣ сказать бездну вещей о томъ, какъ опасно судить по уликамъ, основывать приговоръ на уликахъ и какъ ошибочны бываютъ догадки. Идя отъ догадки къ догадкѣ, отъ предположенія къ предположенію, можно достигнуть до заключеній повидимому логически правильныхъ, а между тѣмъ совершенно нелѣпыхъ, то есть не согласныхъ съ истиною. Я могъ бы за тѣмъ бить на то, что судъ, въ которомъ я имѣю честь говорить, есть судъ по старому закону, связанный строгою теоріею законныхъ доказательствъ, то есть присуждающій къ наказанію только тогда, когда есть прямыя и несомнѣнныя, закономъ предусмотрѣнныя, доказательства вины. Я могъ бы заключить мою рѣчь разными пошлостями въ родѣ той, что лучше оправдать десять виновныхъ нежели осудить одного невиннаго. Однако положеніе мое какъ защитника графа Моркова вовсе не столь отчаянное, чтобы прибѣгать къ подобнымъ избитымъ пріемамъ, которые надлежитъ предоставить защитникамъ совершенно потерянныхъ дѣлъ и окончательно пропадающихъ подсудимыхъ. Судись это дѣло десять лѣтъ тому назадъ, я бы могъ ссылаться, съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха, на эту старинную теорію законныхъ доказательствъ, потому что она кое какъ еще соблюдалась. Но нынѣ время взяло свое; въ практику даже и старыхъ судовъ вошелъ обычай постановлять приговоры по совокупности обстоятельствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго, то есть въ сущности по внутрен-

нему убѣжденію и совѣсти, потому, строго говоря, въ дѣйствительности нѣтъ обстоятельствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго. Въ сущности и вы, гг. сенаторы, рѣшаете огромное число дѣлъ, какъ присяжные, по голосу совѣсти и внутреннему убѣжденію, а потому я и попрошу васъ, чтобы вы такимъ образомъ судили графа Моркова. Я буду говорить передъ вами, какъ говорилъ бы передъ присяжными, но такъ какъ говорить мнѣ все таки будетъ труднѣе нежели передъ присяжными по невозможности ссылаться на несуществующее въ настоящемъ случаѣ судебное слѣдствіе, то я попрошу вашего особеннаго снисхожденія, вниманія и терпѣнія, то есть прошу васъ дать мнѣ высказаться цѣликомъ и до конца, хотя бы рѣчь моя и утомила васъ своею длиннотою. Я думаю, что имѣю право на это вниманіе не потому, что Морковъ знатный человѣкъ, графъ, но просто потому, что это молодой человѣкъ исполненный силъ, коего судьба могла бы лежать на совѣсти тѣхъ, кои бы осудили его быть заживо погребеннымъ въ рудникахъ Сибири. Я не берусь разоблачить тайну убійства и указать кто его виновникъ, но я увѣренъ что докажу, что виновникомъ убійства никакъ не могъ быть Морковъ.

2) Разстояніе отъ села Мазепинецъ до усадьбы Одои, принадлежащей тому же помѣщику, 2 1/2 версты. Дорога отъ дома священника идетъ сначала селеніемъ, причемъ по правой сторонѣ остается церковь съ кладбищемъ, потомъ она поворачиваетъ направо черезъ мостикъ, лѣсомъ. Передъ самымъ въѣздомъ въ усадьбу и экономическимъ строеніемъ стоитъ одиноко домикъ, занимаемый семействомъ экономическаго писаря Замеховскаго. Вдоль этой дороги, по правой ея сторонѣ, нѣсколько прудовъ, изъ коихъ одинъ весьма большой близъ самихъ Одоевъ. Въ усадьбѣ Одояхъ проживалъ гусарскій отставной поручикъ графъ Ираклій Морковъ, имѣвшій 26 лѣтъ во время происшествія, возбудившаго слѣдствіе, человѣкъ холостой. И слѣдователи въ своихъ заключеніяхъ

и уголовная подольская палата въ своемъ приговорѣ стараются всячески унизить графа Моркова въ нравственномъ отношеніи, представить его какимъ то малограмотнымъ дикаремъ, буяномъ, выгнаннымъ изъ службы за дурные поступки. Дѣло въ томъ, что Морковъ не литераторъ, не ученый, онъ ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не былъ, а прямо изъ юнкеровъ дослужился до офицерскаго чина, однажды въ полку, поссорившись съ товарищемъ Сипягинымъ, ударилъ его въ лицо, за что и наказанъ двухмѣсячнымъ содержаніемъ въ крѣпости (наказаніе весьма снисходительное, можетъ быть, вся вина была на сторонѣ Сипягина). Морковъ самъ добровольно вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Всѣ спрошенные по дѣлу одобрили его поведеніе и характеръ, никто никакихъ ни явныхъ, ни тайныхъ пороковъ за нимъ не указалъ, даже невидно, чтобы онъ имѣлъ привычку предаваться пьянству. Какъ молодой человѣкъ, онъ любилъ иногда погулять и выпить въ компаніи, напримѣръ въ великіе праздники, когда всѣ бражничаютъ отъ мала до велика.

Одинъ изъ такихъ праздниковъ и былъ день Рождества Христова 25 дек. 1866 года. Какъ подобаетъ въ праздникъ, и графъ и его люди отправились утромъ въ церковь въ Мазепинцы къ обѣднѣ, при выходѣ изъ церкви дворовые графа Юшка съ Блащукомъ стали зазывать къ себѣ въ Одои скрипача Сорокопуда. Сорокопудъ спросилъ позволенія ѣхать у священника, взялъ съ собою игравшаго на бубнѣ мальчика Марка Будилу и поѣхалъ въ Одои. Вскорѣ туда же прибылъ и священникъ Лозинскій поздравить помѣщика. Графъ Морковъ угощалъ священника, музыка играла на кухнѣ. Подъ вечеръ и дворню и музыканта позвали въ покои графа. Священникъ былъ порядочно выпивши, графъ навеселѣ; графъ угощалъ всѣхъ водкой и заставилъ плясать. У скрипача Сорокопуда лопнула струна; когда онъ сталъ перевязывать ее, священникъ сказалъ: «смотри, я тебѣ задамъ, если еще разъ порвется». Порвалась таки, тогда

священникъ собственною рукою заушилъ музыканта такъ, что пошла кровь изъ носу. Скрипачь пересталъ играть и хотѣлъ было отправиться пѣшкомъ обратно въ Мазепинцы, но его вернули Одоецкіе люди и онъ легъ спать на кухнѣ. Между тѣмъ священникъ пригласилъ къ себѣ графа въ гости, и оба они вмѣстѣ на парѣ графскихъ лошадей и на графскихъ саняхъ съ кучеромъ Тишковскимъ отправились къ священнику въ Мазепинцы.

Графъ ѣхалъ въ гости и не имѣлъ при себѣ никакого оружія. У священника Лозинскаго графъ загулялъ до поздней ночи, причемъ люди священника Керекеша, Мазуръ и молодой 19 лѣтній парень Павелъ Будило приходили колядовать, причемъ графъ вынулъ изъ кармана 4 или 5 штукъ серебряныхъ монетъ, передалъ ихъ Будилѣ, а Будило подѣлился потомъ этими деньгами съ товарищами, но расплатился съ ними не серебромъ, а мѣдью. Есть показанія, что и Тишковскій былъ въ числѣ колядовавшихъ, хотя съ другой стороны онъ утверждаетъ, что напившись пьянъ онъ завалился спать на кухнѣ у священника. Я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что у Будилы была мѣдь, что къ нему перешли и тѣ 4 или 5 штукъ серебра, которые происходили отъ щедротъ графа, кромѣ того, мать его показала, что наканунѣ Рождества она дала ему 3 р. 35 к. с. на покупку водки на Одоецкой винокурнѣ, которой онъ однако не купилъ. Я считаю это обстоятельство важнымъ, потому что, такъ какъ при трупѣ Будилы не оказалось потомъ ни копѣйки въ порожнемъ кожаномъ кошелькѣ, то неизвѣстно куда дѣвались деньги и зарождается сомнѣніе, не съ корыстною ли цѣлью совершено убійство.

Отъужинали сытно и плотно; никто не смотрѣлъ на часы, но было далеко за полночь—часа 3 или 4 утра, когда графъ сталъ собираться къ отъѣзду. Такъ какъ на дворѣ, по показанію священника, была мятель и вьюга, то онъ и распорядился припречь къ парѣ графской свою пару, причемъ на графскихъ лошадей надѣта

была упряжь священника. Графъ долго не выходилъ, тогда Будило, Керекеша и Тишковскій стали проѣзжать четверню. Графъ вышелъ и съ пьяна повздорилъ на прощаніи со священникомъ. Онъ разсердился за то, что лошадей не было и приходилось ждать; ему не понравилось, что въ сани запряжены были лошади священника, наконецъ онъ вышелъ изъ себя, когда Будила не далъ ему возжей въ руки, потому что священникъ неприказалъ дать ихъ графу. Морковъ велѣлъ выпречь лошадей священника,—священникъ велѣлъ выпречь всю четверню, что и исполнено Будилою и Керекешею, такъ какъ на графскихъ лошадяхъ была упряжь священника. «Воръ арестовалъ моихъ лошадей, сказалъ графъ, ни за что не поѣду, лучше найму лошадей или пѣшкомъ пойду въ Одои...» и направился съ Тишковскимъ пѣшкомъ. Изъ дѣла видно, что Тишковскій стучался къ крестьянину Слобонюку и хотѣлъ нанять у него лошадей; самъ ли онъ по своему усмотрѣнію это дѣлалъ или по приказанію графа, неизвѣстно; графъ говоритъ, что онъ его не посылалъ. Между тѣмъ какъ они шли пѣшкомъ, Будило и Керекеша успѣли переложить сбрую. Священникъ отправилъ Будилу на парѣ графскихъ, съ колокольчикомъ въ погоню за графомъ и сказалъ ему: «проводи графа до дому, а если графъ не захочетъ, то воротись». Будила нагналъ графа и Тишковскаго за деревнею у мостика, передалъ возжи Тишковскому, а самъ помѣстился на запяткахъ. Графъ не кричалъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго признака злобы къ Будилѣ, еслибы онъ питалъ злобу, то онъ бы тутъ его прибилъ, но питать эту злобу къ Будилѣ онъ не могъ. Онъ зналъ, что Будило дѣлалъ то, что ему приказано; что если слѣдуетъ гнѣваться, то только на священника, который «арестовалъ лошадей». Такимъ образомъ падаетъ сама собою вся приводимая въ приговорѣ палаты теорія мотивовъ, заставившихъ будто - бы Моркова предпринять съ предумышленіемъ убійство Будилы. Я не отрицаю, что отъ Моркова можно было бы ожидать, что разсердившись на Будилу, онъ

ударитъ его; но дать ему сѣсть на запяткахъ, обдумать въ теченіе ѣзды планъ убійства, запастись пистолетами, запречь лошадей и ѣхать съ тѣмъ, чтобы убить человѣка, который ему лично никакого зла не сдѣлалъ, а дѣйствовалъ по чужому приказанію, это такая психологическая невозможность, которая не выдерживаетъ критики. Не доѣзжая за нѣсколько десятковъ шаговъ до господскаго дома, Будило спрыгнулъ съ саней подъ горкою, съ тѣхъ поръ никто уже его живымъ и не видалъ.

Въ господскомъ домѣ графа были уже люди на ногахъ, а на людской кухнѣ потѣшалась прислуга. Дворня графа разбудила музыканта, пѣла и плясала до бѣлаго утра. Слѣдуетъ разсмотрѣть въ подробности, что происходило въ это время въ господскихъ комнатахъ и на кухнѣ, что и дастъ возможность разрѣшить, по показаніямъ свидѣтелей, капитальный вопросъ, который упущенъ былъ изъ виду и слѣдствіемъ и судомъ, между тѣмъ какъ отъ него зависитъ сама возможность преступленія со стороны Моркова, вопросъ о часѣ ночи, когда графъ пріѣхалъ домой.

Въ комнатахъ своихъ Морковъ засталъ на ногахъ Семена Флорчука поваренка, который отворилъ ему двери, прачку Рогальскую, съ которою онъ имѣлъ связь и которая занимала комнату возлѣ его спальни, служанку Ульяну Мельникову и ключницу Янковскую, которая суетилась возлѣ больного Никиты Старыхъ и поила его чаемъ. Самоваръ ставила Мельникова, ключницу разбудили, когда надобно было заварить чай. Она говоритъ, что легла въ 11 ч., а проспала 5 или 6 часовъ, слѣдовательно, разбужена была въ 4 или 5 утра. Графъ спросилъ Никиту о здоровьѣ, потребовалъ себѣ стаканъ чаю, отправился въ спальню и легъ. Янковская подъ присягою и Рогальская безъ присяги показываютъ, что графъ никуда затѣмъ ночью не уѣзжалъ, легъ въ постель и спалъ до самаго утра. Съ другой стороны скрипачъ Сорокопудъ разсказываетъ, что за два примѣрно часа до дня, слѣдовательно, въ шестомъ часу (такъ какъ въ концѣ

декабря свѣтаетъ въ восьмомъ), его разбудила графская прислуга и заставила играть. Въ то же время Ульяна Мельникова пришла ставить самоваръ. Сорокопудъ говоритъ, что онъ съигралъ два или три танца, когда раздался говоръ, что графъ пріѣхалъ, изъ чего можно заключить, что пріѣздъ графа былъ никакъ не раньше 5 или 6 часовъ утра. Затѣмъ показаніе Сорокопуда становится еще интереснѣе, оно пріобрѣтаетъ такую громадную важность, что въ немъ можетъ быть и заключается вся разгадка великой тайны убійства. Сорокопудъ утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что *полчаса* спустя послѣ пріѣзда графа въ кухню вошелъ Тишковскій весь въ снѣгу, съ подмерзшими волосами и усами. Сорокопудъ удивился откуда взялся Тишковскій весь обмерзшій, такъ какъ уже полчаса прошло съ пріѣзда графа. На вопросъ «куда ты ѣздилъ» Тишковскій отвѣтилъ: «ты хочешь знать куда я ѣздилъ? чертъ знаетъ куда?—чертей глушить я ѣздилъ!» Послѣ сихъ зловѣщихъ словъ Тишковскій взялъ свѣчу и отправился на конюшню распрягать лошадей, откуда вернулся черезъ *пять* минутъ. Важность показанія Сорокопуда заключается въ томъ, что оно удостовѣряетъ: 1) что по пріѣздѣ графа Тишковскій, не распрягая лошадей, кудато пропадалъ въ теченіи ½ часа, именно въ тотъ самый получасъ, когда графъ навѣщалъ Никиту и пилъ чай; 2) что онъ вернулся весь въ снѣгу; 3) что онъ произнесъ загадочныя, двусмысленныя и зловѣщія слова. Все что происходило затѣмъ на кухнѣ, можетъ быть до точнѣйшихъ подробностей возстановлено не по одному только показанію Сорокопуда, но и по совершенно согласному съ нимъ показанію прикащика Родзеевскаго. Въ промежуткѣ времени, когда Тишковскій пошелъ распрягать лошадей, а оставался еще часъ до разсвѣта, въ конюшню вошелъ Родзеевскій, уже вставшій отъ сна, совершенно трезвый. При немъ уже на кухню пришли писарь Замехонскій въ короткомъ сюртукѣ, а за нимъ и Тишковскій въ тулупѣ или кожухѣ и свитѣ. Тишковскій

потребовалъ, чтобы Сорокопудъ игралъ, самъ же пустился плясать; плясалъ сначала въ кожухѣ, а потомъ сбросилъ кожухъ и танцовалъ въ одной рубахѣ и подштанникахъ. Потомъ онъ присталъ къ ключницѣ Янковской, требуя водки, но ключница ему отказала, сказавъ, что графъ спитъ и что она не пойдетъ его будить. За симъ, хотя музыка и пляска продолжались до совершеннаго разсвѣта, Тишковскій исчезъ изъ кухни и Родзеевскій видѣлъ его днемъ спящимъ на конюшнѣ, въ то время, какъ по приказанію Родзеевскаго Блащукъ и другіе работники давали кормъ лошадямъ.

Таковы подробности всего происходившаго ночью въ усадьбѣ Одояхъ, въ ночь съ 25 на 26 декабря. На слѣдующій день въ 9 часовъ утра найденъ на снѣжномъ полѣ въ окрестностяхъ Мазепинецъ трупъ Будилы.

3) 26 декабря, между 9 и 10 часами утра, въ лѣсу близь самой дороги въ 1½ версты отъ Одои и въ 1 верстѣ отъ Мазепинецъ найденъ ничкомъ распростертый на снѣгу мертвый человѣкъ, оказавшійся Будилою. На немъ была свита, полушубокъ, рубаха, подштанники и шерстяные штаны полосатые, сапоги съ длинными голенищами, въ карманѣ пустой кожаный кошелекъ, на шеѣ красный шерстяной шарфъ или шаликъ, возлѣ трупа валялась барашковая шапка. Крестьяне и священникъ Лозинскій, ѣхавшій въ Одои, осмотрѣли трупъ, не снимая шарфа съ шеи, опускали штаны до голенищъ и поднимали рубаху до шеи, но ничего на тѣлѣ не замѣтили. Лицо умершаго было въ крови, но осматривавшіе излагали, что кровь шла изъ носа и что онъ замерзъ. Но когда трупъ привезли въ Мазепинцы и въ теплой избѣ обмыли водою, то оказалась сквозная рана въ головѣ отъ лѣваго уха до праваго глаза. Отверстіе этой раны ниже уха прикрыто было краснымъ шарфомъ, изъ чего можно было заключить или, что шарфъ надѣтъ на рану послѣ убійства или, что онъ надвинутъ на рану послѣ убійства. Подъ трупомъ и даже подъ частью лица, прилегавшаго къ снѣгу, крови найдено мало, изъ чего

можно заключить, что убійство совершено не въ томъ мѣстѣ гдѣ найденъ трупъ. Такъ какъ ранѣ сдѣланъ только наружный осмотръ, послѣ котораго до пріѣзда врача голова умершаго была похищена, то всѣ сужденія о причинахъ смерти Будилы могутъ быть основаны только или на признакахъ описанныхъ въ актѣ становаго пристава Грищенки, или на личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ лицъ, бывшихъ при составленіи этого акта. Каждое слово, каждая черта въ этомъ актѣ имѣетъ значеніе. Я постараюсь передать ихъ вполнѣ.

Одно отверстіе раны было на шеѣ со стороны лѣваго уха ниже онаго. Рана продолговатая, величиною въ мѣдный трехкопѣечникъ, говорятъ актъ и священникъ Лозинскій, въ большой палецъ, говорятъ Ковальчукъ и Мельнючукъ, въ пять мѣдныхъ копѣекъ, говоритъ гр. Морковъ. По удостовѣренію пристава Грищенки и матери Будилы, въ эту рану вкладывалъ при нихъ одинъ изъ понятыхъ два пальца. Другое меньшее отверстіе, по единогласному удостовѣренію всѣхъ видѣвшихъ, возлѣ носа подъ правымъ глазомъ величиною въ мизинецъ. Дыра круглая по акту, совсѣмъ круглая по удостовѣренію священника, продолговатая по словамъ Мельнючука и Ковальчука. Актъ говоритъ, что большее отверстіе на шеѣ наполнено запекшеюся кровью. Одинъ только Ковальчукъ и то не при первомъ, а при позднѣйшемъ допросѣ (16 марта III) показалъ, что вокругъ раны замѣтно было довольно большое въ полъ ладони черное пятно. Эти два признака, запекшаяся кровь въ ранѣ и кровяное пятно вокругъ раны, даютъ намъ возможность сказать почти навѣрное, что рана нанесена живому человѣку. Всякій учебникъ судебной медицины скажетъ, что если вокругъ раны было [illegible] черное пятно, это кровяной подтекъ (suggillatio), а кровяной подтекъ образуется всегда, когда вслѣдствіе ушиба, удара, раны, разрываются волосные кровеносные сосуды и кровь еще теплая, не свернувшаяся вливается въ ткань кожи. На трупѣ цвѣтъ подтековъ бываетъ

темнѣе съ буровато-краснымъ или чернымъ оттѣнкомъ, но чѣмъ больше времени прошло съ момента смерти, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы отъ удара могъ образоваться подтекъ, наконецъ, когда кровь свернулась въ сосудахъ умершаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ всякая возможность образованія подтека. Точно также и обиліе запекшейся крови въ ранѣ, указываетъ прямо, что кровь ключемъ текла въ жилахъ, когда нанесенъ ударъ, слѣдовательно рана нанесена живому, а не мертвому Будилѣ.

Какая рана?—конечно не *порѣзанная* и не *порубленная*, а или *колотая* или *огнестрѣльная*. Первая мысль осматривавшихъ трупъ 27 декабря была та, что голова пробита насквозь какимъ-то острымъ желѣзнымъ орудіемъ, на подобіе пики, но въ тоже время мать умершаго, солдатка Будилиха, бывшая съ мужемъ въ Севастополѣ и видавшая много ранъ, утверждала, что сынъ не пробитъ желѣзомъ, а прострѣленъ пулею. Которое изъ этихъ предположеній правильнѣе, рѣшить трудно при отсутствіи раненой части тѣла; но если сообразить тѣ немногія данныя, которыя собраны 27 декабря, то надо прійти къ заключенію, что гораздо правдоподобнѣе, что рана была *колотая*, уже просто потому, что невѣроятно, чтобы пуля могла произвести рану въ 5 копѣекъ. Въ актѣ и въ своемъ отзывѣ становой приставъ Грищенко проводитъ ту мысль, что въ огнестрѣльной ранѣ отверстіе входное бываетъ меньше выходнаго, что не совсѣмъ вѣрно. Во всѣхъ новѣйшихъ руководствахъ и учебникахъ судебной медицины, принято за достовѣрное, что выходное отверстіе равно или немножко меньше входнаго, но разница между ними ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть столь велика, какъ въ настоящемъ случаѣ (2 пальца и мизинецъ). Исключеніе изъ общаго правила составляетъ выстрѣлъ на весьма близкомъ разстояніи, почти въ упоръ. Тогда тѣло подвергается дѣйствію не только пули, не только пыжа загоняемаго въ рану, но и внезапно разширеннаго столба воздуха, слѣдовательно над-

лежало-бы предположить, что если Будило застрѣленъ, то онъ застрѣленъ въ упоръ. Но принять подобное предположеніе рѣшительно не возможно: при выстрѣлѣ на очень близкомъ разстояніи, вспыхивающее пламя зажигаетъ платье, опаляетъ кожу, оставляетъ на ней пороховыя синеватыя пятна. Раскаленныя частицы угля, не сгорѣвшія зернышки пороха располагаются на краяхъ раны, черными, весьма замѣтными, и очень характеристическими крапинками, слѣды обжога бываютъ замѣтны при выстрѣлахъ на разстояніи 2, 3 и даже 4 футовъ отъ дула. Отсутствіе этихъ признаковъ исключаетъ возможность предполагать рану въ упоръ, а при стрѣльбѣ на дальнемъ разстояніи не мыслимо столь разительное различіе отверстій. Такимъ образомъ не вѣроятно, чтобы рана была огнестрѣльная; что же касается до соображеній по вопросу какимъ огнестрѣльнымъ орудіемъ нанесена рана, ружьемъ или пистолетомъ, то ихъ надобно отнести къ области чистѣйшей фантазіи. И изъ ружья можно произвести выстрѣлъ отъ лѣваго уха къ правому глазу, стрѣляя не съ низу вверхъ а просто горизонтально, при извѣстномъ наклонѣ внизъ головою того, въ кого стрѣляютъ.

Таковы были слѣды преступленія на трупѣ. Кромѣ того обнаружены одновременно нѣкоторыя весьма важныя улики преступленія. Въ мѣстѣ лежанія трупа замѣченъ засыпанный не много снѣгомъ слѣдъ отъ саней. Сани были съ крыльями, взята мѣра ширины полозьевъ но нигдѣ въ Одояхъ не найдено саней, къ этому слѣду подходящихъ. Тѣ сани, на которыхъ ѣздилъ графъ имѣли полозья на 1 дюймъ и безъ крыльевъ. Слѣдъ шелъ отъ домика Замеховскаго до мѣста, гдѣ нашли трупъ и исчезалъ въ лѣсу. Другая важная примѣта найдена близь домика Замеховскаго, въ 114 шагахъ отъ домика тотъ же слѣдъ на дорогѣ и возлѣ него кровь, въ значительномъ количествѣ подъ выпавшимъ снѣгомъ, изъ чего можно заключить, что тутъ то и было совершено убійство. Спросъ прислуги Замеховскаго обнаруживаетъ

слѣдующее. Замеховскій съ женою и съ служанкою Соломеею Серветниковою былъ въ Одояхъ во дворѣ въ первый день Рождества до вечера. Когда баринъ уѣхалъ въ Мазепинцы, Замеховскій съ женою и служанкою отправился также домой и легъ спать. Ночью передъ разсвѣтомъ, по показанію работницы Варвары Кудрихи, кто то стукнулъ въ окно, крича „Замеховскій“, онъ съ просонковъ отвѣтилъ „слухамъ“, побѣжалъ босикомъ не одѣтый въ сѣни, потомъ воротился, надѣлъ сапоги сертукъ съ барашками и побѣжалъ неизвѣстно куда. Полчаса спустя жена Замеховскаго, полагая, что онъ отправился на дворъ Одоецкій, велѣла Серветниковой взять овчинный тулупъ и снести его къ мужу. Серветникова поднялась мѣшкая, взяла тулупъ и вышла, но едва сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію ко двору, какъ кто то крикнулъ сзади. Она оглянулась, Замеховскій стоялъ на порогѣ дома, явившись неизвѣстно откуда и кликнулъ ее назадъ. Замеховскій не могъ и не хотѣлъ объяснить, кто его вызывалъ ночью, онъ былъ смущенъ и дрожалъ отъ страха. Онъ показываетъ, что передъ разсвѣтомъ, никѣмъ незванный, пошелъ на господскій дворъ въ людскую кухню, гдѣ еще играла музыка. Что онъ былъ вызванъ нѣтъ сомнѣнія и это обстоятельство остается не раскрытымъ и темнымъ. Для насъ важно, что онъ пробылъ внѣ дома, какіе нибудь три четверти часа, или часъ, а по показанію дворни графа и Родзеевскаго онъ появился почти одновременно съ Тишковскимъ на кухнѣ, въ то время когда Тишковскій взялъ свѣчу распрягать лошадей. Становой Грищенко хотѣлъ доискиваться не обнаружатся ли у людей одоецкихъ слѣды крови на платьѣ, но поиски его остались тщетными. На тулупѣ Тишковскаго найдены правда какіе то затертыя пятна, не то сальныя, не то кровяныя—онъ отозвался что клалъ себѣ въ карманъ тулупа пищу, рыбу, когда ѣздилъ съ бариномъ. У Замеховскаго въ лѣвомъ кармане сертука на подкладкѣ оказались грязныя пятна и крапинки крови. Онъ отозвался, что стрѣлялъ во-

робьевъ и клалъ ихъ въ карманъ, что возможно. У него въ домѣ найденъ фартухъ окровавленный, но кровь происходила отъ мѣсячныхъ очищеній жены. За симъ, кончивъ первоначальное дознаніе, Грищенко распорядился о помѣщеніи и храненіи трупа впредь до пріѣзда врача. Вырыли яму на кладбищѣ, уложили Будилу въ гробъ, на который Морковъ отпустилъ досокъ изъ своего амбара, опустили въ яму, прикрыли яму 4 досками и на доски навалили земли, предоставивъ крестьянамъ держать караулъ у могилы. Здѣсь выходитъ разногласіе между Грищенкою и крестьянами. Онъ утверждаетъ, что велѣлъ крестьянамъ сторожить умершаго, смѣняясь днемъ и ночью, они же говорятъ, что велѣно имъ только навѣдываться по утрамъ и вечерамъ.

4) Церковь Мазепинецкая и кладбище помѣщаются въ концѣ деревни, т. е. на окраинѣ ея между двумя почти паралельными дорогами, изъ коихъ одна ведетъ изъ Мазепинецъ въ Одои, а другая изъ Старо-Константинова въ Сальницу. Ночью съ 3 на 4 января никто не караулилъ могилу. Утромъ 4 января крестьяне, которымъ старостою Ковальчукомъ приказано было осматривать могилу, нашли, что доски, прикрывавшія ее, раздвинуты и крышка гроба не пристаетъ къ нему плотно. Позвали старосту Ковальчука, сотскаго Коломійца, сняли крышку и нашли, что у трупа нѣтъ головы, что голова отрѣзана тупымъ ножемъ ниже отверстія раны, такъ что вся рана съ головой вмѣстѣ исчезла. Ножемъ обрѣзаны были мясныя части, но такъ какъ ножъ не могъ перерѣзать кость, то эта кость скручена по всей вѣроятности руками. Первое предположеніе совершенно правильное, которое должно было явиться у каждаго, было то, что голова унесена, чтобы поставить судъ въ невозможность опредѣлить родъ убійства. Желать достиженія этой цѣли могъ разумѣется только или самъ убійца, или кто нибудь по его внушенію и навѣту. Какъ ни хитро была придумана эта штука, однако

нельзя было спрятать всѣ концы, похитителямъ измѣнилъ снѣгъ, сохранившій отпечатки ихъ ногъ. Не смотря на принятыя похитителями предосторожности обнаружено, что похитителей было двое, что у одного нога была поменьше и тотъ шелъ первый, у другого нога побольше и тотъ ступалъ въ слѣды перваго и уничтожалъ эти отпечатки. Похитители пришли на кладбище съ дороги Сальницко-Константиновской и ушли, совершивъ свое дѣло, на ту же дорогу. Слѣдъ меньшей стопы не могъ быть опредѣленъ и возстановленъ, что же касается до слѣда большей ноги, то священникъ Лозинскій вырѣзалъ мѣтку одного изъ каблуковъ. Каблуки были простые, очевидно принадлежащіе парѣ неуклюжихъ крестьянскихъ сапоговъ, подкованные гвоздями, причемъ замѣчено, что число гвоздей было не ровное на каблукахъ, что на одномъ каблукѣ было двумя гвоздями больше, нежели на другомъ, и изъ этихъ двухъ гвоздей у одного головка сломана. При изученіи этихъ слѣдовъ на скорую руку, крестьянами и священникомъ сдѣланы *три* существенные промаха и упущенія, которые подвергаютъ сильнѣйшему сомнѣнію всѣ выводы изъ числа гвоздей: а) Вышло разногласіе относительно числа гвоздей. Въ актѣ становаго пристава Грищенки сказано (5 января), по словамъ свидѣтелей, что гвоздей было 11 на одномъ и 13 на другомъ каблукѣ, Ковальчукъ и Павлюкъ говорятъ, что ихъ было 12 и 14. Затѣмъ со словъ ихъ и въ приговорѣ Подольской уголовной палаты значится вездѣ 12 и 14, въ противность акту 5 января. б) Не отмѣчено расположеніе гвоздей, по которому вѣрнѣе нежели по числу гвоздей можно было бы доискаться владѣльца сапоговъ. в) Наконецъ не отмѣчено по слѣдамъ на снѣгу, который каблукъ на правой или на лѣвой ногѣ имѣетъ 11 (или 12) и который 13 (или 14) гвоздей.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ характеристическихъ признаковъ обращено вниманіе на одно только число гвоздей и при томъ само это число опредѣлено разно-

рѣчиво. Затѣмъ начался осмотръ сапоговъ у всей дворни одоецкой и оказалось, что подходящіе сапоги находятся у 38-ми лѣтняго работника на одоецкой конюшнѣ Кузьмы Блащука — то есть что у Блащука на каблукахъ оказалось на одномъ двумя гвоздями меньше, нежели на другомъ и изъ лишнихъ двухъ на одномъ недостаетъ головки. Особенность замѣчательная и характеристичная, но тогда, когда она совпадаетъ съ другими подробностями и уликами, въ настоящемъ же случаѣ нельзя сказать, чтобы она совпадала, потому что каблуки Блащука не оказались одинаковой величины съ слѣдами на снѣгу. Это несходство каблуковъ со слѣдами по величинѣ я вывожу изъ акта 5 января. Изъ этого акта видно, что мѣрка слѣда снимаема была на снѣгу двукратно, сначала въ день отрѣзанія головы, священникомъ и старостой. Этотъ слѣдъ не пришелся къ сапогу Блащука, онъ оказался больше; но есть еще мѣрка другая, снятая на слѣдующій день Грищенкомъ, мѣрка относительно которой сказано было въ актѣ, что она меньше священнической, потому что нынѣ по случаю «оттепели и отъ таянія снѣга слѣды измѣнились». Эта мѣрка дѣйствительно пришлась къ сапогамъ Блащука, но она видимо и положительно невѣрная. И такъ на основаніи шаткихъ данныхъ, которыя обнаружены были при дознаніи относительно слѣдовъ на снѣгу, сомнительно, отъ сапоговъ ли Блащука произошли эти слѣды. Я считаю этотъ фактъ положительно не доказаннымъ. Но если бы онъ и былъ доказанъ, то изъ открытія слѣдовъ сапоговъ Блащука на кладбищѣ еще нельзя заключить о присутствіи самаго Блащука и тѣмъ менѣе графа Моркова на этомъ кладбищѣ. Напротивъ того, если давать какую нибудь вѣру свидѣтельскимъ показаніямъ, надо принять за достовѣрное, что Блащукъ не могъ быть на кладбищѣ въ ночь съ 3 на 4, потому что всю эту ночь онъ пробылъ въ Одояхъ.

Похищеніе головы совершилось въ темнотѣ ночи до разсвѣта: 1) потому что на разсвѣтѣ приходили кре-

стьяне навѣдываться въ какомъ положенiи могила, 2) что днемъ люди ходятъ и ѣздятъ по староконстантиновской дорогѣ и замѣтили бы пришельцевъ, но ихъ никто не видалъ. По мѣсяцеслову Бердичевскому солнце восходитъ 4 января въ 7 ч. 56 м., свѣтаетъ, положимъ, въ 7 часовъ, и такъ похищенiе совершилось никакъ не позже 7 или 8 часовъ. Между тѣмъ всю ночь до разсвѣта Блащукъ провелъ въ Одояхъ, въ экономической пекарнѣ. По словамъ его и служанки Мельниковой, новые сапоги, подходящiе по числу гвоздей къ слѣдамъ, онъ надѣлъ въ первый разъ 3 января, но они были неподкованы и потому онъ ихъ подковалъ гвоздями, вымазалъ дегтемъ и поставилъ на печкѣ сохнуть, а самъ легъ спать раздѣвшись въ той же пекарнѣ и не выходилъ всю ночь. Спавшiя въ той же пекарнѣ двѣ служанки Мельникова и Мотра Осаулова показали, что на разсвѣтѣ видѣли его въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же положенiи, т. е. совершенно раздѣтымъ, въ какомъ видѣли его вечеромъ, когда онъ ложился спать. Есть еще и другой фактъ, подтверждающiй тоже: Пѣшкомъ нельзя совершить странствованiя; если отъ Одои до Мазепинецъ 2½ версты, то дабы объѣхать прудъ и попасть на кладбище съ другаго пути Сальницко-Константиновскаго, нужно сдѣлать по крайней мѣрѣ 5 верстъ; чтобы совершить этотъ путь необходимы лошади. Между тѣмъ кучеръ Высоцкiй, спавшiй въ конюшнѣ, утверждаетъ, что никто на конюшню въ ночь съ 3 на 4 не приходилъ и лошадей не бралъ.

Съ разсвѣтомъ, когда начало сѣрѣть, т. е. примѣрно въ 7 часовъ (никакъ не раньше половины 7-го) Блащукъ всталъ, пошелъ въ конюшню и получилъ приказанiе отъ эконома Родзеевскаго запрягать лошадей, чтобы отвезти его въ Игнатовку нанимать рабочихъ. Пока Родзеевскiй заходилъ на домъ за желѣзомъ, чтобы въ Игнатовкѣ заодно подковать лошадей, вышелъ графъ и распорядился иначе, сѣлъ на сани, приготовленныя для Родзеевскаго и поѣхалъ на вѣтряную мельницу. Это

обстоятельство объясняется по словамъ Моркова очень просто: былъ сильный вѣтеръ и Моркову хотѣлось видѣть дѣйствіе мельницы. Такъ какъ на дворѣ только свѣтало, а внутри мельницы было еще темно, то по приказанію графа мельникъ Матеушъ зажегъ свѣчу и повелъ графа на верхъ показать машину. Съ вѣтряной мельницы Морковъ поѣхалъ на конную, гдѣ пробылъ не долго и гдѣ его видѣли Давыдъ Мокодай и Иванъ Левицкій, потомъ онъ отправился на винокуренный заводъ, гдѣ его видѣли мастеръ Ааронъ и подвальный Юдко Гольденбергъ. Слѣдователи старались выставить какъ можно рельефнѣе неестественность появленія графа на мельницахъ, въ столь раннюю пору, и дѣствительно, по отзывамъ мельниковъ, онъ никогда столь рано не бывалъ на мельницахъ, но съ другой стороны Юдко и Ааронъ удостовѣряютъ, что графъ всякій день приходилъ на заводъ рано въ 7, 8 и 9 часовъ. Пріѣхавъ на заводъ, графъ отпустилъ Блащука, который вернулся съ поѣздки спустя часъ послѣ выѣзда съ графомъ по показанію Юдки, слѣдовательно въ ясный день. Здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какихъ сапогахъ ѣздилъ Блащукъ, въ старыхъ или въ новыхъ? Въ этомъ отношеніи онъ сбивался въ показаніяхъ и при слѣдствіи и въ уголовной палатѣ, сначала говорилъ, что въ новыхъ, а затѣмъ утверждалъ, что въ старыхъ, что ему памятно потому, что сильно въ ногахъ озябъ, надѣлъ же новые сапоги вернувшись, при чемъ не замѣтилъ чтобы они были ношены или запачканы. Я полагаю, что это разногласіе слѣдуетъ отнести къ запамятованію обстоятельствъ, потому что какое ни взять изъ двухъ предположеній, всетаки изъ нихъ ничего не можетъ выйти, никакого заключенія относительно похищенія головы. Если Блащукъ съѣздилъ въ старыхъ сапогахъ, то значитъ не его ноги въ этихъ сапогахъ странствовали на кладбище: если онъ ѣздилъ въ новыхъ, то значитъ не его сапоги отпечатлѣли слѣдъ, а сапоги похожіе, потому что не могъ же онъ въ одно и тоже время быть и на вѣтря-

ной мельницѣ и за 5 верстъ на Старо-Константиновской дорогѣ. Здѣсь обрывается нить руководящая и кончается разборъ серьезныхъ фактовъ дѣла, остальные факты, по моему мнѣнію, не серьезные, подозрѣнія, слухи, молва и наконецъ оговоры со стороны лицъ замѣшанныхъ и заподозрѣнныхъ въ преступленіи. Я долженъ теперь приступить къ этимъ оговорамъ, но я не иначе могу ихъ разсмотрѣть какъ совмѣстно съ разборомъ образа дѣйствія слѣдственныхъ коммиссій, съ которыми они имѣютъ тѣснѣйшую связь. Первая коммиссія направила подозрѣніе на Моркова, второй велѣно было искать вокругъ Моркова, она стала искать, тогда и явились запоздалые оговоры. Насколько эти оговоры заслуживаютъ вѣры, это легко опредѣлить изъ соображенія ихъ съ открытыми и достовѣрными обстоятельствами дѣла.

5) Когда совершится какое нибудь таинственное и загадочное преступленіе, то прежде чѣмъ слѣдствіе раскроетъ истину, въ народѣ слагаются легенды, фантастическіе разсказы, догадка превращается мгновенно въ достовѣрность и начинаютъ ходить самые обстоятельные слухи, которые повторяетъ каждый встрѣчный, не имѣя возможности и не стараясь указать на источникъ. Первыя догадки должны были непремѣнно направиться на графа и на Тишковскаго. Вѣроятно очень многіе разсуждали, какъ разсуждала мать Будилы: «Графъ Морковъ долженъ знать кто убилъ Будилу, — сына моего убилъ графъ Морковъ, потому что сынъ мой съ нимъ ѣздилъ». По всей вѣроятности эти же слухи уже распространились когда начато слѣдствіе коммиссіею подъ предсѣдательствомъ судебнаго слѣдователя Василевскаго 21 февраля, слѣдовательно спустя 2 мѣсяца послѣ происшествія. Очень понятно, что подозрѣніе направилось на Тишковскаго, котораго загадочныя слова и появленіе чрезъ полчаса послѣ пріѣзда изъ Мазепинецъ графа должны были возбудить сомнѣніе, и на Замеховскаго, который неизвѣстно кѣмъ былъ вызванъ ночью, ка́къ будто для совѣщаній, куда спря-

тать трупъ Будилы, убитаго близь его дома. Но я не могу не видѣть вліянія молвы и предубѣжденія отъ слуховъ въ разсужденіяхъ коммиссіи о происхожденіи раны. Коммиссія разсудила 25 февраля 1867 г., что рана имѣетъ круглый видъ, слѣдовательно сдѣлана непремѣнно пулею, что произвольно, потому что рана была продолговатая и могла быть произведена острымъ оружіемъ; мало того—коммиссія заключила, что рана произведена непремѣнно пистолетомъ, что еще болѣе произвольно, потому что и изъ ружья можно стрѣлять снизу вверхъ и сдѣлать рану подобную ранѣ Будилы; можно причинить такую же рану горизонтальнымъ выстрѣломъ при извѣстномъ наклоненіи головы или даже выстрѣломъ сверху внизъ, если стрѣлятъ въ лежащаго ничкомъ человѣка. Подобныя заключенія, при всей своей произвольности, мѣтили прямо въ Моркова, потому что пѣшни, пики, острыя желѣзныя орудія могли найтись у всѣхъ, ружья у немногихъ, а пистолеты въ этомъ околодкѣ ни у кого кромѣ Моркова. Наконецъ, къ довершенію произвола, въ протоколѣ 26 марта коммиссія вопреки очевидности, полагаетъ за достовѣрное, что рана произведена въ упоръ. Такимъ образомъ возникло, выработалось и принято на вѣру какъ нѣчто несомнѣнное, положеніе, на которомъ потомъ построенъ весь приговоръ палаты, что Будила убитъ изъ пистолета.

Была еще и другая улика, которая погубила Моркова въ глазахъ первой коммиссіи и уголовной палаты, хотя это такая улика, которая при малѣйшей критикѣ должна бы быть отклонена, я разумѣю похищеніе головы у Будилы. Въ похищеніи головы нельзя было подозрѣвать ни Тишковскаго ни Замеховскаго потому, что они содержались подъ карауломъ; Морковъ оставался на свободѣ и коммиссія заподозрила Моркова. Въ логикѣ принято за правило дѣлать заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ достовѣрнаго къ предполагаемому. Если-бы было достовѣрно извѣстно, что Будилу убилъ Морковъ, то я допускаю что можно было

бы заключить, что и голову похитилъ Морковъ. Но убіеніе Будилы Морковымъ была и есть только догадка, подъ которую подыскивались основанія. Изъ этой догадки коммиссія вывела вторую догадку: если Будилу убилъ Морковъ, то и голову похитилъ Морковъ, а эта послѣдняя догадка обращена потомъ въ свою очередь въ средство, подкрѣпленіе и подтвержденіе первой: если голову похитилъ Морковъ, то по всей вѣроятности онъ же и убилъ Будилу. Выходитъ то, что называютъ въ логикѣ *circulus vitiosus*. На этихъ весьма непрочныхъ основаніяхъ первая коммиссія заключила, оканчивая слѣдствіе, что въ убійствѣ Будилы можно, если не обвинить, то заподозрить Тишковскаго и Замеховскаго, съ которыми участвовалъ еще кто-нибудь, а можетъ быть и самъ графъ Морковъ.

Не знаю чѣмъ руководилась уголовная палата, слухами ли дошедшими въ Каменецъ-Подольскъ или иными соображеніями, но она высказалась въ этомъ дѣлѣ еще прямѣе и рѣшительнѣе нежели коммиссія (указъ 19 мая 1867 г. № 153). Она нашла, направляя дѣло къ дослѣдованію, что *въ слѣдствіи нѣтъ ни тѣни стремленія обнаружить истину*, что коммиссія *закрыла истину*, что *главный виновникъ убійства не обнаруженъ*, а слѣдовательно вина второстепенныхъ участниковъ неизвѣстна еще положительно, что *если-бы всѣ прикосновенные къ дѣлу*, *а въ томъ числѣ и графъ Морковъ, были арестованы, то они не могли бы подготовить къ отвѣтамъ свидѣтелей*. Я привожу подлинныя выраженія указа, въ коемъ палата предрѣшила дѣло по существу и прямо указала новой коммиссіи, чего она должна искать и кто по ея мнѣнію убійца. Новая коммиссія взялась за дѣло съ усердіемъ и въ духѣ указа палаты, но весьма не согласно съ закономъ. Съ начала до конца она дѣйствовала одностороннимъ образомъ и съ недостаточнымъ уваженіемъ къ истинѣ.

Она заковала Тишковскаго и Замеховскаго въ ручные и ножные кандалы, за симъ съ полнѣйшимъ пре-

небреженіемъ къ 5 п. 215 ст. II части XV т., запрещающему допрашивать свидѣтелей по слуху, коммиссія начала съ допроса доносчика, который былъ только свидѣтелемъ по слуху и передавалъ съ десятыхъ устъ былину, потому только что эта былина гласила объ убійствѣ Будилы Морковымъ. Этотъ свидѣтель былъ отставной дьячекъ *Палій*. Онъ указалъ на Флорчука, Флорчукъ вмѣстѣ съ Тишковскимъ и Замеховскимъ повторяютъ слово въ слово разсказъ дьячка, разнообразя его незначительными прибавленіями. Хотя, по собственному признанію Флорчука, онъ оказался виновнымъ въ сокрытіи трупа, и слѣдовательно прикосновеннымъ къ дѣлу, коммиссія вопреки I пунк. 216 ст. 2 ч. XV т. привела его къ присягѣ и заручившись этими тремя оговорами, всѣхъ несогласныхъ съ ними въ показаніяхъ или арестовала, какъ напримѣръ, Островецкаго, Блащука или подвергла полицейскому надзору, какъ напримѣръ, Никиту Старыхъ, Шлему Шафира, чѣмъ не могла не навести всеобщій страхъ на допрашиваемыхъ. Забѣгая впередъ рѣшенію суда, коммиссія опредѣлила, что Флорчукъ не подлежитъ отвѣтственности, ни дѣйствія его вмѣненію, наконецъ, замѣтивъ въ показаніяхъ оговаривающихъ нѣкоторыя противорѣчія, коммиссія рѣшаетъ очныхъ ставокъ не давать, такъ какъ противорѣчія произошли отъ того, что одинъ изъ оговорщиковъ, Тишковскій, былъ пьянъ. Невдаваясь въ разборъ всѣхъ неправильностей въ дѣйствіяхъ второй коммиссіи, перехожу прямо къ результатамъ ея дѣйствій, къ тѣмъ оговорамъ, которымъ она придала такой вѣсъ и значеніе. Сначала я передамъ вкратцѣ содержаніе оговоровъ, а потомъ разберу, сходны ли они съ обстоятельствами дѣла.

Вотъ что они разсказываютъ—Тишковскій, Флорчукъ и Замеховскій: на возвратномъ пути изъ Мазепинецъ, графъ Морковъ велѣлъТишковскому остановиться у дома Замеховскаго и кликнуть сего послѣдняго къ себѣ во дворъ, потомъ, вернувшись домой, вошелъ черезъ двери,

которыя отворилъ ему Флорчукъ въ спальню, стрѣлялъ изъ пистоновъ, очищая пистолеты и спросилъ у Флорчука умѣетъ ли онъ стрѣлять голубей. Тутъ же явился въ спальню Замеховскій, которому графъ сказалъ: «поѣдемъ волковъ стрѣлять» (съ пистолетомъ и притомъ въ мятель и вьюгу?). Всѣ трое пошли на дворъ къ конюшнѣ, гдѣ Тишковскій и Будило распрягали лошадей. Велѣно опять запречь лошадей, Тишковскій оставленъ, на козлы сѣлъ съ правой стороны Замеховскій (не возница) слѣва Будила, (богъ-вѣсть зачѣмъ; если охотиться на волковъ, то должны же бы быть чѣмъ нибудь вооружены всѣ охотники), Флорчукъ на запяткахъ. У домика Замеховскаго графъ внезапно выстрѣлилъ въ Будилу, на такомъ близкомъ разстояніи отъ Замеховскаго, что сей послѣдній на лѣвое ухо оглохъ. Затѣмъ Замеховскій держалъ лошадей, а графъ и Флорчукъ возились съ трупомъ и бросали на него снѣгъ. Отпустивъ Замеховскаго домой, графъ вернулся во дворъ Одоецкій, зашелъ къ лакею Никитѣ и велѣлъ ставить самоваръ. Но пришедши въ спальню графъ опять засуетился, что трупъ нехорошо спрятанъ и приказалъ Флорчуку запрягать лошадей во второй разъ. Флорчукъ зашелъ на кухню, вызвалъ Тишковскаго, который успѣлъ выспаться на конюшнѣ и зайти гдѣ играла музыка. Пока Тишковскій запрягалъ, Флорчукъ по приказанію барина вынесъ ему водки и пирожковъ. Поѣхали втроемъ: Флорчукъ, Тишковскій и графъ, подняли трупъ, положили въ сани и повезли черезъ дворъ на винокуренный заводъ мимо конюшни. Здѣсь одна изъ лошадей пристала, ее перемѣнили, повезли трупъ на прудъ, искали проруби, не нашли, поѣхали по дорогѣ въ Сальницу; здѣсь лошади стали подъ горою, тогда графъ велѣлъ направиться опять во дворъ. Здѣсь повстрѣчали на дворѣ Родзеевскаго, графъ соскочилъ съ саней, сталъ разговаривать съ Родзеевскимъ и сказалъ Флорчуку и Тишковскому, чтобы они куда нибудь отвезли и бросили трупъ. Самъ онъ отправился въ свои комнаты и легъ спать. Тиш-

ковскій и Флорчукъ отвезли трупъ Будилы на полъ дороги отъ Мазепинецъ и бросили его. Возвратившись Тишковскій зашелъ на кухню, плясалъ и сказалъ слова: «чертей глушить ѣздилъ». Тутъ же явился и Замеховскій, который выспавшись отправился тоже на разсвѣтѣ въ кухню и тоже принималъ участіе въ увеселеніяхъ. Такова сущность разсказа, за исключеніемъ мелочей и живописныхъ подробностей, которыхъ нельзя повѣрить: какъ напримѣръ, что Флорчука волосы стали дыбомъ и съ головы свалилась шапка, что Замеховскій оглохъ на лѣвое ухо. Оговорщики указали и сани на которыхъ будто бы возили трупъ, это тѣ самыя сани, на которыхъ пріѣхалъ Морковъ изъ Мазепинецъ, съ пятнами красными будто бы отъ крови на этихъ саняхъ.

Въ сущности всѣ эти оговоры вполнѣ согласны и съ показаніями Палія, но легко усмотрѣть, что они находятся въ положительномъ противорѣчіи со всѣми обстоятельствами дѣла. Для того, чтобы выйти изъ этого противорѣчія, необходимо сдѣлать одно изъ двухъ, или пожертвовать обстоятельствами дѣла оговорамъ или на оборотъ, оговорами въ пользу несомнѣнныхъ обстоятельствъ дѣла. 1) Можно сказать, что всѣ свидѣтели лгутъ, что они находятся подъ вліяніемъ помѣщика, что они подговорены, подкуплены, но это объясненіе есть обоюдоострое оружіе. Если-бы дѣло случилось при крѣпостной зависимости, то еще въ нѣкоторой степени понятно было бы рѣшительное вліяніе помѣщика на крестьянъ, но въ 1866 и 1867 годахъ и притомъ въ западныхъ губерніяхъ, скорѣе можно допустить противное, то есть, что оговоры внушены были страхомъ, который навела коммиссія, что коль скоро сдѣлалось извѣстнымъ чего она ищетъ и какой ея взглядъ на дѣло, тотчасъ же по образцу показанія Палія даны всѣ оговоры столкнувшимися оговорщиками изъ коихъ двое спасали сами себя. 2) Гораздо основательнѣе сказать, что оговорщики показываютъ неправду, коль скоро ихъ показанія прямо противны обстоятельствамъ дѣла и по-

казаніямъ другихъ свидѣтелей. Если такимъ образомъ отнестись къ оговорамъ, то они падутъ неминуемо. Оговорщики показываютъ неправду; потому что ихъ показанія неоправдались; сани, на которыхъ они указываютъ и на которыхъ ѣздилъ Морковъ, не похожи на сани, оставившія слѣдъ на снѣгу, онѣ уже на дюймъ; что слѣдовъ крови на саняхъ этихъ при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ не оказалось, а только жиръ, грязь, смола и окраска. Оговорщики показывали неправду, потому, что ни одна, кромѣ нихъ, душа во дворѣ не видѣла двукратнаго выѣзда графа ночью, что вся прислуга графа прямо отрицаетъ всякую бытность Замеховскаго въ покояхъ графа. Они показываютъ неправду потому, что на волковъ не ѣздятъ съ пистолетами, не ѣздятъ въ мятель, что еслибы графъ стрѣлялъ въ Будилу, сидѣвшаго предъ нимъ влѣво отъ него на козлахъ, то прострѣлилъ бы ему голову отъ праваго уха къ лѣвому глазу, а не отъ лѣваго уха къ правому глазу. Они показываютъ неправду потому, что весь ихъ разсказъ не совмѣщается съ разсказомъ Сорокопуда и людей, бывшихъ на кухнѣ, о времени появленія Тишковскаго и Замеховскаго въ кухнѣ, о томъ, что черезъ полчаса по пріѣздѣ барина вошелъ Тишковскій засыпанный снѣгомъ, что тогда онъ сказалъ: «чертей глушить ѣздилъ», что тогда онъ вышелъ, но только на пять минутъ, что послѣ пяти минутъ онъ появился почти одновременно съ Замеховскимъ, что оба они пробыли въ кухнѣ до разсвѣта.

Разсказъ этотъ видимо сочиненъ и при томъ не ловко, при такихъ условіяхъ, что для составленія его приняты въ соображеніе заключенія прежней коммиссіи, въ особенности ея соображенія о пистолетѣ.

6) Дѣло объ убійствѣ Будилы послѣ всѣхъ изслѣдованій и объясненій остается все-таки загадочнымъ и темнымъ, но дѣлъ уголовныхъ, темныхъ и неразгаданныхъ весьма много, по крайней мѣрѣ десятая часть совершающихся преступленій остается нераскрытою.

Есть два обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, препятствуютъ допустить, чтобы кто-нибудь изъ допрошенныхъ лицъ былъ убійцею Будилы: 1-ое несходство саней въ усадьбѣ Одояхъ со слѣдами таковыхъ на снѣгу и 2-е изумительное спокойствіе всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ тотчасъ послѣ убійства, непостижимое даже въ самыхъ закоренѣлыхъ злодѣяхъ. Графъ и Флорчукъ идутъ спать, Тишковскій и Замеховскій потѣшаются и пляшутъ. И такъ нельзя положительно сказать, кто убійца, но похищеніе головы наводитъ на мысль, что убійца былъ лицо близкое, кто нибудь изъ жителей Одоевъ или Мазепинецъ. Впрочемъ, если подозрѣвать въ убійствѣ спрошенныхъ по дѣлу лицъ, то скорѣе Тишковскаго, который неизвѣстно куда ѣздилъ въ теченіи получаса послѣ пріѣзда Моркова и Замеховскаго, котораго неизвѣстно кто вызывалъ ночью изъ дому. Какая побудительная причина могла заставить ихъ дѣйствовать? Можетъ быть корысть. Бывали убійства съ корыстною цѣлью изъ-за ничтожныхъ выгодъ и малыхъ денегъ; можетъ быть дѣйствовали и другіе мотивы, которыхъ мы не знаемъ и которые посему непонятны. Если непонятны мотивы, которые бы могли руководить къ убійству Тишковскаго и Замеховскаго, то еще непонятнѣе они со стороны графа Моркова. По всѣмъ симъ даннымъ Моркова слѣдуетъ освободить, какъ человѣка совершенно непричастнаго преступленію и ничѣмъ не навлекающаго на себя даже подозрѣнія. Я убѣжденъ, что Вы его оправдаете, гг. сенаторы.

Дѣло о графѣ Морковѣ по разногласію восходило до Государственнаго Совѣта. Въ 1870 г. Морковъ былъ по обвиненію въ убійствѣ Будилы оправданъ.

1869.

5.

Дѣло о скопцахъ Плотицыныхъ и др.

Тамбовская уголовная палата, по дѣлу о скопцахъ Плотицыныхъ и др., 13 мая 1869 г., между прочимъ, опредѣлила: I) моршанскихъ 1-й гильдіи купцовъ, почетныхъ гражданъ, Максима Кузьмина, 63 лѣтъ и Татьяну Егорову, 70 лѣтъ, Плотицыныхъ, за принадлежность къ скопческой сектѣ, покровительство скопцамъ и распространеніе ереси, и изъ нихъ Татьяну Плотицыну за укрывательство ея оскопителя, на основаніи 197 и 201 ст. уложенія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, и изъ нихъ Максима Плотицына 3-хъ медалей и ордена святой Анны, сослать на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученіемъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства о чемъ въ отношеніи ихъ увѣдомить тобольскій приказъ о ссыльныхъ; II) моршанскаго мѣщанина, объявленнаго скопцомъ, Іевлія Степанова Зыкина, 79 лѣтъ, за продерживаніе въ домѣ своемъ женщинъ, оказавшихся оскопленными и укрывавшаго принадлежность свою къ скопческой сектѣ, на основаніи 202 и 201 ст. улож., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводы на 4 года, о чемъ тобольскій приказъ о ссыльныхъ увѣдомить; но такъ какъ Зыкинъ продерживалъ у себя женщинъ многіе года, которыя, со всею вѣроятностью, подверглись оскопленію въ давнишнее время, то ходатайствовать также у правительствующаго сената объ отмѣнѣ Зыкину наказанія за давностью.

На это опредѣленіе подана была въ V департаментъ правительствующаго сената апелляціонная жалоба и представлены защитою личныя объясненія.

Разбирательство происходило въ 1-мъ отдѣленіи V-го департамента правительствующаго сената 20-го августа 1869 года.

Отрывокъ изъ рѣчи защитника Татьяны Плотицыной и Іова Зыкина, *прис. пов. Спасовича.*

Настоящее дѣло о моршанскихъ скопцахъ есть, конечно, одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи скопчества въ Россіи. Посему, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ изъ исторіи скопчества; данныя я заимствую изъ книги Надеждина, на которую сослался и защитникъ Плотицына. Скопчество выродилось изъ такъ называемой хлыстовщины, появившейся въ 1733 г., въ царствованіе Анны Іоанновны. Начало скопчеству положилъ въ концѣ прошлаго столѣтія Кондратъ Селивановъ, выдававшій себя за Петра III и за Христа. Онъ проповѣдывалъ свое ученіе въ Моршанскѣ, въ Сосновкѣ, въ той самой Сосновкѣ, о которой упоминается столько разъ въ дѣлѣ Плотицынскомъ; здѣсь онъ наказанъ былъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Въ царствованіе Павла I онъ былъ вызванъ изъ ссылки и посаженъ въ домъ сумасшедшихъ. Въ 1802 г. онъ былъ выпущенъ; въ періодъ религіозной терпимости, въ первые годы царствованія Александра I, снова дѣйствовалъ, съ 1802 г. по 1820 г. заводилъ круги и братства, наконецъ, въ 1820 г. заточенъ въ суздальскій монастырь, гдѣ и умеръ. Въ числѣ его послѣдователей была Анна Сафоновна, скопческая пророчица, дочь Сафона Попова изъ Сосновки, одного изъ первыхъ послѣдователей Селиванова. Она жила еще въ Моршанскѣ въ то время, когда Надеждинъ писалъ свою книгу, т. е. въ 1844 г. Такимъ образомъ, Моршанскъ и вся мѣстность вокругъ, суть та почва, которая породила и выростила скопчество. Когда начались преслѣдованія, то верхушки ереси были срѣзаны, но корни остались; потомъ о нихъ и забыли. Нынѣ, когда вновь моршанскимъ дѣломъ было обращено вниманіе общества на скопчество, то оказалось, что оно не истреблено, и существуетъ, хотя нѣтъ данныхъ, чтобы оно особенно распространялось. Число скопцовъ по Надеждину въ сороковыхъ годахъ было въ Россіи отъ 8 до 10 т.; можетъ быть ихъ и теперь не меньше.

Оказалось по настоящему дѣлу, что въ Моршанскѣ, Сосновкѣ, Правыхъ-Ломкахъ, Атмановомъ-углѣ, есть цѣлыя гнѣзда скопческія, которыя не значатся въ спискахъ правительства. Если-бы розыски пошли далѣе этой стороны, то можетъ быть обнаружилось-бы больше неизвѣстныхъ правительству скопцовъ. Такъ, за послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ по газетамъ, что скопчество распространяется въ средѣ крестьянъ петербургской губерніи, даже между лютеранами. Но слѣдствіе съ перваго раза было озабочено не тѣмъ, чтобы какъ можно больше раскрыть и привлечь лицъ, приверженцевъ скопчества, а чтобы ударить на главные центры скопчества. Мнѣ кажется, что дѣло не приняло бы такихъ размѣровъ, если бы съ перваго раза не было направлено противъ человѣка, который дѣйствительно выходилъ изъ ряда простонародья, по своему положенію въ обществѣ, и о которомъ молва гласила, что онъ весьма богатый человѣкъ, обладаетъ цѣлыми милліонами. Этотъ человѣкъ Максимъ Плотицынъ, живущій купно съ двоюродною сестрою, которую считаютъ скопчихою, хотя слѣдствіемъ обнаружено, что Плотицынъ далеко не имѣетъ тѣхъ несмѣтныхъ сокровищъ о которыхъ гласила молва, хотя оказалось, что онъ вовсе не скопецъ, и не воспріялъ ни огненнаго крещенія, ни такъ называемой царской печати, хотя ни у кого изъ живущихъ въ домѣ его мужчинъ не найдено, чтобы они были изувѣчены, хотя даже женщины, которыя были найдены въ его домѣ, весьма сомнительныя скопчихи, а относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно положительно сказать, что онѣ ничуть не оскоплены, хотя недоказано, чтобы Плотицынъ кого либо совращалъ, а жилъ весьма уединенно, такъ что нѣтъ собственно никакихъ ровно признаковъ, по которымъ можно-бы было причислить его къ распространителямъ ереси. Дѣйствительно, у него и у его сестры были найдены нѣкоторые подозрительные предметы, но изъ нихъ можно заключить не о принадлежности его къ скопческой сектѣ, но лишь о

связяхъ, знакомствѣ съ скопцами или, пожалуй, даже о нѣкоторомъ сочувствіи ихъ ученію. Онъ и живущіе въ его домѣ люди странны, не ѣдятъ мяса и живутъ затворнически; въ домѣ его, надъ его кроватью, найденъ портретъ Селиванова; у Татьяны портретъ Петра III съ мистическимъ ореоломъ и факелами. Попались и другія вещи, довольно загадочныя, какъ-то: волоса, миндалины, молитвы, замѣтка въ книгѣ: «дождусь словесника и трехъ государей». Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ образуетъ то, что уголовной палатѣ угодно было назвать скопческой обстановкой, но я никакъ не могу согласиться на это наименованіе и называю всѣ эти вещи только признаками, по которымъ можно заключить лишь о связяхъ Плотицына съ скопцами, о его общеніи съ ними. Допустимъ даже, что эти признаки изобличаютъ его вполнѣ въ личномъ его сочувствіи къ ученію скопчества. На основаніи одной только этой такъ называемой неправильно скопческой обстановки Плотицыны привлечены и преданы суду, надъ ними виситъ строгая кара закона, преслѣдующаго распространеніе сектантскихъ ересей въ Россіи.

Гг. сенаторы! Вы должны примѣнить законъ, какъ бы онъ строгъ небылъ; вы судъ, а судъ не милуетъ, онъ только примѣняетъ законъ, но самый законъ долженъ быть примѣненъ съ толкомъ и разумѣніемъ; одно толкованіе даетъ закону жизнь и смыслъ; толкованіе его можетъ быть широкое и можетъ быть узкое; то толкованіе истинно, которое ближе всего подходитъ къ цѣли и намѣреніямъ законодателя. Вотъ почему, предварительно разсмотрѣнія вопроса, идутъ-ли тѣ законы которые установлены для скопцовъ, къ Плотицынымъ, да будетъ мнѣ позволено остановиться на вопросѣ: какая цѣль руководила законодателемъ при установленіи такихъ строгихъ законовъ о скопчествѣ? ради чего преслѣдуются скопцы? Изъ за вѣры-ли? Я думаю, что нѣтъ. Въ настоящее время грѣшно сказать, что могутъ быть какія либо преслѣдованія за вѣру. Не намъ, людямъ

XIX вѣка, возстановлять память о прежнихъ гоненіяхъ, пятиться въ средніе вѣка; нашъ законъ — святая вѣротерпимость, неприкосновенность личныхъ убѣжденій. Не намъ принуждать къ единенію въ вѣрѣ человѣка, какъ бы онъ нибылъ странно убѣжденъ, коль скоро онъ никому не вредитъ. Я полагаю, что таково отношеніе государства ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; оно терпитъ и евреевъ и магометанъ и раскольниковъ. Я полагаю, что такъ относится къ расколу и наша православная церковь; извѣстно, что она не отличается особеннымъ духомъ гоненія. Я просилъ бы вспомнить прочитанный при докладѣ отзывъ протоіерея Коптевскаго о Плотицыныхъ. Протоіерей моршанскаго собора свидѣтельствуетъ, что Максимъ Плотицынъ, его сестра и всѣ живущіе въ ихъ домѣ исполняли весьма ревностно всѣ обязанности, всѣ обряды христіанской вѣры, и что онъ, священникъ, вообще считаетъ Плотицыныхъ хорошими христіанами. Конечно, не могли не дойти до духовенства слухи, что Плотицынъ принадлежитъ къ сектѣ скопцовъ, не могло оно не имѣть въ виду не посѣщаетъ-ли онъ церквей страха ради іудейска, но такъ какъ онъ никого не совращалъ, то духовенство разсуждало: пускай живетъ затворнически, монашески, и онъ и его сестра со своими дѣвицами — скучная, пасмурная жизнь, безъ всѣхъ тѣхъ радостей, безъ которыхъ жизнь намъ бы опостыла; тѣмъ менѣе вѣроятности, что найдутся послѣдователи, которые пойдутъ тою же стезею.

Если преслѣдованіе не проистекаетъ изъ религіи, то не совершается-ли оно изъ видовъ политическихъ, потому что скопцы вредны въ государственномъ отношеніи? Я полагаю, что этотъ взглядъ дѣйствительно когда-то господствовалъ у насъ; подъ его вліяніемъ сложились законы о скопцахъ, имъ пропитана книга, писанная Надеждинымъ; онъ говоритъ, что это люди богатые, образуютъ тѣсное братство, что они толкуютъ о пришествіи Христа своего, который придетъ изъ

страны Иркутскія и ударитъ въ колоколъ успенскій; что этимъ вѣрованіемъ крамольники наши могутъ воспользоваться и произвести безпорядки. Этотъ взглядъ теперь всѣми оставленъ; исторія послѣднихъ лѣтъ доказала, что вообще расколъ въ Россіи нисколько не опасенъ, не имѣетъ никакого значенія, даже никакого элемента политическаго, что онъ не поддается искушеніямъ и навѣтамъ, что раскольники такіе же вѣрные слуги государства и государя, какъ и православные, и даже тѣ изъ нихъ, которые отвергаютъ государство, исполняютъ однако по долгу и совѣсти всѣ государственныя повинности и обязанности.

Итакъ, во имя чего же должны быть преслѣдуемы скопцы? Во имя человѣческой природы, во имя чувствъ человѣческихъ, оскорбляемыхъ жестокимъ изувѣрствомъ. Государству нѣтъ дѣла до того, во что кто вѣруетъ, но оно можетъ сказать: живите смирно, не смѣйте калѣчить другъ друга, не смѣйте вредить другъ другу, не смѣйте и сами себя калѣчить. Всякаго нарушителя этого запрета государство вправѣ подвергнуть самому строгому наказанію, все равно съ какою бы цѣлью онъ ни сдѣлалъ это нарушеніе. Я полагаю, что эта точка зрѣнія самая вѣрная, самая раціональная. Я не могу сказать, чтобы она была точка зрѣнія нашего законодательства, потому, что если бы наше законодательство стояло на ней, то оно отнесло бы оскопленіе къ разряду тяжкихъ увѣчій, между тѣмъ какъ законы о скопцахъ помѣщены въ раздѣлѣ улож. о преступленіяхъ противъ вѣры. Но я полагаю, что точка зрѣнія, которой я осмѣливаюсь дать названіе раціональной, не далека однако отъ той, на которой стоитъ наше законодательство. Я заключаю это, во-1-хъ, изъ того, что законъ, 1477 ст. улож., за тяжкое изувѣченіе, за лишеніе дѣтородныхъ частей, полагаетъ наказаніе совершенно такое же, какое положено и за оскопленіе; слѣдовательно, законъ наказываетъ одинаково увѣчье съ какою бы цѣлью оно ни было сдѣлано, съ цѣлью

религіозною или не религіозною. Во-2-хъ, изъ того, что законодательство (201 и 202 ст. улож.) главное вниманіе обращаетъ на матеріальный фактъ оскопленія, а не на исповѣданіе скопческихъ догматовъ. Въ этихъ статьяхъ полагается наказаніе не за принадлежность къ скопческой сектѣ, а за самое оскопленіе себя и другихъ. Всѣ законоположенія о скопцахъ сводятся къ слѣдующимъ 5 пунктамъ: 1) всякій оскопившій себя наказывается ссылкою въ Восточную Сибирь; 2) всякій найденный оскопленнымъ, если не укажетъ оскопителя, считается оскопившимъ себя самъ и ссылается въ Восточную Сибирь; 3) всякій оскопляющій другихъ подвергается ссылкѣ въ каторжныя работы на срокъ до 6 лѣтъ; 4) *хозяинъ скопецъ*, держащій у себя другихъ, не обозначенныхъ въ паспортѣ скопцами, считается оскопившимъ ихъ и подвергается наказанію какъ оскопитель; 5) наконецъ, тотъ, кто распространяетъ скопческую ересь и совращаетъ въ оную другихъ, подвергается, по 197 ст. улож., ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири. Но здѣсь законъ прямо говоритъ: если онъ кого совратилъ въ свою вѣру. Такимъ образомъ, для того, чтобы подвести кого-либо подъ дѣйствіе законовъ о скопцахъ, необходимо, чтобы подводимый или а) оскопилъ себя, или б) оскопилъ другихъ, или в) распространялъ скопческое ученіе и совратилъ другихъ въ эту ересь. . . . .

Если Татьяна Плотицына не оскоплена, о чемъ едва даже слѣдуетъ спрашивать медицинскій совѣтъ, если она не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ оскопленія, то тотчасъ же падаютъ всѣ тѣ обвиненія, которыя противъ нея выставлены. Она не оскоплена—слѣдовательно сама себя не оскопила, она не оскоплена—слѣдовательно не укрывала своего оскопителя; она и не обвиняется въ передержательствѣ другихъ оскопленныхъ женщинъ, по 202 ст. улож. о нак., но если даже у нея и проживали такія женщины, у которыхъ оказались бы знаки на дѣтородныхъ частяхъ, то все-таки

къ ней не можетъ быть примѣнена 202 ст. улож. о нак., потому что 202 ст. говоритъ, что если у *хозяина скопца* окажется на жительствѣ или въ услуженіи оскопленный и въ паспортѣ этого не будетъ оговорено, то виновные подвергаются такому то наказанію. А такъ какъ *хозяиномъ* былъ Максимъ Плотицынъ, а не Татьяна Плотицына, и притомъ ни онъ, ни она не скопцы, то и объ обвиненіи въ передержательствѣ не можетъ быть и рѣчи. За что-же будетъ судиться Татьяна Плотицына? За свои религіозныя убѣжденія, за то, что не ѣла мяса, за то, что жила вмѣстѣ съ дѣвами, которыя вели такую же жизнь, какъ и она, за затворническую, скучную жизнь, за то, что была совершенно чужда помышленій о плотскомъ совокупленіи, за то, что называется скопчествомъ по духу и за добровольное воздержаніе отъ похоти? Но это такое явленіе, которое было во всѣ времена исторіи. У евреевъ были іесеи; средніе вѣка исполнены такихъ цѣломудренниковъ и цѣломудренницъ; есть они и теперь въ Европѣ. Да что же, наконецъ, такое монастыри, какъ не учрежденія, установленныя съ тою же аскетическою цѣлью. Здѣсь невольно навязывается сравненіе. Есть любопытная книжка, переведенная на всѣ европейскіе языки: «Новая Америка», Диксона, въ которой описываются поселенія такъ называемыхъ шекеровъ или трясушекъ. Въ Сѣверной Америкѣ существуютъ совершенно явно цѣлыя общины мужчинъ и женщинъ, которыя исповѣдуютъ догматы очень близко подходящіе къ скопческимъ, живутъ вмѣстѣ—мужчины съ женщинами въ безбрачіи, думаютъ, что ихъ братство и есть второе пришествіе Христа, не ѣдятъ мяса, молятся стихами. Никто не думаетъ ихъ преслѣдовать и Диксонъ полагаетъ, что они имѣютъ значительное вліяніе на религіозную жизнь въ Сѣверной Америкѣ.

Мало того, если Татьяна Плотицына будетъ наказана, то нельзя сказать, чтобы она подверглась наказанію за ея убѣжденія (это скорѣй можетъ быть у

Максима Плотицына); она будетъ казнена только за свою преданность семейнымъ воспоминаніямъ; вся семья у нея скопческая, отецъ ея скопецъ, дядя скопецъ. Но за это невозможно наказывать и я полагаю, что правительствующій сенатъ не примѣнитъ къ ней тѣхъ строгихъ уголовныхъ законовъ, которые примѣнила уголовная палата.

Кромѣ того, я долженъ сказать нѣсколько словъ еще о другомъ моемъ кліентѣ—объ Іовѣ Зыкинѣ. Онъ 80-ти лѣтній старикъ, совершенно дряхлый, воинъ наполеоновскихъ временъ, оскопленъ въ 1809 г., а въ 1838 г. получилъ разрѣшеніе жить въ Моршанскѣ и въ скопческую ересь никого не совращалъ. Но изъ дѣла оказывается, что въ домѣ его жили уже 30 лѣтъ три женщины, которыя оказались необъявленными скопчихами, но по совершенно такимъ же признакамъ, какіе имѣетъ Татьяна Плотицына и друг., такъ что еще сомнительно могутъ ли онѣ быть признаны скопчихами. Къ нему примѣненъ законъ о передержательствѣ безъ паспортовъ. Но надо замѣтить, что всѣ три женщины живутъ у него 30 лѣтъ и перешли къ нему вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ проживалъ Зыковъ и въ которомъ проживали родители одной изъ этихъ трехъ женщинъ. Затѣмъ, когда домъ перешелъ къ г. Зыкину, то и женщины остались жить въ этомъ же домѣ. Паспортовъ у нихъ не было, да и не могло быть, такъ какъ онѣ моршанскія мѣщанки. Уголовная палата проситъ объ отмѣнѣ Зыкину наказанія за давностью, я же прошу того, о чемъ ходатайствуется не въ видѣ милости, а въ видѣ строгой справедливости.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: а) признавъ апелляціонный отзывъ не заслуживающимъ уваженія, Плотицыну, какъ скопчиху, не подходящую подъ условія 589 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак., по руководству 588 ст. тѣхъ же тома и книги, на основаніи 3 ч. 197 ст. улож., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сослать въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ ея строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства, съ послѣдствіями для нея въ

22, 23, 26—28 ст. улож. опредѣленными, причемъ находящійся въ Моршанскомъ отдѣленіи гос. банка капиталъ Плотицыной и прочее имущество ея передать въ вѣдѣніе Тамбовскаго губернскаго правленія впредь до выдачи оныхъ законнымъ наслѣдникамъ Плотицыной, — и подвергнуть ее, согласно 483 ст. 2 кн. XV Т. Св. Зак., взысканію гербовыхъ пошлинъ и б) признавъ ходатайство бывшей Тамбовской угол. палаты объ отмѣнѣ наказанія за принадлежность къ скопческой ереси, укрывательство оскопителей и продерживаніе объявленными скопцами у себя на жительствѣ не объявленныхъ скопчихъ, за давностью — не заслуживающимъ уваженія, — мѣщанина Іова Зыкина, за продерживаніе въ своемъ домѣ оскопленныхъ женщинъ, непринадлежащихъ къ числу объявленныхъ скопчихъ на основаніи 2 ч. 202, 201 и 74 ст. улож., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

6.

Дѣло о почетномъ гражданинѣ Петрѣ Щаповѣ, судимомъ по поводу изданія имъ перевода «Писемъ объ Англіи» Луи-Блана.

Дѣло разбиралось въ С.-Петербургской судебной палатѣ 12-го августа 1869 года.

Рѣдко мнѣ случалось выступать защитникомъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ по настоящему дѣлу. По инымъ дѣламъ мнѣ приходилось обращаться къ снисхожденію судей, къ чувству справедливости и т. п. По дѣлу Щапова я могу прямо сказать, что вполнѣ увѣренъ въ томъ, что вы, гг. судьи, не накажете вовсе Щапова, то есть лично его никоимъ образомъ уже потому одному, что онъ стоитъ передъ вами закрытый непроницаемымъ щитомъ. Щитъ этотъ есть недавнее рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу Павленкова, рѣшеніе, которое должно быть примѣнено и къ настоящему случаю. Правительствующимъ сенатомъ по дѣлу Павленкова разрѣшенъ вопросъ, какого рода осуществленію злой воли соотвѣтствуетъ представленіе издателемъ на предварительный просмотръ въ цензуру отпечатанныхъ экземпляровъ книги безъ выпуска книги въ обращеніе, есть ли здѣсь одно только

приготовленіе къ преступленію, покушеніе, или уже совершенное преступленіе? Правительствующій сенатъ рѣшилъ, что представленіе въ цензуру отпечатаннаго сочиненія никоимъ образомъ иначе названо быть не можетъ, какъ только однимъ приготовленіемъ; а такъ какъ приготовленіе къ преступленію ненаказуемо за исключеніемъ особенныхъ, въ законѣ указанныхъ, случаевъ, какъ-то воззванія къ бунту, къ сопротивленію установленнымъ властямъ, оскорбленія величества и къ нѣкоторымъ другимъ самымъ тяжкимъ политическимъ преступленіямъ, то такимъ образомъ и Павленковъ былъ освобожденъ отъ наказанія, и утверждено начало, что вообще издатель при подобныхъ условіяхъ ненаказуемъ. Я полагаю, что это рѣшеніе правительствующаго сената на основаніи 933 ст. уст. уг. суд. должно служить для судебной палаты полнѣйшимъ авторитетомъ при рѣшеніи дѣла о Щаповѣ. Такимъ образомъ я полагаю, что Щаповъ не можетъ быть наказанъ, какъ говоритъ пословица, «ни рублемъ, ни дубьемъ», ни арестомъ, ни штрафомъ. Остается одна только книга его, которая независимо отъ освобожденія отъ наказанія личности издателя, можетъ быть запрещена, изъ которой могутъ быть выключены, вырваны нѣкоторыя страницы, вымараны нѣкоторыя мѣста. Конечно, судьба книги касается косвенно и самого Щапова въ имущественномъ отношеніи; онъ пострадаетъ, какъ торговецъ, онъ уже пострадалъ: книга лежала нѣсколько лѣтъ, не пущенная въ торговлю; если она будетъ обрѣзана, то, конечно, она не пойдетъ такъ хорошо, не будетъ такъ хорошо раскупаться. Но все-таки книга не живой предметъ, способный страдать, и мнѣ кажется, что судъ не поцеремонится съ нею, обрѣжетъ, даже совершенно задержитъ, если она *вредна*. Но въ этомъ то и заключается вся суть дѣла: *если она вредна!* Если же она не вредна, если она содержитъ мысли хорошія и трезвыя; тогда уничтоженіе, или изуродованіе ея будетъ, смѣю сказать, сильнымъ

ударомъ направленнымъ на свободу мысли, на литературу вообще, будетъ нарушеніемъ закона 6 апрѣля 1865 г., который изданъ въ виду дарованія большей свободы отечественной печати, и будетъ дѣйствіемъ противнымъ волѣ законодателя, который издалъ этотъ законъ. Вотъ почему дѣло настоящее пріобрѣтаетъ громадный интересъ. Щаповъ стушевывается, и на скамьѣ подсудимыхъ въ лицѣ Щапова садится сама наша литература, и отъ васъ, гг. судьи, ожидается установленіе границъ, въ какихъ можетъ она трактовать серіознымъ и приличнымъ образомъ о предметахъ важныхъ: о правѣ, морали, религіи и государствѣ. И вотъ почему еще особеннаго вниманія заслуживаетъ настоящее дѣло. Привлекается къ суду сочиненіе не какого нибудь изъ нашихъ доморощенныхъ публицистовъ, но сочиненіе одного изъ людей весьма знаменитыхъ на западѣ, изъ первостепенныхъ историковъ, человѣка, которому каждый изъ насъ одолженъ многими хорошими минутами, потому что нѣтъ болѣе хорошихъ минутъ, какъ тѣ, которыя проводятся въ обществѣ талантливаго художника и первостепеннаго мыслителя. Эта книга обвиняется по двумъ пунктамъ. Первый пунктъ заключается въ томъ, что книга Луи-Блана содержитъ въ себѣ такія мысли и взгляды, противные христіанскому ученію, которые, если бы она была препровождена первоначально на просмотръ духовной цензуры, были бы исключены. Другой пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что въ ней заключаются мысли, противныя монархическому образу правленія. Сообразно этой системѣ обвиненія, я долженъ раздѣлить на двѣ части и мою защиту. Первая часть защиты будетъ посвящена разбору обвиненія въ нерелигіозности.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что книга Щапова есть настоящій калейдоскопъ; это сборникъ разнообразныхъ корреспонденцій Луи-Блана, писемъ, сочиненныхъ имъ въ 1862 г. Извѣстно, что Луи-Бланъ послѣ февральской революціи изъ Франціи, своей ро-

дины, долженъ былъ бѣжать въ Англію, и такъ какъ онъ человѣкъ, который снискивалъ себѣ пропитаніе перомъ, то онъ и писалъ корреспонденціи въ разныя газеты. Въ нихъ затрогиваются самые разнообразные предметы и вопросы, говорится и о д'Израэли, и о Пальмерстонѣ, о парламентѣ и эпсомскихъ скачкахъ, о королевѣ, армстронговыхъ пушкахъ и мониторахъ. Такъ какъ въ англійскомъ обществѣ и государствѣ весьма важное значеніе имѣетъ духовенство, то, конечно, и о немъ говорится часто въ этихъ корреспонденціяхъ. Изображенъ въ карикатурѣ рочестерскій списокъ или такъ называемый циркулярный списокъ, циркулярами внушающій своимъ священникамъ, чтобы они брили бороду. Передается множество анекдотовъ о проповѣдникахъ и о скукѣ, какую наводятъ проповѣди ихъ. Передается, наконецъ, перечень извѣстныхъ новѣйшихъ сочиненій, которыя появились въ духовно-клерикальномъ мірѣ, и сдѣланъ разборъ одной книги: «Essays and Reviews», которая произвела нѣкотораго рода движеніе въ англиканской церкви. Сочиненіе это не отличается особенною прогрессивностію. Мнѣ кажется, что если бы оно появилось въ Германіи, то на него посмотрѣли бы свысока, потому что англичане, хотя весьма свободный въ политической жизни народъ, въ то же время не отличаются особенною смѣлостью мышленія, весьма постепенны и не дѣлаютъ ничего скачками. То, что у нихъ считается передовымъ и новымъ, едва ли сочтено было бы таковымъ въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи, которая гораздо дальше Англіи ушла въ исторической критикѣ и философіи, да, можетъ быть, и у многихъ изъ насъ, потому что у насъ складъ ума таковъ, что мы любимъ скакать впередъ, и если пускаемся впередъ, то непремѣнно додумаемся до послѣднихъ столбиковъ въ мышленіи. Въ своихъ письмахъ Луи-Бланъ передаетъ содержаніе книги «Essays and Reviews», въ которой говорится, между прочимъ, что библія не можетъ служить въ наше время авторитетомъ

въ наукахъ естественныхъ, что вся космогонія моисеева теперь едва ли годится, что нѣтъ чудесъ, и они невозможны, и что разсказы объ нихъ слѣдуетъ толковать иносказательно. Наконецъ, сообщаются мнѣнія и результаты изслѣдованій риттера-фонъ-Бунзена, друга умершей королевы прусской и Александра Гумбольдта, бывшаго прусскаго посланника въ Англіи, протестантскаго мистика и глубокаго ученаго, который полагалъ, что книга Даніила есть поэма, написанная при одномъ изъ Антіоховъ, что разсказы библіи надо толковать фигурально, что грѣхопаденіе, рай и адъ должны быть понимаемы не матеріально, что адъ будетъ состоять въ терзаніяхъ совѣсти и т. п. Вотъ и все, что извлекъ Луи-Бланъ изъ «Essays and Reviews»; вотъ все, что пишутъ всѣ мистеры Гудвинъ, Вильямъ Тэмпль, Поуэль и другіе профессора оксфордскіе и высокопоставленныя въ англійскомъ духовенствѣ лица. Луи-Блана отличаетъ не особенная новость мыслей и взглядовъ въ книгѣ «Essays and Reviews», потому что новаго собственно тутъ ничего нѣтъ; онъ замѣчаетъ только то, что почти всѣ эти лица занимаютъ высокое положеніе, что нѣкоторыя изѣ нихъ, звѣзды оскофордскаго университета, а другіе, чуть ли не епископы. Вотъ въ этомъ то явленіи, въ томъ, что человѣкъ, принадлежащій къ высшему духовенству, можетъ писать однако, свободно о религіи, не подвергаясь преслѣдованію, вносить въ религію принципъ свободнаго разсужденія, видитъ онъ торжество протестантизма, и этому принципу онъ сочувствуетъ, потому что при такихъ условіяхъ вѣроисповѣданіе дѣлается неспособнымъ къ тираніи. Я извлекъ все религіозное изъ книги Луи-Блана. Нѣтъ, ошибаюсь, не все; есть еще одна маленькая выходка, маленькая фраза, не составляющая передачи чужихъ мнѣній; фразу эту проронилъ мимоходомъ Луи-Бланъ; въ ней сказался дѣйствительно соціалистъ со всѣми увлеченіями и, можетъ быть, и со всѣми несбыточными мечтами этого направленія. Это то мѣсто, въ которомъ

авторъ разсуждаетъ о тюрьмахъ. Прежде, говоритъ онъ, преступника казнили, вѣшали; это былъ самый дешевый и скорый способъ расправы. Затѣмъ заведена была ссылка, которая продолжалась до тѣхъ поръ, пока колоніи не отказались ссыльныхъ принимать. Надо было слѣдовательно прибѣгать къ другимъ средствамъ. Заведены тюрьмы. Тюрьмы дорого стоятъ, и онѣ мало исправляютъ: общество постоянно въ опасности. Послѣ того Луи-Бланъ, разсуждая, какъ соціалистъ, проводитъ мысль, что преступленіе есть продуктъ нищеты, невѣжества, голода, однимъ словомъ всей внѣшней обстановки человѣка. Попробуйте уничтожить преступленіе въ его корнѣ, попытайтесь уничтожить нищету. Приводимое мною мѣсто заключается фразою, которую да будетъ мнѣ дозволено привести въ подлинныхъ словахъ: «Вотъ уже 2,000 лѣтъ, говоритъ онъ, какъ умеръ Искупитель, когда же наступитъ искупленіе»? Въ этихъ словахъ цензурный комитетъ находитъ попытку уронить нравственное значеніе христіанства. Вотъ и все, что содержитъ въ себѣ антицензурная, по мнѣнію цензурнаго комитета, книга. Прежде всего замѣчу, что, на мой взглядъ, между мнѣніемъ цензурнаго комитета, которое передано въ обвинительномъ актѣ, и требованіями, которыя поставлены со стороны прокурорскаго надзора есть нѣкотораго рода несоотвѣтствіе. По моему мнѣнію, если дѣйствительно въ книгѣ Луи-Блана есть мѣста, которыя содержатъ въ себѣ разсужденія, враждебныя христіанству, отрицающія откровеніе и направленныя къ поколебанію авторитета библіи, то, конечно, Щаповъ долженъ судиться не по 1024 ст., а по 181 ст. улож., за порицаніе христіанской вѣры и церкви православной. Вотъ куда ведетъ прямо Щапова заключеніе цензурнаго комитета. Прокурорская власть измѣнила обвиненіе и подводила Щапова только подъ 1024 ст., но такъ какъ все таки въ обвинительномъ актѣ прописано цѣликомъ заключеніе цензурнаго комитета, и такъ какъ я боюсь, чтобы гг. судьи не остались подъ

впечатлѣніемъ заключенія цензурнаго комитета, то прежде, нежели я приступлю къ доказательствамъ, что къ Щапову не идетъ статья 1024, долгомъ считаю заявить прямо, что всѣ тѣ мѣста, которыя приведены въ обвинительномъ актѣ, нисколько не противны христіанству; мало того, нѣтъ въ письмахъ Луи-Блана ни одного такого мѣста, которое не могло бы исходить изъ устъ хорошаго и истиннаго христіанина и даже православнаго человѣка.

Если бы всѣ тѣ мѣста, кои отмѣчены у Луи-Блана, составляли не передачу чужихъ мнѣній, но выраженіе собственныхъ убѣжденій автора, то и въ такомъ сдучаѣ они не содержали бы ничего противнаго хрістіанству. То, что библія не можетъ служить авторитетомъ для наукъ естественныхъ, — это извѣстно уже со временъ Галилея и Коперника: земля вертится, а солнце стоитъ. Точно также и въ геологіи и въ палеонтологіи значительно измѣнились взгляды на теорію міозданія, изложенную въ книгѣ Бытія. Съ каждымъ днемъ кругозоръ научный расширяется, открываются новые законы, несходные съ мнѣніями и положеніями библіи. Спрашивается, сокрушается ли отъ этого религія? Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что нисколько, потому что библія учитъ насъ не географіи, не астрономіи, а только морали и благочестію. Мнѣ же кажется, что не будетъ вовсе согласно съ истиннымъ благочестіемъ коснѣніе въ невѣжествѣ, отказываніе себѣ въ знакомствѣ съ новѣйшими изобрѣтеніями и изслѣдованіями науки. Наука основана на знаніяхъ, религія же основана не на знаніяхъ, а на религіозномъ чувствѣ. Какъ бы ни былъ великъ прогрессъ въ знаніяхъ, положительная наука не можетъ разрѣшить нѣкоторыхъ вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе составляетъ функцію религіи. Испоконъ вѣка религія привыкла дѣлать уступки наукѣ; уступки эти дѣлаются и дѣлались; онѣ не только не колебали авторитета религіи, но, напротивъ того, скорѣе его укрѣпляли. Религія уступила наукѣ вѣру въ неподвижность

солнца и положеніе о шести дняхъ мірозданія. Я могу указать на весьма серіозныя сочиненія, чисто богословскія, напр., на книгу Пфлейдерера «Die Religion», 1869 г., въ которыхъ доказывается, что для религіи совершенно безразлично, отъ одной или отъ многихъ паръ произошелъ родъ человѣческій. То же сочиненіе устраняетъ вопросъ о чудесахъ, устраняя понятіе о чудесахъ, какъ явленіяхъ сверхъестественныхъ, которыя немыслимы, потому что съ допущеніемъ ихъ надобно-бы уничтожить всѣ науки естественныя, основанныя на томъ, что законы природы неизмѣнны. Затѣмъ едва ли нужно добавлять, что Библія можетъ быть изслѣдуема критически, точно такъ же, какъ всякая другая историческая книга. Я утверждаю, и оно, конечно, и вамъ, гг. судьи, не безъизвѣстно, что въ Германіи произведены громаднѣйшія критическія работы надъ св. писаніемъ, и произведены не какими нибудь мірянами, но знаменитѣйшими профессорами богословскихъ факультетовъ тюбингенскаго, берлинскаго и другихъ. Теперь уже сомнѣнію не подлежитъ, что все пятикнижіе моисеево не написано въ одно и то же время, что второзаконіе возникло позднѣе, въ періодъ царей.—Послѣ того нѣтъ ничего особеннаго и страннаго въ отзывѣ Бунзена о книгѣ Даніила.

И такъ, если бы Луи-Бланъ выдавалъ все, что онъ писалъ о библіи, за свои собственныя мнѣнія, и въ такомъ случаѣ мнѣнія эти надлежало бы пропустить. Но я утверждаю къ тому же, что Луи-Бланъ всѣ эти мнѣнія выдаетъ не за свои собственныя, а только за то, что вообще пишется о св. писаніи въ Англіи. Правда, онъ выражаетъ при этомъ свое сочувствіе — чему? принципу свободнаго изслѣдованія. Замѣчу, что я могу вовсе не сочувствовать результатамъ извѣстнаго изслѣдованія, —тѣмъ не менѣе, однако, я вполнѣ сочувствую распространенію и свободѣ изслѣдованія вообще; я ни въ малѣйшей степени не сочувствую взглядамъ г. Юрія Самарина въ его *Окраинахъ Россіи*; я также раздѣляю

далеко не всѣ мнѣнія и взгляды профессора Ширрена въ его отвѣтѣ г. Самарину, тѣмъ не менѣе я желалъ бы, чтобы какъ можно болѣе разбирался остзейскій вопросъ, потому что это вопросъ серіозный и весьма существенный. Слѣдовательно за что же нападать на Луи-Блана? Развѣ за то, что онъ отстаиваетъ принципъ свободнаго изслѣдованія въ области религіозныхъ вопросовъ? Но спрашивается, развѣ это дурной принципъ. Да вѣдь мы обязаны этому принципу большею половиною нашей цивилизаціи. Мы всѣ въ нѣкоторой степени дѣти Лютера и его реформы. Вѣдь, благодаря этому принципу, люди теперь спокойно живутъ, не рѣжутся, не сожигаютъ другъ друга, принадлежа къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, благодаря этому принципу, придетъ время, когда они привыкнутъ уживаться въ одномъ и томъ же государствѣ, говоря на разныхъ языкахъ. Этотъ принципъ нельзя не отстаивать, потому что, если уничтожить его, то людямъ мысли придется положить перья и отказаться отъ всякой работы. Мало того, я полагаю, что этотъ принципъ свободнаго изслѣдованія необходимо поддерживать въ видахъ чисто-религіозныхъ: онъ необходимъ для распространенія благочестія. Коль скоро не будетъ свободнаго изслѣдованія вопросовъ религіи, коль скоро не будетъ споровъ и изслѣдованій о дѣлахъ вѣры, то, спрашивается, чѣмъ будетъ питаться благочестіе? Оно питается именно тѣмъ, что есть что дѣлать, есть кого убѣждать, есть кому проповѣдывать. Если не будетъ споровъ, то благочестіе уснетъ. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ согласенъ съ мыслію Луи-Блана, за которую вооружается на него обвинительный актъ. «Человѣческій разумъ рискуетъ погибнуть тамъ, гдѣ вѣрованія фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ людей». Я бы только измѣнилъ редакцію этой мысли такимъ образомъ: истинная вѣра рискуетъ погибнуть, гдѣ вѣрованія фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ людей.

Если исключить все то, что говоритъ Луи-Бланъ со словъ мистеровъ Поуэля, Гудвина и другихъ, если

исключить также все то, что онъ говоритъ о принципѣ свободнаго изслѣдованія, останется одна только фраза, одна только, какъ я ее назвалъ, соціалистическая выходка, въ словахъ: «Вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Искупитель, когда же наступитъ искупленіе»? Въ этой выходкѣ цензурный комитетъ находитъ намѣреніе уронить нравственное значеніе христіанства. Я полагаю, что этотъ выводъ основанъ на легкомъ измѣненіи настоящаго смысла сочиненія Луи-Блана. Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ выражается только тотъ взглядъ, что Іисусъ Христосъ былъ *и великій соціальный реформаторъ*; цензурный же комитетъ, полагаетъ, что, по мнѣнію Луи-Блана, Іисусъ Христосъ былъ *только* соціальный реформаторъ. Не касаясь вовсе догмата божества Іисуса Христа, спрашиваю, можно ли отрицать то, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно былъ великій реформаторъ? Стоитъ только свести балансъ исторіи за послѣднія 2,000 лѣтъ. Что мы видимъ до того времени? Рабство, какъ главный остовъ общественнаго быта. Что послѣ того? Нѣтъ рабства, и трудъ свободенъ; значитъ— произошла перемѣна въ соціальномъ быту: рабство, которое существовало, исчезло не вдругъ; рабство изъ грубыхъ формъ невольничества перешло въ болѣе тонкія — крѣпостнаго права, и затѣмъ является еще и нынѣ, по мнѣнію Луи-Блана, въ видѣ зависимости человѣка отъ разныхъ внѣшнихъ условій его существованія. Представимъ себѣ, что и теперь еще продолжается та война, которая такъ недавно обагряла кровію сѣверную Америку, война изъ-за невольничества, и что явился проповѣдникъ, который въ проповѣди перепечатанной и у насъ, сказалъ: «Вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Іисусъ Христосъ, а рабы все еще существуютъ!» или если у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кто либо сказалъ, что вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Іисусъ Христосъ, а крѣпостное состояніе существуетъ! Мнѣ кажется, что въ этихъ случаяхъ въ приведенныхъ фразахъ не заключалось бы ровно ничего антирелигіоз-

[redacted]

наго. Мнѣ кажется также, что въ фразѣ, порицаемой у Луи-Блана, нѣтъ также ничего предосудительнаго. Я не отрицаю, чтобы въ ней не проглядывали утопическія, можетъ быть, надежды, которыя не сбудутся; но я не вижу тутъ попытки уронить значеніе ученія Христа. Луи-Бланъ полагаетъ, что рабство существуетъ еще и до сихъ поръ, но въ иной формѣ; онъ признаетъ рабство въ нищетѣ, онъ вѣруетъ въ то, что нищету можно истребить... Я полагаю, что это вѣрованіе можно отстаивать даже съ точки зрѣнія чисто ортодоксальной. Спрашивается: совершилось ли уже теперь искупленіе всего рода человѣческаго? Конечно, нѣтъ. Искупленіе совершается вѣрою во Христа и христіанскою жизнію: цѣлая треть рода человѣческаго пребываетъ въ буддизмѣ, другая треть приходится, конечно на еврейство, магометанство и язычничество и, наконецъ, одна только треть вѣруетъ въ ученіе Христа. Мало того, и въ этой послѣдней трети есть еще весьма много такихъ, которые только имя носятъ христіанъ, которые дѣйствительно окроплены водою крещенія, но которые не живутъ по христіански, и поэтому мнѣ кажется, что и въ настоящее время еще слѣдуетъ усердно проповѣдывать объ искупленіи Христомъ, и я не знаю, кто выше и достойнѣе, тотъ ли, который говоритъ: «душа моя яждь, пей и веселись: Искупитель, женихъ пришелъ»... или тотъ, который непрестанно, неусыпно продолжаетъ работу евангельскую?

Съ мнѣніемъ цензурнаго комитета я совершенно покончилъ; я пришелъ къ тому результату, что во всемъ приведенномъ и сказанномъ Луи-Бланомъ, нѣтъ даже и тѣни антихристіанскаго. Теперь приступаю къ обвиненію, которое поставлено прокурорскою властью. Издатель Луи-Блана обвиняется не въ томъ, что перевелъ письма, а въ томъ, что напечатавъ ихъ, не соблюлъ 38 § цензурнаго устава, что напечаталъ это сочиненіе безъ предварительнаго представленія его въ духовную цензуру. Мнѣ кажется, что тутъ вышло нѣкоторое не-

доразумѣніе, или просмотръ. Мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, что должно подлежать предварительному просмотру духовной цензуры, и что не должно подлежать, разрѣшенъ окончательно по дѣлу, которое разбиралось въ окружномъ судѣ и въ судебной палатѣ и, наконецъ, въ сенатѣ, какъ въ кассаціонной инстанціи. Я разумѣю дѣло Гайдебурова, напечатавшаго переводъ учебника Вундта: «Душа человѣка и животныхъ». Въ учебникѣ этомъ 5 лекцій посвящены разбору религіознаго чувства и произведеній религіознаго чувства, т. е. религіи, разбору происхожденія всѣхъ миѳовъ. и въ языческихъ религіяхъ и въ христіанской. Кажется, это предметъ, близко касающійся религіи. Цензурный комитетъ эту книгу предалъ суду, и с.-п.-б. окружный судъ, и судебная палата находили, что дѣйствительно въ этой книгѣ есть пять лекцій духовнаго содержанія. Но правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе окружнаго суда и судебной палаты и установилъ слѣдующее толкованіе 38 § цензурнаго устава. Въ 38 § цензурнаго устава говорится, что просмотру духовной цензуры подлежатъ сочиненія или совершенно богословскаго содержанія, или такія, въ которыхъ есть мѣста совершенно духовнаго содержанія. Правительствующій сенатъ нашелъ, что тѣ пять лекцій, въ которыхъ разбирается происхожденіе религіознаго чувства, никакъ нельзя было признать мѣстами *совершенно духовнаго* содержанія; хотя въ нихъ и содержатся отрывочныя умозрѣнія, или сужденія, касающіяся догматовъ церкви или св. писанія. Такіе отрывки, по мнѣнію сената, никоимъ образомъ не должны быть отсылаемы на просмотръ духовной цензуры по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что если въ 181 ст. положены наказанія за богохулѣніе и кощунство въ сочиненіяхъ свѣтскаго содержанія, изданныхъ безъ предварительнаго просмотра духовной цензуры, значитъ тутъ рѣчь о книгахъ свѣтскихъ, разсуждавшихъ о Богѣ и вѣрѣ и не представленныхъ предварительно въ духовную цензуру. Во вторыхъ — и

этотъ мотивъ несравненно важнѣе перваго — правительствующій сенатъ нашелъ, что если бы всякую книгу, которая содержитъ какое нибудь сужденіе о вѣрѣ или священномъ писаніи, отсылать въ духовную цензуру, то, такъ какъ нѣтъ почти ни одного сочинителя, который бы не затронулъ какой либо догматъ вѣры или фактъ изъ св. писанія, — ни одинъ изъ сочинителей не былъ бы увѣренъ, не слѣдуетъ ли ему прибѣгнуть къ духовной цензурѣ, и не будетъ ли сочиненіе его задержано, и такимъ образомъ, всякій сочинитель представлялъ бы свою книгу въ цензуру свѣтскую для отправленія въ духовную. Такимъ образомъ снова была бы возстановлена въ прежнемъ видѣ предварительная цензура, и законъ 6-го апрѣля 1865 года былъ бы de facto отмѣненъ. Въ виду этихъ соображеній правительствующій сенатъ не только освободилъ Гайдебурова отъ всякой отвѣтственности, но и книгу его, въ которой 5 лекцій исключительно посвящены разбору различныхъ вѣрованій, освободилъ отъ разсмотрѣнія духовной цензуры.

Перейдемъ къ книгѣ Луи-Блана и посмотримъ, что такое она содержала бы, на столько богословскаго, чтобы ее слѣдовало отправить предварительно въ духовную цензуру. Та выходка, о которой я говорилъ, называя ее соціалистическою, есть не болѣе, какъ отрывочное сужденіе свѣтскаго человѣка. Сочувствіе, выраженное имъ же вѣротерпимости и свободному изслѣдованію въ дѣлахъ вѣры, есть опять предметъ чисто свѣтскій, нисколько церкви не касающійся. Тутъ говорится о томъ, какъ должно поступать государство въ отношеніи различныхъ вѣроисповѣданій, на сколько должна быть дарована свобода разсуждать или не разсуждать о вопросахъ вѣры. Наконецъ, что касается въ письмахъ Луи-Блана до книги «Essays and Reviews» и ея разбора, то это, какъ уже мною высказано, не есть изложеніе убѣжденія самого Луи-Блана, а только передача мнѣній нѣсколькихъ протестантскихъ писателей

англійскаго толка. Спрашивается, за чѣмъ ходить этой книгѣ въ духовную цензуру, и что можетъ сказать о ней духовная цензура? Будетъ ли она посылаться въ духовную цензуру на то только, чтобы констатированъ былъ фактъ существованія этой книги и вѣрной передачи ея содержанія? Но о томъ, что проиходитъ въ нѣдрахъ англиканской церкви, наша цензура, конечно, ничего не знаетъ. Или отошлется эта книга въ духовную цензуру, чтобы духовная цензура рѣшила, на сколько согласны мнѣнія мистеровъ Поуэля, Гудвина и др. съ догматами православной церкви? Но, разумѣется, что они несогласны, что и понятно. Въ IX вѣкѣ случился расколъ: раздѣлились двѣ церкви восточная и западная; въ XVI опять новый расколъ: въ нѣдрахъ римскаго католичества явилась протестантская вѣра, образовалась англиканская церковь, и за тѣмъ въ этомъ новомъ расколѣ появляются новаторы, которые грозятъ породить новый расколъ, который, само собою, не согласенъ съ догматами православной церкви. Конечно, духовная цензура забракуетъ мнѣнія, приведенныя въ письмахъ Луи-Блана; но если она забракуетъ мнѣнія эти, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть забракованы и всѣ свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ нѣдрахъ церквей римско-католической и протестантской. Далѣе, если быть послѣдовательнымъ, то слѣдуетъ забраковать и всѣ статьи, которыя появились у насъ о нашемъ расколѣ, которыя помѣщаются, напримѣръ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Равнымъ образомъ подлежалъ бы строжайшему запрещенію переводъ книги «New America» Диксона, который знакомитъ насъ съ сектами въ Соединенныхъ Штатахъ. Наконецъ, надлежало бы вычеркнуть въ любомъ учебникѣ географіи свѣдѣніе о томъ, что есть, молъ, сектанты, называемые мормонами, живущіе при Соляномъ озерѣ, которые вѣруютъ въ то-то. Я полагаю, что если и такое мѣсто изъ учебника географіи и все прочее, мною названное, будетъ забраковано, выброшено, то изъ этого выйдетъ все, что угодно, но только не

торжество религіи. Я полагаю, что 38 § устава цензурнаго долженъ быть совершенно иначе толкованъ, чѣмъ онъ толкуется цензурнымъ комитетомъ. Есть сочиненія чисто богословскаго содержанія популярно-религіознаго, которыя назначены для простонародія, для публики такой, которая не относится критически къ читанному, которая воспринимаетъ все и вѣруетъ во все, что вычитаетъ. Въ такихъ книгахъ дѣйствительно надлежитъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы не проскользнуло мнѣніе, несогласное съ догматами вѣры, потому что такія мнѣнія могутъ надѣлать много вреда. Но всякая книжка, назначенная для болѣе образованнаго общества и по содержанію своему свѣтская, а не богословская, не подлежитъ подобнымъ ограниченіямъ цензуры. Иностранная цензура пропустила для публики, читающей по французски, «Lettres sur l'Angleterre» Луи-Блана цѣликомъ. Мнѣ кажется, что люди, которые могутъ читать книгу „Lettres sur l'Angleterre“, безъ всякаго для себя вреда могутъ прочитать и русскій переводъ этой книги, изданный г. Щаповымъ.

Кончивъ первую часть моей защиты, я обращаюсь къ обвиненію Щапова въ политическомъ преступленіи. Прежде всего я долженъ замѣтить, что съ писателями, игравшими политическую роль и съ государственными людьми, часто случается слѣдующее: если такой человѣкъ случайно въ какой нибудь исторической минутѣ извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ выказался съ какой либо стороны, хотябы и не самой выгодной, то въ этотъ одинъ моментъ своей жизни, онъ врѣзывается столь глубоко въ память общества, что все, чтобы ни дѣлалъ онъ потомъ и прежде, не въ состояніи изгладить произведенное имъ въ этотъ моментъ впечатлѣніе. Клеймо приложено—и онъ отдѣлаться отъ него не можетъ. Я полагаю, что къ числу такихъ клейменныхъ людей принадлежитъ и Луи-Бланъ. Онъ отличный писатель, замѣчательный экономистъ и историкъ; но ему посчастливилось, или, лучше сказать, непосчастливилось играть

роль въ февральской революціи и предсѣдательствовать въ извѣстныхъ ассизахъ рабочаго пролетаріата въ люксембургскомъ дворцѣ. Въ слѣдствіе того, въ глазахъ французской буржуазіи, а затѣмъ и въ глазахъ разныхъ псевдо-консерваторовъ всего свѣта, Луи-Бланъ прослылъ какимъ то «краснымъ» призракомъ, какимъ то людоѣдомъ. Его считаютъ почему то атеистомъ, коммунистомъ, революціонеромъ, замышляющимъ одну какую то всесвѣтную соціальную и демократическую республику. Я полагаю, что это предубѣжденіе повредило больше всего его письмамъ. Напиши ихъ какой нибудь Филиповъ или Ивановъ — никто бы ихъ не заподозрилъ; но съ именемъ Луи-Блана они получаютъ совершенно другое значеніе и толкуются въ другую сторону посредствомъ обобщенія. Если онъ говоритъ о монархической власти въ извѣстномъ государствѣ, сейчасъ его слова обобщаютъ, и говорятъ, что вотъ онъ разсуждаетъ о монархической власти во всѣхъ странахъ міра. Такія обобщенія ведутъ къ весьма страннымъ результатамъ. Разберемъ самымъ строгимъ образомъ, что содержатъ антимонархическаго и въ особенности, что содержатъ враждебнаго образу правленія въ Россіи письма Луи-Блана. Прежде всего замѣчу, что Луи-Бланъ въ своихъ письмахъ нисколько не касается ни Россіи, ни Германіи, ни Пруссіи, ни Австріи, если же говоритъ объ Италіи, то только по поводу толковъ объ Италіи, о Гарибальди и Кавурѣ у англичанъ. Луи-Бланъ проводитъ, правда, параллель между учрежденіями французскими и англійскими, но такую параллель, которую можно провести и въ нашей литературѣ. Сущность его мнѣній, относящихся къ Англіи, заключается въ слѣдующемъ: англійскій народъ—великій, всемірно-историческій; онъ сдѣлалъ весьма многое для цивилизаціи; политическія учрежденія его великолѣпны; существуетъ мнѣніе, что какъ римское право служитъ образцомъ для гражданскихъ законовъ народовъ Европы, такъ для государственнаго права тѣхъ же народовъ будутъ служить образцомъ

англійскія государственныя учрежденія. Намъ тѣмъ менѣе можно оспаривать это мнѣніе, что мы сами заимствовали изъ Англіи институтъ присяжныхъ и мировой институтъ. Всѣмъ, чѣмъ она есть, Англія обязана аристакратіи. Была тамъ когда-то монархическая власть сильная, суровая; она держала подъ собою два племени— поработителей и порабощенныхъ. Въ теченіе времени гнетъ ея сдѣлался столь силенъ, что поработители и порабощенные соединились на отпоръ. Аристократія стала во главѣ движенія, подала руку нижнимъ слоямъ, и никогда съ тѣхъ поръ не отдѣлялась отъ народа, не требовала для себя особыхъ привилегій. Она всегда старалась только занимать первое мѣсто въ жизни и движеніи общественномъ. Послѣдній моментъ борьбы ея съ монархіею было изгнаніе Стюартовъ въ 1688 году. Съ тѣхъ поръ утвердилась слѣдующая форма правленія: республика по существу, по формѣ монархія. Есть король или королева, но власть, имъ данная—призрачна; они только — одушевленныя статуи; они идолы, предъ которыми преклоняется «столько гордыхъ головъ». — Государство королевы, армія королевы, флотъ королевы; сама оппозиція называетъ себя «оппозиціею ея королевскаго величества», между тѣмъ скипетръ королевы не тяжелѣе веретена. Чѣмъ больше безсильна королевская власть, тѣмъ больше ей оказывается почетъ, какъ будто у этой власти сила была громадная. Луи-Бланъ, между прочимъ, описываетъ юморически обряды Drawing Room'a, церемоніалъ пріема въ одномъ изъ дворцовъ королевы, тѣсноту, толкотню, людей прыгающихъ черезъ желѣзныя барьеры, оборванные костюмы, оттиснутые бока и т. под. Сцены эти взяты прямо изъ «Пунча» (а «Пунчъ» не антимонархическій журналъ). Но есть ли возможность прійдти къ заключенію, что эти сцены могутъ быть отнесены къ нашему двору, къ царскимъ выходамъ во дворцахъ? Вся пикантность разсказа у Луи-Блана въ томъ, что въ Англіи власть королевская страшно слаба а между тѣмъ ей отдаютъ ве-

личайшія почести. У насъ — на оборотъ. У насъ, во-первыхъ, власть дѣйствительно монархическая всесильная и, во-вторыхъ, всѣ формы правленія ея гораздо проще. Но если считать такимъ образомъ, что описаніе комичныхъ церемоніаловъ, существующихъ при одномъ дворѣ, относится ко всѣмъ дворамъ вообще, то нельзя бы было изобразить напр. пріемъ у королевы Помаре, которая выходитъ безъ чулокъ, или царя Ашантіевъ, или Дагоме. Но Луи-Бланъ, передавая только, какъ смотрятъ въ Англіи на монархическую власть, чего требуютъ отъ нея (чтобы король ничего не дѣлалъ), самъ же указываетъ оборотную сторону медали, самъ же дѣлаетъ замѣчаніе, что англійская конституція только на то и разсчитана, чтобы престолъ занимали одни посредственности, лица ничего незначущія; но съ нею трудно справиться человѣку геніальному, которому не въ моготу оставаться государемъ безъ собственной мысли, безъ иниціативы, безъ дѣйствительной жизни; конституціи грозила бы опасность, если бы такой человѣкъ воцарился. Если я хорошо понимаю эти слова, то въ нихъ заключается ѣдкая критика англійской конституціи. Хорошъ тронъ, который годится лишь для карликовъ, но не для геніальныхъ людей! Если довольствоваться тутъ простымъ и настоящимъ смысломъ сказаннаго, если не обобщать, а брать вещи, какъ онѣ есть, то изъ всѣхъ этихъ изображеній и описаній невозможно вывести никакихъ заключеній, которыя могли-бы быть примѣнены къ нашему образу правленія. Но обобщить все возможно, и посредствомъ обобщеній можно дойти до какихъ угодно послѣдствій. Говоритъ, напримѣръ, Луи-Бланъ объ епископѣ рочестерскомъ — епископъ! но епископы есть и у насъ, слѣдовательно онъ оскорбляетъ и нашъ епископатъ, а слѣдовательно и нашу церковь. Вслѣдствіе обобщенія, цензурный комитетъ влечетъ Луи-Блана къ отвѣтственности за ту шутку, которая и отмѣчена въ обвинительномъ актѣ, что вотъ греки не могутъ пріискать себѣ короля. Но мнѣ кажется, что даже посредствомъ обоб-

[redacted]

щеній въ этой шуткѣ для нашего образа правленія нельзя видѣть ничего предосудительнаго, потому что она могла бы къ нему относиться, еслибъ на тронѣ нашемъ сидѣлъ какой нибудь иностранецъ, а не наша династія, которая, какъ извѣстно, есть кость отъ костей народа.

Вотъ что говоритъ Луи-Бланъ объ Англіи. Другой членъ проводимой имъ параллели — Франція. Народъ французскій не менѣе англійскаго знаменитъ; онъ провелъ еще болѣе глубокую борозду въ волнахъ всемірно-историческаго развитія. Этотъ народъ, при всей своей даровитости, не успѣлъ возстановить у себя прочный государственный порядокъ. Онъ испыталъ нѣсколько послѣдовательныхъ революцій. Послѣ каждой революціи вслѣдствіе истощенія общества, бразды правленія доставались въ руки какого нибудь человѣка сильнаго, энергическаго, честолюбиваго, который не давалъ мѣста проявленію свободной мысли, и оставлялъ только призрачное народное представительство. Луи-Бланъ не можетъ любить эту форму правленія — отъ нея то онъ бѣжалъ и пребываетъ въ изгнаніи. Англичане называютъ ее абсолютизмомъ или деспотизмомъ. Они объ ней судятъ и толкуютъ. Луи-Бланъ только передаетъ эти сужденія, и только они то и выхвачены изъ его писемъ и сопоставлены въ обвинительномъ актѣ. Между тѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что это не его собственные толки, а толки англичанъ. Они говорятъ: абсолютная власть есть рабъ своего собственнаго положенія; сегодня правитель такъ настроенъ, и такъ дѣйствуетъ — завтра необходимость заставитъ его дѣлать иное. Соразмѣрно силѣ, ему предоставленной, растутъ и ожиданія народа; эти ожиданія столь велики, что нельзя ихъ удовлетворить. Абсолютизмъ долженъ забавлять народъ, давать ему славу вмѣсто свободы, затѣвать экспедиціи мексиканскую, и иныя — вотъ почему мы, несмотря на дружбу, вооружаемъ нашихъ волонтеровъ. Все это прямо относится къ французскому правленію. Спрашивается: чѣмъ насъ могутъ касаться не одни толки Луи-Блана,

но даже и толки англичанъ о вредѣ абсолютизма, который установился безъ всякаго содѣйствія нашего, и который въ настоящее время пытается самъ себя ограничить, какъ видно изъ газетъ, созидая либеральныя учрежденія, тоже безъ всякаго нашего участія? Развѣ допустить, что есть одна только законная форма правленія на всемъ земномъ шарѣ — монархическая, и что всѣ монархіи между собою солидарны? Но мнѣ кажется, что нѣтъ лучшаго друга для Россіи, какъ напр. президентъ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Наконецъ, нѣтъ ничего общаго между абсолютизмомъ, возникнувшимъ на облитой кровію мостовой при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ ему, въ странѣ, привыкшей къ свободѣ, и нашимъ правленіемъ, которое по крайней мѣрѣ въ послѣднія 15 лѣтъ дѣлаетъ совершенно противоположное тому, что творилъ французскій абсолютизмъ: уничтожило крѣпостное состояніе, создало либеральные учрежденія, упрочило законъ, поставило на стражѣ его независимый судъ, открыло публикѣ тайны государственныхъ финансовъ... Больше мнѣ говорить запрещаетъ чувство приличія. Я боюсь чтобы меня не заподозрили въ тонкой лести, или чтобы словъ моихъ не взяли за адвокатскій пріемъ, съ цѣлью выгородить моего кліента. Что касается до цитаты, приведенной въ обвинительномъ актѣ, позаимствованной Луи-Бланомъ отъ безобиднѣйшаго изъ экономистовъ Ганиля, касательно того, что въ коммерческомъ отношеніи абсолютная власть невыгодна, то съ этимъ я не могу не согласиться. Наконецъ есть еще мѣсто въ обвинительномъ актѣ, гдѣ издатель привлекается къ отвѣтственности за то, что въ книгѣ восхваляется тотъ принципъ, существующій въ Англіи, что не власти служатъ, а власть сама служитъ, что въ Англіи министры называются public servants — слугами общества. Мнѣ кажется, что нападать на эту мысль крайне неприлично въ отечествѣ Петра Великаго.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ выставленными въ обвинительномъ актѣ мѣстами изъ книги Луи-Блана,

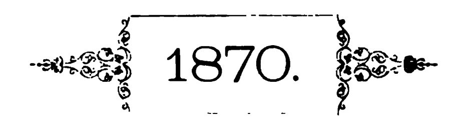
[redacted]

я обращусь затѣмъ къ примѣненію къ этой книгѣ закона. Если бы книга и была вредна въ томъ смыслѣ, въ какомъ она выставлена въ обвинительномъ актѣ, то и въ такомъ случаѣ она не подходила бы подъ статьи, которыя приводятся въ обвинительномъ актѣ, а подходилабы подъ 252 ст. улож. о наказ.; но не подъ эту статью подвела обвинительная власть книгу Щипова, а подъ статью 1035. Но такъ какъ письма Луи-Блана не содержатъ ни слова о законахъ дѣйствующихъ въ Россіи и не позволяютъ себѣ оспаривать обязательную силу русскихъ законовъ или распоряженій русскихъ властей административныхъ или судебныхъ, то къ нимъ и статья 1035 примѣняема быть не можетъ. Вотъ почему не только Щаповъ отъ всякой отвѣтственности долженъ быть освобожденъ, но также, въ виду всего мною сказаннаго, прошу судебную палату и книгу его, какъ безвредную, допустить къ обращенію.

По рѣшенію палаты Щаповъ былъ по всѣмъ пунктамъ обвиненія оправданъ.

Въ правительствующемъ сенатѣ по протесту прокурора палаты состоялось въ 1870 г. 18 февраля слѣдующее рѣшеніе: 1) что въ книгѣ Луи-Блана нѣтъ никакихъ мѣстъ, подходящихъ подъ 1035 ст. улож.; 2) что изложеніе содержанія «Essays and Reviews» и статьи эдинбургскаго обозрѣнія предварительной духовной цензурѣ не подлежатъ; 3) что собственныя мысли Луи-Блана по поводу статьи эдинбургскаго обозрѣнія и поставленный имъ за словами Св. Августина вопросъ: когда-же совершится искупленіе? по совершенно духовному содержанію сихъ мѣстъ должны были быть представлены въ духовную цензуру и потому ихъ слѣдуетъ передать въ эту цензуру, не подвергая Щапова никакому наказанію.

7.

Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона.

Разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ 28 и 29 марта 1870 года.

Гг. присяжные засѣдатели!

Если есть дѣло, которое могло бы прямо идти на судъ безъ судебныхъ преній, прямо послѣ судебнаго слѣдствія, такъ это именно настоящее. Фразы, слова не въ состояніи ничего ни прибавить, ни убавить къ тому сильному впечатлѣнію, которое оставилъ на васъ самый фактъ, голый, дикій, вопіющій. Въ центрѣ столицы, въ двухъ шагахъ отъ гауптвахты на Сѣнной, устраивается разбойничій притонъ, свиваетъ себѣ гнѣздо шайка злодѣевъ, распредѣляющихъ между собою работу; одни изъ нихъ заманиваютъ, другіе сидятъ въ засадѣ, ожидая добычи, и наконецъ совершается дѣло *кровавое*, надъ старикомъ, который, забывъ стыдъ и достоинство своихъ сѣдыхъ волосъ, далъ завлечь себя въ эту нечистую берлогу. Совершается дѣло крови — какъ по мановенію одного человѣка — говоритъ обвинительная власть, неизвѣстно по чьему велѣнію, говоритъ товарищъ мой по защитѣ. — Изъ этихъ двухъ предположеній, я дол-

[redacted]

женъ откровенно сказать, что не могу не стать на сторону перваго. Конечно, есть приличія, которыя должна соблюдать защита, но есть и истина, которая имѣетъ также свои права. Мнѣ кажется, что изъ всего судебнаго слѣдствія, изъ разсказовъ тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ преступленіи и передали всѣ мельчайшія подробности, вы не могли не убѣдиться, что главнымъ дѣятелемъ былъ одинъ Максимъ Ивановъ, который руководилъ предпріятіемъ. Преступники какъ будто бы поторопились совмѣстить въ одномъ злодѣяніи всевозможные признаки, изъ которыхъ и одного достаточно, чтобы по смыслу закона сдѣлать смертоубійство— изъ простаго особеннымъ, квалифицированнымъ. Тутъ есть и истязанія, тутъ есть и отравленіе, и задушеніе и битье утюгами. Наконецъ, къ довершенію впечатлѣнія оказывается, что изъ всѣхъ этихъ людей, только двое совершеннолѣтніе, остальные — молодежь. Дѣло, повторяю, страшное. Я и не буду пытаться ослабить то впечатлѣніе, которое оно производитъ; оно и есть общее дѣло всѣхъ соучастниковъ, значитъ и моей кліентки. Но это общее дѣяніе ложится не на всѣхъ съ одинаковою тяжестью, и въ особенности тѣ изъ нихъ, участіе которыхъ было второстепенное, имѣютъ право, чтобы ихъ судили по степени этого участія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ защитникамъ, кромѣ защитника Максима Иванова, открывается поле, не весьма широкое, сказать что нибудь въ пользу своихъ кліентовъ для смягченія наказанія. Я долженъ сказать, что это поле, эта возможность добиваться смягченія участи особенно малы, особенно ничтожны для меня, какъ защитника Авдѣевой. Возьмите только обвинительный актъ и оговоры другихъ подсудимыхъ: если бы вы слышали только этотъ обвинительный актъ и эти оговоры, невидавъ и неслыхавъ самой Авдѣевой, то вы должны бы придти къ заключенію, что изъ всѣхъ лицъ, которыя участвовали въ этомъ злодѣяніи, самое главное послѣ Максима лицо и есть Александра Авдѣева. И въ самомъ

дѣлѣ, она ѣдетъ съ Зономъ на квартиру, она вывѣдываетъ сколько у него денегъ, она воруетъ эти деньги, она потомъ если не подноситъ ему ядъ (она это отрицаетъ, я объясню впослѣдствіи, что это отрицаніе можетъ быть правдоподобно), но, во всякомъ случаѣ, чокается съ отравляемымъ Зономъ, зная, что Зонъ пьетъ ядъ; наконецъ, когда начинается убійство, когда пошли въ ходъ ремень, пледъ, утюги, она садится за фортепіано, стучитъ руками и ногами и заглушаетъ крики и стоны несчастной жертвы. Такимъ образомъ, если бы вы не имѣли передъ собою живое лицо, его послѣдовательный разсказъ, то въ вашемъ воображеніи должно бы составиться представленіе о какомъ то чудовищѣ,— что это не женщина, а какой-то демонъ, уродъ, страшилище, что въ ней нѣтъ ничего человѣческаго. Но я полагаю, что это не разрѣшеніе вопроса. Что такое чудовище? Это уклоненіе отъ естественныхъ законовъ, нѣчто необычайное, загадка. Сказавъ, что Авдѣева чудовище, вы бы поставили вмѣсто вопроса загадку. Но, затѣмъ, вы натолкнетесь на слѣдующія соображенія: какъ же могло появиться такое чудовище? Мыслило ли оно и чувствовало ли оно, какъ всѣ другія лица? Какое было его сердечное участіе въ дѣлѣ, сверхъ несомнѣннаго механическаго? Вотъ тѣ вопросы, съ которыми я шелъ къ моей кліенткѣ въ тюрьму, слушалъ ее, изучалъ, съ которыми я слѣдилъ за нею и на судебномъ слѣдствіи. Я позволю себѣ подѣлиться съ вами результатомъ моихъ наблюденій, т. е. передамъ вамъ, что я подмѣтилъ и что я изъ подмѣченнаго вывелъ. Этотъ анализъ наблюденій можетъ быть и послужитъ до нѣкоторой степени ей въ защиту, т. е. побудитъ васъ къ тому. чтобы вы не слишкомъ строго смотрѣли на Александру Авдѣеву. Александра Авдѣева, или— какъ называютъ ее товарки—«Саша большая», есть женщина, что называется, потерянная, притомъ она потерялась въ весьма раннихъ лѣтахъ, вступивъ на тотъ путь разврата, который, какъ напр. въ настоящемъ слу-

чаѣ, привелъ ее на скамью подсудимыхъ. Вы слышали, что Авдѣевой 17 лѣтъ—18-й; два года назадъ она уже была въ публичномъ домѣ, слѣдовательно, къ 15-лѣтнему возрасту относится то обстоятельство, когда она была соблазнена. Она дочь бѣдныхъ родителей; отецъ ея, портной, умеръ очень рано; она жила отчасти въ деревнѣ, отчасти въ городѣ; ѣздила въ Москву, дорогою познакомилась съ офицеромъ, который увлекъ ее и съ которымъ она прожила недѣлю, предавшись ему даромъ. Это было на 15 году ея жизни; затѣмъ, она возвратилась, была въ ученьи, потомъ переѣхала жить къ матери. Жить было тѣсно, скучно; она стала бѣгать отъ матери,—два мѣсяца пропадала. Мать была очень строгая, такъ что Александра хотѣла утопиться, чтобы избѣжать ея гнѣва. Въ этихъ странствованіяхъ она познакомилась съ нѣкоторыми подругами, которыя твердили ей: «зачѣмъ тебѣ работать, еще успѣешь, наработаешься, ты можешь жить лучше, имѣть шелковыя платья, пить вино, водку, веселиться» и т. д. И вотъ, вслѣдствіе такихъ наставленій, Авдѣева, едва достигши 15-ти лѣтъ, переходитъ жить въ публичный домъ Рыбаковой или Рыбаковской, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ и пробыла 2 года. Извѣстенъ бытъ проститутки—весьма однообразный при всемъ своемъ безобразіи: неимѣніе никакой собственности,—все, что на тѣлѣ, принадлежитъ хозяйкѣ; у женщины, которая промышляетъ собою никогда нѣтъ ни копѣйки за душою; ее кормятъ, поятъ... если найдется кому угостить... Такъ проводила время Авдѣева здѣсь зимою въ Петербургѣ, а лѣтомъ на островахъ. И вотъ, въ Новой деревнѣ, въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній, такихъ же точно, какъ и Эльдорадо, въ Элизіумѣ, она столкнулась съ Максимомъ Ивановымъ. Максимъ Ивановъ сманилъ ее къ себѣ въ концѣ іюля 1869 года, въ день Петергофскаго гулянья. Ее привезли въ домъ Максима Иванова, пріодѣли, а ея платье отослали къ прежней хозяйкѣ, и она осталась жить и промышлять своимъ тѣломъ для

[redacted]

Максима Иванова. Жить ей было тутъ получше, ее не такъ тѣснили: Максимъ Ивановъ вообще былъ къ ней снисходительнѣе, нежели прежняя хозяйка; Турбина также была съ ней добра.

Вы знаете, что такое квартира Максима Иванова. Въ Спасскомъ переулкѣ, на заднемъ дворѣ, было помѣщеніе, залъ — нарядная комната въ 2 окна, для пріема гостей, затѣмъ спальня, кухня и передняя; собственно всего двѣ комнаты, и въ нихъ отъ 7 до 8 жильцовъ. Въ кухнѣ, какъ могутъ мѣстятся, какъ сельди въ боченкѣ, мужчины, изъ которыхъ только одинъ Грачевъ исполняетъ необходимую роль лакея, а остальные, Федоровъ и Ивановъ, живутъ такъ, дожидая пока явится хорошій случай: затѣмъ залъ — для гостей, въ передней помѣщается самъ Максимъ Ивановъ съ Дарьей и наконецъ спальня также для гостей или для двухъ трехъ женщинъ: тутъ, какъ вы слышали, спали и другія приходившія женщины -Елена и Клавдія; разумѣется что одна или двѣ спятъ здѣсь въ одно время, а остальныя рыскаютъ по городу. Все это общество, довольно многочисленное, держится вкупѣ однимъ Максимомъ Ивановымъ. Максимъ Ивановъ имѣлъ двоякое отношеніе къ своимъ жильцамъ: къ женскому населенію, и къ половинѣ мужской. Между этими двумя половинами положительно не было никакой связи. Я спрашивалъ Александру Авдѣеву, какія отношенія были между ними и людьми, жившими на кухнѣ? Изъ нихъ Грачевъ постоянно прислуживалъ, исполнялъ всѣ порученія: бѣгалъ въ лавку, убиралъ комнаты и проч., да и остальные прислуживали также когда не было Грачева — и только. Что касается до женщинъ, то условія ихъ съ Максимомъ могутъ быть возстановлены по разсказамъ Александры Авдѣевой и другой Александры — «Саши маленькой». Каждая изъ нихъ, какъ вы слышали, жила у Максима Иванова точно также, какъ онѣ обыкновенно живутъ у всѣхъ содержателей; тамъ онѣ были въ полнѣйшей, безусловной зависимости отъ своего хозяина;

[redacted]

каждая изъ нихъ должна была платить по 40 рублей въ мѣсяцъ за кушанье и квартиру; сверхъ того ей ставили на счетъ одежду; разумѣется ни одна изъ нихъ не могла покрыть всего, что насчитывали на нее, тѣмъ болѣе что насчитывали за вещи вдвое больше противу настоящей стоимости. Такимъ образомъ у Александры Авдѣевой точно также какъ и у Семеновой, какъ у всякой подобной женщины, никогда не было ни гроша. Авдѣева тотчасъ же послѣ поступленія къ Максиму Иванову — я не могу скрыть этого — присутствовала при отравленіи котовъ; она смотрѣла какъ кормили ихъ насильно ядомъ, какъ они потомъ издыхали; это она сама подтвердила. Затѣмъ что было, какіе разговоры шли? Хорошихъ не было; говорили какъ бы завлечь кого, убить, ограбить, и на добытыя деньги жить въ Москвѣ. Она и это сама разсказала съ полною откровенностью. Спрашивается, какимъ образомъ женщина, попавъ въ этотъ вертепъ, слыша постоянно всѣ эти разговоры, присутствуя при отравленіи котовъ и при приготовленіяхъ къ отравленію людей, не бѣжала оттуда, если не изъ того, что ея чувства должны были возмутиться, то изъ боязни отвѣтственности, изъ опасенія чтобы не попасться вмѣстѣ съ другими разбойниками? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я скажу слѣдующее.

Вы сообразили можетъ быть, гг. присяжные засѣдатели, изъ тѣхъ разсказовъ, которые вы слышали, что это за субъектъ Авдѣева, какой уровень ея нравственнаго и умственнаго образованія? Она разсказывала, кажется довольно толково, но о чемъ же? О внѣшнихъ предметахъ: какъ что было, кто что сказалъ, что дѣлалъ, какъ распорядились. Въ ней видна извѣстная снаровка говорить, но та снаровка, которая пріобрѣтается въ Эльдорадо и подобныхъ заведеніяхъ; она вѣроятно умѣетъ также шутить съ мужчинами, поддержать съ ними извѣстнаго рода разговоръ, но дальше этого не идетъ. Отбросьте этотъ эльдорадный лоскъ, и эта

женщина окажется въ полномъ смыслѣ слова дикаркою. Она, гг. присяжные засѣдатели, не имѣетъ никакого образованія; она читаетъ только печатанное большими буквами, и то плохо; она ничему не училась. Я старался объяснить, умѣетъ ли она играть на фортепьяно, оказалось что она и понятія не имѣла объ игрѣ,—кулаками била по клавишамъ и топала ногами, когда понадобилась ея игра. Неграмотность не всегда доказываетъ отсутствіе всякаго образованія: есть неграмотные люди, но весьма умные, дѣльные. Первый признакъ человѣка, какъ человѣка, то есть какъ существа разумнаго, то чѣмъ человѣкъ прежде всего отличается отъ животнаго, заключается въ томъ, что онъ думаетъ о себѣ, что онъ «себѣ на умѣ», что онъ старается сдѣлаться самостоятельнымъ, не подчиняться другимъ, а напротивъ того возвышается надъ ними и самъ старается подчинить другихъ своему вліянію. Хотя это чистый эгоизмъ, но такой эгоизмъ, который свойственъ только человѣку. Вотъ этого то признака человѣка у Александры Авдѣевой и не было. Она въ полномъ смыслѣ слова дикарка; такова она была у прежней хозяйки, такова и у Максима Иванова; она дѣйствовала совершенно пассивно, она дѣлала только то, что ей приказываютъ: ей говорятъ—привези фона-Зона,—она привозитъ; говорятъ — узнай сколько у него денегъ,—она узнаетъ; говорятъ—вытащи ихъ,—она вытаскиваетъ; играй, стучи, — она стучитъ кулаками и ногами!—Она дѣйствуетъ во всемъ какъ дрессированная собачка. Посмотримъ какое участіе принимаетъ она и въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ, въ дѣлежѣ добычи. Добыча дѣлится такъ, какъ угодно Максиму Иванову: Авдѣевой выдѣляется 5 рублей, она и этимъ не воспользовалась. Вольно вамъ вѣрить ей или Максиму Иванову... но я думаю, что нѣтъ причины отдавать предпочтеніе въ этомъ отношеніи Максиму Иванову.—Если, бы у нея были деньги, то она куда нибудь да ушла бы, но нѣтъ слѣда чтобы у нея была хотя одна ко-

пѣйка: все забралъ себѣ Максимъ Ивановъ. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей, какія только проявляются въ ея дѣйствіяхъ, замѣтнѣе только одно, — это какое то ребяческое любопытство. Она желаетъ смотрѣть какъ будутъ издыхать дрыгая ногами коты, она хочетъ знать какъ дѣйствуетъ отрава и на Зона. На слѣдующій день она просится въ спальню смотрѣть, какъ Зонъ лежитъ подъ кроватью. Наконецъ изъ всѣхъ подсудимыхъ она одна выноситъ спокойно зрѣлище, котораго не выносятъ и мужчины, люди съ болѣе крѣпкими нервами. Они, самъ Максимъ, не хотѣли присутствовать при открытіи чемодана и выниманіи полусгнившаго трупа несчастной жертвы, она подходитъ и осматриваетъ его внимательно, заглядываетъ въ лицо, обходитъ кругомъ. Когда я ее спрашивалъ, какъ она могла вынести это ужасное зрѣлище, она отвѣчала: «что же мнѣ дѣлать! когда у меня такой характеръ». Это, господа, умственное ея развитіе; перейдемъ къ нравственному ея образованію. Оно оказывается еще ниже. Эта женщина безъ всякихъ привязанностей; никогда никого она не любила. Отца она лишилась очень рано; мать ея была строга къ ней, и она ее боялась, такъ что хотѣла топиться. Она такъ рано предалась разврату, что у нея не было почти того промежуточнаго періода между состояніемъ, когда у дитяти еще нѣтъ стыдливости и состояніемъ, когда уже нѣтъ и не можетъ быть никакой стыдливости. Она такъ сказать, съ самаго дѣтства перешла прямо въ публичный домъ. Она никого не любила, знакомство съ офицеромъ было мимолетное; въ публичномъ домѣ она въ полномъ смыслѣ была рабочая сила, зарабатывала деньги для хозяевъ, исполняла все что отъ нея требовали; отношеній съ людьми, которые могли бы имѣть на нее хорошее вліяніе, она не имѣла; она не встрѣчалась ни съ кѣмъ, кто бы могъ познакомить ее хотя съ понятіями о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ нравственныхъ и гражданскихъ, который бы могъ вселить въ нее какую нибудь наклонность къ чему нибудь идеальному. Вся

жизнь ея не выходитъ изъ области самаго грубаго цинизма. При такомъ состоянiи полнѣйшаго нравственнаго неразвитiя не можетъ быть сознанiя объ обязанностяхъ гражданскихъ и нравственныхъ, нѣтъ того, что называется гуманностью, человѣчностью. Вы знаете, гг. присяжные, что такое человѣчность? Я изобразилъ вамъ эгоизмъ какъ первую ступень человѣческаго бытiя; вторая затѣмъ, которая ставитъ его еще выше, есть человѣчность или способность чувствовать не только за себя, но и за другихъ, видѣть какъ другой страдаетъ и самому переживать ту самую боль, тѣ самыя мученiя, которыя испытываетъ страдалецъ. Эта то способность и отсутствуетъ вполнѣ у Авдѣевой. Нельзя сказать, чтобы она была женщина безъ всякаго чувства: она не камень, она имѣетъ нервы, она при мнѣ плакала, но плакала только о себѣ, не о другихъ. Эта безчувственность въ отношенiи къ страданiямъ другихъ не можетъ быть поставлена вполнѣ ей въ вину. Разберите, гг. присяжные засѣдатели, эти признаки, которые я старался изобразить. Мнѣ кажется, этими признаками, этимъ недостаткомъ умственнаго и нравственнаго развитiя, при содѣйствiи еще одного агента—вина, которое она выпила въ ночь 7 ноября, и объясняется весь образъ дѣйствiй Авдѣевой съ 7 на 8 ноября. Она съ поступленiя своего въ заведенiе Максимова постоянно слышитъ разговоры, что надо кого нибудь завлечь, ограбить, убить; но это до нея не касается, это дѣло Максима Иванова, притомъ это только предположенiя, которыя еще не воплощались въ какое либо опредѣленное дѣйствiе. Затѣмъ ей говорятъ: «приведи Зона», она приводитъ,—для нее это не ново, она всегда приводила съ собою мужчинъ... Нѣтъ никакого основанiя предполагать, чтобы съ самаго прiѣзда на квартиру былъ обдуманный планъ дѣйствiй, сочиненный всѣми участвовавшими; планъ этотъ если существовалъ, то въ головѣ одного Максима Иванова, всѣ другiе присоединяются когда уже пришлось дѣйствовать, т. е. только

въ ту минуту, когда Зонъ, ушедши изъ квартиры, вернулся опять назадъ. Осуществленіе этого замысла идетъ такимъ порядкомъ, что въ залѣ остается съ фонъ-Зономъ одинъ только Максимъ Ивановъ; входятъ Александра Авдѣева и Дарья Турбина, остальныя лица находятся въ кухнѣ; Александра Семенова и Елена Дмитріева спятъ. Что происходитъ въ это время въ залѣ— извѣстно весьма поверхностно. Максимъ Ивановъ идетъ въ кухню, не предупредивъ даже женщинъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать, и приготовляетъ то вещество, которое считалось ядомъ; было или не было оно ядомъ, это вопросъ другой и если разсмотрѣть его отдѣльно, то онъ долженъ быть разрѣшенъ скорѣе отрицательно. По всей вѣроятности это ядовитое вещество попортилось, оно не могло имѣть никакого вреднаго вліянія; но для меня это совершенно безразлично, я мирюсь даже съ тѣмъ, что дѣйствовавшіе считали это вещество ядомъ, считала его ядомъ и Александра Авдѣева. Если вамъ угодно будетъ, вмѣсто ея отрицанія на счетъ вливанія яда, принять разсказъ другихъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ же преступленіи, которыя говорятъ, что Авдѣева вливала ядъ, то для меня въ этомъ нѣтъ значительной разницы, — то въ чемъ она признается выходитъ на одно и тоже съ тѣмъ, что говорятъ другіе: она сознается, что когда Максимъ Ивановъ говорилъ фонъ-Зону: «пейте же», и когда онъ приглашалъ ее подчивать гостя, она, наливъ себѣ стаканъ вина, чокалась съ фонъ-Зономъ и значитъ склоняла его къ принятію яда. Потомъ началась сцена съ ремнемъ и битье утюгами. Вотъ при этой сценѣ Авдѣева, по приказанію хозяина, стучала, топтала, кричала до тѣхъ поръ, пока ее не отправили въ кухню, гдѣ она преспокойно улеглась съ Александрой Семеновою и проспала до слѣдующаго утра. Все, что можетъ отяготить участь Авдѣевой, относится къ событіямъ этой ночи; затѣмъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ другихъ участниковъ преступленія она не принимала никакого непосредственнаго участія: продажа

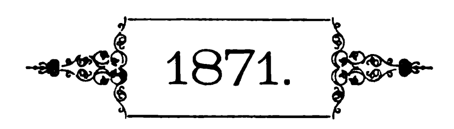
вещей, покупка чемодана, укладываніе и отправка трупа, дѣлежка денегъ—это все дѣйствія, которыя совершались безъ нея, потому что даже тѣ 5 руб., которые приходились на ея долю, Максимъ Ивановъ забралъ къ себѣ. Затѣмъ совершилось слѣдующее: весь этотъ домъ, вся эта какъ бы семья, вся шайка какъ до убійства была дружна и крѣпко держалась авторитетомъ Максима Иванова, такъ потомъ подъ вліяніемъ совершеннаго преступленія начинаетъ раздробляться; съ самаго начала отдѣляется Иванъ Федоровъ, который взялъ деньги на поѣздку и ихъ не возвратилъ; далѣе происходитъ ссора между Максимомъ Ивановымъ и Александромъ Ивановымъ, сссора между Максимомъ и Турбиною, между Авдѣевою и Александромъ Ивановымъ. Всѣ перессорились, такъ что сама Александра Авдѣева хочетъ бѣжать отъ Максима къ другой хозяйкѣ. Александръ Ивановъ отправляется въ сыскное отдѣленіе, дѣлаетъ доносъ, по доносу всѣхъ арестуютъ и съ перваго же раза Авдѣева разсказываетъ все съ полной откровенностью, такъ какъ она передала всѣ подробности здѣсь передъ вами. Я долженъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, на которое былъ только намекъ въ слѣдствіи, а именно о предположеніи убить Клавдію Стрешневу и воспользоваться ея пожитками. Это предположеніе передавалось такимъ образомъ: жительницамъ дома Максима Иванова будто бы понравились вещи Клавдіи, и Максимъ Ивановъ поэтому будто бы хотѣлъ убить ее, чтобы вещи отдать Авдѣевой. Такъ какъ мужской половинѣ своего заведенія онъ не хотѣлъ дать участія въ дѣлежѣ добычи, то это и послужило побудительною причиною къ ссорѣ съ Александромъ Ивановымъ. Я думаю, что во всѣхъ этихъ событіяхъ единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ является одинъ Максимъ Ивановъ. Если онъ пріохотился, разъ совершивши убійство, тотчасъ составилъ новый планъ убійства, то нѣтъ никакой надобности предполагать, чтобы въ составленіи этого плана участвовала непремѣнно Александра Ав-

дѣева; Максимъ могъ дѣйствительно желать воспользоваться вещами Клавдіи съ тѣмъ, чтобы подарить ихъ потомъ или Турбиной, или Авдѣевой, причемъ Авдѣева могла и не подстрекать его кѣ этому новому убійству. Но если бы даже и допустить, что она и сама науськивала его на убіеніе Клавдіи, то и тутъ вы не встрѣтите ничего, чтобы отступало отъ изображеннаго мною очерка ея характера: эта женщина такъ мало развита, и потомъ, преступленіе которое совершилось на ея глазахъ, до такой степени могло подѣйствовать на еще большее ея паденіе, стереть совершенно всѣ ея нравственныя понятія, что она точно также не сознавала гнусности и преступности убійства Клавдіи, какъ не сознавала преступности убійства фонъ-Зона. Она не сознавала, что есть обязанность, лежащая на всякомъ человѣкѣ, когда онъ видитъ, что убиваютъ другаго, вмѣшаться и заслонить его хотя бы своею собственною грудью; наконецъ она вовсе не знала и не понимала, что надобно бѣжать, что надо открыть преступленіе, во избѣжаніе отвѣтственности. Сознаніе есть плодъ опытности, знанія, а этой-то опытности, этого знанія и не было у Александры Авдѣевой.

До сего времени, гг. присяжные засѣдатели, я только разсказывалъ и описывалъ, но мнѣ кажется, что это то описаніе и послужитъ въ защиту Авдѣевой. Сообразите, — вы видите теперь что это за субъектъ? Онъ измельчалъ при внимательномъ разборѣ. Вмѣсто чудовища, наводящаго ужасъ, вмѣсто демона, вмѣсто женщины, увлеченной сильнымъ порывомъ страсти,—оказывается въ дѣйствительности только существо едва походящее на человѣка недоразвитаго, существо съ которымъ только и можно обойтись какъ съ неразумнымъ животнымъ. Эта женщина нельзя сказать чтобы была совершенно неспособна къ развитію, къ исправленію; вы слышали, что разсказъ ея довольно толковый... и если постигнетъ ее та кара, которая грозитъ ей, то я думаю, что это наказаніе для нея всетаки будетъ благотворно,

потому что оно не можетъ на нее не подѣйствовать. Положеніе, которое будетъ создано для нея вашимъ вердиктомъ, какъ оно ни ужасно, для нея будетъ всетаки лучше, нежели то положеніе, въ которомъ она находилась у Максима Иванова. Кромѣ того она существо совершенно пассивное: не будь она въ домѣ Максима Иванова, попади она въ другое мѣсто, она была бы самая обыкновенная публичная женщина. Точно также и всѣ остальныя лица, которыя сидятъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, кромѣ Максима Иванова.—Это совершенно обыкновенные люди, такъ что, собственно говоря, они должны возбуждать скорѣе жалость... Вы соразмѣрите строгость вашего приговора съ дѣйствительною виною каждаго изъ нихъ. Вотъ почему я думаю, что, оцѣнивъ малый уровень развитія Александры Авдѣевой, вы признаете за нею два обстоятельства: во первыхъ, что она заслуживаетъ снисхожденія и во вторыхъ то, (что для меня совершенно ясно), что она дѣйствовала не самостоятельно, а была вовлечена въ это преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ, которое имѣло въ глазахъ ея большую силу, большой авторитетъ, потому что то былъ ея хозяинъ, распоряжался ею, какъ своимъ товаромъ. Я кончилъ.

Признанная присяжными заслуживающею снисхожденія Авдѣева приговорена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

8.

Дѣло о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи. (Нечаевское дѣло).

Осенью 1869 года образовалось въ Москвѣ тайное общество, члены котораго обвинены въ томъ, что поставили себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи правительства и измѣненіе образа правленія. Произведеннымъ по сему дѣлу предварительнымъ слѣдствіемъ были привлечены къ отвѣтственности 84 подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительною властью на 11 группъ. Каждая изъ этихъ группъ въ послѣдовательномъ порядкѣ судилась въ особомъ присутствіи С.-Петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло разбиралось съ 1 іюля по 28 августа 1871 года. Первая группа обнимала 11-ти подсудимыхъ, въ числѣ которыхъ обвинялись:

а) купеческій сынъ *Алексѣй Кирилловъ Кузнецовъ*, въ томъ: во 1-хъ, что, по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью 1869 года бывшимъ приходскимъ учителемъ Сергѣемъ Нечаевымъ и другими лицами, они составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять въ Петербургѣ, заговоръ съ цѣлью ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причемъ злоумышленіе ихъ открыто было правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ; и во 2-хъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою согласію, но по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21-го ноября 1869 года убійство слушателя Петровской академіи Иванова, заманивъ его въ

уединенное мѣсто, т. е. обвинялся въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249, 250, 13 и 3 п. 1453 ст. улож. о наказ., изд. 1866 г.

б) Кандидатъ правъ *Петръ Никитинъ Ткачевъ* и др., въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить образъ правленія совершилъ для сего приготовительныя дѣйствія, причемъ злоумышленіе его открыто было правительствомъ заблаговременно въ самомъ началѣ онаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. улож.

в) Жена полковника *Елизавета Христіановна Томилова* въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершать приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора ниспровергнуть правительство и перемѣнить образъ правленія, причемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 121, 249 и 250 ст. улож. о наказ.

Рѣчь въ защиту Алексѣя Кузнецова.

Гг. Судьи. Въ городѣ Херсонѣ было купеческое семейство, одно изъ рѣдкихъ въ купеческомъ быту: отецъ и три сына. Самыя нѣжныя отношенія соединяли ихъ между собою. Отношенія эти были скорѣе дружественныя, нежели основанныя на строгой власти. Отецъ не поскупился дать своимъ сыновьямъ возможно хорошее воспитаніе по своимъ средствамъ. Онъ помѣстилъ старшаго сына Алексѣя сначала въ коммерческое училище, а потомъ въ земледѣльческую Петровскую академію, одно изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Особенныя надежды возлагались на этого Алексѣя Кузнецова, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ хорошимъ человѣкомъ. Такимъ знали его въ академіи. Онъ совершенно искренно могъ сказать, что въ теченіе многихъ лѣтъ не имѣлъ ни одного врага, ни одного недоброжелателя. Онъ былъ добрый сынъ, добрый другъ и товарищъ, внимательный, снисходительный, любящій. Таковъ былъ Алексѣй Кузнецовъ въ сентябрѣ 1869 года. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря, по истеченіи не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, мы находимъ того же Кузне-

цова оторваннымъ отъ почвы и занятій, бросившимся въ омутъ агитаціи, пропагандирующимъ, читающимъ студентамъ правила организаціи и участвующимъ, съ вѣдома или безъ вѣдома, въ такихъ махинаціяхъ, въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя по мысли учредителя заговора клонились къ тому, чтобы произвести страшный переворотъ въ Россійской Имперіи, поставить вверхъ дномъ все существующее, точно метлой вымести всѣ высшіе классы и заварить такую кашу не только россійскую, но даже европейскую, какъ сказано въ одномъ изъ писемъ Нечаева, которую и черезъ 50 лѣтъ не разхлебали бы наши потомки. Добро бы перемѣна эта произошла только въ одномъ образѣ мыслей Кузнецова. Всякій знаетъ, что помыслы юношей измѣнчивы какъ морская волна. Всякому изъ насъ случалось испытать на себѣ или подмѣчать весьма часто измѣненія въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ отъ школьной жизни переходитъ къ жизни дѣйствительной и практической, или когда еще въ школѣ передъ нимъ разверзается новый міръ, вслѣдствіе того, что этотъ молодой человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе съ требованіями времени, съ духомъ вѣка. Онъ въ немногіе мѣсяцы переживаетъ цѣлые періоды, главныя фазы развитія человѣчества; на разстояніи нѣсколькихъ недѣль онъ можетъ быть и мистикомъ, и крайнимъ скептикомъ, консерваторомъ и революціонеромъ, протестантомъ, римскимъ католикомъ и ультра-православнымъ. У каждаго изъ насъ была такая пора въ жизни, когда онъ смотрѣлъ титаномъ, готовымъ весь міръ объять, пересоздать и превратить въ земной рай. Потомъ пора эта проходитъ: титанъ возвращается къ обыденнымъ занятіямъ и становится самымъ добродушнымъ филистеромъ, самымъ усерднымъ и аккуратнымъ чиновникомъ. Если бы въ эту бурную пору молодости случилось такому молодому человѣку войти даже въ союзъ съ другими подобно мыслящими людьми, составить, что называется, тайное общество, то и это еще не большая бѣда. Безчисленное множе-

ство такихъ тайныхъ обществъ возникаетъ. Они не могутъ не возникать, потому что первое чувство, являющееся въ молодомъ человѣкѣ, который обладаетъ новою идеею—страстное желаніе подѣлиться ею съ другими и сдѣлать другихъ соучастниками этой идеи. Если бы онъ даже и попался въ этомъ случаѣ, то, конечно, подвергся бы весьма непріятнымъ послѣдствіямъ, заключенію, ссылкѣ, но его натура такая крѣпкая, что заключеніе это, отъ котораго многіе изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу зачахли, погибли, не сломило бы его; притомъ надо замѣтить, что наказанія за принадлежность къ тайнымъ обществамъ не въ примѣръ слабѣе тѣхъ, коимъ подвергались люди за то же самое, на моей памяти, лѣтъ двадцать тому назадъ. Но съ Кузнецовымъ случилось худшее несчастье. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, въ эти два съ половиною мѣсяца онъ, попавъ въ омутъ заговора, не только увлекъ за собою многихъ другихъ, но еще окровавилъ свои руки убійствомъ; онъ принялъ участіе, хотя и не главное, въ трагической смерти человѣка невиннаго; въ смерти друга, товарища, къ которому питалъ уваженіе, котораго обязанъ былъ защищать. Когда случается внезапная перемѣна въ жизни человѣка, вслѣдствіе которой онъ выходитъ совершенно не похожимъ на то, чѣмъ былъ прежде, то такія перемѣны можно объяснить двоякимъ образомъ: или психологическимъ процессомъ его собственнаго развитія, тѣмъ, что бывъ извѣстнымъ образомъ воспитанъ, имѣя извѣстное направленіе и бывъ поставленъ въ извѣстныя условія жизни, онъ собственнымъ умомъ додумался до извѣстныхъ результатовъ и собственною силою воли рѣшился на извѣстное дѣйствіе; или же перемѣна можетъ быть объясняема вліяніемъ другаго лица, которое на него до того сильно подѣйствовало, что увлекло его и толкнуло на несвойственный ему путь. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то кажется несомнѣнно можно сказать, что здѣсь имѣлъ мѣсто второй случай, т. е. что Алексѣй

Кузнецовъ былъ увлеченъ Нечаевымъ. Безъ сомнѣнія, вы, гг. судьи, признаете, что Кузнецовъ былъ болѣе увлеченъ, чѣмъ другіе люди, которые стоятъ рядомъ съ нимъ въ организаціи и на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ былъ увлеченъ болѣе нежели Успенскій, Прыжовъ, люди болѣе его образованные, хотя я долженъ сказать, что онъ былъ увлеченъ менѣе нежели Николаевъ, гораздо менѣе развитый нежели Кузнецовъ, а извѣстно, что кому меньше дано, отъ того меньше и взыщется. Спрашивается, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этого положенія, которое я считаю безспорнымъ? Не оправдать ли Кузнецова, не отрицать ли всякую его отвѣтственность? Я никогда не рѣшился бы поставить защиту на столь шаткое основаніе, я никогда не рѣшился бы прибѣгнуть къ столь рискованному средству. Ни одинъ судъ въ государствѣ не можетъ слѣдовать такой теоріи; принявъ ее, пришлось бы оправдать и самого Нечаева, если бы его судили, такъ какъ и Нечаевъ есть продуктъ своего вѣка и той атмосферы, въ которой онъ жилъ и вращался. Притомъ подобное объясненіе совсѣмъ противорѣчило бы натурѣ Кузнецова. Кузнецовъ вовсе не слабое созданіе, это человѣкъ съ характеромъ, прямой и довольно устойчивый, съ хорошими задатками и зачатками, съ качествами, хотя не блистательными, но солидными. Итакъ, я полагаю, что скажу правду, когда отнесу увлеченіе Кузнецова къ смягчающимъ его вину обстоятельствамъ. На этомъ можно бы и покончить защиту, но тогда она была бы весьма банальная, потому что, что же значитъ для судьи увлеченіе, когда не опредѣлены ни мѣра его, ни степень, когда не опредѣлено, какая сила увлекала Кузнецова, легко ли было сопротивляться ей или не легко. Надобно сравнить эту силу съ тѣмъ субъектомъ, который увлеченъ, рядомъ поставить искусителя и искушаемаго, опредѣлить свойства и пріемы искушенія, заглянуть въ душу подсудимаго — тогда можно будетъ съ достовѣрностью заключить, чего бы стоило Кузне-

цову сопротивляться и, значитъ, заслуживаетъ ли онъ снисхожденія. Если вы убѣдитесь, что сопротивляться было трудно, то вы не откажетесь признать его заслуживающимъ снисхожденія, даже особеннаго снисхожденія, по крайней мѣрѣ такого, которое даетъ вамъ въ руки законъ, потому что законъ предоставляетъ вамъ права, по вашему внутреннему убѣжденію и безъ приведенія даже основаній, понизить наказаніе на одну или двѣ степени. Кромѣ того, если-бы вы не признали его заслуживающимъ снисхожденія, если-бы была къ нему примѣнена полная мѣра наказанія, налагаемая за его преступленіе закономъ (какъ бы ни была велика эта казнь, онъ не сочтетъ ее несоотвѣтствующею его винѣ, которая весьма велика), то самъ разсказъ, который я прошу выслушать, будетъ все-таки полезенъ для моего кліента, онъ будетъ дополненіемъ той искренней исповѣди, которую онъ принесъ на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ. Въ рѣчи г. прокурора сквозила та мысль, что Кузнецовъ какъ будто бы не все сказалъ что знаетъ, что онъ скрываетъ нѣкоторые факты. Я полагаю, что онъ сказалъ все весьма искренно, что слова его, это исповѣдь человѣка, который былъ въ чаду, въ бреду, а теперь стоитъ предъ вами отрезвленнымъ и совершенно обновленнымъ не похожимъ на того Кузнецова, который былъ арестованъ 2-го декабря, въ такой же степени, въ какой арестованный Кузнецовъ не похожъ былъ на Кузнецова въ академіи.

Изложивъ планъ моей защиты, я по необходимости долженъ начать разсказъ мой съ человѣка, которымъ все дѣло полно, хотя его здѣсь нѣтъ, съ Дмитрія Ѳедорова, съ Кинявскаго, съ Ивана Петровича или Ивана Павлова, съ офицера путей сообщенія Панина, однимъ словомъ съ того Протея, который подъ сотнею именъ вдоль и поперекъ изъѣздилъ землю русскую — съ Нечаева.

Въ обвинительномъ актѣ проведена та мысль, что студенческія волненія, которыя начались въ 1868 и

окончились катастрофой въ мартѣ 1869 года, были главнымъ образомъ произведены лицами, стоявшими внѣ университета и совершенно ему чуждыми, которыя мутили молодежь. Въ числѣ лицъ этихъ упоминается и Нечаевъ. Хотя Нечаевъ — лицо весьма недавно здѣсь бывшее, однако онъ походитъ на сказочнаго героя. Его называютъ сыномъ священника, но оказывается, что онъ сынъ мѣщанина-живописца; иные даютъ ему 19, иные 23 года; иные говорятъ, что онъ не получилъ никакого образованія, что 16-ти лѣтъ едва зналъ грамоту и затѣмъ въ 3 года достигъ такого совершенства, что читалъ по-нѣмецки, по-французски и понималъ философскія книги. Я знаю только то, что Нечаевъ былъ учитилемъ въ Сергіевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ и въ качествѣ вольнослушателя посѣщалъ университетъ. Подсудимая Томилова, бывшая въ университетѣ, видѣла вѣшалку, на которой висѣло его платье съ надписью его фамиліи. Если онъ былъ вольнослушателемъ, то онъ долженъ былъ бы имѣть гимназическій аттестатъ. Въ университетѣ всѣ тѣ, которые посѣщаютъ его, вольнослушатели и студенты, собственно говоря, находятся въ одинаковомъ къ университету отношеніи, они одинаково къ университету близки и одинаково пользуются въ немъ правомъ гражданства. Какъ пользовался Нечаевъ этимъ правомъ гражданства — это другое дѣло. Ему и въ то время было, повидимому, уже присуще то направленіе, тѣ затѣи, которыя опредѣлили его дальнѣйшую дѣятельность. И тогда уже онъ старался возбуждать студентовъ, и тогда уже онъ проговаривался, что наука не нужна, что она мѣшаетъ смотрѣть на вещи прямо, что она онанизмъ мысли въ дни практическаго дѣла, что надо подталкивать людей, что наше общество состоитъ изъ холоповъ; и тогда уже онъ собиралъ подписку на петицію, которая должна была быть подана отъ имени всей учащейся молодежи и въ которой молодежь должна была протестовать, отъ всѣхъ учебныхъ заведеній, противъ условій своего умствен-

наго воспитанія и развитія. Но какъ бы ни было опредѣленно тогда уже то направленіе, которому и потомъ слѣдовалъ Нечаевъ, мнѣ кажется ему многаго еще не доставало. Его мало слушали, на него мало обращали вниманія. Когда молодежь собирается на шумную сходку, то всѣ толпятся, галдятъ, кричатъ; въ этомъ крикѣ трудно отличиться и заставить себя слушать. Нечаеву нужно было во что бы то ни стало взойти на пьедесталъ, стать на подмостки, выставить себя выше того, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ возъимѣлъ еще въ январѣ 1869 г. мысль геніальную, онъ задумалъ (живой человѣкъ) создать самому для себя легенду, сдѣлаться мученикомъ и прослыть таковымъ на всю землю русскую. Не знаю, вызывали ли его, за студенческія сходки, къ отвѣту къ г. Колышкину или нѣтъ; можетъ быть и призывали, но во всякомъ случаѣ онъ арестованъ не былъ. Задумавъ исчезнуть изъ Петербурга, онъ озаботился препроводить къ друзьямъ чрезъ Вѣру Засуличъ записку о вымышленномъ своемъ арестѣ. Въ этой запискѣ онъ притворяется отправленнымъ въ крѣпость и проситъ друзей похлопотать и помочь ему. Явившись въ Москву, онъ разнообразитъ эту тему болѣе и болѣе живописными варіяціями. Его сажали въ промерзлый казематъ Петербургской крѣпости; онъ до того окоченѣвалъ въ этихъ стѣнахъ покрытыхъ льдомъ, что ему ножемъ разнимали при допросѣ стиснутые зубы, чтобы впустить нѣсколько капель спирта; онъ ушелъ, надѣвъ шинель какого то генерала и очутился въ Москвѣ. Изъ Москвы отправился онъ въ Одессу. Тутъ новая сказка: его арестуютъ и везутъ въ кибиткѣ — жандармъ и чиновникъ; но онъ далъ тумака одному и другому и явился опять въ Москву. Наконецъ Нечаевъ заправду нырнулъ и очутился за границей. Поѣздка эта была крайне необходима; она должна была поставить его въ соприкосновеніе съ нѣкоторою частію русской эмиграціи, отъ которой онъ и надѣялся получить, такъ сказать, рукоположеніе, заручиться такимъ авторитетомъ,

предъ которымъ бы безпрекословно преклонялись люди, на коихъ онъ намѣревался дѣйствовать. Гг. судьи, я долженъ теперь коснуться предмета весьма тонкаго и труднаго, котораго не слѣдовало бы касаться, если бы его можно было обойти—я разумѣю отношенія Нечаева къ русской эмиграціи. Собственно слѣдовало бы и не говорить объ эмигрантахъ, такъ какъ ихъ здѣсь нѣтъ, они не могутъ отвѣчать и защищаться, но я не могу обойти молчаніемъ этотъ предметъ и долженъ коснуться его хотя въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ обвиненіе представляетъ вообще все дѣло организаціи выросшимъ цѣликомъ на русской почвѣ, безъ всякихъ приходящихъ элементовъ изъ-за границы. Здѣсь оно, будто бы, задумано еще въ мартѣ мѣсяцѣ, постепенно осуществлялось и дошло до катастрофы. Мнѣ кажется, что на исключительно русской почвѣ дѣло это не могло бы сложиться, что для него необходимъ былъ привходящій элементъ, что много заимствовано оттуда Нечаевымъ самаго существеннаго, того, что помогло ему дѣйствовать на русскую молодежь, что онъ позаимствовалъ отъ эмиграціи извѣстный образъ дѣйствій, извѣстныя идеи, извѣстную даже организацію. О своихъ сношеніяхъ съ эмигрантами Нечаевъ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію во второй разъ, разсказывалъ дивныя вещи. Мы слышали отъ князя Черкезова, что Нечаевъ попалъ будто-бы въ Бельгію, гдѣ поступилъ въ рабочіе, устроилъ стачку рабочихъ; затѣмъ этими рабочими онъ отправленъ былъ делегатомъ въ Женеву, гдѣ познакомился съ Бакунинымъ, послѣ чего сдѣлался членомъ такъ называемаго интернаціональнаго или международнаго общества рабочихъ. Подсудимому Успенскому Нечаевъ передавалъ о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ (умершимъ 1870 г. 7-го января). Герценъ будто-бы говорилъ про него: «что у васъ, Сергѣй Геннадьевичъ, все рѣзня на умѣ!» Николаеву, который гораздо болѣе простъ и довѣрчивъ, Нечаевъ сообщилъ, что столь недовѣрчиво относился къ нему Герценъ только сначала, но что затѣмъ Нечаевъ

[redacted]

подъѣхалъ къ нему поближе, употребивъ нѣсколько недѣль на то, чтобы его обработать, достигъ того, что Герценъ сдѣлался совершенно его сторонникомъ, вполнѣ сочувствующимъ всему тому, что выражено въ „Народной расправѣ".

Многое еще передавалъ Нечаевъ о Бакунинѣ, Огаревѣ, Герценѣ, о герценовской книгѣ автографовъ; наконецъ онъ даже показывалъ стихотвореніе Огарева, игравшее немаловажную роль въ волненіи студентовъ, подъ заглавіемъ: „Къ моему другу Нечаеву". Нечаевъ особенно старался распространить эти стихи и даже пріискивалъ къ нимъ музыку, чтобы молодые люди пѣли ихъ. Конечно, въ этихъ разсказахъ есть бездна придуманнаго, лживаго. Вообще можно сказать, если Нечаевъ выкроенъ по типу одного изъ героевъ романа Гончарова «Обрывъ»—Марка Волохова, то, кромѣ того, въ немъ есть еще много хлестаковскаго. Маркъ Волоховъ былъ правдивъ, а Нечаевъ не былъ правдивъ, и вралъ немилосердно. Это вранье явилось въ немъ, по всей вѣроятности, потому, что въ планѣ его дѣйствій была ложь, какъ средство для достиженія извѣстной цѣли; но извѣстно, что такое средство весьма опасно дѣйствуетъ на характеръ. Оно до такой степени входитъ въ плоть и въ кровь лжеца, что сей послѣдній не замѣтно привыкаетъ употреблять ее потомъ безъ всякой нужды, просто изъ любви къ искуству. Я могъ бы привести бездну примѣровъ недостовѣрности или сомнительности разсказовъ Нечаева объ эмиграціи. Для доказательства возьму хотя бы стихотвореніе «Студентъ», тотъ маленькій листокъ, отпечатанный на одной страницѣ, который я просилъ бы приложить къ числу вещественныхъ доказательствъ. Этотъ листокъ носитъ подпись Н. Огарева. Хотя Огаревъ не первостепенный поэтъ, но стихи эти до такой степени слабы и плохи, что трудно предполагать, чтобы даже и на старости лѣтъ они вышли изъ-подъ пера Огарева... Вдумаемся въ смыслъ отношеній, который они предполагаютъ между

Нечаевымъ и Огаревымъ. Если бы они были огаревскіе, то надлежало бы заключить, что Огаревъ вступилъ въ заговоръ съ Нечаевымъ съ цѣлью надуть русскую публику безъ всякой пользы для дѣла, въ личную угоду въ личное одолженіе одному только Нечаеву, мало того: даже во вредъ дѣлу. Если бы Нечаевъ не имѣлъ намѣренія возвратиться въ Россію, то можно бы подумать, что престарѣлый авторъ поддался слѣдующимъ соображеніямъ: „пускай у русскаго народа прибавится одинъ лишній мученикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавится лишній стчетецъ народу съ правиельствомъ“. Но замѣтьте,что Нечаевъ ѣхалъ въ Петербургъ и Москву, тамъ его должны были знать, и съ перваго же разу онъ не могъ не встрѣтить знакомыхъ, а если бы увидѣли, что Нечаевъ живъ, то этого одного уже достаточно, чтобы обличить во лжи, какъ его, такъ и Огарева. Мало того; въ этой пьесѣ есть стихи, которые въ устахъ Огарева звучатъ какъ самая адская насмѣшка: *„но, весь вѣкъ нелицемѣренъ, онъ борьбѣ остался вѣренъ“*. Не верхъ ли это лицемѣрія выдавать себя за мученика не бывъ таковымъ никогда? Наконецъ, есть одна фраза, которая положительно не могла выйти изъ подъ пера Огарева: „Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ...“ и т. д. Это совершенно противорѣчитъ совсѣмъ нерелигіозному, какъ извѣстно, образу мыслей Огарева. Такимъ образомъ я думаю, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы стихотвореніе „Студентъ“ было писано Огаревымъ, чтобы оно вышло изъ Женевы; оно скорѣе суздальское издѣліе, отпечатанное подпольно ручнымъ станкомъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ или за границей, гдѣ по словамъ Нечаева, готовились кой какіе оттиски. Я указалъ на то, какъ осторожно надо пользоваться данными, исходящими отъ Нечаева. Но если Нечаевъ дѣйствительно многое сочинялъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что онъ находился въ тѣсной связи съ нѣкоторыми выходцами, напримѣръ съ Бакунинымъ. На судѣ была прочитана записка писанная рукою Бакунина, съ № 2,771,

10

въ которой рекомендуется агентъ, долженствующій изображать собою этотъ нумеръ русской революціонной организаціи. Есть свѣдѣніе, что въ Москвѣ по рукамъ ходитъ уставъ интернаціональнаго общества, съ собственноручною припискою Бакунина, извлеченною изъ одной его прокламаціи. Къ Бакунину долженъ былъ посылаться, по словамъ Успенскаго, подсудимый Прыжовъ для передачи отчета. Всего важнѣе, наконецъ, разсказъ Успенскаго о событіи, относящемся къ періоду, предшествовавшему пріѣзду Нечаева въ Россію, именно къ лѣту 1869 года. Лѣтомъ 1868 г. пріѣзжалъ изъ-за границы нѣкто Негрескулъ (нынѣ умершій), человѣкъ весьма замѣчательный, находившійся въ весьма дурныхъ отношеніяхъ съ Нечаевымъ и съ которымъ, вѣроятно, случилось бы въ Петербургѣ то же самое, что съ Ивановымъ въ Москвѣ, если бы онъ сталъ противодѣйствовать планамъ и намѣреніямъ Нечаева. Этотъ человѣкъ, нимало несочувствовавшій Нечаеву и ненавидѣвшій его, разсказывалъ, что бывъ въ Женевѣ, видѣлъ Бакунина и Нечаева вмѣстѣ и что Бакунинъ, трепля Нечаева по плечу говорилъ: «вотъ какіе у насъ въ Россіи люди есть». Эти данныя не оставляютъ сомнѣнія, что съ нѣкоторыми изъ эмигрантовъ Нечаевъ имѣлъ сношенія. Вѣроятно явившись въ Женеву Нечаевъ наговорилъ три короба лжи о томъ, что дѣлается въ Россіи, какъ революція близка, какъ она ростетъ по днямъ, какъ волнуется вся молодежъ и т. д. Подобные разсказы для людей находящихся въ положеніи эмигрантовъ, давно оторванныхъ отъ Россіи, не знающихъ, что въ ней дѣлается, но желающихъ на нее вліять, точно то же, что манна небесная. Они готовы вѣрить всякой сказкѣ, небылицѣ, мало мальски совпадающей съ ихъ пожеланіями. Является человѣкъ энергическій, смѣлый, который говоритъ самымъ рѣшительнымъ образомъ,—какъ же его не одобрить и какъ же его не благословить, если онъ говоритъ, что отправляется на мѣсто родины. Но благословить чѣмъ? день-

гами? нѣтъ, не деньгами, — по всей вѣроятности ихъ немного у выходцевъ и свои деньги они вообще берегутъ. Притомъ Нечаевъ разсказывалъ, что у него есть связи, есть друзья, есть готовыя средства, ставилъ себя въ такое положеніе, что и просить денегъ было не ловко, развѣ на то, чтобы добраться до границы. Но отчего же не благословить Нечаева тѣмъ, что такъ не трудно, что такъ дешево, что стоитъ немного дороже молитвы, а именно прокламаціями, нѣсколькими брошюрками, нѣсколькими печатными листками. И вотъ, съ этимъ то легкимъ багажемъ отправляется Нечаевъ въ Россію. Кромѣ этихъ вещей съ нимъ или за нимъ отправляется печатка съ топоромъ, да еще одна книжечка, писанная шифромъ, которую онъ берегъ весьма тщательно, которую онъ отдалъ потомъ на сохраненіе Успенскому и которой онъ никому не читалъ. Это такъ называемый катехизисъ революціонера.

Да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ объ этой книжкѣ, которая весьма замѣчательна; она самая характерная изъ всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ. Нѣкоторыя изъ прокламацій, которыя были привезены Нечаевымъ и доставлены потомъ по почтѣ, очевидно были назначены для того, чтобы только запугивать правительство; къ такимъ прокламаціямъ я причисляю безъ всякаго колебанія ту потѣшную прокламацію отъ брюссельскаго революціоннаго комитета, гдѣ говорится о томъ, что русское дворянство съ потомкомъ Рюрика во главѣ должно занять подобающее мѣсто на государственной аренѣ, согнавъ чиновную мелюзгу и нѣмецкую челядь. Очевидно это воззваніе, должно быть, предназначалось для разсылки его въ Россіи, только для того, чтобы лица, получившія это воззваніе, отсылали его въ полицію или въ III отдѣленіе. Весьма любопытно было бы знать то впечатлѣніе, какое произведетъ на г. барона Вольфа, коего дѣтей училъ Нечаевъ, такая прокламація, гдѣ говорится объ истребленіи нѣмецкой челяди. Очевидно, что эта прокламація была на

то и назначена, чтобы ее сейчасъ же передали въ полицію. Кромѣ того были такія прокламаціи, которыя имѣли цѣлію дѣйствовать на молодежъ извѣстнымъ образомъ, какъ напримѣръ «Народная расправа», имѣющая весьма эфектное мѣсто, гдѣ Нечаевъ сопоставляется съ Бакунинымъ, и гдѣ его прокламаціи «Къ учащимся» дается предпочтеніе предъ бакунинской. Что касается до катехизиса, то онъ занимаетъ особое мѣсто и выдаваемъ былъ за особый знакъ, отличающій коммисара или агента международнаго общества. Если бы этотъ катехизисъ употреблялся только какъ знакъ, то непонятно, отчего же брать именно этотъ знакъ, а не изобрѣсти другой, напримѣръ печатку съ изображеніемъ на ней вмѣсто одного топора двухъ топоровъ, или чего нибудь подобнаго. Всякому знаку повѣрили бы люди русскіе. Если задаться вопросомъ, почему этотъ катехизисъ, столь старательно составленный, никому не читался, то надо прійти къ заключенію, что не читался онъ потому, что если бы читался, то произвелъ бы самое гадкое впечатлѣніе. Даже молодежь, такъ не критически относящаяся къ дѣлу, не могла не задуматься, когда прочла одиннадцатый параграфъ, въ которомъ говорится, что каждый членъ организаціи разсматривается какъ капиталъ, состоящій въ распоряженіи организаціи, и если попадется, то организація озаботится его освобожденіемъ только тогда, когда на это освобожденіе не потребуется особенно значительныхъ затратъ, въ противномъ случаѣ онъ предоставляется на произволъ судьбы. Такое же впечатлѣніе произвелъ бы и тотъ параграфъ, въ которомъ говорится, что надо искоренить въ себѣ всѣ чувства дружбы, любви, благодарности и даже чувство чести. Отвратительное впечатлѣніе произвело бы то мѣсто катехизиса, въ которомъ предписывается втираться во всякія общества, къ людямъ, не дѣлающимъ собственно никому никакого зла, но виновнымъ только тѣмъ, что у нихъ есть связи, положеніе или деньги; ихъ предписывается опутать,

завладѣть ихъ тайнами и потомъ выдать головою правительству. Весьма многіе съ негодованіемъ отступили бы отъ дикой идеи, что единственный надежный революціонеръ въ Россіи — это лихой разбойничій людъ. Наконецъ, всякаго мыслящаго человѣка озадачило бы то, что въ концѣ концовъ катехизисъ ни до чего не договаривается и совсѣмъ даже отрицаетъ какую бы то ни было цѣль переворота. Какое устройство будетъ дано обществу—неизвѣстно, совершенная темень. Сказано, что устройство будетъ безсословное, безпоповское, безгосударственное, но это признаки чисто отрицательные; за исключеніемъ ихъ ничего и не остается. Я полагаю, что гораздо болѣе смысла даже въ программѣ революціи, не знаю кому принадлежащей, найденной у г-жи Антоновой, въ которой говорится, по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ данный моментъ съѣдутся юристы и экономисты революціи, которые и установятъ форму правленія и устройства Россіи; но въ катехизисѣ ничего подобнаго нѣтъ. Я полагаю, что этотъ катехизисъ въ своихъ коренныхъ началахъ мало отходитъ отъ убѣжденій Нечаева и почти съ ними совпадаетъ, т. е., что Нечаевъ осуществлялъ на дѣлѣ, по мѣрѣ возможности, теоріи катехизиса. Но между авторомъ катехизиса и Нечаевымъ есть и громадная разница, а именно такая, какая существуетъ между революціонеромъ дѣла и революціонеромъ мысли. Нечаевъ былъ прежде всего революціонеръ дѣла. Если онъ и думалъ то, что написано въ катехизисѣ, то никому бы, однако, не сообщилъ, что людей нужно надувать, потому что въ такомъ случаѣ кто же бы согласился, чтобы его завѣдомо надули? никто бы, конечно, при такихъ условіяхъ и не поступилъ въ организацію. Возясь съ этими мыслями, Нечаевъ, конечно, поступалъ бы, какъ король французскій Людовикъ XI, который говаривалъ, что если бы шляпа его знала что у него въ головѣ, то онъ бы ее бросилъ въ огонь. Между тѣмъ, въ авторѣ катехизиса мы видимъ теоретика, который на досугѣ, вдали

отъ дѣла, сочиняетъ революцію, графитъ бумагу, раздѣляетъ людей на разряды по этимъ графамъ, однихъ обрекаетъ на смерть, другихъ полагаетъ ограбить, третьихъ запугать, и т. д. Это чистѣйшая отвлеченная теорія. Я вижу въ содержаніи этого катехизиса большое сродство, такъ сказать химическое, съ образомъ мыслей Нечаева. Нечаевъ многое оттуда позаимствовалъ. Вспомните, гг. судьи, слова, которыя онъ сказалъ Кузнецову послѣ убійства: «теперь ты обреченный человѣкъ». Это слово «обреченный» повторяется нѣсколько разъ въ томъ же смыслѣ въ катехизисѣ. Вспомнимъ то мѣсто, въ которомъ говорится о разбойничьемъ людѣ, который надо вербовать. Эта мысль безпрерывно вертится на умѣ у Нечаева, когда онъ пріѣхалъ въ Москву; съ этою цѣлью знакомится онъ съ Прыжовымъ, съ этимъ добрякомъ, простымъ какъ дитя, съ этимъ фантазеромъ, любящимъ толкаться между народомъ безъ всякой опредѣленной задачи. Вспомните, что Нечаевъ пытается создать кружокъ около Прыжова для вербованія публичныхъ женщинъ, жуликовъ и тому подобнаго люда. Такимъ образомъ я полагаю, что катехизисъ есть эмиграціонное сочиненіе, произведшее на Нечаева извѣстное впечатлѣніе и принятое имъ во многихъ частяхъ въ руководство. Я не смѣю приписывать его Бакунину; но во всякомъ случаѣ происхожденіе его эмиграціонное.

Съ такимъ легкимъ багажемъ, какъ я уже описалъ, этотъ человѣкъ поѣхалъ одинъ въ Россію, одинъ, съ тѣмъ чтобы безъ денегъ, безъ средствъ, совершить государственный переворотъ. Средствъ у него не было никакихъ — онъ долженъ былъ ихъ создать, а созидать ихъ и добывать доводилось ему только обманомъ и ложью. Къ этимъ способамъ Нечаевъ и прибѣгалъ ежеминутно. Какъ на примѣръ безцеремонности, я могу указать на взятіе векселя въ 6,000 рублей отъ г. Колачевскаго, о чемъ узналъ Скипскій въ Петербургѣ, векселя, который былъ переданъ Кузнецову.

Конечно, въ то время, когда Нечаевъ ѣхалъ въ Россію, у него не было еще готовыхъ списанныхъ на бланкѣ правилъ организаціи, сѣтей для отдѣленій, прокламацій отъ сплотившихся къ разрозненнымъ; всѣ эти документы принадлежали къ позднѣйшему времени, когда Нечаевъ былъ въ Москвѣ. Но, конечно, и тогда, лѣтомъ 1869 г., въ головѣ его былъ планъ организаціи, который въ общихъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Организація состояла изъ кружковъ. Сами по себѣ кружки не новость: это обыкновенный, неизбѣжный пріемъ всякой революціи, самая старая, но невыходящая никогда изъ употребленія рутина. Если въ древней Ниневіи или Египтѣ были какія нибудь тайныя общества, то несомнѣнно и они прибѣгали къ устройству кружковъ. Разница могла быть только въ мелочахъ, въ числѣ членовъ и т. п. Я полагаю, что идею кружковъ Нечаевъ не заимствовалъ ни отъ каракозовскаго заговора, ни вообще откуда бы то ни было. Кружки эти явились естественнымъ образомъ, сами собою. Но важны градація степеней и связь высшихъ изъ этихъ степеней съ заграницей. Организація должна была быть по идеѣ создателя слѣдующая. Внизу кружки первой степени; когда ихъ образуется много, то заводится центральный кружокъ, въ который входятъ представители отдѣльныхъ кружковъ первой степени. Затѣмъ, когда центральныхъ кружковъ заведено много, то для цѣлой страны, для цѣлой мѣстности, напримѣръ для Петербурга, Москвы, учреждается отдѣленіе, съ особымъ кружкомъ отдѣленія во главѣ, изъ представителей центральныхъ кружковъ; отдѣленіе, вмѣщающее въ себѣ кружокъ отдѣленія, центральные кружки и кружки первой степени, образуетъ особую единицу и получаетъ особый нумеръ. Такъ для Петербурга была цифра 9, для Москвы 3, для Молдо-Валахіи 4, и такъ далѣе— однимъ словомъ дѣлалось то, что дѣлаютъ издатели газетъ, которые, чтобы показать, что у нихъ много подписчиковъ, выдаютъ билеты съ 2,000-го и т. д. нуме-

ровъ. Этотъ фиктивный нумеръ дѣлается для того, чтобы показать, что много подписчиковъ. Въ цѣломъ отдѣленіи сверху до низу должно было быть проведено одно начало: все основано на личномъ довѣріи къ тому, кто являлся представителемъ единицы высшаго порядка. Члены организаціи разныхъ кружковъ не должны были знать другъ друга; въ отдѣльные кружки должны были наѣзжать часто ревизоры; кружки постоянно должны находиться подъ впечатлѣніемъ, что кто нибудь явится записывать, что они дѣлаютъ и какъ работаютъ. Въ такомъ кружкѣ стоялъ Нечаевъ, окруженный товарищами. Этими товарищами онъ могъ руководить своими словами, личнымъ своимъ авторитетомъ; но этого было ему мало: онъ привыкъ командовать и не могъ терпѣть разсужденій. И вотъ для достиженія этой цѣли, для усиленія своей власти, онъ созидалъ и ставилъ за своими плечами цѣлый рядъ призраковъ. Онъ измышляетъ, что есть особый комитетъ поблизости, въ Москвѣ, съ которымъ онъ сносится, отъ котораго получаетъ распоряженія. За этимъ комитетомъ мистическая сѣть или русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго общества, наконецъ само всемірное революціонное общество, отождествляемое Нечаевымъ, съ международнымъ обществомъ рабочихъ. Для русскаго человѣка, мало знающаго, что дѣлается за границею, весьма легко смѣшать этотъ всемірный революціонный союзъ съ дѣйствительно существующимъ интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ, имѣющимъ свои опредѣленныя цѣли, свои задачи, но котораго какое бы то ни было отношеніе къ настоящему дѣлу не усматривается; въ дѣлѣ нѣтъ на то никакихъ данныхъ. Таковы были основныя правила организаціи, въ которыхъ было, между прочимъ, сказано, что цѣль организаціи не убѣждать, а готовое только сплачивать, что вступившій въ отдѣленіе не споритъ и не распрашиваетъ, но даетъ обязательство, что онъ будетъ подчиняться во всемъ тому, чего потребуетъ отъ него комитетъ. Такова была основа органи-

заціи. Этимъ основамъ соотвѣтствовали въ умѣ организатора самыя блистательныя надежды, которыя должны были заключаться въ слѣдующемъ: общество растетъ, число отдѣленій увеличивается, вслѣдъ за московскимъ образуется петербургскій, работа кипитъ, переносится въ губернскіе города, за тѣмъ въ уѣздные, пропаганда обхватываетъ всѣ селенія, привлекаются крестьяне, образуются шайки воровъ и мошенниковъ, наконецъ финалъ 19 февраля 1870 г.—это всеобщій кавардакъ, преставленіе свѣта, всеобщее движеніе. Чѣмъ болѣе приближалось это 19-е февраля, тѣмъ больше отдалялась вѣроятность достигнуть желаемаго именно 19-го февраля 1870 г.; но для людей, которые на этомъ пути останавливали Нечаева, онъ имѣлъ различные отвѣты, что, конечно, 19-е февраля 1870 г., будетъ только исходнымъ пунктомъ движенія, началомъ работы, но сама работа продолжится 3—4 года; она будетъ длиннѣе, но полезно, чтобы большинство, не относящееся критически къ дѣлу, вѣрило, что все 19-мъ февраля и покончится. Вотъ его организація, его планы, его намѣренія. Его путь пролегалъ съ юга, чрезъ Бессарабскую область, гдѣ онъ былъ въ августѣ 1869 г. и ѣхалъ въ Москву. Этотъ страшный, роковой человѣкъ всюду, гдѣ онъ ни останавливался, приносилъ заразу, смерть, аресты, уничтоженіе. Есть легенда, изображающая повѣтріе въ видѣ женщины съ кровавымъ платкомъ. Гдѣ она появится, тамъ люди мрутъ тысячами. Мнѣ кажется, Нечаевъ совершенно походитъ на это сказачное олицетвореніе моровой язвы. Читались показанія студента Енишерлова, который дошелъ до того, что подозрѣвалъ, не былъ ли Нечаевъ сыщикомъ. Я далекъ отъ этой мысли, но долженъ сказать, что если-бы сыщикъ съ извѣстною цѣлью задался планомъ какъ можно болѣе изловить людей готовыхъ къ революціи, то онъ дѣйствительно не могъ искуснѣе взяться за это дѣло нежели Нечаевъ.

Я перехожу къ тому живому матеріалу, на который долженъ былъ дѣйствовать Нечаевъ, т. е. къ тѣмъ

людямъ, изъ которыхъ онъ сплачивалъ свою организацію. Живой матеріалъ, на который долженъ былъ дѣйствовать Нечаевъ, состоялъ, во-первыхъ, изъ его земляковъ. Такихъ было нѣсколько: Орловъ, Николаевъ, Аметистовъ. Всѣ эти люди были безъ ума отъ него, они его любили — это заявилъ прокуроръ, и это совершенно вѣрно. Съ ними Нечаевъ могъ не стѣсняться, онъ могъ говорить совершенно откровенно. Съ такимъ мало развитымъ человѣкомъ, какъ Николаевъ, онъ имѣлъ, однако, разговоръ о комитетѣ. Николаевъ сказалъ ему: „Да самъ ты что ли комитетъ?“ Другой разрядъ людей составляли тѣ, которые знавали его учителемъ Сергіевскаго училища или во время бѣгства изъ крѣпости въ Москву въ началѣ 1869 года. Къ третьему разряду я отношу людей, съ которыми Нечаевъ познакомился въ первый разъ только послѣ пріѣзда въ Москву. Нечаевъ имѣлъ удивительную способность комбинировать эти элементы и такъ ихъ сочетать, чтобы они производили впечатлѣніе огромной силы, огромнаго количества. Конечно если одного человѣка поставить въ десяти разныхъ мѣстахъ, то можно подумать, что стоятъ десять человѣкъ. Такъ дѣлалъ Нечаевъ. Вспомните пріѣздъ Лихутина. Нужно внушить москвичамъ, что за ними наблюдаетъ женевскій комитетъ. Нечаевъ отправляется нарочно въ Петербургъ, въ концѣ сентября, беретъ тамъ офицера Лихутина, котораго знавалъ на сходкахъ, превращаетъ его въ агента женевскаго комитета, привозитъ его въ Москву, гдѣ Лихутинъ и разыгрываетъ свою роль; этимъ искуствомъ «de la mise en scène» обладалъ Нечаевъ въ высшей степени. Вспомнимъ, что онъ говоритъ о кучкахъ, которыя будто бы арестованы въ Петербургѣ, вспомнимъ, какъ онъ вдругъ является въ офицерскомъ платьѣ, говорилъ, что иначе онъ не могъ явиться, такъ какъ сейчасъ былъ на сходкѣ офицеровъ и т. д.

Кромѣ этого дѣленія людей, вошедшихъ въ организацію, можно сдѣлать еще другое, не менѣе важное, на которое я прошу обратить особенное вниманіе. Въ

организацію вошли, во-первыхъ, люди, прошедшіе сквозь извѣстный огнь житейскій, испытавшіе кое что въ жизни, избравшіе затѣмъ извѣстное дѣло, извѣстный родъ занятій; таковъ, напримѣръ, былъ Успенскій. Во-вторыхъ, въ организацію вошли школяры, люди, незнающіе практическаго дѣла и сидящіе за тетрадями, книжками; это учащаяся молодежь. Отношенія Нечаева къ этимъ двумъ категоріямъ были существенно различны. Съ людьми первой категоріи, то есть съ такими, на которыхъ ему указывали какъ на недовольныхъ, ему было легче сходиться, потому что это были люди подготовленные, у которыхъ на душѣ лежалъ горькій осадокъ ѣдкихъ воспоминаній и неудовлетворенныхъ желаній. Въ каждомъ обществѣ, какомъ бы то нибыло, есть партіи, есть оппозиція. Это необходимое условіе жизни обществъ. Въ каждомъ обществѣ бываютъ моменты медленнаго и постепеннаго развитія и моменты порывистыхъ движеній, бываетъ поперемѣнно акція и реакція. Именно въ этихъ порывистыхъ движеніяхъ и умножается число людей недовольныхъ. Вы слышали здѣсь показаніе Прыжова. Онъ говорилъ, что видалъ двѣ реакціи: первую 1848 г., вторую 1862 г., но Прыжовъ, сравнительно съ другими подсудимыми, человѣкъ старый; всѣ другіе прошли одну только реакцію. Впрочемъ я долженъ сказать, что эта реакція была по своимъ составнымъ элементамъ двойная и потому сильная. Нашъ вѣкъ пережилъ два важныя движенія: одно, которое привело къ великимъ реформамъ — къ положенію 19-го февраля, къ новому судебному устройству, къ земскимъ учрежденіямъ. Правительство предусмотрѣло, предупредило и направило это движеніе; оно провело реформы весьма сильной рукою, причемъ ему содѣйствовали всѣ ряды прогрессистовъ, начиная съ самыхъ умѣренныхъ и до самыхъ крайнихъ. Когда реформы проведены, то бываетъ одновременно слѣдующее: наступаетъ извѣстный моментъ остановки, чтобы сжиться съ новымъ, привыкнуть къ нему, ввести его въ дѣй-

ствіе. Такая реакція необходима послѣ каждаго движенія реформистическаго и революціоннаго. Другое движеніе, испытанное потомъ обществомъ, но не предусмотрѣнное, это движеніе извѣстное подъ именемъ польскаго мятежа, которому дѣлались сначала уступки, а потомъ живьемъ его укротили, что вызвало тоже реакцію. Во время этой двойной реакціи пришлось пострадать весьма многимъ, быть оторваннымъ отъ своихъ, потерять свое семейство, свое состояніе. Было очень много недовольныхъ, и это недовольство нельзя имъ вмѣнить въ вину, такъ какъ порядокъ вещей для нихъ въ самомъ дѣлѣ былъ тяжелъ, если стать на ихъ точку зрѣнія. Къ такимъ людямъ легко было приступить Нечаеву, легко было сказать: вы недовольны — я васъ избавлю отъ этого положенія и введу въ міръ вашихъ мечтаній, дайте мнѣ руку. Съ такими людьми онъ могъ быть даже весьма откровененъ, могъ сообщить, что для пользы дѣла нужно кое-что измыслить, представить существующимъ комитетъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ и не существуетъ, и тому подобное. Затѣмъ другой разрядъ вербуемыхъ — это учащіеся школяры. Тутъ пріемъ вербовки былъ уже гораздо труднѣе; надо было измыслить что нибудь другое, чтобы подѣйствовать на это юношество, узнать съ какой стороны за него взяться. Я долженъ сказать, что пріемъ, который употребилъ Нечаевъ, дѣлаетъ честь его уму и почти неотразимъ при извѣстныхъ условіяхъ воспитанія и развитія нашего общества. Остановимся на этихъ юношахъ. У молодаго человѣка нашего вѣка главное, первенствующее чувство, съ которымъ онъ вступаетъ въ міръ, есть чувство прекрасное, преблагородное, это чувство любви къ народу, чувство демократическое, желаніе идти въ этотъ народъ, сжиться съ нимъ. Я самъ на своемъ вѣку видѣлъ дѣтей аристократовъ, которые надѣвали крестьянскія сермяги и поселялись между крестьянами. У многихъ чувство это проходитъ потомъ, когда наступитъ зрѣлость или когда мечтанія столкнутся съ матеріальными интересами; но

многіе также до конца жизни остаются людьми этого закала. Это неопредѣленное демократическое чувство должно чѣмъ либо выражаться. Способъ его выраженія въ значительной степени зависитъ отъ національности. Возьмемъ для примѣра двухъ людей: молодаго поляка и молодаго русскаго. Полякъ любитъ народъ, т. е. свой народъ, у этого народа есть богатое прошлое, есть въ прошломъ многое, отъ чего и донынѣ бьется сердце у современниковъ. Это прошлое и возникаетъ передъ его глазами въ пурпурѣ и златѣ, въ дивномъ величіи, и онъ кидается въ это національное прошлое съ тѣмъ, чтобы осуществить посредствомъ него свои демократическія мечтанія. Вотъ какимъ способомъ дѣлается онъ революціонеромъ. Другое дѣло русскій юноша. Прошлое его не богато, весьма не богато, что ни говори славянофильство; настоящее сухо, бѣдно, голо, какъ степь раскатистая, въ которой можно разгуляться, но не на чемъ остановиться! Та размашистость русской натуры, о которой такъ много говорятъ, тотъ радикализмъ, который замѣтенъ въ большинствѣ русскихъ дѣятелей, происходятъ именно отъ неимѣнія прошлаго, отъ отсутствія культуры, отъ того, что не на что опереться. Радикализмъ этотъ есть самая крупная, всего болѣе выдающаяся черта въ дѣятеляхъ русскихъ; почти всякій молодой человѣкъ дѣлается радикаломъ, то есть по необходимости, по естественному ходу идетъ докапываться до корня вещей, до сути отношеній, до самой сокровеннѣйшей подкладки; онъ пробивается разлагающимъ эти отношенія умомъ сквозь государство, сословность, религію, науки, искуство, сквозь всѣ эти оболочки, и останавливается на томъ, откуда дальше и пути никакого нѣтъ — на экономическомъ основаніи быта, на противоположностяхъ и борьбѣ съ одной стороны капитала и собственности, съ другой стороны — труда. Когда онъ остановился на этой точкѣ, то здѣсь встрѣчаетъ цѣлую богатую литературу иностранную о рабочемъ вопросѣ на западѣ и по необходимости дѣлается

соціалистомъ. Можно сказать, что почти всѣ мы тамъ были, въ этой соціалистической странѣ, и что эти путешествія не происходятъ отъ какого бы то ни было заговора, напримѣръ отъ каракозовскаго, и даже не отъ того такъ называемаго тайнаго общества, которое называютъ именемъ Петрушевскаго. Мысль русскаго молодаго человѣка принимаетъ этотъ складъ самымъ естественнымъ образомъ и порядкомъ.

Русскій соціализмъ не заключаетъ самъ въ себѣ ничего вреднаго для государства. Само по себѣ благородно предпріятіе составить ассоціацію эксплуатируемыхъ, выстроившихся фалангою, чтобы честнымъ образомъ и дружными усиліями побороть эксплуататоровъ на почвѣ законности, чтобы создать земледѣльческія образцовыя фермы, рабочія артели, школы и т. п. Во всѣхъ этихъ благихъ предпріятіяхъ есть однако одинъ коренной недостатокъ — страшная несоразмѣрность между богатствомъ ожидаемыхъ въ будущемъ благъ съ крайнею бѣдностью непосредственныхъ результатовъ дѣятельности при самомъ усиленномъ трудѣ. Собралась, положимъ, артель состоящая изъ 5, 6, допустимъ изъ 20 человѣкъ, изъ двадцати бѣлоручекъ, которые взялись по книжкамъ землю пахать или сыры варить. Конечно, они весь свой вѣкъ ничего великаго, обширнаго не сдѣлаютъ. Съ простымъ народомъ они не сойдутся. Русскій мужичекъ имѣетъ свою ассоціацію, свою общину, которая ему подъ часъ очень тяжела — извѣстно, что польза крестьянской общины есть еще вопросъ спорный. Что касается рабочаго фабричнаго люда, то его у насъ мало и нѣтъ матеріала, на который можно было бы дѣйствовать съ такими идеями, какъ напр. идеи Шульце-Делича или Лассаля. Кромѣ предмѣстья Чулкова въ Тулѣ есть можетъ быть двѣ, три мѣстности, въ которыхъ бѣдствуютъ фабричные рабочіе. Такимъ образомъ выходитъ на практикѣ, что ассоціація представляется толченіемъ воды. Затѣмъ, малостью результатовъ вводится разладъ

между дѣятелями, они расходятся. Кто поступаетъ въ чиновники, кто въ контору, кто думаетъ о томъ, какъ бы переселиться въ другія страны, напримѣръ въ Америку. Такими идеалистическими соціалистами являются если не всѣ, то значительное большинство молодыхъ людей, которые привлечены къ дѣлу, не только по настоящей группѣ, но и по всѣмъ послѣдующимъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Кузнецовъ. Онъ былъ въ земледѣльческой Петровской академіи, онъ думалъ о томъ, чтобы устроить земледѣльческую образцовую ферму, или о томъ, чтобы образовать артель бродячихъ школьныхъ учителей. Образъ дѣйствія Нечаева былъ слѣдующій. Я излагалъ уже идеи Нечаева, идеи сумасбродныя; могло показаться страннымъ, какъ могъ онъ подыскать столько подобныхъ себѣ сумасшедшихъ. Съ другой стороны, вы замѣтили, гг. судьи, что всѣ соумышленники его, изображаютъ его человѣкомъ страшно сильнымъ, энергическимъ, которому противостоять не было никакой возможности, который и въ діалектикѣ былъ первостепенный боецъ, такъ что всякаго одолѣетъ, и характеръ имѣетъ такой желѣзный, что заставляетъ всѣхъ передъ собою трепетать. По справедливости, выслушавъ подсудимыхъ, г. прокуроръ могъ поставить вопросъ: неужели же человѣкъ этотъ былъ выше роста человѣческаго, а всѣ остальные ниже обыкновеннаго уровня человѣческой природы? Между тѣмъ сомнѣніе объясняется просто. Нечаевъ былъ человѣкъ дѣла. Всякій человѣкъ дѣла, котораго всѣ силы направлены въ одну какую-либо сторону, дѣлается страшно одностороннимъ, но и пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на другихъ, когда ему удается подѣйствовать на нихъ именно этою стороной. Представимъ же себѣ человѣка, у котораго одна только идея и засѣла въ головѣ, да притомъ засѣла гвоздемъ, такъ что все, что онъ видитъ, слышитъ, читаетъ, онъ относитъ къ этой идеѣ и посредствомъ ея перерабатываетъ—идея о неизбѣжности, о близости революціи въ Россіи. Толкуя съ сотнями

людей различныхъ классовъ все объ одной и той же идеѣ, онъ натурально изловчился до такой степени, что знаетъ какъ кого убѣдить. Всѣ описываютъ какъ онъ ловко умѣлъ диспутировать; ему говорятъ, напримѣръ, что прокламаціи вздоръ, онъ отвѣчаетъ: прокламаціи хороши, потому что пріучаютъ публику къ самостоятельности, къ болѣе правильной постановкѣ вопросовъ. Ему говорятъ позволительно-ли обманывать, не войдетъ ли ложь въ плоть и кровь? Нѣтъ—говоритъ онъ—регуляторомъ и охранителемъ должна служить человѣку идея. Ему говорятъ: все что вы преслѣдуете противорѣчитъ русской исторіи. Нѣтъ—говоритъ онъ—русская исторія имѣетъ только двѣ эпохи, все же остальное не русская исторія; только въ эти два момента и жилъ русскій народъ: эпоха Стеньки Разина, да эпоха Емельки Пугачева, и т. д.

Разсмотримъ теперь какимъ образомъ сошлись Кузнецовъ съ Нечаевымъ. Кузнецовъ былъ соціалистъ и радикалъ, съ этихъ обѣихъ сторонъ и прихлопнулъ его Нечаевъ. Предъ радикаломъ онъ явился радикаломъ наирадикальнѣйшимъ, какого можно только себѣ представить, т. е. такимъ, о каковомъ Кузнецовъ и понятія отродясь не имѣлъ — безпредѣльнымъ, безшабашнымъ; онъ явился также и соціалистомъ, но положилъ вмѣстѣ съ тѣмъ палецъ на болящее мѣсто соціализма. «Дѣйствуя такъ, какъ ты дѣйствуешь, вѣдь въ 1.000 лѣтъ одной версты не уѣдешь». Слѣдовалъ вопросъ: почему не уѣдешь? «Да потому, что доѣхать некуда, впереди пустота». Но Нечаевъ этого то послѣдняго и не сказалъ. Онъ представилъ дѣло такъ: «твои соціальныя розы не расцвѣтутъ на гниломъ болотѣ, васъ разгонятъ, уничтожатъ, правительство недопуститъ». Затѣмъ Нечаевъ сказалъ: «знаешь-ли ты, что въ Европѣ есть такое сякое интернаціональное общество, громадный союзъ изъ многихъ милліоновъ людей: знаешь ли что этотъ союзъ имѣетъ сотни рукъ; знаешь ли, что онъ произвелъ студенческія сходки въ Петербургѣ, что произ-

водитъ волненія рабочихъ, волненія крестьянъ въ 8 губерніяхъ, страдающихъ голодомъ, что моментъ избавить голодающій людъ приближается шибко, что Петербургъ горитъ, что Москва горитъ, что сейчасъ и сдѣлается переворотъ. И такъ, если ты человѣкъ дѣла, а не праздной мысли, то ты долженъ бросить свои соціалистическія утопіи и приступить прежде всего къ уничтоженію того порядка, при коемъ нельзя ихъ осуществить; если ты живой человѣкъ, а не мертвецъ, то становись вмѣстѣ со мною и подай мнѣ руку».

Въ положеніи Кузнецова, пріемъ этотъ былъ почти неотразимъ. Мечтателю всего больше жаль отказаться отъ своихъ утопій. Притомъ отъ него какъ будто немного требовалось: подай только руку и будь готовъ, когда наступитъ часъ переворота. Какъ было не стать на эту почву? Но прежде чѣмъ рѣшиться, Кузнецовъ колебался. Страшныя мысли приходили ему въ голову; «да скажите же, какія средства, какія цѣли этого общества». Но тутъ у Нечаева былъ готовый отвѣтъ: это тайна, всѣ вы баре привыкли сидѣть, разсуждать да совѣтовать и генеральствовать, а не угодно ли вамъ стать въ рядъ простыхъ солдатъ и, соблюдая тайну высшихъ лицъ, дѣлать то, что вамъ будетъ приказано. Потомъ, когда вы сподобитесь болѣе высокой степени, вамъ скажутъ. Ежели вы не баринъ, а настоящій демократъ, то должны покориться этому». Конечно Кузнецовъ человѣкъ слабый, ему слѣдовало бы поступить такъ, какъ поступилъ Прокофьевъ, который, не обѣщаясь войти въ организацію сразу, сказалъ: дѣло серьозное— надо подумать. Но Кузнецовъ рѣшился и вошелъ. Въ легендахъ есть разсказъ о томъ, какъ дьяволъ заключаетъ договоръ съ человѣкомъ о его душѣ. Здѣсь произошло нѣчто подобное; разница только въ томъ, что дьяволъ давалъ человѣку всѣ блага земныя и бралъ только будущую жизнь; Кузнецову даже и личныхъ благъ не предлагалось. Онъ и не требовалъ никакого личнаго счастія; онъ вступилъ весь, какъ есть, со всѣми

своими силами и обрекъ себя, закрѣпостилъ себя этому невѣдомому обществу безъ всякихъ условій.

Съ этихъ именно поръ и начинается исторія постепеннаго паденія Кузнецова: съ каждымъ днемъ онъ опутывается больше и больше. Я разскажу суду эту исторію паденія. Разсказъ мой займетъ немного времени, такъ какъ большая часть фактовъ уже окончательно выяснена. Нечаевъ, по пріѣздѣ въ Москву, прежде всего возобновилъ свое знакомство съ Успенскимъ; чрезъ Успенскаго онъ познакомился съ Прыжовымъ, добрѣйшею душою, мечтателемъ, на котораго Нечаевъ возлагалъ огромныя надежды, чтобы посредствомъ него сойтись съ поддонками общества, съ подпольнымъ людомъ, копошащимся въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы. Чрезъ Успенскаго Нечаевъ успѣлъ найти притонъ себѣ въ Петровской академіи и завербовалъ бездну лицъ. Въ академіи познакомился онъ съ Долговымъ, а черезъ Долгова съ Ивановымъ, Кузнецовымъ и Рипманомъ. Изъ этихъ-то лицъ онъ и образовалъ первый кружокъ. Замѣтимъ, что эта организація не шла по первоначальному плану Нечаева; это былъ планъ идеальный; но тутъ пришлось начинать съ крыши, съ центральнаго кружка и затѣмъ предлагать каждому изъ членовъ центральнаго кружка, чтобы онъ образовалъ, въ свою очередь, вокругъ себя кружки первой степени и прочитывалъ имъ правила организаціи. Кузнецовъ вошелъ въ эту организацію и былъ весьма полезенъ. Онъ вообще человѣкъ прямой, что обѣщаетъ, то старается сдержать точно; на что пошелъ, то исполнитъ. Ему предоставлено было собирать деньги, которыя необходимы были для того, чтобы быть готовыми въ моментъ производства революціи. По идеѣ Нечаева всѣ кружки должны были дѣлиться на два разряда: одни назначались для собиранія средствъ и денегъ, нужныхъ на поддержку общества на всякій случай; другой разрядъ кружковъ предназначался для того, чтобы прямо идти въ народъ, дѣйствовать на него и вести его подъ картечь. Затѣмъ образовался централь-

ный кружокъ. Изъ этого кружка въ скоромъ времени взятъ былъ Кузнецовъ вмѣстѣ съ Ивановымъ, и оба перемѣщены въ кружокъ отдѣленія. Затѣмъ всѣ сношенія Кузнецова съ первоначально образованнымъ имъ кружкомъ и съ центральнымъ кружкомъ кончились. Собственно отдѣленіе должно было стоять надъ нѣсколькими центральными кружками; но оказалось не такъ: кружокъ отдѣленія былъ точно также недодѣланная работа, опять-таки крыша, по построеніи которой подводится подъ нее основаніе. По составленіи кружка отдѣленія, предполагалось додѣлать нѣсколько центральныхъ кружковъ, отъ которыхъ должны были разойтись въ свою очередь кружки первой степени. Такъ Кузнецову предложено сойтись съ Черкезовымъ и Скипскимъ, образовать кружокъ Прыжова и т. д. Но до этой работы не дошло. Затѣмъ Нечаевъ предложилъ Кузнецову переѣхать въ Москву. Кузнецовъ поселяется въ Москвѣ; а потомъ, въ началѣ октября, ему говорятъ опять: поѣзжай въ Петербургъ. Наконецъ 21-го числа совершается убійство Иванова. Такова хронологія событій. Какое-же участіе принималъ въ нихъ Кузнецовъ? Участіе это заключалось въ слѣдующемъ: во-первыхъ, съ поступленіемъ въ кружокъ отдѣленія ему поручено вести пропаганду въ купеческой средѣ, отыскивать тамъ людей и средства. Кузнецовъ не былъ знакомъ съ купечествомъ, Это знакомство я совершенно отвергаю: оно ничѣмъ не доказано. Кузнецовъ былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе. Съ одной стороны на него возлагаютъ надежды, и онъ горячо желаетъ ихъ поддержать и оправдать; съ другой стороны выполнить возложенное на него онъ не въ силахъ. Онъ и прибѣгаетъ къ притворству. Онъ вноситъ въ кассу свои собственныя деньги, говоря, что это собранныя, и вноситъ болѣе даже чѣмъ всѣ остальные—около 300 рублей. Въ этой организаціи, исполненной фальши, всякій старается представить, что онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Кузнецовъ начинаетъ уже стѣсняться непріятными

условіями, въ которыя онъ поставленъ, именно шпіонствомъ. За нимъ постоянно кто-никудь надзираетъ, наблюдаетъ; постоянно возникаютъ споры о томъ, что такой-то членъ разсказалъ тому или другому, чего онъ не долженъ былъ разсказывать. Шпіонство вообще противно во всякой организаціи, а тѣмъ болѣе въ тайномъ обществѣ. Поэтому Кузнецовъ былъ собственно даже радъ, когда ему сказали, что ему надо переселиться изъ академіи въ Москву. Онъ былъ радъ потому, что поселясь въ Москвѣ, онъ думалъ, что отдалится отъ товарищей, окончитъ курсъ и сдастъ экзаменъ. Вышло совсѣмъ не такъ какъ онъ расчитывалъ: квартира его сдѣлалась притономъ для другихъ—сказали что тутъ будетъ складъ костюмовъ; да наконецъ посадили человѣка весьма сомнительнаго, котораго Кузнецовъ не могъ раскусить, именно Николаева, которому въ свою очередь было внушено, чтобы онъ скрытничалъ, не проговаривался и держалъ въ тайнѣ, что онъ переписывалъ прокламаціи. Такимъ образомъ Кузнецовъ и Николаевъ сидятъ рядомъ, наблюдаютъ одинъ за другимъ, и одинъ страшится другаго. Кузнецовъ опять бѣжитъ изъ этой квартиры, шляется по библіотекамъ, по своимъ знакомымъ, опять лжетъ, сочиняетъ; самъ онъ ненавидитъ хлестаковщину, но, однако, чувствуетъ какъ хлестаковщина его заѣдаетъ, какъ онъ въ нее погружается. Онъ не имѣетъ ни пріюта, ни собственнности, оторвался отъ всего, совсѣмъ сбился съ толку. Вотъ первый плодъ принадлежности его къ организаціи. Когда 12-го ноября ему велѣно ѣхать въ Петербургъ, то онъ въ сущности былъ радъ перемѣнѣ, потому что житья ему не было въ Москвѣ.

Но, прежде чѣмъ онъ выѣхалъ, дано ему было участвовать помимо его воли и желанія, въ одной изъ страшнѣйшихъ драмъ, какія только можно себѣ представить, именно въ убійствѣ Иванова. Я долженъ передать логическое развитіе этой драмы. Я сказалъ уже, что Нечаевъ, для усиленія своей власти, для сообщенія

себѣ большаго авторитета, прибѣгалъ къ призракамъ. Такимъ призракомъ былъ комитетъ, который долженъ былъ парить, стоять надъ всѣми членами отдѣленія и внушать къ себѣ страхъ и уваженіе. Собственно никакой надобности въ этомъ комитетѣ не существовало для кружковъ 1-й степени и для центральныхъ кружковъ, такъ какъ даже имени комитета нѣтъ въ общихъ правилахъ организаціи. Комитетъ существовалъ только для отдѣленія. Но съ какой же цѣлью? съ какимъ рискомъ? Съ большимъ. Положимъ, что члены даже вѣрятъ въ комитетъ и подчиняются ему, но вѣдь придетъ минута, когда они разувѣрятся и тогда окажется, что вся власть построена на обманѣ. Конечно практичнѣе было бы сказать, что комитетъ и есть само отдѣленіе; отдѣленіе имѣло бы тогда громадный авторитетъ и первенствующее значеніе. Но Нечаевъ былъ человѣкъ, который предпочиталъ спокойно властвовать и командовать, нежели разсуждать. Привычка генеральствовать какъ будто была врождена ему, та привычка, въ которой онъ обвинялъ всѣхъ тѣхъ, которые его распрашивали объ обществѣ. Я не думаю, чтобы изъ членовъ организаціи всѣ были одинаково увѣрены, что комитетъ существуетъ. Съ положительною ясностью изъ показанія Успенскаго выходитъ, что онъ зналъ, что никакого комитета нѣтъ, когда онъ оставался одинъ въ Москвѣ при отъѣздѣ Нечаева, когда все дѣлопроизводство было въ его рукахъ и когда всѣ отчеты для отсылки за границу къ Бакунину готовились у него для отправленія. Что касается до Прыжова, то вопросъ о комитетѣ не былъ его дѣломъ и его заботою. Это человѣкъ совершенно посторонній, выходившій изъ ряда другихъ и менѣе всего заботившійся о самыхъ пружинахъ организаціи. Затѣмъ Бѣляева, это тоже оригинальное лицо, и та не спрашивала. Остаются Кузнецовъ и Ивановъ. Кузнецовъ смѣло и безусловно вѣрилъ въ существованіе комитета. Это былъ человѣкъ прежде всего прямой, онъ шелъ постоянно одною дорогою, пока

[redacted]

не натолкнулся головою на стѣну, пока не увидалъ воочію неправду. Но Ивановъ былъ человѣкъ совершенно иного рода. Все то, что собрано относительно Иванова, говоритъ только въ его пользу. Это былъ настоящій демократъ, сынъ народа, крестьянинъ, воспитывавшійся на Жмуди, пріѣхавшій въ Москву, учившійся въ страшной бѣдности и пробивавшійся уроками. Бывали мѣсяцы, въ которые онъ, какъ говорятъ, не принималъ горячей пищи по неимѣнію денегъ. Но онъ былъ самостоятеленъ, любилъ относиться критически ко всякому дѣлу, и преблагородная черта въ его характерѣ— это настоящая любовь къ свободѣ, т. е. отвращеніе его отъ всякаго притѣсненія, отъ кого бы оно ни исходило. Есть еще одна черта, на которую указывали стороны при разборѣ настоящаго дѣла и о которой говорили мой товарищъ по защитѣ князь Урусовъ и прокуроръ—это извѣстнаго рода честолюбіе. Можетъ быть Ивановъ, вступивши въ организацію, не хотѣлъ быть простою пѣшкою, машиною, а хотѣлъ сознательно учавствовать въ дѣлѣ и можетъ быть играть общественную роль. Но вообще самое основаніе характера его—это качества какъ нельзя больше благороднаго, какъ нельзя больше честнаго человѣка. Этотъ человѣкъ былъ сначала подъ полнѣйшимъ обаяніемъ Нечаева, но мало по малу онъ, можетъ быть, началъ соображать, относиться критически, оспаривать нѣкоторыя распоряженія Нечаева. Какъ разрѣшить ихъ? Обращеніемъ къ комитету. Но изъ комитета всегда выходятъ распоряженія, которыя подтверждаютъ повелѣнія Нечаева. Значитъ является мысль, что комитетъ этотъ есть Нечаевъ. Эту мысль высказывалъ Ивановъ передъ товарищами. Эта-то мысль и встревожила Нечаева до такой степени, что она необходимо должна была сдѣлаться предметомъ разговоровъ съ приближенными, по крайней мѣрѣ съ Успенскимъ, и предметомъ того именно теоретическаго разговора, о которомъ Успенскій говорилъ и въ которомъ, можетъ быть, не называя Иванова, онъ описывалъ однако

вопросъ такимъ образомъ: что дѣлать съ Ивановымъ? Въ разговорѣ съ Успенскимъ Нечаевъ употребилъ весьма замѣчательный, весьма характеристическій пріемъ. Успенскій сомнѣвался насчетъ предѣловъ власти общества, насчетъ того, въ правѣ ли общество располагать жизнью человѣка? На это Нечаевъ сказалъ на отрѣзъ: «вы о подсудности, что ли, говорите? Есть препятствіе, значитъ его надо устранить». Такимъ образомъ вопросъ собственно былъ уже заранѣе въ идеѣ рѣшенъ. Одно изъ главныхъ столкновеній Нечаева съ Ивановымъ произошло 4-го ноября. Этого числа на сходкѣ была высказана мысль о томъ, чтобы извѣстнаго рода прокламаціи выставлять въ кухмистерской студентовъ. Но студенты дорожили этой кухмистерской, это было одно изъ корпоративныхъ учрежденій академистовъ, весьма для нихъ полезное. Ивановъ воспротивился этой мысли. Тогда говоритъ ему Нечаевъ: «а если комитетъ прикажетъ?» На это Ивановъ отвѣчаетъ: «Я и комитета не послушаю, когда онъ какой нибудь вздоръ прикажетъ дѣлать.» — «Такъ ты и комитета не послушаешь?» Затѣмъ пошли большіе споры; струна личныхъ отношеній натягивалась больше и больше, до такой степени, что связь готова была разорваться. Вмѣшался Кузнецовъ, остановилъ спорящихъ; ему даже удалось на минуту примирить ихъ—Ивановъ уступилъ. Тогда теоретически вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что слѣдуетъ ли вообще подчиняться распоряженіямъ комитета? На этотъ разъ вопросъ разрѣшился кое какъ и дѣло пошло обычнымъ чередомъ. Нечаевъ возымѣлъ мысль уѣхать въ Петербургъ. Но передъ самымъ отъѣздомъ случилось слѣдующее. Ивановъ разорвалъ связь съ Нечаевымъ, сказалъ: «я не буду подчиняться» и передалъ это Прыжову, причемъ сказалъ, что хочетъ устроить свой особый кружокъ и учредить особую кассу. Этотъ разговоръ съ Прыжовымъ происходилъ 19-го ноября. На другой день, 20-го числа, Прыжовъ передалъ извѣстіе Успенскому, и въ тотъ же день Николаевъ отъ Успенскаго поѣхалъ къ Нечаеву

съ этимъ извѣстіемъ. Нечаевъ приходитъ къ Кузнецову, котораго ему пришлось ждать. Кузнецовъ въ этотъ день собирался ѣхать въ Петербургъ, но до отъѣзда онъ въ тотъ же день съ другой запиской Прыжова былъ въ Разумовскомъ, гдѣ Ивановъ угощалъ его чаемъ и объяснялся съ нимъ самымъ спокойнымъ образомъ, ничего не подозрѣвая. Внезапно въ 8 часовъ вечера къ Кузнецову является Нечаевъ и говоритъ ему, что теперь дѣло не до поѣздки, что Ивановъ бунтуетъ, что Ивановъ сопротивляется, что надо какъ-нибудь покончить съ нимъ: «мнѣ комитетъ велѣлъ — такъ какъ я ввелъ его въ общество—расправиться съ Ивановымъ и устранить его». Кузнецовъ былъ озадаченъ этимъ въ высшей степени; онъ понималъ, что происходитъ нѣчто недоброе. Онъ притворяется, показываетъ видъ, что не понимаетъ, куда клонитъ Нечаевъ. Приходятъ къ Успенскому. Здѣсь завязывается длинный разговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе и г. Прыжовъ; но г. Прыжовъ скоро оставляетъ спорящихъ: ему эти разсужденія противны. Остаются Нечаевъ, Успенскій и Кузнецовъ. Нечаевъ гнетъ на то, чтобы Иванова устранить, уничтожить. Кузнецовъ притворяется, что непонимаетъ, говоритъ, что это неудобно, что это невозможно—однимъ словомъ, старается какъ-нибудь разстроить предпріятіе. Тогда Успенскій, уже прежде рѣшившій теоретически вопросъ объ убійствѣ во время происходившаго передъ тѣмъ разговора, сказалъ, что нельзя останавливаться, надо покончить съ Ивановымъ. Дѣло рѣшено Нечаевымъ; онъ повелѣваетъ именемъ комитета. Кузнецовъ, который вѣритъ въ существованіе комитета и который считаетъ себя связаннымъ обѣщаніемъ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ комитета, долженъ замолчать. Затѣмъ начинаются разсужденія, какъ привести это рѣшеніе въ исполненіе. Предлагаются различные способы: ядъ, удушеніе и т. д. Кузнецовъ представляетъ всевозможныя возраженія противъ каждаго изъ этихъ способовъ: и то неудобно, и этого нельзя, и это невозможно. Тутъ Не-

чаевъ вспомнилъ гротъ, въ которомъ былъ когда-то въ академіи. Кузнецовъ замѣчаетъ, что въ гротѣ нельзя, что есть сторожа, что люди ходятъ. Нечаевъ говоритъ: «вздоръ, рѣшено!» и послѣ этого рѣшенія Кузнецовъ, какъ шальной, въ страшномъ волненіи, самъ не зная что дѣлаетъ, возвращается домой. Здѣсь я теряю почти всякую возможность защищать Кузнецова. Я вполнѣ сознаю, что онъ нехорошо поступилъ, весьма нехорошо; ему слѣдовало бы, выходя отъ Успенскаго, взять извощика и отправиться къ Иванову предупредить его. Правда, онъ имѣлъ въ своей квартирѣ Николаева, который, какъ казалось Кузнецову, слѣдилъ за его дѣйствіями; ему слѣдовало отправиться въ академію утромъ, ему слѣдовало не идти въ трактиръ, ему не слѣдовало идти за Николаевымъ, когда Николаевъ отправился за Ивановымъ къ Лау, ему не слѣдовало идти въ гротъ, ему не слѣдовало присутствовать при тѣхъ опытахъ, когда Нечаевъ, въ первый разъ испытывая свою силу, и готовясь къ первому въ жизни кровавому дѣйствію, закидывалъ себѣ веревку на шею и самъ себя душилъ, спрашивая другихъ, слышатъ ли они его хрипѣніе или нѣтъ. Кузнецову слѣдовало бы бѣжать сказать Иванову: бѣги, но онъ не бѣжалъ, онъ не сказалъ, онъ подчинился и автоматически исполнялъ все, что ему приказывали. Онъ исполнялъ не потому, чтобы не возмущался всѣмъ, что происходило; напротивъ, все нутро его переворачивалось отъ страшнаго мученія, отъ кошмара, который давилъ его. Всѣ люди, которые видѣли его, говорятъ, что они его не узнавали, что на немъ лица человѣческаго не было. Но это такой человѣкъ, который, разъ обѣщавши что-нибудь, исполнитъ пока въ приказывающаго вѣритъ. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать то, о чемъ говорилъ, т. е. пойти и предупредить Иванова, сказать ему бѣги, ему надо было разбить всѣ свои идеалы, разбить представленіе о томъ общемъ дѣлѣ, которому онъ всѣмъ пожертвовалъ, о томъ, что оно существуетъ и требуетъ подчиненія безпрекословнаго и

самоотверженнаго. Онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ всего этого, а событія шли съ неимовѣрной быстротой: 20-го числа послѣдовало рѣшеніе, а на слѣдующій день Ивановъ уже не жилъ, и Кузнецовъ самъ былъ при этой смерти. Но онъ не принималъ никакого участія, не налагалъ своей руки на Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Ему сунули въ руки деньги изъ портмонэ Иванова — онъ бросилъ эти деньги; ему велѣли тащить тѣло — тащили всѣ. Затѣмъ онъ одинъ возвратился на квартиру, потому что ему противны были всѣ, противны были Николаевъ и Успенскій.—Въ квартирѣ онъ ставилъ самоваръ въ то время, когда убійцы смывали съ себя кровь и жгли платье въ печи и когда затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. На слѣдующій день Нечаевъ взялъ съ собою Кузнецова и полетѣлъ въ Петербургъ. Прежде чѣмъ я окончу мой разсказъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этого убійства, о томъ, какія побужденія могли влечь Нечаева къ совершенію этого преступленія и на сколько оно извинительно, даже при условіяхъ тайной организаціи, подпольнаго, тайнаго общества. Я полагаю, гг. судьи, что тайное общество, заговоръ, вслѣдствіе органической необходимости своего существованія, долженъ допускать возможность насильственной смерти членовъ, но только въ одномъ единственномъ случаѣ, только въ случаѣ грозящей ему измѣны. Я полагаю, что каждый членъ, вербуемый въ тайное общество, долженъ или не вступать въ него, или, разъ вступивъ, знать, что когда дѣло зрѣетъ, когда сотни людей работаютъ, когда одного слова достаточно для того, чтобы вся эта выведенная уже постройка могла вдругъ обрушиться, вдругъ нашелся донощикъ, шпіонъ, который намѣренъ раскрыть тайну дѣла, то въ такомъ случаѣ трудно не рѣшиться казнить его, чтобы предупредить доносъ. Это дѣяніе будетъ преступно съ уголовной точки зрѣнія; но съ нравственной оно до нѣкоторой степени извинительно. Внѣ этого единственнаго случая я не допускаю смерти

[redacted]

человѣка. Положимъ, что между многими находящимися въ обществѣ начинаются антагонизмъ и распря; каждый изъ спорщиковъ проводитъ свою идею. Развѣ изъ этого выходитъ необходимость убійства?.. Нисколько. Если двое мужчинъ любятъ одну женщину и одинъ изъ нихъ, видя, что она предпочитаетъ ему другаго, рѣшается убить этого другаго изъ-за угла, очевидно, что тутъ никакого оправданія допустить нельзя. Нельзя его допустить между соперниками по одному общему дѣлу. Если бы у г. Нечаева была капля благородства въ характерѣ, если бы онъ былъ не насквозь деспотъ, то онъ конечно нашелъ бы способъ выйти изъ своего столкновенія съ Ивановымъ; еслибы онъ обладалъ сколько нибудь благородствомъ и имѣлъ какую нибудь преданность дѣлу, то онъ просто могъ бы сказать Иванову: братъ, ты думаешь дѣйствовать такъ, а я иначе; если по твоему лучше, то замѣни меня и сядь на мое мѣсто; это дѣло общее, слѣдовательно надо дѣйствовать согласно. Или онъ могъ бы ему сказать: братъ, ты ошибаешься; возьмемъ товарищей, они будутъ посредниками между нами и скажутъ, кто правъ, кто виноватъ; мы люди благородные, честные, положимъ передъ товарищами наши мнѣнія, и на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, тотъ и останется, а другой уйдетъ и не будетъ мѣшать. По всей вѣроятности, такой судъ принялъ бы Ивановъ, этотъ добродушный, мягкій человѣкъ, который, когда ему говорятъ: иди въ гротъ открывать типографскій станокъ, идетъ безъ всякаго подозрѣнія, безъ всякой злобы къ Нечаеву. Если бы было какое нибудь малѣйшее озлобленіе или какой нибудь упрекъ на совѣсти у Иванова, если бы онъ опасался этихъ людей и сколько нибудь подозрѣвалъ, что они такъ съ нимъ поступятъ, онъ конечно никогда не пошелъ бы на вѣрную смерть, онъ не пошелъ бы, если бы узналъ, что съ нимъ расправятся такимъ способомъ, какъ расправился съ нимъ Нечаевъ. Нечаевъ, разъ остановившись на этой ложной дорогѣ, подъискалъ сейчасъ и разные

болѣе или менѣе убѣдительные мотивы: надо провести идею подчиненности; Ивановъ нарушилъ данное слово, даже обязательство подчиняться распоряженіямъ комитета; надо притомъ дать примѣръ другимъ, навести на нихъ спасительный страхъ, цементировать кровью дѣло, которое всего лучше скрѣпляется кровью. Жалкіе софизмы! Подчиненность какъ основаніе организаціи—это подчиненность общему дѣлу, а не г. Нечаеву. Обязательство безпрекословно повиноваться распоряженіямъ комитета можетъ существовать только подъ условіемъ, что и самъ комитетъ дѣйствительно существуетъ. Но какъ скоро оказывается, что этого комитета нѣтъ, то весьма естественно было со стороны членовъ отклонить обязательство ему подчиняться и сказать: да дѣйствительно, я далъ обязательство подчиняться комитету, но если оказывается, что такого комитета нѣтъ, то я не хочу быть обманутымъ и беру свое обязательство назадъ. Что касается до укрѣпленія дѣла кровью, то я вполнѣ понимаю это изрѣченіе Нечаева. Союзъ былъ скрѣпленъ, но только между четырьмя убійцами, связавшимися другъ съ другомъ—они и сидятъ всѣ четверо на скамьѣ подсудимыхъ, но эта кровь не скрѣпила организаціи. Великія и благородныя дѣла, совершаемыя во имя блага народа, никогда не цементируются невинною, напрасно пролитою, кровью. И не правда то, будто бы Ивановъ, бывъ на мѣстѣ Нечаева, прибѣгнулъ бы тоже къ убійству. Ивановъ никогда бы этого не сдѣлалъ — онъ былъ благородный, хорошій человѣкъ.

Затѣмъ мнѣ остается сказать немного словъ. Я перехожу къ поѣздкѣ въ Петербургъ Нечаева и Кузнецова. Кузнецовъ не можетъ спать. Онъ самъ не свой, онъ точно также пассивно, какъ и въ Москвѣ, исполняетъ то, что ему приказываютъ; говорятъ: иди, сообщи, подъищи такое то лицо—онъ идетъ и исполняетъ. Онъ ходилъ по городу... Ему ставятъ въ вину, что онъ, будучи государственнымъ преступникомъ, ходилъ открыто по улицамъ, пѣшкомъ. Но спрашивается: какъ же не

по улицамъ ходить? И почему не ходить пѣшкомъ, когда у него хорошія ноги есть, когда это физическое движеніе ему помогало; наконецъ, онъ совсѣмъ не объ опасности думалъ, онъ не думалъ, найдутъ его или нѣтъ, онъ искалъ спасенія во внѣшней дѣятельности отъ тѣхъ страшныхъ воспоминаній, которыя его преслѣдовали въ продолженіе всей бытности его въ Петербургѣ. До отъѣзда и послѣ отъѣзда Нечаева онъ дѣлалъ кое что, прочелъ правила организаціи двумъ молодымъ людямъ, Топоркову и Святскому; онъ былъ при отъѣздѣ Нечаева въ Москву, онъ взялъ бумаги, чтобы тотчасъ же передать ихъ. Наконецъ онъ былъ арестованъ. Когда онъ былъ арестованъ, когда въ тюрьмѣ онъ остался наединѣ съ собою, предъ нимъ воскресли съ необычайною силою тѣ образы, которые преслѣдовали его, и которые онъ старался отогнать; онъ дошелъ до галлюцинацій, ему чудились призраки отца и убитаго Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Но онъ — натура сильная, онъ отрѣзвился, переживъ страшныя муки, онъ все разсказалъ, гг. судьи.... Вы имѣете передъ собою этого человѣка, и я полагаю, что вы найдете основаніе къ значительному смягченію его участи. Я поручаю судьбу его вамъ.

Рѣчь въ защиту Петра Ткачева.

Гг. судьи! Я готовился говорить весьма много; я готовился защищать Ткачева по обвиненію въ государственномъ преступленіи, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка. Обвиненіе это, хотя не основывалось на сильныхъ данныхъ, хотя, по правдѣ скажу, оно и ни на чемъ не основывалось, кромѣ образа мыслей и знакомства Ткачева съ Нечаевымъ, но все таки было строго формулировано въ обвинительномъ актѣ. За тѣмъ судебное слѣдствіе не прибавило ничего, не убавило ничего. Но г. прокуроръ отказался отъ обвиненія Ткачева. Хотя отказъ г. прокурора не избавляетъ васъ отъ постановки вопроса по обвинительному акту, такъ какъ извѣстно, что ex nihilo nihil, то я и

не буду утомлять вашего вниманія защищеніемъ Ткачева, по предмету, по которому онъ, по крайнему моему разумѣнію, совершенно безопасенъ. Мнѣ приходится защищать его только въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ самъ, какъ подобаетъ честному и благородному человѣку, здѣсь предъ вами откровенно сознался, при томъ сознался, никѣмъ не принуждаемый. Данныхъ, которыя прямо на него указывали бы, кромѣ слуховъ, не было. Если бы онъ самъ не сознался, то вы, вѣроятно, затруднились бы признать его виновнымъ, даже и въ написаніи прокламаціи «къ обществу». Онъ не одинъ виновенъ въ этой прокламаціи: вмѣстѣ съ нимъ участвовала г-жа Дементьева. Это былъ союзъ лицъ совершенно, можно сказать, равный. Онъ—писатель, она—содержательница типографіи. Они рѣшили дѣло вмѣстѣ. Неизвѣстно, кому первому пришла мысль. Вѣроятно, что никто другъ друга не увлекалъ. Эта прокламація проистекла изъ совершенно одинаковаго сердечнаго отношенія обоихъ къ студенческому дѣлу. Сердечныя отношенія обоихъ къ студенческому дѣлу такъ хорошо, съ такою логическою послѣдовательностью, такъ талантливо были изложены г-ою Дементьевой, что этой стороны дѣла, какъ шла студенческая исторія, я не буду касаться и остановлюсь, за тѣмъ, только на самой прокламаціи. Я постараюсь ее разобрать; я постараюсь потомъ подвести ее подъ ту или другую статью закона и опредѣлить то наказаніе, которое, по моему мнѣнію, долженъ понести Ткачевъ.

Прежде всего да будетъ мнѣ позволено привести нѣсколько чиселъ для поясненія, когда именно послѣдовали тѣ событія, которыя вызвали прокламацію, и сопоставить съ ними время выпуска прокламаціи. 15-го марта была закрыта медико-хирургическая академія; 19-го марта была сходка въ технологическомъ институтѣ; сходка, которая требовала у директора Ламанскаго кассы и другихъ преимуществъ; 18, 19 и 20-го были бурныя сходки въ университетѣ, послѣ которыхъ 20

числа судъ университетскій собрался судить 9 лицъ. Когда приговоръ его былъ объявленъ 21, то 22 были новыя сходки, и опять 72 человѣка были преданы суду. Затѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кончилось это дѣло совсѣмъ и произошли тѣ высылки, о которыхъ много говорилось въ дѣлѣ. Выслано всего 68 человѣкъ, изъ которыхъ 32 изъ Университета, 28 изъ медико-хирургической академіи, 8 изъ технологическаго института. Сама прокламація помѣчена 20-мъ числомъ; 22 числа она была опубликована въ газетѣ «Вѣсть». Такимъ образомъ между моментомъ, который далъ импульсъ этому дѣлу, т. е. между 19-мъ и 20-мъ марта, и временемъ сочиненія и опубликованія прокламаціи, былъ такой ничтожный промежутокъ, что можно сказать, что эта прокламація прямо и непосредственно явилась подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ; она вылилась непосредственно изъ подъ пера Ткачева; некогда было совѣщаться, собираться и т. д.; она вылилась и тотчасъ же была отпечатана и пущена.

По всей вѣроятности, скоростью ея выпуска и объясняется отчасти та рѣзкость формы, которая дана прокламаціи. Можетъ быть, еслибъ она составлялась обдуманно, то сгладились бы ея угловатости. Теперь разсмотримъ ее по содержанію, т. е. по основной мысли, которая въ ней лежитъ, и по формѣ. Ткачевъ до настоящаго времени убѣжденъ—я долженъ это заявить—что онъ правъ по содержанію прокламаціи. Онъ убѣжденъ—и я долженъ привести это убѣжденіе какъ смягчающее его вину—что если съ 50-хъ годовъ вплоть до настоящаго времени происходитъ почти непрерывный рядъ студенческихъ исторій во всѣхъ университетахъ и всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если эти волненія происходятъ и въ тѣ эпохи, когда общество возбуждено, и въ тѣ эпохи, когда общество не возбуждено, во времена такъ называемой реакціи, то, конечно, причина этого явленія должна быть внутренняя. Значитъ не всѣ условія умственнаго воспитанія юношества нормальны

и хороши. Эти самыя мнѣнія заявлялись въ печати; они заявлялись здѣсь, даже и въ показаніяхъ свидѣтелей. Я долженъ привести слова изъ показанія, прочитаннаго на судѣ, студента Енишерлова. Енишерловъ опредѣлилъ такимъ образомъ причины недовольства: «Безтолковая долбня тетрадей за малую субсидію, которая можетъ быть отнята по усмотрѣнію непосредственнаго начальства». При томъ эта субсидія выдается не смотря на заслуги, а смотря по тому, кто какъ о ней проситъ и заискиваетъ. Значитъ трудность для человѣка бѣднаго найти себѣ дорогу въ университетъ—громадная. Преподаваніе во многихъ отношеніяхъ слабо и плохо. Невозможно при томъ воспользоваться помощью товарища. Вотъ причины неудовольствія. Я долженъ сказать, хотя я не берусь совсѣмъ быть судьею въ этомъ трудномъ дѣлѣ. но дѣйствительно, гг. судьи, въ жизни народной не всѣ отрасли дѣятельности идутъ паралельно. Иногда выдается особенно какая нибудь сторона, напримѣръ сторона военная, иногда сторона законодательная, иногда науки и искуства. Нашъ вѣкъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что нѣкоторыя стороны жизни въ немъ особенно выдались, напримѣръ сторона законодательная. Но я долженъ сказать также, что сторона науки, искуства, воспитанія, стоитъ на заднемъ планѣ, и общество весьма мало интересуется этимъ вопросомъ. Г. прокуроръ указывалъ вамъ, что если бы та же мысль, которую выразилъ Ткачевъ, была выражена въ болѣе приличной формѣ, то она могла бы быть помѣщена въ газетѣ. Я не знаю, была ли бы она помѣщена въ какой нибудь газетѣ, потому что случалось, что газеты получали предостереженія за вопросы о воспитаніи. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, еслибы она была помѣщена въ газетѣ. то ни одна газета не подверглась бы уголовному преслѣдованію за подобную статью. Вотъ что я могу сказать о содержаніи прокламаціи. Что касается до формы, то нельзя сказать, чтобы способъ выраженія мысли, избранный Ткачевымъ, былъ безу-

коризненъ. Въ способѣ выраженія этой мысли оказались отчасти тѣ, не скажу недостатки, но качества умственной организаціи Ткачева, которыя здѣсь передъ вами были раскрыты однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, именно г. Анненскимъ. Г. Анненскій говорилъ—и это совершенная правда—что Ткачевъ человѣкъ весьма сосредоточенный, углубленный въ себя, молчаливый. человѣкъ прежде всего книжный, абстрактный, который живетъ въ отвлеченностяхъ, у котораго сильна рефлексія, т. е. заднiй умъ, который не имѣетъ качествъ пропагатора и даже не дѣйствуетъ сильно на молодежь. Если онъ дѣйствуетъ на молодежь, то скорѣе съ перомъ въ рукахъ, посредствомъ своихъ сочиненій, а никакъ не посредствомъ живаго слова. У него недостаетъ въ характерѣ той способности сейчасъ ощупью натолкнуться на симпатическую черту характера каждаго другаго лица. Молодые люди говорили, что Ткачевъ важничаетъ. Это не было важничанье: это былъ естественный образъ отношеній Ткачева къ другимъ лицамъ. Именно эта сосредоточенность, именно эта жизнь въ абстрактой сферѣ и незнаніе жизни дѣйствительной и заставили Ткачева допустить въ способѣ выраженія своей идеи нѣсколько коренныхъ, капитальныхъ ошибокъ. Первая ошибка была та, что онъ думалъ, что этотъ вопросъ о воспитаніи есть такой капитальный вопросъ, которымъ все общество заинтересовано, вопросъ первѣйшей важности. Оказалось, что нѣтъ. Какъ я заявлялъ, общество наше считаетъ этотъ вопросъ, который въ будущемъ займетъ видное мѣсто, вопросомъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, Ткачевъ ошибся и насчетъ общественнаго мнѣнія, къ которому онъ обращался. Онъ полагалъ, что общественное мнѣніе у насъ такая сила, на которую можно расчитывать, съ которой можно говорить. Наше общественное мнѣніе еще дѣтски-молодое; оно увлекается легко, увлекается слѣпо и въ ту, и въ другую сторону. Наконецъ онъ ошибался, въ-треть-

ихъ, и въ томъ, что этимъ обращеніемъ къ общественному мнѣнію думалъ склонить къ чему-нибудь правительство. Если правительство выслушиваетъ общественное мнѣніе; то оно выслушиваетъ его къ свѣдѣнію, а не къ руководству. Такое обращеніе къ обществу могло скорѣе попортить дѣло, чѣмъ привести его къ желанному результату. Наконецъ, что касается до самой внѣшней формы выраженій, то тутъ, мнѣ кажется, есть также нескладности. Безъимянная прокламація, подписанная «студенты», ставитъ это произведеніе какъ будто въ одинъ рядъ съ тѣми подпольными произведеніями, которыя носятъ на себѣ извѣстный планъ и съ которыми эта прокламація не имѣла ничего общаго — съ «Великоруссомъ», «Молодою Россіею» и т. под. Мнѣ кажется, что Ткачеву было гораздо прямѣе и гораздо лучше просто подписаться: Ткачевъ. Конечно спросили бы: что за птица Ткачевъ? Онъ хотя и имѣлъ нѣкоторую извѣстность, но въ ограниченномъ кругу читателей. Можетъ быть онъ отчасти побоялся того гомерическаго хохота, который раздастся, когда увидятъ, что является одинъ человѣкъ, отвергающій все то, что совершается. Кромѣ того сообразимъ, что онъ долженъ былъ стараться и о томъ, чтобы не выдать г-жу Дементьеву. Онъ старался, чтобъ за его вину не пострадала г-жа Дементьева, въ типографіи которой печаталось это произведеніе. Такимъ образомъ Ткачевъ издалъ эту штуку. По его мнѣнію она была задумана, очень искусно, но тѣмъ не менѣе она открыта, обнаружена и привела его на скамью подсудимыхъ. Теперь единственный вопросъ—это подведеніе этого преступленія подъ ту или другую статью закона. Значитъ надо перебрать всѣ тѣ статьи закона, которыя грозятъ наказаніемъ за преступленіе печати подобнаго рода, потомъ разобрать прокламацію и найти, какіе признаки находятся въ ней, по которымъ можно бы ее подвести подъ ту или другую статью. Господа судьи! Мнѣ всегда въ процессахъ политическихъ приходитъ на мысль изрѣченіе отца Жозефа

который былъ правой рукой кардинала Ришелье, что достаточно имѣть двѣ строки человѣка, чтобы его повѣсить. Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что достаточно какой нибудь оппозиціонной статьи, чтобы усмотрѣть въ ней оскорбленіе Величества, измѣну, или что нибудь подобное. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, говорится о властяхъ, о правительствѣ не упоминается, но всякая власть, установленная правительствомъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ представитель Государя. Слѣдовательно во всякой прокламаціи, хотя бы направленной и противъ властей, можно видѣть неуваженіе къ верховной власти. Самъ даже прокуроръ, когда разбиралъ эту прокламацію, намекалъ на то, что тутъ есть неуваженіе къ верховной власти. Идя этимъ путемъ, можно бы судить Ткачева по первымъ двумъ пунктамъ, какъ говорилось въ старину или по 251 ст., гдѣ говорится о посягательствѣ на неприкосновенность верховной власти. Но вѣдь такимъ образомъ судить никого нельзя. Нужно держаться почвы реальной, нужно разобрать эту прокламацію по ея существеннымъ признакамъ, а не по однимъ предположеніямъ. И такъ, изъ двухъ статей, которыя могутъ быть примѣнены къ этой прокламаціи, возможными я считаю только двѣ: одна 274-я, подъ которую г. прокуроръ требуетъ, чтобы было подведено это дѣло, вторая статья 1,035.

Затѣмъ я долженъ сказать, что въ наукѣ уголовнаго права принято за неопровержимую аксіому, что когда опредѣляется родъ преступленія, когда рѣшается вопросъ о томъ, подъ какое преступленіе подвести извѣстное дѣяніе, то это опредѣленіе дѣлается единственно и исключительно только по объективной сторонѣ дѣянія, т. е. не потому, совершено ли оно Ткачевымъ, Петровымъ, Ивановымъ, а потому только, какимъ представляется оно съ внѣшней его стороны, совершенно независимо отъ субъекта. Субъектъ, его образъ мыслей, его направленіе, могутъ конечно вліять на установленіе мѣры наказанія въ извѣстныхъ предѣлахъ, высшей

[redacted]

низшей мѣры наказанія; но родъ преступленія опредѣляется всегда свойствами дѣянія. Значитъ, при опредѣленіи рода преступленія, подъ которое слѣдуетъ подвести дѣйствіе Ткачева, я прошу, гг. судьи, не обращать вниманія на то, какова была его литературная дѣятельность, былъ ли онъ человѣкъ крайній, забыть, что онъ самъ себя назвалъ *нигилистомъ*, и даже не обращать вниманія на ту теорію фиктивнаго брака, которую онъ развивалъ. Слово нигилистъ—весьма новое. Оно изобрѣтено Тургеневымъ въ его *извѣстномъ* романѣ «Отцы и Дѣти», но оно попало какъ разъ подъ стать обществу. Одна часть общества усвоила его себѣ какъ обидную кличку, которою обозвала людей отрицательнаго крайняго направленія; другая часть общества взяла эту кличку какъ знамя и стала подъ это знамя. Въ этомъ самомъ отрицательномъ направленіи были люди высокоталантливые, принесшіе извѣстную долю пользы, потому что когда шли реформы за реформами, тогда и все подвигалось разомъ, и эти реформы были, надо сказать, весьма радикальны; несомнѣнно, что онѣ не были бы столь радикальны, еслибы вопросы не были затронуты до дна самою безпощадною критикою, если бы въ ихъ разработкѣ не участвовали всѣ органы, рѣшительно всѣ направленія, даже самыя крайнія. Крайнія направленія именно тѣмъ и полезны, что разсѣкаютъ предметъ до корня, что ставятъ всякій вопросъ ребромъ. Это отрицательное направленіе не есть нѣчто навѣянное, нѣчто принесенное извнѣ, оно вовсе не проистекаетъ изъ дѣла Каракозова, ни изъ иныхъ прежнихъ тайныхъ обществъ, но оно есть вполнѣ естественное произведеніе русской почвы и климата. Вамъ случалось, гг. судьи, живать въ деревнѣ, въ маѣ и въ іюнѣ, когда являются комары безчисленными толпами; они непріятны; но чтобы вы сказали тому, кто задумалъ бы ихъ истреблять цѣлыми массами въ извѣстной мѣстности: истребишь одного, являются тысячи другихъ. Но вѣдь всякому также извѣстно, что придетъ іюль, и всѣ ко-

мары пропадутъ сами собою, потому что измѣнятся климатическія условія. И вотъ, я думаю, что по политическому календарю Россіи былъ май въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что въ настоящее время мы переживаемъ іюнь, и что дастъ Богъ, мы доживемъ до іюля. Я приведу, гг. судьи, для историческаго сравненія слова одного изъ величайшихъ государей—Сигизмунда I, который говорилъ, когда ему предлагали истреблять протестантовъ: «я хочу быть королемъ и надъ козлами и надъ овцами». И это былъ тотъ самый король, который говорилъ, «что онъ спокойно можетъ переночевать у каждаго изъ своихъ подданныхъ». Я думаю, что и наше правительство держится того же мнѣнія, что оно вступило на тотъ путь широкой, открытой терпимости религіозной, терпимости политической. Вотъ почему я полагаю, что то соображеніе, что Ткачевъ назвалъ себя нигилистомъ и что въ особенности его теорія фиктивнаго брака, не будутъ имѣть никакого вліянія. Эта теорія брака, я долженъ сказать, мнѣ самому противна; но, гг. судьи, въ нашемъ обществѣ такъ много фарисейства. такъ много лжи, что если выбирать изъ двухъ золъ, то лучше зло открытое, чѣмъ лицемѣріе и фарисейство. Да будетъ мнѣ позволено сослаться на притчу о блудной женѣ. Кто же, спрашиваю я, броситъ въ этихъ людей камень за ихъ мысли? Я, по крайней мѣрѣ, не осмѣлился бы на это, потому что я видалъ въ нашемъ суетномъ обществѣ такъ много примѣровъ торга человѣческой совѣстью и человѣкомъ вообще.

Затѣмъ, послѣ этого предисловія, я приступлю прямо къ прокламаціи. Вотъ два преступленія: одно изъ нихъ по статьѣ 274 заключается въ распространеніи сочиненій съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію или сопротивленію властямъ отъ правительства установленнымъ. Двугая статья — 1,035 гласитъ о напечатаніи оскорбительныхъ отзывовъ о законахъ, о постановленіяхъ и распоряженіяхъ властей, объ оспариваніи въ печати обязательной силы законовъ и одобреніи воспре-

щенныхъ закономъ дѣйствій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ закону. Подъ какую же статью подвести прокламацію? Какія основныя черты этихъ двухъ преступленій? Я искалъ этихъ основаній въ рѣчи г. прокурора. Онъ, между прочимъ, главнымъ образомъ налегалъ на рѣзкость выраженій: «будь эти выраженія менѣе рѣзки, говоритъ онъ, то преступленіе могло бы быть подведено подъ статью 1,035, но такъ какъ они весьма рѣзки, то и слѣдуетъ подвести ихъ подъ статью 274». Я думаю, что рѣзкость выраженій не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи состава преступленія, потому что нѣтъ такого словаря, по которому можно было бы сказать, что одни выраженія болѣе рѣзки, другія менѣе. Если бы Ткачевъ выбралъ другую форму, если бы вмѣсто того, чтобы сказать «общество куетъ на себя оковы», онъ сказалъ: «общество подготовляетъ себѣ узы», если бы вмѣсто; «задыхаются въ казематахъ и ссылкахъ», онъ сказалъ: «пропадаютъ вдали отъ родины», то все-таки мысль была бы та же самая и все-таки изъ прокламаціи нельзя было бы вывести ничего другаго, кромѣ того, что въ ней содержится. Но были и другія основанія въ рѣчи г. прокурора. Онъ говорилъ слѣдующее: «прокламація была пущена въ ходъ тогда, когда общество было возбуждено, и будь это въ болѣе спокойное время, то не представлялось бы такой опасности. Но такъ какъ она была выпущена тогда, когда общество было возбуждено, то и заслуживаетъ болѣе строгой мѣры». Но, гг. судьи, возбуждено или не возбуждено общество — это такой фактъ, который слѣдуетъ провѣрить; откуда знать, было ли оно возбуждено или въ спокойномъ состояніи въ то время. Мнѣ кажется, что общество всегда бываетъ возбуждено. Физіологія насъ учитъ, что глазъ получаетъ впечатлѣніе свѣта даже и тогда, когда вѣки закрыты, даже и въ темнотѣ. Я думаю, что точно тоже можно сказать и объ обществѣ, что и оно всегда находится въ возбужденномъ состояніи, но въ спеціально

возбужденномъ состояніи оно не могло быть и не было, потому что кто же былъ возбужденъ: студенты или общество? Студенты были уже укрощены, сидѣли въ карцерахъ, ихъ ссылали — значитъ исторія кончилась, и именно потому, что она кончилась и появляется воззваніе къ обществу; а общество и не откликнулось, не обратило на студенческое движеніе никакого вниманія. Единственная газета, напечатавшая это воззваніе, была совершенно противоположныхъ убѣжденій, эта газета—„Вѣсть“. Слѣдовательно и это основаніе уходитъ изъ подъ ногъ и на немъ нельзя держаться. Можно было бы привести еще то основаніе, что преступленіе по 274-й статьѣ—воззваніе; что когда сочинитель взываетъ къ гражданамъ: «сдѣлайте то-то и то-то», то совершается преступленіе, предусмотрѣнное въ 274 статьѣ. Когда же мысль выражается критически, безъ прямаго обращенія къ гражданамъ, то это будетъ преступленіе, подходящее подъ 1,035 статью. Но опять таки эти основанія шатки, потому что и воззваніе можетъ не заключать въ себѣ ничего такого, чтобы могло подвести его подъ 274-ю статью. Я приведу такой примѣръ: у насъ бываютъ каждый годъ публичные университетскіе обѣды; положимъ, что полиція вдругъ запретила бы дѣлать такой обѣдъ публично, и кто нибудь бы вздумалъ пустить такую прокламацію: «я приглашаю всѣхъ своихъ бывшихъ сотоварищей ко мнѣ отобѣдать». Конечно это воззваніе и даже печатное, но какъ же подвести его подъ ст. 274, подъ ссылку въ Сибирь на поселеніе? Или, напримѣръ, является такого рода воззваніе: «завтра казнятъ такого-то человѣка; да не выходитъ народъ на улицу смотрѣть казнь; да запрется каждый дома и да покажетъ этимъ воздержаніемъ, что онъ скорбитъ объ участи казненнаго». Опять-таки—это воззваніе, но такое, которое не ведетъ къ сопротивленію властямъ, которое не ведетъ къ неповиновенію, и опять-таки это воззваніе, которое если и можетъ быть караемо закономъ, то только не по

статьѣ 274. Съ другой стороны, я долженъ сказать, что могутъ быть заявленія и въ критической формѣ, но такія, которыя прямо подходятъ подъ понятіе воззванія. Напримѣръ, если бы кто-нибудь напечаталъ статью такого содержанія: «Какъ глупы петербургскіе жители! какъ имъ не придетъ въ голову, что можно за одинъ разъ, прогнать всю полицію». Тутъ всѣ выраженія — въ видѣ простой замѣтки, но въ сущности это настоящее воззваніе, которое стоитъ того, чтобы его подвести подъ ст. 274. Такимъ образомъ, гг. судьи, по моему крайнему убѣжденію, надо судить о прокламаціи Ткачева не по формѣ ея, не по тому, есть ли это воззваніе или нѣтъ, есть ли въ ней рѣзкія выраженія или нѣтъ, а по содержанію, т. е. по тому, на что должна дѣйствовать эта прокламація или статья, должна ли дѣйствовать на чувство и умъ критическимъ разборомъ или возбужденіемъ неудовольствія, негодованія, или же она идетъ далѣе, указываетъ на прямое неповиновеніе или сопротивленіе извѣстной власти. Если она останавливается на первомъ, то, конечно, это нехорошо, но, во всякомъ случаѣ, представляется менѣе преступнымъ, нежели прямое указаніе: «вооружайтесь противъ такой-то власти и сдѣлайте то-то». Я напримѣръ, совершенно вѣрю, что энциклопедисты, Вольтеръ и Руссо значительно подготовили французскую революцію; но они подготовили ее, дѣйствуя на чувство и на умъ, и между ними и какимъ нибудь Маратомъ есть громадная, неизмѣримая разница. Слѣдовательно, если такимъ образомъ дѣйствовать на чувство, на умъ, то, конечно, это будетъ преступленіе по ст. 1,035; но если взывать къ возстанію противъ опредѣленной власти съ указаніемъ что надо дѣлать, напримѣръ: «не платите податей, прорвите цѣпь полицейскихъ, которая поставлена» и т. п., то вотъ это преступленіе предусмотрѣно дѣйствительно 274 ст. Это такъ ясно, что и разговоровъ быть не можетъ. Вы, гг. судьи, не присяжные, вамъ принадлежитъ примѣненіе самаго закона и опредѣленіе

мѣры наказанія. Вамъ могутъ сказать, что наказаніе по 1,035 ст. слишкомъ слабо, что она грозитъ заключеніемъ въ тюрьмѣ до одного года и 4-хъ мѣсяцевъ. Насчетъ этой слабости, гг. судьи, еще можно поспорить. Мой товарищъ по защитѣ, князь Урусовъ, приводилъ нѣкоторые иностранные законы; да будетъ мнѣ позволено привести одну маленькую статью изъ того же Сѣверо-Германскаго Кодекса, законодательства самаго новаго, изданія 31-го мая 1870 г., существующаго менѣе года, и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательства народа, который признается самымъ крѣпкимъ, самымъ здоровымъ въ политическомъ отношеніи. Спрашивается: какія же наказанія полагаются въ немъ за аналогическія съ настоящимъ дѣйствія. А вотъ какія наказанія. Я прочту ст. 110 этого кодекса. По этой статьѣ за воззваніе въ рѣчи или посредствомъ выставленныхъ или вывѣшенныхъ объявленій и плакатовъ къ неповиновенію или сопротивленію законамъ или постановленіямъ и распоряженіямъ властей въ предѣлахъ ихъ вѣдомства, полагается наказаніе: денежный штрафъ до 200 талеровъ или тюрьма до двухъ лѣтъ. Значитъ то преступленіе, которое предусмотрѣно въ 274 ст. улож. подводится въ Германіи подъ наказаніе несравненно болѣе легкое: тюрьма и штрафъ вмѣсто ссылки въ Сибирь на поселеніе. Какъ же послѣ того подводить еще подъ этотъ строгій законъ такія дѣйствія, которыя подъ него прямо не подходятъ?

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я полагаю, что нельзя подвести прокламацію Ткачева подъ какую бы то ни было статью, кромѣ ст. 1,035. Затѣмъ, что касается до мѣры наказанія, то мѣру эту въ тѣхъ предѣлахъ, которые я привелъ въ 1,035 ст., я предоставлю совершенно вашему усмотрѣнію; я не буду и касаться этого. Замѣчу только, что Ткачевъ сидитъ съ 26 марта 1869 г. въ заключеніи, слѣдовательно 2½ года, и сидитъ въ заключеніи одиночномъ, т. е. въ самомъ тяжеломъ какое только у насъ существуетъ. Я кончилъ.

Рѣчь въ защиту Елизаветы Томиловой.

Гг. судьи! Въ двухъ предыдущихъ моихъ рѣчахъ я стоялъ на почвѣ обвиненія. Въ дѣлѣ Кузнецова я признавалъ во всей полнотѣ и обширности приведенные обвинителемъ факты; въ дѣлѣ Ткачева хотя я и отрицалъ содержаніе обвинительнаго акта, но самъ прокуроръ отступился отъ части обвиненія и обвинялъ Ткачева только въ извѣстной прокламаціи. Но въ защитѣ г-жи Томиловой я долженъ отрицать самый фактъ, приводимый обвинительнымъ актомъ въ самомъ его основаніи. Этотъ обвинительный актъ, по моему мнѣнію, составленъ не совсѣмъ логически; въ немъ нѣтъ точной связи; онъ можетъ быть расколотъ на нѣсколько частей. Между лицами, которыя сведены въ немъ въ одну группу, нѣтъ ничего общаго. Мы видимъ въ первыхъ четырехъ подсудимыхъ, по крайней мѣрѣ, такихъ лицъ, которыя участвовали въ организаціи. Они стоятъ очевидно гораздо ближе къ 33 другимъ, которые будутъ судиться въ слѣдующей группѣ, нежели ко всѣмъ остальнымъ своимъ прежнимъ товарищамъ; остальные же подсудимые тутъ ни при чемъ. Между одной категоріей лицъ и другой категоріей нѣтъ ровно никакихъ общихъ дѣйствій. Въ настоящую минуту можно сказать, что обвиненіе падаетъ относительно Коринфскаго; другое обвиненіе совершенно измѣнилось относительно Ткачева и Дементьевой; затѣмъ изъ остальныхъ 8, по крайней мѣрѣ, три такія лица, которыя стоятъ совершенно особо отъ перваго разряда, потому что связь тѣхъ и другихъ только самъ Нечаевъ, предполагаемое возникновеніе всего тайнаго общества, еще весною 1869 года, и развитіе дальнѣйшаго этого предпріятія общими силами до самаго конца. Если бы Нечаевъ здѣсь судился, то это было бы понятно; тогда онъ былъ бы тѣмъ центромъ, къ которому стекались всѣ эти люди, какъ лучи. Но какъ скоро его нѣтъ, то внѣшнія дѣйствія пропадаютъ, то вся связь основана на чисто-субъективныхъ признакахъ, на предполагаемомъ одинаковомъ отношеніи

всѣхъ дѣйствовавшихъ къ общему дѣлу. На основаніи такихъ субъективныхъ признаковъ не бываетъ дѣленія подсудимыхъ на группы. Я думалъ, что обвиненіе впослѣдствіи отступится отъ этого дѣленія, по крайней мѣрѣ относительно Орлова, Томиловой и Волховскаго; но оно поддерживается, слѣдовательно я долженъ его оспаривать. Прежде чѣмъ я перейду къ отвѣту на всѣ возраженія обвиненія и воспользуюсь выгодами оборонительнаго положенія, я поставлю нѣсколько тезисовъ совершенно безспорныхъ, которыя помогутъ мнѣ уяснить дѣло и разрѣшить его относительно Томиловой. *Первый* тезисъ тотъ, что во всякомъ дѣлѣ преступномъ, совершенномъ однимъ человѣкомъ или многими лицами сообща, необходимо доказать въ каждомъ изъ преступниковъ присутствіе воли совершить дѣйствіе, которое произведено особнякомъ или сообща и знаніе ближайшихъ его послѣдствій. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ никто не говоритъ; они ускользаютъ отъ ума человѣческаго. Напримѣръ я даю цѣлковый нищему и не знаю, не пойдетъ ли онъ и не купитъ ли ножъ и не зарѣжетъ ли кого нибудь. Но я за это не отвѣчаю, такъ какъ мое знаніе не простиралось дальше того, что этотъ рубль очутится въ рукахъ человѣка который что съ нимъ сдѣлаетъ — неизвѣстно. Вотъ это то знаніе и должно быть доказано; его легче доказать въ ничтожныхъ обыкновенныхъ преступленіяхъ, напримѣръ въ кражѣ, подлогѣ, убійствѣ и т. п. Трудность увеличивается, когда число обвиняемыхъ ростетъ; оно велико даже и при совершенно организованномъ заговорѣ. И такъ возьмемъ настоящую организацію. Она вмѣщала въ себѣ до 50 лицъ, изъ которыхъ, не всѣ находятся на лицо; но между здѣсь находящимися лицами, какъ трудно доказать степень знанія цѣли и средствъ, осъ которыхъ зависитъ и самая квалификація преступленія: политическій заговоръ или тайное общество; напримѣръ Кузнецовъ, который далеко не зналъ конечной цѣли организаціи; да она, можетъ бить, и не была никому изъ под-

судимыхъ вполнѣ извѣстна. Трудность становится чрезвычайно большою, когда не было тайной организаціи, сложившейся въ сплоченный организмъ, когда люди дѣйствовали одушевленные одною мыслью, ибо трудно рѣшить, какъ они дѣйствуютъ — заговоромъ или скопомъ, съ согласія или безъ согласія. Во всякомъ обществѣ есть партіи. Особенность всякой партіи та, что всѣ входящія въ ея составъ лица дѣйствуютъ дружно, какъ по приказу, безъ всякаго на то между собою соглашенія. Когда является общее движеніе въ массахъ, предполагать, что это подстрекательство, значило бы поступать какъ тотъ публицистъ, который, въ виду ли французской революціи, или польскаго движенія, или студенческихъ сходокъ, или сепаратистическихъ стремленій, кричитъ не умолкая: «интрига! интрига!» Очевидно, что такое объясненіе доказываетъ только или убожество пониманія, или неразборчивость въ средствахъ, или то и другое вмѣстѣ. Люди одной партіи идутъ не сговариваясь, какъ солдаты, въ одну шеренгу, въ предѣлахъ и до предѣловъ законнаго порядка. Бываютъ такіе случаи, когда приходится перескочить черезъ этотъ барьеръ и очутиться внѣ предѣловъ законнаго порядка; перескочитъ одинъ, другой, третій; но нельзя предполагать, чтобы при перескакиваніи они были въ заговорѣ. Убѣдительный примѣръ такого дѣйствія сообща, безъ заговора—это прокламаціи по поводу студентовъ, потому что Енишерловъ пишетъ ихъ, есть нѣчто подобное и у Волховскаго, наконецъ является прокламація «Къ обществу» Ткачева. Предполагать, что всѣ эти три статьи исходятъ изъ одного источника невозможно, но они порождены одною причиною. *Второе* мое положеніе слѣдующее: одинъ и тотъ же человѣкъ мѣняется въ различные періоды своей жизни и дѣятельности. Напримѣръ Магницкій, другъ и домашній у Сперанскаго, не похожъ на Магницкаго, попечителя Казанскаго университета. Сперанскій много разъ мѣняется. Бонапарте консулъ не похожъ на Наполеона императора. Перемѣна

въ лицѣ бываетъ на столько велика, что ее надо принимать въ соображеніе въ особенности когда привлекается кто-нибудь къ отвѣтственности на основаніи знакомства съ этимъ мѣняющимся въ своихъ качествахъ лицомъ. Нужно сказать къ какому періоду знакомства относится то или другое обстоятельство, въ которомъ обвиняютъ человѣка. Въ настоящемъ случаѣ этихъ періодовъ два и они обозначены рѣзко и въ обвинительномъ актѣ и въ обвинительной рѣчи г. прокурора. Г. прокуроръ раздѣляетъ преступную дѣятельность Нечаева отъ студенческихъ сходокъ до пріѣзда его въ Россію и затѣмъ отъ пріѣзда въ Россію до конца. Между этими періодами находятся, безъ сомнѣнія, бытность Нечаева въ Женевѣ, связь его съ лицами, тамъ находящимися, полученіе отъ нихъ извѣстныхъ идей, извѣстныхъ правилъ, которыми онъ позаимствовался. Наконецъ, *третье* мое положеніе слѣдующее: что государственный преступникъ, заговорщикъ, имѣющій въ виду ниспроверженіе существующаго порядка, есть все-таки, несмотря ни на что, человѣкъ, т. е. лицо, которое имѣетъ своихъ знакомыхъ, родныхъ, близкихъ; значитъ, если даже онъ находится на незаконномъ пути, и они, зная это, давали ему деньги, оказывали какую нибудь услугу, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ помощь была непремѣнною лептою на альтарь общаго дѣла. Она можетъ быть просто на просто личнымъ одолженіемъ. Она можетъ истекать изъ личныхъ отношеній того, кто оказалъ, тому, кому оказана. Допустимъ такой случай: приходитъ къ кому-нибудь пріятель, преслѣдуемый, хотя бы за студенческое движеніе, хотя бы даже и за большее преступленіе, и говоритъ: «Я пропадаю. Дай мнѣ сто рублей, они мнѣ необходимы, чтобы бѣжать». Дать ему—это, можетъ быть, составитъ укрывательство; но считать, чтобы этотъ человѣкъ тою дачею, которую онъ сдѣлалъ, вошелъ въ заговоръ и сдѣлался соучастникомъ революціи—вотъ что невозможно. Теперь послѣ этихъ положеній постараюсь объяснить и вполнѣ оправдать Томилову.

Исторія ея весьма коротка. Вѣроятно, всякій изъ насъ знаетъ дома средней руки, небогатые, но гостепріимные и открытые, въ особенности для молодыхъ людей. Хозяева ихъ чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Несмотря на ограниченныя средства, у нихъ всегда найдется для гостя лишній приборъ за столомъ, лишняя чашка чаю и даже лишняя кровать. Хозяева небогаты, но и гости невзыскательны; здѣсь господствуютъ неумолкаемый смѣхъ, неподдѣльная веселость. Умѣнье со стороны хозяина стать на одну доску съ молодыми людьми дѣлаетъ то, что исчезаетъ различіе возрастовъ. Я знаю, что память о такихъ домахъ принадлежитъ къ самымъ чистымъ и золотымъ воспоминаніямъ моей юности. Такимъ домомъ былъ домъ полковника Томилова. Томиловъ отставной горный инженеръ, больной, любящій книги, любящій молодежь, большой идеалистъ. Заключеніе его жены свело его въ могилу. Она урожденная Дриттенпрейсъ, женщина прилежная, трудящаяся. Они были бездѣтны; средства ихъ были малыя, такъ что, вслѣдствіе этого стѣсненнаго положенія, она должна была купить швейную машину, принимать заказы и заниматься работой. Въ этотъ домъ, тихій, спокойный, весьма буржуазный, вошелъ Нечаевъ и внесъ несказанное горе. Нечаевъ явился къ Томиловой въ 1868 году, познакомясь съ нею совершенно случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Онъ пришелъ къ ней подъ видомъ полученія латинскихъ уроковъ, познакомился, зашелъ разъ, другой, понравился, какъ человѣкъ бойкій; рѣзкость его манеръ, рѣзкость рѣчи принимали за откровенность и прямоту. Нечаевъ, вообще, человѣкъ, могущій производить впечатлѣніе, внушать уваженіе къ себѣ и даже привязывать, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ привязывался. Отношенія были еще довольно далеки до тѣхъ поръ, пока Нечаевъ не вздумалъ помѣстить свою сестру у г-жи Томиловой. Извѣстно, какъ состоялось дѣло. Сестра жила у брата. Она приходила къ Томиловой только работать, и вечеромъ кто-нибудь,

или Томилова или Евлампій Аметистовъ, отводили ее изъ Поварскаго въ Сергіевскую. Такъ было до Рождества. Послѣ Рождества сестра Нечаева заболѣла тифомъ. У брата не было женщины, которая бы могла быть сидѣлкой; въ квартирѣ у него были классы и нѣсколько комнатъ, гдѣ жили онъ да Аметистовъ. Вотъ г-жа Томилова, изъ состраданія къ этой молодой дѣвушкѣ, которую она полюбила, потому что эта дѣвушка необразованная, полуграмотная, неразвитая, имѣла, однако, прирожденныя способности и хорошія наклонности, стала ходить и просиживать у ней вечера до поздней ночи. Тутъ, весьма естественно, она сблизилась со студенческимъ движеніемъ, которое впрочемъ, не было для нея новостью. Я думаю, что едва-ли кто-нибудь изъ петербургскихъ жителей высшихъ классовъ не соприкасался со студенческимъ движеніемъ 1861 года. Г-жа Томилова охотно согласилась пойти на сходки и бывала на нихъ. Къ ней доходили слухи о томъ, какъ развивается это движеніе, что такое Езерскій, что такое Нечаевъ, какія противоположности партій. Наконецъ Нечаевъ начинаетъ поговаривать, что онъ опасается за себя, что его требуютъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера. Разъ приходитъ онъ встревоженный и говоритъ: «прощайте! можетъ быть, не увидимся», и исчезаетъ. Чрезъ нѣсколько дней является записка отъ студента и отъ Нечаева, записка, которая служила документомъ, удостовѣряющимъ поддѣльное бѣгство Нечаева изъ Петербурга. Г. прокуроръ указывалъ на то, что отношенія Томиловой должны были быть близки къ Нечаеву, когда она такъ встревожилась запискою, что, несмотря на то, что была больна, заразившись тифомъ, бѣгала, отыскивала, хотѣла разъяснить дѣло. Я могу вывести изъ этого факта совершенно другое заключеніе: я вижу только, что отношенія Томиловой къ Нечаеву были искреннія; но они не были искренни со стороны Нечаева къ г-жѣ Томиловой, когда онъ и для нея сдѣлалъ изъ бѣгства

секретъ и обманъ. когда прислалъ эту бумагу и заставилъ ее таскаться по Васильевскому острову и другимъ мѣстамъ. Однимъ словомъ, до конца 1869 года не можетъ быть рѣчи ни о какой отвѣтственности г-жи Томиловой, ни о знаніи ея о намѣреніяхъ и планахъ Нечаева. Первый видный слѣдъ революціонныхъ замысловъ по указанію обвиненія—это та безъимянная программа революціи, которая ходила по рукамъ, и которую считаютъ доказательствомъ, что планъ дѣйствій Нечаева явился раньше бѣгства его за границу, документъ весьма сомнительный. Исходною точкою этой революціонной программѣ служитъ фактъ позднѣйшій — высылка студентовъ изъ Петербурга, случившаяся въ апрѣлѣ, а Нечаевъ бѣжалъ въ концѣ января. Слѣдовательно, до бѣгства Нечаева изъ Петербурга въ Москву г-жа Томилова совершенно къ дѣлу не причастна. Значитъ, когда же она сдѣлалась причастною? Когда-нибудь должно было явиться знаніе и одушевленное знаніемъ содѣйствіе. Г. прокуроръ строго проводилъ эту мысль для всѣхъ подсудимыхъ въ этомъ преступленіи, то есть предусмотрѣнномъ 249-ю и 250-ю ст. уложенія. Онъ поставилъ себѣ задачею показать въ каждомъ изъ подсудимыхъ знаніе о цѣли и совершеніе пріуготовительныхъ дѣйствій, разумѣется, совершенныхъ съ знаніемъ цѣли, а о знаніи цѣли были кое-какія данныя и намеки, но относительно всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ первыхъ четырехъ, пріуготовительныя дѣйствія обойдены у г. прокурора молчаніемъ, потому что ихъ въ дѣлѣ нѣтъ. Если г-жа Томилова вошла въ это общество формально, или поддерживала самое революціонное предпріятіе хотя и не формально, то она должна была быть кѣмъ нибудь посвящена въ это общество или предпріятіе. Единственнымъ такимъ лицомъ является Орловъ. Отъ него вполнѣ зависитъ обвиненіе г-жи Томиловой: виноватъ Орловъ—тогда еще вопросъ виновата ли г-жа Томилова или нѣтъ, но когда Орловъ не виноватъ, тогда не можетъ быть и рѣчи объ обвиненіи Томило-

вой, потому что единственной уликой противъ Томиловой служатъ тѣ письма, изъ которыхъ одно было къ Орлову, тѣ деньги, относительно которыхъ Орловъ сказалъ, что онъ просилъ Томилову послать ихъ Нечаеву; затѣмъ записки Орлова и, наконецъ, послѣднее письмо, котораго г-жа Томилова не читала и, слѣдовательно, за которое она не можетъ отвѣчать. Итакъ, вотъ положеніе дѣла: или Орловъ виноватъ, и тогда о виновности Томиловой еще можно поспорить; или Орловъ не виноватъ, и тогда всякое сомнѣніе относительно виновности Томиловой падаетъ само собою. Что касается до отношеній Орлова къ Томиловой, то прежде всего надо опредѣлить, что за человѣкъ Орловъ? При этомъ я долженъ оговориться... Я нисколько не желаю бросать тѣнь на показанія Орлова и на способъ его держать себя на судѣ; но, однако-же, я не могу согласиться съ нѣкоторыми его объясненіями, которыя противорѣчатъ показаніямъ Томиловой. Г. Орловъ, человѣкъ не очень бойкій и развязный; онъ съ трудомъ соединяетъ и высказываетъ свои идеи; товарищи считали его способнымъ и говорили даже, что изъ него выйдетъ другой Пушкинъ. Но во всякомъ случаѣ большой послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ и мысляхъ нѣтъ; онъ самъ признавался, что не можетъ объяснить многаго, что говорилъ и писалъ. Орловъ едва ли по своей натурѣ можетъ быть способенъ къ дѣятельному участію въ дѣлѣ, хотя такомъ, какъ настоящее, требующемъ все-таки гораздо болѣе послѣдовательности. Орловъ объясняетъ свой пріѣздъ въ Петербургъ въ мартѣ разными соображеніями, напримѣръ сердечною наклонностью къ Нечаевой. Это можетъ быть, но во всякомъ случаѣ въ этомъ разсказѣ о Петербургѣ для меня есть много сомнительнаго, напримѣръ, его болѣзненное нежеланіе быть нахлѣбникомъ. Онъ нахлѣбникомъ не былъ у Томиловой; домъ ея былъ открытый и слѣдовательно, если ему случилось переночевать одинъ—два раза и даже много разъ, то это еще не значитъ нахлѣбничество—въ этомъ

гостепріимномъ домѣ бывали многіе. Я полагаю, что дѣло объясняется весьма просто: Орловъ струсилъ и сталъ даже отказываться отъ такихъ вещей, въ которыхъ онъ могъ бы чистосердечно и искренно сознаться. Орловъ, узнавъ, что Нечаевъ такой страшный преступникъ, такая, какъ онъ выразился, позорная личность, говоритъ, что онъ не питалъ къ нему особенной дружбы, что единственное, что влекло его къ Нечаеву, это была любовь къ его сестрѣ. Но весьма легко предположить, что онъ былъ подъ вліяніемъ Нечаева не организатора, сговаривавшагося въ Женевѣ съ выходцами, а Нечаева-товарища, который велъ студенческія движенія и который убѣжалъ изъ Петербурга. Для этого-то Нечаева, изъ личной къ нему дружбы, онъ старался дѣлать многое, но эта услужливость не можетъ быть уликой противъ Орлова въ государственномъ преступленіи, даже если-бы и было обнаружено по дѣлу, что Орловъ зналъ, что Нечаевъ отправился за границу; еслибы онъ получалъ какія нибудь письма изъ-за границы, то и это также еще ничего не значитъ, потому что письма изъ-за границы можетъ получать всякій. Зналъ-ли Орловъ, что будетъ къ нему письмо отъ Нечаева, или нѣтъ — я не знаю; но если бы онъ зналъ, что письма будутъ, то и въ этомъ еще нѣтъ ничего преступнаго. Письмо получается; письмо это пришло около 14-го или 15-го марта; оно, какъ говоритъ г-жа Томилова, было предназначено для Орлова, содержало требованіе денегъ; Орловъ отрицаетъ это обстоятельство, но есть свидѣтельница—сестра Нечаева, которая подтвердила полученіе этого письма. Поэтому я полагаю, что есть основаніе думать, что письмо было. Можетъ быть оно было написано безъ вѣдома Орлова, но во всякомъ случаѣ было прислано письмо изъ Брюсселя, въ которомъ говорилось; «пришли денегъ». Орловъ туда-сюда, но денегъ найти не можетъ, товарищи не даютъ, взять негдѣ, онъ и обратился съ просьбою къ Томиловой. Въ этомъ дѣлѣ онъ поставилъ себя слѣдующимъ образомъ: онъ

позировалъ, онъ хотѣлъ возбудить участіе къ себѣ въ молодой дѣвушкѣ, но чѣмъ же выразить это участіе, какъ не тѣмъ, чтобы показать, что онъ интересуется тѣмъ дѣломъ, которое велъ ея братъ; что онъ знается съ тѣми лицами, которыя помогаютъ студентамъ; наконецъ онъ самъ намѣренъ собирать складчину. Съ другой стороны онъ, стараясь возвысить себя тѣмъ, что онъ человѣкъ образованный, развивалъ предъ ними разныя соціальныя теоріи. Г. Орловъ былъ въ величайшемъ затрудненіи, денегъ у него не было, онъ и обратился къ г-жѣ Томиловой: «дайте, пошлите, я черезъ три недѣли доставлю». У Томиловой средства весьма ограниченныя, но какъ разъ у ней подвернулись сто рублей, она согласилась, отправилась къ Гинсбургу и послала деньги по адресу: Николаеву, въ Брюссель. Она значитъ знала, что въ Брюсселѣ съ паспортомъ Николаева сидитъ Нечаевъ, бѣжавшій съ чужимъ паспортомъ за студенческую исторію, человѣкъ знакомый, пріятель. Если бы такъ случилось, что положимъ разбойникъ, совершившій одно убійство, пришелъ бы къ пріятелю и сказалъ: «я умираю съ голоду, дай мнѣ поѣсть!» тотъ накормилъ, разбойникъ ушелъ и совершилъ два или три убійства, можно ли допустить, чтобы въ этомъ кускѣ хлѣба, данномъ этому разбойнику, заключалось приготовительное средство для совершенія двухъ или трехъ убійствъ, средство къ совершенію преступленія—средство объективное, а не средство для поддержанія существованія самого преступника. Такимъ образомъ по этому пункту Томилова не подлежитъ ровно никакой отвѣтственности. Она дала деньги, дала ихъ заимообразно и надѣялась выручить ихъ, потому что Орловъ сказалъ, что онъ знаетъ людей, которые занимаются складчиной для студентовъ, и что эти деньги можно собрать въ селѣ Ивановѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но Орловъ увидѣлъ вскорѣ, что денегъ этихъ ему все таки не достать, увидѣлъ также, что студенческое движеніе, о которомъ онъ такъ много разсказывалъ г-жѣ

Томиловой, тоже принимаетъ оборотъ весьма неблагопріятный. Наконецъ, какъ человѣкъ не героическаго характера, онъ просто струсилъ. Одно письмо пришло изъ-за границы все-таки отъ бѣглеца, можетъ быть придетъ другое, третье. Всѣ эти причины въ совокупности ихъ и заставили Орлова убояться и удрать изъ Петербурга куда нибудь подальше, въ землю Донскихъ казаковъ. Уѣзжая, онъ хотѣлъ какъ нибудь развязаться съ г-жею Томиловой, чѣмъ нибудь свое обязательство замазать—онъ уѣзжаетъ, а деньги не возвращены. Онъ и выбралъ послѣднія 10 минутъ до отхода поѣзда, приходитъ къ ней, суетъ ей въ руки записки и говоритъ: «я уѣзжаю, вотъ это записки, вы дадите тѣмъ, которые собираютъ складчину!» Г-жа Томилова оставила эти записки, довольно подозрительныя, въ которыхъ говорится «ходъ дѣла», «планъ дѣла», «всѣ друзья по дѣлу» и т. д. Но, гг. судьи, возьмите, во 1-хъ, въ соображеніе, какія лица названы въ этихъ запискахъ? Ралли, Аметистовъ, т. е. тѣ лица, которыя знались съ Нечаевымъ только во время студенческой исторіи и которыя въ организаціи не бывали. Затѣмъ темнота выраженія ничего не доказываетъ, потому что Орловъ далеко не логическій человѣкъ, какъ всѣ остальные: многое у него перепутывалось въ головѣ, ну это и сказалось въ запискахъ. Говорятъ: «зачѣмъ же она не уничтожила эти записки, зачѣмъ она сохранила ихъ?» Да, дѣйствительно, ей слѣдовала бы уничтожить. Впрочемъ не только женщина, но и мужчина иногда попадается вслѣдствіе того, что не уничтожилъ извѣстнаго письма, документа—много бываетъ такихъ случаевъ. У г. Ткачева есть письмо г-жи Еврейновой, отрывокъ изъ котораго довольно подозрителенъ. Но на отрывокъ этотъ обвинительная власть даже не ссылается, потому что если взять этотъ отрывокъ въ связи съ другимъ письмомъ, то всякое подозрѣніе исчезнетъ и только отдѣльныя фразы могли показаться подозрительными. *Точно* также было и здѣсь. Г-жа Томилова не уничто-

жила ихъ, потому что она, по ея словамъ, надѣялась посредствомъ этихъ записокъ выручить свои деньги. Я могу прибавить еще другое. Эта женщина довольно чувствительная, а для женщины чувствительной чрезвычайную драгоцѣнность составляютъ малѣйшія воспоминанія: отъ одного она беретъ ленточку, отъ другого книгу, записку и т. д. Я зналъ женщинъ, у которыхъ цѣлые комоды и шкапы были завалены такими сувенирами, въ числѣ которыхъ были и весьма громоздкіе. За это сохраненіе нѣтъ возможности обвинять г-жу Томилову; она женщина весьма добродушная, ко всѣмъ относится одинаково: и Нечаевъ хорошій человѣкъ, и Орловъ хорошій человѣкъ, хотя чудакъ—эти записки его, какъ сувениры, она и уложила у себя и оставила.

Затѣмъ идетъ второе письмо, уже болѣе темное, полученное послѣ отъѣзда Орлова. Оно было сожжено. Письмо это заставило г-жу Томилову задуматься. Потомъ она получила вторую телеграмму, 29-го марта, тоже совсѣмъ непонятную для нея, о какомъ-то Стопинскомъ, который такъ-таки и остался неразгаданнымъ человѣкомъ. И эта телеграмма осталась безъ передачи, потому что Орлова не было. Томилова сожгла телеграмму. Наконецъ получается третье письмо. Г. прокуроръ предполагалъ изъ того, что я требовалъ, чтобы письмо вошло въ число вещественныхъ доказательствъ въ подлинникѣ, а не въ копіи, что я будто мѣчу на то чтобы исключить эту копію изъ числа вещественныхъ доказательствъ. Мысль моя была совершенно другая. Препровожденная копія доставлена изъ III Отдѣленія. Томилова утверждаетъ, что при первоначальномъ дознаніи ей показывали копію и втораго письма, которое она уничтожила. Я полагаю, что и первое письмо было извѣстно, можетъ быть даже копія его существуетъ, изъ чего я заключаю, что въ цѣлой предыдущей корресподенціи Нечаева не заключалось ничего предосудительнаго и подозрительнаго. Значитъ вся сила только въ этомъ третьемъ письмѣ, гдѣ говорится: «за чѣмъ ко мнѣ не пишете, зачѣмъ не

присылаете мнѣ денегъ; я сгораю нетерпѣніемъ, дѣло идетъ быстро, заварится каша не только въ Россіи, но и во всей Европѣ». Гг. судьи, если бы было доказано, что послѣ прочтенія этого письма г-жа Томилова сдѣлала что нибудь для Нечаева, послала ему денегъ, оказала какую нибудь помощь, то можно бы еще подумать, что она была поставлена въ извѣстность о дѣйствіяхъ Нечаева; но эти письма и суть первое поставленіе ее въ извѣстность о революціонномъ дѣлѣ. Г. прокуроръ указываетъ, что отношенія Нечаева и Томиловой были искренни; если онъ писалъ ей такія письма, то слѣдовательно это были отношенія дружбы. Но я уже говорилъ, что если эти отношенія были дружественны со стороны Томиловой, то со стороны Нечаева, наоборотъ. Г. Нечаевъ, по всему, что мы о немъ знаемъ. такой человѣкъ, который именно этихъ чувствъ не питаетъ особенно ни къ кому, и это свойство онъ возводитъ даже въ теорію, въ принципъ; вы читали катехизисъ и знаете что тамъ говорилось: «прочь всякая сантиментальность и всякій романтизмъ, нужно жертвовать всѣмъ». Вы знаете какъ опредѣлялись отношенія къ женщинамъ низшихъ категорій, говорилось, что ими можно пользоваться какъ мужчинами первыхъ категорій, т. е. ихъ можно топить, подводить и т. д. Нечаевъ дѣйствительно считаетъ себя обреченнымъ дѣлу революціи; но эту революцію онъ считалъ своею собственностю, значитъ располагалъ безцеремонно въ свою пользу всѣми людьми, завербованными въ дѣло, и даже незавербованными, какъ капиталомъ. Онъ дѣлалъ это на каждомъ шагу, и съ какою при томъ безсердечностью?— вспомните тотъ эпилогъ той комедіи, которая разыгралась на Руси, эпилогъ весьма печальный. Въ то время когда Успенскій взятъ и сидитъ въ тюрьмѣ, когда схвачены многіе, когда большая часть организаціи выловлена и люди, которыхъ Нечаевъ подводилъ, наполняютъ казематы, въ это самое время Нечаевъ ѣдетъ въ Москву и сочиняетъ извѣстное вамъ послѣднее свое

литературное произведеніе о томъ, какъ Нечаева поймали въ Тамбовѣ, какъ везутъ его въ Пермь, какъ отвозятъ потомъ дальше и держатъ тамъ, и наконецъ, какъ извѣстіе о его смерти доводится по телеграфу до Петербурга. Съ этимъ извѣстіемъ онъ послалъ г-жу Александровскую въ Женеву. Александровская была арестована 11-го января 1870 г.

Я кончилъ, гг. судьи! Полагаю, что во всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять Томилову. Дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Оно сложное; оно состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: одинъ изъ нихъ—за границею и не подлежитъ суду, другой—здѣсь; общій узелъ Нечаевъ, который не находится въ рукахъ правосудія. Возмѣщать на одномъ изъ факторовъ все что сдѣлано обоими, было бы крайне несправедливо. Еще несправедливѣе казнить за Нечаева, за государственное преступленіе женщину, которая только тѣмъ согрѣшила, что была добродушна и сострадательна. Что касается до перваго элемента, государственнаго преступленія, то и противъ него приняты самыя дѣйствительныя мѣры — это опубликованіе преступныхъ дѣйствій, представленіе ихъ на судъ публики, на судъ всей Россіи, на судъ всей Европы. Я полагаю, что нѣтъ средства болѣе сильнаго, болѣе способнаго поразить этихъ людей, какъ та широкая, полнѣйшая гласность, съ которою происходитъ первый политическій процессъ въ Россіи.

По резолюціи суда 15 іюля о подсудимыхъ первой группы, Кузнецовъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ, Ткачевъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ и 4 мѣсяца. Томилова была оправдана.

(См. «Правительственный Вѣстникъ» 1871 г. № 156 и послѣдующіе).

9.

Дѣло дворянина Полякова, обвиняемаго въ нарушеніи законовъ о печати.

Дворянинъ Поляковъ издалъ книгу I-й томъ сочиненія Гартполя Лекки, переведенную съ англійскаго А. Н. Пыпинымъ, подъ заглавіемъ: «Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ». Цензурный комитетъ призналъ, что эта книга содержитъ въ себѣ сужденія о религіозныхъ предметахъ, и потому должна подлежать предварительно разсмотрѣнію духовной цензуры. А такъ какъ она была издана безъ предварительнаго просмотра духовной цензуры, то, арестовавъ экземпляры, комитетъ возбудилъ противъ издателя уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1024 ст. улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ 3 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда 13 сентября 1871 г.

Гг. судьи, 5-го апрѣля 1865 года изданъ законъ, даровавшій такъ-называемую свободу печати, т. е. право авторамъ печатать произведенія извѣстнаго рода и объема, не посылая свои рукописи предварительно въ цензуру. Въ 1866 году вошли въ дѣйствіе новые суды, получившіе власть разрѣшать непредвидѣнные въ законѣ случаи по общему духу законовъ. Какъ ни молоды наши законы о печати, какъ ни новы наши судьи, тѣмъ не менѣе, образовались уже нѣкоторые прецеденты, есть протоптанныя дорожки, вслѣдствіе чего, при возникновеніи какого-нибудь вопроса, необходимо прежде

[redacted]

всего обратиться къ этимъ прецедентамъ, разобрать ихъ, и, такъ сказать, выжать изъ нихъ весь сокъ. Такимъ образомъ, я прежде всего начну съ разбора этихъ прецедентовъ и, затѣмъ, обращусь къ разсмотрѣнію самой книги. Прецедентовъ этихъ три: вопервыхъ, дѣло Павленкова, разрѣшенное въ іюлѣ 1869 года, затѣмъ, дѣло Гайдебурова по поводу книги Вундта «О душѣ», и, наконецъ, приговоръ сената о книгѣ, изданной Щаповымъ, «Письма объ Англіи Луи-Блана». Первое изъ этихъ рѣшеній, по дѣлу Павленкова, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важное начало, а именно то, что напечатаніе книги, еслибъ въ немъ и заключалось преступленіе, безъ выпуска книги въ свѣтъ, есть вообще, само по себѣ, только приготовленіе къ преступленію, а такъ какъ вообще приготовленіе, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, ненаказуемо, то ни о какой личной отвѣтственности издателя не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, и въ двухъ другихъ рѣшеніяхъ по дѣлу Гайдебурова и Щапова сенатъ занялся чрезвычайно важнымъ вопросомъ проведеніемъ границъ между свободою печатнаго слова и вѣдомствомъ духовной цензуры. Вопросъ этотъ не могъ даже и возникать прежде, потому что были два вѣдомства цензурныя: одно духовное, другое свѣтское. Споръ о томъ, которому изъ двухъ подлежалъ просмотръ книги, разрѣшался сношеніемъ этихъ двухъ вѣдомствъ, причемъ самъ авторъ не принимался въ разсчетъ. Рукопись поступала къ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, а потомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который отмѣчалъ то, что подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры и сколько мнѣ извѣстно, никогда духовная цензура не считала, что ей отмѣчено слишкомъ мало мѣстъ подлежащихъ ея сужденію; если и были какія-нибудь столкновенія, то они разрѣшались непосредственнымъ сношеніемъ между двумя администраціями. Положеніе это существенно измѣнилось, когда авторамъ предоставлено было право печатать свои произведенія безъ представленія рукописей въ цензуру.

Стали лицомъ къ лицу, съ одной стороны, вѣдомство духовное, съ другой—частный человѣкъ съ его правами и интересами. Очевидно, что при разграниченіи могли быть двѣ крайности, между которыми надлежало проложить средній путь. Одна крайность заключалась бы въ томъ, еслибъ въ духовную цензуру ничего не было отсылаемо. Ясно, что законъ 5-го апрѣля 1865 года относительно этого вопроса сохранялъ полнѣйшее *statu-quo*, т. е., предоставляя свободу печати, нисколько не предполагалъ умалить вѣдѣніе духовной цензуры или дать какое-нибудь послабленіе распространенію въ народѣ книгъ антирелигіознаго содержанія. Другая крайность имѣла бы мѣсто, еслибъ съ закономъ 5-го апрѣля, въ вѣдомство духовной цензуры перешла гораздо большая часть произведеній, чѣмъ прежде, еслибъ въ это вѣдомство должны были поступать всѣ книги научнаго содержанія, гдѣ говорится что-нибудь о Богѣ, о предметахъ религіозныхъ и вообще о проявленіяхъ религіозныхъ чувствъ, безъ каковыхъ предметовъ никакая серьезная книга обходиться не можетъ. Сенатъ рѣшилъ этотъ вопросъ по дѣлу Гайдебурова, сказавъ, что указъ 5-го апрѣля нисколько не имѣлъ задачею расширить вѣдомство духовной цензуры. Такое расширеніе, которое бы подчинило вѣдѣнію духовной цензуры всѣ сочиненія, касающіяся, въ какомъ бы то ни было отношеніи, духовныхъ предметовъ, было бы даже вредно религіи: оно не содѣйствовало бы распространенію религіознаго чувства, потому что тогда, во избѣжаніе стѣснительныхъ формальностей, авторы старались бы избѣгать всего, что только касается божественнаго, и литература стала бы относиться крайне индиферентно къ богословскимъ вопросамъ. Въ интересахъ духовной цензуры поставленъ однако, былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли наказывать сочинителя, или издателя, который бы не усомнился, нѣтъ ли въ книгѣ его чего нибудь подлежащаго просмотру духовной цензуры, и который бы, не усомнившись, не представилъ книги на предварительный просмотръ, а

между тѣмъ, въ ней оказались бы мѣста духовнаго содержанія. Правительствующій сенатъ по дѣлу Гайдебурова положительно разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что никакая обязанность сомнѣваться и догадываться, нѣтъ ли въ книгѣ мѣстъ, подлежащихъ духовной цензурѣ не лежитъ на авторѣ, или издателѣ, и что за непредставленіе книги, или такихъ мѣстъ въ книгѣ, въ духовную цензуру, онъ не можетъ подлежать никакой отвѣтственности. Но какимъ образомъ опредѣлить, должна ли книга идти въ духовную цензуру, когда авторъ утверждаетъ, что не должна? Для этого слѣдуетъ обратиться къ толкованію 37-го и 38-го §§ цензурнаго устава. На основаніи этихъ двухъ статей, предварительной духовной цензурѣ можетъ подлежать книга или въ цѣломъ объемѣ, или въ отдѣльныхъ частяхъ. Что касается книгъ, подлежащихъ предварительной духовной цензурѣ въ цѣломъ объемѣ, то въ ст. 37-й онѣ опредѣляются такимъ образомъ: «Книги, *занимающіяся изложеніемъ догматовъ вѣры, толкованіемъ священнаго писанія, проповѣди* и т. п., словомъ, всѣ тѣ книги, которыя гораздо подробнѣе перечислены въ ст. 199-й ценз. устава, съ подраздѣленіемъ ихъ на 8 различныхъ категорій, а именно: сочиненія, относящіяся до церковнаго служенія, и житія святыхъ; коментаріи на священное писаніе; церковная исторія; книги, предназначаемыя для употребленія въ духовныхъ училищахъ и т. д. и т. д. Слѣдовательно, для признанія книги подлежащею въ цѣломъ составѣ предварительной духовной цензурѣ, необходимо признать, что она подходитъ подъ одинъ изъ 8-ми разрядовъ, указанныхъ и въ ст. 199-й устава; если же книга не содержитъ въ себѣ ничего подобнаго, то она не можетъ подлежать духовной цензурѣ, не подлежитъ также и какая-нибудь цѣльная отдѣльная ея часть. По дѣлу Гайдебурова о книгѣ Вундта, указываемо было на 8 лекцій, посвященныхъ религіозному чувству и его различнымъ проявленіямъ, происхожденію религій и т. п. Сенатъ при-

зналъ, что всѣ эти восемь лекцій, составляющія часть книги, подлежатъ духовной цензурѣ. Что касается отдѣльныхъ мѣстъ въ книгѣ совершенно духовнаго содержанія, то правительствующій сенатъ занимался этимъ вопросомъ преимущественно по дѣлу Щапова и пришелъ, по этому поводу, къ такимъ заключеніямъ, которыя могутъ имѣть отчасти руководящее значеніе. Въ данномъ случаѣ правительствующій сенатъ нашелъ, что авторъ можетъ разсуждать о всѣхъ церквахъ и вѣроисповѣданіяхъ, кромѣ православнаго, т. е., что можно разбирать все, происходящее въ нѣдрахъ римскаго католицизма и протестантизма, что можно даже свободно разсказывать о томъ, что происходитъ въ русскомъ расколѣ, такъ какъ подобныя сужденія и сообщенія допускались цензурою свѣтскою безъ отсылки въ цензуру духовную; значитъ и на будущее время слѣдуетъ держаться той-же самой практики. Что же касается общихъ сужденій и умозаключеній, касающихся догматовъ вѣры и религіозныхъ ученій, то на этотъ счетъ сенатъ остановился на слѣдующемъ различіи: бывали случаи, когда авторъ, излагая свое убѣжденіе, старается что-нибудь доказать и убѣдить въ томъ же другихъ, то-есть, когда онъ придаетъ излагаемой имъ мысли дидактическую форму. Въ такомъ случаѣ произведеніе его подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры; если же авторъ только разсказываетъ о томъ, что происходило въ православной церкви, то мѣста эти не подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры.

По дѣлу Щапова представляется слѣдующій замѣчательный примѣръ: Луи-Бланъ разсуждаетъ въ одномъ письмѣ о преимуществѣ протестантизма передъ католицизмомъ и видитъ одно изъ самыхъ существенныхъ преимуществъ протестантизма въ томъ, что онъ неспособенъ къ тиранніи, т. е. предоставляетъ болѣе простора каждому вѣрить по своему. Эта мысль найдена правительствующимъ сенатомъ совершенно возможною въ печати, безъ отсылки книги въ духовную цензуру, потому что это сужденіе иновѣрца объ иновѣрческихъ же

вѣроисповѣданіяхъ и, слѣдовательно, не касается православія. Подлежащими духовной цензурѣ найдены только два мѣста, отчасти дидактическаго характера. Если остановиться на этомъ коренномъ правилѣ, которое дано сенатомъ для руководства судамъ въ подобныхъ случаяхъ, то надо сознаться, что правило это чрезвычайно тонкое, что если оно и послужило къ разрѣшенію недоумѣній по дѣлу Щапова, то къ другимъ подобнымъ же случаямъ оно должно быть примѣняемо съ разборчивостью и осторожностью. Правило это столь тонко, какъ, напримѣръ, остріе иголки: оно основано на формѣ; но всякій знаетъ, что форма въ сочиненіи не есть самое главное, что авторъ въ другой формѣ можетъ провести ту же мысль и произвести то же самое впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, одною только ловкою группировкою фактовъ можно достичь того, что изъ нихъ всякимъ смышленнымъ читателемъ будетъ выведено то заключеніе, котораго желалъ авторъ и которое другой авторъ облекъ бы въ дидактическую, поучительную форму. Такимъ образомъ, всегда представляется возможность обойти то правило, которое поставлено въ руководство правительствующимъ сенатомъ. Сверхъ того, я полагаю, что сенатъ, конечно, не имѣлъ въ виду отсылать въ духовную цензуру такія сужденія, даже и въ дидактической формѣ, которыя, очевидно, согласны съ катехизисомъ и не противорѣчатъ ни христіанской вѣрѣ, ни православію. Напримѣръ, еслибъ я хотѣлъ выразить мысль, что я вполнѣ вѣрю въ будущую жизнь, что я вполнѣ вѣрую въ Христа, какъ Спасителя рода человѣческаго, то, спрашивается, возможно ли, чтобъ такая мысль, очевидно вполнѣ согласная съ ученіемъ православной церкви, подлежала просмотру духовной цензуры и чтобъ авторъ, ее выразившій, долженъ былъ подвергаться той задержкѣ, тѣмъ стѣсненіямъ, какими сопровождается отсылка книгъ вообще въ какую угодно предварительную цензуру. Однимъ словомъ, я полагаю, что и сенатъ, оставляя два мѣста у Луи-Блана, под-

лежащія отсылкѣ въ духовную цензуру, вникъ въ ихъ содержаніе и, по крайней мѣрѣ, усомнился въ томъ, согласны ли эти два мѣста съ катехизисомъ. Я полагаю, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ происходитъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ нѣчто подобное тому, что происходило въ римско-католической церкви въ средніе вѣка. Тогда судилъ еретика сначала судъ духовный, который, произнеся надъ нимъ, такъ сказать, *теоретическое* осужденіе, отсылалъ его суду свѣтскому, который и совершалъ надъ нимъ ауто-да-фе. У насъ съ книгою поступается наоборотъ: ее просматриваетъ сначала судъ свѣтскій; но когда онъ отсылаетъ отдѣльныя мѣста въ духовную цензуру, то его отсылка по отношенію къ этимъ мѣстамъ имѣетъ для этихъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ, значеніе обвинительнаго акта. Важнѣе чѣмъ руководящее начало сената, основанное на формѣ, то, что сенатъ пропустилъ лекціи Вундта, касающіяся исторіи религій, и призналъ, что сочиненія научнаго содержанія должны подвергаться гораздо меньшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ сочиненія легкія, беллетристическія. Думаю, что я покончилъ со всѣми прецедентами и теперь могу прямо обратиться къ книгѣ Лекки, т. е. разобрать ее по содержанію.

Всякая книга, по закону, можетъ подлежать предварительной духовной цензурѣ или въ цѣломъ объемѣ, по 37-й ст. цен. уст., или въ отдѣльныхъ частяхъ, на основ. 38-й ст. Изъ рѣчи товарища прокурора для меня остался неразъясненнымъ вопросъ о томъ, какъ онъ полагаетъ распорядиться съ книгой: послать ли ее въ духовную цензуру въ цѣломъ объемѣ, или же въ тѣхъ страницахъ, на которыя онъ указалъ. Если взять обвинительный актъ, то можно заключить, что духовная цензура, а вслѣдъ затѣмъ, и прокурорскій надзоръ полагаютъ всю книгу отослать въ духовную цензуру на томъ основаніи, что книга эта, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, *главнымъ образомъ* религіознаго содержанія. Я полагаю, что такъ нельзя относиться къ

этому предмету: въ законѣ говорится «*совершенно* духовнаго содержанія», а говорить «*главнымъ образомъ*» значитъ распространять смыслъ закона, значитъ раздвигать предѣлы вѣдѣнія духовной цензуры, между тѣмъ, какъ въ рѣшеніи сената по дѣлу Гайдебурова сказано, что законъ 5-го апрѣля нисколько не имѣлъ въ виду расширеніе вѣдѣнія духовной цензуры. Сверхъ того, въ обвинительномъ актѣ сдѣлана слѣдующая замѣна словъ, имѣющая чрезвычайно важное значеніе; вмѣсто «*духовнаго* содержанія», сказано: «*религіознаго* содержанія»; но всякій пойметъ, что между словами «*духовный*» и «*религіозный*» есть громадная разница, что понятіе «*религіозный*» гораздо обширнѣе, что о религіи могутъ писаться книги и духовныя и свѣтскія. Если потребуются доказательства, я могу ихъ привести. Я, напримѣръ, пишу обширный трактатъ о религіи древнихъ индѣйцевъ или персовъ, толкованіе корана или исторію миѳологіи греческой. Конечно, мнѣ могутъ сказать, что это лжерелигіи; но лже или не лже, а онѣ, всетаки, религіи, притомъ, онѣ касаются вѣроисповѣданій весьма распространенныхъ, такъ какъ послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ христіанскихъ, въ прошедшемъ и въ настоящее время, безъ сомнѣнія, составляютъ большинство въ родѣ человѣческомъ. Во-вторыхъ, книгою не духовнаго, а свѣтскаго содержанія должна считаться всякая, которая содержитъ философскія разсужденія о религіи, причемъ эссенція религіи отдѣляется отъ исторической оболочки религіи, отъ миѳологіи, отъ религіознаго міросозерцанія даннаго народа. Если я дѣлаю то, что сдѣлано Вундтомъ въ его 8 лекціяхъ, если я выдѣлю изъ книги Вундта эти 8 лекцій и выпущу ихъ особо, то изданіе мое не можетъ подлежать духовной цензурѣ, какъ это признано рѣшеніемъ сената по дѣлу Гайдебурова. Въ третьихъ, въ самой области христіанства я могу брать предметы для своихъ произведеній, не спросясь у духовной цензуры, могу писать книги о христіанствѣ, лишь бы не о православномъ.

Всякому извѣстно, что православная церковь имѣетъ общіе корни со всѣми другими христіанскими вѣроисповѣданіями и что корни эти даже заходятъ въ исторію еврейскую. Вотъ этихъ-то общихъ мѣстъ и корней еврейскихъ и нельзя касаться; разсуждать же обо всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданіяхъ можно совершенно свободно, особенно если разсуждающій иноверѣцъ; это будетъ разсужденіе иноврѣца объ иновѣрческихъ вѣроисповѣданіяхъ и нѣчто, до православной церкви не относящееся. Эту свободу разсужденія о фактахъ, касающихся даже христіанскихъ вѣроисповѣданій, можно изобразить графически въ видѣ огромной рѣки, которая у устья своего раздѣляется на множество рукавовъ; одно русло главное, всѣ же остальныя побочныя; по всѣмъ побочнымъ рукавамъ можно плавать свободно, и только въ этомъ главномъ руслѣ требуется предварительный пропускъ. Слѣдовательно, можно говорить свободно, безъ предварительнаго спроса, и о протестантизмѣ, и о католицизмѣ, и даже о русскомъ расколѣ: это вполнѣ признано сенатомъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, я признаю свободу печати безъ предварительной цензуры за особымъ родомъ историческихъ сочиненій, на который прошу обратить особенное вниманіе. Это такой родъ, который имѣетъ своимъ предметомъ не исторію возникновенія вѣры или церкви, но исторію религіозныхъ убѣжденій и нравовъ общества въ извѣстное время, позднѣйшее, когда религія уже сложилась. Я, напримѣръ, хочу писать о христіанствѣ, но я не изображаю при этомъ ни земной жизни Христа, ни апостоловъ и святителей церкви, я не касаюсь даже церкви, ея соборовъ и постановленій, я все это оставляю въ сторонѣ; я начинаю мое историческое изложеніе съ того вѣка, когда перестали твориться чудеса, когда всѣ догматы уже формулированы; притомъ, я изслѣдую не то, что̀ истинно и что̀ неистинно въ извѣстномъ вѣроисповѣданіи, а только то, какъ люди вѣровали въ XII-мъ, XIII-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ; я слѣжу за ними и въ массахъ и въ самыхъ

главныхъ представителяхъ общества, великихъ людяхъ, мыслителяхъ и вывожу заключеніе о томъ, какъ они представляли себѣ Бога и т. п. И тутъ я не критикую ихъ убѣжденій, а просто только опредѣляю, что въ такомъ-то вѣкѣ общество думало такъ-то и такъ-то. Понятно, что о такихъ историческихъ сочиненіяхъ нельзя сказать, что онѣ посвящены исторіи церкви или исторіи религіи. Эти сочиненія особаго рода, которыя возможны также, какъ возможна логика, какъ возможна исторія, критика. Логика есть наука, имѣющая предметомъ самый процесъ мышленія безъ его содержанія, она теорія этого процеса. Занимаясь теоріей критики я изучаю, напримѣръ, не самаго Пушкина, а мнѣ пришло на мысль изучить, какъ смотрѣли на Пушкина Кирѣевскій, Бѣлинскій, Писаревъ; я изучаю, положимъ, не самаго Данта, а только коментаторовъ Данта; моя книга будетъ рефлексомъ рефлекса. Если мнѣ запрещено дѣлать наблюденія надъ спектромъ солнечнымъ то я, всетаки, могу дѣлать наблюденія надъ луннымъ спектромъ, такъ какъ запрещеніе существуетъ только относительно солнечнаго. Всякая религія отражается извѣстнымъ образомъ въ словахъ какъ массъ, такъ и великихъ людей, представителей эпохи. Возможна ли такая исторія? Весьма возможна и полезна. Нынѣ принято, что гораздо бо̀льшее значеніе имѣетъ бытовая исторія народа, чѣмъ политическая; въ этой послѣдней много шуму и треску въ такъ-называемыхъ большихъ міровыхъ событіяхъ, но если вникнуть въ смыслъ этихъ событій то оказывается, что они подготовлены вѣками, что они произошли вслѣдствіе того, что общество пріобрѣло извѣстный складъ ума, извѣстныя привычки, извѣстные нравы. Если будутъ изучаемы не вѣра сама въ себѣ, а вѣрованія людей и общества въ различныя эпохи, то спрашивается, относить ли подобныя сочиненія къ тѣмъ, которыя могутъ печататься свободно, безъ просмотра духовною цензурой, или къ тѣмъ, которыя этой отсылкѣ подлежатъ? Но гдѣ же у духовной цензуры тотъ гла-

зомѣръ, то мѣрило, которымъ она можетъ мѣрить подобнаго рода сочиненія. Я излагаю, напримѣръ, какъ вѣрили Декартъ, Спиноза, Шлейермахеръ, какія были ихъ понятія о религіи вообще; спрашивается, что будетъ дѣлать духовная цензура...

Предсѣдатель. Я прошу васъ на минуту остановиться; вы вдаетесь въ область, вовсе не подлежащую обсужденію суда; вы разбираете вопросъ о дѣйствіяхъ, какія должны происходить въ духовной цензурѣ и которыя, въ настоящее время, вовсе не касаются суда. Вопросъ, подлежащій въ данномъ случаѣ разрѣшенію суда, заключается въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ извѣстную книгу, или отдѣльныя мѣста этой книги отослать для просмотра въ духовную цензуру; затѣмъ, вопросъ о дѣйствіяхъ духовной цензуры никакого значенія въ данномъ случаѣ не имѣетъ.

Пр. пов. Спасовичъ. Я заговорилъ о духовной цензурѣ, чтобъ вывести заключеніе, что, по моему мнѣнію, священная исторія и церковная исторія составляютъ такой предметъ, по которому сочиненія не могутъ быть печатаемы безъ предварительнаго разрѣшенія духовной цензуры, но что этой цензурѣ не можетъ подлежать исторія вѣрованій людей, принадлежащихъ къ церкви иновѣрческой въ историческія эпохи, которыя послѣдовали за раздѣленіемъ церквей. Теперь подведемъ подъ это мѣрило книгу Уилльяма Гартполя Лекки. Она появилась въ 1865 году и имѣла три изданія въ два года и много переводовъ. Вы, гг. судьи, вѣроятно, читали эту книгу; она оставляетъ такое впечатлѣніе, что авторъ ея стоитъ весьма близко къ Боклю и къ другимъ знаменитымъ историкамъ его націи, что онъ восторженный апостолъ знанія, что онъ изучаетъ вліяніе успѣховъ знанія на идеи массъ и на образъ дѣйствій массъ. Первой изъ этихъ задачъ посвящена «Исторія раціонализма»; второй—«Исторія нравовъ въ Европѣ»—сочиненіе, донынѣ неоконченное. Гартполь Лекки не излагаетъ собственно самыхъ открытій и изобрѣтеній, которыя обогатили человѣчес-

кое знаніе: онъ не предлагаетъ намъ исторіи этихъ открытій—онъ представляетъ только вліяніе этихъ открытій на идеи массъ. Результаты этого вліянія могутъ быть отдѣлены отъ самаго открытія весьма продолжительнымъ періодомъ времени, нѣсколькими десятками, нѣсколькими сотнями лѣтъ. Для примѣра возьмемъ космографію вселенной. Въ VI столѣтіи былъ въ Александріи монахъ Козьма Индикоплевстъ, великій путешественникъ и космографъ, который, на основаніи текстовъ священнаго писанія, изобразилъ землю, какъ плоскій паралелограмъ, кругомъ его четыре стѣны и крыша—небесный сводъ. Въ книгахъ Моисея сказано, что вселенная устроена подобно шатру скиніи завѣта, а шатеръ устроенъ такъ что на сѣверѣ земли гора, вокругъ которой обращаются мѣсяцъ и солнце. Словами св. писанія опровергалось существованіе антиподовъ. Прошли крестовые походы, Колумбъ, Коперникъ. Несмотря на открытія, космографія Козьмы оставалась въ такой силѣ, что конгрегація кардиналовъ осудила, въ 1616 году, ученіе Коперника, а потомъ осудила и подвергла, кажется, пыткѣ Галилея. Что же случилось? То, что̀ въ концѣ-концевъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: съ одной стороны, совершено отступленіе, въ виду невозможности спорить противъ очевидности; съ другой, пріобрѣтено то, что вѣрованіе сдѣлалось чище и тоньше, оно освободилось отъ фактовъ неистинныхъ, которые принимались за истину, между тѣмъ, какъ они были только предразсудкомъ. Точно также не вдругъ, но постепенно поколеблена была вѣра въ магію, въ прямое вмѣшательство злыхъ духовъ, вѣра въ то, когда явилась смерть. Невозможно было отстаивать положеніе, что смерть вошла въ міръ черезъ перваго человѣка; когда геологія научила, что смерть господствовала въ громадныхъ размѣрахъ и прежде появленія человѣка, въ періодъ мастодонтовъ и дипотсріевъ. Слѣдя за процесомъ измѣненія религіозныхъ вѣрованій, Лекки замѣчаетъ, что вѣрованія эти почти никогда не измѣнялись

вслѣдствіе доводовъ и аргументовъ богословскихъ. Ведется, положимъ, ожесточенный споръ, приводятся доводы самые убѣдительные въ подтвержденіе извѣстнаго мнѣнія, но они не производятъ ровно никакого впечатлѣнія и проходятъ безслѣдно, потому что общество не расположено къ ихъ принятію. Попробовалъ бы кто-нибудь распространяться съ самымъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ о свободѣ вѣроисповѣданій передъ Торквемадою или какимъ удодно трибуналомъ инквизиціи; его, разумѣется, тѣмъ скорѣе засудили бы и сдѣлали бы auto da fe. Но послѣ спора проходитъ нѣсколько времени, въ теченіи котораго атмосфера измѣнилась, была болѣе богословская, а потомъ сдѣлалась болѣе свѣтскою, и тотъ-же самый аргументъ, который не производилъ никакого впечатлѣнія, принимается съ энтузіазмомъ и совершаетъ, повидимому, переворотъ. Мало того, въ исторіи были и такіе случаи (Лекки приводитъ ихъ много), что вѣрованія, повидимому, весьма крѣпкія, подобныя дубу, раскинувшему во всѣ стороны свои вѣтви, покрытыя листьями, вдругъ, безъ всякой видимой причины, рушились, проваливались, пропадали. Чтò же оказывалось? Что дубъ держался, но корни его давно перегнили, а сердцевина истлѣла. Когда началось гніеніе? Оказывается, что очень давно, можетъ быть, за сто, можетъ быть за пятьдесятъ лѣтъ произведено какое-нибудь открытіе въ статикѣ, химіи, физикѣ, то есть въ знаніяхъ, которыя не имѣютъ, повидимому, ни малѣйшей связи съ богословіемъ, однакожъ, вліяніе его отразилось на богословіи. Мало того, люди, которые дѣлали это открытіе, которые сообщили обществу извѣстныя умственныя привычки, стояли сами подъ сѣнью дуба и совсѣмъ не подозрѣвали, что ихъ ученіе, что открытіе ими извѣстнаго закона произведетъ упадокъ раздѣляемаго ими самими вѣрованія. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этой истины? Тотъ ли, что религія падаетъ, что знаніе водружаетъ свое побѣдное знамя на развалинахъ религіи, ступаетъ ногою на церковь? Нисколько.

Если прочитать какъ тѣ самыя страницы, на которыя указывалъ г. товарищъ прокурора, такъ и тѣ, на которыя прошу обратить вниманіе, то придется вывести заключеніе, что книга Лекки не только не противна катехизису, но способствуетъ укрѣпленію религіознаго чувства. Прошу прочесть страницу 143-ю: смыслъ ея тотъ, что никогда религія не изсякнетъ, никогда не прекратится, что основаніе ея—вѣра, а вѣра есть родъ нравственнаго познанія; что критика можетъ только уничтожить ту или другую подробность въ общей картинѣ религіознаго міросозерцанія, но корень и основаніе всякаго вѣроученія вѣчны. Религія можетъ признать тѣ подробности, тѣ обстоятельства, которыя несогласны съ успѣхами знанія, несущественными; если ея представители отстаиваютъ упорно эти подробности, то не обходится безъ борьбы, безъ тягостнаго столкновенія, но въ концѣ концовъ, эта подробность, оказывающаяся противною очевидности, противною здравому смыслу, будетъ, всетаки, взорвана и устранена. Очень часто случается такъ, что эта подробность, которая оказывается несогласною съ успѣхами знанія, обходится нѣкоторое время съ той и другой стороны; на нее прямо не нападаютъ, ее прямо и не отстаиваютъ, но, по безмолвному соглашенію сторонъ, происходитъ то, что, бывъ прежде центральнымъ представленіемъ въ извѣстномъ міросозерцаніи, она отодвигается въ окружность и уходитъ, наконецъ, въ ту оболочку, которая окружаетъ всякую живую вѣру—въ область недѣйствительнаго и не дѣйствующаго, въ край призраковъ и тѣней, къ которымъ нельзя относиться серьезно. Иногда же бываетъ, что тѣ представленія, которыя были религіею прошлаго, дѣлаются поэзіею послѣдующаго времени; что когда охладѣваетъ живая религіозная вѣра, то тѣ образы, которые ее окружали въ прежнемъ міросозерцаніи, дѣлаются предметомъ творческой фантазіи народовъ. Такое явленіе было въ древней Греціи и въ Западной Европѣ въ періодъ возрожденія. Это же самое солнце, которое,

когда стояло на зенитѣ, было религіей и согрѣвало, потомъ, склоняясь къ закату, посылаетъ еще яркіе лучи, но лучи, уже лишенные теплоты.

Измѣняемость подробностей всякаго вѣроисповѣданія приводитъ необходимо къ заключенію, что въ религіи самое важное, самое существенное не догматическая ея система, а сторона ея нравственная. Догматическія системы мѣняются. Лекки представляетъ превосходно эту измѣняемость слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ солнце, оно окружено облаками; облака свѣтятся ярко отъ солнечныхъ лучей, и насѣкомое, которое живетъ одну минуту, можетъ, глядя на эти облака, думать, что ихъ складки и суть настоящій источникъ свѣта и теплоты. Но черезъ нѣсколько минутъ дунетъ вѣтеръ, эти облака разсѣются и солнце будетъ сіять еще ярче или озлатитъ другія облака. Утверждая, что догматическая сторона имѣетъ теперь гораздо меньше важности, чѣмъ въ прежнія времена, Лекки не выражаетъ своего собственнаго убѣжденія: онъ говоритъ только, что вѣкъ нашъ придаетъ догматической формѣ менѣе значенія, чѣмъ сторонѣ нравственной, вслѣдствіе чего на видъ можетъ показаться, что нынѣ какъ будто бы менѣе религіозной ревности, меньше усердія къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ, гораздо меньше чудеснаго, изъ чего не вытекаетъ нисколько, чтобъ въ этомъ вѣкѣ было меньше христіанскихъ плодовъ любви и милосердія, было меньше помощи ближнимъ, меньше заботливости о судьбѣ неимущихъ, о водвореніи равенства и братства между людьми. Въ этомъ отношеніи свѣтъ христіанства сіяетъ въ наше время самымъ полнымъ блескомъ. Я передалъ, по возможности, словами самаго Лекки главныя положенія его книги. Сказаннаго мною достаточно, чтобъ опровергнуть тѣ мнѣнія, несовсѣмъ справедливыя, которыя выражены въ обвинительномъ актѣ и поддерживались здѣсь на судѣ. Я полагаю, что невѣрно то, будто бы это сочиненіе было не только исключительно, но даже

главнымъ образомъ духовнаго или религіознаго содержанія, потому что, какъ вы видите, господа судьи, оно касается не возникновенія, не сущности религіи, а только религіозныхъ идей, въ вѣкахъ довольно близкихъ къ намъ, когда религія уже сложилась. Оно не главнымъ образомъ религіознаго содержанія потому, что въ ней столько же мѣста занимаетъ исторія искуствъ и успѣхи знанія, какъ и вѣрованія религіозныя. Я полагаю, что несправедливо также и то положеніе обвинительнаго акта, будто бы Лекки излагаетъ вѣрованія и ученія отцовъ церкви IV, V, VI вѣковъ. Онъ этихъ вѣковъ не касается. Исторія раціонализма начинается только съ того момента, когда родился самъ раціонализмъ, то есть, съ XII вѣка; но не простирается на тѣ вѣка наивность вѣры, когда люди не сомнѣвались. Только въ томъ вѣкѣ, по мнѣнію Лекки, человѣкъ началъ сомнѣваться, но не дошедъ еще до того, что это сомнѣніе невиновно, и считалъ его величайшимъ грѣхомъ, вслѣдствіе чего самъ вѣкъ сталъ сумрачный и печальный. Болѣе грознымъ явился сатана, менѣе ободряющимъ—Христосъ. Самый видъ Христа измѣнился въ иконописи и, вмѣсто добраго пастыря, явился Rex tremendae majestatis изъ Dies irae.

Но слѣдя за религіознымъ сомнѣніемъ, Лекки изучаетъ его въ обществахъ западно-европейскихъ, а не въ русскомъ, во всѣхъ христіанскихъ религіяхъ, кромѣ православной. Такимъ образомъ, я полагаю, что обвиненіе Лекки въ томъ, что книга его изучаетъ IV, V и VI столѣтія, то есть, общехристіанскую церковь, несправедливо. Равнымъ образомъ, я полагаю, что совершенно несправедливо обвиненіе Лекки, будто онъ утверждаетъ, что въ религіи все то, чтѝ не можетъ быть объяснено разумомъ, необязательно и должно быть исключено изъ религіи, и что Лекки ставитъ судьей въ дѣлѣ обязательности религіозныхъ вѣрованій личную совѣсть. Лекки никогда не произноситъ такой нелѣпости, будто въ религіи должно заключаться только то,

чтѐ объяснимо умомъ. Далеко не все въ мірѣ можетъ быть объяснено умомъ. Лекки прямо говоритъ, что глубокая тайна лежитъ въ существѣ всякой вещи. Мы можемъ открыть извѣстный законъ, напримѣръ, законъ тяготѣнія, но самое тяготѣніе остается тайной. Тайны всегда будутъ, какъ бы велики ни были успѣхи знанія. Всякое вѣрованіе религіозное покоится на томъ, чтѐ навсегда останется непостижимымъ уму. Лекки только доказываетъ, что съ теченіемъ времени отъ вѣрованія отходитъ все, что оказывается противнымъ здравому смыслу. Точно также я не могу согласиться съ тѣмъ, будто онъ придаетъ такое значеніе совѣсти, что совѣсть есть единственный судья въ дѣлѣ религіи. Говоря о совѣсти, Лекки разумѣетъ не совѣсть индивидуальную, но общественную; онъ развиваетъ ту мысль, что вѣрованія религіозныя приводятъ въ соотвѣтствіе съ совѣстью цѣлаго общества, то есть, съ суммою нравственныхъ идей, которыя выработаны въ данную минуту; что общество съ точки зрѣнія этихъ идей, можетъ относиться такъ или иначе къ своимъ вѣрованіямъ; что оно, соображаясь съ суммою накопленныхъ идей, выдвигаетъ нѣкоторыя вѣрованія на первый планъ, вслѣдствіе чего другія отходятъ на задній, и теряютъ то первенствующее значеніе, которое имѣли до сихъ поръ. Лекки излагаетъ это не какъ свое личное мнѣніе, но какъ выводъ изъ исторіи человѣчества. Замѣтимъ, что Лекки протестантъ и чтѐ значитъ это мнѣніе иновѣрца о томъ, что происходитъ въ иновѣрческихъ обществахъ? Замѣтимъ, притомъ, что эта мысль о совѣсти есть повтореніе въ другой формѣ положенія, которое, дѣйствительно, составляетъ краеугольный камень его книги, и которое, кажется, не имѣетъ ничего антирелигіознаго и антицерковнаго, а именно, что догматическая сторона въ религіи въ нашъ вѣкъ имѣетъ менѣе значенія, нежели нравственная. Наконецъ, замѣтимъ, что эта идея, что совѣсть общества есть ѳрганъ религіо[illegible] повѣрочная способность относи-

тельно оцѣнки вѣрованія есть ничто иное, какъ выраженная въ научной формулѣ сущность протестантизма, какъ культурной идеи. Спрашивается, какимъ же образомъ культурная идея протестантизма можетъ быть отсылаема въ духовную цензуру православную? Въ такомъ случаѣ пришлось бы отсылать туда очень многое, напримѣръ, «Натана Мудраго» Лессинга, потому что, собственно говоря, основная идея этой драмы есть не что иное, какъ религіозная терпимость; въ этой драмѣ сопоставляются три лица: храмовникъ, рабби Натанъ и Саладинъ и оказывается, что самый религіозный изъ нихъ — Натанъ Мудрый, его вѣрованія чище, потому что онъ гуманнѣе другихъ. Однако, сколько мнѣ извѣстно, эта драма, явившаяся у насъ недавно въ переводѣ, не отсылалась въ духовную цензуру.

Я разобралъ книгу Лекки, и мнѣ кажется, что эта книга, въ своемъ объемѣ, посвящена предметамъ свѣтскимъ, и хотя касается вѣрованій религіозныхъ, но со стороны свѣтской; значитъ, въ цѣломъ объемѣ она не подлежитъ духовной цензурѣ. Спрашивается, могутъ ли подлежать духовной цензурѣ отдѣльныя мѣста изъ этой книги? Въ обвинительномъ актѣ я не встрѣтилъ никакого указанія на страницы: тамъ сказано глухо, что эта книга касается нѣкоторыхъ догматовъ, которые потомъ перечислены. Мнѣ предстояла-бы работа дѣлать собственно не мое дѣло—читать книгу, помѣчая страницы, чтобъ разсмотрѣть, дѣйствительно ли заключаются въ ней мѣста, которыя могутъ быть отнесены къ изложенію догматовъ религіозной и церковной исторіи. Нынѣ я слышалъ указанія на нѣкоторыя страницы, между прочимъ, на страницы: 9, 56, 59, 150, 145-ю. Я не знаю, что̀ на этихъ страницахъ стоитъ—такъ скоро я не могу справиться, я ихъ не прочелъ—но я позволю себѣ взять обвинительный актъ и разобрать подробно тѣ догматы, которые приведены въ обвинительномъ актѣ, чтобъ доказать, что если книга

Лекки и касается этихъ догматовъ, то такимъ образомъ, что не выходитъ за предѣлы нашей свободы печати. Въ обвинительномъ актѣ изъ догматовъ указана церковь, то есть, девятый членъ символа вѣры.

Да, но какая это церковь? XII и послѣдующихъ вѣковъ, когда великій расколъ уже совершился. Лекки слѣдитъ за ходомъ идей въ тѣхъ частяхъ христіанства, которыя отдѣлились отъ православія, въ римско-католической и протестантской церквахъ. Приведенъ въ актѣ догматъ будущей жизни, то-есть XII членъ символа вѣры. Да, Лекки касается этого ученія. Но какъ касается? отвергаетъ эту будущую жизнь? Нѣтъ, не отвергаетъ. На страницахъ 263-й и 264 онъ утверждаетъ положительно, что нѣтъ ни одной религіозной системы христіанства до настоящаго времени, которая могла бы обойтись безъ догмата будущей жизни. Спрашивается: описываетъ ли онъ, какова будетъ эта жизнь? Нѣтъ, напротивъ: онъ утверждаетъ, что во всѣхъ катехизисахъ римско-католическихъ и протестантскихъ ученіе это было гораздо подробнѣе развиваемо въ прежніе вѣка, чѣмъ нынѣ. Да оно и понятно; въ средніе вѣка эта будущая жизнь людямъ, которые были болѣе матерьяльны, представлялась какъ жизнь, сопровождаемая матерьяльными муками и матерьяльнымъ блаженствомъ. Они представляли ее въ видѣ вѣчнаго огня, который опаляетъ души, а души понимались какъ тончайшія и, притомъ, несгораемыя тѣла. Это представленіе составляло центральный пунктъ міросозерцанія христіанскаго, закрѣпленіе всего закона нравственнаго, главное побужденіе къ тому, чтобъ быть добродѣтельнымъ. Мало того, видъ страданій несчастныхъ, ввергнутыхъ въ огонь вѣчный, входитъ, какъ составной элементъ, въ счастье блаженныхъ. Какіе результаты должна была дать подобная постановка этого вопроса въ общей системѣ религіозной? Тѣ, что она должна была ожесточать человѣка, вѣчно помышлявшаго о страшныхъ мукахъ, которымъ бо̀льшая часть человѣчества будетъ

предана; свыкаясь съ чужими муками, онъ не могъ быть мягкосердечнымъ. Представленіе объ адскомъ огнѣ, понимаемомъ какъ огонь буквально, и пытка въ законѣ гражданскомъ—это два однородныя явленія, произрастающія на одномъ корнѣ. Когда Декартъ сталъ учить, что существо души заключается въ мышленіи и что она не матеріальна, то изъ этого положенія вытекаетъ, что душа не можетъ быть опаляема огнемъ, значитъ огонь ада надо понимать въ переносномъ значеніи, какъ его понимали нѣкоторые немногіе учители среднихъ вѣковъ, напримѣръ, Іоаннъ Скотъ Эригенъ. Съ тѣхъ поръ картина вѣчныхъ мукъ въ догматической системѣ западно-европейскаго христіанства отодвигается отъ центра болѣе къ окружности, само понятіе ада изъ живой картины, дѣтствующей потрясающимъ образомъ на нервы, превращается въ логическій постулатъ. И дѣйствительно, въ современныхъ катехизисахъ уже не описываются муки ада и будущая жизнь обозначается самыми общими чертами. Сверхъ того, боязнь мукъ замѣнена отчасти чувствомъ справедливости, правиломъ: дѣлать добро для добра. Гораздо болѣе затрудненій, нежели будущая жизнь, у Лекки представляютъ тѣ мѣста, въ которыхъ Лекки касается догмата о первородномъ грѣхѣ и о вѣчной гибели какъ всѣхъ некрещенныхъ дѣтей, такъ и язычниковъ. Есть религіи, которыя за исходную точку принимаютъ гордое сознаніе чувства достоинства человѣка, и есть религіи, которыя за ту же точку принимаютъ смиренное сознаніе грѣха. Христіанская религія принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Родъ человѣческій упалъ, искупленъ только Христомъ: что станется съ неискупленными? Выводъ, что они обречены на вѣчныя муки, былъ развитъ съ гораздо бо̀льшею, нежели въ римскомъ католицизмѣ, послѣдовательностью протестантами. Лютеръ и Кальвинъ не допускали никакого исключенія въ этомъ отношеніи. Если слѣдовать этому догмату со всею строгостью, то необходимо предположить, что есть двоякаго рода мораль: мор

человѣка и мораль Бога. Преслѣдованіе всѣхъ людей за грѣхъ наслѣдственный, совершенный не ими, не совпадалъ съ выработывающимся въ житейскихъ отношеніяхъ началомъ, что наслѣдственной вины быть не можетъ. Вотъ почему, мало по малу, стало распространяться воззрѣніе, что, можетъ быть, и язычники могутъ сподобиться блаженства. Представителемъ этого мнѣнія былъ Цвингли. Въ своемъ предсмертномъ исповѣданіи онъ изобразилъ великолѣпную картину: небо, въ которомъ великіе отцы христіанской церкви соединяются съ великими людьми языческаго міра, Сократомъ, Катономъ и др. Лютеръ, прочитавъ это исповѣданіе, отчаявался за спасеніе Цвингли; Боссюэтъ приводитъ это мнѣніе, какъ самое высшее изъ обвиненій противъ Цвингли. Въ настоящее время оно если не преобладаетъ, то весьма распространено. Въ катехизисахъ обходятъ догматъ о погибели некрещенныхъ дѣтей и самое понятіе объ участи язычниковъ смягчилось. Я обращаюсь къ вамъ, гг. судьи. Не правда ли, ученіе это не дѣйствуетъ въ такой силѣ, какъ въ прежнее время? Не испытывали ли вы, прощаясь съ умирающимъ, котораго вы считали хорошимъ человѣкомъ, но который принадлежалъ къ другой вѣрѣ, что онъ пропавшая, погибшая душа? Озабочивала ли васъ его будущая судьба? Вы, вѣроятно, думали: Богъ правосуденъ. Я обращаюсь къ воспоминаніямъ моего дѣтства; я видалъ, какъ хоронили православнаго человѣка хорошаго; римско-католическое духовенство выходило въ облаченіи и окропляло гробъ священною водой. Я видѣлъ, какъ православные священники совершали панихиды по умершимъ иновѣрцамъ. Не есть ли это подтвержденіе того положенія, которое приводитъ Лекки? Я полагаю, что это несомнѣнно. Въ обвинительномъ актѣ, въ числѣ догматовъ, упомянуто, что у Лекки затронуто поклоненіе святымъ иконамъ, святымъ мощамъ и другимъ церковнымъ предметамъ. Да, конечно, Лекки касается вскользь и этихъ предметовъ религіознаго по-

читанія не православной, а римско-католической церкви. Но, вѣдь, онъ и не можетъ не касаться ихъ, какъ скоро онъ излагаетъ исторію христіанской символики, живописи, пластики. Къ тому же, я полагаю, что иконы, святыя мощи и т. д. не вошли въ символъ вѣры и что, поэтому, ихъ почитаніе не есть такой предметъ, который бы составлялъ коренное основаніе вѣры, о которомъ нельзя бы совсѣмъ разсуждать, хотя бы приводя слова священнаго писанія, хотя бы ссылаясь, на примѣръ, на 20-ю главу 4-й и 5-й стихи книги Исхода, гдѣ говорится: «не сотвори себѣ кумира, ни всякаго другого подобія».

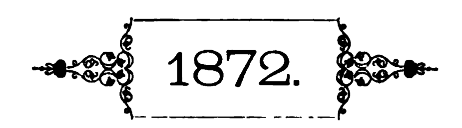
Предсѣдатель. Г. защитникъ, вы возбуждаете споръ по такимъ вопросамъ, которые рѣшены вселенскими соборами; вопросъ о поклоненіи иконамъ рѣшенъ никейскимъ соборомъ. Я покорнѣйше прошу васъ воздержаться отъ контроверсовъ, въ которыхъ судъ не компетентенъ.

Пр. пов. Спасовичъ. Я скажу лишь нѣсколько словъ еще о двухъ догматахъ, которые упомянуты въ обвинительномъ актѣ: о чудесахъ и о бытіи злыхъ духовъ и дьявола. Я прошу васъ обратить вниманіе, что глава, гдѣ говорится о чудесахъ, озаглавлена: «Чудеса римской церкви»... Глава эта озаглавлена такъ потому, что одно изъ отличій протестантизма отъ римскаго католичества состоитъ въ томъ, что протестантская церковь не утверждаетъ вовсе, чтобъ въ настоящее время совершались чудеса. Но есть ли во всей этой главѣ хотя одна страница, въ которой бы чудеса эти отвергались? Нѣтъ; въ ней проводится та мысль, что вѣра въ чудеса постепенно ослабѣвала и что, наконецъ, въ настоящее время всякій разсказъ о нихъ встрѣчается съ недовѣріемъ. Какъ объяснить перемѣну? Лекки объясняетъ ее тѣмъ, что складъ ума сдѣлался другой, то есть, что во всѣхъ тѣхъ необычайныхъ явленіяхъ, въ которыхъ въ прежнія времена человѣкъ доискивался вмѣшательства сверхестественныхъ силъ, нынѣ онъ доискивается вѣчныхъ законовъ, причемъ представленіе о главномъ созда-

телѣ и руководителѣ вселенной, какъ о высшемъ вѣчномъ законѣ, становится преобладающимъ. Относительно вопроса о бытіи злыхъ духовъ я замѣчу слѣдующее: въ средніе вѣка и послѣ среднихъ вѣковъ, въ XVII сильно была распространена вѣра въ волшебство. Являлись нѣкоторые сомнѣвающіеся люди, но строгіе ревнители римскаго католицизма, нисколько не колеблясь, называли сомнѣвающихся въ магіи атеистами. Таковъ смыслъ сочиненій Жана Бодена въ XVI, Гленвиля и Кодворта въ XVII ст. Конечно, съ теченіемъ времени эта вѣра вымерла окончательно. Я полагаю, что она исчезла окончательно въ виду указа Екатерины II-й, 1782 года, вошедшаго въ сводъ законовъ, т. 14 и 15, въ которомъ волшебство и чародѣйство прямо названо обманомъ: «кто будетъ чудесничать и чародѣйствовать, т. е. совершать обманъ, происходящій отъ суевѣрія, невѣжества и мошенничества». Магія, такимъ образомъ, пала; остаются злые духи. Но Лекки не разбираетъ вопроса о бытіи злыхъ духовъ, онъ говоритъ только, что вѣра въ непосредственное вмѣшательство дьявола исчезла, и это несомнѣнно справедливо. Гг. судьи, есть одно начало, на которомъ построена вся книга Лекки, то, что̀ онъ называетъ *морфологическимъ представленіемъ мнѣній,* именно, что вѣрованія религіозныя, какъ и всякія другія вѣрованія, видоизмѣняются и совершенствуются. Это положеніе, выработанное свѣтскою наукой, не можетъ быть отсылаемо въ духовную цензуру; это положеніе до такой степени важно, что, недопустивъ его, придется страшно стѣснить литературу. Настоящій споръ, по виду, какъ будто чисто формальный, имѣетъ для литературы вообще весьма существенное, весьма матерьяльное значеніе. Вотъ почему я прошу разрѣшить этотъ спорный вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для защиты, т. е. признать книгу, ни въ цѣломъ ея объемѣ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ, неподлежащею отсылкѣ въ духовную цензуру.

Судъ призналъ подсудимаго Полякова неподлежащимъ наказанію по ст. 1,024 ул., такъ какъ книга была арестована до выхода ея въ обращеніе, что составляетъ приготовленіе къ преступленію, ненаказуемое по закону; самую же книгу судъ заключилъ всю передать на разсмотрѣніе духовной цензуры. Судебная палата, куда было перенесено дѣло вслѣдствіе апелляціоннаго отзыва Полякова, нашла, что нѣкоторыя мѣста книги Лекки подлежатъ предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры и, въ измѣненіе приговора окружнаго суда, опредѣлила: 1) означенныя мѣста препроводить на разсмотрѣніе духовной цензуры, для просмотра, послѣ котораго и разрѣшить выпускъ книги и 2) но такъ какъ мѣста эти могутъ представляться непонятными, безъ соображенія со всѣмъ содержаніемъ сочиненія Лекки, то сіе послѣднее для сего соображенія также препроводить въ духовную цензуру.

10.

Дѣло о дуэли между Утинымъ и Жоховымъ.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Евгеній Исаковичъ Утинъ, обвинялся въ томъ, что, по вызову титулярнаго совѣтника Александра Ѳедорова Жохова, вышелъ, 14-го мая 1872 года, близь большой муринской дороги, въ лѣсномъ участкѣ Беклешова, съ Жоховымъ на поединокъ, послѣдствіемъ котораго произошла смерть Жохова отъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему Утинымъ, каковое преступленіе предусмотрѣно ст. 1507-ю улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ 3 отдѣленіи. С.-Петербургскаго окружнаго суда 16 августа 1872 г.

Статья 1,503-я, подъ которую подходитъ дѣйствіе подсудимаго Утина, степенитъ наказаніе слѣдующимъ образомъ. Она назначаетъ бо̀льшее тому, кто былъ причиной поединка, кто первый обидѣлъ, и если этого нельзя узнать съ достовѣрностью, то кто сдѣлалъ вызовъ; затѣмъ, мѐньшее наказаніе тому, кто не былъ причиной поединка, или если этого съ достовѣрностью узнать нельзя, кто принялъ вызовъ. Такимъ образомъ, по требованію 1,503-й ст., нѣтъ никакой возможности миновать разборъ вопроса, кто далъ поводъ къ обидѣ, кто былъ первою причиной поединка; необходимо раз-

смотрѣть этотъ вопросъ въ предѣлахъ того, что выяснилось на судебномъ слѣдствіи, и, затѣмъ только, если будетъ доказано, что подсудимый Утинъ не обидѣлъ, не далъ повода къ поединку, что онъ безъ всякой своей вины вовлеченъ въ поединокъ, то я полагаю, что это обстоятельство можетъ послужить смягчающимъ преступность его обстоятельствомъ. Вотъ почему я вскрою причины поединка и представлю ихъ во всемъ взаимнодѣйствіи, отъ возникновенія ихъ до окончательнаго результата. Причины событій бываютъ крошечно — ничтожны, какъ сѣмя, какъ маленькое зерно; но если это сѣмя или зерно упадетъ на плодородную почву, увлажится дождемъ и согрѣется солнцемъ, то и выростетъ въ рослый колосъ, въ сосну, или въ дубъ. Такимъ зерномъ въ настоящемъ случаѣ было дѣло Гончарова, на стенографическій отчетъ о которомъ я просилъ позволенія ссылаться, по крайней мѣрѣ, на рѣчь Утина. Дѣло Гончарова заключалось въ томъ, что не доучившійся, незрѣлый юноша написалъ, напечаталъ и распустилъ нелѣпыя, возмутительныя прокламаціи. Когда его арестовали, то онъ при первоначальномъ дознаніи показалъ, что причиной его дѣйствій были тяжелыя нравственныя обстоятельства. На предварительномъ слѣдствіи онъ взялъ назадъ это показаніе, изъ чего можно было заключить, что имѣется въ виду серьезный политическій дѣятель. Наконецъ, когда принялъ его защиту Утинъ, увидѣлся съ нимъ въ тюрьмѣ, то между подсудимымъ Гончаровымъ и защитникомъ установилось такое полное соглашеніе, что Гончаровъ ничего не прибавилъ къ защитѣ и сослался только на первоначальное свое показаніе при дознаніи. Защита г. Утина, можетъ быть, была плоха, не даровита—это вопросъ личнаго вкуса, но нельзя не сказать, что эта защита была вполнѣ добросовѣстная. Она была вполнѣ согласна съ тѣми правилами, которыя выработались въ нашемъ сословіи и которыя мы хранимъ строго и свято. Утинъ, конечно, не возвелъ своего кліента въ герои, не сдѣ-

лалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ совсѣмъ не былъ: онъ представилъ его въ видѣ человѣка, который рѣшился покончить съ жизнью, но, не имѣя рѣшимости пустить себѣ пулю въ лобъ, вознамѣрился попасть, по крайней мѣрѣ, въ каторжную работу; онъ представилъ его не сумасшедшимъ, а находящимся въ состояніи психической подавленности, въ томъ, которое прежніе психіатры называли меланхоліей и которое граничитъ съ сумасшествіемъ и ведетъ къ сумасшествію. Указавъ на это состояніе, онъ долженъ былъ объяснить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и причину этой подавленности. Онъ указалъ на несчастную женитьбу, на то, что Гончаровъ, женившись разошелся потомъ съ женой...

Предсѣдательствующій. Я просилъ бы васъ эти подробности нѣсколько обойти, потому что дѣло идетъ не о достоинствѣ рѣчи г. Утина, а о поводахъ къ настоящей дуэли...

Присяжный повѣренный Спасовичъ. Позвольте мнѣ заявить только, что въ рѣчи Утина даже имя г-жи Гончаровой не было произнесено, не было сказано, кто виноватъ: можно было думать, что оба они не сошлись, не поладили... Можно было быть какого угодно мнѣнія о мужѣ и женѣ. Нельзя сказать, чтобъ эта защита была даже неуспѣшна: подсудимый Гончаровъ былъ признанъ виновнымъ, по 245-й статьѣ улож., т. е. по такой статьѣ, которая грозитъ наказаніемъ отъ 10 до 12 лѣтъ.

Предсѣдатель. Я только-что сейчасъ просилъ васъ устранить сужденія о томъ, насколько удовлетворительна была рѣчь г. Утина по дѣлу Гончарова. Мы здѣсь не входимъ въ обсужденіе тѣхъ юридическихъ послѣдствій, которыя вытекали для Гончарова.

Присяжный повѣренный Спасовичъ. И такъ, гг. судьи, Гончаровъ сходитъ со сцены, но по поводу его и въ особенности по поводу его защиты сплелись, спутались страннымъ образомъ отношенія между тремя лицами, до того страннымъ, что ихъ потомъ пришлось

разрубать картелью, выстрѣломъ и смертью. Г-жа Гончарова не была знакома съ Утинымъ. Она познакомилась и съ Жоховымъ незадолго до дѣла мужа. Жоховъ не зналъ лично и въ глаза никогда не видалъ Гончарова. Когда они стали толковать о защитѣ Гончарова, Жоховъ и г-жа Гончарова пришли къ тому заключенію, что этой защитѣ нужно придать болѣе серьезный, политическій характеръ (я ссылаюсь на посмертныя письма Жохова), что нельзя сводить это дѣло до шальной выходки; а надо, конечно, не приписывая Гончарову намѣренія возбудить къ бунту, напугать тѣхъ лицъ, которыя дѣлаютъ дѣйствительный вредъ Россіи и затѣмъ явиться обличителемъ этихъ лицъ на судѣ. (Это также находится въ письмахъ и явствуетъ изъ показанія свидѣтеля Арсеньева). Кому первому пришла эта мысль, теперь трудно сказать, но ключъ къ этому вопросу находится тоже въ письмахъ. Жоховъ пишетъ, что г-жа Гончарова не захотѣла, чтобъ мужъ ея представлялся такимъ жалкимъ, ничтожнымъ и пошлымъ человѣкомъ, какъ большинство замѣшанныхъ по нечаевскому дѣлу. Вотъ почему пишетъ Жоховъ: «Она просила меня дать ей совѣтъ, какъ показывать мужу», начертить планъ показанія, который она, по ея словамъ, имѣла возможность сообщить Гончарову. Этотъ разсказъ какъ нельзя больше натураленъ; г-жа Гончарова, какъ женщина, какъ жена человѣка, имя котораго она носитъ, хотя и разошлась съ нимъ, естественно желала, чтобъ это лицо явилось достойнѣе, эфектнѣе передъ судомъ. Но Жоховъ не знаетъ Гончарова и, какъ человѣкъ практическій, онъ усматриваетъ возможность осуществить извѣстную политическую цѣль. Чтобъ заставить Гончарова показывать, какъ имъ хотѣлосъ, сговорившіеся должны были убѣдить, уломать защитника. Вотъ почему Жоховъ, отношенія котораго къ Утину были далеко не короткія, подходитъ къ нему на одномъ изъ литературныхъ обѣдовъ, приглашаетъ на домъ къ г-жѣ Гончаровой; тамъ, у г-жи Гончаровой, и происходятъ переговоры, относительно

содержанія которыхъ господствуетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Спорные пункты слѣдующіе: Жоховъ въ предсмертномъ письмѣ къ г-жѣ Гончаровой и въ другомъ— къ брату, напираетъ на то, что онъ хотѣлъ осмыслить не само дѣло, а только показаніе Гончарова. Я полагаю, что это—игра словъ, незаслуживающая вниманія. Дѣло осмыслить не было въ силѣ и власти Утина, а можно было осмыслить только показаніе. А какъ это сдѣлать? Подложить подъ него такой смыслъ, котораго оно не имѣло. Но измѣненіемъ смысла показанія, измѣнялся характеръ дѣла, значитъ оно и осмысливалось. Слѣдовательно, тутъ споръ о словахъ, а не о дѣлѣ. Сверхъ того, есть еще одно разнорѣчіе. Утинъ утверждаетъ, что онъ положительно отвергъ этотъ планъ защиты, находя его неудобнымъ, между тѣмъ, какъ Жоховъ стоитъ на томъ, что Утинъ, будто бы, отвѣчалъ уклончиво, не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Мнѣ кажется, и это разнорѣчіе не важно. Возьмемъ же среднюю пропорціональную между двумя величинами. Утинъ, конечно, не прочелъ нравоученія, не отказалъ наотрѣзъ. Сказать рѣшительное „нѣтъ" онъ не могъ еще, не зная Гончарова, но его оттолкнуло отъ плана Жохова, такъ сказать, по инстинкту. Затѣмъ, когда Утинъ сошелся ближе съ Гончаровымъ, когда онъ у него побывалъ и поговорилъ съ этимъ жалкимъ, бѣднымъ, но безхарактернымъ человѣкомъ, тогда у него и сложилось то строгое мнѣніе о г-жѣ Гончаровой и о Жоховѣ, которое онъ высказалъ нѣсколькимъ близкимъ ему лицамъ. Совѣтъ Жохова въ самомъ дѣлѣ нехорошъ, и тѣмъ меньше нравится, чѣмъ больше въ него вдумываешься. Онъ нехорошъ, вопервыхъ, по той причинѣ, по которой его не могъ одобрить, напримѣръ, г. Арсеньевъ, который сказалъ, выразившись, конечно, весьма мягко и вѣжливо, чтобъ не оскорбить Жохова, что находитъ его неудобнымъ, рискованнымъ, по крайней мѣрѣ, неосторожнымъ, весьма неосторожнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой бы ни былъ исходъ дѣла, но такая постановка вопроса,

какая предлагалась, могла только усилить и значительно усилить наказаніе Гончарова на нѣсколько лѣтъ каторжной работы. Но, вовторыхъ, совѣтъ Жохова поражаетъ еще по другому соображенію. Мысль критическая никогда не останавливается на отдѣльномъ клочкѣ, на одномъ поступкѣ изъ жизни человѣка: она заключаетъ изъ части о цѣломъ... Предложеніе Жохова не могло не освѣщать, извѣстнымъ образомъ, невыгоднымъ для Жохова, характеръ Жохова; оно давало основаніе и поводъ Утину составить убѣжденіе, невыгодное для Жохова, о его характерѣ вообще. Я не имѣю намѣренія и мысли сказать что-нибудь оскорбительное для памяти умершаго. Я самъ былъ его пріятелемъ до конца его жизни и уважалъ его, какъ дѣятеля полезнаго, но не могу сказать того же, что сказалъ Утинъ, для поясненія только взгляда Утина на Жохова, а именно, что Утинъ принялъ его за натуру агитаторскую, то-есть, такую, для которой люди и отношенія—это пѣшки, которыми можно смѣло играть по произволу. Есть такія агитаторскія натуры; онѣ бываютъ бойки, предпріимчивы и потому часто полезны, но особенность ихъ заключается въ томъ, что у нихъ своя особенная мораль, не такая, какъ у другихъ, т. е. они считаютъ совершенно позволительнымъ то, отъ чего другіе сторонятся; онѣ очень гибки, легко становятся на точку зрѣнія другихъ людей, способны быстро подмѣчать слабыя стороны другихъ, онѣ способны увлекать другихъ и властвовать. Для оцѣнки людей у нихъ есть своя мѣрка, свой аршинъ, который они прикладываютъ ко всякому. Въ большинствѣ случаевъ, мѣрка эта совершенно вѣрная, но иногда имъ приходится также и ошибаться... Этимъ я и ограничусь относительно характеристики Жохова. Онъ былъ именно одна изъ подобныхъ натуръ; онъ имѣлъ необычайно обширный кругъ знакомства; дѣлая карьеру, имѣлъ видное положеніе на службѣ и участвовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ редакціи «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» — газетѣ, имѣющей направ-

леніе весьма извѣстнаго умѣренно-либеральнаго характера; онъ имѣлъ еще обширныя связи въ кругу молодежи. Что ему приходилось иногда ошибаться, наталкиваясь на людей которые относительно выбора средствъ держались болѣе строгихъ принциповъ, это доказывается обращеніемъ его къ Утину и выборомъ такихъ посредниковъ, какъ Арсеньевъ и Буренинъ. Почему онъ обратился къ Утину? Онъ не былъ съ нимъ близокъ, они были скорѣе непріязненно настроены другъ къ другу задолго, а именно за годъ до дѣла Гончарова. Еще и не предвидѣлось дѣла Гончарова, когда Утинъ имѣлъ стычку съ Жоховымъ, довольно сильную, о которой разсказывалъ здѣсь свидѣтель Пыпинъ. Между ними не было почти ничего общаго, нечѣмъ имъ было другъ у друга позаимствоваться. Почему же обратился Жоховъ къ Утину? Я полагаю, что этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, разрѣшается предсмертнымъ письмомъ Жохова, въ которомъ говорится, что г-жа Гончарова сказала: «надо выбрать защитника, который подходилъ бы къ образу мыслей моего мужа»; Жоховъ одобрилъ этотъ планъ. Значитъ, онъ считалъ Утина человѣкомъ въ родѣ Гончарова, человѣкомъ легкимъ, энтузіастомъ, способнымъ осуществить такой планъ защиты, какого именно хотѣлось. Онъ его выбралъ, не обдумавъ послѣдствій. Тутъ опять проявилась та же безпринципность въ дѣйствіяхъ, о которой я уже говорилъ: выбираютъ человѣка, увлекающагося по ихъ понятіямъ, и предлагаютъ ему роль, которую, еслибъ онъ ее взялъ на себя и выполнилъ, то подвергъ бы риску не только подсудимаго Гончарова, но и самого себя. Утинъ былъ здѣсь тоже пѣшка. Но разсчетъ не удался: Утинъ не принялъ ихъ предложенія, далъ отвѣтъ, положимъ, нерѣшительный на первыхъ порахъ, сказалъ, что ничего не можетъ еще рѣшить, потому что не видѣлся съ подсудимымъ. Но когда онъ переговорилъ съ Гончаровымъ и они ближе сошлись и когда онъ убѣдился, что это человѣкъ, преступленіе котораго проистекло изъ совер-

шенно другихъ причинъ, тогда онъ дѣйствительно составилъ въ себѣ невыгодное мнѣніе и о г-жѣ Гончаровой, и о Жоховѣ, и это мнѣніе сообщилъ нѣсколькимъ лицамъ. Кому онъ сообщилъ и въ какой формѣ? Это главный и существенный вопросъ, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе другого вопроса: обидѣлъ ли Утинъ Жохова и, слѣдовательно, далъ ли онъ поводъ къ дуэли, или нѣтъ? Что же касается лицъ, которымъ были сообщаемы неблагопріятные отзывы о Жоховѣ, то Утинъ назвалъ ихъ, а именно: гг. Арсеньева, Буренина и Пыпина. Оказалось, что былъ еще одинъ человѣкъ, съ которымъ Утинъ имѣлъ разговоръ о Жоховѣ и котораго Утинъ позабылъ. Это—Чайковскій. Сверхъ этихъ лицъ, изъ которыхъ объ Арсеньевѣ Жоховъ ничего не зналъ, Жоховъ упоминаетъ, съ своей стороны, о Суворинѣ; но это невѣрно. Суворина можно прямо устранить; изъ разговора съ Суворинымъ Жоховъ не могъ вывести никакого заключенія объ Утинѣ. Это явствуетъ изъ показанія Суворина. Напротивъ онъ съ предвзятымъ уже намѣреніемъ объясняется съ Утинымъ. Жоховъ явился къ Суворину и выпытывалъ у него, не говорилъ ли ему чего-нибудь Утинъ о Жоховѣ и, узнавши, что нѣтъ, ушелъ. Затѣмъ, остаются только эти три или четыре лица. Кто эти лица? Вопервыхъ, Арсеньевъ, Буренинъ и Пыпинъ—лица очень между собою близкія: всѣ они участвуютъ или въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», или въ «Вѣстникѣ Европы»; сходятся почти еженедѣльно или еще чаще; всѣ они литераторы, видятся очень часто другъ съ другомъ и, какъ люди, принадлежащіе къ одному кружку, зорко наблюдаютъ за поступками каждаго; у нихъ нѣтъ тайнъ; они строго слѣдятъ другъ за другомъ, потому, что отъ этой строгости зависитъ порядочность того кружка, къ которому они принадлежатъ. Чтò же передавалъ ему Утинъ? передавалъ ли онъ что-нибудь положительное, опредѣленное? Нѣтъ. Онъ выражался дѣйствительно неблагопріятно о Жоховѣ, съ указаніемъ, положимъ, на дѣло Гончарова. Такъ, Пыпину

онъ говорилъ, что не слѣдуетъ знаться съ Жоховымъ. Мнѣніе, какъ мнѣніе, оно заключаетъ въ себѣ только порицаніе—порицать можно всякаго. Свобода порицанія, это необходимое условіе общественнаго мнѣнія, иначе оно не свободно. Порицая, онъ дѣлалъ ссылки на дѣло Гончарова. И это ничего; онъ указывалъ на вѣрный, дѣйствительный фактъ, на событіе, изъ котораго Утинъ выводилъ свое мнѣніе о Жоховѣ: онъ не совершалъ клеветы и не распространялъ ложныхъ слуховъ. Притомъ, и порицаніе и ссылка были сдѣланы въ такой формѣ, что, напримѣръ, Пыпинъ и не счелъ нужнымъ измѣнить свои хорошія отношенія къ Жохову и даже предупредилъ его, не указавъ, конечно, на источникъ, что о немъ ходятъ такіе-то слухи. Жоховъ потомъ самъ догадался, какой это источникъ и предположилъ не безъ основанія, что, вѣроятно, извѣстіе идетъ отъ Утина. Перехожу къ Буренину. Утинъ сказалъ ему, что онъ находилъ поведеніе Жохова страннымъ по дѣлу Гончарова. Здѣсь, опять-таки, порицаніе и указаніе на фактъ. Третій человѣкъ — г. Арсеньевъ; ему тоже сообщилъ Утинъ свое неодобреніе по поводу плана защиты по гончаровскому дѣлу, но также не вдаваясь въ детали. Значитъ, всѣ эти три показанія, вмѣстѣ взятыя, давали, конечно, право Жохову очиститься, оправдаться и вызвать Утина на объясненіе; но больше никакого права ему не давали. Что касается показанія Чайковскаго, то я нахожусь въ такомъ положеніи относительно этого свидѣтеля, что не совсѣмъ вѣрю тому, что онъ говорилъ. Онъ показывалъ, будто бы Утинъ передавалъ ему, что г-жа Гончарова совѣтовала не щадить мужа, причемъ Жоховъ молчалъ, изъ чего явственно для Чайковскаго вытекало предположеніе, что г-жа Гончарова преслѣдовала въ планѣ защиты свои личные виды, желала вредить мужу? Но въ первый разъ является это извѣстіе. Еслибъ такія слова были сказаны Гончаровою, то я здѣсь не понимаю, почему бы ихъ не повторить Утину. Они не были сказаны; онъ передавалъ Чайков-

скому только общее впечатлѣніе по дѣлу Гончарова и, притомъ, по очень простому случаю, котораго Утинъ никакъ не искалъ. Не Утинъ обратился къ Чайковскому для сообщенія ему неблагопріятнаго мнѣнія о Жоховѣ, а Чайковскій пришелъ къ Утину объясниться по дѣлу Гончарова и заявилъ свое несочувствіе плану защиты Утина; при этомъ разговорѣ Утинъ, между прочимъ, сказалъ Чайковскому то же самое, что и Арсеньеву, Пыпину и Буренину. Словомъ, изъ всѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ подъ рукой видно, что больше никакихъ другихъ нѣтъ, потому что еслибъ ихъ было больше, то они нашлись бы и были бы заявлены Жоховымъ въ предсмертныхъ его письмахъ. Выходитъ, что Утинъ ничего не сказалъ о личныхъ отношеніяхъ Жохова къ Гончаровой, что никому онъ не намекалъ на стачку, съ цѣлью какъ можно глубже запрятать Гончарова; онъ не сообщалъ ничего подобнаго и не могъ сообщать. Замѣтьте, гг. судьи, еще одну странность въ этомъ дѣлѣ: единственное лицо изъ всѣхъ спрошенныхъ, которое постоянно намекаетъ, что Утинымъ былъ сдѣланъ неблаговидный намекъ на г-жу Гончарову и которое мотивируетъ этимъ, какъ клеветой, свой вызовъ, является одинъ только Жоховъ. Мало того, Жоховъ передъ смертью требуетъ еще подписанія одного удостовѣренія, которое, однако, не было подписано Утинымъ, слѣдующаго содержанія: «такіе-то обязуемся, выходя на дуэль, причинъ дуэли не открывать, потому что тутъ замѣшано имя женщины». Утинъ не могъ подписать этого удостовѣренія, потому что для лицъ, близко знающихъ дѣло, оно ровно ничего не выражаетъ, а незнающимъ даетъ возможность предполагать очень многое и, притомъ, скабрезное. Для постороннихъ оно содержитъ туманные намеки, вслѣдствіе которыхъ можно предполагать Богъ знаетъ что. Не по рыцарски поступилъ бы Утинъ, еслибъ подписалъ это заявленіе. Онъ не хотѣлъ признать, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана женщина, и дѣйствительно женщина не была замѣшана, а

замѣшана была г-жа Гончарова, какъ политическая союзница Жохова, и ея дѣйствіе можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она легко относилась къ мужу. Я полагаю, что послѣ этихъ объясненій можно заключить съ полною достовѣрностью и совершенно правильно, что Утинъ никакого повода къ дуэли не давалъ. Почему же онъ вызванъ; какъ сложилась у Жохова рѣшимость вызвать Утина на поединокъ? Кто намъ поможетъ разрѣшить эту загадку? Да очень просто — самъ Жоховъ; онъ самъ и есть лучшій свидѣтель. Въ дѣлѣ находятся два письма Жохова къ его брату и г-жѣ Гончаровой. Въ обоихъ этихъ письмахъ онъ излагаетъ мотивы и факты, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ практическій выводъ—вызовъ Утина на дуэль. Эти факты слѣдующіе: «Двадцать дней тому назадъ—пишетъ Жоховъ—одинъ изъ моихъ знакомыхъ, котораго я очень люблю (Суворинъ), сказалъ мнѣ при другихъ, что я человѣкъ нечестный. Слово было сказано въ запальчивости. Я просилъ его объясниться письменно; онъ пришелъ ко мнѣ и извинился при тѣхъ же лицахъ, объяснивъ, что былъ введенъ въ заблужденіе. При нашемъ объясненіи, происходившемъ одинъ на одинъ, онъ высказалъ, что про меня говорятъ, будто я причиной погибели Гончарова». Далѣе: «Одному лицу онъ (Утинъ) говорилъ, что знаетъ компрометирующіе меня факты (оказалось, что это былъ г. Буренинъ); предъ другимъ удивлялся, что со мной знакомы (это г. Пыпинъ); а Вѣра Ивановна (Грибоѣдова) передавала, что Чайковскій и Ватсонъ слышали отъ Утина предположеніе, будто я желалъ погубить вашего мужа, чтобъ обвѣнчаться съ вами». Этого Чайковскій здѣсь не подтвердилъ; если онъ и говорилъ про Утина, то только то, что Утинъ былъ раздраженъ противъ г-жи Гончаровой; но о предполагаемой связи Жохова съ Гончаровой нѣтъ ни малѣйшаго намека даже въ показаніяхъ Чайковскаго. Спрашивается: изъ этихъ двухъ-трехъ данныхъ, изъ того, что Утинъ говорилъ, можетъ быть, еще кому-нибудь, что Жоховъ

не хорошо относился къ дѣлу Гончарова, какъ можно вывести то практическое заключеніе, что Утина нужно вызвать на дуэль? Для того, чтобъ объяснить какимъ-нибудь способомъ эту рѣшимость Жохова, я полагаю, что опять также нужно обратиться къ особенностямъ его положенія и къ его характеру, которымъ обусловливалось это положеніе. Какъ извѣстно, Жоховъ, на что указывали многіе, имѣлъ обширный кругъ знакомства въ разнообразныхъ сферахъ. Человѣкъ, который такимъ образомъ разбрасывается, необходимо долженъ чрезвычайно чутко и подозрительно относиться къ тому, что̀ про него говорятъ. Мы, люди обыкновенные, болѣе ограниченные въ своей дѣятельности, конечно, бываемъ недовольны, когда о насъ говорятъ дурное; но мы покоряемся судьбѣ и думаемъ: поговорятъ-поговорятъ, да и перестанутъ; мы не принимаемъ никакихъ мѣръ противъ этихъ разговоровъ. Но для Жохова предупрежденіе этихъ слуховъ составляло почти необходимое условіе существованія. Я повторяю, что̀ уже говорилъ, что считаю его человѣкомъ безъ принциповъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не такой строгой морали, какъ другіе. Подобные люди, естественно, избирая какое-нибудь средство, часто сами не понимаютъ, что это средство не придется понутру другимъ лицамъ, имѣющимъ болѣе строгіе принципы, требующимъ нетолько, чтобъ конечныя цѣли человѣка были хороши, но чтобъ и всякія средства подходили къ руководящей идеѣ. Я не смѣю заподозрить, чтобъ коренныя идеи Жохова были нехороши; онъ, повидимому, былъ человѣкъ глубоко и искренно преданный тому направленію, раздѣляемому литературнымъ кружко̀мъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ. Но что касается отношеній его къ другимъ лицамъ, то я полагаю, что еще до начала дѣла Гончарова между нимъ и этими другими лицами, съ болѣе строгими принципами, возникала и возвышалась, мало по малу, та стѣна, которой онъ одинъ только не замѣчалъ; постепенно и мало по малу возникали нѣкоторыя подозрѣнія, ни на

чемъ, повидимому, неоснованныя. Люди, строго держащіеся одного направленія и одного рода дѣятельности, чрезвычайно подозрительны. Если кто-нибудь изъ близкихъ къ нимъ успѣваетъ чрезъ мѣру на многихъ и притомъ, совершенно противоположныхъ поприщахъ, то у нихъ является подозрѣніе, что ему трудно не свихнуться, трудно ладить съ тѣмъ и другимъ дѣломъ, что онъ долженъ будетъ потерять балансъ и или погибнетъ, или превратится въ простого обыкновеннаго честолюбца, который бросить свою идею, отречется отъ своихъ убѣжденій. Вотъ почему отъ него отдалялись такіе люди, какъ, напримѣръ, г. Суворинъ. Но когда начнется подобное отчужденіе, то люди, подобные Жохову, никакъ не понимаютъ и не замѣчаютъ этого отчужденія и особенно его причинъ. Какъ только такой человѣкъ видитъ, что на него косятся и смотрятъ подозрительно, то онъ тотчасъ же объясняетъ этотъ фактъ либо завистью, которая въ настоящемъ случаѣ, конечно, не могла имѣть мѣста, либо сплетнями, то-есть, распространеніемъ какихъ-либо фактовъ невѣрныхъ, вымышленныхъ, вредящихъ репутаціи и составляющихъ клевету. Предположеніе о клеветѣ заставляетъ принимать мѣры, какъ возстановить свою репутацію. Но какъ возстановить репутацію? какъ уничтожить вредные слухи въ источникѣ? Одно средство — обратиться къ этому человѣку и объясниться. Жоховъ и обратился къ Суворину, разсказалъ ему всю свою жизнь и примирился съ нимъ. Но есть люди, съ которыми объясненіе не поможетъ и не поведетъ ни къ чему. Что же тогда остается дѣлать? Остается обращеніе къ кулаку. Я не могу не назвать дуэли облагороженною кулачною дракой, она, все-таки, не что иное, какъ употребленіе грубой силы. По положенію Жохова, по его связямъ, воспитанію — по всему, поединокъ долженъ былъ, съ его стороны, казаться весьма страннымъ и невѣроятнымъ. Всякій бы отвѣтилъ ему сразу, какъ отвѣчалъ Пыпинъ, когда зашла рѣчь объ обычаѣ, что бываютъ обычаи весьма

глупые. Вотъ почему Жоховъ, рѣшившись вызвать Утина на дуэль, соединилъ съ этимъ средствомъ, на которомъ онъ остановился, еще другое средство — объясненіе предъ посредниками. При вызовѣ Утина на дуэль, я полагаю, что у Жохова была та практическая цѣль, которую онъ и высказалъ—заставить замолкнуть то, что онъ считалъ клеветой, уничтожить въ зародышѣ слухи, которые о немъ ходятъ и источникомъ которыхъ онъ считалъ Утина. Что тутъ не было участія никакого другого чувства, напримѣръ, зависти, ненависти, личнаго раздраженія въ отношеніи къ Утину— это я могу положительно доказать. Жоховъ, какъ человѣкъ безпринципный, для котораго люди и отношенія были не болѣе какъ пѣшки, какъ вещи, который рѣшается холодно, по обдуманному разсчету, въ одномъ письмѣ дать слѣдующую характеристику Утина: «Я не думаю, чтобъ Утинъ сознательно говорилъ неправду; онъ могъ спутать и, затѣмъ, увлеченный озлобленіемъ противъ г-жи Гончаровой, причинъ котораго я, впрочемъ, не знаю, приписать мнѣ всѣ ужасы. Причиной всего была его увлекающаяся натура, сочувствіе къ несчастнымъ, характеръ и нѣкоторое легкомысліе». Прямо вызвать Утина Жоховъ почти не могъ; это значило бы получить отказъ и Утинъ такъ не вышелъ бы на дуэль съ Жоховымъ. Притомъ, вызовъ безъ объясненія неблаговиденъ былъ бы въ томъ кружкѣ, въ которомъ онъ старался возстановить свою репутацію. Надо было прежде объясниться, и вотъ Жоховъ подбираетъ людей для объясненія; но и въ этихъ людяхъ онъ ошибается. Подбирая этихъ людей, онъ, вѣроятно, думалъ, что онъ вызоветъ Утина на объясненіе при нихъ, представитъ, что предлагавшійся имъ планъ защиты прекрасенъ, потому что далъ бы такіе-то хорошіе результаты, планъ этотъ будетъ одобренъ, а Утинъ нравственно побитъ и потомъ, побитый на этомъ объясненіи, онъ долженъ будетъ или дать письмо, въ которомъ бы повинился, отъ начала до конца, во всѣхъ

слухахъ, или выдти на поединокъ. Жоховъ выбираетъ Арсеньева, Суворина и де-Роберти. Объясненіе не состоялось при этихъ лицахъ. Повидимому, Жоховъ требуетъ настоящихъ третчиковъ, рѣшителей, до которыхъ непосредственно не доходили слухи, будто бы пускаемые Утинымъ. (О г. Арсеньевѣ онъ не зналъ, что ему извѣстны эти слухи). Онъ беретъ, между прочимъ, Суворина, потому что Суворинъ въ ссорѣ съ Утинымъ. Утинъ, напротивъ, стоитъ на томъ, чтобъ объясненіе происходило при тѣхъ лицахъ, которымъ онъ что-нибудь передавалъ. Такимъ образомъ, объясненіе состоялось въ присутствіи гг. Арсеньева и Буренина. Жоховъ подчинился этому желанію Утина. Но я не могу думать, чтобъ онъ подчинился ихъ рѣшенію, не надѣясь, что тѣ рѣшатъ въ его пользу. Онъ былъ убѣжденъ, что его одобрятъ, что съ нимъ согласятся, примутъ его планъ и совершенно оправдаютъ. Онъ жестоко ошибся. Объясненіе вышло совершенно не въ его пользу, потому что г. Арсеньевъ и г. Буренинъ сказали ему, конечно, въ весьма мягкихъ выраженіяхъ, что планъ защиты его былъ совсѣмъ нехорошъ. Отвѣтъ посредниковъ вмѣщалъ въ себѣ, при мягкости формъ, прямое порицаніе образа дѣйствій Жохова по дѣлу Гончарова. Тогда Жоховъ прямо, бросивши объясненія, которыя не могли дать ему благопріятнаго результата, тутъ же протестуетъ противъ мнѣнія посредниковъ, обращается къ Утину и вызываетъ его на дуэль. Вызовъ былъ самый неожиданный; Утинъ принялъ вызовъ, и дѣло вступило въ новую фазу. Эта фаза будетъ, вѣроятно, подробно изложена моими товарищами по защитѣ, потому что она касается больше секундантовъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ принятъ вызовъ, жрецами обряда являются секунданты, а сами дерущіеся дѣлаются пассивными лицами до встрѣчи на полѣ поединка. Но и въ этотъ короткій промежутокъ времени, который раздѣлялъ среду, 10-го мая, и воскресенье, 14-го мая, когда поединокъ состоялся, я не могу не указать на характеристическія

особенности въ образѣ дѣйствій какъ Жохова, такъ и Утина. Жоховъ во всѣ эти дни какъ будто бы неутомимо, нетерпѣливо и нещадно гонитъ событія впередъ, старается ихъ ускорить и какъ бы озабоченъ, чтобъ Утинъ не ушелъ, чтобъ дѣло не кончилось миролюбивымъ образомъ. Письмо, которое писалось у г. Арсеньева, не привело ни къ какому результату. Жоховъ съ четверга старается, чтобъ поединокъ былъ непремѣнно въ субботу. Въ четвергъ собраніе у де-Роберти. Секунданты и Утинъ стараются отдалить встрѣчу до понедѣльника. Секунданты, затѣмъ, рѣшаютъ удвоить свое число; сначала ихъ было только двое, а вечеромъ приглашены еще двое, Неклюдовъ и Ватсонъ. Секунданты и, по ихъ настоянію, Утинъ дѣлаютъ еще отчаянное усиліе, чтобъ предотвратить поединокъ; они склоняютъ Утина написать письмо. Они старались представить Утину, что Жоховъ могъ поторопиться, сдѣлавъ вызовъ, но вслѣдствіе вызова, сталъ въ столь неловкое положеніе, что не можетъ уже сдѣлать первый шагъ къ примиренію, что нужно открыть ему какую-нибудь возможность взять свой вызовъ назадъ. Вотъ почему въ письмѣ Утина повторяется все то, что было заявлено у г. Арсеньева, что я, Утинъ, вотъ что передавалъ о васъ, и такъ какъ больше ничего не передавалъ, кромѣ того, что случилось въ самомъ дѣлѣ, то и прошу васъ при такихъ условіяхъ взять вызовъ назадъ. Письмо это привозится на совѣщаніе секундантовъ; всѣ четверо признаютъ его удовлетворительнымъ. Ватсонъ идетъ къ Жохову, убѣждаетъ его цѣлый часъ, но получаетъ отказъ и слышитъ желаніе, чтобъ какъ можно скорѣе состоялась дуэль. Потомъ, послѣ этого отказа, за обѣдомъ въ Лѣтнемъ Саду, между секундантами были приняты условія, которыя представляли самую наименьшую опасность для стрѣляющихся. Кто же недоволенъ этими условіями? Утинъ принимаетъ ихъ пассивно. Жоховъ требуетъ болѣе строгихъ. Въ субботу происходятъ переговоры о мѣстѣ поединка и тутъ дѣлается

еще попытка къ примиренію. У Ватсона является мысль, нельзя ли, для удовлетворенія Жохова, добыть родъ протокола объясненія, бывшаго при гг. Буренинѣ и Арсеньевѣ, у послѣдняго. Но отъ Буренина Ватсонъ узнаетъ, что этотъ способъ былъ уже испытанъ и отвергнутъ. Несмотря на то, Ватсонъ ѣдетъ къ Жохову и предлагаетъ ему этотъ способъ, но получаетъ отказъ; Жоховъ заявляетъ ему, что не можетъ удовольствоваться наканунѣ дуэли тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ удовлетворенъ за нѣсколько дней. Въ воскресенье пріѣзжаютъ на мѣсто поединка: дѣлается предложеніе со стороны секундантовъ о примиреніи. Д-ръ Воловскій обращается къ противникамъ и отъ Утина получаетъ отвѣтъ, что онъ не можетъ сказать ни да, ни нѣтъ; онъ явился на поединокъ, на который вызовъ былъ не отъ него, а Жоховъ отвѣчаетъ положительнымъ нежеланіемъ мириться. Наконецъ, противники становятся въ позицію, и начинается дуэль. Въ этой дуэли, которая кончилась такъ несчастливо для Жохова, какую роль принимаетъ Утинъ съ момента принятія вызова до момента, когда дуэль кончилась такъ плачевно? имѣлъ ли онъ малѣйшую возможность въ какой нибудь моментъ, въ теченіи времени отъ 10-го до 14-го мая, повліять или на то, чтобъ дуэль не состоялась, или на то, чтобъ она кончилась менѣе кровопролитно? Что же, спрашивается, могъ онъ сдѣлать? Не принять вызова? Полноте, такъ ли? Еслибъ кто нибудь сказалъ, что онъ могъ не принять вызова, то я скажу, что это онъ говоритъ потому, что ничего подобнаго не испыталъ, что онъ не имѣетъ, въ виду, никакого конкретнаго случая; но еслибъ ему самому пришлось быть въ подобномъ положеніи, то онъ бы не выдержалъ. Мы всѣ — люди, которые не поглощены всецѣло официальною или иною спеціальною дѣятельностью и которые претендуютъ, всетаки, на то, чтобъ насъ считали свѣтскими людьми, находимся всегда въ такомъ состояніи, что тотъ, кто пожелалъ бы настоятельно вовлечь насъ въ дуэль, могъ бы почти всегда

достигнуть своей цѣли. Для всякаго изъ насъ гораздо лучше выйти на дуэль, нежели подвергаться риску получить обиду публично, гдѣ-нибудь на улицѣ, въ театрѣ. Конечно, обидчика засадятъ въ тюрьму, но этого мало. Человѣкъ не вполнѣ поглощается государствомъ, честь его не совершенно охраняется государствомъ, и для большинства людей обиженный такъ и останется навсегда со слѣдами обиды на лицѣ. Это глупо, но это вѣрно. Я констатирую фактъ и не думаю, чтобъ кто-нибудь сталъ оспаривать его. Что же, затѣмъ, могъ сдѣлать Утинъ, и чего онъ не дѣлалъ? Былъ ли какой нибудь моментъ, въ который онъ могъ бы повлiять на то, чтобъ дуэль не состоялась? Письмо предложить? Оно было предложено, но противники разошлись на весьма существенномъ пунктѣ: отъ Утина требовали, чтобъ онъ написалъ неправду, что онъ ничего предосудительнаго о Жоховѣ и о г-жѣ Гончаровой не говорилъ, между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, что находитъ образъ дѣйствiй ихъ по дѣлу Гончарова неодобрительнымъ, заслуживающимъ порицанiя. Послѣ объясненiя у г. Арсеньева, онъ былъ раздраженъ противъ Жохова; онъ думалъ, что Жоховъ нарочно вовлекъ его въ объясненiе, поставивъ ему ловушку, чтобъ заставить его выйти на дуэль. Несмотря на то, онъ не прочь мириться; его убѣждаютъ секунданты, онъ пишетъ еще письмо; но когда и это письмо не подѣйствовало, когда всѣ средства примиренiя были истощены, то съ тѣхъ поръ до самой встрѣчи не могло быть и рѣчи о мирѣ.

Утинъ долженъ былъ выдти на дуэль. Какъ же онъ долженъ былъ дѣйствовать? Воздержаться отъ выстрѣла, какъ дѣлаетъ человѣкъ, который хотя не одобряетъ поединка, но чтобъ показать, что онъ не трусъ, становится подъ выстрѣлъ? Или, можетъ быть, выстрѣлить на воздухъ? Да, конечно, если разсуждать хладнокровно и отвлеченно, то это такъ, но, гг. судьи, человѣкъ не камень, онъ состоитъ не изъ однихъ только костей да мяса. У него есть нервы—весьма тонкiй инструментъ,

на которомъ играютъ внѣшнія событія, раздражительность и впечатлительность весьма различны у различныхъ людей. Представимъ, что передъ нами субъектъ очень нервный, съ которымъ часто случается истерика, у котораго есть, притомъ, порокъ сердца и случаются зачастую обмороки; онъ находится въ возбужденномъ состояніи въ теченіи цѣлой недѣли; въ началѣ недѣли его зовутъ письмами на объясненіе, весьма серьезное; съ каждымъ письмомъ выраженія становятся рѣзче съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ, слѣдуетъ объясненіе у г. Арсеньева, во время котораго онъ имѣетъ основаніе думать (хотя я не полагаю, чтобъ это было такъ), что само объясненіе не что иное, какъ ловушка, что его нарочно завлекали, чтобъ бросить ему въ глаза вызовъ; онъ раздраженъ, несмотря на то, что настолько владѣетъ собою, что не уклоняется отъ примиренія и пишетъ письмо. Наконецъ, всѣ средства истощены; ѣдутъ и становятся на свои позиціи. Я смѣло могъ бы утверждать то же самое, что утверждали секунданты, что, при избранныхъ условіяхъ поединка, результатъ его объясняется только слѣпымъ случаемъ. Но я могу сдѣлать предположеніе еще другое. Я полагаю, что Утинъ не думалъ стрѣляться, желалъ выстрѣлить на воздухъ; когда ихъ поставили на позицію, когда присутствіе того, котораго Утинъ считалъ своимъ противникомъ, вызвавшимъ его на поединокъ понапрасну, озлобленнаго противъ него, еще больше раздражило Утина, и когда, наконецъ, онъ увидѣлъ что дуло пистолета противника направлено ему прямо между глазъ, тогда инстинктивно, по чувству, которое онъ и самъ не въ состояніи теперь объяснить, ненависти или самосохраненія, въ одно мгновеніе, почти непроизвольно, палецъ сдѣлалъ движеніе и спущенъ былъ курокъ, пуля полетѣла и попала въ самый лобъ противнику. Упалъ Жоховъ, а чрезъ минуту упалъ на мокрую траву и Утинъ, потому что съ нимъ случился истерическій припадокъ.

Гг. судьи, еслибъ это былъ судъ съ присяжными, то я на этомъ окончилъ бы защиту; но въ судѣ безъ присяжныхъ я обязанъ коснуться стороны юридической, вопроса о примѣненіи наказанія. Я полагаю, какъ и г. прокуроръ, что дѣйствія Утина подходятъ подъ 1503-ю ст. уложенія о нак., подъ 2-ю ея часть. Но вы имѣете, по 774-й ст. уст. уголов. судопр., полное право по всякому преступленію, безъ исключенія, значитъ и по поединку, если найдете обстоятельства смягчающія вину подсудимаго, понизить ему наказаніе одною или двумя степенями. Допустимъ что эти обстоятельства есть (я возвращусь къ этому вопросу)—спрашивается, какъ понизить наказаніе? По 1503 ст. полагается заключеніе въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ. Значитъ чтобъ понизить, нужно отыскать въ заключеніи крѣпостномъ одну или 2 степени, примыкающія къ сроку отъ 2 до 4 лѣтъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе; заключеніе въ крѣпости—наказаніе особое, которое не стоитъ въ общей лѣстницѣ наказаній; оно и смирительный домъ совершенно въ сторонѣ; оно имѣетъ свои степени, изложенныя въ 34-й и 35-й ст. уложенія, пять степеней, которыя идутъ отъ заключенія отъ четырехъ недѣль до заключенія на четыре года. Но вотъ въ чемъ еще новое затрудненіе: эти степени заключенія въ 34-й и въ 35-й ст. нисколько не сходятся, ни качественно, ни количественно, съ наказаніями, полагаемыми за дуэли во главѣ 4-й раздѣла X-го уложенія; въ качественномъ отношеніи потому, что въ главѣ 4-й полагаются совершенно иные сроки заключенія, а въ количественномъ потому, что въ 34-й ст. говорится о заключеніи съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ—между тѣмъ, какъ заключеніе въ крѣпости за дуэль налагается болѣе легкое и никогда не влечетъ за собою лишенія правъ. Однако, степени всетаки надо отыскать. Я полагаю, что ихъ можно отыскать на практикѣ по теоріи. Я ссылаюсь на сочиненіе г. Таганцева «О преступленіяхъ противъ жизни», 2-й томъ. Если сопоставить

всѣ наказанія, которыя полагаются за дуэль въ главѣ 4-й раздѣла Х-го, то изъ нихъ образуется своя особая лѣстница, по которой можно спускаться. Если обратить вниманіе на 3-ю часть 1503-й ст., то можно увидѣть, что сейчасъ же послѣ наказанія заключеніемъ въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, идетъ заключеніе отъ 8-ми мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ, въ 1507-й ст. полагается наказаніе секундантамъ въ размѣрѣ образующемъ новую ступень — отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Еще можно отыскать одну степень—отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ, а если подниматься вверхъ то можно отыскать степени отъ 4-хъ до 6-ти и 8-ми мѣсяцевъ и даже до 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, изъ соображенія наказаній, полагаемыхъ собственно за дуэли, можно составить особую лѣстницу наказаній и, слѣдовательно, можно понизить наказаніе, опредѣленное въ 1503-й ст., и перейти отъ заключенія въ крѣпости отъ 2 до 4 лѣтъ, до заключенія отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Затѣмъ, если подсудимый будетъ найденъ заслуживающимъ еще большаго снисхожденія, то можно будетъ понизить наказаніе отъ 4 до 8 мѣсяцевъ и дойти такимъ образомъ до самой послѣдней грани снисхожденія, на которой уже исчерпываются ваши полномочія—до 4 мѣсяцевъ. Я и прошу именно, чтобъ подсудимый Утинъ былъ присужденъ къ этому послѣднему наказанію. Причины, по которымъ я прошу этого смягченія, заключаются въ слѣдующемъ. Вашъ судъ отличенъ отъ суда присяжныхъ тѣмъ, что вы должны мотивировать смягченіе участи подсудимаго, вы должны указать на смягчающія обстоятельства. Есть цѣлый перечень этихъ смягчающихъ обстоятельствъ въ 134-й ст. уложенія, въ 9 ея пунктахъ. Я полагаю, что между этими пунктами найдутся многіе, которые подходятъ къ Утину. Я по крайней мѣрѣ, нахожу 1-й пунктъ, т. е., что подсудимый тотчасъ заявилъ о совершившемся преступленіи и чисто-сердечно призналъ себя виновнымъ, и 5-й пунктъ—сильное раздраженіе, въ которое былъ поставленъ Утинъ

[redacted]

образомъ дѣйствій своего противника. Но этотъ перечень въ статьѣ 134-й данъ только въ видѣ примѣра; кромѣ этихъ обстоятельствъ, которыя въ 134-й ст. перечислены, вы можете пріискать еще весьма многія, заимствованныя изъ натуры самаго преступленія. Вы можете стать именно на точку зрѣнія прокурора, но вы должны будете, ставъ на эту точку зрѣнія, придти къ другимъ, нежели онъ даетъ заключеніямъ. Натура преступленія и то обстоятельство, что оно совершено образованными людьми, располагаютъ не къ строгости, а къ снисхожденію, по причинамъ, которыя я постараюсь изложить. На поединокъ можно смотрѣть различно, прежде всего, какъ на преступленіе противъ жизни. Есть теоретики, которые подводятъ дуэль подъ эту категорію, разсуждая съ отвлеченной точки зрѣнія, но взглядъ этотъ ведетъ къ систематической безнаказанности дуэлей вездѣ, гдѣ дуэли судятся судомъ присяжныхъ. Народное сознаніе идетъ въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ съ теоріей и закономъ. Я думаю, что можно смотрѣть на поединокъ не какъ на преступленіе противъ жизни, а только какъ на преступленіе противъ государства, противъ его судебной власти, какъ на самосудъ, самоуправство. Конечно, оно можетъ быть разсматриваемо, какъ особый видъ самоуправства; но за это нельзя наказывать жестоко, какъ жестоко наказывали въ прежнія времена; да и къ чему же повели эти жестокія наказанія? Поединки сдѣлались чаще, когда дуэлистовъ вѣшали, напримѣръ, при Ришельё. Вообще, государство и законодательство въ настоящее время смотрятъ иначе на поединки и ограничиваются гораздо болѣе легкими наказаніями. Поединокъ заслуживаетъ этого вниманія потому, что онъ основывается на весьма древнемъ, старинномъ европейскомъ обычаѣ. Вы можете назвать какъ угодно этотъ обычай: глупымъ предразсудкомъ, барскою привычкой, плодомъ праздности, въ которой живутъ богатые классы, но, тѣмъ не менѣе, практика будетъ опровергать на каждомъ шагу ваши положенія, потому

что этотъ обычай, будто бы дворянскій, былъ распространенъ повсюду именно тогда, когда было отмѣнено въ Европѣ дворянство, когда стали драться блузники и буржуа. Оттуда онъ перешелъ къ намъ, привился и дѣйствуетъ. Взгляните, какіе люди стали драться? Развѣ Жоховъ—баричъ? Это—человѣкъ дѣловой и нисколько не аристократическій. Значитъ, мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ и обычаемъ весьма сильнымъ; онъ существуетъ, и нельзя поручиться, что не будетъ существовать еще 100, 200 или больше лѣтъ. Почему? Потому что въ этомъ обычаѣ, хотя и въ грубой формѣ, есть нѣчто такое, что заставляетъ людей стоять за него; въ этой грубой, безобразной формѣ проявляется, однакожъ, извѣстное чувство, одно изъ тѣхъ, о которыхъ заставляетъ насъ забывать цивилизація. Эта цивилизація наша внушаетъ человѣку: себя не защищай, я тебѣ гарантирую всевозможныя блага, только богатѣй, учись да старайся быть какъ можно ловчѣй, старайся только не забѣгать въ область уголовнаго права, и будешь ты знатенъ, и уважаемъ, и богатъ. Обычай поединка является среди этой цивилизаціи какъ символъ того, что человѣкъ можетъ и долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ для себя благомъ — своею жизнью, за вещи, которыя съ матеріалистической точки зрѣнія, не имѣютъ значенія и смысла—за вѣру, родину, хотя бы за честь; вотъ почему этимъ обычаемъ нельзя поступаться. Онъ имѣетъ основаніе то же, что и война. Вѣдь война тоже фактъ грубый, дикій, безобразный, противъ войны писались цѣлые томы, ученые будутъ доказывать, какъ безобразенъ этотъ фактъ, поэты будутъ бросать проклятія на воюющихъ, будутъ составляться общества, собираться конгресы друзей мира — и что же? Война будетъ продолжать существовать, и одинъ мигъ такой грозы очиститъ воздухъ гораздо въ большей степени, нежели десятки лѣтъ жаркаго мира, среди котораго растутъ хорошія растенія, но растутъ и сорныя травы. Я бы сказалъ finis Европѣ, еслибъ всѣ

европейскіе народы устроились такъ, чтобъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не воевать. Я не думаю, чтобъ сила рождала право, но думаю, что всякому нужно быть сильнымъ, мужественнымъ и храбрымъ, чтобъ отстаивать свое право. Вотъ почему въ поединкѣ важно входить не во внѣшнюю сторону дѣла, а въ сокровенныя причины и побужденія къ вызову и прослѣдить дѣйствія человѣка отъ начала дѣла до конца, безупречно или нѣтъ его поведеніе. Если оно безупречно, если результатъ поединка слѣдуетъ приписать стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, то надлежитъ по справедливости понизить наказаніе до послѣдней грани, до которой позволяетъ вамъ доходить законъ.

Окружный судъ, признавая подсудимаго Утина виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 отд. 1503 ст. улож. о наказ., постановилъ: заключить его въ крѣпость на 2 года, но не приводя сего приговора въ исполненіе, по вступленіи таковаго въ законую силу, въ виду особыхъ уваженій къ облегченію участи подсудимаго, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ чрезъ министра юстиціи о смягченіи наказанія заключеніемъ въ крѣпость на 5 мѣсяцевъ.

[redacted]

1873.

11.

Дѣло о надворномъ совѣтникѣ Пальмѣ, обвиняемомъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ подлогѣ.

Надворный совѣтникъ Александръ Ивановъ Пальмъ обвинялся, во первыхъ, въ томъ, что, состоя управляющимъ Полтавскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка и получивъ въ качествѣ управляющаго казенную сумму, препровожденную Полтавской земской конюшней на храненіе въ отдѣленіе банка, самовольно употребилъ въ свою пользу четырнадцать тысячъ рублей серебромъ и не возвратилъ таковыхъ денегъ и послѣ открытія сего злоупотребленія, и, во вторыхъ, въ томъ, что для сокрытія присвоенія или растраты составилъ подъ вымышленными нумерами ложныя извѣщенія о поступленіи на храненіе въ отдѣленіе банка принятыхъ имъ денегъ, между тѣмъ какъ эти деньги въ отдѣленіе банка имъ, Пальмомъ, внесены не были и по книгамъ отдѣленія не значатся, каковыя преступленія предусмотрѣны 3 ч. 354 и 359 ст. улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ уголовномъ отдѣленіи Харьковской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 27 марта 1873 года.

«Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Подсудимому, который, подобно настоящему, сознается въ своемъ преступленіи, практическій исходъ дѣла почти безразличенъ. Пословица гласитъ: «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Повинившись, подсудимый можетъ махнуть ру-

кою на всѣ юридическія подробности. Но не таково положеніе защитника; онъ, по званію своему, обязанъ воспользоваться всѣми способами защиты; онъ долженъ стараться хотя на одинъ волосъ уменьшить отвѣтственность, а слѣдовательно, и наказаніе. Вотъ почему, состязаясь съ обвиненіемъ, я постараюсь, по-крайней-мѣрѣ, одинъ изъ пунктовъ обвиненія уничтожить и разрушить. Я вполнѣ признаю фактъ растраты чужихъ денегъ, но я полагаю, что можно опровергнуть другое обвиненіе — въ подлогѣ, въ составленіи подсудимымъ лживыхъ бумагъ, съ цѣлью скрыть преступленіе. Это будетъ составлять первую часть моей задачи. Затѣмъ, во второй, по вопросу о растратѣ, я, не касаясь юридической стороны дѣла, буду ходатайствовать только о снисхожденіи къ подсудимому, и полагаю, что вы найдете весьма много причинъ, располагающихъ къ этому снисхожденію.

«Начинаю съ вопроса о подлогѣ. Да будетъ мнѣ позволено коснуться фактической основы дѣла, которая чрезвычайно проста и ясна. Въ 1868 году Пальмъ переведенъ въ Полтаву изъ Кишинева въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ; его преслѣдовали долги, которые по разнымъ обстоятельствамъ дошли до громадной, по средствамъ его, цифры 17,000 руб. На него подавались взысканія въ полицію, въ судъ, слухи объ этихъ долгахъ доходили до самого министра финансовъ. Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, человѣкъ ему близкій, пріятель, съ которымъ онъ былъ на «ты», полковникъ фонъ-Белли, просилъ его, предложилъ ему или по-крайней-мѣрѣ заявилъ ему, что хочетъ перенести въ отдѣленіе Государственнаго Банка, капиталъ земской конюшни, который прежде находился въ уѣздномъ казначействѣ, гдѣ неудобно было для конюшни его держать, потому что приходилось много разъ туда ходить и тратить время. Извѣстно, что былъ изданъ циркуляръ министромъ финансовъ, въ которомъ предлагалось разнымъ вѣдомствамъ, казеннымъ и частнымъ, помѣ-

щать свои капиталы въ отдѣленія банка. Затрудненіе состояло въ томъ, что Белли не хотѣлъ платить за храненіе капитала въ отдѣленіи банка; но Пальмъ взялся устроить это затрудненіе, обѣщавъ сдѣлать представленіе въ правленіе Государственнаго Банка о томъ, чтобы этотъ капиталъ конюшни былъ принятъ безплатно въ отдѣленіе банка. По состоявшемуся между Пальмомъ и Белли предварительному соглашенію, 23-го января с. г. Пальмъ сообщилъ Белли о распоряженіи министра финансовъ, слѣдствіемъ чего была бумага фонъ-Белли отъ 27-го февраля, съ которою г. фонъ-Белли привезъ въ Банкъ капиталъ конюшни въ процентныхъ бумагахъ, и тутъ же передалъ его Пальму. Тутъ представляется вопросъ, которому всего больше времени посвящаетъ г. товарищъ прокурора: зналъ ли или не зналъ г. фонъ-Белли, что Пальмъ употребитъ капиталъ конюшни въ свою пользу, что онъ будетъ на этотъ капиталъ дѣлать спекуляціи? Это обстоятельство въ сущности, съ юридической точки зрѣнія, совершенно не важное и безразличное. Хотя бы и было согласіе со стороны г. фонъ-Белли, г. Пальмъ самъ не могъ не знать, что этотъ капиталъ чужой, что онъ принадлежитъ не г. Белли, а земству, и что имъ нельзя пользоваться; онъ долженъ былъ отклонить отъ себя искушеніе и отказаться отъ дружеской услуги на чужой счетъ, еслибъ таковая предлагалась ему со стороны г. фонъ-Белли, такъ что Пальмъ, во всякомъ случаѣ, виновенъ. Но еслибъ оказалось, что г. фонъ-Белли совсѣмъ не зналъ о томъ, какъ будетъ пользоваться г. Пальмъ этимъ капиталомъ, то къ растратѣ капитала присоединится еще новый элементъ — нарушеніе довѣрія пріятеля, предательство, частная измѣна, которая дѣлаетъ преступленіе Пальма въ нравственномъ отношеніи гораздо худшимъ, менѣе извинительнымъ. Я полагаю, что для подсудимаго въ его нынѣшнемъ тяжеломъ положеніи единственная услуга, которую можно оказать ему, это самая суровая, самая безпощадная правда, безъ всякой фальши, безъ

всякихъ прикрасъ, и защита должна выставить его поступокъ, какъ онъ есть, нисколько не хуже того, какимъ онъ былъ, но и не лучше. Такъ понимая мою задачу, я откровенно говорю, что я не вѣрю тому, будто г. фонъ-Белли далъ свое прямое и открытое согласіе на то употребленіе капитала, которое сдѣлано Пальмомъ. Я не вѣрю, во-первыхъ, потому, что «своя рубашка ближе къ тѣлу», что дружба дружбой, а все-таки она не можетъ простираться до того, чтобъ отдавать чужую собственность другу и пріятелю. Я не могу этому повѣрить, потому что еслибъ г. фонъ-Белли дѣйствительно далъ свое соизволеніе, то во всякомъ случаѣ, когда онъ переѣзжалъ изъ Полтавы въ Елизаветградъ и покидалъ должность, то онъ не могъ не спросить отчета въ дѣйствіяхъ у Пальма; не могъ не обязать Пальма передать полностью капиталъ преемнику фонъ-Белли, г. Эммануэлю. Я не вѣрю, чтобъ г. Пальмъ велъ дѣло съ фонъ-Белли откровенно и на чистоту. Но, съ другой стороны, увѣренія Пальма по этому предмету столь сильны, столь настойчивы, что я не могу и съ его стороны допустить сознательной, и во всякомъ случаѣ безполезной лжи. Я полагаю, что слѣдуетъ избрать при возстановленіи истины средній путь и допустить, что имѣлъ мѣсто психическій самообманъ, самообольщеніе со стороны Пальма. Г. Пальмъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ г. фонъ-Белли; онъ былъ увѣренъ, что еслибъ онъ сказалъ фонъ-Белли прямо: «мнѣ нужны деньги», то фонъ-Белли согласился бы на услугу. Но та услуга непріятна, о которой откровенно и говорить совѣстно съ ближайшими друзьями. Кому не случалось часто въ общежитіи слѣдующее: я хочу попросить пріятеля о чемъ-то нехорошемъ, мнѣ стыдно говорить прямо, я дѣлаю намеки, которые не отвергаются; мой пріятель какъ будто бы дѣлаетъ видъ, что онъ меня понимаетъ, и предложеніями моими нисколько не смущается; тогда я дѣлаю заключеніе, что мой другъ и пріятель соглашается смотрѣть сквозь

пальцы, и тогда это молчаніе принимается за согласіе; а такъ какъ желается, чтобъ отвѣтъ былъ таковъ, то и вѣрится тому, что онъ былъ именно таковъ. Я полагаю, что съ Пальмомъ произошло нѣчто подобное тому, что̀ я разсказалъ. Г. Пальмъ былъ такъ близокъ съ г. фонъ-Белли, что я не совсѣмъ вѣрю г. фонъ-Белли на счетъ того, чтобъ онъ не зналъ о всей затруднительности положенія г. Пальма, которое было извѣстно въ городѣ Полтавѣ многимъ и весьма многимъ. Пальмъ сообщаетъ, положимъ, фонъ-Белли о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а г. фонъ-Белли говоритъ ему тутъ же, что деньги земской конюшни будутъ долго лежать въ банкѣ, что изъ нихъ потребуется ежегодно на расходы не болѣе 1,500 или 2000 руб.; г. Пальмъ говоритъ: «Я не могу теперь выдать квитанціи, я долженъ объ этомъ войти съ представленіемъ въ правленіе банка»; хорошо, говоритъ фонъ-Белли, беретъ вмѣсто квитанціи временную росписку и довольствуется ею, никогда уже потомъ не заикаясь о перемѣнѣ росписки на квитанцію, и такъ проходятъ мѣсяцы; кончается годъ. Вотъ что могло навести г. Пальма на мысль, что г. фонъ-Белли смекаетъ, въ чемъ дѣло; а такъ какъ онъ человѣкъ съ живымъ воображеніемъ, то онъ увѣровалъ тому, чему желалъ увѣровать, а именно, что г. фонъ-Белли не прочь дать ему, Пальму, пользоваться капиталомъ конюшни. Такъ продолжалось до смѣны г. фонъ-Белли; тутъ наступила критическая минута; г. Пальмъ могъ опасаться, что г. Эммануэль потребуетъ деньги, но г. Эммануэль не являлся, ничего не требовалъ. Такъ жилось до 10-го апрѣля безъ разсчету подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, что разъяснится неопредѣленное положеніе, что раскроется растрата, съ Богъ вѣсть на чемъ основанными надеждами, напр., «авось какъ-нибудь вывернусь». Изъ долгаго молчанія Эммануэля Пальмъ заключалъ, что, можетъ быть, Белли и Эммануэля убѣдитъ дать Пальму пользоваться капиталомъ. Вспомните, гг. присяжные, изъ показанія Эммануэля, что когда раскрылась рас-

трата, то Пальмъ спросилъ его наивно: «а развѣ вамъ г. фонъ-Белли ничего не передавалъ»? Онъ такъ надѣялся, что фонъ-Белли такъ хорошо знаетъ его положеніе, что, можетъ быть, даже и передалъ эти свѣдѣнія другу своему, Эммануэлю. Вотъ какія странныя заблужденія были у этого человѣка.

«Я объяснялъ до-сихъ-поръ, какимъ образомъ капиталъ конюшни перешелъ къ Пальму. Спрашивается теперь, во-первыхъ, какое изъ нихъ употребленіе сдѣлалъ г. Пальмъ и, во-вторыхъ, въ какомъ видѣ отношенія Пальма и Белли къ капиталу представлялось на бумагѣ? какъ оно было оформлено въ офиціальной корреспонденціи между отдѣленіемъ Государственнаго Банка и земской конюшней? Что касается перваго вопроса, то онъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Процентныя бумаги конюшни были получены, и вмѣсто передачи въ банкъ остались на рукахъ у подсудимаго, который и сталъ ими пользоваться на покрытіе своихъ частныхъ долговъ; билеты конюшни можно было закладывать и въ томъ же отдѣленіи банка, во избѣжаніе продажи перезакладывать; когда же имъ будетъ грозить продажа, ихъ можно выкупать и опять закладывать. 27-го января былъ заложенъ одинъ билетъ въ 5,000 руб. за № 5,114; затѣмъ послѣдовалъ закладъ другихъ билетовъ: заложенъ былъ другой билетъ въ 5,000 руб. за № 5,117, затѣмъ заложены были 2 билета по 300 руб. каждый. Всѣ эти билеты закладывались и перезакладывались передъ срокомъ и послѣ срока; иногда Пальмъ дѣлалъ слѣдующее: закладывалъ не самые билеты, а вносилъ ихъ въ банкъ вкладомъ на храненіе, бралъ сохранную росписку и эту сохранную росписку закладывалъ. Въ апрѣлѣ 1869 года вслѣдъ за билетами стали закладываться и серіи. Что касается билетовъ государственнаго казначейства, то Пальмъ держалъ равновѣсіе въ своихъ сдѣлкахъ съ кредиторами довольно хорошо до іюня мѣсяца 1870 г., но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 г. денегъ у него не хватило на то, чтобъ выкупить банковый билетъ конюшни въ

5.000 руб., такъ что этотъ билетъ былъ проданъ Государственнымъ банкомъ. Такимъ образомъ одинъ конецъ растраты оставался неизбѣжно неприкрытымъ, явно изобличающимъ Пальма въ растратѣ; при малѣйшемъ стараніи, при малѣйшей развѣдкѣ о томъ, куда ушли билеты, растрата должна была обнаружиться. Другіе билеты закладывались, перезакладывались такимъ образомъ, что конецъ сроковъ истекалъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ растрата была обнаружена. Что касается серій, то онѣ были въ цѣлости до послѣдняго времени, хотя и показывались проданными, такъ что даже въ послѣднемъ отчетѣ, данномъ г. Пальмомъ конюшнѣ, значилось гораздо менѣе серій, чѣмъ было ихъ въ дѣйствительности; значитъ — частью этихъ серій можно было даже покрыть тотъ недочетъ, который происходилъ отъ продажи банкомъ билета въ 5,000 р. въ іюнѣ 1869 года. Пальмъ разсказалъ обстоятельства, предшествовавшія раскрытію растраты. Были-ли тутъ при чемъ нибудь написанная имъ пьеса «Просвѣтители» и то озлобленіе, которая пьеса вызвала въ Полтавѣ — я не берусь судить; ясно только то, что 10-го апрѣля явился въ банкъ полковникъ Эммануэль, потребовалъ капиталъ, капиталъ не могъ быть данъ, растрата была очевидна, и тотчасъ же огласилась. Съ-тѣхъ-поръ прошло одиннадцать дней между обнаруженіемъ растраты и первымъ допросомъ г. Пальма. Въ этотъ одиннадцатидневный промежутокъ случилось обстоятельство, на которое особенно сильно налегаетъ обвиненіе, а именно продажа билетовъ конюшни, заложенныхъ банку, и притомъ продажа по распоряженію Пальма. Я никакъ не могу допустить, чтобъ это обстоятельство отягощало вину Пальма, чтобъ оно вину эту видоизмѣняло. Еслибъ процентный билетъ конюшни на 5,000 и серіи на 5,500 руб., всего на 10,500 руб., лежали въ банкѣ, еслибъ конюшня предъявила свои права на нихъ, тогда они можетъ быть и поступили бы въ конюшню, но остался бы недочетъ по банку, и г. Пальмъ былъ бы отвѣт-

ственъ и передъ банкомъ, и передъ конюшней. Я полагаю, что нѣтъ ничего естественнѣе его желанія отвѣчать передъ однимъ взыскателемъ, а не передъ двумя. По банку онъ остался совершенно чистъ, всѣ дѣла по банку найдены въ порядкѣ; между тѣмъ онъ не остался бы чистъ передъ банкомъ, еслибъ билеты не были проданы, потому что растрата 14,000 р. получила уже такую громкую огласку въ Полтавѣ, что Пальму не было никакой возможности получить какую бы то ни было сумму въ займы. Онъ и обращется къ г. Боссе и говоритъ ему: «Продай билеты и покрой долгъ». Пальмъ въ ту минуту не разсчитывалъ, сколько останется отъ продажи и что̀ онъ сдѣлаетъ съ остаткомъ; онъ былъ тогда совершенно разстроенъ и растерянъ; порученіе продать дано было имъ за два дня до его заарестованія. Боссе объяснилъ вамъ, что для продажи билетовъ, т. е. для полученія за нихъ денегъ онъ поднесъ Пальму бумагу и сказалъ: «Распишитесь». Пальмъ расписался. Если потомъ Боссе принесъ остатокъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ рублей и отдалъ ихъ женѣ Пальма, и если г-жа Пальмъ взяла эти деньги, и какъ утверждаетъ Боссе, не спрося, откуда онѣ, взяла ихъ и не передала Пальму—то что же тутъ удивительнаго, страннаго? Если встрѣчается въ дѣлѣ какое-нибудь сомнѣніе, то оно должно быть толкуемо не во вредъ обвиняемому, а въ пользу его—такъ говоритъ и законъ. Наконецъ, обвинительная власть могла же пригласить г-жу Пальмъ, которая была спрошена на предварительномъ слѣдствіи, и тогда вы бы услышали отъ нея объясненіе того обстоятельства, что она денегъ мужу не передавала, что эти деньги послужили ей на первое время на прокормъ семейства, послѣ того какъ Пальмъ былъ заарестованъ, и въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

«Я разсмотрѣлъ, какъ пользовался Пальмъ капиталами конюшни. Теперь остается изучить, какимъ представлялось на бумагѣ положеніе капитала, врученнаго

Пальму, каковы были соглашенія и уговоры г. фонъ-Белли съ г. Пальмомъ. Оказывается несомнѣннымъ, что капиталъ конюшни передавалъ не г. фонъ-Белли, а управляющій земскою конюшнею, не г. Пальму, а управляющему отдѣленіемъ Государственнаго банка, лицу офиціальному. Такая передача суммъ офиціальнаго лица лицу офиціальному даетъ преступленію Пальма неизгладимый характеръ преступленія по должности, чего я и не отрицаю. Такая офиціальная передача общественной суммы между должностными лицами никакъ не могла обойтись безъ облаченія этой сдѣлки въ форму законнаго акта и безъ того, чтобъ въ этомъ актѣ не было извѣстной коренной фальши, извѣстнаго искаженія истины. Эта неправда заключается въ настоящемъ случаѣ въ томъ, что при самомъ полученіи капитала Пальмъ выдаетъ фонъ-Белли тутъ же, на мѣстѣ, росписку 27-го января 1869 года, въ которой онъ удостовѣряетъ, что принялъ этотъ капиталъ на храненіе въ отдѣленіе банка, въ его сундукѣ, и обѣщалъ войти съ представленіемъ въ правленіе банка о томъ, чтобъ ему было разрѣшено безплатно хранить эти бумаги, послѣ чего выдана будетъ г. фонъ-Белли надлежащая квитанція. Въ этой роспискѣ неправда состоитъ въ томъ, что деньги показаны принятыми на храненіе въ отдѣленіе банка, что̀ служило бы полнымъ ручательствомъ для конюшни относительно того, что деньги будутъ въ цѣлости. Выдача такой росписки ставила г. Пальма въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ быть постоянно на сторожѣ, долженъ былъ постоянно заботиться о томъ, чтобъ чиновники земской конюшни, явившись въ банкъ, не вошли въ отдѣленіе банка и не обратились помимо его къ контролеру, потому что они не могли бы найти тѣхъ бумагъ, которыя были отданы г-номъ фонъ-Белли г-ну Пальму, чтобъ они только съ нимъ, Пальмомъ, объяснялись и разсчитывались. Выдавая по всякому требованію проценты и самый капиталъ по частямъ, Пальмъ могъ бы взять назадъ первоначальную росписку 27-го января и замѣ-

нить ее новою, послѣ чего повторять каждый разъ эту замѣну старыхъ росписокъ новыми при каждой выдачѣ и каждомъ разсчетѣ. Но Пальмъ этого не сдѣлалъ и предпочелъ оставить основаніемъ всѣхъ своихъ отношеній къ конюшнѣ первоначальную роспиcку 27-го января 1869 г. со всѣми нумерами билетовъ, присовокупляя къ ней постепенно въ дополненіе рядъ увѣдомленій, отъ имени управляющаго, въ которомъ сообщалось конюшнѣ, какъ измѣнялся каждый разъ разсчетъ конюшни съ банкомъ и сколько процентныхъ бумагъ остается еще на храненіи. Этихъ отношеній прочитано, нѣсколько; всѣ они выданы отъ управляющаго отдѣленіемъ банка, всѣ они, за исключеніемъ одного, на его бланкѣ, а не на бланкѣ отдѣленія, всѣ они за одною Пальма подписью, многія писаны даже его рукою. На всѣхъ этихъ отношеніяхъ были выставлены, какъ я уже замѣтилъ, такъ-называемые летучіе, т. е. вымышленные нумера, несоотвѣтствующіе нумерамъ исходящей книги, въ которой они и не значились. Подобные нумера ставились произвольно, приблизительно; но это происходило безъ всякаго особеннаго злоумысла, потому что особенной исходящей книги для управляющаго банкомъ не было ведено въ банкѣ, а была только общая, въ которую записывались бумаги по надлежащей формѣ дѣлопроизводства, за подписью управляющаго и контролера и за скрѣпою помощника контролера. Вся остальная переписка управляющаго не только съ частными лицами, но даже съ Государственнымъ банкомъ, г. Ламанскимъ, велась подъ летучими, приблизительными нумерами, и на это не обращалось вниманія; таковъ былъ порядокъ. Въ этихъ летучихъ нумерахъ нельзя искать какой-нибудь особой козни, злаго ухищренія; зло явно заключалось въ томъ только, что въ этихъ отношеніяхъ писалось, что на храненіи въ банкѣ остается 15,400 р. 14-го января, потомъ, 8-го декабря 1870 г., что остается 14,000 р.; между тѣмъ какъ въ банкѣ этихъ денегъ не было на храненіи, а онѣ были въ частныхъ

рукахъ. За эти-то отношенія, за этотъ-то рядъ бумагъ, который начинается роспискою 27-го января 1869 года и кончается отношеніемъ отъ 8-го декабря 1870 года г. Пальмъ обвиняется по ст. 359 улож. о нак. въ особомъ видѣ подлога — въ томъ, что, растративъ деньги, онъ, для сокрытія этой растраты прибѣгнулъ къ составленію поддѣльныхъ документовъ. Отъ этого пункта обвиненія я надѣюсь, что успѣю защитить Пальма, опровергнувъ неосновательную на мой взглядъ аргументацію прокуратуры.

«Я прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе на всѣ тонкости опредѣленія преступленія, предусмотрѣннаго въ 359 статьѣ уложенія. Это опредѣленіе требуетъ двухъ необходимыхъ примѣтъ: во-первыхъ, того, чтобъ непремѣнно былъ составленъ поддѣльный докуменитъ, и во-вторыхъ, того, чтобъ этотъ документъ былъ составленъ съ спеціальною цѣлью скрыть растрату. Разберемъ же съ этихъ двухъ сторонъ содержаніе тѣхъ бумагъ, которыми обличаютъ Пальма въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 359 статьею; фальшивые ли это документы или нѣтъ? Собственно говоря, не фальшивые. Фальшивыми документами можно признать такіе, которые написаны отъ чужого имени, подъ чужую руку; тогда несомнѣнно представился бы подлогъ; но въ настоящемъ случаѣ документы подлинные: Пальмъ пишетъ отъ своего имени, самъ подписывается. Иное дѣло, еслибъ Пальмъ сочинилъ квитанцію отъ имени банка, которую онъ обѣщалъ дать въ бумагѣ отъ 27-го января, и подъ этой бумагой выставилъ свою подпись, подпись контролера и скрѣпу помощника контролера; еслибъ онъ далъ такой документъ, то это былъ бы подлогъ. Мнѣ могутъ сказать: бумаги слѣдуетъ считать фальшивыми не потому, что онѣ писаны отъ Пальма и имъ подписаны, но потому, что онѣ содержатъ неправду, фальшивое удостовѣреніе въ томъ, что въ банкѣ хранятся 17, потомъ 15, наконецъ, 14 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ эти капиталы не хра-

нились вовсе въ банкѣ. На это возраженіе я отвѣчаю слѣдующее: вообще подлогъ есть именно—написаніе бумаги отъ другого лица, подписаніе бумаги подъ чужую руку. Еслибъ я, частный человѣкъ, написалъ какую угодно неправду, вымыселъ, еслибъ ввелъ этою неправдою въ заблужденіе другихъ, меня могли бы судить за обманъ, но никакъ не за подлогъ. Но всякое офиціальное лицо, занимающее правительственную должность, поставлено въ такое положеніе, его слово на бумагѣ имѣетъ такой большой вѣсъ и значеніе и можетъ причинить столько вреда введеніемъ въ заблужденіе другихъ властей, что всякая сознательная ложь, допущенная имъ въ офиціальной бумагѣ, что всякое искаженіе, всякая неправильная справка уравнены законодателемъ съ подлогомъ, уподоблены подлогу въ 362 ст. улож. о наказ. Эта статья ввела въ уголовную систему особенный подлогъ, такъ называемый подлогъ по службѣ, состоящій въ томъ, когда кто скроетъ истину въ офиціальныхъ актахъ или включитъ въ нихъ вымышленныя обстоятельства. Еслибъ подводили дѣйствія г. Пальма собственно подъ эту статью, то я не возражалъ бы, потому что его поступокъ дѣйствительно подходитъ подъ эту 362 ст., но все-таки этотъ поступокъ въ сущности не подлогъ, а неправда, уравненная съ подлогомъ законодателемъ. Но если эту неправду можно подводить подъ 362 ст. улож. о наказ., то ее нельзя, однако, подводить подъ 359 ст. уложенія, которая непремѣнно требуетъ, чтобъ подлогъ былъ совершенъ съ цѣлью сокрыть растрату. Вникнемъ въ то, были-ли уличающія Пальма бумаги составлены съ цѣлью сокрыть растрату? Прежде всего разберемъ главный изъ этихъ документовъ, тотъ документъ, который составляетъ основаніе дѣла, тотъ документъ, о которомъ зашла рѣчь тотчасъ по обнаруженіи пропажи капитала, именно: квитанцію или росписку 27-го января 1869 г. Она такъ важна, что когда г. Эммануэль телеграфировалъ г. фонъ-Белли о пропажѣ капитала, тотъ отвѣтилъ немедленно,

что квитанція управляющаго находится въ дѣлѣ конюшни. Можетъ-ли эта квитанція или росписка считаться поддѣльною? Нисколько. Она удостовѣряетъ, что деньги приняты Пальмомъ для внесенія въ банкъ. Могла-ли она служить средствомъ сокрытія растраты? Нисколько. Она не слѣдовала за растратою, а предшествовала растратѣ. Г. фонъ-Белли держалъ свои процентныя бумаги, такъ сказать, при себѣ, пока ему не выдали удостовѣренія, онъ не выходилъ все это время изъ отдѣленія, ждалъ полчаса или и болѣе. Для меня важно только то, что росписка выдана предварительно растраты одновременно съ врученіемъ капитала г. Пальму 27-го января 1869 г., и что безъ полученія ея фонъ-Белли не оставилъ бы процентныхъ бумагъ въ банкѣ. Росписка 27-го января облегчила возможность растраты, но ни чуть не прикрывала этой растраты. Что же сказать о всѣхъ остальныхъ бумагахъ? Онѣ только видоизмѣняютъ количество суммы: разъ извѣщаютъ конюшню, что хранится 15,000 р., потомъ, что—14,000 руб. Сами по себѣ эти бумаги самостоятельнаго значенія не имѣютъ; по этимъ документамъ нельзя было получить капитала, капиталъ могъ быть полученъ, когда была-бы принесена первоначальная квитанція или росписка 27-го января 1869 г., и когда она была бы принесена, раскрылась бы растрата. Каждый изъ этихъ документовъ, удостовѣряющій о нахожденіи капитала у Пальма, выдавалъ его гловою тому, кто имѣлъ эти бумаги. Достаточно было явиться лицу съ бумагою въ банкъ, достаточно было показать ее чиновнику банка, спросить о выдачѣ капитала—и растрата тотчасъ же должна была обнаружиться. Другое дѣло, гг. присяжные, еслибъ Пальмъ дѣйствительно думалъ скрыть преступленіе, то онъ могъ бы это сдѣлать вотъ какимъ образомъ: онъ могъ сочинить подложную квитанцію отъ фонъ-Белли или отъ Эммануэля, что деньги ими получены, и тогда бы онъ защищался этой квитанціей, а до-тѣхъ-поръ пока еще раскрыли бы что квитанція подложная, онъ

бы не былъ въ отвѣтѣ. Вотъ это былъ бы подлогъ, о которомъ говорится въ 359 ст. улож. о наказ. Бумаги, выданныя Пальмомъ конюшнѣ, назначенія скрывать растрату не имѣли. Вотъ почему я полагаю, что, признавая фактъ растраты, факта подлога для сокрытія преступленія, вы не признаете. Если обвиненіе будетъ ставить вопросъ такъ: виновенъ-ли Пальмъ въ томъ преступленіи, которое предусмотрѣно въ 362 ст. улож., то я возражать не буду; но по 359 ст. онъ обвиненъ быть не можетъ.

«Гг. присяжные засѣдатели, я покончилъ со всею юридическою стороною дѣла, со всѣми подробностями, со всѣми статьями закона. Послѣ всѣхъ разсказовъ, разборовъ, объясненій, остается нерастворимый осадокъ, непріятный, нечистый—растрата чужой собственности, нарушеніе простѣйшаго правила общественной морали—не трогай чужого—нарушеніе одной изъ десяти заповѣдей Моисеевыхъ и нѣсколькихъ статей уголовнаго кодекса. Еслибъ ваша работа была механическая, еслибъ вашъ приговоръ состоялъ въ томъ, чтобъ признать, что въ данномъ случаѣ есть поступокъ подходящій подъ форму, одинаковую, однообразную, установленную закономъ, послѣ чего судьямъ пришлось бы точно также этотъ отвлеченный поступокъ подвести подъ отвлеченную и разнообразную по качеству и по количеству мѣру наказанія, то мнѣ пришлось бы замолчать и остановиться. Но дѣло въ томъ, гг. присяжные засѣдатели, что вы судьи живого дѣла, живого человѣка; вы должны разрѣшить вопросъ не объ одинаковой, а о большей или меньшей виновности этого человѣка, взвѣсить, на сколько его проступокъ воленъ или неволенъ, вынужденъ внѣшними обстоятельствами или не вынужденъ; наконецъ, если въ этомъ человѣкѣ не все еще испорчено, то слѣдуетъ сострадательно отнестись къ нему, подать ему руку, какъ брату въ человѣчествѣ, какъ брату во Христѣ. Законъ даетъ намъ на этотъ счетъ самыя обширныя, самыя безграничныя полномочія;

этими полномочіями можно злоупотреблять; но вы знаете, что у меня не было такого помышленія; я не старался представлять вамъ бѣлое чернымъ, и наоборотъ; я, однако, утверждаю, что вы обязаны пользоваться этими полномочіями, когда представляется къ тому подходящій случай. Я полагаю, что совокупною дѣятельностью вашею, гг. присяжные засѣдатели и гг. судьи, будетъ установленъ такой приговоръ, который будетъ соотвѣтствовать настоящей правдѣ жизни, а не одной только отвлеченной правдѣ закона».

Человѣкъ, котораго вы судите—старый, надломленный, на склонѣ лѣтъ; онъ имѣетъ на своихъ плечахъ полвѣка. Жизнь была ему, можно сказать, не мать, а мачиха; никогда онъ не имѣлъ положенія прочнаго, обезпеченнаго, въ которомъ могъ бы держать устойчивое равновѣсіе. Въ разсказѣ «Алексѣй Слободинъ», который есть отчасти и автобіографія, изображенъ молодой офицеръ Морицъ, его дружба съ Рудковскимъ и общее бѣдствіе. Морицъ—это самъ авторъ, Рудковскій—Дуровъ, а общее бѣдствіе—это дѣло, извѣстное подъ именемъ Петрашевскаго. Сынъ бѣдныхъ родителей, Пальмъ воспитывался въ дворянскомъ полку на весьма скудныя средства, вышелъ въ офицеры и примкнулъ къ кружку людей, мечтавшихъ несвоевременно о такихъ перемѣнахъ въ обществѣ, которыя впослѣдствіи въ значительной части и осуществились; но въ то время мечтанія эти считались несвоевременными и преступными. Страшная бѣда поднялась на кружокъ этотъ, и въ томъ числѣ на Пальма: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, потомъ прощенъ и отправленъ въ одинъ армейскій полкъ, съ тѣмъ, чтобъ никогда не быть повышаемымъ въ чинѣ. Прошло много лѣтъ, загорѣлась война, оштрафованный офицеръ своею грудью храбро отстаивалъ границы Россіи, шелъ черезъ Дунай, участвовалъ отъ начала до самаго конца въ осадѣ Силистріи, въ славной оборонѣ Севастополя; единственная награда, которой онъ удостоился, была только та, что ему позволили выйти

въ отставку. Военная карьера, въ которой онъ предназначалъ себя по воспитанію, была совершенно потеряна. При выходѣ въ отставку, ему повидимому улыбнулось счастіе; онъ женился на племянницѣ человѣка, который располагалъ громадными средствами, милліонера: строителя севастопольскихъ доковъ, поставщика матеріаловъ на оборону Севастополя, предпринимателя общественныхъ построекъ въ Одесѣ и откупщика— Данилы Волохова. Пальмъ поступилъ на службу, къ Волохову. Этотъ мужъ племянницы Волохова, завѣдывавшій его дѣлами, съ правомъ, по довѣренности, покупать, кредитоваться, продавать, закладывать, почти обезпечилъ себя: онъ уже заработалъ у Волохова 25.000 руб. и получилъ въ этой суммѣ закладную на этотъ долгъ отъ Волохова. Но дѣла Волохова, между тѣмъ, разстроились, казна ему не заплатила всего того, на что онъ претендовалъ за севастопольскія работы, откупа лопались, не принося ожидаемаго дохода, не хватало капиталовъ. Тогда Волоховъ обратился съ просьбою къ Пальму—освободить его домъ отъ закладной, съ тѣмъ чтобъ можно было его заложить въ третьихъ рукахъ. Г. Пальмъ, ни минуты не колеблясь, расписался на закладной въ полученіи всего долга сполна, чѣмъ и лишилъ себя всякаго обезпеченія, чѣмъ и лишилъ себя всего пріобрѣтеннаго достоянія. Назовите какъ хотите этотъ поступокъ—великодушіемъ или слабостью, но во всякомъ случаѣ нехорошимъ назвать его нельзя. Этотъ поступокъ не спасъ Волохова: кончилось тѣмъ, что Волоховъ обанкрутился и застрѣлился въ Петербургѣ въ 1866 году. Домъ, заложенный Пальму, былъ для него потерянъ; вмѣсто закладной онъ получилъ тѣ росписки князя Трубецкаго, которыя сдѣлались для него настоящимъ несчастіемъ. Г. Пальму лучше было бы этихъ росписокъ совсѣмъ не имѣть; тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не имѣлъ бы надежды что-нибудь получить и когда бы то не было посредствомъ нихъ расплатиться съ кредиторами. Потерявъ 25,000 р. наличными

деньгами, потерявъ мѣсто, г. Пальмъ задолжалъ и былъ въ критическомъ положеніи, когда его друзья выхлопотали ему должность управляющаго кишиневскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Жалованье, получаемое имъ на этой должности было незначительно (2,000 р.), а долгу у него было до 3,000 р.; изъ жалованья нельзя было и долги платить, и жить съ семьею. Нельзя сказать, чтобъ онъ жилъ роскошно, чтобъ онъ моталъ деньги; но по самому получаемому содержанію не было возможности свести концы съ концами, и долги по жидовскимъ процентамъ возросли съ трехъ до десяти тысячъ рублей. Съ этими долгами Пальмъ былъ переведенъ на новое мѣсто, въ Полтаву. Новое мѣсто было лучше; здѣсь, кромѣ жалованья, выдавались еще наградныя, была еще и казенная квартира. Но съ Пальмомъ переѣхали изъ Кишинева въ Полтаву и его кредиторы и пристали къ нему съ требованіями немедленнаго платежа, основанными на улучшеніи положенія; его стали осаждать со всѣхъ сторонъ. Тогда въ этой крайности Пальмъ рѣшился на поступокъ, за который онъ судится теперь: онъ воспользовался капиталомъ, который былъ ему предложенъ на храненіе г-мъ фонъ-Белли. Но вотъ, гг. присяжные засѣдатели, гдѣ обнаруживается необычайная странность, а вмѣстѣ съ тѣмъ живучесть и даровитость этой исключительно-талантливой натуры. Въ то самое время, когда скандалъ широко разгласился, когда отъ Пальма отвернулись не только фарисеи, но даже и люди безукоризненно честные, суровыхъ, строгихъ правилъ, въ то самое время, когда всякій другой на мѣстѣ Пальма окончательно упалъ бы духомъ, у Пальма является лучшее развитіе, лучшее проявленіе его литературнаго творчества: онъ взялся за перо, и между допросами, подъ слѣдствіемъ, написалъ лучшія свои произведенія, задуманныя едва-ли не въ тюрьмѣ, которыя обратили на него вниманіе читающей Россіи: своего «Стараго Барина» и «Алексѣя Слободина». Не ищите въ этихъ произведеніяхъ ху-

дожественной законченности и совершенства отдѣлки. Въ «Старомъ Баринѣ» изображено одно лицо, но оно живое: это—отжившій свой вѣкъ идеалистъ былаго времени, очутившійся среди поколѣнія, которое ни о какихъ идеалахъ не помышляетъ, а занято только тѣмъ, какъ наслаждаться, пользоваться жизнью и пр. Въ «Алексѣѣ Слободинѣ» цѣлое запутано и походитъ на тѣ узоры, которые морозъ выводитъ на стеклахъ окошекъ; но возьмите отдѣльно каждую часть, образъ, типъ, картину—они дышатъ такою правдою жизни, такою полнотою чувствъ, что въ памяти неизгладимо запечатлѣваются картины крѣпостнаго права съ его рубцами, раскола, семинаристовъ, выкрестовъ-евреевъ, бѣднаго Личарда и поджога дома Милонова. Это не та элегантная, но холодная сатира Салтыкова, которая безпощадно и не моргнувъ глазомъ бичуетъ до крови пороки общества. Въ „Слободинѣ" вы слышите вопль сердца негодующаго и болящаго, въ нихъ сказалось все прочувствованное и выстраданное. Кто знаетъ жизнь автора, какъ вы ее теперь знаете, тотъ скажетъ, что эти картины написаны кровью сердца. Читая эти картины чувствуешь себя нравственно поднятымъ, а это и есть величайшая заслуга автора и лучшая услуга, какую литература можетъ оказывать обществу.

Какъ могъ человѣкъ, такой живой и даровитый, съ такими хорошими инстинктами, упасть столь низко, какъ онъ могъ посягнуть на чужое добро, какъ онъ могъ явиться расточителемъ общественныхъ денегъ? Гг. присяжные засѣдатели, эта загадка, которую объяснить трудно, но которая предлагается вамъ въ жизни безчисленное множество разъ и на каждомъ шагу. Ежеминутно и въ себѣ, и въ другихъ вы наблюдаете разладъ между убѣжденіемъ и дѣломъ; человѣку надо быть постоянно на-сторожѣ, чтобъ не упасть и ни разу не пошатнуться; но разъ онъ пошатнулся—остальное уже додѣлаетъ роковая послѣдовательность человѣческихъ дѣйствій. Я позволю себѣ заимствовать слѣдующія сло-

ва изъ «Алексѣя Слободина»: «Разъ пошатнулся, разъ солгалъ—ну и шатайся и лги до самаго конца, сознавая всю отвратительность лжи и шатанія, потому что людская ходячая мораль такъ сложена, что не даетъ другаго выхода, и того только не клеймитъ, кто искуснѣе и до конца съумѣетъ лгать, кто, шатаясь въ сумеркахъ, умѣетъ твердо ходить днемъ, когда на него смотрятъ». Я не раздѣляю этого желчнаго взгляда на людскую мораль, я не допускаю, чтобъ были двѣ морали—одна обыденная для обыкновенныхъ людей, и другая для людей съ талантомъ, и чтобъ люди даровитые не признавали надъ собой законовъ обыденной морали. Но вотъ что я скажу: человѣкъ человѣку рознь, и нельзя не судить каждаго по его натурѣ, нельзя не обращать вниманія на крупныя, коренныя различія въ душевной организаціи. Есть люди мелкіе, средніе, обыкновенные, которые такъ втянулись въ эту лямку, въ это ярмо житейской морали общепринятыхъ правилъ и приличій, что они тянутъ эту лямку спокойно всю жизнь, никогда не чувствуя поползновенія ни падать, ни переступать границы общепринятаго закона, ни воспрянуть и нестись въ какую-то невѣдомую даль. Таково большинство, такова почтенная масса. Есть въ обществѣ также люди ловкіе, организаціи эгоистичныя, ястребиныя, которыя умѣютъ всю жизнь такъ искусно ходить по самой опушкѣ морали, никогда не заходя къ уголовщину, что они всегда правы передъ закономъ, всегда торжествуютъ и сыты. Они всегда почти успѣваютъ втереться между сильныхъ міра сего, на нихъ то и указываютъ обыкновенно пальцами, какъ на примѣръ владычествующаго зла. Наконецъ, есть люди непослѣдовательные, неровные и падкіе, которые однако, столь богаты умомъ и сердцемъ, что, упавъ, способны воспрянуть и стать выше того, какими они были до паденія, способны достигнуть такой высоты, до какой никогда не доходили моральныя черепахи и устрицы. Такую натуру вы должны цѣнить по корен-

нымъ условіямъ ея организаціи. Таковъ, напримѣръ, въ «Алексѣѣ Слободинѣ» воришка лакей Личарда, который идетъ въ рекруты, чтобъ только помочь стѣсненному положенію своихъ господъ. Я полагаю, что таковъ и самъ Пальмъ. Взгляните на него и съ этой стороны, гг. присяжные. Его авторскій трудъ, предпринятый при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, есть добро, есть подвигъ, есть очищеніе до извѣстной степени отъ вины. Онъ упалъ вслѣдствіе служенія мамонѣ, вслѣдствіе дѣятельности, для него не созданной; онъ требуетъ искупить вину честнымъ трудомъ, на поприщѣ гораздо болѣе къ нему подходящемъ. Такъ и хочется сказать этому человѣку: «Бодрись, братъ, не унывай; есть въ заслуженномъ страданіи геройство; не падай духомъ; многое тебѣ за то, что ты любилъ, будетъ прощено. Бѣдная наша страна, убогая культурою, убогая талантами—и ей приходится иногда самой казнить эти таланты! Но эта страна необычайно богата состраданіемъ и незлопамятованіемъ. Міръ не безъ добрыхъ людей: твоя семья, твоя жена и дѣти не погибнутъ». Вотъ тотъ совѣтъ, который я хотѣлъ бы преподать моему кліенту. Что же касается васъ, гг. присяжные, то я могу сказать: и у васъ сердце не камень; вы оцѣните по достоинству и воздадите по принадлежности Богово Богови и Кесарево—Кесареви; подъ Кесаремъ я понимаю общество и государство. Признавая виновнымъ подсудимаго, вы дадите ваше снисхожденіе до послѣднихъ границъ возможнаго. Вы, конечно, будете разсуждать, какъ разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ «Слободина»: «Въ наказаніи видно не то, кто былъ битъ и за что, а то, что изъ него выбито посредствомъ наказанія».

По окончаніи рѣчи защитника раздались въ публикѣ продолжительныя рукоплесканія. Предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи публики изъ залы засѣданія. Затѣмъ стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Предсѣдатель. «Подсудимый, что вы имѣете еще добавить въ ваше оправданіе?»

Подсудимый Пальмъ. «Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели. Въ 40-хъ годахъ, еще въ молодости, я горячо и страстно вѣрилъ въ тѣ идеи, которыя осуществились теперь и обновили нашу жизнь. Въ числѣ этихъ идей былъ и судъ присяжныхъ, это высокое учрежденіе, на которомъ разоблачаются не только одни формальныя, внѣшнія такъ сказать, обстоятельства нашихъ житейскихъ отношеній и дѣйствій, но разоблачается вся внутренняя жизнь человѣка. Я бы хотѣлъ вамъ многое сказать объ этомъ, но мой защитникъ разсказалъ это такъ хорошо, что я не въ состояніи ничего болѣе къ этому прибавить. Скажу только, что вся жизнь моя полна промаховъ, ошибокъ, несчастій, потому что я человѣкъ вовсе не практичный. Вамъ извѣстно, что я въ самомъ началѣ жизни испортилъ свою карьеру, такъ что исправить ее не могъ; и боевая жизнь въ Силистріи и Севастополѣ не возвратила мнѣ всего того, что я потерялъ. Я старался добиться чего-нибудь и получилъ большую милость—забвеніе моихъ грѣховъ. Въ молодости, гг. присяжные засѣдатели, кто изъ насъ практиченъ? Мнѣ кажется даже, что практичность въ молодости—это дурное, отталкивающее явленіе. Но не отъ этой непрактичности послѣдовали несчастія въ послѣдній періодъ моей жизни. Вы знаете мои отношенія къ Волохову, у котораго я работалъ. Хотя обвинительная власть и говоритъ, будто я могъ быть причиною его разоренія, но тогда я былъ бы обезпеченъ — я же остался нищимъ, а Волоховъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Послѣдніе два года я былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію. Я получалъ на содержаніе 10 р., и долженъ былъ жить на это съ семьей; тогда я принялся работать. О достоинствѣ моихъ работъ не мнѣ судить, но скажу, однако, что мои пьесы въ теченіе этой зимы внесли въ кассу императорскихъ театровъ 25 руб. Я человѣкъ не погибшій, могу что-нибудь сдѣлать. Я обращаюсь къ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, прося у васъ милости, милости

во имя человѣческаго достоинства, которое во мнѣ есть, милости къ моей бѣдной семьѣ, которая ни въ чемъ не повинна... Прося у васъ милости, я позволю себѣ сказать, гг. присяжные засѣдатели, что въ настоящемъ случаѣ вамъ предстоитъ обсуждать не столько преступленіе, сколько несчастіе.

Судебною палатою были постановлены слѣдующія вопросы: 1) Виновенъ-ли надворный совѣтникъ Алекс. Ив. Пальмъ въ томъ, что получивъ по должности управляющаго отдѣленіемъ банка, при формальномъ отношеніи управляющаго земскою конюшнею, процентныя бумаги этой конюшни, не внесъ ихъ, какъ требовалось въ упомянутомъ отношеніи, на храненіе въ означенный банкъ, а напротивъ закладывалъ эти бумаги отъ своего имени, употребивъ такимъ образомъ 14,000 р. на свои расходы, и невозвратилъ израсходованныхъ имъ денегъ и послѣ открытія его злоупотребленій? 2) Если Пальмъ виновенъ по первому вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что съ цѣлью сокрытія этого противузаконнаго дѣянія, составилъ подъ вымышленными нумерами отношенія управляющему земской конюшнею и при всѣхъ этихъ отношеніяхъ помѣщалъ завѣдомо-ложныя свѣдѣнія о храненіи будто бы процентныхъ бумагъ въ кассѣ отдѣленія государственнаго банка, между тѣмъ какъ эти билеты не находились на храненіи банка?

На первый вопросъ присяжные засѣдатели отвѣтили: «Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія», а на второй вопросъ: «Нѣтъ, не виновенъ». Судебная палата постановила: «Надворнаго совѣтника А. И. Пальма, 50 лѣтъ, лишивъ всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Самарскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки съ мѣста жительства впродолженіи трехъ лѣтъ, и взыскать съ него растраченную сумму 14,000 руб. и судебныя издержки».

12.

Дѣло о старшемъ фейерверкерѣ петербургской крѣпостной артиллеріи Акимѣ Дементьевѣ, обвинявшемся въ неповиновеніи офицеру и оскорбленіи его словомъ и дѣйствіемъ.

Старшій фейерверкеръ Акимъ Дементьевъ обвинялся въ отказѣ исполнить приказаніе поручика Дагаева и оскорбленіи этого офицера словами и въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ. Преступленія эти предусмотрѣны 106-ю, 107-ю и 113-ю ст. XXII кн. св. воен. пост. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, 15 мая 1873 года.

Гг. судьи! Хотя судьба, а можетъ быть и жизнь трехъ людей виситъ на концѣ пера, которымъ судъ подпишетъ свой приговоръ, защита не станетъ обращаться къ чувству гг. судей, играть на нервахъ, какъ на струнахъ. Она считаетъ себя не въ правѣ прибѣгнуть къ такого рода пріему, потому что настоящее дѣло похоже на палку, которая имѣетъ два конца. Одинъ только конецъ разсматривается теперь, другой еще впереди. Въ этомъ дѣлѣ такъ слились два элемента: то, что сдѣлалъ солдатъ, и то, что сдѣлалъ офицеръ, что раздѣлить ихъ можно только мысленно, а въ дѣйствительности но и нераздѣлимы: насколько смягчится участь

солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другаго. Подсудимый находится въ очень трудномъ положеніи, вслѣдствіе особенностей военнаго судопроизводства, вслѣдствіе примѣчанія къ ст. 769, въ силу котораго въ виду соображеній высшаго порядка поручикъ Дагаевъ не можетъ быть вызванъ въ судъ. Его отсутствіе чрезвычайно затрудняетъ работу разоблаченія истины, разобранія, кто говоритъ правду, кто говоритъ неправду. Еслибъ г. Дагаевъ былъ на судѣ, еслибъ онъ могъ живымъ словомъ передать подробности происшествія, то какъ человѣкъ молодой, образованный, можетъ быть, онъ и измѣнилъ бы отчасти показанія, данныя имъ на предварительномъ слѣдствіи, и, можетъ быть, участь подсудимаго была бы смягчена. Но еслибъ даже онъ и не измѣнилъ своихъ показаній, то изъ словъ его, изъ образа дѣйствій на судѣ сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путемъ весьма труднымъ, окольнымъ, путемъ соображеній, сопоставленій, сравненій, заключеній. Путь этотъ требуетъ бо̀льшаго хладнокровія, нужно приступить къ дѣлу со скальпелемъ въ рукахъ, съ вѣсами, какъ для химическаго анализа, и только такимъ образомъ, сказавъ сердцу, чтобъ оно молчало, обуздавъ чувство, установить фактъ. Разъ установивъ фактъ, можно будетъ дать чувству разыграться противъ того, кто окажется виновнымъ, дать мѣсто состраданію къ тому и другому, потому что обѣ стороны одинаково нуждаются въ немъ, потому что офицеръ, если не оклеветалъ, то ввелъ въ искушеніе своимъ образомъ дѣйствій солдата, и виновенъ въ томъ, что ему грозитъ теперь тяжкое наказаніе. Тогда можно будетъ руководиться соображеніями, почерпнутыми изъ сферы военнаго быта, изъ сознанія глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установленія самаго факта нельзя руководиться этими соображеніями; до установленія факта для суда не существуетъ офицера и нижняго чина, а существуетъ только Дагаевъ и Дементьевъ.

Приступая къ установленію факта защита не можетъ держаться того порядка, котораго держалась обвинительная власть, которая начала съ конца. Все дѣло развивалось весьма логически изъ перваго шага; изъ перваго шага событія, логически развивавшіяся, довели до послѣдняго результата.

Слѣдуетъ начать съ начала, съ г-жи Даниловой и ея собаки.

На улицѣ Малой Дворянской есть большой домъ, занимаемый внизу простонародьемъ; бэль-этажъ занимаетъ г-жа Данилова и другіе жильцы; затѣмъ въ мезонинѣ живетъ Дементьевъ съ женой и дочерью. У г-жи Даниловой есть собака, большая и злая. Изъ приговора мироваго судьи видно, что она бросалась на дѣтей и пугала ихъ. 5-го апрѣля настоящаго года эта собака ужаснѣйшимъ образомъ испугала малолѣтнюю дочь Дементьева, которую отецъ страстно любитъ, ради которой онъ промѣнялъ свою свободу на военную дисциплину. Дѣвочка шла съ лѣстницы по порученію родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолѣтка испугалась, закусила губу въ кровь и съ крикомъ бросилась бѣжать. На крикъ дочери отецъ выбѣжалъ въ чемъ былъ, въ рубашкѣ, въ панталонахъ, въ сапогахъ, не было только сюртука. Онъ простой чечовѣкъ, онъ нижній чинъ, ему часто случалось ходить такимъ образомъ и на дворъ, и въ лавочку. А тутъ рузсуждать некогда, собака можетъ быть бѣшеная. Собаку втаскиваютъ въ квартиру, онъ идетъ за ней, входитъ въ переднюю и заявляетъ: «Какъ вамъ не стыдно держать такую собаку». Чтобъ онъ сказалъ что-нибудь оскорбительное, изъ дѣла не видно; г-жа Данилова на это не жаловалась. Все неприличіе заключалось въ томъ, что онъ вошелъ безъ сюртука, въ рубашкѣ и съ палкой; г-жа Данилова говоритъ, что онъ ударилъ собаку, онъ говоритъ, что собака сама на него лаяла и бросилась. Насчетъ неприличія существуютъ понятія весьма различныя. Къ человѣку своего круга относишься

иначе, чѣмъ къ человѣку низшаго круга. Если человѣкъ своего круга войдетъ въ гостиную безъ сюртука, на него можно обидѣться. Но Дементьевъ, хотя и кандидатъ, нижній чинъ, онъ зналъ свое мѣсто въ домѣ вдовы надворнаго совѣтника и не пошелъ дальше передней. Г-жа Данилова оскорбилась тѣмъ, что простой человѣкъ вошелъ въ ея переднюю безъ сюртука, и это неудовольствіе увеличилось отъ того, что изъ-за него ее пригласили къ мировому судьѣ. Съ дамами пожилыми, воспитанными въ старыхъ понятіяхъ, чрезвычайно трудно бываетъ разсуждать объ обстоятельствахъ, касающихся ихъ лично. Дама, можетъ быть очень благородная, очень сердобольная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрѣнія по личному вопросу, трудно дать почувствовать, что то, что не больно ей, другимъ можетъ быть больно. Въ семействѣ г-жи Даниловой сложились вѣроятно такого рода представленія: собака насъ не кусаетъ, на насъ не лаетъ; не вѣроятно, чтобъ она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые взводятъ все это на нее, клязники. Г-жа Данилова никого не зоветъ къ мировому судьѣ, почему же ее зовутъ? Это кровная обида. По всей вѣроятности тутъ и образовалось такое представленіе, что не жильцы—жертвы собаки, а сама владѣлица ея жертва людской злобы, она—надворная совѣтница страдаетъ, отъ кого—отъ нижняго чина, отъ солдата! Всѣ эти соображенія конечно были переданы г. Дагаеву, когда онъ пришелъ 7-го числа, и тещей, и служанкой, и въ особенности женой. Жена весьма сильно, какъ оказывается, передавала, что они страдаютъ отъ нахала, жильца мезонина. По всей вѣроятности, тутъ явились внушенія такого рода: «вѣдь это солдатъ, вѣдь вы офицеръ, покажите, что вы офицеръ, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку». Нужно извѣстнаго рода мужество, извѣстнаго рода твердость характера, чтобъ противостоять

этимъ внушеніямъ, когда внушаютъ люди весьма близкіе, весьма любимые. Должно явиться сильное желаніе показаться героемъ. Вотъ почему г. Дагаевъ, не разсуждая, повѣривъ вполнѣ тому, что ему передавали, приказалъ позвать къ себѣ солдата. Это была съ его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основаніе всему дѣлу. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права звать къ себѣ кандидата. Скоро между Дементьевымъ и г-жей Даниловой былъ споръ гражданскій, который долженъ былъ разрѣшить мировой судья. Всякій офицеръ можетъ требовать отъ нижняго чина почтенія не только для себя, но и для своего семейства, когда солдатъ знаетъ, что это семейство офицера, и образомъ своихъ дѣйствій относительно этого семейства сознательно оскорбляетъ офицера. Но Дементьевъ даже не зналъ о существованіи г-жи Даниловой до 5-го апрѣля; что въ семьѣ были офицеры, это онъ узналъ только 7-го числа, когда его стали звать къ офицеру. При такихъ обстоятельствахъ заявлять превосходство своего офицерскаго званія надъ человѣкомъ, который связанъ по рукамъ и по ногамъ военной дисциплиной, звать его по этому частному дѣлу въ квартиру г-жи Даниловой было дѣйствіемъ совершенно неправильнымъ. Дементьевъ не пошелъ и вслѣдствіе этого его обвиняютъ по ст. 113, за неисполненіе приказанія начальника. Примѣнить эту статью къ человѣку въ положеніи Дементьева на взглядъ защиты чрезвычайно трудно. Было ли здѣсь приказаніе начальника? Нѣтъ, по тому что г. Дагаевъ не командовалъ въ той командѣ, въ которой состоялъ подсудимый. По статьѣ 110 оскорбленіе нижнимъ чиномъ всякаго офицера приравнивается къ оскорбленію начальника. Но это дѣло совершенно другаго рода, оно основано на другихъ соображеніяхъ. Въ законѣ есть цѣлый рядъ преступленій: неповиновеніе, неисполненіе требованій и т. п. Кто бы ни былъ нижній чинъ и кто бы ни былъ офицеръ, если нижній чинъ оскорбилъ его, то онъ наказывается какъ оскорбившій начальника. Но

ст. 113 говоритъ только о неповиновеніи начальнику, о неисполненіи приказанія подчиненнымъ. Давать ей болѣе широкое толкованіе значило бы ставить всѣхъ солдатъ въ такую страшную зависимость отъ всѣхъ офицеровъ, которая едва-ли согласна съ пользами и требованіями дисциплины. Затѣмъ самое слово приказаніе очень неопредѣленно въ законѣ. При сравненіи этой статьи закона съ подобными же статьями въ другихъ законодательствахъ оказывается, что въ прусскомъ, напримѣръ, употребленъ терминъ «Dienstbefehl» т. е. служебное приказаніе, и это весьма понятно. Точно также и у насъ нельзя понимать это слово въ неограниченномъ смыслѣ, подразумѣвать подъ нимъ всякое приказаніе. Въ самомъ законѣ есть постановленіе, что если нижній чинъ совершитъ по требованію начальника дѣяніе явно преступное, то онъ все-таки отвѣчаетъ. Слѣдовательно, изъ общаго понятія о приказаніи исключаются приказанія явно преступныя. То же самое можно сказать и о приказаніяхъ явно безнравственныхъ, какъ еслибъ, напримѣръ, офицеръ приказалъ солдату привести къ себѣ его жену или дочь. Вообще, законность или незаконность приказанія имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ предполагаетъ представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшимъ, нижній чинъ, получившій незаконное приказаніе можетъ сдѣлать представленіе начальнику, онъ долженъ исполнить приказаніе, но имѣетъ право жаловаться и во всякомъ случаѣ эта незаконность приказанія значительно ослабляетъ и смягчаетъ его вину. Поэтому никакъ нельзя подводить дѣйствіе Дементьева, то, что онъ не отправился въ квартиру Даниловой, подъ неповиновеніе. Если же судъ вопреки доводамъ защиты признаетъ подсудимаго виновнымъ въ неповиновеніи, то онъ долженъ будетъ въ весьма значительной степени смягчить размѣръ отвѣтственности Дементьева, потому что приказаніе было незаконное, и еслибъ оно было исполнено, Богъ знаетъ, въ какомъ положеніи былъ

бы теперь педсудимый. Его зовутъ въ домъ, гдѣ противъ него вооружены и гдѣ нѣтъ ни одной души, которая могла бы свидѣтельствовать за него. Если на улицѣ его чуть не зарубили, то тоже могло произойти и въ квартирѣ. На улицѣ по-крайней-мѣрѣ нашлись свидѣтели, которые подтверждаютъ, что и того и этого не было. Деменьтевъ боялся столкновенія съ офицеромъ, онъ предвидѣлъ сцену, въ которой ему, человѣку почти равному, который къ Пасхѣ можетъ быть получитъ производство въ офицеры, грозитъ, что его могутъ съѣздить по физіономіи, онъ боялся этого и потому не пошелъ.

Съ 2-хъ часовъ квартира Дементьева была почти постоянно въ осадѣ до шестого часу, когда произошла катастрофа. Впродолженіе трехъ часовъ г. Дагаевъ, рѣшившись вызвать Дементьева и распечь, употребляетъ всѣ мѣры, чтобъ поставить на своемъ, причемъ каждая неудачная попытка должна увеличивать его раздраженіе, усиливать его гнѣвъ.

Напомнивъ показаніе самого Дагаева о посылкѣ сперва кухарки, затѣмъ двухъ городовыхъ, наконецъ дворника, принесшаго отвѣтъ, что «если офицеру угодно выйти, то я готовъ съ нимъ объясниться», отвѣтъ, вслѣдствіе котораго, по словамъ г. Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему онъ и вышелъ изъ квартиры г-жи Даниловой, защитникъ заявилъ, что считаетъ это показаніе совершенно несогласнымъ съ истиной. Чтобъ жаловаться начальнику, нужно знать, кто этотъ начальникъ; г. Дагаевъ этого не зналъ; ему извѣстно было только, что Дементьевъ кандидатъ; для того, чтобъ узнать, кому жаловаться, онъ послалъ дворника за домовой книгой; но дворникъ еще не возвращался, когда Дагаевъ вышелъ изъ квартиры Даниловой. Значитъ г. офицеръ пошелъ совсѣмъ не для того, чтобъ жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другимъ путемъ. По словамъ самого г. Дагаева, прошло пять, шесть минутъ

между тѣмъ временемъ, какъ онъ сошелъ, и тѣмъ временемъ, какъ вышелъ Дементьевъ; по показанію г-жи Даниловой прошло четверть часа между его уходомъ и возвращеніемъ. Если принять, что все послѣдующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то слѣдуетъ предположить, что не менѣе 12-ти минутъ прошло между тѣмъ временемъ, когда г. Дагаевъ вышелъ отъ г-жи Даниловой, и тѣмъ временемъ, когда совершилась катастрофа. Что же онъ дѣлалъ это время? Шелъ къ начальнику Дементьева? Начальникъ Дементьева живетъ въ крѣпости, и за это время можно было бы дойти почти до Троицкаго моста. Итакъ, онъ не шелъ, онъ поджидалъ Дементьева, который, какъ ему было извѣстно, часто выходитъ изъ дому. Можно себѣ представить, насколько разгорячало это ожиданіе его гнѣвъ. Наконецъ, Дементьевъ вышелъ, катастрофа произошла. Въ этой катастрофѣ есть множество существенныхъ вопросовъ, которыхъ не выяснило слѣдствіе, какъ напримѣръ, вопросъ о шинели, о ссадинѣ на подбородкѣ Дементьева, объ оторваніи его уса. Дементьевъ не помнитъ, когда онъ потерялъ этотъ усъ, такъ быстро шли событія. Но какъ ни быстро они шли, ихъ можно раздѣлить на два момента: одинъ до обнаженія сабли офицеромъ и другой—послѣ обнаженія. До обнаженія сабли происходилъ только крупный разговоръ у подъѣзда на улицѣ. Увидѣвъ офицера, Дементьевъ дѣлаетъ ему подъ козырекъ; при этомъ движеніи, такъ какъ шинель его была въ накидку, г. Дагаевъ не могъ не увидѣть нашивокъ, которыя находятся у него на рукавѣ, и которыя должны бы были установить нѣкоторое отличіе между Дементьевымъ и простымъ нижнимъ чиномъ; онъ не могъ не увидѣть георгіевскаго креста, который такъ уважается всѣми военными людьми. Но г. Дагаевъ говоритъ, что орденовъ не было. Откуда же взялись ордена, лежавшіе на землѣ, которые видѣли въ первую минуту схватки два свидѣтеля: мальчикъ Лопатинъ и Кругловъ? Не могли же они быть подброшены

до событія, когда неизвѣстно было, чѣмъ оно разрѣшится; не могли они быть подброшены и послѣ, потому что въ то время, когда катастрофа еще не была кончена, въ корридоръ вошли люди и видѣли эти ордена лежащими.

Начинается разговоръ; по мнѣнію представителя обвинительной власти, вопросъ относительно этого разговора можетъ быть разрѣшенъ только безусловнымъ принятіемъ одного изъ двухъ показаній: показанія офицера или подсудимаго. Но защита полагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ весьма важно показаніе свидѣтеля, въ которомъ не сомнѣвается самъ прокуроръ, мальчика Лопатина. Мальчикъ разсказалъ вещи весьма драгоцѣнныя; о шинели, о волосахъ и пр. Это все такія обстоятельства, которыя приходилось слышать въ первый разъ. Изъ показаній мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбленія солдатомъ. Но если даже не дать вѣры показанію мальчика, то изъ простаго сопоставленія двухъ разсказовъ — разсказа офицера и разсказа солдата, для всякаго непредупрежденнаго человѣка станетъ ясно, что правда находится не на сторонѣ г. Дагаева.

Если принимать за достовѣрное показаніе офицерское только потому, что оно офицерское, независимо отъ всякихъ другихъ причинъ, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показаніе находится въ несомнѣнномъ, рѣшительномъ противорѣчіи съ тремя генеральскими отзывами, которые заслуживаютъ вниманія. Есть люди, о которыхъ, не зная, какъ они поступили въ данномъ случаѣ, можно сказать навѣрное: «я знаю этого человѣка, онъ честенъ, онъ не могъ украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если по отзывамъ одного изъ генераловъ, Осипова, онъ характера тихаго, смирнаго, если по отзыву генерала Платова онъ строго исполняетъ свои служебныя обязанности, если по отзыву генерала Фриде это такой человѣкъ, въ которомъ военная дисциплина въѣлась до мозга костей, то рѣшительно

невѣроятно, какъ такой человѣкъ могъ совершить то, что ему приписываютъ. Это идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ его прошедшимъ.

Дементьевъ, сходя, держитъ руку подъ козырекъ; самъ офицеръ признаетъ это, онъ говоритъ только, что онъ то поднималъ руку, то дерзко опускалъ. Если онъ рѣшился явно грубить, то ему не за чѣмъ было держать руку подъ козырекъ. Г. прокуроръ ставитъ въ вину подсудимому, что послѣ перваго столкновенія онъ бѣжалъ въ домъ, а не на улицу, гдѣ легче могъ укрыться. Но Дементьевъ не зналъ, что его будутъ рубить, онъ зналъ только, что съ нимъ грубо обращаются, что офицеръ его можетъ ударить въ лицо—и потому движеніе его назадъ весьма характеристично; оно можетъ быть объяснено только стыдливостью, нежеланіемъ, чтобъ люди видѣли, какъ съ нимъ обращается офицеръ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній защита считаетъ совершенно доказаннымъ, что разсказъ солдата вѣренъ, и что оскорбленія словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затѣмъ является обнаженіе сабли. Тутъ, въ этой сценѣ въ корридорѣ, есть два вопроса довольно загадочные: первый вопросъ о шинели; была ли она застегнута или нѣтъ, и когда она была сброшена; второй—о ссадинѣ на подбородкѣ и объ отсутствіи праваго уса. Отъ сабли раны имѣютъ форму линейную, а эта ссадина имѣетъ видъ кругловатый, слѣдовательно она произошла не отъ сабли; точно также не саблей могъ быть отрѣзанъ усъ, она слишкомъ тупа для этого. Чтобъ вырвать усъ нужно было выдернуть его рукою. Чтобъ объяснить фактъ исчезновенія этого уса, нужно обратиться къ тому порядку, въ которомъ были нанесены раны и по нимъ прослѣдить ходъ событій. Первая рана, которую Дементьевъ получилъ еще на лѣстницѣ, была рана на правомъ глазу, пересѣкающая верхнее вѣко праваго глаза, идущая черезъ високъ и теряющаяся въ волосахъ. Если допустить, что эта рана была нанесена

въ то время, когда офицеръ съ солдатомъ стояли лицемъ къ лицу, то значитъ, офицеръ держалъ свою правую руку на-искосокъ, такъ что конецъ шпаги задѣлъ сначала вѣко праваго глаза и, разрѣзавъ кожу, прошелъ черезъ високъ. Другая рана на макушкѣ головы, слѣдующая къ лѣвому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена на-искосокъ отъ половины головы и затѣмъ скользнула по головѣ. Затѣмъ есть двѣ ссадины на внутренней поверхности лѣваго предплечья у конца локтевой кости. По этимъ ссадинамъ можно заключить, что Дементьевъ защищалъ себя локтемъ, а не руками, какъ показывали свидѣтели. Вотъ порядокъ ранъ по разсказамъ свидѣтелей и даже по разсказу самаго Дагаева.

Спрашивается, къ какому же моменту слѣдуетъ отнести срванiе погоновъ, самый важный, самый существенный вопросъ въ дѣлѣ. По словамъ г. Дагаева онъ вынулъ шпагу еще на улицѣ и на улицѣ ударилъ Дементьева въ спину. Ударъ по плечу въ шинели могъ быть не почувствованъ солдатомъ, но вѣроятно этотъ ударъ и согнулъ шпагу. Затѣмъ, говоритъ г. Дагаевъ, когда они уже были въ корридорѣ, «я хотѣлъ нанести, а можетъ быть и нанесъ ударъ солдату, когда онъ вцѣпился въ мои погоны и оторвалъ ихъ». Значитъ, по показанiю самого Дагаева, сорванiе погоновъ произошло послѣ того, какъ онъ стегнулъ Дементьева шпагой по глазу, и эта шпага произвела тотъ рубецъ, который проходилъ до волосъ. Если принять въ соображенiе показанiе мальчика, который видѣлъ, какъ офицеръ сталкивалъ солдата съ лѣстницы, то легко представить, что офицеръ сначала сбросилъ шинель и лѣвою рукою схватился за усъ, а правою нанесъ ударъ, послѣ чего, по его словамъ, солдатъ вцѣпился въ его погоны. Можно ли допустить нѣчто подобное со стороны Дементьева? Такой сильный ударъ по глазу, разсѣкающiй вѣко, ударъ, отъ котораго не могло не заболѣть яблоко глаза, долженъ былъ на 30, на 40 секундъ совершенно лишить

человѣка способности относиться сознательно къ тому, что происходитъ вокругъ него; у него движенія могли быть только рефлексы. Обыкновенно между получаемымъ впечатлѣніемъ и движеніемъ человѣка становится цѣлая область размышленій, соображеній, привычекъ, то, что составляетъ характеръ человѣка. Но здѣсь этого быть не могло, здѣсь былъ такой безпромежуточный переходъ отъ удара къ рефлексу, что еслибъ въ ту минуту, какъ Дементьевъ получилъ этотъ ударъ, онъ раздробилъ офицеру голову, ударилъ его въ лицо, онъ долженъ бы былъ быть признанъ сдѣлавшимъ это въ безсознательномъ состояніи. Г. прокуроръ доказывалъ, что судъ не въ правѣ признать безсознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для опредѣленія болѣзненнаго состоянія; но кромѣ болѣзни есть еще цѣлая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волненіями, вызванными внезапнымъ событіемъ. Всякому извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производитъ испугъ на организмъ не только людей, но и животныхъ. Извѣстно, что дѣлается съ медвѣдемъ, когда онъ чего-нибудь испугается. Для такого рода явленій нѣтъ экспертовъ. Слѣдовательно, есть основанія допустить у Дементьева, послѣ полученнаго имъ удара, такое безсознательное состояніе, при которомъ ему не можетъ быть вмѣнено въ вину, что бы онъ ни сдѣлалъ.

Но если даже допустить, что онъ не лишился сознанія, защита не понимаетъ, почему г. прокуроръ отрицаетъ, что было состояніе необходимой обороны. При всей строгости воинскаго устава, ограничивающаго необходимую оборону, онъ все-таки допускаетъ ее въ отношеніи начальника, если дѣйствія этого начальника угрожаютъ подчиненному явной опасностью. А тутъ развѣ не было явной опасности? Вѣдь смертью могло угрожать нападеніе на человѣка безоружнаго, которому наносятъ удары въ голову, а бѣжать некуда. Онъ хотѣлъ бѣжать къ себѣ въ квартиру, но его стащили

внизъ, мало того оторвали усъ. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но не смотря на такую возможность защищать подсудимаго на основаніи состоянія необходимой обороны, защита не прибѣгла къ ней вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, что не Дементьевъ сорвалъ погоны съ офицера. Въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни былъ, у него не можетъ быть двухъ идей въ одно и то же время. Очевидно, что въ ту минуту, когда Дементьеву нанесли ударъ по глазу, въ немъ прежде всего должно было заговорить чувство самосохраненія и не дать мѣста другимъ размышленіямъ. Между тѣмъ предполагаютъ, что въ ту минуту, какъ Дементьевъ получилъ ударъ, за которымъ грозили послѣдовать другіе, онъ совершилъ въ умѣ слѣдующій рядъ силлогизмовъ: «Офицеръ меня обидѣлъ, надо отмстить офицеру. Какъ ему отмстить почувствительнѣе? Что у полка знамя, то у офицера эполетъ, погонъ—символъ чести. Сорвать погонъ самое чувствительное оскорбленіе: дайка я сорву съ него погоны, а потомъ подумаю какъ спастись, если до того времени меня не зарубитъ мой противникъ, который можетъ искрошить меня, какъ кочанъ капусты». Вотъ какія соображенія должны бы были быть у него, еслибъ онъ рѣшился сорвать погоны и привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Но это психологическая невозможность. Еслибъ элементъ мести примѣшивался къ чувству самосохраненія, то онъ попытался бы ударить по той рукѣ, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести ударъ въ лицо, сдѣлать однимъ словомъ что-нибудь, чтобъ защититься. Между тѣмъ ничего этого не было. Мало того, есть еще другія обстоятельства, которыя наводятъ на мысль, что обвинять Дементьева въ срываніи погоновъ съ г. Дагаева невозможно. Одно изъ такихъ важныхъ обстоятельствъ—это тотъ погонъ, съ которымъ Дементьевъ пошелъ къ начальству. Еслибъ Дементьевъ продѣлалъ въ умѣ своемъ въ сознательномъ состояніи то, что ему приписываютъ, сорвалъ погоны, чтобъ

отмстить, то это движеніе должно было оставить слѣдъ въ его сознаніи и первымъ его дѣломъ, когда ему подсовывали этотъ погонъ было бы отбросить его, чтобъ не установить никакой связи между собою и этимъ погономъ. Онъ же напротивъ, беретъ его самымъ наивнымъ образомъ и заявляетъ, что вотъ по этому погону можно узнать офицера, и въ участкѣ только узнаетъ, что его обвиняютъ въ сорваніи погоновъ.

Но спрашивается, кто же сорвалъ эти погоны? Кто нибудь долженъ же былъ ихъ сорвать. Если не Дементьевъ, то необходимо предположить, что Дагаевъ. Защита могла бы не касаться этого предположенія, съ нея довольно, если судъ будетъ внутренно убѣжденъ, что Дементьевъ не могъ совершить этого сорванія; но чтобъ досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти изъ дилеммы нельзя иначе, какъ предположивъ, что погоны сорваны офицеромъ. Для этого нѣтъ необходимости дѣлать обводнаго предположенія, которое было высказано г. прокуроромъ, что офицеръ, видя, что увлекся, понимая, что ему грозитъ большая отвѣтственность, хотѣлъ подготовить средство къ защитѣ, хотя защита не можетъ согласиться съ опроверженіемъ, представленнымъ на это предположеніе г. прокуроромъ, а именно, что Дагаевъ былъ въ состояніи сильнаго гнѣва, при которомъ невозможенъ такой холодный разсчетъ. Нужно отличать гнѣвъ какъ аффектъ, отъ гнѣва какъ страсти. Гнѣвъ, который разжигался въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ часовъ, былъ уже не аффектомъ, а страстью, подъ вліяніемъ которой человѣкъ можетъ дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ послѣдствій. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности въ этомъ предположеніи, возможно и другое. Очень можетъ быть, что г. Дагаевъ не былъ въ такомъ хладнокровномъ состояніи, когда влетѣлъ со шпагой въ рукѣ въ корридоръ. Онъ кажется изъ тифлисскихъ дворянъ, онъ уроженецъ юга, гдѣ люди раздражаются скорѣе, чувствуютъ живѣе, чѣмъ люди сѣвернаго климата,

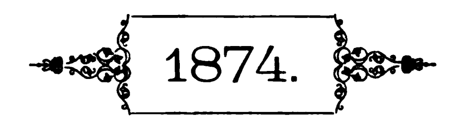
болѣе сдержанные, болѣе флегматичные. Очень можетъ быть, что такой человѣкъ, придя въ ярость, теряетъ сознаніе, готовъ самъ себя бить, способенъ самъ себя ранить. Онъ могъ сорвать одинъ погонъ, когда сбрасывалъ шинель, другой послѣ и забыть объ этомъ. Противъ этого приводятъ то, что онъ сейчасъ же заявилъ о сорваніи погона. Но въ томъ то и дѣло, что первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ послѣ этого событія, была г-жа Данилова, и ей онъ ничего объ этомъ не сказалъ. Онъ заявилъ о сорваніи у него погоновъ въ первый разъ въ участкѣ, черезъ четверть часа или 20 минутъ послѣ того, какъ видѣлся съ г-жею Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобъ пораздумать, сообразить; не зная, какъ онъ потерялъ погоны, онъ могъ придти къ заключенію, что, вѣроятно, ихъ сорвалъ солдатъ и занесъ объ этомъ обстоятельствѣ въ протоколъ, видя въ немъ средство защиты себя. Самое показаніе Дагаева подтверждаетъ мысль, что онъ могъ сорвать погоны съ себя и не замѣтить этого. Въ этомъ показаніи г. Дагаевъ отрицаетъ такіе факты, которые были совершены при многочисленной публикѣ. Такъ, онъ говоритъ, что не билъ на улицѣ Дементьева, когда люди видѣли, что онъ билъ; говоритъ, что не выправлялъ шпаги, когда люди видѣли, что онъ выправлялъ ее. Поэтому можно утверждать, что онъ былъ въ такомъ же разгоряченномъ состояніи, какъ Дементьевъ, хотя сталъ въ него по доброй волѣ, и что онъ могъ дѣйствительно многаго не помнить.

«Подводя итоги всему сказанному» — «я не могу придти къ другому заключенію какъ то, что Дементьевъ невиненъ и прошу его оправдать, оправдать вполнѣ, еще и потому, что это событіе особаго рода, это такая палка, которая дѣйствительно должна кого-нибудь поразить. Его она поражаетъ несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что къ военной дисциплинѣ совершенно примѣнимо то, что говорили средневѣковые мыслители о справедливости:

justitia regnorum fundamentum, основа царства есть правосудіе. Я полагаю, что правосудіе есть основаніе всякаго устройства, будетъ ли то политическое общество, будетъ ли то строй военный. Дисциплина, если брать это слово въ этимологическомъ значеніи, есть выправка, обученіе начальниковъ ихъ правамъ, подчиненныхъ ихъ обязанностямъ. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуютъ и волнуются, и совершенно въ равной степени, когда начальникъ совершаетъ то, что ему не подобаетъ, когда человѣку заслуженному приходится труднѣе въ мирное время передъ офицеромъ своей же арміи, нежели подъ выстрѣлами турокъ, когда георгіевскому кавалеру, который изъятъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, наносятъ оскорбленіе по лицу, отрываютъ усъ, когда лицо его покрывается безславными рубцами. Я васъ прошу о правосудіи».

На вопросъ предсѣдателя, что можетъ подсудимый прибавить въ свое оправданіе, подсудимый Дементьевъ произнесъ: «Ваше высокоблагородіе, обратите на мои лѣта и на мою службу и на семейныя обстоятельства ваше милостивое вниманіе. Больше я ничего не могу дополнить».

Военно-окружной судъ призналъ обвиненіе Дементьева въ отказѣ исполнить приказаніе поручика Дагаева и въ оскорбленіи его словами и дѣйствіемъ недоказаннымъ, а потому постановилъ считать Дементьева по суду оправданнымъ.

13.

Дѣло по иску опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго маіора Сергѣя Ивановича Терпигорева: титулярнаго совѣтника Чаплыгина и прапорщика Бехтѣева, къ мѣщанкѣ Екатеринѣ Купріяновой и коллежскому ассесору Хилкову объ уничтоженіи арендного договора, совершеннаго съ послѣдними маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 г., въ бывшей Тамбовской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда.

17-го іюня 1870 года умеръ отставной маіоръ, козловскій помѣщикъ Сергѣй Ивановичъ Терпигоревъ, надъ имуществомъ котораго состояли опекунами Чаплыгинъ и Бехтѣевъ. Передъ смертью, 7-го апрѣля 1870 г. онъ былъ признанъ Тамбовскимъ губернскимъ присутствіемъ одержимымъ хроническимъ страданіемъ мозга, лишающимъ его возможности дѣйствовать сознательно и самостоятельно. Затѣмъ, при вскрытіи черепа умершаго въ мозгу были найдены такія болѣзненныя измѣненія, которыя заставляли съ достовѣрностью заключить о полнѣйшемъ разстройствѣ его душевныхъ способностей, развивавшемся постепенно и длившемся многіе годы до его кончины. Съ женою своею Терпигоревъ давно не жилъ, отъ родственниковъ отсталъ; какъ жизнь его, такъ и все имущество находилось въ полной власти и распоряженіи его экономки, Екатерины Купріяновой, пользовавшейся

въ своихъ отношеніяхъ къ Терпигореву наставленіями и совѣтами мужа младшей сестры своей Авдотьи, Ѳедора Хилкова. Оба названныя лица, обвинявшіяся также по особому уголовному дѣлу въ расхищеніи и присвоеніи капиталовъ и движимости Терпигорева, успѣли достигнуть того, что Терпигоревъ выдалъ на имя какъ ихъ, такъ и жены Хилкова Авдотьи Хилковой разныя обязательства и, между прочимъ, арендный контрактъ 16-го января 1870 г. объ отдачѣ части земель села его, Песчанаго, съ господскимъ домомъ и строеніями за 25,000 р., взятыхъ будто бы впередъ, Хилкову и Купріяновой на 12 лѣтъ. Хотя выдавая эти обязательства, Терпигоревъ не состоялъ еще подъ опекою, но опекуны, ссылаясь на цѣлый рядъ свидѣтелей и заключеніе экспертовъ, доказывали, что Терпигоревъ не могъ, совершая названные акты, имѣть того сознанія и той свободы воли, которыми обусловливается дѣйствительность всякой гражданской сдѣлки и всякаго вообще изъявленія воли въ области юридическихъ отношеній, а потому просили Тамбовскій окружный судъ, признать недѣйствительнымъ и неимѣющимъ силы арендный контрактъ 16-го января 1870 года.

Засѣданія Тамбовскаго окружнаго суда происходили съ 8-го по 14 марта 1873 года. Судъ опредѣлилъ договоръ, заключенный маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 года объ отдачѣ имъ (Терпигоревымъ) въ аренду земли при селѣ Песчаномъ, Козловскаго уѣзда, г. Хилкову и мѣщанкѣ Купріяновой, признать недѣйствительнымъ, взыскавъ въ пользу истцовъ вознагражденіе за веденіе дѣла и судебныя издержки.

Вслѣдствіе апелляціонныхъ жалобъ, поданныхъ повѣренными отвѣтчиковъ, дѣло было перенесено въ Саратовскую судебную палату, гдѣ слушалось 9-го января 1874 года.

Гг. судьи! Большое преимущество апелляціоннаго производства заключается въ томъ, что дѣло разсматривается во второй инстанціи только въ предѣлахъ апелляціи, что существо его представляется чище, свободнѣе отъ всякихъ налетовъ, отъ всякихъ усложненій и побочныхъ обстоятельствъ, за которыми стороны держались какъ за ретраншементами, но которые они должны были оставить, какъ ненужные, убѣдясь, что въ этихъ укрѣпленіяхъ пробиты бреши, что за ними нельзя держаться.

Такихъ налетовъ было много въ первой инстанціи. Къ числу ихъ я отношу вопросы, можетъ ли быть

уничтожаемъ договоръ совершенный лицомъ, которое въ то время еще не признавалось оффиціально сумасшедшимъ, можетъ ли быть уничтожаемъ такой договоръ, если онъ былъ явленъ у крѣпостныхъ дѣлъ?

По первому вопросу сама противная сторона признала превосходство прогрессивнаго взгляда, допускающаго недѣйствительность актовъ лицъ, еще въ сумасшествіи неосвидѣтельствованныхъ.

По второму вопросу противная сторона не оспорила заключенія Тамбовскаго окружнаго суда, что явка акта у крѣпостныхъ дѣлъ есть доказательство только подлинности акта, но не психическаго здоровья контрагентовъ, которое могло и не существовать, но не быть у крѣпостныхъ дѣлъ замѣчено. Нынѣ судебное состязаніе сведено къ самой сути спора, къ простому и единственному вопросу: былъ ли Терпигоревъ сумасшедшимъ въ теченіе 1870 г. или нѣтъ? Если былъ сумасшедшимъ, значитъ дѣйствія его не могутъ быть оспариваемы.

Вопросъ этотъ, относясь къ области прошлаго, есть вопросъ чисто-историческій. Правильное его рѣшеніе обусловливается прежде всего качествомъ и количествомъ источниковъ. Если бы этотъ вопросъ былъ только историческій, тогда онъ могъ бы быть перерѣшаемъ много разъ до безконечности по вновь открывающимся источникамъ. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ судебный. Судебные вопросы имѣютъ свои сроки, до истеченія которыхъ они остаются открытыми. Въ первой инстанціи вопросъ оставался открытымъ, пока судьи ушли совѣщаться. Во второй онъ опять открытъ подачею апелляціи. Еще въ настоящую минуту стороны вправѣ представлять новыя доказательства, ссылаться на новыхъ свидѣтелей.

Если бы противная сторона просила о спросѣ новыхъ свидѣтелей, то и мы съ своей стороны, вызвали бы по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, бывъ вызваны въ Тамбовскій судъ, не явились и остались неспрошен-

ными, напримѣръ докторъ Взоровъ, участвовавшій въ вскрытіи черепа Терпигорева, тамбовскій врачебный инспекторъ докторъ Зедергольмъ, кирсановскій исправникъ и многіе другіе. За свидѣтелями дѣло не станетъ, но, по моему мнѣнію, они совершенно излишни. Всѣ будущіе свидѣтели могутъ быть заранѣе подраздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ сообщатъ нѣсколько новыхъ курьезовъ, странностей, причудъ и анекдотовъ о Терпигоревѣ, которыхъ и безъ того набралось достаточно: другіе скажутъ, что ничего не знаютъ и хотя и видали, не ничего въ немъ не замѣчали, потому что наблюдали поверхностно (нир., докторъ Николаевъ). Такіе отрицательные свидѣтели, всѣ вмѣстѣ взятые, ничего но значатъ и не должны быть принимаемы въ разсчетъ, потому что все наше знаніе пріобрѣтено наблюденіями крайне малаго числа наблюдателей, а результаты наблюденій немногихъ — принимаются на вѣру всѣми и считаются истиною.

Два—три достойные вѣры человѣка знаютъ о фактѣ наглядно, непосредственно; но этого достаточно, чтобы фактъ считался несомнѣннымъ. Конечно, и свидѣтели, показывающіе о не нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Терпигорева, могли бы быть отвергнуты, но только въ такомъ случаѣ, когда бы было доказано, что у Терпигорева послѣ смерти, при вскрытіи черепа, не оказалось: размягченія мозга, срощенія твердой мозговой оболочки съ черепомъ, атрофіи мозга, смѣшенія въ немъ сѣраго вещества съ бѣлымъ; когда бы было доказано, что онъ не смѣшивалъ Хмѣлевой съ Липецкимъ, однихъ съ другими, что у него не было сведенія руки, и т. п. Но дѣло въ томъ, что сами отвѣтчики въ своей апелляціонной жалобѣ не опровергаютъ вовсе свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ признанію Терпигорева сумасшедшимъ. Они сами признаютъ—что и требовалось доказать—именно *ненормальность* психическихъ отправленій и разложеніе силъ души и тѣла, разложеніе, по ихъ словамъ, только начинающееся, но

которое я считаю завершеннымъ, конченнымъ, прошедшимъ весь свой циклъ. Сами отвѣтчики не могутъ отрицать, что нѣтъ ни единой черты въ первой части заключенія экспертовъ, которая бы не была живьемъ взята изъ источниковъ. Они въ претензіи только за то, что въ эту картину не занесены всѣ тѣ показанія, которыя удостовѣряютъ, что хотя мозгъ у Терпигорева былъ атрофированъ, размягченъ, но этотъ мозгъ не вполнѣ бездѣйствовалъ, что Терпигоревъ все-таки до конца жизни своей говорилъ, ходилъ, сопротивлялся, когда его заставляли дѣлать то или другое. Но съ этимъ, гг. судьи, и мы вполнѣ согласны; мы сами не отрицаемъ того, что Терпигоревъ до конца своей жизни говорилъ, хотя запинаясь, отвѣчалъ, хотя не кстати, ходилъ, хотя спотыкаясь, бралъ вещи, хотя онѣ у него изъ рукъ валились, чего-то желалъ, хотя окружающіе его могли имъ управлять какъ двухлѣтнимъ ребенкомъ. Болѣзнь Терпигорева поражаетъ еще одною особенностью весьма рѣдкою. Ходъ ея можно прослѣдить съ начала до конца; этотъ ходъ былъ необыкновенно послѣдовательный, чрезвычайно правильный. Въ большинствѣ случаевъ сумасшествіе является или вслѣдствіе внезапной случайности, напримѣръ вслѣдствіе сильной болѣзни физической, которая потрясла и подкопала весь организмъ человѣка, или вслѣдствіе того, что человѣкъ потерпѣлъ страшное горе, потери, неудачи, что это горе надломило его вдругъ и разслабило его и душевно и тѣлесно. Ничего подобнаго не случилось съ Терпигоревымъ, никакихъ острыхъ болѣзней и надломовъ, никакихъ трудно изслѣдуемыхъ вліяній физическаго на психическое и наоборотъ, а присутствовали мы при изслѣдованіи увяданія и отцвѣтанія организма, обреченнаго роковымъ образомъ на сумасшествіе отъ самаго рожденія и даже прежде рожденія, еще въ утробѣ матери.

Черепъ у этого человѣка былъ неправильный, *несиметрическій*, притомъ непропорціонально-малый. Есть

въ жизни каждаго человѣка періоды роста, зрѣлости, увяданія. Обыкновенно это увяданіе или отцвѣтаніе начинается съ оконечностей: руки, ноги отказываются служить; но умъ свѣжъ и мозгъ питается и дѣйствуетъ. У Терпигорева отцвѣтаніе, остановка жизненныхъ функцій началась съ того органа, которымъ, его обидѣла природа. Онъ страдалъ постоянными приливами крови къ мозгу, а впослѣдствіи воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и приращеніемъ къ кости черепа. Потомъ послѣдовали атероматозныя, костяныя отложенія на стѣнкахъ вѣнъ, вслѣдствіе чего кровеобращеніе замедлилось, питаніе мозга остановилось, послѣдовала атрофія мозга, а за атрофіей размягченіе мозга, съ паралитическимъ состояніемъ оконечностей, а въ концѣ этого процесса смерть отъ болѣзни органа мышленія.

Картина столь полна, фактъ столь обстоятельно прослѣженъ отъ начала до конца, что прибавлять къ нему нечего; нѣтъ надобности ни въ какихъ новыхъ свидѣтеляхъ, очевидцахъ послѣднихъ дней жизни Терпигорева. Но, покончивъ съ свидѣтелями, я отдѣлался только отъ одной части моей задачи. За свидѣтелями слѣдуютъ эксперты, давшіе заключеніе въ пользу сумасшествія Терпигорева.

Всѣ усилія отвѣтчиковъ направлены къ тому, чтобы подорвать, разрушить эту экспертизу. Но если устранить эту экспертизу и добиваться новой, то и эта новая можетъ повторить результаты первой, значитъ дать неблагопріятный отзывъ для отвѣтчиковъ. Вотъ почему они стараются поколебать довѣріе ко всякой психіатрической экспертизѣ вообще. По ихъ понятіямъ, экспертиза можетъ имѣть научный авторитетъ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Иногда эксперты призываются сказать суду о такихъ фактахъ, которые имъ только однимъ, какъ спеціалистамъ, могутъ быть извѣстны,—тогда слова ихъ имѣютъ за собою авторитетъ науки, напримѣръ какъ по дѣлу Бабаева, именующагося княземъ Гокчайскимъ, вызывался сенаторъ

Торнау сказать, какіе роды признаются княжескими въ Персіи. Но иногда эксперты призываются только съ тѣмъ, чтобы изъ извѣстныхъ фактовъ помочь суду сдѣлать выводы. Тогда ихъ мнѣніе совсѣмъ не авторитетъ. Судъ можетъ его игнорировать, потому что оцѣнка того, доказаны ли факты доказательствами, которыя представлены къ дѣлу, есть исключительно дѣло суда и судебнаго разбирательства, потому что самый опытнѣйшій изъ экспертовъ, знающій всю глубь человѣческой природы, менѣе смыслитъ въ дѣлѣ установленія достовѣрности фактовъ на основаніи доказательствъ, нежели самый неопытный судья. Сильно сказано, надо признаться: жаль только, что вся эта теорія есть рядъ однихъ парадоксовъ, которые можно весьма легко разбить. Слава Богу, не надо далеко ходить за примѣрами. Существуетъ неподалеку институтъ присяжныхъ, основанный на томъ началѣ, что каждый простой смертный въ дѣлѣ открытія истины скорѣе способенъ установить достовѣрность фактовъ первѣйшей важности, почерпаемыхъ изъ доказательствъ, фактовъ уголовныхъ, нежели записные юристы. Если бы у насъ существовала донынѣ искуственная теорія доказательствъ, доступная однимъ только юристамъ и достигающая искуственной, условной истины, искуственными путями, тогда можно бы было еще сказать, что никто не можетъ устанавливать достовѣрности фактовъ, кромѣ судей. Но такъ какъ достовѣрность достигается не посредствомъ особыхъ и спеціальныхъ пріемовъ, а просто по внутреннему убѣжденію, по внушеніямъ здраваго смысла, которыми по крайней мѣрѣ эксперты одарены въ одинаковой степени, какъ и всѣ остальные люди, и такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ экспертами являются люди высоко образованные, представители одной изъ самыхъ великихъ и трудныхъ наукъ о человѣкѣ, психологіи, то я полагаю, что въ дѣлѣ установленія достовѣрности фактовъ они стояли въ одномъ уровнѣ съ судьями, дѣлая выводы изъ предлагаемыхъ источни-

ковъ. Если эксперты съ своей стороны, а судьи съ своей изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ вывели одни и тѣ же факты, пришли изъ этихъ фактовъ къ одинаковымъ заключеніямъ, то можно прямо сказать, что фактическая сторона дѣла обставлена великолѣпно. Теперь пойдемъ дальше и посмотримъ, какіе элементы вносятъ въ судъ эксперты, что̀ изъ внесеннаго ими можетъ быть судомъ игнорируемо. Законъ отдѣляетъ экспертовъ отъ свидѣтелей; они не вызываются сказать о томъ, что̀ видѣли, слышали, ощущали своими собственными чувствами; они призываются сказать свое мнѣніе, за которое не подвергаются никакой отвѣтственности. Они въ правѣ отказаться отъ своего назначенія. Они не могутъ быть судимы за подачу того или другаго мнѣнія, какъ, напримѣръ, свидѣтели за ложное показаніе. Въ качествѣ экспертовъ порою являются простѣйшіе люди, но являются также и первостепенныя знаменитости, первосвященники науки, колоссы знанія. Въ лицѣ ихъ наука снисходитъ къ тому, что оказываетъ пособіе обществу при устроеніи житейскихъ дѣлъ и разрѣшеніи споровъ. Наука и судъ, сходясь, хранятъ каждый свою свободу и самостоятельность. Экспертъ въ своемъ мнѣніи свободенъ; но и судъ въ своихъ убѣжденіяхъ тоже свободенъ и нисколько не связанъ тѣмъ, что̀ скажутъ эксперты. Ст. 533 уст. уг. суд. говоритъ: «судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей». Если брать эту фразу дословно, то выходитъ, что судъ можетъ не убѣдиться даже и фактомъ, который только и можетъ быть сообщенъ спеціалистомъ, напримѣръ о дворянскихъ ро̀дахъ въ Персіи. Конечно, это такъ съ формальной точки зрѣнія. Судъ только по внутреннему убѣжденію рѣшаетъ дѣло; никто ему не навязываетъ этого убѣжденія, судъ можетъ отказать во взысканіи даже по закладной или по векселю, признанному векселедателемъ. Этого, однако, не бываетъ, потому что въ судѣ дѣла рѣшаются не по капризу или лицепріятію, а по резонамъ, потому что

рѣшеніе бываетъ не безотчетное, а мотивированное, и что въ той же 533 ст., въ которой сказано, что судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: «несогласному съ обстоятельствами дѣла». Итакъ, необходимо разобрать критически во всякой экспертизѣ вообще и въ особенности въ заключеніи экспертовъ—психіатровъ Мержеевскаго, Чечота и Чехова о Терпигоревѣ, дабы опредѣлить что въ этой экспертизѣ если не формально, то логически обязательно для суда, что въ этой экспертизѣ имѣетъ за собою авторитетъ науки. Знаніе, умѣнье, спеціальность оказываютъ свои услуги суду двоякимъ образомъ: знаніе теоретическое или наука, и знаніе практическое, или искуство. Иногда вызываются только люди искуства, для того, чтобы продѣлать передъ судомъ извѣстныя дѣйствія, которыя и могли быть совершены только весьма искусными руками и которыя необходимы для разъясненія истины. Напримѣръ, оружейниковъ зовутъ для того, чтобы они испробовали какъ далеко стрѣляютъ пистолеты, химика, чтобы разложить чернила, которыми писаны документы, архитектора, чтобы узнать, сколько употреблено кирпича для постройки зданія. Что же касается до зданія теоретическаго, то или требуется знаніе какихъ либо дробныхъ, мелкихъ фактовъ, которыхъ совокупность никогда не можетъ составить науки, или знаніе общихъ фактовъ, или такъ-называемыхъ законовъ жизни, законовъ мірозданія. Для объясненія значенія этихъ общихъ научныхъ законовъ въ приговорѣ суда, я долженъ присовокупить, что существуютъ два метода мышленія: индукція и дедукція. Всякое мышленіе бываетъ сперва индуктивно, пока изъ частности не выведенъ общій законъ. Напримѣръ: Иванъ умеръ, Петръ умеръ, Степанъ умеръ, значитъ всѣ люди смертны. Затѣмъ заручась общимъ закономъ, можно его примѣнять къ отдѣльнымъ случаямъ, можно выводить изъ него всѣ содержащіяся въ немъ частности посредствомъ дедукціи,

посредствомъ такъ-называемаго силлогизма: всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, значитъ и Иванъ смертенъ. Всякое рѣшеніе суда есть въ сущности ничто иное, какъ силлогизмъ, и судоговореніе есть работа построенія такого силлогизма. Въ настоящемъ дѣлѣ силлогизмъ, который требуется построить, такой: первая посылка: кто одержимъ такими-то признаками болѣзни, тотъ сумасшедшій, а слѣдовательно неправоспособный человѣкъ; вторая посылка: Терпигореву были тогда-то присущи эти признаки, заключеніе—значитъ Терпигоревъ былъ когда то сумасшедшій. Вывести авторитетное заключеніе изъ имѣющихся двухъ посылокъ есть исключительно дѣло суда. Суду дана полнѣйшая свобода не подчиняться экспертамъ; но, разумѣется, что никому и никогда не дано не подчиняться законамъ логики, законамъ здраваго смысла, которое если не строго—юридически, то нравственно для всякаго обязательны. Если бы изъ двухъ посылокъ: всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, какой ни есть судъ вывелъ заключеніе: слѣдовательно Иванъ безсмертенъ, то это былъ бы чистѣйшій абсурдъ, несмотря на какіе бы то ни было авторитеты. Что-же касается до второй посылки, т. е. о томъ, были ли замѣчены въ Терпигоревѣ такіе-то болѣзненные признаки въ его физическихъ и психическихъ отправленіяхъ, то этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться и судомъ и экспертами совмѣстно. Этотъ вопросъ доступенъ пониманію каждаго человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ. Сначала эксперты констатировали факты, вывели признаки болѣзни изъ доказательствъ; затѣмъ, окончивъ свою работу, они ее представили суду, который повѣрилъ ее и дополнилъ, причемъ самъ вопросъ остался открытымъ, такъ что повѣрить ее можетъ и вторая инстанція. Способъ повѣрки объясню примѣрами. Положимъ эксперты занесли въ историческую часть своего заключенія, что Терпигоревъ страдалъ зубною болью, между тѣмъ какъ никто изъ свидѣтелей этого не показывалъ. Судъ, повѣряя, долженъ этотъ

признакъ устранить и отвергнуть какъ совсѣмъ недоказанный обстоятельствами дѣла. Про Терпигорева говорятъ одни свидѣтели одно, другіе другое. Эксперты взвѣсили и тѣ и другія показанія, отвергли или приняли фактъ; судъ затѣмъ долженъ совершить ту же самую работу. Противная сторона не обвиняетъ экспертовъ вовсе въ томъ, что они внесли въ картину болѣзни Терпигорева несуществующіе и недостовѣрные факты; всѣ черты этой картины отвѣтчики принимаютъ оптомъ; всѣ факты записаны экспертами. Они въ претензіи лишь за то, что эксперты не опредѣлили, сознательно ли относился Терпигоревъ къ контракту 16-го января 1870 года. Имъ незачѣмъ было и опредѣлять. И истцы и эксперты допускаютъ, что Терпигоревъ не былъ въ безсознательномъ состояніи 16-го января. Но безсознательность и сумасшествіе двѣ вещи разныя. Большая часть сумасшедшихъ дѣйствуютъ сознательно.

Отвѣтчики жалуются еще на то, что эксперты извлекли изъ матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, только то, что говорило въ пользу истцовъ и обошли все то, что говорило въ пользу отвѣтчиковъ. Положимъ, что эксперты не воспользовались показаніями Николаева, Евдокимова, Благонравова, не занесли ихъ въ свое заключеніе, какъ данныя недостовѣрныя, сомнительныя; но этотъ недостатокъ, если онъ и былъ, пополненъ судомъ, критически оцѣнившемъ показанія Николаева, Евдокимова и Благонравова. Итакъ, вторая посылка построена вѣрно. Остается первая или большая посылка. Я не ошибусь, когда скажу, что установить ее, дать ее суду только и могли эксперты-специалисты, и что суду приходилось либо повѣрить имъ, либо, по ст. 526 уст. угол. суд. назначить новую экспертизу и ей точно также повѣрить, во всякомъ случаѣ повѣрить кому-либо, потому что судъ самъ не можетъ установить эту посылку, если въ средѣ его нѣтъ психіатровъ.

Гг. члены судебной палаты! Я не оскорблю никого изъ васъ, утверждая, что въ психіатрическихъ вопросахъ

незанимавшійся спеціально психіатріею не можетъ выдавать свои идеи и фантазіи за выводы науки, за научныя истины. Безбрежно море знаній человѣческихъ, и необходимо правильное раздѣленіе труда. Отдѣльная голова, отдѣльный умъ не въ состояніи вмѣстить тысячной части накопившагося цѣлыми вѣками капитализированнаго опыта. Каждая спеціальность доработалась до особыхъ законовъ. Если случится суду или частному человѣку необходимость въ другой спеціальности, тогда, вмѣсто того, чтобы начать изучать всю ту спеціальность и, такъ сказать, ѣхать открывать Америку, можно прямо обратиться съ спеціалисту по той или другой спеціальности и взять у него готовую формулу, не заботясь уже нисколько, какимъ образомъ она выведена. Положимъ, мнѣ дали уравненіе четвертой степени, а я знаю только уравненіе второй степени. Положимъ, мнѣ нужно знать, съ какою скоростью летитъ и съ какою силою ударяетъ масса, падающая съ извѣстной высоты. Я обращаюсь къ математику или механику, который и разрѣшитъ мои сомнѣнія въ одну минуту.

У меня въ рукахъ документъ неизвѣстнаго языка и вѣка. Вмѣсто того, чтобы изучить всю филологію и всю исторію, я иду къ историку или филологу, и онъ прочтетъ документъ и передастъ мнѣ его содержаніе. Если бы судъ состоялъ изъ психіатровъ, въ такомъ случаѣ полезно бы было призвать еще болѣе опытныхъ психіатровъ, на томъ основаніи, что умъ хорошо, а два лучше, и что занимаясь судомъ, судьи можетъ быть немного поотстали отъ науки и не знаютъ послѣднихъ ея результатовъ. Но если судьи не психіатры, то какъ имъ справиться съ задачей?—обложить себя книгами, прочесть Пинеля, Эквироля, Гризингера, Маудоли, Тардье. Но кто изъ нихъ лучше? И не открыли ли еще послѣ нихъ чего-нибудь новаго?

Или придется сѣсть на школьную скамью, посѣщать клиники, выучиться психологіи? Но на это у судей

нѣтъ времени, нѣтъ досуга. Остается одно только средство: обратиться къ свѣдущимъ людямъ, наблюдавшимъ тысячи сумасшедшихъ, знающимъ и физіологію и психологію и пріобрѣвшимъ навыкъ, сноровку. Способные индуктивно заключать изъ частностей объ общемъ, изъ дѣйствій человѣка и физическихъ его отправленій: движеній, походки, произнесенія словъ—о процессѣ мышленія и состояніи мыслительнаго органа, какъ центра нервной системы, и наоборотъ дедуктивно заключать изъ того, что у такого-то человѣка мозговой снарядъ попорченъ, о томъ, что у него должны быть такія-то неправильности въ дѣйствіяхъ, тѣлодвиженіяхъ и поступкахъ. Эксперты и дали суду требуемую имъ большую посылку, до которой судъ своими средствами никогда бы не добрался. Они сказали: сумма такихъ-то признаковъ въ какомъ бы то ни было субъектѣ есть показатель сумасшествія. Таковъ ихъ выводъ въ общихъ чертахъ. Его можно разложить на множество частныхъ. Я разберу эти частные законы и покажу, что ни къ одному изъ нихъ судъ не имѣетъ ключа, и что кто не прошелъ всей науки, тотъ не въ состояніи ни одного изъ нихъ повѣрить. Итакъ, напримѣръ: лихорадка и сильныя головныя боли, затѣмъ общее разстройство нервной системы съ сосредоточеніемъ всѣхъ умственныхъ способностей на своей болѣзни есть ипохондрія, первичная форма помѣшательства. Синкрозъ черепныхъ костей, приращеніе твердой мозговой оболочки къ черепу, воспаленіе мягкихъ оболочекъ, атрофія мозга, водянка, атероматозъ, все это въ совокупности должно было выразиться въ ипохондріи и дойти до полнѣйшаго сумасшествія. Размягченіе мозга въ одномъ изъ полушарій его сопровождается паралитическимъ и паретическимъ состояніемъ противоположныхъ оконечностей. Наоборотъ, параличъ лѣвой руки, ноги, сведеніе ихъ заставляютъ предполагать поврежденіе праваго полушарія мозга. У кого оказались такія то хроническія измѣненія въ регрессивномъ періодѣ бо-

лѣзни, до воспослѣдовавшаго почти безразличія между сѣрымъ и бѣлымъ веществами мозга, тотъ долженъ былъ весьма за долго передъ тѣмъ страдать извѣстнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ за два года. Сумма болѣзней, обрѣтенныхъ въ мозгу при вскрытіи, вмѣстѣ съ суммою наблюденныхъ прижизненныхъ явленій, соотвѣтствуетъ виду психической болѣзни, называемому dementia, безуміе, и подвиду его dementia paralitica senilis. Этотъ подвидъ содержится въ родѣ разстройства, которому законъ присвоиваетъ названіе сумасшествія. Такое безуміе есть неизлѣчимое, полное разстройство умственныхъ способностей, безъ возврата самообладанія. Такое безуміе не допускаетъ свѣтлыхъ промежутковъ, а только временное послабленіе болѣзни, въ теченіе котораго хотя и существуетъ разстройство, но дѣлается менѣе замѣтнымъ. Пускай хотя одинъ профанъ скажетъ, а если скажетъ, то докажетъ, что любое изъ этихъ положеній невѣрно. Сказать могутъ только новые эксперты. Я ничего не имѣю противъ новой экспертизы, хотя я и не вижу никакихъ къ назначенію ея основаній, тѣмъ болѣе, что мои противники не указали, почему они желаютъ вызова новыхъ экспертовъ. Разберемъ сдѣланныя ими нападки на экспертизу и экспертовъ. Эксперты не обратили вниманія на теоріи, которыя допускаютъ сумасшествіе при неповрежденномъ мозгѣ и сумасшествіе при поврежденномъ.

Экспертовъ не спрашивали, какихъ они держались теорій. Любопытно было бы, конечно, еслибы эксперты въ своемъ заключеніи изложили въ историческомъ порядкѣ теоріи психіатріи съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ; но эта исторія такъ же мало шла бы къ терпигоревскому дѣлу, какъ изложеніе астрономическихъ теорій отъ Птоломея до Коперника, Ньютона или Гершеля. Второй упрекъ: эксперты не опредѣлили того минимума самообладанія, которое необходимо для того, чтобы человѣкъ считался дѣеспособнымъ. Объ этомъ ихъ не спрашивали, да и не могли спрашивать.

Самъ вопросъ былъ бы противенъ здравому смыслу и похожъ на слѣдующую задачу: опредѣлить кубическими футами чьи-либо познанія, способности, или пудами измѣрить силу патріотизма, которая должна быть присуща обществу для того, чтобы оно держалось. Отъ экспертовъ требуютъ бездѣлицы, которую если бы они совершили, то заслужили бы, чтобы имъ поставленъ былъ памятникъ превыше Наполеонова столба и даже любой египетской пирамиды. Еслибы они дали мѣрку, которою мѣрили бы minimum человѣческихъ способностей, то, во-первыхъ, не нужно было бы никакихъ сроковъ для гражданскаго совершеннолѣтія, и во-вторыхъ, такую мѣрку можно бы приложить ко всѣмъ званіямъ и занятіямъ. Можно было бы заранѣе сказать, что такого-то minimum'а храбрости потребно для солдата, такого-то количества ума для того чтобы быть судьею, сенаторомъ, министромъ такого-то minimum'а геніальности, чтобы сдѣлать какое-нибудь открытіе въ наукѣ, и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что опредѣлить силу души человѣка почти невозможно, что судятъ о способностяхъ каждаго человѣка только по внѣшнимъ проявленіямъ, только приблизительно; ни одинъ физіологъ и психологъ не скажутъ вамъ опредѣлительно: вотъ безошибочные признаки типа: глупый человѣкъ; но по словамъ и поступкамъ даннаго лица судятъ всѣ, что онъ глупый или умный человѣкъ. И такъ, и первая и вторая посылки непоколебимы въ рѣшеніи тамбовскаго суда. Что же касается до заключенія, то его вывелъ самъ судъ, и вывелъ совершенно согласно съ посылками. Я прошу это рѣшеніе суда утвердить; но если судъ найдетъ необходимымъ предварительно рѣшенія дѣла по существу назначить новую экспертизу, то я бы просилъ сдѣлать выборъ самый строгій. Спеціалистовъ по этой части въ Россіи не много: всего можетъ быть какихъ-нибудь семь, восемь человѣкъ.

Судебная палата опредѣлила: рѣшеніе тамбовскаго окружнаго суда, 15-го марта 1873 г. состоявшееся, утвердить; частную жалобу Хилкова и Купріяновой оставить безъ послѣдствій, и судебныя и за веденіе дѣла издержки апелляціоннаго производства въ размѣрѣ четырехсотъ четырнадцати рублей 98 коп. взыскать съ Хилкова и Купріяновой.

14.

Дѣло объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Николаѣ и женѣ его Евгеніи Н., обвинявшихся въ убійствѣ коллежскаго ассесора П. Чихачева.

Отставной штабсъ-капитанъ Николай Петровъ Н., 36 лѣтъ, и жена его Евгенія Александрова Н., 27 лѣтъ, были преданы суду: первый по обвиненію въ томъ, что 26 ноября 1873 г. въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ убить коллежскаго ассесора Петра Чихачева, нанесъ ему ножемъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ, а вторая по обвиненію въ томъ, что того же 26 ноября 1873 г. въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ, убить Чихачева, выстрѣлила въ него два раза изъ револьвера, но выстрѣлы эти по причинамъ отъ воли ея независѣвшимъ въ Чихачева не попали. Преступленія эти предусмотрѣны въ отношеніи Н. 2 ч. 1455 ст. улож. о нак. и въ отношеніи жены его 9, 114 и 2 ч. той же 1455 ст. улож. о нак. Засѣданіе по этому дѣлу происходило 2-го и 3-го марта 1874 года, въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, въ которомъ главными двигающими силами являются не денежные разсчеты, не волчья корысть, но гнѣвъ, месть, любовь, ненависть, словомъ самыя сильнѣйшія страсти, какія могутъ волновать душу человѣка, самое послѣднее тотъ окончательный результатъ, тотъ ударъ ножемъ или выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ

кончается продолжительная драма, важнѣе всего психологическое развитіе страсти, анализъ трехъ характеровъ, которыхъ столкновеніе составляетъ содержаніе этой драмы. Если бы я забылъ на одну минуту то, что главная суть дѣла,—его психологическая сторона, то мнѣ напомнилъ эту истину мой талантливый противникъ *), который съ свойственнымъ ему чутьемъ перенесъ дѣло почти цѣликомъ на психологическую почву такъ, что мнѣ необходимо идти по его слѣдамъ и разбирать тѣ же психологическіе факты только при нѣсколько иномъ освѣщеніи и въ иной группировкѣ. Въ предстоящемъ мнѣ и моему товарищу по защитѣ состязаніи, мы сравнительно съ обвиняющею стороною находимся не въ авантажѣ. Наше положеніе чрезвычайно трудное. Если мы будемъ идти рука объ руку съ моимъ товарищемъ по защитѣ и закрывать нашихъ кліентовъ взаимно, скажутъ что подсудимые стакнулись между собою. Станетъ наговаривать мужъ на жену, а жена на мужа, то произведено будетъ на васъ то непріятное впечатлѣніе, которое бываетъ всегда, когда кто нибудь выгораживаетъ себя на счетъ другого, хотя бы онъ и говорилъ настоящую правду. Каждый изъ нашихъ кліентовъ давалъ намъ такое порученіе: «обо мнѣ не заботьтесь; старайтесь только спасти моего мужа или мою жену. Каждый изъ нашихъ кліентовъ готовъ былъ самъ себя обличать лишь бы только облегчить участь своего супруга. Но пока они дѣлали другъ другу реверансы можно было предвидѣть, что присяжные засѣдатели ихъ засудятъ, потому что имъ до этихъ нѣжностей нѣтъ никакого дѣла. Я полагаю, что есть однако средство выйти изъ самаго труднаго положенія, и что для сего нужно только отыскать ту золотую середину, по которой можно не спотыкаясь пройти, какъ проходитъ акробатъ по натянутому канату. Эта середина можетъ быть обрѣтена. Первое правило при отысканіи ея за-

*) А. Ө. Кони. См. его «Судебныя Рѣчи», стр. 309.

ключается въ томъ, чтобы говорить правду и одну только правду, но конечно не всю правду, конечно обходя нѣкоторыя подробности; вы легко поймете въ полслова. Во всякой любви, какъ бы она ни была возвышенна, и въ какихъ бы ни витала эмпиреяхъ, есть нѣчто чувственное, сильное. Таковъ уже по природѣ своей человѣкъ: полубогъ, полуживотное. Гдѣ есть насиженное мѣсто, тамъ найдутся непремѣнно и кучи навоза и бываютъ любители, которые первымъ долгомъ считаютъ отправиться на заднiй дворъ и раскапывать эти кучи. Я полагаю, что вамъ, гг. присяжные, не подобаетъ эта работа; васъ интересовать могутъ не эти подробности, а общiя начертанiя предмета. Представлять вамъ дѣло должны состязающiяся стороны не прибѣгая къ средствамъ и прiемамъ китайской живописи изображающей отдѣльно и отчетливо каждый волосокъ въ бородѣ, каждую бородавку на тѣлѣ, а скорѣе подражая прiемамъ античной скульптуры, которая, если надо было представить гадкiй, непрiятный предметъ, напр, трупъ человѣка или лицо искаженное страданiемъ, то накидывала на этотъ предметъ покрывало. Такъ сдѣлаю и я и скрою многое подъ покрываломъ и укажу только, намекну, что въ такомъ то мѣстѣ есть рана, а въ такомъ-то мѣстѣ нарывъ.

Извѣстное намъ дѣло происходитъ во времени и подраздѣляется на дѣйствiя. Дѣйствiе первое происходитъ въ Пищинѣ у Дьяконовыхъ и происходитъ между Евгенiею Дьяконовою и Чихачевымъ. Дьяконова дочь весьма бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ новоржевскаго уѣзда. Такъ какъ сестра ея была преподавательницею музыки въ Смольномъ институтѣ, то по ея протекцiи и Евгенiя Дьяконова принята въ тотъ же институтъ. Смольный есть одно изъ аристократическихъ женскихъ учебныхъ заведенiй; аристократическое женское заведенiе всегда аристократичнѣе мужскаго. Въ каждомъ классѣ имѣются такъ сказать царицы заведенiя которыхъ особенно ласкаютъ и отличаютъ потому, что у нихъ есть связи или деньги

[redacted]

на лакомства и прихоти или острый языкъ или наконецъ милость начальницъ. Есть также плебсъ, на который мало обращаютъ вниманія, который держатъ въ черномъ тѣлѣ. Это держаніе въ черномъ тѣлѣ выражается не въ томъ, чтобы этихъ дѣвицъ хуже, чѣмъ другихъ кормили, одѣвали, а въ томъ, что ихъ хуже воспитываютъ или лучше сказать почти совсѣмъ не воспитываютъ, за ними почти совсѣмъ не смотрятъ и требуютъ, чтобы передъ начальствомъ онѣ не портили общаго впечатлѣнія отъ заведенія; легко понять, что изъ замкнутаго заведенія, въ которомъ внутреннюю его жизнь мало кто знаетъ, а только внѣшняя жизнь на показъ блистательна, можетъ выйти дитя природы, дѣвушка неразвитая, полудикарка. Она выучилась говорить по французски, имѣетъ нѣкоторый внѣшній лоскъ при отсутствіи положительнаго знанія, при отсутствіи также всякой нравственной дрессировки, т. е. умѣнья держаться чинно, строго, порядочно при людяхъ и безъ людей, наблюдать за собою каждый часъ и каждую минуту. Такое дитя природы и была Евгенія Дьяконова при выходѣ изъ института. Природа не обдѣлила ее; она имѣла, если не красивую, то миловидную наружность, умъ не лишенный остроты, сердце доброе, мягкое, сердобольное, но она была до того не воспитана, до того принаровилась держать себя небрежно, вальяжно, фамиліарно со всѣми, что это невниманіе къ себѣ могло почесться распущенностью въ глазахъ людей, которые ее мало знали. Ей ничего не стоило выйти къ мужчинѣ въ пеньюарѣ или легко одѣтой, мужъ долженъ былъ учить ее и передѣлывать ея манеры. Когда такая дѣвушка неопытная и дурно воспитанная по выходѣ изъ института, встрѣтится съ мужчинами, то положеніе ее можетъ быть весьма опасно, если она не съумѣетъ съ перваго раза провести ту границу, которая должна быть строго наблюдаема. Мужчина, въ особенности тотъ, который считаетъ себя опытнымъ съ женщинами, можетъ очень легко принять эту

фамиліярность за авансы, эту наивную, неподозрѣвающую зла нескромность за безстыдство этой дѣвушки, за потерянную женщину, что и случилось съ Дьяконовой. Ея соблазнителемъ явился г. Чихачевъ. Сначала Евгенія Дьяконова жила у родителей. Жизнь бѣдная, тяжелая, средства скудныя, каждый кусокъ хлѣба сосчитанъ. Она переѣхала гостить къ брату, который жилъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ въ Пищинѣ, также не имѣлъ большихъ средствъ и хлопоталъ о мѣстѣ судебнаго пристава или нотаріуса. Въ этомъ домѣ бывали разные люди, въ томъ числѣ и Чихачевъ, родственникъ жены хозяина—Дьяконовой. Казалось бы, что говорить о Чихачевѣ для меня затруднительно, такъ какъ de mortuis aut bene aut nihil, и такъ какъ я, говоря дурно о немъ, то подвергаю подсудимыхъ тому, что объ нихъ скажутъ: убили, да въ добавокъ еще и очернили. Но эта задача, съ виду трудная, упрощается тѣмъ, что Чихачева всѣ хвалятъ и что сами Н—ны отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, добромъ, но только безхарактерномъ, у котораго еслибы было побольше твердости, то онъ былъ бы вполнѣ хорошій человѣкъ. Жизнь общественная Чихачева вполнѣ безупречна. Всегда сочувствующій всякимъ благимъ начинаніямъ, всегда щедрый, Чихачевъ былъ весьма полезный дѣятель, его даже любили гораздо болѣе, чѣмъ Н—на, потому что былъ человѣкъ мягкій, податливый, идущій всегда по теченію и незаходящій никому поперегъ дороги. Что касается до его отношеній къ женскому полу, то я долженъ сказать, что онъ былъ то, что называется *любитель* женскаго пола, хотя нельзя сказать чтобы счастливый. Красавица-жена, въ которую онъ былъ, говорятъ, влюбленъ, покинула его для другаго и потомъ играла съ нимъ: то привлекала, то отталкивала. Въ жизни Чихачева сближеніе съ женщинами было любимымъ занятіемъ, занимало много мѣста. Онъ любилъ особенно женщинъ извѣстнаго сорта, женщинъ-полусвѣта. Даже та подробность, которая была открыта при осмотрѣ его квартиры, указы-

ваетъ на нѣкоторыя застарѣлыя и легко извиняемыя привычки дебоширства. Отношенія г. Чихачева къ дѣвицѣ Дьяконовой всего лучше обрисовываются его же письмами. Въ черновой запискѣ, служившей первоначальнымъ проектомъ письма къ Н—ой, нѣсколько словъ, изображающихъ самое начало связи: «Однажды вы мнѣ предложили придти въ комнату послѣ ужина продолжать бесѣду. Вы были въ кровати и раздѣты. Вспомните, какъ я держалъ себя въ этотъ вечеръ: самая наивная изъ наивныхъ понимаетъ, что такъ немного опасно бесѣдовать». Вотъ все, что говоритъ намъ Чихачевъ. Его родные добавляютъ съ его словъ, слышанныхъ при жизни, кое-что. Прибавки эти не въ пользу Н—ыхъ, а болѣе въ пользу Чихачева, что объясняется расположеніемъ и любовью этихъ родныхъ къ умершему, а также тѣмъ, что устное преданіе всегда искажаетъ событіе и передаетъ только одну его сторону, да и ту въ преувеличенномъ видѣ. По словамъ фонъ-Раабена, Чихачевъ не воспользовался въ первый вечеръ фамиліарностью Дьяконовой, но даже далъ ей урокъ, наставленіе какъ ей себя держать. Странно, гг. присяжные засѣдатели, что тотъ самый человѣкъ, который читалъ ей мораль заходилъ къ ней на слѣдующій день уже въ халатѣ. По всей вѣроятности, онъ не морализировалъ и въ первый разъ. Племянникъ г. Чихачева лицеистъ Поповъ съ благороднымъ, но весьма юношескимъ увлеченіемъ выражался при предварительномъ слѣдствіи, что если кто нибудь былъ изнасилованъ, такъ это его дядя. Съ другой стороны Н—на твердитъ, что Чихачевъ ее почти изнасиловалъ, что онъ творилъ съ нею вещи отвратительно гадкія. Она его ненавидитъ, такъ сказать, всѣми силами души. Хотя эта ненависть запоздалая и нѣсколько напускная, но она не можетъ быть безъ весьма глубокихъ причинъ. Вспомните, что это была дѣвушка только что вышедшая изъ института, что, по всей вѣроятности она была до встрѣчи съ Чихачевымъ невинная, что въ провинціальномъ захолустьѣ, обиль-

номъ сплетнями, никто дурнаго слова про нее не сказалъ, что когда она вышла замужъ за Н—на, то она сдѣлалась вѣрною и хорошею женой и такою пробыла пять лѣтъ. Если сопоставить всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя, если сообразить, что Чихачевъ человѣкъ бывалый, что онъ имѣлъ связи съ женщинами и въ особенности съ женщинами-полусвѣта, то необходимо придти къ такому заключенію, что этотъ человѣкъ, знающій женщинъ съ извѣстной только стороны, нашелъ дѣвушку совершенно наивную, которую принялъ за испытанную, знающую всѣ тайны половыхъ отношеній. Онъ соблазнилъ эту дѣвушку, онъ это совершилъ безъ любви, безъ страсти, безъ увлеченія, такъ, какъ выпиваютъ рюмку коньяку послѣ сытнаго обѣда.

Что онъ дѣйствовалъ безъ любви — это ясно изъ того, что до послѣдняго времени единственная женщина, имъ любимая, была его жена и что кромѣ этой страсти къ женѣ у него не было никакой другой. Нѣсколькихъ словъ жены было достаточно для отвлеченія отъ Дьяконовой. Нельзя также объяснить связь Чихачева съ Дьяконовой тѣмъ, что Чихачевъ сказалъ себѣ: «попробую, либо меня увлечетъ другая женщина, либо я влюблюсь въ нее и забуду о женѣ». Ни на одну минуту Чихачевъ не переставалъ помышлять о женѣ. По всей вѣроятности началось съ того, что Чихачевъ плакалъ передъ Дьяконовою и изливалъ свое горе по поводу того, что жена его покинула; Дьяконова его утѣшала и соболѣзновала. Онъ разсудилъ такимъ образомъ: «она плачетъ, сожалѣетъ; она меня любитъ; если она въ меня влюблена, то отчего не угодить ей; отчего не удовлетворить ея пожеланій?»..... Связь длилась недолго и конечно по иниціативѣ Чихачева сопровождалась грязными циническими предосторожностями, которыя я долженъ обойти. Когда сношенія прекратились, этотъ человѣкъ думалъ, что онъ совершенно расквитался съ нею, что связь эта совершенно такая, какъ между двумя собесѣдниками, которые сошлись пообѣдать, вмѣстѣ по-

обѣдали и разошлись. Рыцарскія чувства Чихачева внушаютъ ему только то, чтобы имѣя связь съ дѣвушкой потомъ объ этой связи никому не говорить. Завѣтъ молчанія онъ сохранилъ, но не больше. Вотъ, что содержитъ его письмо къ Н—ой: «въ отношеніи къ вамъ я сдѣлалъ все: хранилъ тайну и до настоящей исторіи никто не смѣлъ вамъ сказать ни слова». Это было правда. Дѣйствительно до 22 іюня никто не зналъ о прежнихъ отношеніяхъ Н—ой къ Чихачеву. Съ своей точки зрѣнія Чихачевъ даже старался до извѣстной степени загладить свою вину, признать ее, участвуя въ выходѣ ея замужъ за другаго. Когда знакомый его—Н—нъ сдѣлалъ предложеніе Дьяконовой, предложеніе, которое было принято, Чихачевъ предложилъ себя обязательно въ посаженые отцы. Чья эта была мысль? Что ни говорятъ о томъ будто Н—на просила настоятельно, чтобы Чихачевъ былъ посаженымъ отцомъ, я этому не повѣрю, потому что настоящій, прямой интересъ въ томъ, чтобы быть посаженымъ отцомъ былъ у Чихачева, а не у Дьяконовой. Если-бы въ первую ночь открылось, что она не невинна, еслибы по этому поводу у мужа возникли подозрѣнія, то отъ этихъ подозрѣній ее не защитило бы ничто, она бы страдала независимо отъ того, кто былъ ея посаженый отецъ. Но для Чихачева очень важно было быть посаженымъ отцомъ; онъ становится черезъ то въ такое положеніе, что былъ самый послѣдній изъ всѣхъ, на которыхъ могло направиться подозрѣніе Н—на. Психологически разбирая этотъ вопросъ, становится несомнѣннымъ, что въ посаженые отцы напросился самъ Чихачевъ, который былъ близко знакомъ съ Н—ымъ и былъ сотоварищемъ Н—на и даже его пріятелемъ. Н—нъ еще и теперь помнитъ, что за годъ до его свадьбы Чихачевъ его спрашивалъ, можно-ли имѣя жену, имѣть и любовницу. Тогда Н—нъ никакъ не могъ подозрѣвать, что разговоръ этотъ такъ близко касается его самого. Въ отношеніи къ Н—ну образъ дѣйствій Чихачева при свадьбѣ былъ родомъ предательства, измѣны. И такъ,

мною сказаннаго вытекаетъ то заключеніе, что если Чихачевъ былъ хорошій дѣятель въ дѣлахъ общественныхъ, если онъ и былъ честный человѣкъ въ дѣлахъ денежныхъ, то не все было рыцарское въ его отношеніяхъ къ женскому полу; что въ его организаціи былъ отшибленный уголъ, было нѣкоторое притупленіе нравственнаго чувства, за что онъ и поплатился жестоко въ дальнѣйшемъ ходу этой исторіи. Перехожу ко второму дѣйствію. Оно очень долгое, оно длится 5 лѣтъ, начинается со свадьбы Н—ыхъ, съ 1868 г. и до объясненія съ мужемъ 21 іюня 1873 года. Въ томъ же Новоржевскомъ уѣздѣ былъ другой помѣщикъ, человѣкъ молодой, служившій въ военной службѣ въ должности капитана генеральнаго штаба и вышедшій въ отставку. Онъ поступилъ также въ мировые посредники при введеніи въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, былъ предсѣдателемъ земской управы при введеніи земской реформы, наконецъ избранъ мировымъ судьею. Оба они— и онъ и Чихачевъ принадлежали къ одной и той-же партіи. Я повторяю—«къ одной партіи» потому, что въ каждомъ уѣздномъ захолустьѣ есть партіи, что я и буду утверждать, не смотря на слова свидѣтеля Львова — помѣщика Новоржевскаго уѣзда, доказывающаго, что Новоржевскій уѣздъ, есть такой особый уѣздъ, въ которомъ никакихъ партій не бываетъ. Партія, къ которой принадлежали Чихачевъ и Н—нъ, была партія прогресса, которая добивалась разныхъ хорошихъ вещей, разныхъ преобразованій, совершающихся съ большимъ трудомъ, очень туго въ настоящій періодъ, который можно назвать періодомъ застоя послѣ великихъ реформъ, періодомъ, въ которомъ организмъ покоится и среди сна продолжается одинъ только процессъ—переваріванія воспринятыхъ нововведеній. По иниціативѣ Н—на заводились школы, больницы, натуральныя повинности перелагались въ денежныя. Дѣло дѣлалось и спорилось, хотя отчетность велась не совсѣмъ аккуратно. Сильная оппозиція образовалась въ 1868 г. противъ соб-

ственно земской управы и ея направленія. Н—нъ своимъ характеромъ способствовалъ ея образованію, потому что былъ рѣзкій, желчный человѣкъ и всякому всегда говорилъ правду, въ глаза, не стѣсняясь выраженіями. Я не могу согласиться съ г. прокуроромъ, что будто бы онъ человѣкъ самолюбивый и безсердечный, въ одной только семейной жизни могущій находить счастье. Напротивъ того, онъ весь былъ поглощенъ общественною жизнью, общественными интересами и ради этого качества общество извиняло ему рѣзкость выраженій. Объ немъ сложилось въ уѣздѣ такое представленіе, что всѣхъ онъ коститъ, всѣхъ ругаетъ, а тѣ, которые имъ обруганы выбираютъ его при всякихъ выборахъ въ самыя важнѣйшія общественныя должности. Въ 1868 г. въ промежутокъ между готовившеюся неудачею по управѣ и выборомъ въ миров. судьи Н—нъ познакомился въ домѣ Дьяконовыхъ съ будущей своей женой. Сначала она не произвела на него большаго впечатлѣнія; но при третьемъ свиданіи онъ уже влюбился и, не долго думая, весною 1868 г. сдѣлалъ ей предложеніе. Она отправилась за покупками въ Петербургъ. Во время ея отсутствія у него появились разныя предчувствія, колебанія—онъ хотѣлъ отложить свою женитьбу. Онъ еще не былъ такъ страстно влюбленъ, какъ впослѣдствіи. Его поражала неразвитость жены, необходимость учить ее, перевоспитывать. Когда свадьба, порѣшенная мамой стала подходить, невѣста предложила Чихачева въ посаженые отцы. «Почему?» спрашиваетъ ее Н—нъ. Да вотъ братъ мой (Дьяконовъ) стѣсняется, говоритъ, что это сопряжено съ расходами, а онъ человѣкъ не богатый. Чихачевъ же такой смѣшной, уморительный, онъ ухаживалъ за мною и въ отчаяніи, что я выхожу за тебя замужъ. Н—нъ согласился. Свадьба состоялась благополучно и добраго отношенія супруговъ не разрушили открытія первой, проведенной ими вмѣстѣ ночи. Н—нъ, имѣя нѣкоторыя подозрѣнія, распрашивалъ жену, не была ли она больна, распрашивалъ о привычкахъ воспитанія и успо-

кончился, получивъ отрицательные отвѣты. Она отнесла къ его деликатности прекращеніе дальнѣйшихъ распросовъ, за что была ему весьма благодарна. Ему и въ мысль не приходило, что она была кѣмъ нибудь обольщена. Все, что пугало и томило Н—на до свадьбы разсѣялось и насталъ долгій, ясный солнечный день полнѣйшаго супружескаго счастья. Ничто не предвѣщало, чтобы это счастье могло разрушиться внезапно. Спустя нѣкоторое время въ 1869 г. Н—нъ былъ выбранъ мировымъ судьей. Ему опять открывалась та публичная дѣятельность, которую онъ такъ страстно любилъ. Въ это время онъ переселился въ Андрюшино—свою усадьбу. Онъ работалъ, жена ему помогала. Все было хорошо до 21 іюня 1873 года, до того времени, когда *въ ночь* съ 21 на 22 іюня она сама открыла свои прежнія отношенія къ Чихачеву и была причиною того взрыва, который отравилъ всеихъ будущее.

Что заставило ее открыться мужу? Въ дневникѣ своемъ Н—на говоритъ: «какъ я жалѣю, что у меня сорвались эти слова». Но можно ли предполагать такую нечаянность? Мужъ утверждаетъ, что жена открылась ему не сразу и своими настойчивыми намеками на фактъ вызвала съ его стороны распросы. Если слова вырвались не случайно, то какія же причины побудили Н—ну къ признанію и прежде всего не было ли внѣшнихъ причинъ, тѣхъ именно, о которыхъ спрашивалъ г. предсѣдатель. Я утверждаю, что внѣшнихъ причинъ не было никакихъ. Есть какой-то разсказъ о томъ, что Н—на поражена была дурными о ней отзывами г-жи Чихачевой, что г-жа Чихачева ревновала ее къ своему мужу. Но это слишкомъ далекое обстоятельство, дающее поводъ предполагать, что г-жа Чихачева знала о прошедшемъ г. Н—ой что либо предосудительное. Небыло ли причинъ *внутреннихъ?* Не раскаяніе ли привело Н—ну къ самообличенію? Не думаю. Я понимаю, что раскаяніе могло явится сейчасъ же за событіемъ, даже черезъ годъ, но по прошествіи 5 лѣтъ? Почему Н—на не открылась мужу у колыбели ребенка,

у его могилы? Нѣтъ, она промолчала 5 лѣтъ. Я думаю, что съ опасностью сживается человѣкъ, и что, кто 5 лѣтъ прожилъ неоткрывшись, тотъ похожъ на человѣка, который построилъ виллу на скатѣ кратера вулкана, и который такъ привыкъ къ землетрясеніямъ и взрывамъ, что опасность его не безпокоитъ. Я теряюсь въ догадкахъ; для меня объясненіе Н—ой съ мужемъ необъяснимый психологическій фактъ, а такъ какъ нѣтъ человѣческаго дѣйствія безъ достаточной причины; то я и полагаю, что этому дѣйствію есть своя причина, которой я не знаю. Заявляя, что я ее не знаю, я позволю себѣ построить догадку, которая можетъ отчасти способствовать къ уразумѣнію этого событія. Гг. прис. засѣдатели! Вы знаете безъ сомнѣнія, что такое дитя, какія психологическія особенности этого возраста. У дитяти слаба дѣятельность разсудка, т. е. та именно дѣятельность, которая граничитъ между воспринимаемыми впечатлѣніями и рефлексами, перерабатываетъ впечатлѣнія и задерживаетъ рефлексы. Есть люди, у которыхъ эта разсудочная дѣятельность никогда не достигаетъ полнаго развитія, и которые остаются такъ сказать цѣлую жизнь дѣтьми до сѣдыхъ волосъ. Я полагаю, что г-жа Н—на есть именно такое дитя. Передавая эту же мысль иными словами, я скажу, что у дитяти критика слаба и есть постоянныя увлеченія, какъ въ воспроизведеніи наблюдаемыхъ фактовъ, такъ и въ составленіи замысловъ не по силамъ. Примѣровъ такого увлеченія и легковѣрія у Н—ой бездна. Ими объясняется то, что она повѣрила Чихачеву и приняла за наличную монету всѣ тѣ комплименты, увѣренія и обѣщанія, которыя онъ расточалъ по своему обыкновенію. Она повѣрила, что онъ влюбленъ въ нее, что онъ готовъ пожертвовать ей жизнью: какъ не повѣрить, когда онъ поклялся. Она беретъ его за слово и дѣлая скачекъ, котораго не сдѣлалъ бы ни одинъ разсудительный человѣкъ, она вывела заключеніе, что онъ долженъ лишить себя жизни, если того потребуютъ.

Тѣ же увлеченія явственны въ перепискѣ Н—ой. Мой противникъ говорилъ, что письмо Н—ой къ Чихачеву написано подъ диктовку мужа, что въ немъ даже выраженія мужа. Я этого вліянія не замѣтилъ; напротивъ, я полагаю, что ея письмо къ Чихачеву оригинально и не носитъ отпечатка ни слога, ни мыслей Н—на. Оно нисколько не похоже на проектъ его берлинскаго письма. Въ письмѣ Н—ой пропасть фразъ напыщенныхъ, исполненныхъ афектаціи. «Не вамъ знать, пишетъ она, какой адъ въ моей душѣ; моя тѣнь будетъ преслѣдовать васъ, вездѣ будетъ кричать вамъ: безчестный! Никакіе океаны не отгонятъ эту тѣнь отъ васъ», и т. д. Вся переписка Н—ой въ такомъ родѣ. У нея есть несомнѣнная наклонность къ такъ называемой экзальтаціи; эта наклонность можетъ превратиться у человѣка въ привычку, въ постоянную черту характера. Такою я и представляю себѣ г. Н—ну. Представьте же теперь, что это взрослое дитя хранитъ тайну, отъ которой зависитъ семейное счастье и что она играетъ этою тайною точно зажженнымъ фитилемъ или коробочкою спичекъ возлѣ бочки съ порохомъ. Въ 1868 г. ея мужъ былъ особенно къ ней нѣженъ. Однажды онъ сказалъ ей, что у него аневризмъ и ужасался при мысли, что можетъ быть по смерти его она сдѣлается женою другого. Очень могло быть, что и она разчувствовалась и сказала: «Ахъ, какой вы добрый человѣкъ! я гораздо менѣе достойна васъ, чѣмъ вы думали, я во многомъ передъ вами виновата». Я не могу конечно излагать вамъ, гг. присяжные, что такое чувство, и что такое страсть: тотъ не пойметъ страсти, кто самъ ея не испыталъ, кто не заливался горькими слезами, кто не худалъ и не чахъ отъ душевныхъ страданій, отъ горя и любви. Во всѣхъ психическихъ процессахъ, какъ умственныхъ, такъ и иныхъ, далеко не все сознательно, а многое совершается безсознательно, машинально, по старой привычкѣ, по заученнымъ пріемамъ. Можно работать не думая, можно даже молиться наизусть, не зная, что

произносятъ уста; какъ есть привычки ума и привычки воли, такъ есть привычки чувствъ, они называются страстями. Когда человѣкъ сильно пораженъ, когда весь онъ пораженъ этимъ ударомъ, когда привычка чувства пріобрѣтена, поселилась въ немъ, когда она находитъ пищу, то эта страсть можетъ завладѣть всѣмъ существомъ человѣка, поработить его и исказить его психическій организмъ. Она похожа на изнурительную лихорадку, на тифъ. Подъ ея вліяніемъ дѣятельность человѣка получаетъ одностороннее направленіе, онъ дѣлается несправедливымъ, даже жестокимъ въ отношеніи къ другимъ. Если ударъ поразившій человѣка шелъ извнѣ и зависѣлъ отъ неразумныхъ силъ природы, то самыя глубокія раны если ихъ вынесетъ страдающее лицо, залѣчиваетъ время, великій лѣкарь. Но если ударъ нанесенъ какимъ нибудь злымъ человѣкомъ, если этотъ ударъ нанесенъ братомъ, пріятелемъ, любимою женщиною, тогда послѣдствія зависятъ вполнѣ отъ натуры страдающаго лица. Есть натуры мягкія, слабыя, дряблыя, которыя раскиснутъ, расплачутся и станутъ отпивать свое горе въ жалобахъ и вздохахъ, но ни на что нерѣшаются. Люди болѣе крѣпкаго закала, люди мощные, энергическіе возмутятся причиняемымъ имъ зломъ, измѣною до глубины души, они вознегодуютъ и проникнутся чувствами ненависти и мести. Надо быть необыкновенно нравственнымъ, высоконравственнымъ человѣкомъ, чтобы одолѣть себя, наложить узду на свое негодованіе и убѣдить себя въ томъ, что есть еще другія цѣли, кромѣ мести: что есть еще общество, есть природа, есть искуство, есть наука, есть Богъ, есть разныя другія блага, которыя краше, лучше и желательнѣе удовлетворенія чувства мести. До такой нравственной высоты доходятъ весьма немногіе, это удѣлъ избранныхъ. Н—нъ не принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи, не принадлежалъ онъ и къ первой, людей раскисающихъ, плаксивыхъ, а принадлежалъ ко второй, къ людямъ обыкновеннымъ, сильно ненавидящимъ

тѣхъ, которые имъ причинили зло. Онъ вознегодовалъ всею душою, точно въ него вонзилось жало змѣи. Онъ подумалъ: какъ долженъ былъ въ душѣ насмѣхаться и издѣваться надо мною Чихачевъ, который полѣзъ въ посаженые отцы, выдавъ за меня дѣвушку, которую онъ осквернилъ. Любимая женщина оказывалась немногимъ лучше публичной. Онъ былъ проведенъ человѣкомъ, котораго считалъ едва ли не идіотомъ. Рана была глубокая, мысль стала работать, сондируя ее. У Н—на явилось непреодолимое желаніе узнать всю истину, самое худшее, самое гадкое. Непреодолимая потребность влекла Н—на къ тому, чтобы возстановить въ полнѣйшей наготѣ позоръ жены и измѣну пріятеля. Точно клещами сталъ онъ вытягивать отъ жены кусокъ за кускомъ, подробность за подробностью—всѣ обстоятельства ея связи съ Чихачевымъ, самыя сильныя, самыя циничныя. Но въ томъ то и дѣло, что лицо ослѣпляемое страстью никакъ не можетъ быть хорошимъ изслѣдователемъ истины. Разъ онъ усомнился, онъ уже не остановится и при всякомъ открытіи будетъ доискиваться еще худшаго еще болѣе сквернаго. Мало того, онъ желаетъ отыскать еще нѣчто худшее, потому что это худшее дастъ ему возможность оправдывать жену и сваливать всю вину на третье лицо, на Чихачева. Бѣдная женщина была поставлена по собственной волѣ въ такое положеніе, что для успокоенія человѣка, который сталъ почти съ ума сходить отъ сообщеннаго ему, она въ угоду ему стала выдумывать и прибавлять, стала сочинять, а потомъ когда онъ порывался ѣхать къ Чихачеву, она, удерживая его, отрекаясь отъ всего сказаннаго, брала опять всю отвѣтственность на себя. По ея разсказамъ оказывалось, что она безобразничала съ Чихачевымъ и въ Ашевѣ, и въ Новоржевѣ, много разъ и въ самой чудовищной обстановкѣ. Какъ не ослѣпленъ былъ Н—нъ страстью, не могъ онъ не замѣтить, что онъ истратилъ на распросы 3 или 4 недѣли даромъ, что онъ меньше знаетъ теперь, чѣмъ 22 іюня. Тогда явилась

потребность узнать все, какъ было? Поставивъ жену съ очей на очи съ Чихачевымъ, и принудивъ ее уличать Чихачева разсказывая ему подробности ихъ связи. Такова была причина первой поѣздки въ Ашево съ тѣмъ, чтобы: во 1-хъ, объясниться съ Чихачевымъ и узнать всю истину, во 2-хъ, отомстить ему. Месть—чувство нехорошее, но я полагаю, что вы будете менѣе претендовать къ Н—ну если я употреблю другое, болѣе практичное слово, искупающее многое и скрадывающее многое, Н—нъ рѣшился потребовать удовлетворенія отъ Чихачева. Вы знаете, что такое значитъ искать удовлетворенія. Въ высшемъ обществѣ, которое имѣетъ нѣкоторыя культурныя традиціи, преданія рыцарства, сильно развитое чувство чести, есть извѣстный обычай, на который намекалъ и мой противникъ. Обычай этотъ поединокъ. Когда нельзя ничего добиться судомъ обыкновеннымъ, остается одно: обратиться къ Божьему суду. Есть извѣстный кодексъ чести, который простъ, какъ таблица умноженія, и по которому, если къ человѣку порядочному, джентльмену обращаются и требуютъ удовлетворенія, то онъ въ этомъ удовлетвореніи не можетъ отказать и долженъ либо загладить свою вину, либо, если это невозможно, драться, искать удовлетворенія. Что съ этимъ именно намѣреніемъ отправился Н. въ Ашево—это не подлежитъ сомнѣнію. Я полагаю, что и Чихачевъ, и Н. были люди, принадлежащіе къ тому обществу, которое признаетъ культъ чести и обычай поединка. Самъ Чихачевъ, какъ это видно изъ его писемъ, сознавалъ обязанность дать удовлетвореніе со шпагою или пистолетомъ въ рукахъ. Передъ своей поѣздкой Н—нъ купилъ дуэльныя шпаги въ Петербургѣ у Шафа. Что онъ хотѣлъ сдѣлать вызовъ на дуэль, этого не отвергаетъ и обвиненіе. Если слово о дуэли не было произнесено на первомъ свиданіи въ Ашевѣ, то очевидно потому, что объясненія еще не кончились и должны были возобновиться. 11 августа, не заставъ Чихачева, Н—нъ передаетъ ему вызовъ на дуэль посредствомъ Церешке-

вича. Онъ повторяетъ вызовъ вновь во всѣхъ своихъ письмахъ, въ формахъ правда грубыхъ, неприличныхъ. Извѣстно, что человѣкъ, ослѣпленный страстью дѣлается дѣйствительно неприличнымъ, грубымъ, и что огромное преимущество предъ нимъ имѣетъ человѣкъ спокойный.

Не буду описывать всѣхъ подробностей первой поѣздки въ Ашево въ концѣ іюля. Н—ны остановились на постояломъ дворѣ, не у родственниковъ. Н—нъ отправился къ Церешкевичу за Чихачевымъ, вызвалъ его къ женѣ и заперъ двери. Изъ участвовавшихъ въ объясненіи лицъ, каждое находилось въ ложномъ положеніи, каждое заблуждалось на счетъ своихъ отношеній къ другимъ и намѣреній другихъ; Н—нъ *инквизитировалъ*, но при такихъ условіяхъ, при которыхъ изъ его затѣй не могло выйти никакого результата. Очная ставка, устроенная Н—ымъ, была такого рода, что каковъ бы не былъ Чихачевъ трусъ или храбрый человѣкъ, онъ необходимо долженъ былъ принять на себя вину, трусъ—чтобы освободиться поскорѣе отъ объясненія, храбрый—чтобы облегчить положеніе женщины, съ которою имѣлъ связь; Чихачевъ повинился, сказавъ: «не я, такъ другой сдѣлалъ бы тоже», онъ утверждалъ только что не насиловалъ, и что Н—на сама ему далась, но все-таки Н—нъ не могъ узнать, какъ возникла и установилась связь между любовниками. Г-жа Н—на съ своей стороны не столько свидѣтельствовала противъ Чихачева, сколько рисовалась и позировала. Она прочла длинную рацею, потомъ обругала его, наконецъ сдѣлала совершенно женскій скачекъ въ умозаключеніи, предложивъ ему убраться поскорѣе на тотъ свѣтъ: «вы мнѣ обѣщали пожертвовать жизнью, такъ не угодно ли исполнить это обѣщаніе». Этотъ прыжокъ весьма романическій и совершенно женскій, не могъ бы совершиться ни въ какой мужской головѣ. Н—нъ съ злобною радостью наблюдалъ какъ отнесется къ этой неожиданности Чихачевъ. Чихачевъ сначала засмѣялся, а потомъ струсилъ, предположилъ, что покушаются на его жизнь и сказалъ: «я подумаю». Тогда Н—на вынула

у мужа часы изъ кармана и назначила Чихачеву 5 минутъ. Но размышленія, еще не прошли, какъ появился Церешкевичъ, прервавшій объясненіе. Чихачевъ былъ отпущенъ, но съ него было взято слово, что онъ придетъ вечеромъ. Придавать серьезное значеніе выходкѣ Н—ой нѣтъ никакой возможности. Спрашивается: чего же хотѣли достигнуть Н—ны? Хотѣли ли они дѣйствительно склонить Чихачева къ самоубійству? Но развѣ возможно допустить, чтобы кто либо внимая чьимъ бы то ни было самымъ страстнымъ, самымъ краснорѣчивымъ убѣжденіямъ, согласился сдѣлать противное своей природѣ, рѣшится убить самого себя? Нельзя предположить, чтобы Н—ны замышляли довести тутъ же Чихачева до самоубійства, еще и потому, что у нихъ на рукахъ остался бы трупъ, на нихъ бы пало подозрѣніе въ убійствѣ, которое бы они не отвели отъ себя никакими средствами. Если бы Н—ны пріѣхали затѣмъ, чтобы просто на просто убить Чихачева, то они конечно не предлагали бы ему поединка. То, что Н—нъ пріѣхалъ въ Ашево не одинъ, а съ женою, объясняется тѣмъ состояніемъ страсти, при которомъ человѣкъ не владѣетъ собою на столько, чтобы сообразить избираемыя средства съ предполагаемою цѣлью. Притомъ жена сама навязалась ѣхать, она боялась, что когда Чихачевъ станетъ отрицать фактъ связи съ нею, то она окажется солгавшею въ глазахъ мужа. Ножъ и револьверъ сопутствовали Н—ну въ этой поѣздкѣ потому, что они сопутствовали Н—ну во всѣхъ его поѣздкахъ Такъ какъ Чихачевъ сильно струсилъ, то въ его глазахъ ножъ превратился въ кинжалъ и вся обстановка свиданія получила такой видъ, какъ будто бы скрывалась тутъ какая то засада. Н—нъ считалъ до такой степени объясненіе не конченнымъ, что не дождавшись Чихачева въ 5 часовъ, ходилъ къ нему и въ 5 и въ 8 часовъ, послѣ чего посылалъ письмо чрезъ фельдшера, наконецъ самъ назначилъ свиданіе у себя въ Андрюшинѣ, между 4 и 8 августа. И этотъ срокъ прошелъ даромъ,

Чихачевъ не торопился ѣхать. Тогда Н—ны отправились за нимъ въ Ашево и началась та гоньба за нимъ, которую вы знаете и во время которой Н—нъ передалъ Церешкевичу, а сей послѣдній Чихачеву вызовъ на дуэль. Потомъ наступилъ продолжительный перерывъ въ сношеніяхъ между враждующими сторонами, потому что Чихачевъ ускакалъ изъ Новоржева въ С.-Петербургъ, распустивъ вѣсть о томъ, что будто бы онъ уѣхалъ заграницу. Съ другой стороны, Н—нъ былъ раздраженъ до бѣшенства, во-первыхъ, раскрытымъ фактомъ связи, во-вторыхъ, уклоненіемъ Чихачева отъ дуэли и въ-третьихъ, баснословными, но не выгодными слухами, которые ходили объ исторіи, распускаемые Церешкевичемъ и другими доброжелателями. Захотѣли отдохнуть, освѣжиться, забыться и рѣшились ѣхать заграницу. Они и уѣхали, но вовсе не въ Парижъ, гдѣ разглашаемо было, что пребываетъ Чихачевъ. Они посѣтили вѣнскую выставку, Тироль, Флоренцію, Римъ, потомъ вернулись назадъ чрезъ Берлинъ.

Прежде чѣмъ я перейду къ изображенію ихъ возвращенія и катастрофы 26 ноября, да будетъ мнѣ позволено остановиться и сдѣлать обзоръ положенія воющихъ сторонъ, свести итоги и сказать, кто въ чемъ правъ и въ чемъ неправъ. Былъ ли совершенно правъ въ своемъ уклоненіи отъ дуэли Чихачевъ? Я увѣренъ, что въ глазахъ большинства людей, Чихачевъ будетъ признанъ поступившимъ вполнѣ благоразумно, хотя мнѣ кажется, что онъ подвергалъ себя гораздо большому риску, бѣгая отъ дуэли какъ *подстрѣленный заяцъ*, нежели если бы онъ вышелъ драться. Всѣ поединки обставлены стѣсняющими произволъ обрядами. Въ каждомъ поединкѣ есть шансы благополучнаго его исхода, есть секунданты старающіяся примирить, есть возможность еще извиниться на полѣ боя до боя, или послѣ первой пролитой крови, есть возможность драться на рапирахъ, на шпагахъ, которыя, по большей части, не такъ опасны, какъ огнестрѣльное оружіе.

Но если бы большинство и оправдывало Чихачева, то для меньшинства, состоящаго изъ людей, соблюдающихъ обыкновенный кодексъ чести, такой образъ дѣйствія не можетъ казаться правильнымъ, безупречнымъ и хорошимъ. Чихачевъ могъ отвергнуть прямо рѣшеніе дѣла оружіемъ, сказавъ: «Я предъ вами ни въ чемъ невиноватъ, чего вы привязались ко мнѣ? Я не хочу съ вами имѣть никакого дѣла». Но нѣтъ, Чихачевъ не такъ поступилъ: онъ взялъ на себя вину связи съ нимъ Н—ной. Кто винится, тотъ долженъ отвѣчать за свою вину и ея послѣдствія, отвѣчать по пословицѣ: «любишь кататься, люби и саночки возить». Никакого другаго выхода нѣтъ. Если же не хочешь выходить на дуэль, то рискуешь тѣмъ, что тебя побьютъ. Непринятіе дуэли повинившемся, еще было бы понятно со стороны лица отвергающаго обычай дуэли, какъ нѣчто устарѣлое, отжившее и нелѣпое; онъ могъ бы просто сказать, что не вѣритъ въ дуэль, что отвергаетъ ее въ принципѣ. Но Чихачевъ признавалъ поединокъ, въ доказательство чего я приведу слова его письма: «Въ то время у меня не было исхода, какъ принять предложеніе, дѣлаемое въ подобныхъ случаяхъ. Я былъ увѣренъ, что получу отвѣтъ достойный честнаго человѣка». Но какъ только случилось предложеніе г-жи Н—ной о самоубійствѣ, Чихачевъ вмѣсто того, чтобы предложить Н—ной устранить женщину и разобрать дѣло вдвоемъ наединѣ, прибѣгнулъ къ пріему, достойному самаго ловкаго адвоката, «а они мнѣ сдѣлали предложеніе, совершенно безчеловѣчное, поэтому я съ ними расквитался и не хочу драться». Предложеніе было безумное, нелѣпое, оно могло родиться только въ женской головѣ, предложенія этого можно не принять, его можно устранить, но, всетаки, съ Н—нымъ остаются у Чихачева счеты, которые нужно свести, такъ нельзя отвертѣться отъ этихъ счетовъ. Чтобы вы сказали, если бы я долженъ былъ платить по векселю и отозвался, что не буду платить, потому что противникъ меня обидѣлъ, обругалъ. Обида

своимъ порядкомъ, а вексель своимъ. Посему я полагаю, что Чихачевъ, по его же собственнымъ принципамъ, обязанъ былъ дать удовлетвореніе Н—ну не смотря на выходку г-жи Н—ной.

Перехожу къ развязкѣ. Н—ны поѣхали заграницу, побывали и на озерѣ Гарда, и на горахъ Тироля и на развалинахъ Рима, нигдѣ не обрѣли покоя; всюду преслѣдовалъ ихъ противный образъ Чихачева. Настало для нихъ время самое тяжелое, самое грустное, котораго изображеніемъ служитъ дневникъ г-жи Н—ной. Страсть произвела свои губительныя дѣйствія. Н—нъ значительно опустился, одичалъ, упалъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ; онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, чтобы избавиться отъ безсонницы напивался, билъ жену подъ пьяную руку и обходился съ нею самымъ жестокимъ образомъ.

Въ Берлинѣ Н—нъ писалъ карандашемъ то черновое письмо, которое не было отправлено, но служитъ выраженіемъ того, каковы были его намѣренія въ отношеніи къ Чихачеву.

«Вы трусъ, гласитъ проектъ, жалѣютъ только орла, коему подрѣзаны крылья, но не червяка. У васъ нѣтъ ума. Я гнался за вами, чтобы вызвать васъ на дуэль и гнаться буду, чтобы поступить, какъ поступаютъ съ тѣми, которые отказываются отъ дуэли по трусости, т. е., чтобы отдуть васъ палкою. Вы знаете, что васъ требуютъ для объясненій, а вы разсудили, что вамъ приличнѣе бѣжать» и т. д. Тѣже окончательныя заключенія содержитъ письмо г-жи Н—ой, отправленное къ Чихачеву. Противникъ мой сказалъ, что въ немъ нѣтъ вызова на дуэль, я не утверждаю, что есть самъ вызовъ на дуэль, но есть, по крайней мѣрѣ, указаніе на то, что къ г. Чихачеву претендуютъ за не выходъ на дуэль: «Съ вами хотѣли переговорить и покончить дѣло такъ, какъ кончается между порядочными людьми». Значитъ посредствомъ поединка. И такъ отъ конца іюня до ноября, у Н—на одна мысль, одно желаніе: добиться во чтобы ни стало вызвать г. Чихачева на по-

единокъ. Тотъ къ кому относились всѣ вызовы словесные и письма, сидѣлъ въ Петербургѣ, избѣгая встрѣчи и устроилъ на мѣстѣ свой надзоръ въ особѣ Церешкевича, отъ котораго получалъ подробнѣйшія извѣстія не только о событіяхъ, но и о всѣхъ сплетняхъ, ходящихъ въ уѣздѣ. Есть основанія предполагать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ сплетень исходили прямо отъ самого Церешкевича. Вы замѣтили, вѣроятно, эту особенность въ г. Церешкевичѣ, что онъ умѣетъ подъ каждое дѣйствіе человѣка подкладывать самые грязные мотивы. Онъ обвинялъ Н—на и въ нечестности и въ растратѣ земскихъ денегъ. Онъ въ письмахъ проводилъ такія идеи, что Н—ны хотѣли въ Ашевѣ взять съ Чихачева какую то росписку чуть-ли не деньги, что Н—нъ хотѣлъ въ Ашевѣ сбыть съ рукъ жену и навязать ее Чихачеву, наконецъ, что Н—нъ науськиваетъ жену на убійство съ тѣмъ, что ее осудятъ, а онъ сдѣлается свободнымъ и женится на другой.

13-го ноября Церешкевичъ доноситъ Чихачеву, что Н—нъ собирается въ Петербургъ по дѣлу Клингенберга. Чихачевъ долженъ былъ, очевидно, поступить, получивъ это письмо, съ тѣмъ же благоразуміемъ съ какимъ онъ до сихъ поръ избѣгалъ встрѣчи съ Н—нымъ, т. е. собраться и уѣхать пока не пройдетъ дѣло Клингенберга, по которому Н—нъ долженъ явиться въ качествѣ свидѣтеля. На этотъ разъ Чихачевъ поступилъ иначе. Составился семейный совѣтъ изъ Поповыхъ и Раабена, на которомъ по обсужденіи обстоятельствъ рѣшено, что Чихачеву неприлично скрываться, что есть полиція, что есть родные, которые будутъ при объясненіи и помогутъ, что съ нахалами надобно покончить разъ навсегда. Со стороны Чихачева и его родныхъ было все обдумано, все приготовлено къ пріему гостей, напротивъ того, со стороны этихъ гостей, этихъ нападающихъ, только была неожиданность и случайность. Они ѣхали въ Петербургъ не зная, гдѣ Чихачевъ. Они ѣхали не для удовольствія, а по необходимости. По пріѣздѣ въ Петер-

Тогда они справились въ адресномъ столѣ и узнали, что Чихачевъ выбылъ въ Москву изъ дома сестры Поповой въ Захарьевской. Они рѣшили узнать въ домѣ Поповой его московскій адресъ и поѣхали, не переодѣваясь, въ дорожномъ платьѣ. Сверхъ всякаго ожиданія имъ отвѣчаетъ дворникъ: «Чихачевъ здѣсь, пожалуйте». Наконецъ то, чего они такъ долго добивались, должно осуществиться. У Н—на сердце забилось, но онъ еще настолько владѣетъ собою, что вспомнивъ, что у него горячій характеръ, что онъ можетъ увлечься, отдаетъ на лѣстницѣ бывшій при немъ револьверъ своей женѣ. Я не буду повторять въ подробности здѣсь случившагося въ квартирѣ Чихачева и ограничусь указаніемъ на главнѣйшіе моменты событія. Старушка, которая отворила имъ двери, не хотѣла ихъ пустить, пошла доложить Чихачеву, который велѣлъ впустить. Входятъ въ гостиную, и г-жа Н—на стремительно направляется черезъ гостиную въ спальню, гдѣ фонъ-Раабенъ надѣваетъ жилетъ и сюртукъ. Тутъ же на лицо и г. Поповъ. Дверь въ гостиную притворена, такъ что Раабенъ и Поповъ не могутъ слышать всего того, что происходитъ за дверью въ гостиной, гдѣ Чихачевъ объясняется съ пришедшими. Г-жа Н—на спрашиваетъ у Чихачева получилъ ли онъ ея письмо. Вмѣсто устнаго отвѣта Чихачевъ даетъ письменный, который г. Н—нъ беретъ и прячетъ въ карманъ, настаивая на объясненіи обоихъ наединѣ. «Никакихъ объясненій вы не получите» отвѣчаетъ Чихачевъ, „если нужно, то по прочтеніи письма скажите, я назначу свиданіе“. Тогда Н—нъ развертываетъ письмо, хочетъ читать его, но ему говоритъ: «здѣсь не мѣсто, убирайтесь вонъ». Н—нъ видитъ, что тотъ, кого онъ такъ долго искалъ, ускользаетъ отъ него, другого подобнаго случая вѣроятно не будетъ. Тогда онъ дѣлаетъ вызовъ на дуэль, Чихачевъ отказывается и получаетъ пощечину. Къ этой развязкѣ и шло, она предвидѣлась заранѣе. Но вотъ чего не ожидалъ Н—нъ: онъ не могъ предвидѣть, чтобы человѣкъ,

котораго онъ считалъ такимъ трусомъ, такимъ презрѣннымъ, бросился на него съ остервененіемъ, сталъ царапать ему лицо и наносить удары. Въ тоже время изъ спальни выскочили фонъ-Раабенъ и Поповъ: одинъ, схватилъ Н—на за руку, другой, фонъ-Раабенъ, потащилъ Н—на къ дивану. Чихачевъ отъ Н—на не отставалъ и продолжалъ колотить его кулакомъ. Тогда у этого человѣка, у котораго и въ мысли до сихъ поръ не было убить Чихачева, который пришелъ только для того, чтобы покончить разъ навсегда объясненія и самое большое вызвать на поединокъ, если же дуэль не состоится, то побить Чихачева, ударить его по лицу ладонью или кулакомъ (по моему мнѣнію, это одно и тоже), кровь бросилась въ голову, въ глазахъ его потемнѣло, совершенно машинально и безсознательно онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ ножъ, раскрылъ его и сталъ наносить удары направо и налѣво Раабену, дворнику и Чихачеву, которому больше другихъ досталось потому, что онъ не отходилъ отъ Н—на и все время былъ съ Н—ымъ грудь съгрудью. Я признаю Н—на совершенно виновнымъ въ непростительномъ, преступномъ нанесеніи ударовъ нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ и Чихачеву, ударовъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть Чихачева, но я не могу признать его виновнымъ въ намѣреніи убить Чихачева. Я долженъ исправить двѣ три черты въ изложеніи событій у моего противника. Мнѣ кажется, что онъ заблуждается. Онъ полагаетъ, что когда дворникъ Воронинъ вошелъ въ гостиную, еще въ этой комнатѣ не было ни Раабена, ни Попова, а только Чихачевъ, который барахтался съ однимъ Н—нымъ на диванѣ. Этого не могло быть. Этого не видно ни изъ первоначальнаго показанія дворника Воронина, ни изъ даннаго имъ на судебномъ слѣдствіи. Воронинъ вошелъ въ квартиру Чихачева по крику, когда началась борьба, слѣдовательно когда Раабенъ и Поповъ уже были въ гостиной; они то и оттащили Н—на къ дивану. Если, по словамъ фонъ-Раабена, онъ ихъ засталъ бо-

рющихся почти у дверей спальни и потащилъ Н—на къ дивану, то ясно, что Н—нъ былъ оттащенъ фонъ-Раабеномъ къ дивану прежде, чѣмъ пришелъ дворникъ, заставшій Н—на съ Чихачевымъ на диванѣ. Что касается до момента, когда былъ вынутъ ножъ, то дѣйствительно опредѣлить этотъ моментъ трудно. Но я указываю на то, что Раабенъ положительно утверждаетъ, что ножъ онъ увидалъ только тогда, когда на диванѣ находились Чихачевъ и Н—нъ. Ножъ этотъ такой большой, что его нельзя было не замѣтить. Нанесенныя Чихачеву раны различнаго свойства: пять порѣзныхъ и одна въ грудь колотая. Если рука свободна при нанесеніи удара ножемъ, такимъ какой былъ у Н—на, то рана всегда будетъ колотая, порѣзною же она явится только тогда, когда держащая ножъ рука не въ свободномъ состояніи, когда нельзя дѣйствовать ею съ размаху. Вотъ почему я полагаю, что въ то время, когда Раабенъ тащилъ Н—на на диванъ, въ эти нѣсколько секундъ, Н—нъ успѣлъ вытащить изъ кармана ножъ, раскрыть его и порѣзать въ нѣсколькихъ мѣстахъ Чихачева. Рука его освободилась, когда Раабенъ пустилъ его, чтобы схватить его обѣими руками сзади. Въ это мгновеніе Н—нъ и нанесъ Чихачеву колотую рану, на правой сторонѣ груди. Г. Чихачевъ въ пылу борьбы не чувствовалъ удара, замѣтивъ кровь ушелъ къ сестрѣ. Н—ну вытащили на лѣстницу, Н—на заперли въ прихожей, сначала онъ ругался, потомъ когда онъ увидѣлъ кровь на ножѣ, ему стало гадко, онъ и выбросилъ ножъ этотъ за окошко, не потому, чтобы онъ хотѣлъ скрыть орудіе преступленія, а потому, что ему самому стало противно то, что онъ сдѣлалъ. Черезъ нѣкоторое время Н—нъ узналъ, что Чихачевъ сильно раненъ; онъ выразилъ Попову свое глубокое сожалѣніе, что такъ случилось и что онъ это сдѣлалъ. Надо было составлять протоколы, на что потребовалось много времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что поздно вечеромъ Н—нъ захотѣлъ ѣсть или пить, потому что животныя потребности въ человѣкѣ появляются во всякомъ его положеніи.

Гг. присяжные засѣдатели! Я полагаю, что вы отнесетесь къ этому дѣлу совершенно безпристрастно, и что, изучивъ его, вы найдете, что оно вышло изъ роковаго почти столкновенія между собою трехъ лицъ, которыя всѣ безъ исключенія при дурныхъ были надѣлены и весьма хорошими качествами души, людьми исполненными и доблестей, и пороковъ, людьми представляющими, какъ и все человѣческое, удивительную смѣсь прекраснаго и гадкаго, но оцѣните, какіе сильные мотивы заставили ихъ дѣйствовать другъ противъ друга. Такъ или иначе ясное пониманіе этихъ мотивовъ должно на мой взглядъ повести къ большему снисхожденію, къ такому же снисхожденію, къ какому располагаетъ изученіе исторіи человѣчества; были въ исторіи многолѣтнія столкновенія—люди проливали взаимно нѣсколько сотъ лѣтъ свою кровь. Цѣлыя столѣтія боролись католики съ протестантами, многіе года продолжалась французская революція. Теперь, когда кончились эти войны можно отнестись къ нимъ совершенно безпристрастно. Можно понять какъ должны были ненавидѣть себя взаимно народы, какія глубокія имѣли они на то причины, какъ много и съ той и съ другой стороны было хорошаго, но нѣтъ никакой надобности раздѣлять эту ненависть, которая кончена и погасла. Я полагаю, что вы произнесете справедливый приговоръ, если признаете Н—на виновнымъ въ томъ, въ чемъ онъ несомнѣнно виновенъ и отстраните обвиненіе въ томъ, въ чемъ едвали онъ виновенъ, а именно въ намѣреніи убить. Замѣтьте, что я избѣгалъ всякихъ объясненій натянутыхъ, я не доказывалъ, что убійство совершено въ дракѣ, или въ необходимой оборонѣ. Драки не было, только Н—нъ пришелъ драться. Необходимой обороны не было, потому что кто рѣшается другаго бить, тотъ не можетъ претендовать на то, что и его побьютъ. Г. Н—нъ зналъ, что ему не грозитъ опасность жизни, что въ худшемъ случаѣ онъ будетъ только арестованъ. Я только сомнѣваюсь въ возможности того, чтобы въ Н—нѣ могло

возникнуть намѣреніе убить. Я не могу допустить, чтобы въ одномъ человѣкѣ совмѣщались одновременно три намѣренія, хотя-бы расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ: намѣреніе вызвать на дуэль, побить и наконецъ убить. И первое и второе несовмѣстно съ третьимъ: намѣреніе вызвать на дуэль не совмѣстно съ намѣреніемъ убить. Все благородство дуэли заключается въ томъ, что вызывая противника, поединщикъ самъ подвергаетъ себя одинаковой съ нимъ опасности. Я понимаю, что убійца можетъ стараться избѣгнуть наказанія за убійство, симулируя дуэль. Но, чтобы человѣкъ серьезно стремящійся къ тому, чтобы вызвать противника на дуэль имѣлъ намѣреніе убить—это для меня непонятно. Мнѣ еще непонятнѣе, какъ можно соединить намѣреніе дать пощечину съ намѣреніемъ убить. Дача пощечины выражаетъ глубочайшее презрѣніе къ тому, кого бьютъ. По естественному сочетанію понятій слѣдуетъ заключить, что получившій пощечину, побитый недостоинъ того, чтобы въ крови его марать свои руки. Въ этомъ отношеніи Н—нъ ошибся. Онъ думалъ, что Чихачевъ такой человѣкъ, что, что-бы съ нимъ не случилось, онъ не оскорбится; но какъ ни безхарактеренъ былъ Чихачевъ, однако и въ немъ очнулась мысль и разъяренный бросился онъ на Н—на, сталъ его бить въ свою очередь. Тогда выведенный изъ себя Н—нъ почти безсознательно, машинально вынулъ ножъ и сталъ рѣзать и колоть кого попало, безъ намѣренія убить, но съ намѣреніемъ ранить. Я прошу, чтобы вы разрѣшили предстоящій вамъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Н—нымъ были нанесены сознательно только раны, имѣвшія послѣдствіемъ смерть Чихачева, за что Н—нъ долженъ понести отвѣтственность.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый признанъ *виновнымъ* въ нанесеніи съ намѣреніемъ смертельныхъ ранъ, въ запальчивости и раздраженіи, но безъ умысла на убійство; подсудимая *оправдана*.

15.

Дѣло Долгушина, Дмоховскаго и др., обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.

Осенью 1872 г. въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Меркъ, проживалъ дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, у котораго нерѣдко собирались по вечерамъ знакомые, и въ томъ числѣ дворянинъ Дмоховскій. Общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ былъ вопросъ «о нормальномъ человѣкѣ», а также о пропагандѣ въ народѣ экономическихъ воззрѣній, о пользѣ печатанія съ этою цѣлью брошюръ и пр.

Съ апрѣля 1873 г. начинается постепенный переѣздъ указанныхъ лицъ въ Москву, гдѣ Долгушинъ пріобрѣтаетъ въ деревнѣ Сареево, Звенигородскаго у., 5 десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ для себя дачу.

На этой дачѣ въ концѣ іюня 1873 г. стали печататься прокламаціи для распространенія ихъ въ народѣ.

Отпечатано было три сорта прокламацій преступнаго содержанія: «Русскому народу», «Какъ должно жить по закону природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ».

Всѣ члены кружка согласились принять участіе въ дѣлахъ разноса прокламацій, чтенія и разъясненія ихъ простому люду, но на самомъ дѣлѣ систематически привели это въ исполненіе, въ первой половинѣ сентября 1873 г., Васильевъ, Папинъ и Плотниковъ.

На основаніи сего, между прочими, Дмоховскій обвинялся въ томъ, что, напечатавъ, въ сообществѣ съ другими лицами, прокламаціи, направленныя къ возбужденію открытаго неповиновенія верхов-

ной власти, распространялъ таковыя съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, что предусмотрѣно ст. 251 улож. о наказ.

Разбирательство дѣла происходило въ особомъ присутствіи правительствующаго сената съ 9 по 15 іюля 1874 г. (Правит. Вѣстникъ отъ 10 іюля 1874 г. № 162 и слѣд.).

Рѣчь въ защиту Льва Дмоховскаго.

Общая нить, связующая воедино этихъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ многіе другъ съ другомъвовсе незнакомы, суть тѣ прокламаціи, или брошюры, или статейки тайно оттиснутыя, которыя ходили по рукамъ—уголовное послѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія. Каждый подсудимый болѣе или менѣе къ этимъ ядовитымъ оттискамъ прикосновененъ, но прикосновенность ихъ различная. Такимъ образомъ и защита подсудимаго должна по логической необходимости раздѣлиться на часть *общую*—изученіе относительной ядовитости содержанія прокламацій, и часть *особенную*—объясненіе связи и отношенія каждаго подсудимаго къ прокламаціямъ. Что касается *общей* части, то она состоитъ изъ разбора прокламацій. Обойти этотъ разборъ нельзя, каково бы ни было мое нежеланіе злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ; можетъ быть я скажу что-нибудь и лишнее, но на мнѣ лежитъ священная обязанность защиты сказать все то, что̀ можетъ послужить къ облегченію участи подсудимаго. Я не хочу, чтобы на моей душѣ лежалъ упрекъ, что я отнесся къ дѣлу сухо, формально, что я далъ увлечь себя неумѣстнымъ соображеніямъ, хотя бы такимъ, чтобы вамъ не надоѣсть, не наскучить. Разборъ прокламацій дѣло далеко нелегкое, оно требуетъ особеннаго такта. Я не боюсь конечно, чтобы меня упрекнули въ томъ, что, забывъ мою присягу не говорить на судѣ ничего клонящагося къ ослабленію церкви, государства, собственности и доброй нравственности, и употребляя даръ слова, данный мнѣ только для облегченія участи подсудимаго, я воспользовался имъ, чтобы пропагандировать пре-

ступныя идеи. Я скорѣе опасаюсь того, чтобы невольно не увлечься возможностью полемизировать съ заблужденіями брошюръ, съ фальшью въ нихъ содержащеюся. Это было бы тоже некстати и не у мѣста. Итакъ, не пропаганда, и не полемика, а только строгая критика и немножко исторіи—вотъ чтò возможно въ моемъ положеніи.

Есть три брошюры, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ печатались вмѣстѣ: «Русскому народу» и «Какъ должно жить по закону природы и правды», и третья, похожая на незаконнорожденное дитя, отъ коей всѣ отрекаются и никто не приписываетъ себѣ заслуги быть ея отцомъ. Каждое изъ этихъ произведеній надо изучить отдѣльно, чтобы опредѣлить ихъ относительную преступность, а такъ какъ у нихъ много общаго, то обнаружить и филіацію идей, и исторію происхожденія одной работы изъ другой, всѣ ли онѣ или нѣкоторыя содержатъ воззваніе къ бунту, или, можетъ быть, не воззваніе къ бунту, а къ сопротивленію власти и оспариваніе началъ собственности. Въ этомъ отношеніи я бы расположилъ эти брошюры такъ: «Какъ жить по закону природы и правды», «Русскому народу» и «Къ интеллигентнымъ людямъ». Двѣ первыя брошюры содержатъ въ себѣ опытъ популярнаго изложенія простонароднымъ великорусскимъ языкомъ экономической теоріи, извѣстной подъ школьнымъ именемъ соціализма или даже коммунизма, но и онѣ не могутъ быть названы самостоятельными. Брошюрка «Какъ надо жить» есть простое сокращеніе иностраннаго произведенія «О мученикѣ Николаѣ», которое было поймано на австрійской границѣ въ то время (13-го декабря 1873 г.), когда подсудимый сидѣлъ въ тюрьмѣ. Очевидно, она должна была находиться въ Россіи раньше, потому что нельзя предположить, что эта брошюра, бывъ напечатана въ Москвѣ, пошла за границу и оттуда возвращалась въ Россію. Это произведеніе заграничное, потому что передѣлка брошюры съ увеличеніемъ вдвое ея содержанія никогда не заключается въ

[redacted]

однихъ только вставкахъ и прибавкахъ, но, наоборотъ, весьма легко съ помощью нѣсколькихъ штриховъ карандаша сократить бо̀льшее произведеніе и сдѣлать изъ него меньшее. Если брошюра: «Какъ жить» есть простое сокращеніе книжки «О мученикѣ Николаѣ», то брошюра «Русскому народу» есть вольное подражаніе той же книжкѣ «О мученикѣ Николаѣ», въ которой идеи книжки получили бо̀льшую ясность, опредѣленность, но вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и часть своей силы, своей ширины, своего размаха. Послѣдовательность этихъ работъ была по-моему такая.

Мы имѣемъ дѣло съ идеями и есть извѣстный общій фондъ идей, ходячихъ между самыми крайними людьми такъ-называемаго нашего молодаго поколѣнія. Я говорю молодаго, потому что большинство люди молодые, но есть между ними и пожилые. Этотъ общій фондъ одинаковъ и у обрѣтающихся въ Россіи, и у скитающихся за границею. Литературное свое выраженіе легче находятъ эти идеи за границею, во-первыхъ потому, что для нихъ за границей существуетъ полная и почти безусловная свобода печатанія, и во-вторыхъ потому, что тамъ, за границею, сильнѣе и тѣснѣе устанавливаются умственныя связи съ волнами рабочаго движенія, съ апостолами и философами рабочаго вопроса. Вотъ почему, хотя желаніе пропагандировать было еще въ 1872 году въ кружкѣ петербургскомъ Долгушина, но осуществленіе намѣренія наступило только тогда, когда нашлась подходящая иностранная книжка «О мученикѣ Николаѣ». Эта книжка, написанная съ силою, со страстью, съ извѣстнымъ несомнѣннымъ талантомъ, оказалась однако слишкомъ абстрактною для подсудимыхъ. Они ее обрѣзали и выбросили вопросы къ Руси непримѣнимые, но и въ такомъ видѣ вещица осталась все-таки слишкомъ отвлеченною; потомъ сдѣланъ еще новый шагъ отъ абстрактнаго къ конкретному и явилось посланіе къ «Русскому народу».

Итакъ, прежде всего остановимся на брошюрѣ «О мученикѣ Николаѣ» и на ея сокращеніи. Мученикъ Николай тутъ очевидно ни причемъ. Дѣло идетъ не о чудотворцѣ Николаѣ, святителѣ Церкви. Его имя поставлено только для отведенія глазъ, для того, чтобы на таможнѣ не придрались при осмотрѣ къ такой книженкѣ божественнаго содержанія въ память чудотворца, дабы въ народѣ жило и славилось его имя, повѣствующей о томъ, какъ его били, тиранили и мучили; но это всего 6, 7 строкъ, а затѣмъ мученикъ Николай пропадаетъ и вмѣсто него является бесѣдующій съ учениками учитель, вѣщающій слова правды, открывающій новый законъ. Кто этотъ Конфуцій—не объяснено, да и не надо; очевидно книжка предназначена для простонародья, а простой народъ только и постигаетъ законъ какъ заповѣдь власть имущаго, какъ приказъ царя, какъ внушеніе святителя церкви, пророка или боговдохновеннаго человѣка. Народу истина доступнѣе въ притчѣ, сказаніи, легендѣ, нежели въ видѣ логическаго вывода изъ общихъ идей. Мало ли ходитъ по міру легендъ о Христѣ и святыхъ, легендъ несхожихъ съ св. писаніемъ? Къ нимъ легко можетъ прибавиться еще одна. При переходѣ легенды изъ устъ въ уста таинственный учитель можетъ отождествиться съ Христомъ, который тоже бесѣдовалъ съ учениками. Этою вставкою мистическаго учителя и слогомъ, разсчитаннымъ на эффектъ, поддѣлывающимся подъ простонародную проповѣдь, выкупается отсутствіе въ книжкѣ всего божественнаго въ ученіи, даже обходъ имени Бога. Не будь этого суррогата, даже простые люди были бы поражены и не могли бы уразумѣть, что сочинители созидаютъ рай безъ Бога. Если отъ внѣшней формы перейти къ содержанію брошюры, то слѣдующій первый коренной законъ правды, преподанный учителемъ, есть тотъ, что *всѣ люди равны*. Да это же законъ Христа, заповѣдь Христова! Нѣтъ, не совсѣмъ. Равенство, преподаваемое въ книжкѣ, иного рода, равенство особенное.

не только равны, но даже и совсѣмъ одинаковы. равныхъ условіяхъ воспитанія и богатства они ы походить другъ на друга какъ песчинки, какъ ии, какъ тѣ тарелки изъ бѣлой жести, которыхъ юдство посредствомъ машиннаго штомпованія ѣз- изучать подсудимый Дмоховскій. Всѣ люди ро- голыми, малыми, слабыми. Если съ пеленокъ содержать и воспитывать ихъ одинаково, давая авное, то не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. ныхъ, ни безграмотныхъ, ни гордыхъ, ни сми- хъ, и между людьми будетъ единственно и исклю- но та только разница, что одни будутъ находиться къ центру, другіе къ окружности, что одинъ ля- кирпичемъ въ цоколь общественнаго зданія, а помѣстится у крыши. Всѣ могутъ быть учеными, ни равно обучены. У заграничнаго автора бро- есть какъ будто бы нѣкоторое предчувствіе, что ксіома въ ея абсолютномъ видѣ невѣрна, что у голова можетъ быть больше, чѣмъ у Ивана а у нога больше чѣмъ у Андрея, слѣдовательно шапку гепы — выкроить побольше и сапоги разбить для на большую колодку. Уступочка крошечная, но ците, и она въ щепки разобьетъ всю теорію, по- что можетъ быть Степѣ и ѣсть надо давать по- е и если онъ нервнѣе, впечатлительнѣе, способнѣе, учить его надо побольше, вслѣдствіе чего онъ тъ и ученѣе и умнѣе другихъ. Перепечатчики :и и эту уступку вычеркнули. Равенство людей ъ полное, абсолютное. Но если они уничтожили и нили ту малую относительность кореннаго закона ы, заповѣданнаго учителемъ, законъ который свѣтлѣе небеснаго, восхитительнѣе всего восхитительнаго него же возрадуются люди больше чѣмъ отъ радостей земныхъ и небесныхъ, то они за то по- сь усвоить себѣ всѣ выводы автора изъ этого за- а выводы эти дѣйствительно смѣлые и радикаль- 1) всѣ люди равны—значитъ грѣхъ человѣку слу-

жить у человѣка; 2) всѣ люди равны—слѣдовательно вся земля общая и нѣтъ помѣщиковъ, матушку землю закрѣпощающихъ; 3) всѣ люди равны—и земля, т. е. помѣщеніе, у всѣхъ общее, слѣдовательно домовладѣлецъ такой же разбойникъ, какъ помѣщикъ. Съ жильцовъ брать плату за квартиру есть беззаконіе и мерзость. Домъ не промыселъ, не торговое предпріятіе, а каждый годъ жители города мечутъ жребій, гдѣ кому прожить. Изъ всей системы I ч. X тома свода законовъ гражданскихъ тремя одновременными ударами вычеркиваются контракъ личнаго найма, поземельной собственности и контрактъ аренды. Изъ этихъ трехъ выводовъ перепечатчики усвоили себѣ вполнѣ только средній, отмѣну частной поземельной собственности. Вся земля общинная; бѣдный, голодный идетъ изъ города въ село какое угодно, куда захочетъ, когда наступитъ время надѣла и скажетъ: прошу, дайте мнѣ кормиться отъ груди матери нашей земли. И дадутъ ему надѣлъ равный. Злодѣи поганые, тѣ которые говорятъ, что набьется людей много и будетъ отъ нихъ тѣснота великая. Развѣ труженикъ пойдетъ, гдѣ и безъ него тѣсно. Если всѣмъ будетъ даваться равное, то тотъ, кто другихъ стѣснитъ и самъ себя стѣснитъ; для другихъ сдѣлается голодно, и самъ онъ будетъ голодать. Кто въ городѣ сытъ, развѣ пойдетъ въ село? Перепечатчики робко и издалека только нападаютъ на личный наемъ: кто другаго найметъ, чтобы землю пахать и косить, тотъ трижды проклятъ: онъ землю мать продаетъ и людей братьевъ служить себѣ заставляетъ. Наконецъ, отъ коммунизма въ домахъ и отъ жребья раздачи квартиръ они совсѣмъ отказались, вѣрно находя эту идею уже сильно неподходящею къ понятіямъ и чуждою интересовъ деревенскаго мужичья, для котораго главнѣйше и назначалась проповѣдь. Итакъ, въ брошюрѣ провозглашается законъ равенства и какъ практическое его послѣдствіе ученіе всѣхъ смолоду одинаковое, и упраздненіе поземельной собственности. Но это еще не весь

законъ правды. Какъ награда для тѣхъ, которые постигнутъ законъ равенства свѣтлымъ умомъ и чистымъ сердцемъ, предлагается любовь братская, отъ которой отъ одной счастіе и радости рождаются. Какъ видите, гг. судьи, тутъ все навыворотъ. Логическій порядокъ понятій очевидно такой: возлюбите другъ друга, доведите эту любовь до бѣлокаленія, и тогда безъ труда и сами собою и нравы смягчатся и будетъ въ равенствѣ счастіе и благодать. Но въ брошюрѣ, наоборотъ, любовь есть результатъ и порожденіе равенства: любовь въ той мѣрѣ водворяется, по словамъ брошюры, въ какой законъ равенства исполняется, таково послѣднее слово учителя, запечатлѣнное его слезою горючею. Сдѣлаемся сначала равными и одинаковыми, а затѣмъ будемъ другъ друга сладчайше любить. Такихъ перестановокъ, послѣдующаго вмѣсто предыдущаго, слѣдствія вмѣсто причины бездна въ брошюрѣ. Ни въ одномъ мѣстѣ эта логика навыворотъ, это поставленіе послѣдующаго вмѣсто предыдущаго, перестановка причинъ и слѣдствія не являются въ болѣе поразительномъ видѣ, какъ въ разрѣшеніи вопроса: откуда взялось беззаконіе и чѣмъ оно держится?

Вопросъ дѣйствительно чрезвычайно трудный и сбивающій съ толку. Если это законъ природы, то онъ долженъ бы былъ примѣняться отъ начала міра, а міръ, если имѣетъ начало, то существуетъ многія сотни тысячелѣтій; если же равенство искони не существовало, то оно не законъ природы и за него нельзя такъ крѣпко и стоять. Для людей положительной науки рѣшеніе задачи незатруднительно. Равенство есть послѣднее требованіе культуры, это есть то, до чего дорабатывается мысль человѣческая послѣ многихъ тысячелѣтій существованія. Очевидно, что этотъ законъ равенства не былъ присущъ ни допотопному человѣку — современнику мамонта и пещернаго медвѣдя, ни нашему праотцу славянину, умыкавшему женъ и продававшему дѣтей въ рабство. Но такое разрѣшеніе во-

проса располагаетъ къ тому, чтобы ожидать терпѣливо его осуществленія и содѣйствовать успѣхамъ идеи равенства неказистою медленною работою каждаго проживаемаго дня. Для подсудимыхъ это рѣшеніе не подходящее. Какое же другое рѣшеніе возможно? Оно состоитъ въ томъ, чтобы поставить уже въ прошломъ ипотезу о вѣкѣ золотомъ, послѣ котораго послѣдующее время было только паденіемъ. Это отчасти точка зрѣнія богословская. Въ этомъ одномъ пунктѣ брошюра, которая далека отъ религіозности, слѣдуетъ однако по стопамъ богослововъ. Конечно, въ ней не сказано, что все зло произошло отъ дьявола, отъ сатаны, но сказано почти тоже: «беззаконіе проистекаетъ отъ злодѣйствій и преступленія». Спрашивается откуда же взялось само преступленіе? Это рѣшеніе предлагается брошюрою и, ничего не рѣшающее, даетъ автору возможность обратиться къ исторіи и прежде всего къ русской исторіи и изобразить въ искаженномъ видѣ русскую исторію, начиная отъ Петра Великаго. Это мѣсто брошюры одно изъ самыхъ непріятныхъ для разбора. Всѣ перемѣны правленій, происходившія, считая отъ Петра Великаго, изображены какъ крамола боярская, какъ насиліе и интриги высшихъ владѣющихъ классовъ...

Первоприсутствующій. Я васъ здѣсь остановлю. Вамъ извѣстно, что чтеніе прокламацій было только для насъ, поэтому я просилъ бы васъ, на сколько возможно, не приводить того, что говорится въ брошюрѣ о русской исторіи. Да этого мнѣ кажется и не нужно...

Пр. пов. Спасовичъ. Я не могу не отмѣтить, что во всей исторіи отъ Петра нѣтъ ничего похожаго на одобреніе злодѣйствъ и насилій. Авторъ выгораживаетъ себя самымъ тщательнымъ образомъ и гласитъ: «что мы въ этихъ событіяхъ не причастны, что во всемъ виноваты противники наши, враги затѣяннаго нами движенія», апостоломъ котораго является авторъ брошюры. Я повторяю, что нѣтъ никакой солидарности между исторіей Россіи, какъ она изображена въ брошюрѣ, и авторомъ.

Я кончилъ разборъ брошюры. Если вникнуть въ содержаніе ея, то очевидно брошюра эта не хороша, очевидно, что во многихъ отношеніяхъ она вызываетъ не только рѣзкую критику, но даже, можетъ быть, и примѣненіе уголовнаго закона. Но какого рода является здѣсь преступность: въ формѣ или въ содержаніи? Я полагаю—главнымъ образомъ въ содержаніи, такъ какъ законъ не дѣлаетъ различія между формою и формою, такъ что если-бы можно было изобразить преступную мысль геометрическою фигурою или алгебраическою формулою, то мысль преступная лежитъ въ основаніи рисунка; форма популярная служитъ только обстоятельствомъ, усиливающимъ вину. И такъ брошюра осуждена. Вина есть, но какая? предусмотрѣнная въ 1037 ст. улож. о нак. Несомнѣнно, что въ этой книжкѣ есть оспариваніе начала собственности, т.-е. одного изъ самыхъ крѣпкихъ видовъ собственности — собственности поземельной. Это оспариваніе, какъ напомнилъ мой товарищъ по защитѣ, въ другихъ странахъ, при другихъ условіяхъ, не явилось-бы такимъ преступнымъ, какъ у насъ. Есть страны, гдѣ жизнь сложилась иначе и гдѣ совершенно возможны напримѣръ митинги и не только книги, но и публичныя разсужденія о томъ: существовать ли собственности, государству, религіи или не существовать? Я укажу на движенія чартистовъ въ Англіи въ 1848 году, но укажу при возможности оправданія, и на условія ненаказуемости. Условія эти суть: весьма высокая культура, нравы крѣпкіе, здоровые и обратившаяся въ плоть и кровь привычка легальности, до того сильная, что если является новая идея, то никогда и ни въ какомъ случаѣ не предполагается, чтобы она могла осуществиться, насильственно нелегальными путями. У народа съ высокой культурой, какъ у человѣка съ высокимъ образованіемъ, между впечатлѣніемъ, которое онъ принимаетъ извнѣ, и между рефлексомъ этого впечатлѣнія, т. е. дѣйствіями, поступками, есть огромная про-

межуточная область перерабатыванія впечатлѣній, вслѣдствіе котораго результаты воспринятаго являются ни въ малѣйшей степени непохожими на само воспринятое въ его первоначальной формѣ. У высоко образованныхъ народовъ есть громадная разница между словомъ и дѣломъ. Если даже такая идея, какъ отрицаніе основъ общественнаго порядка явится, но явится въ обществѣ такомъ, которое умѣетъ разсуждать, и если она явится съ тѣмъ, что она можетъ быть осуществлена никакъ не раньше 100, 200 или болѣе лѣтъ, то она вовсе не опасна, потому что чрезъ 100 или 200 лѣтъ новая идея перестанетъ быть страшною. Можетъ быть, она приладится къ существующему, можетъ быть и вытѣснитъ существующее безъ всякихъ насилій. Все таки замѣтимъ, что указанныя мною условія не существуютъ вполнѣ ни у одного изъ народовъ на материкѣ Европы; они не существуютъ и у насъ. Наши нравы грубѣе, скорѣй всего сейчасъ же происходитъ переводъ идей, примѣненіе ихъ къ дѣлу. То, что вычиталось, тотчасъ же и усвоено безъ достаточнаго обсужденія, какъ и что примѣнить. Вотъ почему законъ въ 1037 ст. улож. о нак. запрещаетъ это оспариваніе въ печати начала собственности. Подъ эту ст. 1037 подходятъ безусловно всѣ брошюры. Мало того, я полагаю, что эти брошюры подходятъ и подъ 1036 ст., которая запрещаетъ возбужденіе вражды въ одномъ классѣ населенія противъ другаго. Брошюра изобилуетъ выраженіями возбуждающими вражду, бросаемыми въ народъ какъ горящія уголья. Въ брошюрѣ сказано, что каждый свой животъ да положитъ и въ случаѣ надобности да прольетъ кровь сражаясь, т. е. отстаивая свои идеи. Въ одномъ мѣстѣ брошюры сказано, что благословеніе будетъ надъ тѣмъ, кто кровь проливаетъ, землевладѣльцевъ уничтожаетъ и богачей смиряетъ. Понятно, что эти выраженія нельзя брать въ дословномъ смыслѣ. Если взять общее впечатлѣніе, которое производитъ брошюра, то оно дѣйствительно такое, какъ говорилъ мой товарищъ по защитѣ,

что нельзя въ нихъ видѣть воззванія къ оружію, какъ нельзя видѣть въ словахъ Іисуса Христа: «Я принесъ не миръ, а мечъ»...

Первоприсутствующій. Сдѣлайте милость, оставьте это.

Пр. пов. Спасовичъ Я полагаю, что можно было бы съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить, что подсудимые могли бы быть обвинены по 274 ст. улож. о нак., за возбужденіе къ неповиновенію или сопротивленіе властямъ, отъ правительства установленнымъ. Я въ брошюрѣ вижу одно такое мѣсто, которое для подсудимыхъ въ этомъ отношеніи опасно. Здѣсь говорится только о воинствѣ и житіѣ его казарменномъ, которое между прочимъ не одному воинству а и всему народу готовили бы сами наши реформаторы. Книжка предлагаетъ солдатамъ дѣлать по возможности *тайкомъ* послабленія страдающему, укрощаемому мужику. Эти выраженія есть и вы ихъ припомните. Но если они располагаютъ къ чему-либо противозаконному, то никакъ не къ прямому сопротивленію власти. Авторъ не предполагаетъ даже мысли о томъ, чтобы солдатъ могъ не исполнить того, что ему приказываютъ, а проситъ только о слабомъ исполненіи того, что предписывается. Затѣмъ во всей этой брошюрѣ я не вижу ничего такого, что могло бы быть подведено подъ понятіе возбужденія къ бунту. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи я схожусь съ самимъ обвинителемъ, который на эту брошюру не указалъ и замѣтилъ, что эта брошюра чисто соціалистическаго содержанія. Что касается до второй брошюры, то разборъ ея будетъ весьма коротокъ, потому что она уже разобрана моимъ товарищемъ по защитѣ. Но я обращаю вниманіе гг. судей на крупную разницу въ постановкѣ главнаго вопроса между первою и второю брошюрами. Первая идея, которая служитъ точкою отправленія, есть та откуда взялась та жизнь впроголодъ, та бѣдность, которая гнететъ и не даетъ жить свободно. Нельзя ли устроить такъ, чтобы не было этой бѣдности, чтобы всѣмъ было

хорошо? Авторъ предполагаетъ что можно; въ брошюрѣ о «мученикѣ Николаѣ» предлагались для упроченія зла двѣ вещи: равенство и братство. Въ брошюрѣ къ «Русскому народу» предлагается равенство и спутникъ его свобода. Мнѣ кажется, что подставленіе свободы вмѣсто братства нехорошо, нелогично. Мнѣ кажется, что авторъ брошюры о «Николаѣ» совершенно основательно выпустилъ свободу, а началъ равенствомъ и кончилъ любовью, потому что бракъ между равенствомъ и свободою можетъ быть только неровный, морганатическій, чего не отрицаютъ и теоретики соціализма. Собственно говоря свобода не можетъ быть спрягаема съ равенствомъ. Свобода всегда предполагаетъ возможность трудиться или лѣниться, употреблять или злоупотреблять. Свобода предполагаетъ отвѣтственность, слѣдовательно различіе въ послѣдствіяхъ отъ дѣяній человѣческихъ, значитъ и безконечныя различія между людьми, различія, которымъ законъ старается противодѣйствовать косвенно, препятствуя тому, чтобы различіе, которое образуется между людьми, отъ ихъ личныхъ качествъ и случая не сдѣлались различіями вѣковыми наслѣдственными, переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ прокламаціи «Русскому народу» свобода выводится такимъ образомъ, что гдѣ есть неравенство тамъ есть богатые и бѣдные, сильные и слабые, а гдѣ есть эти противоположности, тамъ непремѣнно угнетеніе, а гдѣ угнетеніе тамъ не можетъ быть свободы. Конечно въ обществѣ, основано ли оно на равенствѣ по идеалу подсудимыхъ, гдѣ всѣ точь въ точь другъ на друга похожи, гдѣ всѣ помѣщены одинаково и получаютъ одинаковыя порціи корму,—не будетъ угнетенія одного лица другимъ лицомъ, но будетъ хуже: подавленіе единицы массою, поглощеніе единицы стадомъ, такое построеніе общества, въ которомъ жить будетъ тошно, скучно, нежелательно, и негдѣ развернуться неисчерпаемому богатству природы человѣческой. Такова коренная ошибка въ постановкѣ вопроса. Съ высотъ этихъ теоретиче-

скихъ основаній авторъ спускается прямо на Русь, и повѣствуетъ о крѣпостномъ правѣ и его отмѣнѣ; говоритъ, что оно было уничтожено, потому что казнѣ понадобились деньги, а слѣдовательно и болѣе состоятельные плательщики податей. Затѣмъ онъ переходитъ къ тѣмъ практическимъ требованіямъ, изложеннымъ по пунктамъ, которыя уже разобраны и которыя состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ элементовъ. Первыя два требованія—одно объ уничтоженіи оброковъ и другое о передѣлѣ земли,—чисто соціалистическія; они даже цѣликомъ заимствованы изъ брошюры «О мученикѣ Николаѣ», нѣкоторыя выраженія взяты прямо изъ этой брошюры, напр. «земля общая кормилица» и т. д. Что касается до другихъ четырехъ требованій, то я могъ бы назвать ихъ проектами реформы административной съ нѣкоторыми оттѣнками политическими. Мало того, всѣ эти реформы были разбираемы нашею печатью, конечно, не съ такою рѣзкостью въ формѣ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже отчасти осуществлены законодательствомъ или будутъ осуществлены въ близкомъ будущемъ (общая воинская повинность, пересмотръ паспортнаго устава). Послѣднее требованіе, въ оцѣнку котораго я впрочемъ не вхожу, требованіе о томъ, чтобы земскіе люди участвовали въ постановленіи платимыхъ ими податей и въ расходованіи этихъ податей, ослабляется въ своей преступности—если оно преступно — тѣмъ что земскіе люди въ земскихъ собраніяхъ вотируютъ уже теперь извѣстныя подати. Мало того, нынѣ признано что отъ участія выборныхъ нисколько не измѣняется форма правленія. Въ Россіи эта форма правленія — монархическая. Ни одна строка, ни одно слово въ брошюрѣ не затрогиваетъ вопроса о формѣ правленія, вопроса о принципѣ монархіи; нѣтъ здѣсь никакого воззванія къ бунту, къ ниспроверженію существующаго порядка, къ сопротивленію распоряженіямъ правительства, къ измѣненіямъ формы правленія. Всѣ эти предложенія могли бы считаться бунтовщическими, если бы они кончались словами:

«возстанемте и осуществимъ немедленно задуманное»! Но ничего подобнаго въ брошюрѣ нѣтъ. Какимъ же образомъ предлагается осуществить всѣ эти предположенія? Можно сказать самыми комическими — иначе я не могу отнестись къ тому, что предлагаетъ авторъ. Его проектъ походитъ на то, какъ если бы человѣкъ двадцать, тридцать, сто или болѣе отправились на берегъ Невы и стали дуть на воду съ тѣмъ, чтобы произвести волненіе, и всколыхать водяную поверхность. Здѣсь тоже самое. Нѣсколько человѣкъ дворянъ и людей изъ средняго класса, въ числѣ которыхъ замѣшался только одинъ крестьянинъ, который притомъ дѣйствовалъ не самостоятельно, идутъ въ эту страшную гущу, гдѣ 70 милліоновъ, гдѣ по крайней мѣрѣ 60 милліоновъ простолюдиновъ, они несутъ народу свою программу соглашенія въ 6 пунктикахъ съ тѣмъ, чтобы изъ села въ село, изъ города въ городъ, изъ губерніи въ губернію всѣ сельскія, городскія, уѣздныя единицы отозвались на зовъ и сказали, что они шесть пунктиковъ принимаютъ. Во всякомъ случаѣ, если разбирать относительную опасность агитаціи, то я полагаю, гораздо опаснѣе тѣ люди, которые стоятъ у самой машины и хватаютъ руками за зубцы въ удобное время, въ удобный часъ, чтобы произвести какое нибудь повреждeніе въ машинѣ, чѣмъ тѣ, которые стремятся къ разрушенію общества такимъ страннымъ и окольнымъ путемъ, что сначала обходятъ народъ образомъ пѣшаго хожденія «по вѣсямъ и градамъ» Россійской Имперіи. Независимо отъ того, что подобная пропаганда сейчасъ должна была встрѣтить и встрѣтила сопротивленіе окружающей среды въ лицѣ перваго сотскаго, десятскаго и становаго пристава, она требовала еще чрезвычайно продолжительнаго времени, цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, что̀ въ политикѣ очень важно.

И такъ, если по 251 ст. напечатаніе воззванія къ бунту признается приготовленіемъ или началомъ приготовленія, то воззваніе къ «Русскому Народу», которое не

› цѣлью даже возмутить народъ, а только под-
гъ почву, поставить народъ въ такое положеніе,
онъ пораздумалъ и усвоилъ извѣстные пунктики,
ніемъ къ бунту не можетъ быть признано. Вотъ
эта брошюра подъ 251 ст. не подходитъ. Если
ить составные ея элементы, то въ ней есть со-
гическій элементъ, который подходитъ подъ статьи,
рыхъ я сказалъ въ первой части рѣчи, и за-
есть элементъ политическій въ четырехъ пред-
яхъ, которыя только по формѣ предосудительны
акъ не могутъ быть осуждаемы даже въ такой
и, въ какой достойны наказанія предложенія
истическія.

гѣ остается разобрать третью самую малую про-
цію, отъ которой всѣ открещиваются—«Къ интели-
гмъ людямъ». Она состоитъ изъ 36 строкъ и на-
на, какъ вамъ, гг. судьи, извѣстно, инымъ обра-
нежели двѣ первыя, на немоченой бумагѣ, слѣдо-
но, можетъ быть, не въ одно время съ остальными;
писана довольно цвѣтистымъ литературнымъ сло-
Ея начало, состоящее изъ 32 строкъ, нисколько
ходитъ на четверостишіе, составляющее ея ко-
Начало воззванія написано въ тонѣ соціалисти-
проповѣди, и все содержаніе этой несравненно
криминальной брошюры, чѣмъ обѣ первыя, пор-
послѣдними четырьмя строками. Эти стихи какъ
бы живьемъ вырваны изъ пѣсенекъ, которыхъ
но полный подборъ имѣлся у многихъ изъ при-
ныхъ къ слѣдствію. Ихъ могъ приставить къ со-
тическому началу только человѣкъ, который слы-
что гдѣ то звонятъ, но не зналъ гдѣ звонятъ и у
го перепуталась политическая агитація, съ соціа-
ческою. Отличительная черта соціализма есть
низмъ между землевладѣльцами—капиталистами
чимъ классомъ. Въ этомъ вся суть. Этотъ взглядъ
ціализмѣ есть корень всего ученія, въ немъ
въ немъ и односторонность пониманія задачи.

Для задающагося осуществленіемъ ученія соціализма все остальное безразлично: и форма правленія и государственное устройство. Вотъ почему, если бы соціалистъ писалъ воззваніе къ интелигентнымъ людямъ, то такой политической выходкой онъ не могъ бы его окончить, и вотъ почему такъ отказываются отъ этой брошюры эти люди, считающіе себя послѣдователями соціализма.

Я кончилъ разборъ брошюръ. Я полагаю, что изъ числа ихъ нужно выдѣлить «Къ интелигентнымъ людямъ» и отнести ее не къ цѣлому обществу, а къ тому, кто ее составилъ и напечаталъ безъ участія другихъ, если онъ можетъ быть открытъ. Если его открыть нельзя, тогда эту брошюру нужно отложить. Что касается до двухъ остальныхъ, то если сложить ихъ вмѣстѣ, выходитъ, что въ нихъ имѣется оспариваніе начала собственности, имѣется возбужденіе вражды между сословіями. Что касается до того какъ вы отнесетесь къ этимъ двумъ преступленіямъ, то я полагаю, что вы, гг. судьи, отнесетесь во-первыхъ какъ юристы, привыкшіе укладывать факты жизни въ клѣточки законодательныхъ опредѣленій, во-вторыхъ, какъ люди житейски опытные, и опредѣляющіе зло не только по его вѣтвямъ, но и по корнямъ, не только по слѣдствіямъ, но и по источникамъ зла. Послѣдствія преступленія неважны, никакихъ волненій и смятеній брошюры не могли произвести. Вся эта исторія лишена драматическаго элемента. Въ ней нѣтъ никакихъ страстей, страданій, никакой пролитой крови, никакихъ злодѣяній, которыя бы осложняли ее. Если она сдѣлала несчастныхъ, то единственный несчастный это развѣ тотъ бѣдный крестьянскій мальчикъ, котораго я почти касаюсь правою рукою. Если вникать въ источникъ зла, то дѣйствительно, каждый признаетъ, что настоящее преступленіе вытекло изъ заблужденій ума, а не испорченности сердца. Противъ заблужденій ума есть великое лекарство, которое все излечиваетъ, и неизлечи-

[redacted]

ваетъ только того, кто, какъ говоритъ пословица, горбатъ: «горбатаго» исправитъ только могила; лекарство простое — это время. Вы знаете, что въ исторіи не только нашего народа, но всего человѣчества, заблужденія ума играютъ роль не послѣднюю. Если взять нашу исторію, то въ ней идетъ сначала цѣлая полоса заблужденій въ формѣ религіозной, даже оппозиція противъ петровскихъ реформъ облекается въ эту форму религіозности. Затѣмъ съ половины прошлаго столѣтія до второй четверти нынѣшняго идетъ полоса заблужденій политическихъ: франкъ — масоны, иллюминаты, конституціонализмъ. Въ концѣ 40 годовъ начинается цѣлая полоса заблужденій соціалистическихъ. Я былъ еще юношею, когда наказаны были фуріеристы. Съ этихъ поръ эти типы повторяются. Относительно нашего общества нужно сказать тоже, что и относительно другихъ обществъ. Россія страна, гдѣ народу бездна. Вотъ почему, какъ пошло одно заблужденіе, какъ зарядили имъ, такъ и пошло оно до безконечности, цѣлые десятки лѣтъ, пока жизнь не сложится иначе, пока не произойдетъ метаморфоза. Такъ, напримѣръ, сколько было сектъ религіозныхъ, основанныхъ на толкованіи той или другой части св. писанія, или на томъ, какъ креститься: двумя или тремя пальцами...

Первоприсутствующій. Сократите эти объясненія.

Пр. пов. Спасовичъ. Продолжительность заблужденія есть отличительная черта и нашего соціализма. Наши соціалисты такіе-же старовѣры какъ и раскольники, какъ задались они мыслью создать нормальнаго человѣка, производить подобныхъ людей способомъ педагогическаго штампованія, такъ на томъ стоятъ и донынѣ. Это опять доказываетъ, что въ настоящую минуту умъ русскій въ особенности воспріимчивъ для извѣстныхъ соціальныхъ идей...

Первоприсутствующій. Я прошу прекратить эти разсужденія. Они совершенно неумѣстны.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу къ особой части моей защиты, относящейся къ участію Дмоховскаго въ

дѣлѣ прокламацій. Дмоховскій занимаетъ въ этомъ дѣлѣ особое мѣсто; онъ зналъ о замышленномъ предпріятіи съ самаго его начала, и даже можетъ быть содѣйствовалъ ему, но непосредственно руки своей къ этому дѣлу не прикладывалъ. Онъ прежде всего техникъ; онъ можетъ быть болѣе техникъ, чѣмъ кто либо изъ людей, принадлежащихъ къ категоріи подсудимыхъ; при томъ онъ человѣкъ практическій, безъ малѣйшаго притязанія на литературныя дарованія и способности, онъ весь проза: онъ не могъ бы поэтически написать и двухъ строкъ. Дмоховскій познакомился съ Долгушинымъ въ концѣ 1872 г.; они сошлись въ мастерской Верещагина, сошлись и подружились. У нихъ были общіе дѣловые интересы и общія сердечныя симпатіи. Они оказались оба соціалистами. Когда Долгушинъ уѣзжалъ въ началѣ 1873 г., то управленіе мастерской онъ довѣрилъ Дмоховскому, который оставался управляющимъ до марта 1873 г. Въ мартѣ 1873 г., когда Долгушинъ возвратился, мастерская была переведена въ Москву. Друзья разстались, не зная еще куда каждый изъ нихъ обратится. Дмоховскій затѣялъ поѣздку за границу. Въ поѣздкѣ этой обвиненіе усматриваетъ противозаконныя цѣли, которыхъ однако оно не объясняетъ. Изъ показаній Платонова и Верещагина извѣстно, что Дмоховскій ѣхалъ за границу во 1-хъ, изучать клееваренiе, а во 2-хъ, штампованіе посуды. За приготовленіе записки по тому и другому производству ему были обѣщаны вознагражденія. Можетъ быть сверхъ этихъ двухъ задачъ Дмоховскій имѣлъ еще какіе нибудь иные виды, которыхъ я не знаю, но я сомнѣваюсь, чтобы эта поѣздка имѣла связь съ печатаніемъ прокламацій, чтобы Дмоховскій ѣздилъ для пріобрѣтенія типографскихъ принадлежностей: машины и шрифтовъ, потому что еслибы онъ ѣздилъ за этимъ, то понятно на дачѣ въ Сареевѣ мы не встрѣтились бы со станкомъ, который напоминаетъ времена первобытныя, производство недалеко ушедшее отъ Гуттенберга. Приспособленія ти-

пографскія могли быть пріобрѣтены въ самой Россіи, не ѣздя заграницу. Вернувшись изъ путешествія въ Москву, Дмоховскій поселяется на заводѣ у Платонова. Здѣсь посредствомъ Курдаева и Сахаровой, которая пріѣхала къ нему въ Москву, возобновляются его сношенія съ Долгушинымъ; здѣсь онъ впервые узналъ отъ Курдаева о покупкѣ Долгушинымъ дачи въ Сареевѣ. Онъ ѣдетъ туда 9-го іюня съ Сахаровою, но, не доѣхавъ по причинѣ дурнаго состоянія пути, возвращается; только 13-го числа имѣетъ свиданіе со знакомыми послѣ долгой разлуки; тогда по показанію Долгушиной рѣшено было между находившимися на дачѣ мужчинами, что обѣ женщины не будутъ оставаться на дачѣ, такъ какъ онѣ своимъ присутствіемъ только мѣшали бы предпріятію. Нужно было устроить ихъ переѣздъ въ Москву. Кому поручить провожать ихъ? обязанность эту беретъ на себя Дмоховскій. Дмоховскій зналъ, или узналъ въ то время о томъ, что на дачѣ будетъ происходить печатаніе, онъ зналъ даже о содержаніи тѣхъ двухъ брошюръ, которыя приготовлялись печатать. Г. обвинитель говорилъ, что Дмоховскій ни словомъ не промолвился о томъ, что онъ зналъ, что именно печаталось. Но это произошло потому, что его не спрашивали объ этомъ, если бы его спросили, то, конечно, онъ сказалъ бы, что печатались двѣ брошюры: «Русскому народу» и «Какъ должно жить по закону природы и правды». Онъ помогъ друзьямъ и отвезъ женщинъ въ Москву по желѣзной дорогѣ 14-го іюня. Я указываю на числа и прошу ихъ запомнить. Противникъ мой говоритъ, что на цифры не нужно обращать вниманія. Я же, напротивъ, полагаю, что они чрезвычайно важны. Безъ чиселъ вы спутаете все дѣло. Будетъ какая то каша и не опредѣлится на сколько и кто къ чему причастенъ. Я вѣрю тѣмъ числамъ, которыя засвидѣтельствованы не однимъ Дмоховскимъ, но и свидѣтелями. Между данными дѣла, есть прочтенное на судѣ показаніе г-жи Долгушиной, которое признано особымъ присутствіемъ,

имѣющимъ доказательную силу, коль скоро присутствію угодно было разрѣшить его прочесть. Пріѣхавъ 14-го іюня въ Москву, женщины помѣстились въ нанятой для нихъ квартирѣ, на Шабаловкѣ. Самъ Дмоховскій занимался въ это время у Платонова. Правда, онъ не пребывалъ безотлучно на заводѣ, но по его словамъ, въ этомъ и нужды не предстояло, потому что еще не была привезена чешуя и приборъ для клееваренія не былъ готовъ. Однако же, всетаки онъ былъ на заводѣ ежедневно и Платоновъ замѣтилъ его неакуратность только тогда, когда ему пришлось ѣхать въ Сареево за женщинами. Вамъ извѣстно, что до Сареева 35 верстъ обыкновеннаго проселка, и чтобы отправиться туда, нужно потерять по крайней мѣрѣ сутки. Ѣхать по желѣзной дорогѣ неудобно, потому что отъ станціи Одинцова до дачи 11 верстъ, которыя нужно идти пѣшкомъ. Такимъ образомъ участвовать въ томъ, что дѣлалось въ Сареевѣ, Дмоховскій не могъ, хотя онъ зналъ, что тамъ дѣлается. Такія отношенія продолжались съ половины іюня до половины іюля, то-есть до того числа передъ Ильинымъ днемъ, когда совершилась по окончаніи печатанія перевозка типографскихъ принадлежностей въ Москву, удостовѣренная множествомъ крестьянъ. Почему совершилась эта перевозка? Очевидно что была окончена работа, что все, что нужно сдѣлать въ Сареевѣ, сдѣлано. Крестьяне, которые помогали перевозить вещи, говорятъ, что въ числѣ вещей были: машина, неуложенная въ ящики, касса со шрифтомъ, два боченка съ краскою, но не говорятъ, чтобы въ числѣ вещей находилась бумага напечатанная, а между тѣмъ это такой предметъ, котораго нельзя бы не замѣтить. Типографскія принадлежности были перевезены въ домъ Степанова. Они пріобрѣтены были Дмоховскимъ, имѣвшимъ на нихъ счетъ особыя намѣренія, которыя онъ изъяснилъ предъ вами. У него былъ замыселъ устроить особую тайную типографію, для печатанія статей противъ собственности. Эта идея не осуществилась, но вслѣдствіе

ея онъ купилъ типографскія принадлежности у Долгушина. Спрашивается, на какія средства онъ ихъ купилъ? Онъ получилъ 200 руб. за свои работы и на эти деньги нанялъ квартиру въ домѣ Степанова и помѣстилъ тамъ станокъ. Съ половины іюля до 15-го августа проходитъ опять цѣлый мѣсяцъ безъ всякихъ осложненій дѣла. Обвиненіе утверждаетъ, что въ это время въ домѣ Степанова продолжали печататься прокламаціи. Я не знаю, на чемъ основано это обвиненіе. На показаніи Сахаровой, данномъ на предварительномъ слѣдствіи? Но показаніе это не могло быть прочитано на судѣ, а если и могло бы быть прочитано, то во всякомъ случаѣ оно есть такое, которому вѣрить безусловно нельзя, если оно опровергается другими фактами, вслѣдствіе которыхъ нельзя допустить, чтобы происходило печатаніе въ домѣ Степанова. Факты эти заключаются въ слѣдующемъ: Эксперты сказали, что наборъ всѣхъ трехъ прокламацій былъ одинъ, что набраны были онѣ разомъ. Если бы наборъ производился два раза, т. е. въ Сареевѣ и въ домѣ Степанова, то печать прокламацій вышла бы различная въ разныхъ экземплярахъ. По словамъ экспертовъ не только наборъ, но и печатаніе двухъ главныхъ брошюръ совершены одновременно. Притомъ, чтоже могло печататься въ домѣ Степанова? То ли самое, что и на дачѣ, но зачѣмъ же печатать, если и напечатанныя прокламаціи не разошлись, а извѣстно, что онѣ разошлись и потомъ лишь въ весьма небольшомъ количествѣ. Поэтому и въ виду того, что печаталось, а также и того, что Дмоховскій не литераторъ, не сочинитель, что онъ имѣлъ только шрифтъ, который дѣйствительно былъ купленъ у Долгушина, и не имѣлъ никакой бумаги, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ печаталъ прокламаціи. Поэтому все это предположеніе о печатаніи чего то въ домѣ Степанова есть предположеніе, ни начемъ не основанное. Съ половины іюля до 15-го августа существовали отношенія слѣдующія: лица, которыя были въ Сареевѣ,

неизвѣстно куда пропали, разъѣхались въ разныя стороны. Дмоховскій пребывалъ въ домѣ Степанова и посѣщалъ заводъ Платонова. Къ 15-му августа онъ кончаетъ всѣ свои занятія и окончательно разсчитался съ Платоновымъ, послѣ чего сдѣлался совершенно свободнымъ человѣкомъ. Какъ свободный человѣкъ, онъ и отправился въ Сареево посѣтить Долгушина. Здѣсь съѣхались и другіе товарищи; явился и Ананій Васильевъ. Здѣсь случилось происшествіе, которое отчасти описалъ Васильевъ, а именно, пошла рѣчь о пропагандѣ, о томъ, чтобы идти въ народъ. Дмоховскій одобрялъ это намѣреніе. Собственно говоря по образу своихъ мыслей, онъ былъ солидаренъ съ товарищами, но не больше. Послѣ нѣсколькихъ дней бытности въ Сареевѣ, компанія отправляется въ Москву. На пути произошла встрѣча съ зеркальщикомъ Афанасьевымъ, затѣмъ въ Москвѣ произведенъ дѣлежъ прокламацій въ квартирѣ Курдаева. Если при этомъ дѣлежѣ и былъ Дмоховскій, это опять не доказываетъ того, чтобы онъ бралъ на себя роль распространителя прокламацій. Напротивъ того, по своимъ замысламъ онъ долженъ былъ стоять внѣ этого дѣла, потому что онъ имѣлъ другое намѣреніе, можетъ быть болѣе крупное и серьезное. Чтобы онъ раздавалъ прохожимъ прокламаціи, чтобы онъ самъ ходилъ на пропаганду—этого изъ дѣла не видно. Единственный фактъ, который могъ бы навести судей на мысль, что уже было у него желаніе идти на пропаганду—это встрѣча его и разговоръ съ зеркальщикомъ Афанасьевымъ. Въ чемъ же состоялъ этотъ разговоръ? Предметъ его былъ самый простой: о томъ, какое житье-бытье крестьянина, какіе оброки, какая земля и т. д. Если заговорили о Стенькѣ Разинѣ, о Пугачевѣ и если Дмоховскій совѣтовалъ прочесть книжку Костомарова, или монографію Мордовцева, то это никакъ не революціонное предложеніе, не преступленіе. Совѣтъ обнаруживаетъ, что Дмоховскій человѣкъ, который относится къ народу книжно-теоретически, который не умѣетъ подойти съ надлежащей

стороны къ простому человѣку. Для простаго человѣка воспоминанія о тѣхъ давно минувшихъ дѣлахъ какъ бунтъ Стеньки Разина или Пугачева—вещь мертвая, лишенная интереса. Дмоховскій не участвовалъ въ посѣщеніи зеркальщика Долгушинымъ, потому что, еслибы этотъ зеркальщикъ встрѣтился во второй разъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который говорилъ ему о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ и т. д., то онъ запомнилъ бы это обстоятельство. Зеркальщикъ очень хорошо замѣтилъ черты лица того человѣка, который сидѣлъ съ нимъ на возу во время двадцативерстнаго пути, что онъ имѣлъ длинный носъ, былъ высокаго роста, сухощавый, а между тѣмъ, тотъ же Афанасьевъ рѣшительно не помнитъ, какія были примѣты у товарища Долгушина. Ананій Васильевъ говоритъ, что въ Москвѣ Дмоховскій далъ ему на дорогу деньги; эта дача денегъ могла произойти по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ, а не на пропаганду, Дмоховскій могъ считать, что А. Васильевъ заслуживаетъ того, чтобы дать ему денегъ, потому что онъ недополучалъ за свою службу у Долгушина.

Тутъ нѣтъ ничего такого, что могло бы наводить на мысль о томъ, что Дмоховскій принимаетъ самое непосредственное участіе въ распространеніи брошюръ. Вначалѣ сентября Дмоховскій окончательно убѣдился, что машина и станокъ и всѣ приспособленія къ печатанію, которые привезены имъ изъ Сареева, никуда не годятся. Вотъ почему онъ сжегъ станокъ и отправилъ остальныя типографскія принадлежности въ склады къ Соломатину, гдѣ онѣ и стояли. Потомъ онъ переѣхалъ въ домъ Гурина. Такъ какъ новая квартира представляла возможность осуществить ту идею, которую имѣлъ Дмоховскій, то онъ задумалъ, впрочемъ, весьма непрактически, въ то время, когда пропагандисты, его пріятели, были уже пойманы, устроить новый станокъ, который онъ заказалъ столяру Осипову. Этотъ станокъ Дмоховскій поставилъ въ квартирѣ, гдѣ онъ

и простоялъ одинъ или два дня, когда грянула вѣсть, что арестованы тотъ или другой изъ товарищей. Нужно было убираться. Дмоховскій запряталъ опять всѣ типографскія вещи въ ящики и опять отправилъ ихъ къ Соломатину; отыскалъ для г-жи Долгушиной мѣсто въ нумерахъ гостинницы близь Петербургскаго вокзала и самъ отправился странствовать: былъ въ Петербургѣ, возвратился, добылъ вещи отъ Соломатиныхъ и распродалъ ихъ. Наконецъ онъ былъ арестованъ въ Харьковѣ. Вотъ вся его исторія, вся прикосновенность къ дѣлу. Если вникнуть въ то, что онъ дѣлалъ не предубѣждаясь тѣмъ, что Дмоховскій человѣкъ смышленый, человѣкъ развитой, и что поэтому его надо считать душою предпріятія, то необходимо прійти къ убѣжденію, что Дмоховскій находился только возлѣ предпріятія, а не въ центрѣ его и даже не въ окружности, что онъ былъ пожалуй пособникомъ, оказавшимъ различныя мелкія услуги тѣмъ, что напримѣръ, давалъ деньги, привозилъ и увозилъ женщинъ, что онъ укрыватель преступниковъ, что онъ укрывалъ слѣды преступленія: шрифты и разныя желѣзныя вещи, которыя купилъ съ этою цѣлью отъ Долгушина. Вотъ и вся прикосновенность Дмоховскаго къ настоящему дѣлу.

Въ заключеніе моей защиты я долженъ упомянуть о событіи, которое случилось между врученіемъ подсудимымъ обвинительнаго акта и днемъ, когда открыто засѣданіе по сему дѣлу, а именно о воспослѣдованіи новаго закона, измѣняющаго значительно прежній законъ, о новой редакціи статей 250 и 318 улож. о наказ. Новый законъ этотъ дѣйствительно весьма важенъ. Если бы онъ существовалъ въ то время, когда приготовлялся актъ обвинительный, то обвиненіе пошло бы по этому новому закону. Я заключаю это изъ слѣдующаго. Я думаю, что нужно обвинять подсудимыхъ въ одномъ только распространеніи прокламацій, выпуская все предыдущее, какъ будто бы преступная дѣятельность этихъ людей не начиналась до того времени какъ

стали они печатать, но очевидно она началась тогда, когда они условились распространять прокламаціи и составили съ этою цѣлью противозаконное сообщество, котораго средствами дѣйствія были съ одной стороны устная пропаганда, съ другой—раздача прокламацій. Такая постановка вопроса, можетъ быть, даже хуже для Дмоховскаго потому, что онъ обвиненъ по 251-ой ст., между тѣмъ, какъ онъ не участвовалъ ни въ печатаніи, ни въ распространеніи прокламацій, слѣдовательно, если устранить сообщество, онъ могъ бы разсчитывать на то, что будетъ совсѣмъ отъ суда освобожденъ. Между тѣмъ, если считать его членомъ тайнаго общества, то онъ долженъ подлежать отвѣтственности за все послѣдовавшее послѣ того момента, когда общество образовалось. Такимъ образомъ, примѣненіе къ Дмоховскому новаго закона лично для него невыгодно, но такъ какъ его интересы солидарны съ интересами товарищей, то общее усиліе всей защиты, а въ томъ числѣ и моей, должно клониться къ тому, чтобы былъ примѣненъ новый законъ. Я думаю, что этотъ законъ долженъ быть примѣненъ по слѣдующимъ причинамъ. По прежнему закону ст. 249, съ которою измѣненная ст. 250 имѣетъ тѣсную связь, предусматривались два вида одного и того же преступленія. Одинъ видъ — это бунтъ, который сопровождался смутами и волненіемъ, а другой видъ, когда преступленіе открыто при самомъ началѣ, такъ что никакихъ смятеній не произошло, новый законъ присовокупляетъ къ этимъ двумъ видамъ или случаямъ бунта еще третій, а именно, когда не только бунтовщическій заговоръ открытъ при самомъ началѣ осуществленія преступнаго намѣренія, но и злоумышленіе было такого рода, что осуществленіе предполагалось въ отдаленномъ будущемъ и не имѣлось въ виду средствъ осуществленія его насильственно. При наказаніи за прокламаціи, возбуждающія къ бунту, надлежитъ войти въ разборъ того, имѣлся ли въ виду и какой затѣвался бунтъ? Поднять населеніе противъ правительства

сейчасъ, или въ отдаленномъ будущемъ, и были ли предлагаемы населенію насильственныя средства дѣйствія, или такія средства совсѣмъ не были указаны. Я полагаю, что теперь послѣ изданія новаго закона 4-го іюня 1874 г., нельзя примѣнять 251 ст. безъ обращенія вниманія на новое дѣленіе бунта. Такимъ образомъ, если вы будете разбирать, имѣетъ ли мѣсто воззваніе къ бунту и если найдете, что оно имѣетъ мѣсто, то непремѣнно придете къ заключенію, если бы вы даже и признали, что здѣсь есть воззваніе къ бунту, т. е. посягательство на цѣлость государства и Государя, на ниспроверженіе правительства и перемѣну формы правленія, что во всякомъ случаѣ тутъ не опредѣлялись ни день, ни часъ, ни средства переворота, а все это отлагалось до будущаго времени. Вотъ почему нѣтъ возможности обойти новый законъ. На этомъ основаніи я поддерживаю просьбу моего товарища по защитѣ. По моему мнѣнію, подсудимый Дмоховскій долженъ быть судимъ и можетъ быть наказанъ, прежде всего какъ пособникъ и какъ укрыватель преступленія предусмотрѣннаго въ 1036 и 1027 ст.; если онъ не виноватъ въ большемъ, то можетъ быть обвиненъ въ пособничествѣ по 274 ст. Но если вы признаете, что Дмоховскій виноватъ какъ соучастникъ въ возбужденіи къ бунту, то во всякомъ случаѣ вы примѣните новый законъ, потому что этому закону, какъ облегчающему наказаніе, должно быть дано въ настоящемъ случаѣ дѣйствіе обратное.

Особое присутствіе сената приговорило Дмоховскаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. Общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената кассаціонную жалобу подсудимаго оставило безъ послѣдствій.

[redacted]

Содержаніе V тома.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

СТРАНИЦЫ

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ VI.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

(1875—1882)

Дѣло Овсянниковское.—Истязаніе семилѣтней дочери.—Поручикъ Всеволодъ Крестовскій. — Злоупотребленіе въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ.—Политическое дѣло о 50 подсудимыхъ. — Смерть Нины Андреевской.—Угощенія и подкупы на земскихъ выборахъ. — Крестьянинъ Маляновскій. —Судья Савицкій. — Клевета въ «Новомъ Времени» противъ издателя «Порядка».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская 26.

1894.

Типографія С. Корнатовскаго. Малая Морская ул., д. № 9.

Въ 1889 г. въ предисловіи къ первому тому моихъ сочиненій я предполагалъ, что мои судебныя рѣчи займутъ два тома. Оказалось, что ихъ достанетъ на три. изъ которыхъ два за время отъ 1867 по 1883 г. (25 дѣлъ) уже напечатаны (V и VI), а третій (VII) печатается. — Двѣ изъ помѣщенныхъ въ VI томѣ защитъ произнесены внѣ С.-Петербурга; одна въ Ельцѣ, другая въ Тифлисѣ.—По Тифлискому дѣлу не могу донынѣ отрѣшиться отъ глубочайшаго убѣжденія, что оно кончилось печальною ошибкою, что пострадали невинные люди, указанные заблуждающеюся народною молвою.—Послѣ трехъ томовъ рѣчей я намѣренъ издать еще VIII томъ дополнительный, вмѣщающій статьи написанныя мною послѣ 1889 г.

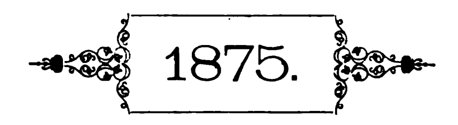
В. С.

12 декабря 1893 г.

С.-Петербургъ.

[redacted]

16.

Дѣло о коммерціи совѣтникѣ Овсянниковѣ, купцѣ Левтѣевѣ и мѣщанинѣ Рудометовѣ, обвиняемыхъ въ поджогѣ.

Коммерціи совѣтникъ, С.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Степанъ Тарасовъ Овсянниковъ, 70 лѣтъ, ржевскій 2-й гильдіи купецъ Андрей Петровъ Левтѣевъ, 48 лѣтъ, и ржевскій мѣщанинъ Дмитрій Артемьевъ Рудометовъ, 41 года, были преданы суду С.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что съ умысломъ, по предварительному соглашенію, изъ личныхъ видовъ Овсянникова, подожгли въ ночь на 27-е февраля 1875 года застрахованную въ 700 тыс. руб. паровую мельницу коммерціи совѣтника Кокорева, на которой жили люди и хранилось значительное количество казенной муки, при чемъ поджогъ былъ умышленъ Овсянниковымъ и Левтѣевымъ и по приговору ихъ приведенъ въ исполненіе Рудометовымъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 1606 и 1607 улож. о нак. Разбирательство дѣла происходило во 2-мъ отдѣленіи С.-петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 25-го ноября по 6-е декабря 1875 года.

Въ дѣлахъ уголовныхъ, кромѣ немногихъ, которыя производятся по частному обвиненію, обвинителей можетъ быть нѣсколько. Изъ нихъ одинъ главный—прокуроръ, который дѣйствуетъ именемъ общаго блага, во имя интересовъ общества и государства; онъ ведетъ

дѣло, ничѣмъ, кромѣ своей совѣсти, нестѣсняемый, можетъ преслѣдовать, можетъ и отказаться отъ обвиненія, что онъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ подсудимому Рудометову. Онъ предоставилъ прямо вамъ рѣшить о его винѣ, не разобравъ его вины. Но, кромѣ этой главной обвиняющей стороны, могутъ быть обвинители второстепенные, случайные, гражданскіе истцы, лица потерпѣвшія отъ преступленія, дѣйствующія въ виду своихъ особенныхъ интересовъ и только въ границахъ этихъ интересовъ. Эти интересы очерчиваютъ около каждаго изъ нихъ кругъ, за который и выходить ему не слѣдуетъ. Когда является такой гражданскій истецъ, то онъ долженъ совершенно ясно и точно опредѣлить, чего онъ ищетъ, съ кого и на какомъ основаніи. Я заявилъ, что являюсь представителемъ страховыхъ обществъ и что искъ ихъ направленъ не противъ всѣхъ подсудимыхъ, а только противъ одного Овсянникова; что касается до другихъ подсудимыхъ, то искъ къ нимъ былъ-бы преждевременнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ и причинамъ. Страховыя общества суть общества, которыя заключаютъ страховые договоры, т. е. такія лица, которыя берутъ на свой страхъ опасность, могущую произойти отъ огня, вслѣдствіе несчастнаго случая. Платится имъ за это извѣстная премія—небольшая въ сравненіи съ стоимостью сгорѣвшей вещи и, хотя-бы вещь стоила сотни тысячъ милліоновъ, страховыя общества обязаны заплатить за погорѣвшее. Всѣ страховые договоры весьма рискованны для страховыхъ обществъ: при недобросовѣстности страхователей, при учащеніи поджоговъ общества легко могутъ быть поставлены въ невозможность удовлетворить своимъ обязательствамъ. Вотъ почему дѣло страхованія больше чѣмъ всякое другое основано на личномъ довѣріи; страховымъ обществамъ необходимо знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: съ добросовѣстными или недобросовѣстными людьми; для нихъ чрезвычайно важно знать: кто такой страхователь, кому принадлежитъ иму-

щество, которое отдается на страхъ? Страховать имущество предоставляется прежде всего самому собственнику, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ право это предоставляется и посторроннимъ третьимъ лицамъ. Но какимъ лицамъ и какое имущество? Конечно, не всякое: не могу я застраховать Казанскій соборъ или дворецъ, не могу я застраховать всякій чужой домъ. Подобное страхованіе имѣло-бы видъ пари о томъ, сгоритъ-ли имущество или не сгоритъ, а пари есть сдѣлка противозаконная и граждански-недѣйствительная. Страховать можно только такое чужое имущество, съ которымъ связаны непосредственно интересы страхователя, и связаны такимъ образомъ, что онъ беретъ на себя въ какомъ нибудь отношеніи обязательство страховать передъ собственникомъ, или-же въ случаѣ пожара теряетъ въ горящей вещи свое собственное добро, такъ какъ эта вещь обезпечивала его, служила ему залогомъ. Такимъ образомъ, только арендаторъ или залогодержатель могутъ страховать чужое имущество. Эта мысль проведена во всѣхъ уставахъ страховыхъ обществъ,—въ томъ числѣ какъ «Варшавскаго», такъ и «Якоря». Уставы эти всѣ похожи одни на другіе—я позволю себѣ сослаться на §§ 78 и 79 «Варшавскаго общества», по которымъ въ случаѣ пожара страховое общество вознаграждаетъ за убытки лишь въ той мѣрѣ, въ какой страхователь обязался въ отношеніи владѣльца сгорѣвшаго имущества. Такимъ образомъ, если страхователь не обязанъ былъ въ моментъ пожара страховать въ отношеніи владѣльца сгорѣвшаго имущества, общество не платитъ никакого вознагражденія и не отвѣтствуетъ ни передъ тѣмъ, который не доказалъ, что онъ обязался въ какомъ-либо отношеніи предъ владѣльцемъ имущества, ни передъ тѣмъ, кому принадлежало имущество...

Предсѣдатель. На какіе параграфы вы ссылаетесь?

Прис. пов. Спасовичъ. На §§ 78 и 79 устава «Варшавскаго страховаго общества», и на 14 § устава общества «Якорь». По правиламъ, установленнымъ во всѣхъ

страховыхъ обществахъ, какъ въ «Варшавскомъ», такъ и въ обществѣ «Якорь», непремѣнно требуется, чтобы тотъ, кто застраховалъ чужое имущество, или тотъ, кому принадлежитъ имущество, при переходѣ его къ новому пріобрѣтателю, — донесъ обществу о перемѣнѣ владѣльца или страхователя. Если-же обществу не донесено о перемѣнѣ владѣльца, о новомъ пріобрѣтателѣ имущества, договоръ страхователя признается недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ, въ настоящемъ дѣлѣ является прежде всего возможность оспаривать платежъ вознагражденія, во-1-хъ, потому, что не было доказано, что Овсянниковъ обязанъ по какому-бы то ни было условію предъ владѣльцемъ мельницы Кокоревымъ страховать эту мельницу, и во-2-хъ, потому, что о перемѣнѣ въ лицѣ владѣльца, которая состоялась вслѣдствіе выдачи данной на мельницу г. Кокореву, страховыя общества не были ни страхователемъ, ни Кокоревымъ о томъ извѣщены. Но кромѣ этой причины, есть еще другая, по которой, какъ я думаю, страховыя общества не будутъ отвѣчать за убытки, происшедшіе отъ пожара мельницы, если бы они были привлечены къ отвѣтственности въ гражданскомъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что страховыя общества отвѣчаютъ только за пожары, происходящіе отъ случая. Въ уставахъ всѣхъ страховыхъ обществъ совершенно ясно опредѣлено, что страхованіе недѣйствительно, когда пожаръ произошелъ отъ умысла страхователя; это выражено въ § 101 устава Варшавскаго страховаго общества, и въ § 30 п. 4-й устава общества «Якорь». Но между случаями пожара отъ умысла и пожара отъ случая есть промежуточная область пожаровъ отъ неумышленной вины страхователя, отъ его неосмотрительности, небреженія о застрахованномъ, неумѣнья распоряжаться, отъ такой явной неосторожности, которая обнаруживаетъ полное невниманіе и къ собственному интересу, и къ интересу тѣхъ лицъ, которымъ переданъ рискъ отъ опасности, т. е. къ интересамъ страховыхъ обществъ. Вопросъ спорный: от-

вѣчаютъ-ли страховыя общества за убытки отъ всякаго пожара, который произошелъ отъ неосторожности страхователя или его повѣренныхъ. Общества постарались оградить себя отъ убытковъ, занеся въ свои уставы опредѣленіе главныхъ случаевъ, въ которыхъ они не отвѣчаютъ за убытки, если по винѣ страхователя увеличена произвольно опасность отъ огня, если произойдутъ значительныя перемѣны въ страховомъ имуществѣ, увеличивающія эту опасность. Въ уставѣ Варшавскаго страховаго общества въ § 103 говорится, что размѣръ премій зависитъ отъ большей или меньшей опасности отъ огня, а въ § 104 упомянуто о кладкѣ водяныхъ трубъ. Въ уставѣ-же общества «Якорь» сказано прямо въ § 14, что если владѣлецъ произведетъ такія измѣненія въ составѣ своего имущества, которыя увеличиваютъ опасность отъ огня, тогда страхованіе дѣлается недѣйствительнымъ. Вы сами, гг. присяжные засѣдатели, видѣли изъ настоящаго дѣла, что подобная перемѣна произошла въ объявленіи, подписанномъ Овсянниковымъ 20-го декабря и поданномъ въ Варшавское страховое общество, а потомъ и въ общество «Якорь», гдѣ было произведено дополнительное страхованіе. Овсянниковъ предупредилъ, что онъ содержитъ бакъ большаго размѣра, наполненный водою, отъ котораго идутъ трубы съ 8 кранами. Кромѣ того, въ объявленіи сказано, что на мельницѣ имѣется извѣстное число сторожей. На основаніи этихъ данныхъ я полагаю, что въ гражданскомъ порядкѣ процессъ объ уплатѣ обществами пожарныхъ убытковъ едва-ли могъ со стороны страхователя разсчитывать на успѣхъ. Но такъ какъ страхованіе во всякомъ случаѣ безусловно недѣйствительно, если пожаръ произошелъ отъ злаго умысла страхователя, то, не дожидаясь, пока гражданскій искъ будетъ предъявленъ, общества имѣютъ возможность прежде всего примкнуть къ уголовному дѣлу, которое возникло раньше гражданскаго, которое можетъ производиться только по прокурорскому обвиненію и только въ настоящую ми-

нуту. Каждому моменту отношеній приличенъ извѣстный образъ дѣйствія, извѣстная тактика. Теперь я могу присоединяться къ обвиненію и доказывать, что поджогъ произошелъ отъ злаго умысла. Затѣмъ, если-бы я здѣсь проигралъ, то тогда только придется доказывать, что поджогъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ агентовъ г. Овсянникова. Но эти мои отношенія касаются нынѣ только г. Овсянникова и только къ нему одному я могу простирать требованіе объ уничтоженіи страхованія, вслѣдствіе злаго умысла, потому что только онъ одинъ былъ страхователемъ; Левтѣевъ и Рудометовъ не состояли съ обществами ни въ какихъ договорныхъ отношеніяхъ. Только въ томъ случаѣ, если–бы нынѣ Левтѣевъ и Рудометовъ были признаны одни, безъ Овсянникова, учинившими поджогъ, если-бы я потерпѣлъ отказъ въ требованіи, обращенномъ къ Овсянникову, и если-бы я потерялъ и гражданское дѣло, которое, какъ я думаю, можно вести на тѣхъ основаніяхъ, которыя я изложилъ вамъ, явилась-бы возможность искать еще вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ пожара, съ Левтѣева и Рудометова, какъ лицъ обвиненныхъ въ поджогѣ безъ участія въ этомъ поджогѣ Овсянникова. Такимъ образомъ, эти послѣднія лица стоятъ нынѣ внѣ дѣла, и объ нихъ я буду говорить только вскользь, на сколько они были исполнителями его приказаній, лицами, черезъ которыхъ онъ приводилъ свою мысль въ исполненіе. Мое положеніе нѣсколько различно отъ положенія прокурора. Онъ дѣйствовалъ именемъ общественнаго блага, именемъ страдающихъ солдатъ; онъ смѣлою рукою раскрывалъ вамъ тѣ язвы, которыя точатъ нашу администрацію, и безсиліе администраціи въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Я не могу идти этимъ путемъ, я долженъ ограничиться только областью голыхъ и сухихъ фактовъ. Я полагаю, что въ рамкахъ этой задачи я могу принести извѣстную долю пользы, если сгруппирую и сопоставлю удостовѣренные факты такимъ обра-

зомъ, чтобы изъ нихъ прямо и непосредственно вытекало заключеніе. Я пойду инымъ путемъ, нежели г. тов. прокурора, и, прежде всего, постараюсь на прочныхъ основаніяхъ установить фактъ поджога мельницы безъ отношенія къ тому, кто ее сжегъ.

Зданіе мельницы громадное. Оно принадлежитъ къ числу немногихъ въ Петербургѣ. Оно стоило около миліона рублей. Зданіе это такъ велико со своими 4-мя этажами, чердакомъ и подваломъ, что невольно задумаешься: и сжечь то его не скоро сожжешь. Мы знаемъ, что во время пожара мельницы огонь былъ такъ силенъ, что кирпичъ остекловился, что онъ раскалывается теперь пластами какъ грифель, что въ зданіи вокзала варшавской желѣзной дороги, черезъ каналъ, полопались въ окнахъ стекла отъ жару, что мука горѣла еще въ теченіи двухъ недѣль послѣ пожара. Зданіе громадное, но и громадное зданіе можно сжечь, если дать огню достаточно времени. Какъ же велико было время, которое потребовалось для того, чтобы обратить это зданіе въ море пламени? Это время было крайне ограниченно и опредѣлить его можно точно, минута въ минуту, по видному всѣмъ циферблату вокзала варшавской желѣзной дороги, по которому расчитывало время большинство свидѣтелей. Судебное слѣдствіе представило намъ въ этомъ отношеніи слѣдующія данныя: въ половинѣ пятаго дворникъ Клоковъ вошелъ съ улицы и черезъ калитку, сосѣднюю съ лѣстницею, гдѣ швейцаръ, вернулся въ дворницкую и разбудилъ товарища Чернышева; Чернышевъ собрался втеченіи 10 минутъ, взглянулъ на циферблатъ варшавской желѣзной дороги; было какъ разъ 4 ч. 40 минутъ. Съ этого момента прошло еще нѣсколько времени въ тишинѣ, спокойствіи. Промежутокъ опредѣляется показаніемъ сторожевыхъ пожарныхъ на каланчѣ нарвской части; эти сторожа, Яшенковъ и Яворскій, показали здѣсь, что минутъ за 5,—10 передъ пожаромъ на мельницѣ вспыхнулъ огонь. Такимъ образомъ, опять подтверждается тоже самое

время—4 часа 40 минутъ. Прошло $^3/_4$ часа совершенно спокойно. Затѣмъ огонь увеличивается и развивается съ такою быстротою, что нарвская часть, самая ближайшая отъ мельницы,—я полагаю, что она прилетѣла на мѣсто пожара не болѣе какъ въ 5 минутъ—застала, огонь внутри и вездѣ дымъ. Затѣмъ прошло еще какихъ нибудь минутъ 20 и уже нельзя было ничего спасти, кромѣ того отдѣленія, гдѣ были жилыя помѣщенія. Такимъ образомъ, потребовалось не менѣе часа для того, чтобы пожаръ принялъ такіе огромные размѣры. Кто наблюдалъ за началомъ пожара? Въ это время наблюдали за нимъ слѣдующія лица: Яворскій и Яшенковъ, которые никакихъ признаковъ огня не замѣчали до пяти часовъ безъ пяти минутъ. Въ то самое время какъ они сторожатъ на каланчѣ, близъ угла Обводнаго канала, противуположнаго мельницѣ, сосѣдъ-домовладѣлецъ Пудовъ распоряжался счищать снѣгъ съ своего дома; наблюдалъ еще Авдѣенко, сторожъ при варшавской желѣзной дорогѣ, у вокзала. Вдругъ Яшенковъ и Яворскій замѣчаютъ за 5 минутъ до пяти струйки дыма не на дымогарной, главной трубѣ, которая стала выпускать дымъ черезъ $1^1/_2$ часа потомъ, а въ этотъ моментъ была совершенно чиста, но надъ магазиннымъ отдѣленіемъ и зерносушильнею одновременно; рефлексъ огня, скользящій по стѣнѣ, освѣщалъ внутренность двора. Яшенковъ и Яворскій ударили тревогу, по сигналу собралась тотчасъ нарвская часть. Въ этотъ мигъ и Леоньковъ замѣтилъ искры, подымающіяся надъ зданіемъ по тому направленію, которое соотвѣтствуетъ вѣялочной трубѣ; замѣченъ былъ также дымъ и Пудовымъ, но Пудовъ не могъ опредѣлить, откуда этотъ дымъ, онъ не наблюдалъ спеціально, выходилъ ли этотъ дымъ изъ главной трубы. Наконецъ, огонь замѣченъ и Авдѣенкомъ, котораго показаніе важно потому, что онъ прямо опредѣляетъ время: въ 5 часовъ, по циферблату варшавской желѣзной дороги. Освѣтилось уже все зданіе, съ внутренняго двора; надъ крышею появились

искры и станція варшавской желѣзной дороги была совсѣмъ освѣщена. Вотъ все, что намъ извѣстно объ обстоятельствахъ, относящихся до прибытія на мѣсто пожара другихъ свидѣтелей, которыхъ я считаю самыми достовѣрными по отношенію къ опредѣленію наружнаго вида, если такъ можно выразиться, этого пожара, а именно пожарныхъ. Они съѣзжались отдѣльными командами. Я прошу вспомнить и расположить въ вашей памяти порядокъ являющихся частей, потому что каждая часть дѣйствовала какъ одинъ человѣкъ. Прежде другихъ прискакала нарвская часть. Она прилетѣла на мѣсто пожара въ то самое время, когда, какъ говоритъ приставъ Агафоновъ, онъ, явившійся одновременно, видѣлъ уже пламя надъ главною трубою. Я не могу объяснить это показаніе иначе, какъ обманомъ чувствъ, потому что и по теоріи, которая лежитъ въ планѣ защиты, и по теоріи, которой можетъ слѣдовать обвиненіе, фактъ этотъ невозможенъ. Никто изъ пожарныхъ ни пламени, ни дыма въ главной трубѣ не видалъ. Пожарные нарвской части позвонили въ колокольчикъ къ швейцару и выходитъ Семеновъ, разбуженный уже Легоньковымъ. Они летятъ дальше къ мѣшальной лѣстницѣ и опять звонятъ, но лѣстница наверхъ заперта, имъ никто не отворяетъ. Они обогнули уголъ Измайловскаго и поѣхали до воротъ по Обводному. Одинъ изъ пожарныхъ, брандтмейстеръ Панасевичъ, показалъ странную вещь, которую также я объясняю, какъ и показаніе пристава Агафонова, явною ошибкою. Въ первомъ этажѣ по Измайловскому въ двухъ крайнихъ окнахъ къ каналу онъ усмотрѣлъ выкидываемое на улицу пламя, вотъ изъ этого мѣста (С. указываетъ по модели на кладовую); я полагаю во всякомъ случаѣ, что это не болѣе, какъ ошибка, что свидѣтель смѣшалъ обстоятельства. Я заключаю это изъ показаній пожарныхъ той же нарвской части, которые всѣ показываютъ, что пламени въ это время вовсе не было ни по Измайловскому, ни по Обводному, а валилъ только

густой дымъ изъ оконъ по Измайловскому и изъ подвальныхъ окошекъ по Обводному. Если бы пламя было видно по фасаду съ Измайловскаго, то вѣроятно они тутъ бы остановились, сдѣлавъ заключеніе, которое сдѣлалъ прибывшій потомъ брандтмаіоръ Гранфельдъ; когда онъ пріѣхалъ на мельницу и увидѣлъ огонь съ Измайловскаго. По его словамъ, онъ удивился, почему нарвская часть не остановилась именно здѣсь тушить огонь. Пожарные нарвской части сломали ворота на Обводномъ, объѣхали кругомъ и встали на дворѣ тутъ (С. показываетъ по модели на углубленіе, въ которомъ спускаются рельсы отъ деревянной трубы изъ 3-го этажа вѣялки въ 1-й этажъ зерносушилки). Изъ тѣхъ показаній, которыя были здѣсь даны относительно огня въ вѣялочной трубѣ, самыми точными и обстоятельными представляются показанія Ярышкина, Панасевича и Курашева, которые показываютъ слѣдующее: горѣла вѣялочная труба. Но какъ она горѣла? Одни говорятъ, что огонь шелъ вверхъ—такъ показываютъ Панасевичъ и Курашевъ; другіе напр. Ярышкинъ, говоритъ, что огонь шелъ внизъ изъ вѣялки по трубѣ. Это послѣднее объясненіе подтверждается свидѣтелемъ, швейцаромъ Семеновымъ, который вышелъ изъ швейцарской и, проходя черезъ машинное отдѣленіе, видѣлъ, какъ огонь пробирается сверху внизъ по зерносушильной трубѣ. Пожарные остановились здѣсь (С. указываетъ по модели на каменный помостъ и лѣстницу въ подвалъ подъ вѣялочною трубою) и замѣтили, что входъ изъ лѣсенки въ подвалъ надъ помостомъ, гдѣ помѣщалась дверь, постоянно запертая, по показанію Морозова, совершенно теменъ, что спускъ въ подвалъ заваленъ рогожами и снѣгомъ. Пожарные невидѣли за горящею трубою никакихъ окошекъ, ни дверей въ стѣнѣ магазиннаго отдѣленія.

Всѣ эти окна и двери были заперты, а темнота свидѣтельствуетъ, что въ магазинномъ отдѣленіи, въ подвальныхъ этажахъ не было никакого огня. Минуты че-

резъ 4 или 5 послѣ нарвской, прилетѣла часть коломенская, которая намъ дала слѣдующихъ свидѣтелей: брандтмейстера Иконникова и рядовыхъ Григорьева и Самсонова. Брантмейтстеръ Иконниковъ увидѣлъ 4 окна внизу, въ подвалѣ, къ лѣстницѣ близъ воротъ, изъ которыхъ клубился дымъ выходя съ искрами пламени. Онъ остановился здѣсь и послалъ Григорьева и Самсонова на навѣсъ; надъ тѣмъ мѣстомъ множество дверей, выходящихъ изъ магазиннаго отдѣленія подвальнаго этажа; но они должны были спуститься, потому что огонь пробирался вверхъ въ первый этажъ и изъ перваго во второй этажъ, а во второмъ горѣли и падали ставни оконъ, изъ коихъ одна ударила самаго Иконникова. Продолжая однако отстаивать фасадъ съ Обводнаго канала, Иконниковъ замѣтилъ, что огонь приближается по подвалу къ кладовой, которая еще цѣла. Чтобы перенять огонь, Иконниковъ послалъ Григорьева въ эту кладовую черезъ разломанное окошко подвала; въ то самое время онъ приказалъ Семенову поливать дверь изъ магазиннаго подвала въ подвалъ кладовой изъ ствола, вставленнаго косвенно въ разбитое окошко магазиннаго подвала. Такимъ образомъ Самсоновъ обливалъ дверь, которую лизало пламя, а Григорьевъ отстаивалъ ту же дверь съ другой ея стороны. Будучи въ подвалѣ кладовой, Григорьевъ дыма не чувствовалъ, все было цѣло и, по словамъ Иконникова, послѣ того выносили еще вещи изъ втораго и третьяго этажей кладовой, которая уже сгорѣла тогда, когда огонь, путешествовавшій по верхнему этажу, перешелъ сюда сверху, послѣ чего распространился далѣе. Такимъ образомъ ошибка Панасевича обнаруживается вполнѣ и показаніе его падаетъ само собою. Эта часть зданія больше всего цѣла и огонь проникъ сюда гораздо позже, чѣмъ въ другія отдѣленія. Третья пожарная часть, которая затѣмъ пріѣхала, была спасская. Являются свидѣтелями: брандт мейстеръ Маторинъ, рядовые Антоновъ и Ивановъ. Вмѣстѣ съ этими частями пріѣхалъ и брандтъ-маіоръ

Гранфельдъ. Такъ какъ огонь свѣтилъ въ окнахъ 3-го этажа близъ мѣшальной лѣстницы, а двери этой лѣстницы всегда заперты и не охранялись швейцаромъ, то пришлось сломать двери. Сломали. Пожарные подымаются, проходятъ по второму этажу мимо дверей, за которыми они не предчувствуютъ, что есть огонь, такъ какъ двери заперты съ лѣстницы. Входятъ въ третій этажъ. Маторинъ открываетъ дверь и усматриваетъ огонь вдали къ Измайловскому проспекту, на разстояніи нѣсколько саженъ. Маторинъ заключилъ, что здѣсь то и есть самый разсадникъ огня, что этотъ огонь не скоро еще распространится, что можетъ быть можно совладать съ нимъ. Велѣно втащить трубу и накачивать съ улицы. Но въ это самое время вдругъ непріятель—огонь зашелъ неожиданно въ тылъ дѣйствующимъ войскамъ: нежданно-негаданно выкинуло огонь изъ оконъ втораго этажа лѣстницы и преградило пожарнымъ всякій путь къ отступленію. Огонь появился изъ той двери 2-го этажа, мимо которой проходили пожарные. Началось бѣгство. Кто бросалъ каску, кто топоръ. Спасаясь сквозь пламя, многіе получили обжоги, рукавъ былъ оставленъ на мѣстѣ и сгорѣлъ: человѣка два-три были принуждены спускаться по водосточной трубѣ. Моментъ этотъ остался въ памяти генерала Козлова, который именно пріѣхалъ въ ту минуту, когда говорили, что надо выручать пожарныхъ. Такимъ образомъ, является еще третій огонь во 2-мъ этажѣ, ничѣмъ не объяснимый. Послѣ спасской прибыли части: московская, казанская и рождественская. Брандтмейстеръ рождественской части, самой отдаленной отъ мѣста происшествія, пріѣхавшій изъ своего участка по четвертому номеру—какъ я полагаю, никакъ не ранѣе, какъ черезъ полчаса послѣ начала пожара, разсказалъ, что ему спеціально поручено было взобраться на крышу еще не горѣвшаго, какъ думали, зданія зерносушилки. Онъ не могъ добыть столь высокой лѣстницы, почему обошелъ зерносушилку со двора, выходящаго на Обводный, выло-

малъ дверь, нашелъ внутри зданія густой дымъ безъ пламени и весь громадный деревянный матеріалъ еще нетронутымъ. Дымъ былъ удушливъ и Новиковъ удалился.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ выходитъ несомнѣнно, что огонь появился не въ двухъ, а въ трехъ различныхъ мѣстахъ: во 2-мъ этажѣ вѣялки съ улицы, въ 3-мъ этажѣ той же вѣялки со двора и въ подвальномъ этажѣ. Итакъ были три огня. Но является вопросъ: можетъ быть огни казались только отдѣльными, наблюдаемые снаружи, а въ сущности огонь былъ только одинъ. Можетъ быть, онъ какъ драконъ извивался изъ отдѣленія въ отдѣленіе, а никто не видѣлъ только этихъ изгибовъ и соединеній. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи были огни. Соединялись ли они, или не соединялись? Возникаетъ, такимъ образомъ, и ставится задача—объяснить: поджогъ ли былъ на мельницѣ, если будутъ доказаны три раздѣльные огня, или показать, изъ одного ли мѣста онъ естественно развивался и проникъ во всѣ остальныя мѣста, гдѣ онъ почти одновременно усмотрѣнъ. Въ послѣднемъ случаѣ будетъ только несчастіе, которое надо будетъ предать волѣ Божіей. Разсмотримъ оба противоположныя объясненія.

Мельница состоитъ изъ многихъ частей. Есть одна часть: подземныя трубы, часть меньше другихъ изслѣдованная, даже при составленіи модели, такъ что только при судебномъ слѣдствіи, при разспросѣ Зоммера, оказалось, что часть этихъ трубъ имѣла покатости, что тамъ являлась повременамъ и вода изъ Обводнаго канала. Другая часть, та, которая, заключая въ себѣ кочегарню, машинное отдѣленіе, квартиры служащихъ и контору, оканчивается лѣстницею со швейцаромъ. Часть эта содержитъ главную дымовую трубу и двигатель; она дѣлаетъ заводъ мельничный паровымъ. Она почти вся уцѣлѣла. Третья часть промежъ двухъ лѣстницъ-швейцарской и мѣшальной, сгорѣла позже другихъ. Она со-

стоитъ изъ двухъ камеръ: одной съ 32 жерновами и другой мучной. Четвертая часть состоитъ изъ вѣялки, кладовой и магазиновъ. Всѣ эти помѣщенія, до подваловъ включительно, снабжены окошками преграждающими къ нимъ доступъ воздуха снаружи. Изъ этихъ помѣщеній магазинное отдѣленіе было холоднѣе и безъ воды, но въ вѣялку, также холодную, проникали трубы съ кранами отъ бака. Наконецъ 5-я часть: зерносушилка представляла собою строеніе, которое, хотя и оконченное, но вовсе не было въ дѣйствіи. Часть эта имѣетъ тѣже условія, т. е. совершенно открыта для доступа воздуха, потому что здѣсь были одни только сѣтчатые переплеты, вмѣсто оконъ, и неизвѣстно были-ли на переплетахъ ставни или нѣтъ. Однимъ словомъ, воздухъ проникалъ въ это отдѣленіе всюду. Вы, гг. присяжные засѣдатели, конечно, изучили устройство этого зданія несравненно лучше, чѣмъ знали его прежній владѣлецъ Фейгинъ и нынѣшній Кокоревъ. Вы изучили его лучше даже, чѣмъ тѣ лица, которыя весьма долгое время были на мельницѣ. Вы знаете, что рожь въ куляхъ подвозилась въ магазины. Мѣшки съ этимъ хлѣбомъ черезъ кладовую перетаскивались въ этажъ вѣялки; здѣсь они поднимались посредствомъ элеваторовъ, хлѣбъ высыпался въ особые ящики, гдѣ обдиралась шелуха; затѣмъ онъ поступалъ въ барабаны, которые очищали чистое зерно отъ шелухи. Мякина и труха отдѣлялись посредствомъ тяги въ вѣялочную трубу, а зерно посредствомъ архимедовыхъ винтовъ проводилось сквозь мѣшальную лѣстницу къ жерновамъ; здѣсь оно мололось, охлаждалось и потомъ передавалось тоже винтами въ мучную камеру. Въ этой камерѣ внизу мука набивалась въ намоченные кули, которые зашивались въ 1-мъ этажѣ вѣялочнаго отдѣленія, проходили черезъ кладовую и поступали въ магазинъ. Изъ этого обзора устройства мельницы вы можете судить, что, если въ отдѣленіяхъ кладовомъ, магазинномъ и даже вѣялочномъ, кромѣ 3-го этажа, могла быть какая нибудь пыль, то только муч-

ная, а никакъ не мякинная. Вся мякина въ 1870 году и 1871 г. тотчасъ же была выбрасываема на дворъ, а потомъ уже была направляема посредствомъ вѣялочной трубы въ подземные каналы сушильнаго отдѣленія. Затѣмъ вспомните гг. результаты научной экспертизы: мука горитъ съ трудомъ, мучная пыль горитъ также съ трудомъ; когда она въ спокойномъ состояніи, то она не сообщаетъ горѣнія, а напротивъ того служитъ дурнымъ проводникомъ и во всякомъ случаѣ не способствуетъ горѣнію. Вспышки пыли бываютъ только тогда, когда пыль мучная стоитъ облакомъ, т. е. только тогда, когда мельница бываетъ въ полномъ дѣйствіи. Такимъ образомъ, всѣ гипотезы, которыя могли быть построены на взрывѣ отъ мучной пыли, падаютъ сами собою. Взрывовъ быть не могло, потому что пыль не стояла облакомъ и взрывъ разрушилъ бы зданіе, но ничего бы не зажегъ. Перехожу къ другимъ результатамъ экспертизы, вполнѣ и цѣликомъ en bloc, не отдѣляя мнѣнія г. Лисенкова и не противополагая его мнѣнію чьему бы то ни было, напр. профессора Бутлерова. Я сказалъ, что единственный способъ объяснить естественнымъ образомъ происхожденіе пожара на мельницѣ—это прослѣдить послѣдовательный ходъ огня по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ усмотрѣнъ, отъ самаго начала до конца. Говорятъ, что пожаръ начался внизу у главной дымовой трубы; что пылающій уголекъ, падая изъ чахла трубы внутрь, въ подземный каналъ, зажегъ труху, что труха прогорѣла вся отъ главной трубы до зерносушилки, что горѣніе ея повліяло на воспламененіе вѣялочной трубы; а труба горя, сообщила огонь вѣялочному отдѣленію въ 3-мъ этажѣ. Но этого мало: надо еще доказать, что изъ 3-го этажа вѣялки огонь прошелъ во 2-ой и что онъ же прошелъ и въ подвалъ магазиннаго отдѣленія. Всѣ эти условія непремѣнно должны быть доказаны, если не со сто роны своего правдоподобія, то по крайней мѣрѣ со стороны своей возможности, хотя бы при малѣйшей степени вѣроятности. Вѣроятность каждаго изъ указанныхъ мною

предположеній очень мала, какъ вы слышали изъ судебнаго слѣдствія. Положимъ, что маленькіе кусочки угля, небольшіе потому, что только небольшіе уносятся вверхъ тягою—упадали внизъ, не долетѣвъ до отверстія трубы. Мы знаемъ, что эксперты совали и горячіе угли въ труху и что эти угли все-таки тухли, а труха даже отъ нихъ не тлѣла. Положимъ, что, при благопріятныхъ условіяхъ, которыя не встрѣчались при экспертизѣ, труха отъ какого нибудь уголька могла загорѣться. Нужно предположить при томъ, что былъ непрерывный валъ трухи, начинавшійся отъ этой трубы и шедшій по всѣмъ ея изгибамъ, дѣлая троекратные повороты и проходя подъ отверстіями, которыя находились надъ каналами въ зерносушильнѣ. Весьма трудно предположить, чтобы такой валъ лежалъ непрерывно и нигдѣ не понижался, хотя на половину или четверть дюйма; трудно предположить, чтобы онъ распространялся на всемъ протяженіи. Чѣмъ ближе къ трубѣ, тѣмъ болѣе мелкая лежитъ пыль, чѣмъ ближе къ вѣялкѣ, тѣмъ больше куски трухи. Эксперты брали нѣсколько сортовъ трухи, изъ которыхъ два сорта совсѣмъ не горѣли. Если допустить, что въ вѣялочномъ отверстіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Зоммеръ, какъ онъ говоритъ, по поясъ погружался въ труху, лежала только крупная труха, въ такой огромной кучѣ, то надо допустить, что куски трухи были самые большіе, т. е. соотвѣтствующіе тому сорту трухи, который не горѣлъ, когда его жгли эксперты. Но они не отрицаютъ возможности того, что, если бы опытъ надъ тлѣніемъ трухи былъ произведенъ въ большихъ размѣрахъ, то можетъ быть горѣніе и произошло бы. Эксперты признали, что горѣніе можетъ быть и противъ тяги. Допустимъ, хотя это мало вѣроятно, что зажженная углемъ труха прогорѣла противъ тяги отъ трубы вплоть до вѣялки. Допустимъ, что тлѣніе трухи достигло каналовъ сушилки, въ которыхъ есть отверстіе, заслоненное деревянными заслонками, кромѣ той послѣдней изъ нихъ, которая кон-

чается не заслонкою, а спускающеюся внизъ воронкообразно или конически деревянною трубою, составляющею продолженіе канала зерносушильни, которую изобразилъ здѣсь на бумагѣ Зоммеръ. Если огонь шелъ такимъ образомъ, по этой трубѣ подъ заслонками, которыя были деревянныя, то я не понимаю, какимъ образомъ не загорѣлись эти заслонки. Эти заслонки, а равно входъ въ трубу не могли вовсе загорѣться, по показанію одного изъ экспертовъ, если былъ промежутокъ воздуха между трухою. Другой экспертъ допускалъ возможность дѣйствія теплоты и чрезъ промежутокъ воздуха при горѣніи безъ пламени. Но опять приходится недоумѣвать, почему же это тлѣніе не подѣйствовало на заслонки, а подѣйствовало только на то отверстіе, къ которому примыкаетъ труба. И такъ, если отъ тлѣнія могутъ загораться предметы при притокѣ къ нимъ воздуха совершенно свободномъ, то огнемъ должна бы вспыхнуть прежде всего вся зерносушильня и загорѣться притомъ ранѣе проникновенія огня до этой вѣялочной трубы. Если мы вспомнимъ, что существовала тяга, что она шла по направленію къ трубѣ, что тотъ экспертъ по вентиляціи, г. Флавицкій, который допускаетъ возможность обратной тяги, допускаетъ ее не вообще на цѣломъ протяженіи, а только мѣстами, при общей тягѣ, существующей и неизмѣнной, то при этой мѣстной обратной тягѣ въ трубѣ, если бы загорѣлось даже въ томъ отверстіи, которое сообщается прямо съ вѣялкой, прежде бы огонь долженъ былъ сообщиться заслонкамъ, а черезъ нихъ той массѣ лѣсовъ, тѣмъ ящикамъ, которыми была наполнена сушилка; а между тѣмъ она осталась до послѣдняго времени въ цѣлости. Но допустимъ, что огонь распространился такимъ образомъ и дошелъ до зерносушильни, положимъ, что загорѣлась труха, и что огонь дошелъ до вѣялочнаго отдѣленія. Все таки и въ этомъ случаѣ не объясняется существованіе огня во 2-мъ этажѣ. Какъ могъ огонь спуститься во 2-й этажъ? Я бы могъ легче допустить, что онъ

[redacted]

поднялся въ 4-й этажъ. Но если даже и допустить, что огонь въ 3-мъ этажѣ имѣлъ какую-то невѣдомую связь съ огнемъ во 2-мъ этажѣ, то предстоитъ полнѣйшая невозможность объяснить связь этихъ двухъ огней съ огнемъ въ подвальномъ этажѣ магазиновъ. Огонь этотъ существовалъ особо, этотъ огонь и тѣ два другіе были наблюдаемы особо, они были видны въ одно и то же время, потому что вторая часть, коломенская, прискакала на разстояніи 2—3-хъ минутъ и нашла подвалъ въ полномъ горѣніи. Кромѣ того, нужно указать пути, которыми этотъ огонь, бывшій уже въ вѣялкѣ, соединился съ огнемъ въ подвалѣ. Есть два сообщенія между магазиннымъ отдѣленіемъ и зерносушильней. Одно изъ этихъ сообщеній чрезъ полуразрушенную лѣстницу съ Обводнаго канала и подвальный подъ лѣстницею корридоръ. Лѣстница разрушена, валятся своды, но въ подвальномъ корридорѣ, который только закоптѣлъ, есть полъ, есть въ немъ также 2 двери, на одной двери, бывшей открытою во время пожара, на ея задней сторонѣ осталась еще мучная пыль; направленіе дыма по слѣдамъ копоти показываетъ ходъ этого дыма изъ подвала въ зерносушильню. Такъ какъ пламя не можетъ пробираться, не уничтожая на пути деревянныхъ предметовъ, такъ какъ сушильня была послѣднее мѣсто, которое вспыхнуло, когда всѣ остальныя части мельницы были уже объяты пламенемъ, то на основаніи данныхъ, которыя были замѣчены въ подвальномъ этажѣ, нельзя строить другаго предположенія, какъ то, что сушильня, сначала не горѣвшая, была объята пламенемъ потому, что огонь изъ подвала по корридору подвальнаго этажа проникъ изъ магазиннаго отдѣленія въ зерносушильню. Такимъ образомъ, нельзя себѣ представить такого предположенія, чтобы огонь, проникшій въ сушильню, зашелъ изъ нея въ подвалъ и зажегъ въ подвалѣ магазиновъ рогожи и кулье. Остается разсмотрѣть другой возможный путь этого огня: черезъ каменный помостъ подъ вѣялочною трубою. Въ подвальныхъ эта-

жахъ магазиннаго отдѣленія противъ части стѣны, выходящей на уголокъ двора, обращенный къ сушильнѣ, имѣются 4 окна и однѣ запертыя двери. Всѣ эти 5 отверстій не были замѣчены пожарными, тушившими трубу, хотя они прямо и глядятъ въ трубу, потому что они были совершенно темны. Подъ трубою есть каменный помостъ, въ него спускъ подземный, гдѣ лежали снѣгъ и рогожи, за спускомъ въ подвалѣ чуланчики и склады съ одною единственною отдушиною въ магазинъ. Для цѣли защиты надо допустить, что изъ вѣялочной трубы огонь проникъ въ этотъ подвалъ черезъ проходъ подъ помостомъ и затѣмъ черезъ чуланъ и отдушину. Но Морозовъ удостовѣряетъ, что помѣщеніе подъ помостомъ было заперто. Пожарные, когда подошли къ вѣялочной трубѣ, видѣли снѣгъ на лѣстницѣ, спускающейся подъ помостъ. Кромѣ того оказывается, что брандтмаіоръ Гранфельдъ преспокойно ходилъ по лѣстницѣ мѣшальной и корридору перваго этажа надъ помостомъ и по платформѣ помоста и ничего не замѣчалъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что это предположеніе объ огнѣ, распространившемся этимъ путемъ, немыслимо, что оно несостоятельно, и что слѣдовательно, огонь въ магазинномъ отдѣленіи остается безъ всякаго объясненія.

И такъ, есть три огня. Я утверждаю, что три, а не два. Если бы одинъ изъ этихъ огней даже и былъ объяснимъ дѣйствіемъ трубы, то два другіе совершенно необъяснимы. Но я думаю, что кромѣ общности огней нельзя допустить и происхожденія огня въ вѣялкѣ переходомъ его изъ сушильни въ вѣялку. Есть два обстоятельства, которыя положительно устраняютъ возможность предполагать этотъ огонь сначала въ сушильнѣ отъ трухи, потомъ въ вѣялкѣ, а именно, дымъ и запахъ. Дымъ не наблюдался въ промежутокъ времени отъ пятницы или субботы до пожара, никто его не видѣлъ въ субботу вечеромъ и ночью на воскресенье, пожарные его не видѣли, несмотря на лунную ночь. Если и есть показанія о дымѣ, который будто бы выходилъ

изъ трубы въ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] такія [illegible], которыя весьма подозрительныя. Показанія эти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], которымъ вѣрить [illegible] нельзя. [illegible] [illegible] [illegible] причи-нахъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и то же [illegible]. [illegible] [illegible] ли [illegible], что это такой признакъ, который [illegible] быть [illegible] во всей [illegible]. [illegible] же [illegible] [illegible] [illegible], что на [illegible] [illegible] [illegible] и на [illegible] [illegible], гдѣ нахо-дится [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], на которую [illegible] [illegible] въ 12 часовъ вечера и на которую въ это же время [illegible] [illegible] народъ—всѣ эти пріѣз-жающіе и отъѣзжающіе были лишены чувства обонянія, потому что, въ [illegible] [illegible] одного фунта [illegible] достаточно для того, чтобы выгнать васъ изъ этого по-мѣщенія. Этотъ дымъ наполнилъ бы весь околодокъ, стлался бы до Нарвской части; если бы онъ шелъ изъ подвальнаго отдѣленія, то выходилъ бы совершенно сво-бодно черезъ окна безъ стеколъ сушильни, гулялъ бы совершенно свободно по двору, наполняя воздухъ гарью. Такимъ образомъ, мы имѣемъ фактъ крѣпкій, твердый, неопровержимый: три огня. Но, кромѣ этого факта, есть еще множество другихъ странныхъ, подозрительныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ призадумываться и которыя, въ соединеніи съ фактомъ существованія трехъ отдѣльныхъ огней, приводятъ къ полному убѣжде-нію въ томъ, что пожаръ мельницы былъ слѣдствіемъ поджога. Вспомните показанія свидѣтелей Кузнецова и Козлова; три-четыре-пять взрывовъ въ магазинахъ, какъ будто изъ пушки. Что это такое? Подумали, что это взрывъ газа; послали въ газовое общество. Пріѣхалъ газовщикъ, пріѣхало начальство; газометры оказались въ порядкѣ, газъ не открытъ; по вычисленію газовщи-ковъ, 300 куб. футовъ газа израсходовано отъ 4-го до закрытія работъ на мельницѣ, значитъ взрывы не отъ газа. Въ томъ же помѣщеніи есть остатки бочекъ, ка-кіе то обручи, вообще такія вещи, которымъ не слѣ-

довало храниться въ магазинномъ отдѣленіи. Другая странность: видѣвъ копію съ паровиковъ, вы знаете, что въ подвалѣ подъ швейцарской есть главный водопроводный кранъ отъ городскаго водопровода. Казалось бы, что первая мысль во время пожара должна бы была быть та, чтобы открыть этотъ кранъ. Служащіе на мельницѣ отнѣкиваются, говорятъ: хотѣли открыть, но не рѣшились, потому что едвали бы трубы дѣйствовали вслѣдствіе того, что часть ихъ была расплавлена. Приходитъ водопроводчикъ Березовскій въ 8 часовъ, находитъ воду; на полу въ кочегарнѣ течетъ вода. Допустимъ, что главный кранъ водопровода открытъ безъ злаго умысла кѣмъ нибудь изъ постороннихъ, который остался не допрошеннымъ;—но зачѣмъ же этой водѣ быть въ котлахъ паровиковъ? Вода въ котлы могла пойти только черезъ питательные снаряды; нужно открыть клапаны, сообщающіе эти питательные снаряды съ водопроводными трубами. Слѣдовательно, была чья то рука, которая направила эту воду въ котлы послѣ того, какъ вода, по увѣренію всѣхъ служащихъ, была выпущена оттуда наканунѣ пожара, по приказанію Левтѣева, и только въ 7 часовъ вечера, въ воскресенье, слѣдовательно, послѣ пожара, Левтѣевъ приказалъ Кильпіо выпустить эту воду изъ котловъ. Впускъ воды въ котлы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; она была не нужна тамъ при бездѣйствіи мельницы. Если бы огонь распространился по кочегарнѣ, то котлы взорвало бы, а всю кочегарню разнесло бы.

Въ довершеніе всего есть еще обстоятельство не только подозрительное, а прямо наводящее на мысль о поджогѣ. Это выпускъ воды изъ трубъ, какъ водопроводныхъ и пожарныхъ, такъ и изъ бака по прямому приказанію Левтѣева. Было двѣ машины: маленькая донка и большая машина, работающая въ 200 или въ 250 силъ. Можно было остановить большую машину, но не зачѣмъ было снимать золотники. Зачѣмъ было класть это въ кладовую? Незачѣмъ, какъ говорили объ этомъ механики. Золотники

могли остаться, но если были сняты, были сложены въ кладовую, то этимъ самымъ была преграждена всякая возможность приведенія большой машины въ дѣйствіе. Остается донка. Она можетъ быть очень полезна, если ее привести въ дѣйствіе, придется только предварительно налить воду въ паровики. Посредствомъ донки можно отапливать квартиры и бакъ, потому что дровъ на нее идетъ всего $1^1/_2$ сажени, т. е. чрезвычайно малое количество, между тѣмъ, масса топлива была запасена на дворѣ. Посредствомъ донки можно было отапливать квартиры служащихъ, можно было, не отапливая квартиръ, подогрѣвать одинъ только бакъ, спуская воду вмѣстѣ съ паромъ и препятствуя замерзанію воды въ резервуарѣ. Бакъ былъ большой, онъ былъ устроенъ такъ, что разсчитывали, что онъ будетъ отапливаться снизу. Его отапливали такимъ образомъ въ 1874 году послѣ остановки работъ. Бакъ былъ необходимъ; между тѣмъ, изъ бака и трубъ была выпущена вода. Это распоряженіе дѣлается въ высшей степени знаменательнымъ, если его связать съ пожаромъ 7 дек. 1874 г. Если кому нибудь, то именно Левтѣеву было непозволительно выпускать воду изъ бака, такъ какъ онъ убѣдился, какъ полезенъ былъ этотъ бакъ въ данномъ случаѣ. 7 декабря обстоятельства пожара были почти одинаковы, какъ и въ настоящемъ случаѣ. Огонь появился ночью во 2-мъ или 3-мъ часу, также какъ и теперь въ вѣялкѣ, такъ же какъ и теперь выбѣжалъ швейцаръ Семеновъ, по его крику сбѣжались люди и потушили пожаръ только потому, что была подъ рукой вода изъ бака. Убытка принесено всего на 25 р. и зданіе спасено благодаря водѣ, которая была въ бакѣ. На отопленіе бака идетъ одна сажень въ день, слѣдовательно потребно всего какихъ нибудь 5 р. въ день для того, чтобы быть обезпеченнымъ отъ пожара. Всѣ эти приведенныя мною обстоятельства совершенно схожи съ тѣмъ, какъ если бы мы гдѣ нибудь на листѣ бумаги увидѣли черточки и замѣтили, что изъ черточекъ склады-

ваются буквы, изъ буквъ цѣлое слово. Стали бы мы предполагать, что это слово начерчено ребенкомъ, который не умѣетъ читать и писать. Нѣтъ, оно написано кѣмъ нибудь знающимъ грамоту, а то, что написано на этомъ листѣ, я вамъ передаю—слово было: поджогъ.

Если имѣлъ мѣсто поджогъ, то кѣмъ онъ совершенъ? Конечно, не постороннимъ человѣкомъ; потому что мельница заперта какъ крѣпость со всѣхъ сторонъ, двери швейцарской заперты на ключъ, калитки съ Измайловскаго и Об-воднаго также заперты, у дверей есть швейцаръ, который видитъ всѣхъ, кто входитъ и кто выходитъ. И такъ, поджогъ не могъ быть совершенъ внѣшнимъ человѣкомъ, постороннимъ, но непремѣнно совершенъ кѣмъ нибудь изъ своихъ. Если постороннему невозможно, то человѣку, живущему на мельницѣ, вполнѣ возможно самыми разнообразными способами и путями свободно прохаживаться по этому зданію по всѣмъ направленіямъ, какъ показывали прикащики Овсянникова, пройти до магазиннаго отдѣленія подваломъ, подняться на чердакъ и отъ лѣстницы съ Обводнаго пройти до квартиры служащихъ; можно было, не имѣя отмычекъ, спуститься съ лѣстницы Обводнаго канала черезъ открытыя двери въ магазинное отдѣленіе; во 2-мъ и 3-мъ этажахъ можно было подваломъ магазиновъ черезъ подземельный коридоръ пройти въ зерносушильню; можно было изъ зерносушильни пройти до того отверстія, гдѣ въ сушилку спускалась вѣялочная труба; можно было стоять на дворѣ, просунуть руку въ отверстіе или окошки вѣялочной трубы и бросить туда огонь; можно было войти на дворъ чрезъ поддувало. И такъ кто могъ совершить поджогъ? По всей вѣроятности, онъ совершенъ кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ людей, по всей вѣроятности Рудометовымъ. Онъ былъ одинъ на этомъ дворѣ въ теченіи весьма продолжительнаго времени; онъ караулилъ мельницу со двора всю ночь. Можетъ быть поджогъ совершилъ кто нибудь и другой, но во всякомъ случаѣ Левтѣевъ не могъ въ немъ не участ-

вовать, потому что въ дѣлѣ видна его рука. По его распоряженію выпущена изъ трубъ вода; онъ одинъ командуетъ на мельницѣ. Но кто онъ такой, Левтѣевъ? Онъ только двойникъ другаго человѣка; онъ совсѣмъ исчезаетъ въ сіяніи другаго большаго свѣтила. А это свѣтило и есть то лицо, которое я обвиняю въ поджогѣ. То, что совершилъ Овсянниковъ, можетъ быть объяснено только особенностями его положенія: отношеніемъ, вытекающимъ изъ того долгосрочнаго контракта, которымъ онъ такъ долго занимался. Этотъ контрактъ и долженъ составлять второй предметъ нашего изслѣдованія. Зайдемъ же въ военное министерство, не обыкновеннымъ можетъ быть путемъ, и изучимъ, что заключалъ въ себѣ этотъ замѣчательный контрактъ.

Весь экономическій міръ подлежитъ закону мѣны. Изъ особыхъ видовъ главный, самый важный — торговля, мѣна товаровъ на деньги и денегъ на товаръ, видъ дѣятельности всегда преисполненный обмановъ и злоупотребленій, потому что всякій наровитъ получить побольше лучшихъ товаровъ за свои небольшія деньги и сбыть свои товары наиболѣе хорошею цѣною. Изъ всѣхъ видовъ мѣны нѣтъ ни одного, который бы былъ такъ выгоденъ и рискованъ какъ тотъ, въ которомъ контрагентами являются съ одной стороны казна, государство, а съ другой частныя лица. Дѣло это исполнено риска, потому что и казна сбиваетъ цѣны; есть между подрядчиками конкурренція, каждый старается обогнать другихъ, многіе вслѣдствіе того дѣлаются несостоятельными; съ другой стороны съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять. Зло чрезвычайно глубоко и коренится въ исторіи. Неподатливый подрядчикъ легко можетъ обанкрутиться. Но человѣкъ привычный и знающій какъ дѣло дѣлать наладитъ его тотчасъ и оно пойдетъ какъ по маслу; устроиться ему тѣмъ легче, чѣмъ дѣло срочнѣе и чѣмъ продолжительнѣе договоръ съ казною. При этихъ условіяхъ устанавливается

обыкновенно извѣстная средняя недобросовѣстность. Чиновники дорожатъ своими мѣстами и допускаютъ только товаръ не совсѣмъ еще негодный, подрядчикъ тоже старается, чтобы товаръ не былъ совсѣмъ плохъ. Это зло, эти недостатки, эта невозможность противодѣйствовать поставкамъ подмоченной затхлой муки низоваго помола были извѣстны военному министерству. Зная о существованіи зла, казенное вѣдомство едва ли соберется само выработать новую систему по своему собственному почину. Обыкновенно являются частные прожектеры съ готовой идеей, которые прожектируютъ свой проектъ, проводятъ его всюду, пропагандируютъ, наконецъ добиваются того, что идея признается раціональною, превращается въ фактъ, дѣлается системою и господствуетъ надъ будущимъ, но будетъ въ свою очередь отмѣнена. Такимъ фактомъ и такою системою былъ долгосрочный подрядъ поставки для войскъ въ районѣ С.-Петербурга расположенныхъ, заключенный на девять лѣтъ, съ 1867 по 1876 годъ, и прочитанный цѣликомъ въ судебномъ засѣданіи. Контрактъ состоялъ изъ двухъ совершенно разныхъ частей: мельницы и подряда. Когда проектированъ контрактъ, конечно предполагалось со стороны казны, что и по одной и по другой статьѣ контрагентъ казны будетъ имѣть умѣренный барышъ, безъ надежды на который конечно никто бы не согласился вступить съ казною въ договоръ. Но на дѣлѣ вышло, что контрактъ устроенъ такъ, что при несовсѣмъ удачномъ ходѣ операцій онъ непремѣнно долженъ заключиться либо раззореніемъ подрядчика, либо финаломъ въ родѣ того, который имѣлъ мѣсто, т. е. финаломъ съ истребленіемъ мельницы. На дѣлѣ вышло, что мельница убыточна, одна поставка выгодна, что нужно натягивать подрядъ, чтобы прорѣху мельницы покрыть избыткомъ отъ подряда, что мало-мальски пошатнувшійся на контрактѣ человѣкъ долженъ либо пропасть, либо придти къ намѣренію освободиться отъ мельницы во что бы то ни стало. Возьмемъ сперва мельницу. Она паровая,

устроена превосходно и стоила вѣроятно не менѣе 900,000 рублей. Я не полагаю, чтобы она была абсолютно убыточнымъ предпріятіемъ; все зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыя поставлено на ней производство. Допустимъ, что эта мельница, которая молола при Фейгинѣ и Овсянниковѣ 1000 четвертей въ день, можетъ молоть до 1500 четвертей въ 12 часовъ. Предположимъ, что она дѣйствуетъ не 6 мѣсяцевъ, а идетъ круглый годъ; представимъ себѣ, что совершенно возможно, что на ней работаютъ двѣ смѣны рабочихъ, дневныя и ночныя, что она работаетъ цѣлыхъ 24 часа, промалывая въ 300 дней до 900 т. четвертей, раздѣлимъ на это число проценты капитала постройки 900 тыс. руб., окажется, что каждая перемалываемая четверть несетъ малую долю какъ этихъ процентовъ отъ капитала, такъ и издержекъ администраціи мельницы. Если рынокъ сбыта муки обширенъ, если мука будетъ поставляться не только для войскъ, но и для народонаселенія столицы, притомъ для послѣдняго больше чѣмъ для первыхъ, то предпріятіе будетъ полезное и выгодное и для частныхъ лицъ, и для казны. Казна можетъ быть однимъ изъ весьма важныхъ заказчиковъ помола для владѣльца мельницы, но мельница будетъ существовать не однимъ помоломъ казеннаго хлѣба. Однако если допустить, что мельница существуетъ единственно и исключительно только для подряда, то она непремѣнно должна сообразоваться со средствами подряда. Весь подрядъ простирается въ годъ maximum на 250 т. четвертей, но наряды давались меньшіе: въ 1873 году 170 т., въ 1874 всего 150 т. четвертей. Если бы даже взять круглымъ числомъ 200 т. четвертей, оплачиваемыхъ по 40 коп. за помолъ, то всего на всего прибыли отъ помола получится только 80 т. р. Если предположить, что на мельницѣ перемалываются только эти 200 т. четв. казеннаго хлѣба и нѣтъ никакихъ другихъ частныхъ работъ, то 80 т. р. вотъ и весь барышъ отъ предпріятія. Но давая столь мало, предпріятіе тре-

бовало большихъ расходовъ. Прежде всего нужно отсчитать проценты отъ капитала постройки, т. е. съ 900 т. считая по 6%—54 т. р. въ годъ. Допустимъ, что мельница перешла въ другія руки, что новый владѣлецъ купилъ ее дешевле, чѣмъ она стоила при постройкѣ, напр. за 700 т. р., то и тогда 6 проц., составляли бы на капиталъ 42 т. р. въ годъ. А содержаніе мельницы? Оно еще дороже. Фейгину она обходилась въ 120 т. руб. Фейгина упрекали въ томъ, что онъ держалъ слишкомъ много людей на мельницѣ съ слишкомъ высокими окладами содержанія—до 5, 6 и даже до 12 т. р. Я согласенъ, что расходъ на жалованье служащимъ можно бы поубавить, можно бы сдѣлать экономію на 10, 20 тысячъ, сократить такимъ образомъ расходы до 100 т. руб. Но я не понимаю той экономіи, которую велъ Овсянниковъ. Это уже не экономія, а раззореніе, это—хозяйничанье баши-бузуковъ, послѣ котораго остаются кучи мусора и мельница обращается въ груду развалинъ, какъ послѣ нашествія непріятеля. Устранены кранщики, разсчитанъ сторожъ, нѣтъ человѣка получающаго больше 150 руб. въ мѣсяцъ. Отпущены мельникъ, механикъ и другіе главные люди на мельницѣ—не болѣе того. Замѣтимъ, что жалованье Левтѣеву не входило въ расчетъ издержекъ по мельницѣ. Во главѣ дѣлъ стоятъ мелкіе приказчики. Ремонта никакого. Рѣжутся газовыя трубы. На потребности производства идутъ доски съ пола, запасъ машиннаго дерева расходуется безъ толку на мелкія нужды ежедневнаго обихода. Такъ хозяйничать нельзя, это не хозяйство, а безобразіе. Но даже и при такомъ безобразіи мельница обходилась Овсянникову въ 1873 г. въ 65 т. р., въ 1874 въ 84 т. р.,—расходы высокіе если принять въ соображеніе, что не могъ Овсянниковъ надѣяться владѣть мельницей долгое время почти задаромъ за шуточную цѣну въ 1000 р. Онъ владѣлъ мельницей дешево по контракту, но контрактъ кончался въ 1876 году, послѣ чего ему предстояло либо мельницу купить, либо

арендовать ее подороже. Если принять все сказанное въ соображеніе, то я нисколько не преувеличу, если скажу, что одна четверть муки дѣйствительно обходилась бы въ перемолѣ болѣе нежели въ рубль серебромъ. Если для казны столь важно качество муки и хорошій перемолъ, то отчего ей не платить и по рублю за перемолъ одной четверти, если есть у нея па то свободныя средства. Такова одна сторона медали, посмотримъ на другую, т. е. на подрядъ.

Мельница, какъ очень правильно выразился гражданскій истецъ, г. Кокоревъ, имѣла преимущественное свойство «притягивать подрядъ», она была тотъ магнитъ, къ которому подрядъ притягивался самъ собою. Подрядъ отдѣльно взятый, какъ будто бы опять не очень заманчивый, такъ что невольно спросишь, изъ-за чего тутъ биться людямъ, перебивать дѣло другъ у друга, строить подкопы. Цѣна поставляемыхъ продуктовъ состояла изъ двухъ частей: одной части немѣняющейся, другой мѣняющейся. Немѣняющаяся часть это 2 р. 65 к. за привозъ продуктовъ въ С.-Петербургъ, храненіе, перемолъ и отвозку въ магазины. Мѣняющаяся часть опредѣляется подрядною цѣною, составлявшеюся по подрядамъ для войскъ въ казанской губерніи. Какая цѣна условлена въ казанской губерніи за поставку хлѣба для войскъ, такая и для Петербурга, но еще со скидкою 10 проц. Я не думаю, чтобы казанская губернія отличалась какими нибудь крупными особенностями по хлѣбной торговлѣ и чтобы тамъ подрядчикъ находился въ особенно выгодныхъ и льготныхъ условіяхъ. И тамъ есть конкурренція, и тамъ торгуются, и тамъ есть контрагенты, которые въ виду значительной поставки стараются предлагать умѣренныя цѣны, потому что чѣмъ значительнѣе по цифрѣ своей предпріятіе, тѣмъ легче довольствоваться меньшею прибылью на четверть. И изъ этой цѣны скидывается еще 10 проц. Такимъ образовъ, контрактъ представляется далеко неблистательнымъ. Но если поставка хлѣба рожью пойдетъ нехорошо, то есть въ

контрактѣ статья, которая вводила поставщика въ искушеніе, статья 4-я, которая гласитъ: а буде мельница сгоритъ, то все количество хлѣба поставляется мукой, тою мукою, ради недопущенія которой была задумана мельница, и подрядчикъ долженъ принять мѣры къ тому, чтобы въ свое время мука была поставлена. Эта мука, по сознанію самого Овсянникова въ бумагѣ отъ 17-го февраля 1875 г. интендантству, не могла имѣть тѣхъ хорошихъ качествъ, какими отличалась мука, перемолотая на паровой Измайловской мельницѣ; она не такъ свѣжа, скорѣе черствѣетъ и не даетъ такого припека.

Отъ мельницы перейдемъ къ ея прожектеру и строителю. Я полагаю, что г. Фейгинъ много времени и стараній потратилъ, чтобы пустить въ ходъ дѣло подряда по задуманной имъ идеѣ. Я бы не хотѣлъ сказать что либо для него непріятное, но я, кажется, вправѣ заявить, что приступая къ дѣлу, онъ не имѣлъ ни достаточно изворотливости, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія предпріятія. Притомъ онъ былъ слишкомъ большой баринъ, пренебрегающій мелочами и взваливающій все на своихъ служащихъ, получающихъ слишкомъ высокіе оклады. Онъ не держалъ крѣпко въ рукахъ ни одной изъ двухъ статей предпріятія и по недостатку средствъ попалъ скоро въ зависимость и отъ лицъ, которыя давали ему деньги на мельницу, и отъ лицъ, которыя давали ему деньги на подрядъ. Онъ былъ какъ маятникъ, качающійся между двумя столбами. Прежде всего ему предстояло заняться подрядомъ, потомъ строить мельницу. По подряду казна требуетъ залоговъ. Въ числѣ самыхъ крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ одинъ изъ первыхъ, г. Овсянниковъ, примыкаетъ тотчасъ же къ подряду сбоку, косвенно, какъ залогодатель. Онъ даетъ Фейгину пользоваться, какъ залогами, своими домами на 500,000 рублей, а затѣмъ когда дѣла Фейгина разстраиваются, то онъ даетъ ему еще хлѣбныхъ товаровъ на 200,000 руб. Домами, представленными въ залогъ Фейгинымъ, Овсянниковъ пользуется и получаетъ

доходы, сверхъ того, онъ беретъ за нихъ съ Фейгина 10 проц., по 50,000 руб. въ годъ. Этотъ одинъ фактъ— 10 проц. на залоги, достаточенъ, чтобъ доказать, въ какой финансовой агоніи находился Фейгинъ; въ такія условія о залогахъ входятъ только люди, которымъ приходится весьма жутко. Какъ объяснить, что осторожнѣйшій человѣкъ, г. Овсянниковъ даетъ въ залогъ свои дома, подвергая ихъ риску? Нѣтъ, никакому риску онъ ихъ не подвергаетъ, онъ вполнѣ обезпеченъ статьею 1967 ч. 1 X тома, содержаніе которой повторено и въ сводѣ военныхъ постановленій—и которая гласитъ, что если подрядчикъ окажется неисправнымъ, то залогодатели могутъ взять подрядъ на себя и продолжать его. Слѣдовательно, залоги Овсянникова приносили ему не только 50,000 р. доходу, но вмѣстѣ съ тѣмъ были ключемъ ко входу въ подрядъ. Г. Овсянниковъ, имѣя эту заручку, только и ждалъ, когда придетъ къ нему г. Фейгинъ. Но вскорѣ обстоятельства такъ измѣнились, что не къ нему долженъ былъ придти г. Фейгинъ, а самъ Овсянниковъ, поступилъ какъ Магометъ, къ которому когда гора не шла то онъ пришелъ къ горѣ—онъ долженъ былъ поклониться гг. Фейгину и Кокореву, а сдѣлалось это по случаю событій, касающихся уже не подряда, а мельницы, къ которой я и перейду.

Мельница выстроена сначала только за 200,000 руб. Деньги какъ на мельницу, такъ и на подрядъ взяты главнымъ образомъ изъ волжско-камскаго банка, который давалъ г. Фейгину такой кредитъ, какого онъ не давалъ, по сознанію управляющаго банкомъ, кажется почти никому: до 1.100,000 было одновременно въ долгу за г. Фейгинымъ подъ его векселя. Этотъ долгъ не обезпечивался ничѣмъ. У г. Фейгина ничего и не было, кромѣ мельницы. Построилъ онъ ее на казенной землѣ, за которую заплатилъ казнѣ 18,000 руб. Съ него взята еще министерствомъ въ 1868 году особая подписка о томъ, что въ двухъ случаяхъ: а) своей неисправности до срока контракта, или б) истеченія срока контракта,

Фейгинъ обязанъ продать казнѣ эту самую мельницу по цѣнѣ средней между городской оцѣнкой и оцѣнкой, которую сдѣлаютъ военные инженеры. При томъ мельница была уже заложена Голенищеву-Кутузову въ суммѣ 300,000 руб. Г. Кокоревъ, который былъ посредникомъ между г. Фейгинымъ и банкомъ при займахъ, былъ конечно озабоченъ, какъ бы выручить хотя часть той суммы, которую былъ долженъ банку Фейгинъ. Въ мартѣ 1872 года опротестованы банкомъ векселя г. Фейгина на 400,000 руб. Въ виду этихъ обстоятельствъ, г. Кокоревъ выкупилъ мельницу изъ подъ залога у г. Голенищева-Кутузова и взялъ на себя уплату за Фейгина банку 400,000 руб., а самъ получилъ отъ Фейгина закладную на мельницу въ 700,000 руб. Мельница такимъ образомъ обезпечивала Кокорева, но только отчасти. До нея дотронуться нельзя было такъ скоро: она устроена для казеннаго подряда. Притомъ по закону всѣ получки неисправнаго подрядчика изъ казны идутъ сначала на подрядъ и только остатокъ получаютъ кредиторы. Получить мельницу съ публичныхъ торговъ человѣку, не занимающемуся хлѣбнымъ дѣломъ трудно и неудобно, это дѣло не было невозможно ни банку, ни Кокореву. Въ эту трудную минуту является соискатель въ лицѣ г. Овсяникова и самъ напрашивается на сдѣлку. Начинаются переговоры, которые кончаются условіемъ, устраивающимъ, повидимому, всѣ стороны. Въ то время, въ моментъ заключенія договора, долгъ г. Фейгина банку уже уменьшился, вслѣдствіе уплаты по нѣкоторымъ векселямъ, до 580,000 руб. Кромѣ того, былъ долгъ въ 700,000 руб. по закладной на мельницу. Цѣна подряда на 4 остающіеся года опредѣлена въ 1.600,000 руб., въ томъ числѣ и мельница. Г. Овсянниковъ обѣщается взять мельницу за 700,000 руб., и до покупки ея платить 6% Кокореву. Но совершить эту передачу оказалось неудобнымъ тотчасъ; г. Фейгинъ еще держался за мельницу и имѣлъ какія-то фантастическія надежды на то, что онъ устроитъ спекуляцію,

создастъ акціонерное общество, которому спуститъ мельницу за хорошую цѣну, удовлетворитъ залогодержателя и самъ получитъ что нибудь. Можно было, конечно, освободить мельницу отъ залога Кокореву уплатою ему 700,000 руб. и совершить новую закладную въ той же суммѣ г. Овсяникову. Но подобная комбинація разстроилась, какъ и множество другихъ великолѣпныхъ плановъ, ей подобныхъ, вслѣдствіе того, что контрагенты не захотѣли платить крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ нотаріусу, ждали, что можетъ быть дѣло упростится. Условіе о мельницѣ такъ и осталось на словахъ, незакрѣпленное письменно. Что касается до остальныхъ до суммы 900,000 руб., то Овсянниковъ засчиталъ 182,000 руб. въ удовлетвореніе себя за хлѣбные товары, поставленные Фейгину, а остальныя деньги 718,000 р. уплатилъ своими векселями на 9 мѣсяцевъ, что съ процентами составитъ 755,000 руб. Изъ этихъ 755,000 руб. 580,000 руб. пошли на погашеніе долга Фейгина волжско-камскому банку, а около 145,000 руб. идутъ на удовлетвореніе другихъ кредиторовъ Фейгина, которые до насъ не касаются. Такимъ образомъ, волжско-камскій банкъ получилъ свое. Не получилъ своего только г. Кокоревъ, который, вмѣстѣ съ г. Овсяниковымъ и Фейгинымъ, поневолѣ засѣлъ въ этотъ подрядъ, до сихъ поръ принадлежавшій одному Фейгину. Я говорю поневолѣ, потому что казна не согласилась дать подрядъ одному Овсянникову, а потребовала еще компаніона, и потому, что Фейгинъ не захотѣлъ отказаться отъ своихъ надеждъ на осуществленіе фантастическаго акціонернаго предпріятія. Но надежды Фейгина вскорѣ разсѣялись. Фейгинъ, хотя и добился утвержденія устава общества, но общество ни единой минуты не просуществовало; оно осталось только на бумагѣ, хотя и нашлись-было лица, давшія свои имена для фигурированія въ качествѣ учредителей, напримѣръ, баронъ Фитингофъ и другіе. Капитала не было, средствъ не хватило пустить дѣло въ ходъ. Ему не было никакого разсчета платить

проценты Кокореву по закладной. Передача дѣла Фейгина совершилась такимъ образомъ, что и мельницу онъ сдалъ гг. Овсянникову и Кокореву по арендному контракту и подрядъ сдалъ Овсянникову и Кокореву по прошенію, подписанному втроемъ и поданному въ военное министерство. На это прошеніе послѣдовало разрѣшеніе главнаго интендантства; отъ вступающихъ вмѣсто Фейгина отобрана подписка; имъ дана инструкція. Передача мельницы по арендному контракту совмѣстно двумъ лицамъ, Овсянникову и Кокореву, совершилась такимъ образомъ, что цѣна аренды для виду назначена самая малая, можно сказать, шуточная, всего 1,000 р. въ годъ, и эти деньги вовсе не получались Фейгинымъ, однимъ словомъ, аренда была почти даромъ. По арендному контракту, какъ Кокоревъ, такъ и Овсянниковъ нераздѣльно обязались передъ Фейгинымъ страховать мельницу; это единственная бумага, въ которой упоминается что-либо объ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ передачи контракта и объ обязанности страхованія. У Кокорева вовсе не было ни надобности, ни желанія возиться съ подрядомъ, равно не было желанія держать за собою мельницу; онъ былъ бы радъ и готовъ сбыть ее каждую минуту. Но какъ отъ него требовали, чтобы онъ значился въ этомъ подрядѣ, то, для огражденія себя, онъ заключаетъ съ Овсянниковымъ два особые договоры 20 мая 1872 года. По одному изъ нихъ, Овсянниковъ обязуется отвѣтствовать по подряду одинъ и получать всѣ прибыли отъ подряда тоже одинъ. Такимъ образомъ, фактически Кокоревъ отъ подряда отвязался. По второму условію, Овсянниковъ обезпечилъ Кокорева на случай возможной продажи мельницы за долгъ Фейгина по закладной и обязался, въ случаѣ, если подобная продажа состоится, то кому бы мельница ни досталась, уплатить Кокореву разницу между цѣною мельницы и суммою долга по закладной, то есть 700,000 руб., съ тѣмъ, однако, что эта доплата не должна никоимъ образомъ превышать 400,000 рублей. Въ этихъ догово-

рахъ ничего не говорилось о страхованіи; оно было совсѣмъ упущено изъ виду и не перенесено какъ обязанность на Овсянникова предъ Кокоревымъ. Сдѣлавшись единственнымъ распорядителемъ по контракту, Овсянниковъ понималъ, что подрядъ обошелся ему не дешевою цѣною, а что заплатилъ онъ вступнаго 750,000 рублей, изъ коихъ 718,000 — коренная капитальная сумма, а остальное имѣющіе наросты проценты. Значитъ, во всякомъ случаѣ, за подрядъ заплочено все ровно, что чистоганомъ около 720,000 руб. и не за весь срокъ подряда, а только за 4 года. Если разложить эти 720,000 руб. на 4 года, то окажется, что каждый годъ придется платить 180,000 руб.—обязанность страшно убыточная. Кромѣ того, нужно купить мельницу за 700,000 руб. съ процентами. Это послѣднее обстоятельство показалось Овсянникову чѣмъ то тяжелымъ, и потому онъ слова своего не исполнилъ. Онъ сознался въ этомъ на судѣ, онъ не опровергъ заявленія Кокорева. Но мало того, что Овсянниковъ не заплатилъ Кокореву за мельницу — онъ употребилъ еще, чтобы избавиться отъ платежа, то, что обыкновенно называютъ подвохомъ. Мельница дѣйствительно назначена была въ продажу и то со вторыхъ торговъ. Для продажи назначено очень раннее время—10 часовъ утра. Имѣлась въ виду привычка Кокорева, надежда на то, что онъ по обыкновенію опоздаетъ; явилось на торги 5 или 7 конкуррентовъ, въ томъ числѣ и Овсянниковъ съ Левтѣевымъ. Овсянникову какъ будто бы и неприлично было торговаться, онъ и былъ то самое лицо, которое обѣщалось Кокореву взять мельницу за 700,000 руб. и уплатить ему по крайней мѣрѣ разницу въ 400,000 р. Между тѣмъ, онъ, Овсянниковъ, является главнымъ соискателемъ; остальные предлагаютъ за мельницу 50,000 руб., 60,000 руб., Овсянниковъ съ Левтѣевымъ повышаютъ цѣну до 100,000 р. и въ 108,000 руб. мельница записана за Овсянниковымъ. Я имѣю основаніе предполагать, что это не былъ настоящій торгъ, что не было серьезно торгую-

щихся. Посему я и не утверждаю, чтобы мельница обошлась въ дѣйствительности въ 108,000 р.; можетъ быть Овсянниковъ приплатилъ еще тѣмъ или другимъ изъ покупщиковъ, платя имъ отступныя. Во всякомъ случаѣ, досталась она ему очень дешево. Поступокъ Овсянникова невозможно признать честнымъ по отношеніи къ Кокореву, такъ какъ Овсянниковъ былъ связанъ словомъ, которое онъ нарушилъ. Кокорева объѣхали; онъ мирится съ своимъ положеніемъ. Самъ виноватъ: оплошалъ, опоздалъ; дано за мельницу менѣе 200,000 руб., по крайней мѣрѣ на 400,000 руб. онъ вправѣ надѣяться, они ему слѣдуютъ по письменному условію; 400,000 р. вмѣстѣ съ уплоченными за мельницу 108,000 руб. составляютъ 508,000 руб. Кокоревъ будетъ наказанъ за свою оплошность только 192 тысячами. Кокоревъ обращается къ Овсянникову и говоритъ: заплатите мнѣ деньги по условію. «Грѣхъ пополамъ», отвѣчаетъ Овсянниковъ, возьмите 200,000 р., что и составитъ съ продажною цѣною 308,000 руб. вмѣсто 700,000! Предложеніе было слишкомъ тяжелое для Кокорева. Два подрядчика, недовольные другъ другомъ, разошлись и пошли каждый своею дорогою. И тотъ и другой не любятъ начинать процессы, неохотники ихъ вести. Кокоревъ совсѣмъ не юристъ, но тѣмъ не менѣе, по необходимости своего положенія, онъ обратился къ знатокамъ дѣлъ гражданскихъ, спеціалистамъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что хотя гражданскіе наши законы весьма неопредѣленны и неясны, но въ подмогу правому дѣлу въ нихъ всегда найдется подходящая статья, которая, бывъ примѣнена по совѣсти, поможетъ. Такая статья отыскалась. Наши судебные уставы не опредѣляютъ точно послѣдствій вторыхъ торговъ для залогодержателя. 1187 статья гласитъ, что въ случаѣ если не состоятся торги, не различая какіе: первые или вторые, то слѣдуетъ поступить по 1068 ст., а въ сей послѣдней статьѣ, между прочимъ, въ пунктѣ 4 оговорено, что залогодержатель можетъ оставить имущество за

собою. При неясности закона вслѣдствіе существованія этого пробѣла судъ можетъ прибѣгать ко II части X т. св. зак., гдѣ вопросъ этотъ разрѣшается въ пользу залогодержателя. Руководствуясь этими соображеніями окружный судъ, а потомъ судебная палата признали за Кокоревымъ право взять на себя мельницу, превратить ее въ собственность. Двѣ судебныя инстанціи высказались въ пользу Кокорева. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы послѣдовала кассація: весьма малъ процентъ рѣшеній отмѣняемыхъ сенатомъ. Конечно, вопросъ продолжаетъ быть спорнымъ, т. е. такимъ, по которому и за и противъ можно подвести почти одинаковое число доводовъ, а нельзя даже опредѣлить на чьей сторонѣ преобладаютъ шансы на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, пройдетъ годъ, полтора, пока послѣдуетъ сенатское рѣшеніе, послѣ чего необходимо еще новое производство въ палатѣ, а между тѣмъ уже на первыхъ порахъ мельница ускользнула изъ рукъ Овсянникова и сдѣлалась собственностью Кокорева. Всякій неловкій поступокъ—поступокъ Овсянникова болѣе нежели неловкій—влечетъ за собою свои послѣдствія — вредъ для поступившаго неправильно. Тѣ отношенія, которыя существовали между Кокоревымъ и Овсянниковымъ, отношенія, основанныя на довѣріи, испортились, сдѣлались неискренними, по выраженію г. Савича. Соподрядчики, нельзя сказать, чтобы пересорились, переругались; нѣтъ, они продолжали видѣться другъ съ другомъ, какъ видятся вообще въ нашемъ обществѣ люди, которые не дерутся изъ за того, что одинъ сдѣлалъ другому пакость. Но отношенія эти настолько разстроились, что Кокоревъ не захотѣлъ уже имѣть никакого серьезнаго дѣла съ Овсянниковымъ. Таковъ былъ результатъ связи соподрядчиковъ въ концѣ 1874 года. Оставимъ ихъ и перейдемъ на минуту отъ этихъ натянутыхъ отношеній, весьма непріятныхъ, къ операціямъ Овсянникова по его подряду. Онѣ начались въ 1872 году. Вы знаете, что Фейгинъ передалъ подрядъ на ходу, т. е. со всѣми

получками отъ правительства и со всѣмъ заготовленнымъ хлѣбомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми обязательствами платить за хлѣбъ и доставку. Разница была 833,000 руб. изъ 870 тыс. руб., итого 37,000 руб. въ пользу Овсянникова. Говорятъ, что онъ получилъ кромѣ того запасовъ, кулей, барокъ на 100,000 руб. Сомнѣваюсь, такъ какъ эти запасы не значатся по книгамъ Овсянникова. Во всякомъ случаѣ, этотъ убытокъ не очень большой; я его допускаю въ суммѣ 100 и 150,000 руб. Перехожу къ 1873 и 1874 годамъ. Въ 1873 году операція пошла уже въ большихъ размѣрахъ. Цѣны еще не стояли тогда высокія; это тотъ годъ, когда Овсянниковымъ производилась усиленная продажа хлѣба съ унжаковъ и барокъ. Это тотъ годъ, когда Рудометовъ былъ кореннымъ на баркѣ съ закрашенными клеймами казенными и былъ допрашиваемъ г. Висконти, когда до генерала Скворцова доходили слухи о злоупотребленіяхъ на Невѣ, которымъ былъ положенъ конецъ и были введены болѣе строгія правила надзора и контроля за доставкою хлѣба въ магазины. Въ 1874 году операція хотя по числу четвертей была меньше, всего въ 150,000, но за то куль муки обходился въ 8 руб. 31 к. Къ этому году преимущественно относятся тѣ большія замѣны ржи мукою, которые удостовѣрены экспертизою и на которые я ссылаюсь какъ на факты, принятые безъ опроверженія защитою. Оказалось, что книги Овсянникова содержатъ совершенно противное счетамъ интендантства. Счеты интендантства сами по себѣ совершенно правильны, но они вѣрнѣе лишь настолько, насколько были вѣрны свѣдѣнія, которыя доставлялись интендантству со стороны Овсянникова. Интендантъ генералъ Скворцовъ зналъ только бумаги и, вращаясь только въ этомъ бумажномъ мірѣ, былъ глубоко убѣжденъ, что все обстоитъ какъ слѣдуетъ; между тѣмъ, совсѣмъ не то происходило въ дѣйствительности. Эта дѣйствительность изображается только книгами Овсянникова, которыя и послужили матеріаломъ

для экспертизы. Эта экспертиза раскрыла преинтересную вещь: что постоянно въ теченіи двухъ лѣтъ въ приходѣ значится меньше ржи, чѣмъ въ расходѣ. Такимъ образомъ, въ 1873 году приходъ ржи меньше расхода на 816 кулей; въ 1874 году эта разница минуса надъ плюсомъ доходитъ уже почти до 17,408 кулей. Въ то же самое время въ этомъ 1874 году привозъ муки имѣетъ перевѣсъ надъ вывозомъ. Суммы приходовъ и расходовъ ржи и муки за оба года изображаются цифрами — 26,991 ржи и + 25,540 муки. Обѣ цифры балансируются, покрываются почти одна другою и приводятся почти къ нулю; осталось непокрытымъ только — 1,451 куль, представляющіе разницу между остатками ржи и муки. Если станемъ изучать эти цифры, то необходимо придемъ къ заключенію, что рожь замѣнялась мукою, что то, чего по дѣйствительнымъ книгамъ Овсянникова не доставало по статьѣ ржи, дополнялось избыткомъ по статьѣ муки. Если къ результату счетной операціи — 1,451 четверть прибавить еще то, что открылось послѣ пожара, и что удостовѣрено экспертизою, т. е. что съ мельницы, съ которой нельзя продавать частнымъ лицамъ муку и рожь, такъ какъ онѣ были казенныя,—въ одномъ январѣ вывезено 1,829 кулей и продано 62 четверти ржи; если все это сложить, то и выйдетъ та цифра, которою окончательно заключается экспертиза, а именно 3,342 недостающихъ на мельницѣ четвертей или кулей. Вся эта махинація совершена во вредъ казнѣ, потому что изъ цѣлой исторіи подряда изъ всего существа отнощеній выходитъ, что мельница существовала только для формы, что въ дѣлѣ порядка мельница была только помѣхою, что было очень выгодно поставлять хлѣбъ мукою и, наконецъ, что если рошь въ значительныхъ количествахъ замѣняема была мукою, то, конечно, не оъ иныхъ видахъ, какъ только для выгоды и пользы подрядчика. Это заключеніе подтверждается вполнѣ показаніемъ приказчика Морозова, которое превосходно уясняетъ, что счето-

водство на мельницѣ было двойное: что тамъ были счета настоящіе и другіе, фальшивые, и что эти послѣдніе вписывались въ книгу Квадри и изъ этой книги черезъ посредство писца Петрова, состоявшаго на жалованьѣ у Овсянникова, — передавались въ интендантство. Оказывается, что былъ извѣстный методъ въ подделкѣ цифръ, что каждый приходъ 1,000 четвертей ржи, дѣйствительно ввозимыхъ на мельницу, записывался цифрою 1,200 или 1,300 кулей, а затѣмъ также и вывозъ 1,000 кулей муки также записывался вывозомъ въ 1,200 или въ 1,300 кулей. Такимъ образомъ, почти ежедневно 200 кулей показываются какъ будто бы перемолотыми на мельницѣ, тогда какъ они вовсе на ней не молоты. Такимъ образомъ, наконецъ, если по книгамъ за весь годъ значится перемолотыми 180,000 кулей, въ дѣйствительности выходитъ, что перемолото только 120,000 кулей, а остальные очевидно доставлены мукою низоваго помола.

И такъ несомнѣнно, что операціи подрядчика были несовсѣмъ добросовѣстны и чисты. Какой же общій результатъ подряда при этихъ несовсѣмъ чистыхъ операціяхъ? Былъ ли отъ нихъ Овсянниковъ въ барышѣ или въ убыткѣ? По этому предмету дали свое заключеніе эксперты по бухгалтеріи и контролю. Не принимая въ счетъ уплатъ Кокореву и кволжсо-камскому банку въ 755,000 руб., а съ процентами 782,000 руб., которые записаны въ этихъ книгахъ въ расходъ,—оказывается, что въ 1873 году Овсянниковъ имѣлъ барыша 451,263 р. 59½ к. Барышъ хорошій! Въ 1874 г. при меньшемъ нарядѣ на высокихъ цѣнахъ барышъ простирался до 376,721 руб. 18½ к. Цифры хорошія, доказывающія какая благодатная вещь казенный подрядъ, какъ выгодно имъ заниматься. Эти цифры тѣмъ болѣе замѣчательны, что онѣ изображаютъ чистую прибыль, за вычетомъ издержекъ, а эти издержки или расходы были весьма значительны у Овсянникова. Сверхъ обыкновенныхъ, Овсянниковъ издерживалъ еще экстренно много денегъ. И все-таки, не смотря на эти расходы,

барышъ былъ таковъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ Овсянниковъ почти уплатилъ весь свой долгъ волжско-камскому банку, г. Кокореву и непогашенными осталось только 50,000 руб., перенесенныхъ на 1875 годъ. Общій ходъ предпріятія могъ только радовать подрядчика, до того онъ былъ успѣшенъ. Но при этой удачѣ набѣгали и тучи на ясный небосклонъ, которыя заставляли Овсянникова призадуматься и которыя стали стекаться особенно къ концу 1874 года. Овсянниковъ ходатайствовалъ въ 1874 году о передачѣ ему подряда Малкіеля по новгородской, олонецкой и петербургской губерніямъ. Но интендантъ, генералъ Скворцовъ, отказалъ ему въ этомъ, пользуясь безотчетно предоставленною ему одному на то властью. Овсянниковъ предложилъ морскому министерству заключить съ нимъ такой же долгосрочный контрактъ, какъ и съ военнымъ министерствомъ, съ тѣмъ, чтобы перемалывать хлѣбъ для флота, когда мельница будетъ свободна отъ перемола муки для военнаго интендантства. Но въ этомъ предложеніи онъ потерпѣлъ въ 1874 году отказъ. Отношенія Овсянникова къ окружному интендантству становились холоднѣе и сдѣлались таковы, что Овсянниковъ не могъ разсчитывать ни на какія послабленія и отступленія отъ контракта, что и тѣ продѣлки, которыя дѣлались и до нынѣ, станутъ обнаруживаться. Положеніе подрядчика становилось непрочнымъ. Но самая грозная туча изъ набѣгающихъ заключалась въ испорченныхъ отношеніяхъ Овсянникова къ Кокореву. Близился кризисъ, долгосрочный контрактъ могъ ускользнуть изъ его рукъ. Вы знаете, что Кокоревъ почти противъ воли ввязался въ мельницу. Сначала онъ предлагалъ Овсянникову всѣ льготы, всѣ условія, чтобы только отъ него избавиться. Но когда онъ убѣдился, что Овсянникову вѣрить больше нельзя, тогда у Кокорева, какъ человѣка коммерческаго, явилась мысль: отчего же не воспользоваться выгодами своего положенія? Положеніе его, какъ собственника мельницы, безвыгодно только

до срока контракта, когда за аренду причитается всего 1000 р. Но оно могло сдѣлаться блистательнымъ и завиднымъ по истеченіи срока контракта, потому что мельница есть магнитъ, притягивающій подрядъ. Если подрядъ зависитъ отъ мельницы и обусловливается обладаніемъ ею, то понятно, что, безъ труда и хлопотъ, сойдясь съ контрагентомъ, внушающимъ болѣе довѣрія, чѣмъ Овсянниковъ, напр. съ Малкіелемъ, или кѣмъ нибудь другимъ,—Кокоревъ могъ получить преспокойно за мельницу 100 и 150 т. р. и даже больше въ годъ. Могли быть и другія соображенія у Кокорева. Онъ финансистъ, вниманіе его къ своему интересу было пробуждено вслѣдствіе столкновенія съ Овсянниковымъ; явился апетитъ на то, чтобы поживиться. Съ Овсянниковымъ онъ уже не могъ болѣе сойтись. При такомъ условіи Овсянниковъ, какъ человѣкъ со сметкой (а ему въ большомъ умѣ нельзя отказать), не могъ не сдѣлать слѣдующаго разсчета, который бы представился каждому въ его положеніи: еще два года и подряду конецъ; надо все предпріятіе раскассировать и подумать о другомъ. Учрежденіе большаго предпріятія влечетъ за собою большіе расходы. Хорошо еще, если дѣло подряда будетъ продолжаться такимъ образомъ и порядкомъ какъ въ 1873 и 1874 годахъ; но оно можетъ измѣниться, потому что цѣны, назначенныя на будущій годъ, менѣе выгодны, нежели прежнія казенныя. Цѣна муки была 8 р. 31 коп., а на 1875 годъ назначена всего въ 7 р. 25 3/4 коп. Но положимъ, что при этой цѣнѣ барышъ будетъ одинаковый, что если въ двà года 1873 и 1874 Овсянниковъ имѣлъ барыша около 700 т. р., то и въ другіе два 1875 и 1876 получится еще столько же, т. е. 700 т. р., изъ которыхъ надо будетъ, уплатить 50 т. р. на погашеніе долга Кокореву. Если эти 700 т. или 600 т. р. раскинуть на всѣ четыре года подряда выйдетъ всего то на все барыша какіе нибудь 150 т. р. за весь трехмилліонный подрядъ. Стоило ли трудиться изъ за такой ничтожной наживы, связываться и во-

зиться съ интендантскими чиновниками. Всякій трудъ требуетъ платы, а плата вышла бы чрезмѣрно малая. И такъ лучше бы какъ нибудь освободиться отъ этой злополучной мельницы. Злополучной называлъ ее Кокоревъ, злополучной она была и для Овсянникова. Пропади она—у него въ карманѣ будетъ вѣрный и большой барышъ, все сбереженіе отъ помола, всѣ тѣ выгоды, ради которыхъ, во избѣжаніе снабженія войскъ мукою низоваго помола, министерство пришло къ изобрѣтенію фейгинскаго контракта и создало мельницу. Независимо отъ сего истребленіе мельницы пожаромъ или инымъ случаемъ услужило бы еще въ другомъ отношеніи: оно выкинуло бы изъ дѣла одного изъ опасныхъ конкуррентовъ. Только вслѣдствіе обладанія мельницею Кокоревъ имѣетъ такой перевѣсъ надъ Овсянниковымъ, только вслѣдствіе этой мельницы онъ держитъ Овсянникова нѣкоторымъ образомъ въ вассальной отъ себя зависимости. Въ концѣ подряда, еслибы Кокоревъ потребовалъ даже болѣе 700,000 р., то все-таки надо будетъ заплатить ему эту сумму. Если Овсянниковъ вступилъ въ этотъ подрядъ за 755,000 р., то для возобновленія подряда онъ не пожалѣлъ бы конечно дать даже и большую сумму; но, при испорченныхъ отношеніяхъ съ Кокоревымъ, трудно съ нимъ поладить. Онъ не согласится дѣйствовать съ Овсянниковымъ заодно, а предпочтетъ союзъ съ другимъ предпринимателемъ. Тогда всѣ надежды Овсянникова пропали бы. Но какъ только мельница будетъ уничтожена, шансы уравновѣсятся; Кокоревъ останется съ грудою развалинъ на рукахъ. Онъ не спеціалистъ по части мельницъ; можетъ быть въ настоящее время онъ и капитала соотвѣтствующаго не имѣетъ на возобновленіе мельницы; во всякомъ случаѣ, пока она выстроится, пройдетъ 1875 годъ, а можетъ быть и 1876 годъ. Безъ мельницы подъ условіемъ ея выстройки можно состязаться какъ съ Кокоревымъ, такъ и съ другими лицами, которыя явятся по приглашенію интендантства.

И такъ ясно, несомнѣнно и достовѣрно, что въ томъ, чтобы мельница исчезла, Овсянниковъ имѣлъ громадный матеріальный интересъ. Чтоже изъ этого слѣдуетъ? что онъ и сжегъ мельницу? Нѣтъ, господа присяжные, такъ заключать еще нельзя. Изъ одного того, что человѣку выгодно что нибудь сдѣлать, нельзя еще безошибочно вывести, что онъ это и сдѣлалъ. Я постарался въ первой части моей рѣчи поставить одинъ устой—фактъ поджога. Я старался во второй поставить другой столь же прочный устой—наличность громаднаго интереса для Овсянникова въ несуществованіи мельницы. Оба факта были выведены. Недостаетъ для переправы чрезъ рѣку построить мостъ, соединивъ посредствомъ арки одинъ быкъ съ другимъ. Почему же и не построить этотъ мостъ? Что препятствуетъ? Могла бы препятствовать прошедшая жизнь Овсянникова. Но за Овсянниковымъ не имѣется этой чистой жизни прошлой; его сила одни только миліоны, только то, что онъ воплощенный капиталъ. Свои миліоны этотъ человѣкъ сложилъ по мелочамъ, копѣйка за копѣйкой. При своихъ миліонныхъ операціяхъ онъ не перестаетъ заниматься копѣечными. Вспомните его переговоры съ агентомъ страховаго общества Скворцовымъ. На Овсянниковѣ лежала по контракту въ отношеніи къ Фейгину обязанность застраховать мельницу въ 700,000 р.; 20 дек. 1873 г. онъ подалъ въ варшавское общество объявленіе, послѣ чего торговался изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей высшей или низшей преміи вплоть до 4 февраля 1874 года. Втеченіи болѣе нежели 2-хъ мѣсяцевъ мельница оставалась совсѣмъ не застрахованною. Сгори она—тогда Овсянниковъ долженъ въ силу контракта заплатить 400,000 р. Онъ ими рисковалъ, можно сказать, изъ-за копѣйки. Итакъ именно вслѣдствіе прошлой жизни Овсянникова можно мостъ строить, перекинуть арку съ устоя на устой. Какимъ образомъ строить? Доказавъ, что видѣли и слышали какъ Овсянниковъ склонялъ къ поджогу Левтѣева и Рудометова? Господа, поджогъ никогда теперь такъ не до-

казывается. Поджогъ дѣлается скрытно, осторожно; нѣтъ почти случаевъ, чтобы поймана была поджигающая рука. Но мы давно разстались съ тѣмъ порядкомъ судопроизводства, когда для уличенія человѣка въ поджогѣ необходимо было застать его съ горящей головешкой. Поджоги, которые нынѣ разсматриваются въ окружномъ судѣ, рѣшаются обвиненіемъ не на томъ основаніи, чтобы былъ накрытъ на самомъ дѣйствіи поджигатель и не на томъ даже, чтобы была обнаружена непрерывно связная цѣпь обстоятельствъ, соединяющихъ совершенно видимою связью замыселъ съ исполненіемъ,—замыселъ Овсянникова, его энергически работающую мысль въ домѣ на Калашниковской пристани съ рукою, которая подложила огонь—обвиненіе и не думаетъ доказывать, что оно можетъ установить такую непрерывную цѣпь. Но для достиженія обвиненія достаточны средства попроще. Достаточно доказать фактами во 1-хъ, что этотъ поджогъ былъ напередъ предусмотрѣнъ, во 2-хъ, что устранены были всѣ препятствія къ его совершенію, въ 3-хъ, что тотчасъ послѣ совершенія протягивалась рука, чтобы на свѣжемъ пепелищѣ получить золотой плодъ отъ совершившагося истребленія мельницы огнемъ. Эти факты есть на лицо и обрисовываютъ довольно рельефно, что я и постараюсь доказать въ третьей и послѣдней части моей рѣчи.

Въ этой части, какъ и въ предыдущей, уликъ немного, но онѣ крупныя и нельзя ихъ разшатать. Прежде всего доказательствомъ, что пожаръ явился не спроста, не отъ случая, представляется прекращеніе работъ безъ причины за два дня до пожара. Эта улика разобрана уже прокуроромъ. Я ссылаюсь на его соображенія, чтобы ихъ не повторять. Я не вижу возможности объяснить это обстоятельство. Работъ прекращать не слѣдовало, войска не были обезпечены мукою, 50 четвертей оставались неперемолотыми, генералъ Скворцовъ никогда бы на пріостановку работъ не согласился. Остановку работъ дѣлаютъ хитро, заявляютъ только рабочимъ, а интендант-

ство узнаетъ о томъ только на слѣдующій день послѣ пожара, изъ рапорта Квадри, который принесечъ былъ только вечеромъ послѣ пожара, въ воскресенье 2 числа. Рапортъ гласилъ, что работы пріостановлены вслѣдствіе порчи котловъ. Но это неправда, порча отрицается и механикомъ Кильпіо и вообще всѣми свидѣтелями. Въ прежніе года, когда нужно было по соображеніямъ хозяина остановить дѣйствія мельницы, по крайней мѣрѣ сочиняли какой нибудь предлогъ. Вспомните, какъ въ 1874 году, когда нужно было остановить мельницу, нарядили Карлсона сочинить искусственную порчу машинъ. Въ первоначальномъ своемъ показаніи на предварительномъ слѣдствіи Карлсонъ сказалъ, что поломалъ зубья въ шестернѣ нарочно для того, чтобы машина не шла. На судебномъ слѣдствіи онъ измѣнилъ это показаніе отзывомъ, что ломалъ только негодныя зубья въ шестернѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и теперь передъ вами призналъ, что при закрытіи работъ вмѣсто новой шестерни поставлена старая никуда негодная по той причинѣ, какъ удостовѣряетъ Зоммеръ, что какія то лица должны были придти посмотрѣть дѣйствительно ли есть порча снарядовъ на мельницѣ. Такъ бывало въ прежніе годы. Въ настоящемъ 1875 году причина остановки мельницы даже не сочинена; мельница остановилась такъ, безъ всякой причины. Этого спокойствія передъ необходимымъ приходомъ интендантскихъ чиновниковъ для ревизіи, которая не могла не обнаружить годности котловъ по крайней мѣрѣ еще на полгода, нельзя ничѣмъ инымъ объяснить, какъ только тѣмъ, что на мельницѣ въ понедѣльникъ нечего будетъ свидѣтельствовать. Другая улика, состоящая изъ множества мелкихъ обстоятельствъ—это тѣ приготовленія, которыя предшествовали огню. Усиленная, тревожная дѣятельность проявляется въ послѣднее время на мельницѣ. Вывозятъ хлѣба много; однимъ частнымъ лицамъ продано 1829 кулей, какъ видно изъ акта экспертизы. Въ это время отъ вахтеровъ различныхъ магазиновъ

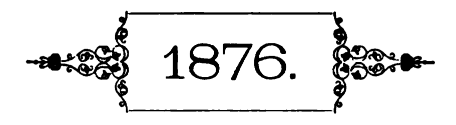
писалось къ прикащикамъ Овсянникова о томъ, что нужно увеличить число лошадей для вывоза. По всей вѣроятности количество оставшейся на мельницѣ муки было гораздо меньше того, которое показано по книгамъ Морозова и Квадри, а именно меньше 13,955 кулей. Муку эту осматривалъ Кузнецовъ до пожара. Теперь онъ опредѣляетъ наличную муку въ магазинѣ въ 4,000 кулей; у судебнаго слѣдователя онъ показывалъ, что было ея 8,000 кулей. Если вычесть эти 8,000 изъ 13.955, останется больше 5,000 кулей. Это опредѣленіе количества хлѣба сдѣлано Кузнецовымъ по глазомѣру. Но оно отчасти совпадаетъ съ показаніемъ мельника Зоммера. Зоммеръ говоритъ, что когда онъ уѣзжалъ въ четвергъ изъ Петербурга, передъ самою остановкою работъ, въ 3-хъ этажахъ магазиннаго отдѣленія были: въ одномъ отъ 3,000 до 3,500 кулей, въ другомъ—около того же, а въ третьемъ еще менѣе. Такимъ образомъ и по показанію Зоммера далеко до 14,000 кулей. Морозовъ тоже удостовѣряетъ, что муки было менѣе 13,955 кулей слишкомъ на 1,000 кулей. Я полагаю, что вся мука, которой недоставало противъ записанной въ книгахъ цифры 13,955, составляла частную прибыль Овсянникова. Я вполнѣ схожусь въ мнѣніи съ товарищемъ прокурора, что всѣ 13,955 кулей по книгѣ представляютъ собою муку казенную. Она была незастрахована; если она сгорѣла, то убытокъ отъ этого несла одна казна, которой было не накомъ возмѣстить этотъ убытокъ. Если потомъ была поставлена Овсянниковымъ другая мука взамѣнъ сгорѣвшей-то на то была его добрая воля, это былъ даръ, приношеніе интендантству въ виду ожидаемаго новаго долгосрочнаго подряда. Притомъ это приношеніе было сдѣлано условно; Овсянниковъ могъ просто сказать: я не плачу за эту муку; и не заплатилъ бы, потому что по контракту онъ не страхуетъ муки на мельницѣ. Генералъ Скворцовъ утверждалъ предъ вами, что не изъ словъ, а изъ сокровеннаго смысла контракта, какъ онъ

его понимаетъ, Овсянникову все таки пришлось бы поставить муку вмѣсто сгорѣвшей. Но въ опроверженіе г. Скворцова я ссылаюсь на оффиціальную бумагу его же, г. Скворцова, въ которой онъ пишетъ судебному слѣдователю, что по контракту на Овсянниковѣ лежала обязанность страховать хлѣбъ на пути и въ магазинахъ, но не на мельницѣ. И такъ мука эта не подлежала страхованію, она была казенная, показано ея было около14000 кулей. Г. Овсянниковъ имѣлъ полную возможность не платить за эту муку; каждые 1000 кулей, взятые изъ счета, были 1000 кулей, идущіе въ личную прибыль Овсянникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ и другую прибыль. Оставалось 50000 четвертей неперемолотой ржи въ казенныхъ магазинахъ. Эта рожь была тотчасъ же продана Овсянниковымъ и продана выгодно. Наконецъ, кромѣ распоряженій по вывозу муки, кромѣ распоряженія, чтобы какъ можно умалить число кулей дѣйствительно остававшихся на мельницѣ, противъ цифры 13955, къ числу приготовленій я отношу тѣ факты, которые я уже разбиралъ, когда доказывалъ поджогъ мельницы. Такъ я не могу упустить изъ виду: выпуска воды изъ трубъ и бака и то множество мелкихъ особенностей, которыя придаютъ огню на мельницѣ чрезвычайно подозрительный характеръ, наконецъ, въ третьихъ, немедленно послѣ пожара Овсянниковъ напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы получить долгосрочный подрядъ. Будь въ положеніи Овсянникова каждый изъ насъ, онъ бы счелъ первымъ дѣломъ опредѣлить свои убытки, сосчитать свою потерю и разграничить свой интересъ отъ казеннаго. Онъ бы разсудилъ такъ: во 1-хъ, ставить другую муку, вмѣсто сгорѣвшей, на мельницѣ нѣтъ никакого законнаго основанія, а во 2-хъ, что, такъ какъ на случай пожара мельницы, предусмотреннаго въ 4 пунктѣ контракта, постановлена поставка муки вмѣсто уже изготовленной и отчасти оплоченной ржи, то возникаетъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ о томъ, какъ сдѣлаться съ каз-

ною послѣ пожара. Возвратить ли задатки, полученные на рожь, перенести ли ее на муку? Кто долженъ нести убытки, какіе можетъ понести поставщикъ на массѣ ржи, которая ему уже теперь не годится. Вмѣсто разсчетовъ, вмѣсто всякаго уясненія спорныхъ пунктовъ Овсянниковъ является безпредѣльно податливымъ подрядчикомъ, муку ставитъ вмѣсто сгорѣвшей безпрекословно, наряды и приказанія исполняетъ безпрекословно и только требуетъ долгосрочнаго подряда на болѣе выгодныхъ для себя, нежели фейгинскій контрактъ, основаніяхъ. Онъ поставилъ новую муку въ количествѣ 13,955 кулей, но онъ вовсе не сказалъ, что онъ эту муку ставитъ безвозмездно, что онъ не потребуетъ цѣну ея, если ему не дадутъ долгосрочнаго подряда. Онъ ежеминутно могъ потребовать плату за эту муку въ случаѣ отказа въ долгосрочномъ подрядѣ. Я кончилъ. Я изложилъ вамъ, гг. присяжные, мой взглядъ, мое убѣжденіе. Ваше дѣло оцѣнить достаточными тѣ факты, которые извѣстны вамъ, для того, чтобы вывести заключеніе о виновности Овсянникова. Но если вы внутренно убѣдились въ необходимости вывести подобное заключеніе, если оно вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ фактовъ, то на васъ лежитъ несомнѣнная гражданская обязанность сказать: «да, подсудимый Овсянниковъ виновенъ».

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Овсянниковъ былъ признанъ виновнымъ въ поджогѣ, по предварительному соглашенію, мельницы и по приговору суда лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Страховыя общества «Варшавское» и «Якорь» признаны необязанными платить страховыя преміи за сгорѣвшую мельницу Кокорева. Въ удовлетвореніе же иска Кокорева признано взыскать 700 тыс. рублей. Осужденію за поджегъ подверглись также Левтѣевъ и Рудометовъ.

Кассаціонная жалоба Овсянникова была оставлена сенатомъ безъ послѣдствій.

17.

Дѣло о банкирѣ К., обвинявшемся въ истязаніи своей семилѣтней дочери.

Дворянинъ Станиславъ Л. К., 29 лѣтъ, опредѣленіемъ С.-Петербургской судебной палаты отъ 13 ноября 1875 г., былъ преданъ суду С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, лѣтомъ 1875 г., сознательно и намѣренно подвергалъ свою малолѣтнюю дочь Марію истязаніямъ, заключающимся въ многократномъ нанесеніи такихъ побоевъ, которые оставляли послѣ себя синяки, и неоднократнымъ, жестокимъ, мучительнымъ и продолжительнымъ наказаніямъ розгами, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ 1489 и 1492 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ 1-омъ отдѣленіи СПБ. окруж. суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 23 января 1876 г.

Гг. присяжные засѣдатели!

Хотя мы люди обстрѣленные и привыкшіе къ подобнымъ настоящему состязаніямъ, но когда принимаешь къ сердцу дѣло, которое защищаешь, то невольно боишься и безпокоишься. Я не стану скрывать, что я испытываю теперь подобнаго рода чувство: я боюсь, гг. присяжные засѣдатели, не опредѣленія судебной палаты, не обвиненія г. прокурора, которое хотя весьма серьезно и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, и сдержанно—я боюсь отвлеченной идеи, призрака, боюсь, что преступленіе, какъ оно озаглавлено, имѣетъ своимъ предметомъ слабое, беззащитное существо. Самое слово «истязаніе ребенка», вопервыхъ, возбуждаетъ чувство большого состраданія къ ребенку, а во вторыхъ —чувство такого же сильнаго негодованія въ отношеніи къ тому, кто былъ его мучителемъ. Я, гг. присяжные, не сторонникъ розги, я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена, тѣмъ не менѣе, я также мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, какъ мало ожидаю, чтобъ перестали суды дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеній той правды, которая должна существовать, какъ дома въ семьѣ, такъ и въ государствѣ. Въ нормальномъ порядкѣ вещей употребляются нормальныя мѣры. Въ настоящемъ случаѣ была употреблена мѣра, несомнѣнно ненормальная; но если вы вникнете въ обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, если вы примете въ соображеніе натуру дитяти, темпераментъ отца, тѣ цѣли, которыя имъ руководили при наказаніи, то вы многое въ этомъ случаѣ поймете, а разъ вы поймете -вы оправдаете, потому что глубокое пониманіе дѣла непремѣнно ведетъ къ тому, что весьма многое объяснится и покажется естественнымъ, нетребующимъ уголовнаго противодѣйствія. Такова моя задача: объяснить случай. Я постараюсь передать обстоятельства дѣла такъ, какъ они были, ничего не увеличивая и не уменьшая. Я долженъ начать, гг. присяжные засѣдатели, съ того романа, которому обязана дѣвочка своимъ существованіемъ.

[illegible] К.—сынъ извѣстнаго богача. Самъ онъ не имѣетъ никакого состоянія, лично ему принадлежащаго, и вполнѣ зависитъ отъ отца, человѣка весьма уважаемаго, но и весьма строгаго, воспитавшаго дѣтей въ суровой школѣ подчиненія. Въ 1863 году подсудимый, окончивъ гимназію, поступилъ въ варшавскій университетъ въ

самое время смутъ, когда вся почти молодежъ поголовно волновалась; во избѣжаніе опасности, отецъ усланъ его заграницу въ Брюссель. Это заграничное воспитаніе сдѣлало то, что К. — почти иностранецъ, то есть, хотя онъ русскій подданный, уроженецъ царства польскаго, но онъ болѣе нѣмецъ, и еще болѣе французъ. Изъ Брюсселя К. возвратился въ Варшаву въ 1867 году, кончилъ курсъ въ главной школѣ со степенью магистра правъ, что соотвѣтствуетъ нашему кандидатскому диплому; потомъ отправился вновь заграницу для бóльшаго усовершенствованія въ наукахъ въ университетахъ: боннскомъ и гейдельбергскомъ. Въ этотъ промежутокъ времени, между Брюсселемъ и Бонномъ, во время бытности въ Варшавѣ въ 1867 году, онъ сошелся съ женщиной, старше его лѣтами, вдовой, имѣющей дѣтей. Женщина эта понимала, что они не соотвѣтствовали другъ другу по лѣтамъ, что родители К. никогда не согласятся на бракъ. Она сама взяла починъ въ размолвкѣ. К. и не подозрѣвалъ, что она отъ него беременна. Онъ былъ сильно огорченъ, скучалъ и искалъ какого-нибудь развлеченія, какого-нибудь поприща для дѣятельности. Когда началась франко-прусская война, онъ отправился во Францію, вступилъ въ ряды французской арміи, участвовалъ въ 23-сраженіяхъ, получилъ орденъ почетнаго легіона, дослужился до чина подпоручика и вышелъ въ отставку, уже по окончаніи войны. Пережитое заставило его забыть о женщинѣ, которую онъ когда то любилъ. Въ 1872 году онъ встрѣтился съ нею въ Варшавѣ, когда она уже была замужемъ; тутъ онъ узналъ, что есть ребенокъ, ему принадлежащій, въ Женевѣ. Рожденіе этого ребенка сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: беременная мать желала, натурально, чтобъ рожденіе не огласилось; она отправилась заграницу и разрѣшилась въ Женевѣ. По тамошнимъ законамъ, ребенокъ, когда онъ незаконный, записывается на имя матери, а на имя отца только тогда, когда отецъ на лицо и признаетъ ребенка. Мать

4*

не могла взять ребенка съ собою и оставила его на попеченіи у крестьянъ за денежное вознагражденіе. Такъ какъ сама она вышла вторично замужъ, то между нею и ребенкомъ воздвигнулась какъ бы каменная стѣна, недопускающая ни малѣйшей возможности, чтобъ когда-нибудь эта мать могла приласкать свое дитя, или, чтобъ дитя могло ее отыскивать. Когда К. узналъ, что ребенекъ живъ, то онъ тотчасъ возымѣлъ твердое намѣреніе найти его и обезпечить. Спрашивается: какимъ образомъ? Рѣшеніе этого вопроса во многомъ зависитъ отъ законовъ, подъ которыми живетъ человѣкъ; законы, въ свою очередь, дѣйствуютъ на нравы; съ другой стороны, и нравы отражаются въ законахъ. Ни въ одномъ отношеніи, можетъ быть, взаимодѣйствіе законовъ и нравовъ не проявляется такъ сильно, какъ въ отношеніяхъ родителей къ незаконнымъ дѣтямъ. Возьмите нашъ бытъ. Законъ строгъ къ незаконнорожденнымъ: они не имѣютъ никакихъ правъ и даже не опредѣлено — есть ли надъ ними власть отеческая. Какъ же приходится устраивать родителямъ незаконныхъ дѣтей? Если у родителей сердце сколько-нибудь сердобольное, если имъ не понутру отдать дитя въ воспитательный домъ, то единственный способъ устроить ребенка заключается въ деньгахъ: отдать дитя куда-нибудь на сторону на воспитаніе, посмотрѣть за нимъ тайкомъ безъ свидѣтелей, не давая ребенку узнать, чей онъ; если и допускаются изліянія нѣжности, то только секретно, безъ свидѣтелей. Таково отношеніе, которое необходимо вытекаетъ изъ существующей системы законодательства; эта система не можетъ не дѣйствовать на нравы, т. е. родители, зная, что они не могутъ сдѣлать для ребенка ничего болѣе, успокоиваются въ совѣсти своей, когда исполнили все, что допускается закономъ, когда дали ребенку денегъ въ видѣ приданаго, когда отдали его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Но, гг. присяжные засѣдатели, въ предѣлахъ нашей имперіи есть страна—царство польское, имѣющая свои

особые законы. Когда царство польское было Княжествомъ варшавскимъ, тогда тамъ введенъ былъ, въ 1808 году, кодексъ Наполеона. Кодексъ этотъ, въ 1825 году, въ царствованіе Александра I-го, передѣланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, которыя касаются правъ семейственныхъ, именно въ книгѣ 1-й и въ книгѣ 3-й. Это изданіе кодекса 1825 года дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Въ томѣ 19 «Дневника Законовъ» содержится законъ 1836 года, по которому семейственныя права жителей царства польскаго и опредѣляются законами царства, когда эти жители переселяются въ предѣлы россійской имперіи. Кодексъ 1825 года устанавливаетъ между родителями и незаконными дѣтьми слѣдующія отношенія; по статьѣ 101-й отецъ можетъ во всякое время признать ребенка своимъ; это дѣлается посредствомъ отмѣтки имени отца на реестрѣ гражданскаго состоянія. Вслѣдствіе этого признанія, по ст. 303-й, родитель беретъ на себя юридическую обязанность воспитать, содержать и устроить ребенка, т. е. то самое, чѣмъ отецъ обязанъ и въ отношеніи къ законнымъ дѣтямъ. По ст. 756-й и послѣдующимъ такой ребенокъ участвуетъ даже въ наслѣдствѣ послѣ родителей на слѣдующичъ основаніяхъ: при законныхъ дѣтяхъ онъ получаетъ $^1/_3$ часть того, что получаютъ законныя дѣти; при братьяхъ или родителяхъ умершаго незаконныя дѣти наслѣдуютъ $^1/_2$; при болѣе дальнихъ родственникахъ $^3/_4$. Если нѣтъ въ виду правильныхъ наслѣдниковъ, они получаютъ все состояніе. Этимъ правамъ, конечно, соотвѣтствуетъ и власть родителей надъ дѣтьми. Власть эта двоякая: она выражается, во-первыхъ, въ опекѣ, которая принадлежитъ матери; если же мать не можетъ быть опекуншей, то отцу; во-вторыхъ, въ правѣ наказывать дѣтей. Сверхъ того, есть статья 339-я, которая чрезвычайно важна и значеніе которой я позволю себѣ объяснить вамъ; она заключается въ слѣдующемъ: родители, недовольные поведеніемъ дѣтей, могутъ ихъ наказывать способами, невредящими здоровью и непрепятствующими успѣхамъ въ

въ журналахъ. За злоупотребленіе этою властью родителямъ дѣлается внушеніе въ присутствіи гражданскаго трибунала первой инстанціи при закрытыхъ дверяхъ и проч....

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не касаться наказаній? Вы можете ссылаться на законъ, но не говорить о наказаніи.

Прис. пов. Спасовичъ. Это не наказаніе; это только мѣра, предоставляемая гражданскому суду по гражданскому кодексу. Я долгомъ считаю заявить, что по ст. 339 и, никакого наказанія не полагается за превышеніе власти наказывать, а только у родителей можетъ быть снята власть родительская и дѣти переданы другому лицу на воспитаніе за счетъ родителей. К. — магистръ правъ: онъ зналъ свои законы, онъ понималъ, что можетъ сдѣлать для дитяти и захотѣлъ сдѣлать самое большее, что только можетъ дѣлать по закону. Онъ обратился за совѣтомъ къ женевскимъ юристамъ, которые посовѣтовали ему отмѣтить въ регистрѣ признаніе имъ дитяти. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобъ сдѣлать признаніе посильнѣе, чтобъ признаніе его имѣло силу и дѣйствіе въ предѣлахъ царства польскаго. Конечно, онъ очень хорошо понималъ, что у него еще нѣтъ своего собственнаго состоянія. Но, давая свое имя ребенку, онъ былъ увѣренъ, что если его постигнетъ несчастье, то родители и родственники позаботятся о дѣвочкѣ, носящей имя К., что, въ крайнемъ случаѣ, дочь его будетъ принята въ одно изъ правительственныхъ воспитательныхъ заведеній Франціи, какъ дочь кавалера почетнаго легіона. К. взялъ дѣвочку отъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ она воспитывалась и гдѣ не могла получить никакого образованія, и отдалъ ее въ домъ, который казался ему наиболѣе приличнымъ, къ пастору де-Комба, жена котораго была крестною матерью дѣвочки. Такъ прошли года 1872, 1873 и 1874 до начала 1875 года. Въ теченіи этихъ лѣтъ, произошли нѣкоторыя перемѣны въ намѣреніяхъ, въ занятіяхъ и въ положеніи К.

Есть люди, которые по натурѣ своей болѣе склонны къ жизни семейной; есть люди, которые могутъ прожить цѣлый вѣкъ холостяками. К. именно принадлежитъ къ людямъ перваго ряда, которыхъ такъ и клонитъ къ браку; онъ чуть-чуть не женился въ 1872 году; въ 1873 году также имѣлъ намѣреніе, но партія разстроилась, и сильнѣйшимъ препятствіемъ было то, что онъ заявилъ о существованіи натуральной дочери; вторымъ препятствіемъ былъ отецъ К., который никакъ не позволилъ бы, чтобъ бракъ устроился безъ его участія и соизволенія. Въ Парижѣ К. познакомился съ дѣвицей Жезингъ. Когда ему предстояла поѣздка въ Петербургъ на 1874 годъ, въ городъ совершенно чужой, гдѣ онъ былъ бы совершенно одинокъ, онъ принялъ предложеніе Жезингъ поѣхать съ нимъ и взялъ ее съ собою. Вы могли оцѣнить насколько г-жа Жезингъ походитъ или не походитъ на женщинъ полусвѣта, съ которыми завязываются только летучія связи. Конечно, она не жена К., но ихъ отношенія не исключаютъ ни любви, ни уваженія. Вы видѣли, безсердечна ли эта женщина къ ребенку и любитъ ее или нѣтъ ребенокъ. Она желала бы сдѣлать ребенку всякое добро. Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ противъ подсудимаго, даже самыхъ неблагопріятныхъ, напримѣръ, Титовой нѣтъ ни слова противъ г-жи Жезингъ. Въ 1874 году они пріѣхали въ Петербургъ, въ 1875 году г-жа Жезингъ заболѣла; она сильно привязалась къ подсудимому и сама стала напрашиваться: «возьмите дитя, будетъ и вамъ и мнѣ веселѣе; я буду ухаживать за нимъ, воспитывать его». К. не имѣлъ еще въ то время опредѣленнаго намѣренія взять ребенка, но рѣшился заѣхать въ Женеву посмотрѣть... Въ Женевѣ онъ былъ пораженъ: ребенокъ, котораго онъ посѣтилъ неожиданно, въ неуказанное время, былъ найденъ одичалымъ, не узналъ отца. Воспитаніемъ его К. былъ недоволенъ и тутъ-же расплатился съ мадамъ де-Комба, послѣ чего привезъ ребенка въ Петербургъ. Они пріѣхали 28 апрѣля; нѣкоторое

[illegible] жили въ гостинницѣ Демуть, [illegible] въ городѣ и наконецъ въ іюнѣ переѣхали [illegible] К. былъ занятъ дѣлами одной желѣз[illegible] не давала ему ни минуты досуга. [illegible] событіе, которое дало начало дѣлу. [illegible] собрались разныя, внутреннія [illegible] какъ въ ребенкѣ, такъ и въ [illegible] вліяніяхъ на ребенка. [illegible] изложенію причинъ ката[illegible] разобрать точнѣе самъ [illegible] судится К.—фактъ побоевъ [illegible] какъ вещественными доказа[illegible] показаніями. Знаки, [illegible] изслѣдованія, можно раздѣлить [illegible] знаки на рукахъ и конечностяхъ, [illegible] тѣла и пятна крови на бѣльѣ. [illegible] надо разобрать отдѣльно, и [illegible] *на лицѣ*. Когда пристально вгля[illegible] ребенка, то это лицо точно исписано [illegible] тонкими шрамами, прикрытыми [illegible] полосами, такъ что они едва—едва [illegible] г. Чербишевичъ призналъ неизгла[illegible] обезображеніями, съ чѣмъ я только тогда [illegible], если бъ каждый человѣкъ ходилъ [illegible] микроскопами. Такъ какъ дѣвочку [illegible] вслѣдствіе сѣченія розгами, то нату[illegible] явиться предположеніе, не отъ сѣ[illegible] и знаки на лицѣ. Я думаю, что [illegible] идея и была невольно усвоена свидѣтель[illegible] врачами, особенно г. Чербишевичемъ, [illegible] предвзятою идеею и помѣшала изслѣдованію. [illegible] свидѣтельствованія надобно разбирать отдѣльно, [illegible] они между собою не сходятся. Если ихъ [illegible], какъ это сдѣлано въ обвиненіи, то [illegible] будто нѣчто связное, но если ихъ разо[illegible], то видно, что каждый изъ изслѣдовав[illegible] тянулъ въ иную сторону, такъ что въ

заключеніяхъ они расходились на неизмѣримое разстояніе. Г. Чербишевичъ, разобравъ знаки на лицѣ, раздѣлилъ ихъ, во-первыхъ, на бѣлые шрамы, рубцы; во-вторыхъ, на пятна желтобурыя и желтаго цвѣта, и втретьихъ, на струпья. Рубцы на лѣвомъ вѣкѣ и лѣвой щекѣ онъ призналъ единственными знаками, которые можно отнести къ давнему времени. Онъ усмотрѣлъ желтыя и желтобурыя пятна, но не багровыя и не синебагровыя. Я долженъ замѣтить, что подобныхъ синихъ и багровыхъ пятенъ ни одинъ изъ докторовъ не находилъ. Желтыя и желтобурыя пятна г. Чербишевичъ отыскалъ на вискѣ во всю его длину, на носу, на правой щекѣ, а струпья оказались въ ноздрѣ и подъ носомъ. Всѣ эти знаки и струпья были признаны недавними. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ, по мнѣнію Чербишевича, весьма характеристичны, какъ несомнѣнно происходящіе отъ розогъ, именно: рубчики продольные, паралельные по всей длинѣ носа. Таково было заключеніе доктора Чербишевича, видѣвшаго дѣвочку 31-го іюля. Дней черезъ десятокъ, дѣвочку свидѣтельствовали вчетверомъ: онъ же и еще трое. Заключеніе вышло совершенно иное. Нѣкоторые изъ тѣхъ знаковъ, которые г. Чербишевичъ признавалъ недавними, отнесены къ весьма давнимъ; такъ, напримѣръ, желтое пятно на вискѣ превратилось въ рубецъ съ перламутровымъ отливомъ, образовавшійся никакъ не раньше полугода, т. е. когда дѣвочка совсѣмъ не была еще въ Петербургѣ. Знаки на переносьѣ также отнесены болѣе, чѣмъ за полгода назадъ. Ни одинъ изъ знаковъ на лицѣ не признанъ характеристичнымъ слѣдомъ отъ розогъ; одинъ только маленькій значекъ на щекѣ замѣченъ профессоромъ Флоринскимъ, какъ могшій произойти отъ розогъ, но и то не съ достовѣрностью. Не смотря на то, что вторая экспертиза была умѣреннѣе и осторожнѣе первой, она, все-таки, заходила слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ, что служитъ только доказательствомъ, какъ трудно объяснять про-

[illegible] ждeній по одному внѣшнему виду, а [illegible] фактическихъ данныхъ. Доктора, осма[illegible] ку 11-го августа, предполагали, что [illegible] на носу и щекахъ возникли недавно, меж[illegible] слѣдствіи узнано отъ супруговъ де-Комба, [illegible] и доктора Фоконэ, что каждому изъ [illegible] знаковъ, не исключая рубцовъ на носу и [illegible] али четыре года. Такимъ образомъ, что [illegible] на лицѣ, то изъ нихъ нѣтъ ни одного, [illegible] жно было бы сказать, что онъ произо[illegible] удара, нанесеннаго отцомъ. Остается откры[illegible] о пощечинахъ и о тѣхъ синякахъ, кото[illegible] может быть, послѣдствіемъ пощечинъ. К. [illegible] чины ребенку; это вѣрно, онъ самъ при[illegible] ударилъ дѣвочку по лицу раза три или че[illegible] полагаю, что пощечина не можетъ считаться [illegible] оборенія способомъ отношенія отца къ ди[illegible] знаю также, что есть весьма уважаемыя педа[illegible] напримѣръ, англійская и нѣмецкая, которыя [illegible] ударъ рукой по щекѣ нисколько не тяжелѣе, [illegible] быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпо[illegible] сѣченія розгами. Причины, почему пощечи[illegible] особенно обиднымъ ударомъ, кроются въ [illegible] прошедшемъ. Слѣдя въ исторіи за возник[illegible] этого понятія, мы отыщемъ его въ тѣ вре[illegible] когда рыцари ходили въ шлемахъ съ [illegible] когда ударить ихъ по лицу въ обыкновен[illegible] нарядѣ было невозможно, а подобные удары [illegible] только на смердовъ, на виллановъ. Разбирая [illegible] родительскую, трудно сказать, чтобъ она не до[illegible] ни въ какомъ случаѣ до пощечины. Отъ посто[illegible] человѣка ударъ по лицу можетъ сдѣлаться [illegible] обидой, но не отъ отца. Я полагаю, что вы [illegible] признать мученіемъ или истязаніемъ пощечинъ, [illegible] пощечины не произвели видимыхъ поврежде[illegible] ній. Спрашивается: какія были послѣдствія [illegible] ударовъ по лицу? Въ настоящемъ случаѣ оставляли

ли они пятна или синяки на лицѣ? Еслибъ даже отъ нихъ оставались пятна, то вы слышали показаніе профессора Корженевскаго о томъ, какъ эта дѣвочка расположена къ золотухѣ и какъ при золотушномъ сложеніи, при изобиліи лимфы, самый легкій ударъ, щипокъ, простой нажимъ производятъ пятна на тѣлѣ. Вы слышали, что знаки на локтяхъ образовались почти несомнѣнно только отъ того, что ее держали за руки при наказаніи. И такъ, синяки могли произойти и отъ слабыхъ ударовъ. Но я не вижу основанія для признанія, что синяки существовали. Кто о нихъ говоритъ? Титова; но и она не видѣла синяковъ ни въ городѣ, ни на дачѣ, до 25-го іюля; она ихъ усмотрѣла будто бы только послѣ 25-го іюля. Замѣтьте, гг. присяжные, что Аграфена Титова та женщина, которая, вмѣстѣ съ Бибиной, понесла розги и бѣлье къ судебному слѣдователю; онѣ вмѣстѣ дѣйствовали, онѣ вмѣстѣ возбудили преслѣдованіе противъ К. Еслибъ эти синяки были, то ихъ видѣлъ бы кто-нибудь, кромѣ Титовой. Вспомните показанія свидѣтелей Ковалевскаго, Воловскаго, Линна, которые отвергаютъ существованіе синяковъ. Прокуроръ, чтобъ ослабить показаніе Линна, ставитъ на видъ, что Линнъ не замѣтилъ шрама на вискѣ; значитъ, онъ не внимательно относился къ дѣвочкѣ; но, гг., вѣдь шрамъ подъ волосами; замѣтить его можно только усиленно вглядываясь и отвернувъ волосы. Послѣ сѣченія, на слѣдующій день, въ субботу, 26-го іюля, у К. была гувернантка, г-жа де-Горне, дававшая уроки дѣвочкѣ и ничего похожаго на синяки не замѣтившая. Но, говорятъ, сама г-жа Жезингъ, не отрицала синяковъ на показаніи, данномъ у слѣдователя, и только теперь показываетъ противное. Я полагаю, что изъ двухъ ея показаній скорѣе можно не вѣрить тому, которое дано ею на предварительномъ слѣдствіи; правда, ей переводилъ г. слѣдователь, но, во-первыхъ, она, вѣроятно, также волновалась, какъ и теперь, то есть, была въ нервномъ состояніи, нерасполагающемъ къ то-

[illegible] вмѣшивать слова, которыя ей читали. Во- [illegible] я не могу не сказать, что это слѣдствіе не- [illegible] что выведены въ немъ такія обсто- [illegible] которыя теперь значительно стушевались. [illegible] я полагаю, что синяки на лицѣ не до- [illegible] и по показанію Жезингъ. Перехожу къ [illegible] на рукахъ и на ногахъ; эти знаки произошли [illegible] что ребенка держали во время нака- [illegible] затѣмъ знаки крови на рубахѣ и плат- [illegible] произошла самымъ естественнымъ об- [illegible] кровотеченія изъ носу. Рубашка совершен- [illegible] задней стороны, только на груди есть нѣ- [illegible] новые платки тоже усѣяны каплями. [illegible] между кровью на рубашкѣ и на платкахъ, [illegible] непосредственная связь. Быть можетъ, [illegible] изліяніе этой крови изъ струпа зо- [illegible] ноздрѣ, но это вовсе не поврежденіе: [illegible] раны и ушиба вытекла бы немного позже. [illegible] кровь эта не заключаетъ въ себѣ [illegible] что могло бы расположить противъ К. [illegible] когда онъ нанесъ ударъ, онъ могъ не [illegible] даже не знать, что у ребенка бываетъ [illegible] носу. Всѣ данныя о кровотеченіи со- [illegible] освидѣтельствіи, когда слѣдствіе началось. [illegible] на заднихъ частяхъ тѣла. Знаки эти [illegible] трижды: разъ, 29-го іюля, г. Ланс- [illegible] второй разъ, 5-го августа, однимъ г. Фло- [illegible] 11-го августа четырьмя докторами, въ [illegible] Лансбергомъ и Флоринскимъ. При всей [illegible] для К. мнѣнія г. Лансберга, я для [illegible] многія данныя изъ его акта, отъ [illegible] Лансбергъ положительно удостовѣрилъ, [illegible] частяхъ тѣла дѣвочки не было ника- [illegible] никакихъ разсѣченій кожи, а только [illegible] подкожныя пятна и таковыя же крас- [illegible] Пятенъ этихъ всего болѣе было на лѣвой [illegible] области съ переходомъ на лѣвое же бедро.

Не найдя никакихъ травматическихъ знаковъ, никакихъ даже царапинъ, г. Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что полосы и пятна не представляютъ никакой опасности для жизни. Чрезъ шесть дней потомъ, 5-го августа, при осматриваніи дѣвочки профессоромъ Флоринскимъ, онъ замѣтилъ не пятна, а только полосы—однѣ поменьше, другія побольше; но онъ вовсе не призналъ, чтобы эти полосы составляли поврежденіе, сколько-нибудь значительное, хотя и призналъ, что наказаніе было сильное, особенно въ виду того орудія, которымъ наказывали дитя. При освидѣтельствованіи 11-го августа четырьмя докторами, они нашли на ягодицахъ розовую кожицу со слѣдами отъ отвалившихся струпьевъ, изъ чего можно бы было заключить о существованіи ранъ, еслибъ мы не имѣли акта освидѣтельствованія дѣвочки 29-го іюля Лансбергомъ, изъ котораго несомнѣнно явствуетъ, что никакихъ ранъ не было. Происхожденіе этихъ струпьевъ всего лучше объяснилъ профессоръ Корженевскій, изобразившій ихъ какъ мѣстное омертвеніе кожи, которая сходила и замѣнялась новою. Это поврежденіе кожи было самое поверхностное, наружное; но, при организаціи ребенка, при множествѣ лимфатическихъ сосудовъ, сѣченіе непремѣнно должно было оставить видимые слѣды. Таково заключеніе г. Корженевскаго. Что касается вопроса о томъ, было-ли въ настоящемъ случаѣ сильное наказаніе, то, мнѣ кажется, г. экспертъ вполнѣ основательно сказалъ: это не мое дѣло разбирать — было-ли оно сильное или нѣтъ. Самъ вопросъ оказывается не медицинскимъ, а педагогическимъ, и для разрѣшенія его посредствомъ экспертовъ, надо-бы не медиковъ, а инспекторовъ и учителей гимназій. Медикъ не можетъ опредѣлить ни предѣловъ власти отца, ни силы неправильнаго наказанія. Знаки на заднихъ частахъ происходятъ несомнѣнно отъ розогъ. Эти розги здѣсь; онѣ были сорваны за нѣсколько дней до наказанія К., который хотѣлъ ими напугать ребенка, потому что тѣ мѣры, ко-

торыя употреблялъ до сихъ поръ, не производили надлежащаго впечатлѣнія на дитя. Срывая эти рябиновыя прутья, онъ, быть можетъ, не зналъ, что придется ихъ въ самомъ дѣлѣ употребить. Потомъ явилась минута гнѣва, совершенно справедливаго и законнаго, и наказаніе было произведено. Мнѣ кажется, что изъ всего слѣдствія вы не можете придти къ другому заключенію, какъ къ тому, что этимъ орудіемъ онъ наказывалъ свою дочь только разъ. Онъ самъ говоритъ, что наказалъ ее раза три въ промежуткахъ времени, довольно значительныхъ, маленькими вѣтками, которыя не могли оставить знаковъ. Наказаніе сильное, за которое судится К., наказаніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, какъ говоритъ обвинительная власть, было только 25-го іюля. Что это было только одно наказаніе, подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. О предшествующихъ наказаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Только одна Бибина говоритъ, что дѣвочку сѣкли каждый день; но это опровергается всѣми данными, опровергается Валенскимъ, который слышалъ плачъ 3 или 4 раза, опровергается г-жею Жезингъ, всѣми находившимися въ домѣ, и несомнѣнно достаточно только взглянуть на ребенка, на его здоровый видъ, чтобы убѣдиться, что еслибы его сѣкли каждый день въ теченіи полутора мѣсяца, то дѣвочка не могла-бы быть въ такомъ видѣ. Она часто кричала на дачѣ; но она [illegible] правда, она кричитъ, когда ее ставятъ въ уголъ или на колѣни. Никто не присутствовалъ при этихъ наказаніяхъ. Титова участвовала въ наказаніи только одинъ разъ, именно 25-го іюля. Чтобы покончить съ внѣшнею стороной преступленія, мнѣ остается остановиться на тѣхъ окончательныхъ выводахъ, выраженныхъ въ ученыхъ терминахъ, которые даны были экспертами. Г. Лансбергъ заключилъ, что онъ считаетъ поврежденія, хотя и не угрожающими жизни, но, все-таки, *тяжкими*. Когда мы спросили, почему онъ считаетъ эти повреждения тяжкими, онъ отозвался,

что называетъ ихъ такъ по внутреннему убѣжденію, по своему субъективному взгляду, что онъ вовсе не руководствовался XIII-мъ томомъ «Свода Законовъ», притомъ, что онъ дѣлалъ судебно-медицинское освидѣтельствованіе первый разъ въ жизни. Между тѣмъ, едва-ли нужно доказывать, что признакъ *тяжкій* не въ такой степени субъективенъ, какимъ представляетъ его Лансбергъ, что онъ не зависитъ отъ личнаго взгляда, что есть нѣкоторыя общія основанія раздѣленія повреждений—на тяжкія и легкія. На эти основанія указали профессора Флоринскій и Корженевскій. Если ткань повреждена, повреждена глубоко, тогда это будетъ тяжкое поврежденіе; въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Кассаціонная судебная практика, на которую ссылается обвиненіе, истолковала для руководства судамъ, что считать тяжкими и легкими поврежденіями. Оказывается, что эти слова не медицинскія, а юридическія, что разграниченіе введено въ законъ для того, чтобы взыскивать строго или менѣе строго; изъ закона оно входитъ въ судебную медицину, и медики, слушая курсъ судебной медицины, изучаютъ, между прочимъ, и основанія сортировки повреждений на тяжкія и легкія. Въ классическомъ по предмету повреждений рѣшеніи 1872 года, № 1072-й, по дѣлу Локтева, уголовнаго кассаціоннаго департамента сказано, что характеристическая черта тяжкихъ повреждений заключается въ томъ, что такія поврежденія причиняютъ болѣзнь, продолжительное разстройство организма, невозможность работать въ теченіи извѣстнаго времени. Спрашивается: имѣется-ли этотъ признакъ въ настоящемъ случаѣ? Нѣтъ, его вовсе не было, его не было до такой степени, что дѣвочка на слѣдующій день играла, отбывала урокъ и никто не замѣчалъ въ ней какихъ-нибудь измѣненій; врачи, наблюдавшіе ее 29-го и 31-го іюля, не находили въ ней никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Самъ г. Лансбергъ совершилъ, по моему мнѣнію, отступленіе, потому что, написавъ въ актѣ «поврежденія тяж-

кія», разъяснилъ на судѣ, что тяжкимъ разумѣлъ онъ не повреждепіе, а только наказаніе; словомъ, онъ вступилъ въ роль педагога, который оцѣниваетъ относительную тяжесть дѣтскихъ наказаній. Я думаю, что какъ ни разбирать дѣло, все-таки, по совѣсти вы непремѣнно придете къ тому заключенію, что поврежденія были, во всякомъ случаѣ, весьма легкія. Легкія поврежденія даже и не подходятъ подъ область дѣяній, подсудныхъ окружному суду: онѣ рѣшаются на основаніи мирового устава. Въ послѣдующихъ освидѣтельствованіяхъ, врачи, давая другія заключенія, опредѣлили эти поврежденія слѣдующимъ образомъ: они говорятъ, что это наказаніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Это опредѣленіе было-бы прекрасно, если-бы мы опредѣлили, что такое обыкновенное наказаніе; но коль скоро этого опредѣленія нѣтъ, то всякій затруднится сказать, выходило-ли оно изъ ряда обыкновенныхъ? Допустимъ, что это такъ; что-же это значитъ? что наказаніе это, въ большинствѣ случаевъ, есть наказаніе, непримѣнимое къ дѣтямъ; но и съ дѣтьми могутъ быть чрезвычайные случаи. Развѣ вы не допускаете, что власть отеческая можетъ быть, въ исключительныхъ случаяхъ, въ такомъ положеніи, что должна употребить болѣе строгую мѣру, чѣмъ обыкновенно, мѣру, которая не похожа на тѣ обыкновенныя мѣры, какія употребляются ежедневно? Но допустимъ, что гг. эксперты, предрѣшая уголовный вопросъ, пришли къ выводу, что г. К. во зло употребилъ отеческую власть. Въ такомъ случаѣ, судите его за злоупотребленіе властью. Но онъ судится за нѣчто совершенно иное — онъ судится за истязанія и мученія, причиненныя дитяти. Чтобы понять, откуда идетъ такая постановка обвиненія, я долженъ коснуться закона и опять той-же уголовной кассаціонной практики, на которой останавливается и обвиненіе. Въ законѣ спеціально, по предмету побоевъ въ ст. 142-й уст. о наказ. нал. мир. суд., опредѣляются насилія, вмѣщающія въ себѣ также и

легкіе побои; но затѣмъ въ уложеніи о наказаніяхъ есть на этотъ счетъ громадный пробѣлъ и говорится уже только о тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности побояхъ и иныхъ истязаніяхъ, въ статьѣ 1489-й. Между этими видами преступленія, очевидно, есть промежутокъ и промежутокъ большой, потому что не всякіе тяжкіе побои подвергаютъ жизнь опасности. Бывали, между тѣмъ, случаи, когда наказывать, какъ за насиліе, представлялось бы страннымъ. Въ Тифлисѣ одинъ кавказскій князь высѣкъ больно чиновника, ухаживающаго за его женой; въ Рязани или Курскѣ товарищи отодрали подпоручика; мужъ Высоцкой мучилъ свою жену, надѣвъ на нее петлю, послѣ чего тянулъ за веревку и привязалъ эту веревку къ столу. Во всѣхъ такихъ случаяхъ не было никакой опасности для жизни, тѣмъ не менѣе, наказаніе, какъ за насиліе, было бы безсиліемъ власти. Вотъ почему сенатъ истолковалъ такимъ образомъ ст. 1489-ю, что прилагательное «подвергающія жизнь опасности» относится только къ побоямъ, а вовсе не къ истязаніямъ и мученіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, сенатъ понялъ, что понятіе истязанія и мученія слишкомъ неопредѣленное. Если я ущипну кого-нибудь, если я сожму ему сильно руку и устрою такъ, что человѣкъ ляжетъ въ кровать, наполненную насѣкомыми, и не будетъ спать всю ночь, если я другую какую-нибудь маленькую пакость сдѣлаю, то развѣ можно признать тутъ истязаніе или мученіе? Поэтому то, правительствующій сенатъ, въ тѣхъ же рѣшеніяхъ, на которыя ссылается обвинительная власть, опредѣлилъ, такимъ образомъ, съ другой стороны, что подъ истязаніемъ и мученіемъ слѣдуетъ разумѣть такое посягательство на личность или на личную неприкосновенность человѣка, которое сопровождалось мученіемъ и жестокостью. При истязаніяхъ и мученіяхъ, по мнѣнію сената, физическія страданія должны непремѣнно представлять высшую, болѣе продолжительную степень страданія, чѣмъ при обыкновенныхъ побояхъ, хотя бы и тяжкихъ. Если побои нельзя

назвать тяжкими, а истязанія должны быть тяжелѣе тяжкихъ побоевъ, если ни одинъ экспертъ не назвалъ ихъ тяжкими, кромѣ Лансберга, который самъ отказался отъ своего вывода, то, спрашивается, какимъ образомъ можно подвести это дѣяніе подъ понятіе истязаній и мученій? Я полагаю, что это не мыслимо.

Я, гг. присяжные засѣдатели, до сихъ поръ занимался только одною стороной дѣла, которая для васъ представляетъ гораздо менѣе важности, чѣмъ другая сторона, сторона внутреняя, чѣмъ мотивы, заставившіе К. дѣйствовать. Я знаю, что сенатъ въ своемъ рѣшеніи, на которое сослался представитель обвиненія, говоритъ, что цѣль собственно не важна, лишь бы только мученія были тяжкія и продолжительныя; я полагаю, что еслибъ судился здѣсь передъ вами тотъ самый человѣкъ, ради котораго было постановлено это рѣшеніе, т. е. тотъ самый князь кавказскій, который высѣкъ предполагаемаго любовника жены, то вы, все-таки, приняли бы въ соображеніе то обстоятельство, была ли злоба со стороны мучителя совершенно напрасная изъ-за одного удовольствія смотрѣть на чужія страданія, или гнѣвъ былъ справедливый, имѣвшій разумную причину. Это внутреннее побужденіе, эта жестокость не только страданія, но и жестокость сердца мучителя имѣютъ громадное значеніе, когда судится отецъ за то, что онъ жестоко наказалъ дочь—значитъ, что онъ употребилъ мѣру домашняго исправленія въ увеличенныхъ размѣрахъ. Спрашивается: была ли причина къ употребленію этой чрезвычайной мѣры? Слѣдовательно, главный вопросъ заключается не въ тѣхъ синякахъ и полосахъ на тѣлѣ, о которыхъ удостовѣряли свидѣтели, а въ соотвѣтствіи между причиной, вызвавшею наказаніе, и самымъ наказаніемъ. Если вы войдете въ разборъ этихъ причинъ, то, я полагаю, вы пожалѣете дочь, пожалѣете также и отца.

Дѣвочка, какъ вы могли видѣть сами, необыкновенно шустрая, необыкновенно понятливая, живая, вспыхивающая какъ порохъ, съ сильнымъ вообра-

женіемъ, развитая физически хорошо; правда она имѣетъ нѣкоторое расположеніе къ золотухѣ, но вообще здоровье ея въ цвѣтущемъ состояніи. Эта хорошая сторона какъ физическая, такъ и нравственная; но есть и тѣневая, нехорошая сторона, зависящая отчасти и отъ воспитанія. Она воспитывалась между мужицкими дѣтьми безъ присмотра; у де-Комба ее не перевоспитали; когда отецъ привезъ ее къ себѣ, онъ нашелъ въ ней много недостатковъ: неопрятность, неумѣнье держать себя, начатки болѣзни отъ дурной привычки, но главное, что возмущало отца—это постоянная, даже безцѣльная ложь. Правильно или неправильно, но К. считаетъ, что ложь есть мать всѣхъ пороковъ и что всѣ недостатки людей, главнымъ образомъ, происходятъ отъ того, что они неправдивы. Для него правдивость есть абсолютная обязанность безъ исключеній. Въ письмѣ, написанномъ въ іюлѣ 1871 года, къ г-жѣ де Комба задолго до того, какъ онъ взялъ дочь, онъ выражается, что ложь есть подлость ума и сердца (lacheté de coeur et d'esprit). Вотъ почему, съ первыхъ же поръ К. прежде всего старался искоренить этотъ порокъ лжи, быть можетъ, онъ принялся искоренять его слишкомъ рьяно—онъ плохой педагогъ, это онъ самъ сознаетъ. Дѣвочка, между тѣмъ, не слушается, не боится ни отца, ни Жезингъ, мало слушается и гувернантокъ. Еще пока были въ городѣ, все устраивалось какъ нибудь; но переѣхали на дачу и всѣ условія воспитанія перемѣнились къ худшему. Дача лежала между Удѣльною станціей и Парголовомъ, совершенно уединенная; отецъ пріѣзжаетъ только по вечерамъ, уѣзжаетъ утромъ; Жезингъ женщина больная, занятая леченіемъ, мало подвижная. Ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, заводитъ съ ними знакомство и подпадаетъ подъ дурное вліяніе прислуги, научается разнымъ пакостямъ, воровству. Сначала эти маленькія похищенія проходятъ незамѣтными, подозрѣваютъ другихъ, но не ее въ тасканіи вещей, замѣчаютъ только, что ребенокъ

одичалъ и выбивается изъ рукъ. Отецъ высѣкъ ее легко раза два или три, но это совсѣмъ не дѣйствовало: дѣвочка къ сѣченію привыкла еще у де-Комба. 25-го іюля пріѣзжаетъ отецъ на дачу и въ первый разъ узнаетъ сюрпризомъ, что ребенокъ шарилъ въ сундукѣ Жезингъ, сломалъ крючекъ и добирался до денегъ. Я не знаю, господа, можно-ли равнодушно относиться къ такимъ поступкамъ дочери? Говорятъ: «за чтожъ? развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ черносливу, сахару?» Я полагаю, что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога. Это тоже самое, что привычка лгать: разъ она укоренилась, она растетъ все болѣе и болѣе, какъ тотъ дикій репейникъ, который покрываетъ поля, если его не искоренять и не полоть.

Когда обнаружилась эта дурная привычка, присоединившаяся ко всѣмъ другимъ недостаткамъ дѣвочки, когда отецъ узналъ, что она воруетъ, онъ, дѣйствительно, пришелъ въ большой гнѣвъ. Я думаю, что каждый изъ васъ пришелъ бы въ такой же гнѣвъ, и я думаю, что преслѣдовать отца за то, что онъ наказалъ больно, но по дѣломъ, свое дитя—это плохая услуга семьѣ, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ. Благо отцу, который остановитъ свое дитя вовремя; въ прежнее время говорили: «онъ избавляетъ сына отъ висѣлицы»—мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что отецъ избавляетъ сына отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а дочь отъ того, чтобъ она не сдѣлалась распутною женщиною. Если отецъ вознегодовалъ, онъ былъ совершенно въ своемъ правѣ, онъ высѣкъ ее больно, сильнѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно; онъ былъ выведенъ изъ себя, послѣ чего онъ зарыдалъ и упалъ на постель въ нервномъ припадкѣ. Послѣ этого кризиса, явившагося слѣдствіемъ такихъ естественныхъ причинъ, нѣтъ никакого основанія выводить заключеніе, которое дѣлается въ настоящемъ

дѣлѣ, что, еслибъ такое наказаніе повторялось чаще, и въ продолженіи болѣе долгаго времени, то оно могло бы вредно подѣйствовать на здоровье ребенка. А еслибъ оно не повторялось? Вѣдь тоже самое можно сказать и о всякомъ пріемѣ; не дать человѣку ѣсть въ теченіи 6 часовъ ничего не значитъ, но не дать ему ѣсть въ теченіи 6-ти дней, значитъ заморить его голодомъ; вырвать одинъ зубъ ничего, а вырвавъ всѣ зубы въ челюсти можно умертвить человѣка отъ одной боли. Слѣдовательно, такое заключеніе, что, еслибъ подобное наказаніе было помножено на многое число разъ, то оно произвело бы такіе то результаты, въ настоящемъ дѣлѣ ни къ чему не ведетъ, не имѣетъ никакого практическаго значенія и должно быть совсѣмъ устранено.

Я признаю, гг. присяжные засѣдатели, что К., наказывая дѣвочку сильно, больно, такъ что остались видны слѣды наказанія, совершилъ двѣ логическія ошибки, которыя отразились въ самомъ поступкѣ: во-первыхъ, онъ поступилъ слишкомъ рьяно; онъ предполагалъ, что можно однимъ разомъ, однимъ ударомъ искоренить все зло, которое посѣяно годами въ душѣ ребенка и годами взрощено. Но этого сдѣлать нельзя, надо дѣйствовать медленно, имѣть терпѣніе. Другая ошибка, что онъ дѣйствовалъ не какъ осторожный судья, т. е., что, поймавъ ребенка на кражѣ, въ которой она созналась, онъ не вошелъ въ изслѣдованіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя склонили дѣвочку къ кражѣ; онъ не разслѣдовалъ порядкомъ того, что отъ дѣвочки идетъ слѣдъ къ окружающимъ ее лицамъ; онъ просто спросилъ, почему и для кого она брала деньги. Дѣвочка отвѣчала упорнымъ молчаніемъ; потомъ уже, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она разсказала, что хотѣла взять деньги для Аграфены. Еслибъ онъ разслѣдовалъ болѣе подробно обстоятельство кражи, онъ, быть можетъ, пришелъ бы къ тому заключенію, что ту порчу, которая вкралась въ дѣвочку, надо отнести на счетъ людей, къ ней приближенныхъ. Самое молчаніе дѣвочки свидѣтельство-

вало, что ребенокъ не хотѣлъ выдавать тѣхъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Но странна природа человѣческая; всѣ въ домѣ убѣждены, что, все-таки, послѣднее наказаніе хорошо подѣйствовало на ребенка; несмотря на то, что слѣдствіе поколебало отеческую власть К., наказаніе произвело то дѣйствіе, что она меньше лжетъ и есть надежда, что она придетъ къ большему и большему исправленію.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что, по моему мнѣнію, все обвиненіе К. поставлено совершенно неправильно, т. е. такъ, что вопросовъ, которые намъ будутъ предложены, совсѣмъ рѣшать нельзя. Я полагаю, вы всѣ признаете, что есть семья, есть власть отеческая по природѣ, а въ настоящемъ случаѣ и по закону, простирающаяся и на дѣтей незаконныхъ; вы признаете, что родители имѣютъ право и наказывать своихъ дѣтей. Я думаю, вы не можете отрицать и того, что ваша власть здѣсь на судѣ происходитъ изъ того же источника—вы производите тоже въ своемъ родѣ тѣлесное наказаніе, въ иной формѣ, соотвѣтственное болѣе зрѣлому возрасту. Слѣдовательно, отрицать власть отеческую, отрицать право наказывать такъ, чтобъ это наказаніе подѣйствовало, вы не можете, не отрицая тѣмъ самымъ своей собственной власти, власти уголовной. Отецъ судится за что же? За злоупотребленіе властью; спрашивается: гдѣ же предѣлъ этой власти? Кто опредѣлитъ, сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ, неповреждающій при этомъ наказаніи организма дитяти? Еслибъ это было злоупотребленіе, то вы должны судить за излишекъ, за эксцесъ. Если вы судите человѣка, который, защищаясь при необходимой оборонѣ, нанесъ безъ надобности ударъ нападающему, убилъ его, развѣ вы будете судить его за убійство? Нѣтъ, вы будете судить только за эксцесъ. Если вы будете судить за обиду сильнѣйшую, которую человѣкъ нанесъ другому, обидѣвшему его, вы вычтете ту послѣднюю обиду, которую онъ самъ получилъ изъ

первой; но, въ настоящемъ случаѣ, отъ васъ требуютъ, чтобъ вы наказывали не по разницѣ, а по суммѣ, наказывали бы не за злоупотребленіе власти, не за то, что это наказаніе вышло за предѣлы обыкновеннаго, а за истязаніе, совершенное постороннимъ надъ взрослымъ человѣкомъ. Если вы вдумаетесь въ эту странную постановку вопроса, вы, гг. присяжные засѣдатели, должны будете сказать, что въ такихъ предѣлахъ вы наказывать не можете. Разъ будетъ поставленъ вопросъ объ излишкѣ, вы разрѣшите его, но если васъ заставятъ судить о суммѣ, вопросъ становится неразрѣшимымъ. Если вы станете разрѣшать вопросъ о суммѣ, то вы поступите болѣе неосмотрительно, чѣмъ поступилъ К., наказывая свою дочь. К., по крайней мѣрѣ, зналъ какія розги онъ связалъ въ пучекъ, которымъ онъ наказывалъ, и наказалъ, все-таки, такъ, что на здоровье дѣвочки это не подѣйствовало; но вы не знаете размѣра того большого, можетъ быть, желѣзнаго прута...

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не упоминать относительно наказанія?

Прис. пов. Спасовичъ. Я кончилъ.

Присяжные вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

18.

Дѣло поручика Всеволода Крестовскаго.

Поручикъ Всеволодъ Крестовскій обвинялся въ томъ, что 4-го апрѣля 1875 г., явившись въ квартиру присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго, нанесъ ему съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ обиду дѣйствіемъ. Проступокъ этотъ предусмотрѣнъ 135 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд. и 272 и прилож. къ 8 ст. воен. уст. о наказ. 1875. г.

Разбирательство дѣла происходило въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ 29 марта 1876 г.

Гг. судьи военно-окружнаго суда! Судебные уставы 20-го ноября 1864 г., организовавъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, возложили на нихъ всякаго рода повинности: во 1-хъ, безвозмездное ходатайство по дѣламъ гражданскимъ для лицъ неимущихъ и во 2-хъ, безвозмездную защиту по дѣламъ уголовнымъ подсудимыхъ, которые не могли лично найти себѣ защитника. Это такая же служба, какъ воинская повинность; ее можно исполнять двояко, какъ казенщину, формально, или съ усердіемъ, влагая душу въ дѣло, употребляя всѣ усилія, чтобъ подѣйствовать на умъ и сердце судей. Я полагаю, что только тотъ, кто исполняетъ эту обязанность послѣднимъ изъ двухъ способовъ, заслуживаетъ, чтобъ его уважали, и конечно, когда кому защитникъ понадобится, а онъ можетъ понадобиться всякому, то поже-

лаютъ найти только такого защитника, который бы не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между дѣломъ, назначеннымъ ему отъ суда по повинности, и дѣломъ, защищаемымъ имъ по соглашенію. Одно изъ такихъ дѣлъ выпало на долю присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго— защита жены поручика Крестовскаго. Вслѣдствіе этой защиты и по поводу ея было совершено нападеніе Крестовскаго на Соколовскаго, сопровождаемое тяжкими оскорбленіями. Оправданія, которыя, вѣроятно, будутъ приведены, могутъ заключаться только въ вспышкѣ гнѣва, въ увлеченіи чувства: хотя и имѣло мѣсто то, что по закону считается оскорбленіемъ, но то, что позволилъ себѣ Крестовскій въ квартирѣ Соколовскаго, извиняется страстью; военный человѣкъ особенно чутокъ ко всему, что касается чести и въ особенности чести сословной; онъ можетъ быть оправданъ. Если его даже осудятъ на одинъ, на два дня ареста, онъ будетъ считать осужденіе торжествомъ. Не для того, чтобъ помѣшать торжеству Крестовскаго и не для того, чтобъ сказать нѣчто о мѣрахъ наказанія, явились мы сюда, но для того, чтобъ возстановить истину, раскрывая событіе въ настоящемъ его видѣ. Постараюсь доказать, что ничего подобнаго вспышкѣ гнѣва не было; что Крестовскимъ въ его дѣйствіяхъ руководилъ самый холодный разсчетъ; что если репутація его пострадала, то вовсе не отъ того, что говорилъ Соколовскій; что послѣдній тутъ былъ не причемъ; что на Соколовскомъ вымещалась та досада, которая была послѣдствіемъ факта, а не словъ Соколовскаго; что въ самомъ способѣ возстановленія репутаціи Крестовскаго посредствомъ насилія и побоевъ не было ни малѣйшей удали и ничего похожаго на геройство!

Также какъ и г. прокуроръ, я разберу факты, изъ которыхъ состоитъ настоящее разбирательство, и обращу вниманіе на дѣло о прелюбодѣяніи, разсматривавшееся 1-го апрѣля, давшее поводъ къ происшествію, случившемуся 4-го апрѣля въ квартирѣ Соколовскаго. Что касается до дѣла г-жи Крестовской и Майкова, то,

по разсужденію г. предсѣдателя, оно должно оставаться тайною; намъ не позволяли приподнимать скрывавшую его занавѣсь. Изъ тѣхъ, однако, объясненій, которыя, не смотря на запрещеніе, представлены суду сторонами, видно, что дѣло это начато какъ будто совершенно помимо Крестовскаго: онъ не являлся обвинителемъ жены, не хотѣлъ присутствовать въ судѣ; истицею для вида и формы была сестра его, г-жа Майкова; тѣмъ не менѣе, г-жа Крестовская имѣла основаніе утверждать, а за нею утверждалъ и ея защитникъ, что починъ обвиненію данъ вовсе не Майковой, а самимъ Крестовскимъ, который и былъ настоящая по дѣлу сторона. Бывъ назначенъ защитникомъ, Соколовскій вызвалъ къ себѣ В. Д. Крестовскую, которая передала ему письма мужа, прося ихъ употребить какъ орудіе защиты. Крестовскій могъ явиться и не явиться на судъ, преслѣдовать жену самъ или чрезъ другихъ, но и г-жа Крестовская имѣла право защищаться, разоблачая, кто истецъ, и оправдывая себя несчастіями жизни семейной. Способъ защиты былъ внушенъ обстоятельствами; его Соколовскій не выдумалъ, его указала защитнику его кліентка.

Когда намъ, защитникамъ, по какому нибудь дѣлу сторона предлагаетъ свой личный взглядъ на дѣло и желаніе, и говоритъ: защищайте меня такимъ-то образомъ, то защитникъ по добровольному соглашенію, еще болѣе свободенъ, нежели защитникъ, назначенный отъ суда: онъ можетъ сказать: я буду защищать васъ по моему разумѣнію, а недовольны вы, такъ пріищите другого защитника. Но этого не можетъ сдѣлать защитникъ по назначенію: онъ долженъ придерживаться системы защиты, опредѣленной показаніями кліента, онъ долженъ пустить въ ходъ доказательства, данныя ему кліентомъ. Конечно, ему не слѣдуетъ кривить душою, клеветать на невиновныхъ противъ собственной своей совѣсти, онъ не превращается въ слѣпое орудіе страстей и пожеланій своего кліента. Соколовскій, получивъ письма, не могъ ими не воспользоваться; въ томъ,

что онъ ими воспользовался, нѣтъ вины, а есть исполненіе долга. Независимо отъ употребленія писемъ не клеветалъ ли онъ на Крестовскаго? — вотъ что важно знать. Соколовскій, какъ вы слышали по дѣлу, защищая г-жу Крестовскую, дѣйствительно отозвался неодобрительно о поведеніи ея мужа; онъ объясняетъ ея паденіе несчастно сложившимися семейными обстоятельствами, въ доказательство чего читалъ выдержки изъ писемъ и приводилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока ему не сказали: довольно. Еслибъ онъ ради какихъ нибудь постороннихъ соображеній, напримѣръ, чтобы не раздражить противъ себя Крестовскаго, чтобъ не имѣть отъ постороннихъ лицъ непріятностей, не воспользовался бы письмами или передалъ ихъ, ослабляя ихъ значеніе, то онъ поступилъ бы недостойно, потому что въ нашемъ сословіи есть также своего рода правила, своего рода отвага и она заключается въ томъ, чтобъ говорить прямо правду, называть вещи по имени: мерзость — мерзостью, порокъ — порокомъ и не уступать при изобличеніи зла «страха ради іудейска».

Но излагая факты, какъ они дѣйствительно были, можно прибавить кое что незначительное и отъ себя, пустить въ нихъ ѣдкую насмѣшку, можно даже глумиться — c'est le ton, qui fait la chanson. Спрашивается, не прибавилъ ли Соколовскій этого тону, не старался ли поднять на смѣхъ Крестовскаго? — Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Мать Крестовскаго и его друзья говорятъ, правда, что Соколовскій глумился. Но они пояснить не могутъ, въ чемъ состояло глумленіе. Напротивъ того, лица, бывшія въ засѣданіи и передающія смыслъ рѣчи и общее ея содержаніе, утверждаютъ, что защита была ведена какъ нельзя болѣе серьезно; если иногда у Соколовскаго выражалось негодованіе—то негодованіе строгаго моралиста. Наконецъ, Соколовскій, и это неподлежитъ сомнѣнію, это видно изъ показаній предсѣдателя и членовъ суда, не только не касается Крестовскаго, какъ литератора, какъ человѣка, не говоря уже о немъ,

какъ о военномъ, но онъ просто заявилъ, что будетъ разбирать дѣйствія Крестовскаго, не какъ человѣка, а только какъ дурнаго мужа и семьянина. Если въ самомъ дѣлѣ Крестовскій, какъ онъ заявилъ при слѣдствіи, не оскорбляется тѣмъ, что про него говорятъ, какъ про человѣка и какъ про литератора, то главный вопросъ, имѣющій большое значеніе въ судѣ военномъ, въ виду особенностей того сословія, къ которому принадлежитъ Крестовскій, можетъ состоять только въ томъ, что не задѣлъ ли Соколовскій чѣмъ нибудь военнаго мундира, не смотря на свою оговорку.

Господа судьи, когда на судѣ за спиною защитника сидитъ подсудимый, кліентъ и защитникъ составляютъ какъ бы одно лицо и что сказалъ защитникъ считается сказаннымъ кліентомъ, но не наоборотъ, когда судятъ защитника надобно разобрать, что сказалъ онъ и что сказалъ его кліентъ, судятъ защитника только за то, что произнесено имъ самимъ. Кліенткѣ Соколовскаго, г-жѣ Крестовской, предоставлено было послѣднее слово, въ которомъ она дѣйствительно касалась мужа и изображала его добивающимся развода ради успѣха по службѣ—*карьеристомъ*. Ее на этомъ и остановили. Если судъ остановилъ г-жу Крестовскую, то тѣмъ болѣе остановилъ бы онъ Соколовскаго, еслибъ сей послѣдній сталъ говорить нѣчто подобное. Изъ всѣхъ свидѣтелей одинъ присяжный повѣренный Ашебергъ утверждаетъ противное, но онъ видимо смѣшиваетъ сказанное Крестовскою съ тѣмъ, что сказано Соколовскимъ. Я объясняю это противорѣчіе Ашеберга съ показаніями судей только тѣмъ, что г. Ашебергъ въ то время напрягалъ всѣ свои мозговыя силы, чтобъ подготовить отвѣтъ по содержанію читанныхъ писемъ, съ которыми онъ не былъ до того знакомъ; легко допустить, что при этихъ условіяхъ и Ашебергъ смѣшалъ лица и сказанное г-жею Крестовскою отнесъ къ Соколовскому. Соколовскій ничего подобнаго не говорилъ, никакихъ цѣлей, никакихъ побужденій, заставившихъ Крестовскаго начать это дѣло чрезъ сестру, онъ не приводилъ; онъ

объяснялъ только прошедшее, какъ оно сложилось; онъ приводилъ только факты; общее построеніе его рѣчи извѣстно. Спрашивается; въ какомъ мѣстѣ рѣчи могла найти мѣсто фраза, которую ему приписываютъ объ арміи, гвардейской поверхности и щепетильности насчетъ гвардейскаго достоинства.

Свидѣтели подраздѣляются на два лагеря: съ одной стороны—мать, братъ Крестовскаго, полковникъ Качаловъ; съ другой—всѣ остальные свидѣтели, кромѣ одного только Ашеберга, о которомъ уже я высказалъ свое мнѣніе. Которая изъ двухъ партій права? Я думаю, что хотя я не могу не уважать Качалова, какъ полковника, но я вправѣ имѣть свободное мнѣніе о немъ, какъ о свидѣтелѣ, и если я, сравнивая показанія свидѣтелей, докажу, что показаніе Качалова не согласно съ обстоятельствами дѣла, то могу вывести заключеніе, что показаніе его не согласно съ истиною. Что касается до матери и брата, то они стоятъ слишкомъ близко къ подсудимому, чтобы на нихъ можно было полагаться; они по закону свидѣтели безприсяжные, они по всѣмъ законодательствамъ свидѣтели ненадежные, показанія ихъ вообще имѣютъ достовѣрность относительную. Я полагаю, что знаменитая фраза, на которой все держится, никогда не была произнесена. Она опровергается всѣми остальными свидѣтелями, кромѣ Качалова: Савицкимъ, Сосновскимъ, Костровицкимъ, она категорически отвергается тремя судьями. Во-вторыхъ, запамятованіе ея противно мнемоникѣ, или законамъ дѣятельности памяти. Вообще умъ нашъ такъ устроенъ, что схватываетъ и удерживаетъ общій смыслъ событій, общіе факты, но не въ состояніи уловить всѣ подробности; вотъ почему когда спрашиваютъ много свидѣтелей и когда они передаютъ сказанное каждый по-своему иными словами, то мы довольствуемся тѣмъ, что общій смыслъ сказаннаго одинаковъ въ показаніяхъ, но если они одинаково повторяютъ одну только фразу, не помня общаго построенія рѣчи, то слѣдуетъ заключить, что они эту фразу вытвердили наизусть, а не передаютъ свои

впечатлѣнія. Умъ нашъ слѣдитъ зорко: выдвигается подробность, онъ запомнилъ откуда она вытекаетъ; вниманіе его поражено рѣзкостью фразы, слушатель еще съ большимъ вниманіемъ будетъ наблюдать къ чему поведетъ въ концѣ концовъ поразившая его мысль, но никогда не бываетъ, чтобы одна отдѣланная, отчеканенная фраза запала въ память, а все остальное ушло въ туманъ. Третій мой доводъ тотъ, что обличаемая фраза была въ рѣчи Соколовскаго совсѣмъ не кстати: ни къ селу, ни къ городу. Если Соколовскій билъ на отношенія семейныя, то въ его интересахъ было устранить все постороннее и незачѣмъ было трогать Крестовскаго съ другой стороны. Наконецъ, четвертое мое доказательство то, что вся фраза смысла человѣческаго не имѣетъ; я дѣйствительно удивляюсь ей, я въ ней нѣкоторыхъ словъ совсѣмъ не понимаю, напримѣръ—«гвардейская поверхность». Если бы, не смотря на безсмысленность, доискиваться въ ней тенденціи, то это такая тенденція, которая могла бы быть вложена только человѣкомъ близко стоящимъ къ военному быту и службѣ; но никакъ не статскимъ, какъ Соколовскій. Соколовскій никогда не заглядывалъ въ формулярный списокъ Крестовскаго, онъ не интересовался его чинами и производствомъ, если для него могло быть что нибудь противное въ Крестовскомъ, то какъ въ писателѣ. Крестовскій самъ говоритъ, будто бы они принадлежатъ къ двумъ враждебнымъ лагерямъ. Что же удивительнаго съ точки зрѣнія Соколовскаго, какъ литератора, что Крестовскій могъ быть изъ арміи переведенъ въ гвардію; онъ военный беллетристъ, исторіографъ полка, человѣкъ въ извѣстной степени съ талантомъ; такихъ титуловъ достаточно, чтобы получить отличіе. Наконецъ, замѣтимъ, что вся эта фраза такъ построена, что въ ней исчезаетъ Крестовскій, какъ человѣкъ, скрывается Крестовскій, какъ литераторъ, а остается только офицеръ гвардейскаго полка. Если приставите эту фразу къ фразѣ Крестовскаго: «Я не оскорбляюсь какъ человѣкъ, какъ литера-

торъ, но оскорбляюсь только какъ военный», то придете къ убѣжденію, что обѣ фразы и приписываемая Соколовскому и высказанная Крестовскимъ, прилегаютъ плотно одна къ другой, и что первая изъ нихъ не могла быть произнесена Соколовскимъ. Если она не произнесена Соколовскимъ, то надо заключить, что Соколовскій во всю эту исторію попалъ «какъ куръ во щи», что защита его было обязательная, что онъ не могъ вести ее иначе, что ее повелъ бы такимъ точно образомъ всякій, что будь на мѣстѣ Соколовскаго я, или каждый изъ насъ, то и съ нимъ бы случилась таже непріятность, какъ и съ Соколовскимъ.

Таковы начала, по которымъ слѣдуетъ судить о событіи. Я приступаю теперь къ самому событію и долженъ разъяснить его, во 1-хъ, относительно мотивовъ, которые; долженъ былъ имѣть Крестовскій, чтобы нанести оскорбленіе Соколовскому, и во 2-хъ, относительно подробностей самаго оскорбленія, такъ какъ по свидѣтельству многихъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей никакой фразы о военномъ званіи Крестовскаго Соколовскій не произнесъ. Слѣдовательно, Крестовскій, какъ военный человѣкъ, не имѣлъ повода оскорбиться рѣчью Соколовскаго. Ему могло быть непріятно все и сказанное и прочитанное только какъ человѣку вообще. Онъ могъ быть увѣренъ, что дѣло, его касавшееся не сдѣлается достояніемъ публики, потому что оно производилось при закрытыхъ дверяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ опасаться, что кое что изъ этого дѣла просочится, дойдетъ до товарищей, до начальства, потому что на судѣ присутствовали нѣкоторые изъ военныхъ, изъ товарищей, которые все слышали и наблюдали. Присутствовавшіе при судоговореніи по всей вѣроятности, какъ непривычные, не отдѣляли въ умѣ своемъ доказательствъ Соколовскаго отъ его выводовъ и соображеній. Къ такимъ слушателямъ, я полагаю, можно причислить и Качалова.

Когда товарищъ слышитъ о товарищѣ на судѣ какую нибудь непріятную новость,—онъ не разбираетъ, гдѣ

кончается доказательство, гдѣ выводъ, ему свойственно заступиться за товарища, предположить, что его оклеветали, обратиться къ нему и сказать:—о тебѣ дурно говорили, тебѣ надо отстоять свою честь. Къ Крестовскому не могли не обратиться съ такими предложеніями близкія ему лица, какъ Качаловъ; очень вѣроятно, что Крестовскій вслѣдствіе этихъ сообщеній находился подъ извѣстнымъ психическимъ давленіемъ и долженъ былъ предвидѣть, что если онъ не оскорбится, не приметъ къ сердцу, что о немъ было говорено, то его будутъ меньше уважать и сочтутъ тряпкою. Я глубоко убѣжденъ, что въ глубинѣ души Крестовскій не могъ оскорбиться тѣмъ, что говорилось Соколовскимъ, потому что оно было сказано по обязанности званія, но ему по военному положенію подобаетъ счесть себя оскорбленнымъ. Какимъ путемъ искать удовлетворенія? Путь этотъ уже былъ намѣченъ г. прокуроромъ.

Между людьми порядочными извѣстно, какъ искать удовлетворенія: обыкновенно требуются объясненія отъ произнесшаго оскорбительныя слова; объясненія эти требуются не посредствомъ личнаго свиданія, которое большею частію раздражаетъ, но чрезъ посредниковъ, чрезъ пріятелей, которые поѣдутъ, разузнаютъ. Я допускаю, что, если обида слишкомъ велика, можно оскорбиться, начать съ того, чтобы расправиться съ противникомъ но тотъ, кто оскорбилъ, если онъ человѣкъ, дѣйствительно понимающій честь, и рыцарь,—долженъ предоставить обиженному удовлетвореніе и выйти съ нимъ на дуэль. Вотъ тотъ путь, по которому надлежало бы слѣдовать Крестовскому. При слѣдованіи по этому пути дѣло могло всесторонне разъясниться. Тѣ товарищи, которые явились бы къ Соколовскому, узнали бы, что онъ говорилъ, и репутація Крестовскаго была бы либо очищена, либо открылось бы, что она запятнана не тѣмъ, что Соколовскій говорилъ но обстоятельствами дѣла. Подобный исходъ былъ явно не выгоденъ. Во всякомъ случаѣ дуэль неудобна еще и потому, что не можетъ не

повредить служебному положенію лица, что портитъ его карьеру. Такимъ образомъ, Крестовскому предстояло разрѣшить слѣдующую задачу: придумать средство. которое и репутацію его возстановило бы, и служебную карьеру его не испортило. Средство найдено вполнѣ подходящее, хотя весьма не рыцарское: сначала побить Соколовскаго, потомъ сказать, что онъ военный мундиръ порочилъ, и явиться такимъ образомъ предъ товарищами и начальствомъ мстителемъ за этотъ мундиръ.

Вотъ тѣ настоящіе мотивы, которые руководили Крестовскимъ при совершеніи обиды; мотивы всѣ построены на фразѣ; фраза эта не была произнесена Соколовскимъ, фразу эту не могъ произнести Соколовскій. Если ее разобрать, то нельзя не сознаться, что она искусно придумана, что на военныхъ она могла подѣйствовать: въ ней заключается, во 1-хъ, то, что будто бы Крестовскаго, какъ военнаго, порочили; во 2-хъ, то, что будто бы Соколовскій выражался презрительно о чести мундира, что онъ отрицаетъ всякую особенную честь, а слѣдовательно, и военную, всякую честь кромѣ общечеловѣческой. Что касается до перваго положенія, то я думаю, что никакое сословіе, гг. судьи, не можетъ оскорбиться только тѣмъ, что нѣчто дурное сказано о комъ либо изъ его членовъ. Мы всегда отличаемъ званіе и носящаго это званіе,—власть и человѣка, имѣющаго эту власть. Правда, есть и противоположныя, понятныя попытки смѣшивать оба понятія, напр. когда говорятъ дурно о духовномъ лицѣ, то оно расположено доказывать, что въ его лицѣ оскорблена сама религія и т. п. Но вообще на этотъ аргументъ немногіе дадутъ себя поймать и надобно доказать, что именно порочили человѣка, какъ военнаго, только потому, что онъ носитъ военный мундиръ. Приписывать эту мысль не только Соколовскому, но кому бы то ни было изъ насъ, я полагаю, до такой степени странно, лишено основанія, что подобное обвиненіе просто нелѣпо. Въ Россіи, гдѣ военное званіе въ такомъ почетѣ, гдѣ большая часть славы

народной есть слава военная, гдѣ образованіе военное поставлено на высокую степень развитія, гдѣ съ давняго времени лира браталась съ мечемъ, гдѣ изъ военныхъ были замѣчательнѣйшіе поэты и писатели: Жуковскій, Лермонтовъ, Чаадаевъ, Левъ Толстой... ни съ чѣмъ было-бы несообразно и просто безсмысленно попрекать человѣка тѣмъ, что онъ носитъ мундиръ. Соколовскій не могъ этого говорить. Что касается до другого положенія, т. е. до отрицанія военной чести, то я думаю, что и честь военнаго имѣетъ корнемъ и основаніемъ человѣческое достоинство вообще; но понятно, что въ каждомъ сословіи общія понятія о чести окрашиваются свойственнымъ сословію колоритомъ, а это всего ближе должно быть извѣстно именно намъ, имѣющимъ свою особую корпорацію и дорожащимъ ея честью. Есть честь военная и она должна быть, во 1-хъ, вслѣдствіе сильной сплоченности этого сословія и солидарности его членовъ; военные люди имѣютъ свой нравственный кодексъ, гораздо болѣе требовательный, чѣмъ общія правила; во 2-хъ, потому, что обязанность жертвовать жизнью, слѣдовательно самымъ дорогимъ, что человѣкъ имѣетъ, для цѣлей государства, налагаетъ на военнаго особую печать. Сословіе есть хранитель чувствъ рыцарства, благородства и оно выбрасываетъ изъ себя всѣхъ людей недостойныхъ, которые оказываются, что этими чувствами не воодушевлены. Вотъ почему вся фраза не могла выйти изъ устъ Соколовскаго, очень хорошо понимающаго значеніе сословной чести; но эта фраза могла произвести на мало разборчивыхъ свой эфектъ. Перехожу къ самому событію. Являются трое офицеровъ, участвуютъ въ расправѣ, которую я долженъ назвать кулачной; кулачный бой, драка, грубое насиліе — дѣйствія неприличныя, непохвальныя, отталкивающія. Чтобы прикрыть безобразіе, скрасить его — принимаются мѣры, придумываются предлоги и поводы, заключающіеся въ слѣдующемъ: сочи[illegible]иска, предлагаем[illegible]будто-бы Соколовскому

для подписанія. Говорятъ, что если-бы Соколовскій ее подписалъ, то тѣмъ все-бы и кончилось; во-вторыхъ, изобрѣтается фраза: «мы пріѣхали съ самыми мирными намѣреніями»; въ третьихъ, измышляется грозное положеніе, которое будто-бы принялъ Соколовскій, скрываясь за стулъ, и которое имѣло послѣдствіемъ ту вспышку гнѣва, которая разразилась ударомъ. Все это—предлоги. Нельзя не видѣть, что эти обстоятельства заранѣе подготовлены. Записка писалась 3-го апрѣля; такъ какъ въ ней нѣтъ ни слова о мундирѣ, о военной чести, то можно заключить, что еще 3-го апрѣля не додумались до фразы о гвардейскомъ достоинствѣ. Мысль, которая руководила составителями записки, была та, что Крестовскій оскорбленъ, какъ человѣкъ и что повредили его доброму имени и чести; мало того,—эта записка такого рода, что я не думаю, чтобы человѣкъ честный, благородный, уважающій чужое достоинство, какъ свое собственное, рѣшился предложить подписать другому лицу такую бумажку. Она могла подѣйствовать на труса; но человѣкъ, сколько нибудь уважающій себя, не могъ ее подписать: подписывая ее, Соколовскій нарушилъ бы свою обязанность, какъ защитникъ; такъ какъ надо было подписать, что онъ дозволилъ себѣ недостойную выходку, надо было написать, что говорилъ то, на произнесеніе чего онъ не имѣлъ юридическаго права. Коль скоро говорилъ на судѣ,—стало быть имѣлъ это право... Никакой благородный человѣкъ не могъ подписать такую бумажку, а слѣдовательно и предлагать кому нибудь подписать ее—значитъ наносить обиду, все равно, что ударить кулакомъ. Эта бумажка не играетъ никакой роли при объясненіяхъ съ Соколовскимъ; она написана, но предъявлена не была; она не показывалась, она подана только въ комендантскомъ управленіи. Затѣмъ, что касается до миролюбивыхъ намѣреній, то свидѣтели — спутники впадаютъ въ противорѣчіе: Качаловъ говоритъ, что сначала было предложено объясниться, а потомъ были произнесены слова о миролюбивыхъ намѣреніяхъ, а Невѣровъ

говоритъ. что Крестовскій началъ съ миролюбивыхъ намѣреній и потомъ пытался объясняться. Я полагаю, что когда врываются въ чужое жилище безъ спросу. когда пристаютъ къ человѣку, занятому дѣломъ.—миролюбивыя намѣренія звучатъ какъ иронія. какъ злая насмѣшка ихъ можно принять за шутку. но ни за что другое. Наконецъ. что касается до угрожающаго положенія Соколовскаго, то кресла были велики. ихъ поднять было нельзя; Качаловъ допускаетъ, что они не были подняты. Всякій знаетъ. что идти за брустверъ,—значитъ защищаться. а не нападать. Это угрожающее положеніе только предлогъ: безъ вызова, безъ неприличныхъ словъ со стороны Соколовскаго, Крестовскій нанесъ ему или пытался нанести ударъ. Желаніе оскорбить. нанести тяжелую обиду Соколовскому у Крестовскаго было столь сильно. что онъ повторяетъ тоже оскорбленіе безъ всякаго вызыва символически, бросивъ перчатки въ лицо. Для меня не имѣетъ никакого значенія вопросъ. былъ-ли нанесенъ ударъ Соколовскому или нѣтъ. остановленъ-ли былъ Крестовскій или нѣтъ; ударъ можетъ быть нанесенъ всякому. Свидѣтель Алаевъ утверждаетъ. что удара нанесено не было. Во всякомъ случаѣ Крестовскій старается усилить оскорбленіе. утверждая. что нанесъ ударъ и въ добавокъ къ похвальбамъ обнажаетъ саблю до половины. Такъ какъ обида нанесена Соколовскому за исполненіе имъ обязанностей его званія. то Соколовскій не могъ отнестись къ ней иначе. какъ сказавъ. что онъ не будетъ драться, что у него личныхъ счетовъ съ Крестовскимъ не можетъ быть. Тутъ кончается сторона героическая и начинается практическая: стремленіе обезпечить себѣ плоды побѣды: не даютъ времени Соколовскому одуматься, не останавливаются на томъ, что онъ, можетъ быть, несмотря на сказанное сгоряча, потребуетъ поединка; спѣшатъ оповѣстить великое событіе, сдѣлать его всюду извѣстнымъ. Пришли въ квартиру [illegible]вѣка, оскорбили его и затѣмъ ѣдутъ разглашать в[illegible]дантское управ-

леніе, доводятъ до свѣдѣнія начальства и стараются оправдаться случаемъ, что Соколовскій оскорбилъ военный мундиръ и потому побитъ. Обида является только военной; литераторъ и человѣкъ скрывается за офицеромъ. Я полагаю, что весь способъ передачи событія есть ничто иное, какъ маска, что Крестовскій, не будучи оскорбленъ, какъ военный, достигалъ посредствомъ своихъ заявленій о своемъ подвигѣ цѣлей для него полезныхъ, выгодъ прямыхъ, средствомъ непохвальнымъ. Кончикъ маски приподнятъ и вы, господа судьи, разглядите за нею настоящее лицо.

Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ судьямъ, и полагаю, что вы оцѣните этотъ поступокъ Крестовскаго. Вы члены великой судебной организаціи, которая простирается не только на войско, но и на весь народъ. Лучшія воспоминанія нашей дѣятельности связаны съ вашимъ судомъ. Говорить вамъ о правосудіи было бы излишне. Я все сказалъ, что было у меня на душѣ.

С.-петербургскій военно-окружный судъ, признавъ поручика Крестовскаго виновнымъ въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ присяжному повѣренному Соколовскому, происшедшей вслѣдствіе неприличнаго обращенія съ нимъ пр. пов. Соколовскаго въ его квартирѣ, постановилъ: подвергнуть Крестовскаго аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли; по обвиненію же его въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ считать по суду оправданнымъ.

19.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Даніилъ Шумахеръ преданъ былъ вмѣстѣ съ многими другими лицами суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію:

1) въ томъ, что, состоя товарищемъ предсѣдателя московскаго коммерческаго ссуднаго банка и будучи обязанъ уставомъ банка управлять дѣлами банка, снабжать директора-распорядителя подробною инструкціею по исполненію всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей, ревизовать дѣйствія правленія и повѣрять кассу банка, опредѣлять товары и процентныя бумаги, подъ залогъ которыхъ могутъ быть производимы ссуды, подробно разсматривать вопросы по операціямъ, выходящимъ изъ ряда текущихъ, и наблюдать за размѣромъ покупки и продажи бумагъ, правительствомъ не гарантированныхъ — нѣкоторыхъ изъ обязанностей сихъ вовсе не исполнялъ, а къ другимъ относился до крайности нерадиво и тѣмъ далъ Ландау, Полянскому и Струсбергу возможность совершить преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя 13, 1154, 1155, 373 и 354 ст. улож. о наказ.; каковыя дѣйствія Шумахера предусмотрѣны 1154, 404, 351 и 360 ст. улож. о наказ.

2) въ томъ, что, узнавъ, 5-го и 6-го октября 1875 года, о противозаконной выдачѣ Струсбергу около семи милліоновъ изъ ввѣренныхъ банку суммъ и о послѣдовавшей отъ того утратѣ не только всего складочнаго капитала, но и значительной части суммъ вкладчиковъ, а также о невѣрности отчета на 1-е октября 1875 года — онъ, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же пріостановить банковыя операціи распорядился продолжать ихъ и продолжалъ до 11-го октября, скрывая истинное положеніе дѣлъ банка отъ публики, введенной въ заблужденіе напечатаннымъ въ газетахъ невѣрнымъ отчетомъ на 1-е

октября 1875 года; такими дѣйствіями: а) допустилъ уменьшеніе оставшихся въ банкѣ къ 5-му и 6-му октября капиталовъ, составлявшихъ общую собственность кредиторовъ банка и подлежавшихъ соразмѣрному между ними распредѣленію выдачей вкладовъ полнымъ рублемъ многимъ лицамъ, по преимуществу такимъ, которыя стояли въ дружескихъ, родственныхъ или вообще въ близкихъ отношеніяхъ къ членамъ совѣта и правленія банка и между прочимъ къ нему, Шумахеру, съ нарушеніемъ при этомъ правилъ, установленныхъ для выдачи по чекамъ; б) вовлекъ лицъ, внесшихъ свои вклады послѣ 5-го октября, въ невыгодныя для нихъ по имуществу сдѣлки, и в) далъ возможность нѣкоторымъ членамъ совѣта московскаго коммерческаго ссуднаго банка сбыть чрезъ посредство другихъ лицъ принадлежавшія имъ и переведенныя на предъявителя акціи банка по высокой цѣнѣ, тогда какъ эти акціи не имѣли уже никакой цѣнности. Дѣйствія эти предусмотрѣны 1155, 1688, 1665, 1666 и 1198 ст. улож. о наказ.;

3) въ томъ, что съ цѣлью не потерять дивиденда на акціяхъ банка, не подвергнутыя отвѣтственности за нарушеніе § 11-го п. і устава банка и скрыть отъ публики критическое положеніе дѣлъ, подложно и въ явное нарушеніе § 62-го устава банка, составилъ отчеты за 1873 и 1874 годы и достигъ утвержденія ихъ общими акціонерными собраніями, заранѣе образовавъ составъ таковыхъ искуственно, въ явное нарушеніе устава банка. Эти преступныя дѣянія предусмотрѣны 1154 и 362 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 2-го октября по 2-е ноября 1876 года.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Шумахеръ признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, лишь въ томъ, что онъ, послѣ 5-го и 6-го октября 1875 года, сознавая, что для полнаго удовлетворенія своихъ кредиторовъ банкъ не будетъ имѣть средствъ, воспользовался должностью члена совѣта для полученія вклада полностью и поспѣшилъ взять его изъ банка. Московскій окружный судъ, въ силу рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, *опредѣлилъ:* лишивъ Шумахера, всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить его въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ.

Рѣчь въ защиту Д. Д. Шумахера, произнесенная въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 10-го апрѣля 1877 года.

Изъ ряда всѣхъ дѣлъ, которыя создавала жизнь русская въ области уголовной въ одиннадцатилѣтній пе-

ріодъ существованія судебныхъ уставовъ, дѣло московскаго коммерческаго ссуднаго банка выдѣляется какъ великанъ, какъ колоссъ, какъ Левіаѳанъ, до того оно сложно, вѣтвисто, до того оно подавляетъ совимъ объемомъ, до того оно неудобно для обработки, трудно для переработки. Страшно подумать о томъ, что станется, если придется его возобновить, и если придется подвергать новому испытанію совѣсть настоящихъ мучениковъ по настоящему дѣлу, присяжныхъ засѣдателей, если по уничтоженіи всей массы труда, потраченнаго на созданіе постановленнаго присяжными приговора, который былъ вообще принятъ сочувственно, какъ приговоръ справедливый, придется опять вытряхивать все дѣло и подымать опять столбомъ на всю Россію улегшуюся отъ него пыль! Эти соображенія, которыхъ недостатокъ заключается не въ томъ, что они утилитарныя, но въ томъ, что они не глубокія, поверхностныя, не могутъ имѣть особаго значенія, разсматриваемыя съ той высоты, на которой стоитъ у насъ кассаціонное производство. Во всякомъ дѣлѣ есть два элемента: мѣняющееся ихъ существо, сторона индивидуальная, и общія, коренныя начала права, установленныя не на сегодня или завтра, но на долгія времена и врученныя вамъ, господа сенаторы, какъ хранителямъ, съ тѣмъ, чтобы вы заботились о томъ, чтобы эти свѣтильники не погасли и чтобы за отсутствіемъ ихъ не наступило въ области суда того колебанія и шатанія по дуновенію вѣтра, во избѣжаніе которыхъ и установлено кассаціонное производство. Для кассаціонной инстанціи не существуетъ различія дѣлъ большихъ и малыхъ, при томъ при всякомъ почти вторичномъ разсмотрѣніи дѣла послѣ отмѣны прежняго рѣшенія количественное разсмотрѣніе дѣла уменьшается, нѣкоторые спорные пункты уже окончательно упразднены, потому что цѣлые отдѣлы прежняго рѣшенія не опротестованы и не обжалованы. И такъ мы, участвующіе въ состязаніи въ кассаціонной инстанціи стороны, приступаемъ къ исполненію нашихъ

обязанностей съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что ни величина дѣла, ни нежеланіе трогать установившійся фактъ не удержатъ правительствующій сенатъ отъ кассаціи, если только попраны въ рѣшеніи коренныя начала права. У многихъ изъ насъ защитниковъ и подсудимыхъ есть общіе кассаціонные поводы, о которыхъ каждый вѣроятно скажетъ по нѣскольку словъ, избѣгая повтореній уже высказаннаго товарищами, и есть свои особенные кассаціонные мотивы, соотвѣтствующіе особенному положенію въ дѣлѣ ихъ кліентовъ, мотивы, которые придется развить съ большею подробностью и обстоятельностью. Для всѣхъ бывшихъ членовъ совѣта банка общимъ вопросомъ является вопросъ объ ихъ имущественной отвѣтственности за дѣянія, по которымъ они присяжными оправданы. Съ этого вопроса я и начну защиту Шумахера, какъ члена совѣта, за послѣдствіе незакрытія банка совѣтомъ въ теченіи почти недѣли съ 5-го по 11-е октября 1875 года. При выполненіи этой части задачи я озабоченъ больше всего тѣмъ, чтобы вѣрно поставить вопросъ и потомъ разрѣшить его дедуктивно, исходя изъ коренныхъ безспорныхъ началъ права и наблюдая, чтобы и въ цѣпи умозаключеній была полная непрерывность, чтобы безъ пропусковъ и скачковъ вытекало изъ наиболѣе общихъ началъ права прямое заключеніе о томъ, чему слѣдуетъ быть или не быть, какъ послѣдствію фактовъ, закрѣпленныхъ приговоромъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ Москвѣ существовалъ коммерческій ссудный банкъ; въ банкѣ этомъ былъ совѣтъ, какъ всѣ подобныя установленія, недѣятельный и движущійся у правленія банка на буксирѣ. Присяжные укрѣпили своимъ приговоромъ неоспариваемый нынѣ никѣмъ фактъ, что до 5-го октября 1875 г. члены совѣта не знали ровно ничего о состояніи дѣлъ банка, объ неминуемомъ крахѣ, объ истощеніи всего вкладочнаго капитала банка и части капитала вкладчиковъ. Съ 5-го по 11-е октября слѣдуетъ промежутокъ, въ теченіе котораго положеніе

дѣлъ банка раскрылось и онъ *могъ-бы быть закрытъ, но не былъ закрытъ.* Въ теченіе этой роковой недѣли совершалось то, что прокуратурѣ московской угодно было назвать мародерствомъ, грабежемъ мертваго тѣла банка. Въ уставѣ имѣется § 66, предписывающій обязательно закрытіе банка, когда его вкладочный капиталъ истощится или уменьшится ниже извѣстныхъ предѣловъ. Въ этомъ § не опредѣлено, кто долженъ закрыть банкъ въ предусмотрѣнномъ случаѣ: правленіе, совѣтъ или только общее собраніе акціонеровъ. Вопросъ этотъ споренъ и выясненъ онъ быть не могъ и не можетъ присяжными засѣдателями. Какъ-бы то ни было совѣтъ бездѣйствовалъ, колебался, посылалъ въ Петербургъ съ челобитною къ министру финансовъ. Какъ-бы то ни было между бездѣйствіемъ совѣта и тѣмъ, что произошло въ эти дни (5—11 октября) была прямая *причинная* связь, удостовѣренная въ отвѣтахъ на вопросы 43 — 46 присяжными, приговоръ которыхъ можетъ быть изображенъ въ слѣдующей формѣ: если-бы банкъ закрытъ былъ 5-го октября по распоряженію совѣта, то не было-бы выдачи вкладовъ на 2.400,000 руб., не было-бы пріема вкладовъ и продажи акцій на биржѣ; такъ какъ банкъ закрытъ не былъ, то всѣ исчисленныя обстоятельства осуществились. Смыслъ отвѣтовъ совершенно ясенъ, но форма вопросовъ неправильна и нелогична. «Совѣтъ, сказано въ вопросахъ, не закрылъ банка, но продолжалъ его дѣйствіе», слѣдовательно *распорядился* такимъ образомъ, что отъ сего произошли такія-то послѣдствія. Ясно, что въ вопросахъ положительное перемѣшано съ отрицательнымъ, активное съ пассивнымъ. Совѣтъ не закрылъ, слѣдовательно не распорядился и это нераспоряженіе влекло такое-то послѣдствіе. Самъ судъ, не называя усматриваемаго въ отвѣтѣ присяжныхъ событія преступленія, подводитъ его подъ 341 ст. улож., слѣдовательно подъ бездѣйствіе власти, дѣяніе отрицательное. Это отрицательное свойство дѣянія проливаетъ свѣтъ на самую причинную связь между от-

рицательнымъ дѣяніемъ и его послѣдствіями. Связь эта тоже отрицательная, ипотетическая, не реальная, а только возможная. Совѣтъ если-бы закрылъ банкъ былъ бы положительно причиной небытія вредныхъ послѣдствій отъ незакрытія банка. Но если ихъ бытіе обусловилось тѣмъ, что фальшиво названо распоряженіемъ совѣта, между тѣмъ какъ оно состояло въ бездѣйствіи, то оно обусловилось также и бездѣйствіемъ всѣхъ *тѣхъ лицъ и установленій*, которыя находились въ точно такомъ же положеніи, какъ совѣтъ, могли закрыть, но не закрыли его по § 66 устава банка; закрыть банкъ могли: совѣтъ, правленіе, даже само правительство. Всѣ эти лица стоятъ въ отношеніи къ банку въ одномъ ряду. Я позволю себѣ пояснить мою мысль примѣромъ. Совершено убійство; обнаружено, что о преступномъ замыслѣ зналъ А., что онъ могъ задержать убійцу коего не задержалъ и что вслѣдствіе такого «распоряженія», какъ-бы выразился московскій окружный судъ, убійство совершилось. Не только нельзя установить положительной причинной связи между дѣйствіемъ А. и убійствомъ, не только нельзя возлагать всю громадную отвѣтственность за послѣдствіе убійства на одного А., когда оказывается, что въ точно такомъ же какъ А. положеніи были В. и С., одинаково знавшіе о замыслѣ и не воспрепятствовавшіе его осуществленію, но и преслѣдуемъ уголовно могъ-бы быть А. только какъ прикосновенное къ дѣлу лицо, и именно: только какъ укрыватель или недонесшій о преступленіи до свѣдѣнія начальства (о совѣтѣ банка не можетъ быть притомъ и рѣчи, какъ о недонесшемъ, такъ какъ онъ начальству (?) тотчасъ же донесъ, отправивъ депутацію къ министру финансовъ). Легко понять, какое громадное послѣдствіе имѣло подставленіе вмѣсто неопредѣленнаго бездѣйствія весьма опредѣленнаго распоряженія. *Litera docet, litera nocet*, говоритъ пословица. Употребленіе понятія: распоряженіе вмѣсто понятія бездѣйствія, т. е. нераспоряженіе превратило людей пассивныхъ въ ак-

тивныхъ, простыхъ прикосновенныхъ въ участниковъ, не рѣшившихся ни на что, въ участвовавшихъ по взаимному соглашенію. Приведя обѣ статьи: и 648 ч. 1 т. X о солидарной отвѣтственности участвовавшихъ въ преступленіи по предварительному соглашенію и 650 ст. о долевой отвѣтственности участниковъ не по предварительному соглашенію, судъ присудилъ членовъ совѣта къ солидарной отвѣтственности за «бездѣйствіе» по своей догадкѣ, а вовсе не по отвѣтамъ присяжныхъ, которымъ даже и не предлагался вопросъ о предварительномъ соглашеніи. Обхожу эти странности, натяжки, введенные въ приговоръ контрабанднымъ образомъ посредствомъ выскобленія двухъ буквъ: *не* предъ словомъ распоряженіе и спѣшу далѣе.

Такъ или иначе связь причинная завязана, но я утверждаю, что завязана плохо. Не всѣ причинныя связи между дѣяніями и ихъ послѣдствіями разбираются уголовнымъ порядкомъ. Всѣ предметы, подлежащіе вѣдѣнію судовъ, подраздѣляются на двѣ категоріи: либо споры о правѣ гражданскомъ, либо преслѣдованія за преступленія и проступки. Для двухъ этихъ категорій существуютъ и два особые рода суда, какъ бы двѣ исполинскія мельницы, перемалывающія твердые, ей только свойственные продукты. Пущена въ дѣйствіе мельница гражданскаго суда... попадется ей предметъ несвойственный въ видѣ преступленія, она его изолируетъ, согласно 8 ст. уст. гражд. суд. и перекидываетъ въ судъ уголовный, либо по очищеніи его отъ тѣхъ гражданскихъ отношеній, въ которыя онъ былъ запутанъ, либо со всѣми гражданскими послѣдствіями предполагаемаго преступнымъ дѣянія, если для этихъ послѣдствій уголовное свойство дѣянія составляетъ вопросъ преюдиціальный, отъ котораго эти послѣдніе зависятъ. Съ другой стороны, если пущена въ ходъ машина уголовнаго суда и въ ея зубья попадаютъ вопросы гражданскаго права о собственности, объ обязательствахъ, о семейномъ состояніи лицъ, то и ей прихо-

дится по 27 ст. уст. уг. суд. или не переставая дѣйствовать, отдѣлить и выбросить эти посторонніе для уголовнаго механизма предметы, либо передать въ судъ гражданскій вмѣстѣ съ этими гражданскими отношеніями и самый уголовный вопросъ обвиненіемъ проектируемый. Изъ этого общаго правила существуетъ одно только исключеніе: вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія, составляя гражданское послѣдствіе преступленія, можетъ быть опредѣлено и судомъ гражданскимъ и судомъ уголовнымъ по выбору истца, ради удобства для пострадавшихъ отъ преступленія, ради сокращенія времени. Подсудимый-отвѣтчикъ по отношенію къ тѣмъ послѣдствіямъ своего преступленія лишается гарантій, какія ему предоставляютъ гражданское судопроизводство, болѣе осторожное; это лишеніе есть до извѣстной степени часть наказанья за преступленіе, оно находитъ свое оправданіе въ томъ, главнымъ образомъ, что судится виноватый. Чтобы присудить уголовнымъ судомъ вознагражденіе за вредъ отъ преступленія необходимо: 1) чтобы существовали данныя, которыя бы по своему составу вполнѣ соотвѣтствовали признакамъ преступленія и 2) чтобы въ этомъ преступленіи былъ виновенъ подсудимый, какъ главное, второстепенное или прикосновенное лицо. Итакъ, необходимо сначала отыскать событіе преступленія, а потомъ изслѣдовать, какъ его совершили. Постараемся открыть его, отвлекая отъ виновниковъ; судъ утверждаетъ, что оно есть, я же постараюсь доказать, что оно не существуетъ вовсе.

Та самая двусмысленность, которая составляетъ коренной недостатокъ всей части приговора, касающейся членовъ совѣта, проявляется и въ изслѣдованіи суда по предмету описываемаго событія преступленія. Судъ ставитъ два понятія діаметрально противоположныя и разсуждаетъ по пословицѣ: *не мытьемъ такъ катаньемъ*; члены совѣта виновны, если не по первому, то по второму, если не по второму, то по первому. Продолжать операціи банка завѣдомо зная о томъ, что въ банкѣ нѣтъ

даже складочнаго капитала, значитъ обманывать публику; само продолженіе дѣйствій банка есть мошенничество, котораго объектъ—вкладчики и акціонеры. За этимъ положеніемъ слѣдуетъ цѣлая вереница статей уложенія, въ которыхъ идетъ рѣчь и о похищеніи посредствомъ обмана чужаго имущества и о вовлеченіи посредствомъ обмана въ убыточныя сдѣлки. Итакъ, члены совѣта мошенники или укрыватели мошенничества?... Нѣтъ, въ окончательномъ результатѣ они виновны только *въ дѣяніи отрицательномъ*, въ бездѣйствіи власти предусмотрѣнномъ 341 ст. ул. Разсужденіе ошибочное, уравнивающее положительное съ отрицательнымъ. Я докажу, что дѣяніе, приписываемое членамъ совѣта и не положительное, и не отрицательное, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо за событіе преступленія.

Продолженіе операцій, пущенныхъ въ ходъ и совершаемыхъ чужими руками есть не продолженіе, а *непрекращеніе* этихъ операцій, какъ неостановка заведенныхъ часовъ не есть заведеніе ихъ ежеминутное. Никогда мошенничество не можетъ состоять въ непрекращеніи заблужденія, оно требуетъ *положительнаго* вовлеченія кого нибудь въ убыточную сдѣлку, посредствомъ создаваемаго обманщиками заблужденія. Я утверждаю, что понятіе мошенничества требуетъ *дѣйствія положительнаго,* а не отрицательнаго, что даже по 3 п. 174 ст. уст. о нак.—утайка платежа не есть дѣйствіе отрицательное, потому что утайщикъ судится собственно не за утайку, а за требованіе новаго платежа съ умолчаніемъ только о первомъ. Не буду утомлять гг. сенаторовъ цитатами; и по иностраннымъ законодательствамъ, и по нашему, если кто воспользовался уже существующимъ заблужденіемъ, котораго самъ не создавалъ, то онъ не обманщикъ, хотя сама сдѣлка и можетъ быть по западно-европейскимъ законодательствамъ разрушена на основаніи юридическаго понятія о *laesio enormis*. Если нельзя винить въ обманѣ того,

кто не разрушилъ ложныхъ не имъ созданныхъ представленій контрагента о качествахъ предмета договора, то тѣмъ менѣе можно обмануть кого нибудь, вовлекая его въ сдѣлку обѣщаніемъ исполнить договоръ или неоповѣщеніемъ ему о своей несостоятельности къ выполненію принимаемыхъ на себя обязательствъ. Банкъ въ этомъ отношеніи тоже, что и частный торговецъ. Ни у кого на лбу не написано, что онъ состоятельный, никто не обязанъ съ собою носить и показывать свой балансъ, изъ котораго можно бы сейчасъ видѣть по соображенію актива съ пассивомъ можно ли его ссужать деньгами, никто за умолчаніе о своемъ пассивѣ не можетъ быть караемъ какъ за вовлеченіе другихъ въ убыточныя для нихъ сдѣлки. Я не говорю, чтобы это было хорошо, я не задаюсь вопросомъ, не было бы ли лучше, еслибы всякій обязанъ былъ предъявлять свой настоящій балансъ подъ страхомъ наказанія за всякую этого рода фальшъ, какъ за подлогъ; я утверждаю, что такъ какъ есть всегда было и, если не всегда, то долго еще будетъ, и что это такъ, мнѣ нечего доказывать, коль скоро есть коммерція, есть кредитъ, есть коммерческая тайна. Что такое кредитъ, если не отдача настоящаго, цѣннаго въ виду будущаго, обѣщаннаго только, а потому неизвѣстнаго? Что такое коммерческая тайна, какъ не закономъ допускаемая занавѣсь, скрывающая до послѣдней минуты несостоятельность лица и дающая ему полную возможность контрагировать до той минуты, пока общественная власть устами суда не скажетъ: *stop*, послѣ чего всякія уже дѣйствія контрагента перестаютъ имѣть законную силу, какъ дѣйствіе недѣеспособнаго субъекта. Я не говорю, что это хорошо, я утверждаю, что оно роковымъ образомъ неизбѣжно. Посудите сами. Въ балансъ не входятъ умъ, смѣтка, знаніе, счастіе лица, въ которомъ есть всегда доля умѣнья, качества, вслѣдствіе которыхъ начинающій дѣло безъ средствъ или съ малыми средствами боецъ выигрываетъ зачастую сраженіе и платитъ сторицею тѣмъ,

которые ему въ добрый часъ помогли. Представьте себѣ какое нибудь повальное несчастье въ странѣ, кризисъ, вліяющій на весь ходъ народной промышленности. Въ одну минуту розовое оказывается чернымъ, гдѣ были итоги оказываются дефициты; неужели желательно, чтобы при первой перемѣнѣ направленія вѣтра бойцы давали тягу, чтобы не выдержавъ до послѣдней минуты въ надеждѣ, что еще дѣла поправятся, авось заключенъ будетъ миръ или прекратится народное бѣдствіе, они обязательно приступали къ ликвидаціи подъ страхомъ наказанія, какъ за мошенничество, за продолженіе операцій, чтобы они бѣжали малодушно, чтобы они увеличивали всеобщую панику,—вмѣсто того, чтобы стараться напротивъ того свести ее до наименьшихъ размѣровъ. Не только въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, но и въ случаяхъ только крушеній, надо дать погибающему возможность выпутаться, а не затягивать ему преждевременно уголовную петлю на шеѣ, надо дать ему возможность исчерпать всѣ средства кредита. Что, не смотря на разверзшуюся для банка пропасть, онъ питалъ еще надежду получить кредитъ — доказывается поѣздкою депутатовъ въ С.-Петербургъ, ожиданіемъ правительственной помощи, которая даваема была другимъ частнымъ банкамъ въ подобныхъ случаяхъ, на что указывалъ и Струсбергъ въ своемъ послѣднемъ словѣ. Вправѣ ли былъ надѣяться коммерческій банкъ на помощь государственную? Государственный банкъ не разъ уже выручалъ частные банки въ подобныхъ случаяхъ; наша жизнь такъ уже устроилась, что въ ней частной самодѣятельности мало, и существуетъ громадная все и за всѣхъ дѣлающая машина, къ которой каждый наровитъ прислониться. Итакъ, гг. сенаторы, ни совѣтъ банка, ни всѣ лица въ немъ сидѣвшія невиновны въ мошенничествѣ, потому только, что они не закрыли дѣйствій банка, т. е. не огласили его несостоятельность съ 5 по 11 октября. Они нарушили уставъ банка, они плохіе администраторы; за нарушеніе устава да будетъ

предоставлено всѣмъ и каждому взыскивать съ нихъ убытки по общему закону, въ общемъ гражданскомъ порядкѣ судопроизводства, но они не мошенники.

Они также и *непопустители* мошенничества или инаго преступленія противъ чужой собственности. Для признанія ихъ попустителями необходимо, чтобы событіе преступленія заключалось не въ 43 вопросѣ о незакрытіи банка, а въ 44, 45, 46 вопр. о послѣдствіяхъ незакрытія (допущеніе вкладчикамъ помѣщать капиталы въ банкъ, когда онъ уже былъ несостоятельныъ, выдача нѣкоторымъ вкладчикамъ вкладовъ полнымъ рублемъ и сбытъ акцій банка на биржѣ, провѣдавшими о крушеніи акціонерами).

1) *Пріемъ вкладовъ.* Вклады бываютъ на храненіе и на текущій счетъ. Растрата вкладовъ на храненіе безспорно преступна, но въ ней не обвинялось правленіе банка. Вкладъ на текущій счетъ есть собственно договоръ займа до востребованія, ничѣмъ не обезпеченный и совершаемый посредствомъ домашняго акта. Вопросъ о преступности такого договора между вкладчикомъ съ одной, а со стороны банка по уполномочію его правленія банка съ попустительствомъ совѣта можетъ быть рѣшенъ лишь отрицательно. Мошенничества нѣтъ, хотя несостоятельность нависла надъ банкомъ, какъ туча. Вклады принимались; банкъ могъ еще выпутаться, нельзя доказать чтобы до 11 октября существовала для него обязанность воздерживаться отъ договоровъ, еще онъ былъ дѣеспособное лицо. Вслѣдстіе превратностей судьбы отвлеченная возможность несостоятельности виситъ надъ каждымъ банкомъ, она подходитъ, она чувствуется постепенно, но сама несостоятельность наступаетъ только по истощеніи всѣхъ силъ и возможности дѣйствовать, что и случилось 11 октября. До этого момента банкъ еще боролся, незакрытіемъ операцій онъ могъ нарушить § 66 своего устава, но ни правленіе его не виновно въ мошенничествѣ, ни совѣтъ въ попустительствѣ.

2) *Вынутіе вкладовъ* на 2 милл. руб. провѣдавшими о тѣсномъ положеніи банка вкладчиками. Вслѣдствіе того, что текущій счетъ есть ссуда въ заемъ до востребованія, каждый вкладчикъ имѣлъ полное право, власть и возможность съ 5 по 11 октября придти и взять свой вкладъ обратно. Банкъ, его правленіе и касса были бы виновны, если бы они выдали деньги одному изъ требователей, а другому не выдали, но извѣстно, что они выдавали вклады полностью всѣмъ одинаково, причемъ касса истощалась столь шибко, что для менѣе осторожныхъ и старательныхъ вкладчиковъ остались въ кассѣ мелочные рубли и копѣйки. Въ числѣ требователей былъ и Шумахеръ. Забудемъ на одну минуту, что онъ членъ совѣта, представимъ себѣ, что онъ посторонній банку человѣкъ, случайно узнавшій, что дѣла банка плохи. Имѣлъ ли бы онъ въ такомъ случаѣ право взять свой вкладъ? Разумѣется имѣлъ и по закону юридическому, и даже по нравственному. Если бы имъ руководила въ этомъ случаѣ даже любовь христіанская ко всѣмъ другимъ неизвѣстнымъ ему вкладчикамъ, то и эта любовь не идетъ дальше того, чтобы и имъ было тоже, что ему, чтобы всѣмъ поровну досталось, но такого уравненія не могло быть по истощеніи кассы. Будутъ брать другіе, но онъ то самъ ничего не получитъ и останется безъ пользы для нуждающихся въ накладѣ, потому что возьмутъ свое люди половчѣе, а вовсе не тѣ, для которыхъ потеря вклада равносильна полнѣйшему разоренію. Всякъ судитъ по себѣ; я бы не усомнился пойти въ банкъ взять вкладъ, я бы тоже посовѣтывалъ сдѣлать друзьямъ, роднымъ, знакомымъ. Пока банкъ не пріостановилъ платежей, всякій вкладчикъ имѣетъ право брать, а обязанность не брать ничѣмъ мотивирована быть не можетъ. Другимъ лицамъ требованіе вклада ущерба не наноситъ, потому что и они могли бы быть точно также осторожны, какъ онъ, и всѣ заявить свои требованія одновременно, тогда бы выдача вкладовъ пріостановилась по невозможности

удовлетворить всѣхъ сполна и имѣла бы мѣсто разверстка. Требователь ущерба банку никакого не причиняетъ. Если банкъ несостоятеленъ, то дефицитъ его останется одинъ и тотъ же и въ томъ случаѣ, когда всѣ вкладчики раздѣлятъ между собою кассу по разверсткѣ, и въ томъ, когда нѣкоторые возьмутъ свои вклады сполна, а другимъ ничего не достанется. Итакъ, я полагаю, что взятіе вклада обратно, было законнымъ пользованіемъ своимъ правомъ по договору и не содержитъ въ себѣ никакихъ признаковъ преступленія.

3) *Продажа акцій на биржѣ* акціонерами, узнавшими, что банкъ пошатнулся. Вопросъ 46 присяжными формулированъ такимъ образомъ: продолженіе дѣйствій банка открыло ли возможность нѣкоторымъ лицамъ распространять слухи объ успѣшномъ ходѣ банковыхъ операцій и сбывать акціи ничего не стоющія въ третьи руки. Вопросъ плохо формулированъ, возможность еще не дѣйствительность, возможность пускать ложные слухи существовала, но пускаемы ли были они въ ходъ неизвѣстно; если кто ихъ пускалъ, то надлежало бы его преслѣдовать, какъ мошенника, но въ томъ то и дѣло, что ихъ никто не пускалъ, а приведена эта фраза въ вопросахъ, чтобы смѣшать два понятія: *распространеніе* ложныхъ слуховъ, котораго вовсе не было, и просто сбытъ акцій *съ умолчаніемъ,* что онѣ ничего не стоятъ, который имѣлъ мѣсто въ промежутокъ времени съ 5 по 11 октября. Шумахеръ самъ акцій не сбывалъ, сбывали другія лица. Относительно этихъ другихъ лицъ было высказано однимъ изъ защитниковъ по настоящему дѣлу г. Куперникомъ, что весьма трудно провести точную границу въ коммерческой спекуляціи между дѣйствіями коммерческимъ и уголовнымъ. Я полагаю, что эта граница можетъ быть проведена. Кто создаетъ ложное событіе, чтобы посредствомъ выдумки совершить спекуляцію, тотъ совершаетъ преступленіе; кто пользуется незнаніемъ или заблужденіемъ другихъ, не имъ созданнымъ, тотъ не совершаетъ преступленія. Не будемъ же

увлекаться, посмотримъ на событіе жизни реально. Есть биржа, есть продажа и покупка процентныхъ бумагъ, есть въ этой спекуляціи бумагами ради прибыли та особенность, что премія, выгода, барышъ, достаются тому, кто больше предвидитъ или больше знаетъ. Узналъ я, хотя и не изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что будетъ война, смекнулъ я, что акціонерное общество имѣетъ въ своей средѣ талантливаго администратора, который избранъ директоромъ или на оборотъ, что дѣла его порастроились: я тотчасъ же продаю или покупаю процентныя бумаги, не будучи обязанъ оповѣщать чтобы то небыло о результатѣ моихъ соображеній. Иное дѣло, когда спекулянтъ изобрѣтаетъ биржевыя утки и ловитъ на эти удочки простяковъ. Спекуляція навѣрнякъ процентными бумагами не можетъ долго длиться и многихъ обогатить, потому что появленіе многихъ сотенъ или тысячъ акцій на биржѣ уронитъ разомъ ихъ цѣну и заставитъ покупателей быть на сторожѣ, хотя бы причина появленія массы акцій для продажи покрыта была неизвѣстностью. Преслѣдованіе спекуляцій на сбытъ акцій ничего не стоющихъ безполезно, лучше свобода сдѣлокъ и безнаказанность. Итакъ, всѣ послѣдствія незакрытія банка, изложенныя въ 44, 45, 46 вопросахъ присяжными лишены всякаго характера активной преступности, вслѣдствіе чего за прикосновенность къ нимъ члены совѣта Коммерческаго Ссуднаго Банка судимы быть не могутъ. Остается разобрать, не пала ли на членовъ совѣта банка вина отрицательная, заключающаяся въ ихъ недѣятельности, въ уголовно-наказуемомъ *упущеніи?*

Въ 1 ст. улож. сказано: преступленіемъ или проступкомъ называется, какъ противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ *страхомъ* наказанія закономъ *предписано;* слѣдовательно, неисполненіе того, что уложеніемъ о нак. или устава о нак. предусмотрѣно. Какъ доказать что оно предусмотрѣно? Ссылкою суда на законъ. Въ данномъ случаѣ такимъ указываемымъ

судомъ закономъ служитъ та грозная для государственныхъ сановниковъ вспомогательная ст. 341, восполняющая всѣ пробѣлы раздѣла V улож. и посвященная превышенію и бездѣйствію власти. Донынѣ статья эта примѣнялась къ служащимъ въ службѣ государственной или общественной. Какъ установить связь между этою статьею и коммерческимъ банкомъ, учрежденіемъ частнымъ? Въ объясненіи своемъ судъ выводитъ эту связь изъ § 36 устава банка, 2181 ст. 1 ч. X т. и 1154 улож. Въ § 36 сказано о личной и имущественной отвѣтственности, но только за превышеніе власти и иные противозаконные поступки, но уставъ не есть еще законъ уголовный; для наказуемости дѣянія или упущенія необходимо, чтобы оно было запрещено или предписано подъ страхомъ опредѣленнаго наказанія. По 1281 ст. ч. 1 т. X, директоры и члены правленія суть уполномоченные компаніи и потому въ случаѣ превышенія предѣловъ власти подлежатъ отвѣтственности предъ компаніею на общемъ основаніи законовъ. Опять поименовано превышеніе, а не бездѣйствіе, опять ссылка на законъ, а именно на 1709 ст. улож. о повѣренныхъ, которые преступятъ за предѣлы данныхъ имъ полномочій, за что и подлежатъ наказанію, какъ за мошенничество. Наконецъ, ст. 1154 улож. перечисляетъ поименно преступленія, за которыя служащіе въ частныхъ банкахъ подвергаются одинаковой съ чиновниками государственнаго банка отвѣтственности по правиламъ раздѣла V, а именно: подлоги по 362 ст. улож., фальшивые счета, невѣрности въ храненіи имущества, лихоимство, вымогательство — и только... Здѣсь нѣтъ ни превышенія, ни бездѣйствія власти и понятно почему? Потому что дѣятельность служебная и коммерческая двѣ разнородныя почвы. Произведенія одной почвы обыкновенно не пересаживаются на другую, совершенно разнородную. Мелкая корыстная неосторожность во время чумы можетъ повлечь за собою смертную казнь, хотя она есть не что иное, какъ полицейскій проступокъ. Непослушаніе или

грубости въ отношеніи къ старшему превращаются въ военномъ быту въ тяжкое преступленіе, караемое каторжными работами. но эти особенности и осложненія, оправдываемыя соображеніями полицейскаго и государственнаго права, не могутъ быть переносимы въ бытъ и отношенія чисто гражданскія. Всѣ учрежденія гражданскаго права кромѣ семьи, опеки и наслѣдства суть растенія, коренящіяся на свободномъ произволѣ, на сдѣлкахъ, соглашеніяхъ и вытекающихъ изъ сдѣлокъ полномочіяхъ. Всякая власть изъ такихъ сдѣлокъ истекающая имѣетъ видъ довѣрія, полномочія, что и выражено въ ст. 2181 ч. 1 т. X. Перенесите это понятіе въ сферу государственнаго права, вы должны будете ввести голосованье на подобіе общаго собранія акціонеровъ, правительство на подобіе правленія компаніи, каждый гражданинъ превратится въ акціонера, добивающагося наибольшаго дивиденда, само уголовное право превратится въ учрежденіе въ родѣ взаимнаго страхованія отъ преступленія. Идеи эти не выдуманы, онѣ растутъ и распространяются. Изъ современныхъ публицистовъ никто лучше не изобразилъ ихъ роста и вреднаго вліянія на государственный организмъ, какъ Гнейстъ въ своихъ этюдахъ объ англійскихъ учрежденіяхъ. Я полагаю, что вы съ этими идеями не согласитесь. Условія жизни таковы, что отъ государственнаго чиновника требуется больше, чѣмъ отъ компанейнаго слуги на жалованіи. Отъ него требуется сердечное участіе въ дѣлѣ, затрата силъ и способностей, а слѣдовательно и усиленная отвѣтственность въ размѣрахъ далеко не соотвѣтствующихъ жалованью и вообще вознагражденію получаемому имъ за труды отъ государства, за то и почетнѣе эта служба, чѣмъ всякая иная служба у частнаго лица или компаніи. Но и на оборотъ, нельзя это бремя отвѣтственности, носимое всякимъ лицомъ, запряженнымъ въ государственную колесницу, вносить въ учрежденія общегражданскія. Нельзя ихъ примѣнять къ такимъ общегражданскимъ

учрежденіямъ, которыя, какъ акціонерныя компаніи, зиждутся на произволѣ и соглашеніи, между тѣмъ какъ государственныя построены на голомъ фактѣ, на началѣ власти, ни отъ кого независимой и существующей, какъ нѣчто непреложно данное и безотлагательное, предшествующее всякимъ другимъ положительностямъ. Нельзя ихъ примѣнить даже и къ такимъ немногимъ гражданскимъ отношеніямъ, которыя изображаютъ власть и изъ нея истекаютъ, каковы напр. отношенія родителей къ дѣтямъ и опекунамъ. Нѣтъ власти, которая была бы подобнѣе государственной, какъ родительская; по типу семьи и власти отца сложились первоначально всѣ правительста, аналогія до того полная, что она сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Попробуйте однако судить слабаго отца, дурно воспитывающаго дѣтей, или наказать опекуна за бездѣйствіе власти. Юридически это будетъ такой-же абсурдъ, какъ судить за бездѣйствіе власти повѣреннаго или прикащика. Я полагаю, что отъ такого вмѣшательства государства не выиграло бы общество, по крайней мѣрѣ самодѣятельность въ обществѣ была бы окончательно погребена, вслѣдствіе такого взятія всѣхъ отношеній въ государственную опеку. Не забудемъ еще, что ст. 341 ул. предусматриваетъ преступленіе уголовно-частное, преслѣдуемое не по частной, а по правительственной иниціативѣ. Такъ какъ статья эта совсѣмъ къ данному случаю непримѣнима, а кромѣ ея не указано никакой другой подходящей, то ясно, что упущеніе совѣта, хотя бы оно было и признано, не можетъ быть наказуемо, что вопросы присяжнымъ 43—46 съ отвѣтами на нихъ не содержатъ удостовѣреннаго присяжными событія преступленія.

Относительно мнѣнія окружнаго суда, будто бы признано событіе преступленія, я долженъ еще замѣтить, что это признаніе я отрицаю еще по другимъ причинамъ и соображеніямъ, совершенно отъ означенныхъ мною отличнымъ, но также, какъ и прежнія, вытека-

ющимъ изъ неправильной редакціи окружнымъ судомъ вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ. Допустимъ, что имѣло мѣсто бездѣйствіе власти. Кто его совершилъ? Изъ вопросовъ и отвѣтовъ слѣдуетъ, что его совершилъ совѣтъ, т. е. коллегія, *лицо юридическое*, которое собственно и не было, да и не могло быть предано суду присяжныхъ. Постараемся доказать, что отъ этого привлеченія къ отвѣтственности въ вопросахъ коллегіи и отъ этого допущенія суда надъ всею коллегіею произошелъ рядъ промаховъ, ошибокъ и несообразностей, которые мѣшаютъ выводу какихъ бы то ни было практическихъ результатовъ изъ отвѣтовъ присяжныхъ на 43 — 46 вопросы.

Ст. 751 уст. уг. суд. до извѣстной только степени разрѣшаетъ суду разчленять вопросы, предлагаемые присяжнымъ, ставить особо вопросъ о событіи преступленія, особо о физической виновности, особо о вмѣненіи. Судъ не вправѣ идти дальше чѣмъ допускаетъ законъ въ этомъ разчлененіи, не вправѣ разбивать весь составъ преступленія по кусочкамъ. Онъ долженъ избрать одну изъ двухъ системъ: 1) либо скучить вмѣстѣ въ одинъ вопросъ весь составъ преступленія (субъектъ, объектъ, воля съ сознаніемъ, дѣйствіе съ послѣдствіями); 2) либо опредѣлить весь составъ преступленія, выдѣливъ изъ него только его предполагаемыхъ виновниковъ и вовсе ихъ не опредѣляя. Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, можетъ ли судъ, не опредѣляя виновника, указать, что его надобно *искать* въ цѣломъ классѣ лицъ нпр.: былъ ли X такимъ то образомъ убитъ тогда то лицами, жившими въ одномъ съ нимъ домѣ, или жителями такого то селенія. Подобныя указанія вводятъ судъ въ искушеніе (что и имѣло мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ) подвести *самому* итоги и разрѣшить второй вопросъ о виновности *безъ присяжныхъ* посредствомъ выбора тѣхъ или другихъ лицъ изъ категоріи уже намѣченной, пойти за справками о томъ, кто изъ числящихся въ этой категоріи былъ на лицо,

а кто не былъ, вычеркнуть своею властью какихъ нибудь двухъ-трехъ, а остальныхъ засудить солидарно. Но въ данномъ случаѣ субъектъ преступленія прямо въ вопросахъ и отвѣтахъ опредѣленъ, онъ прямо названъ и такъ названъ, что не будь онъ лицо юридическое, его бы почти несомненно слѣдовало по отвѣту наказать, потому что въ отвѣтахъ установлены и событіе преступленія и то, что оно было дѣяніемъ субъекта, оставалось бы только поставить вопросъ о вмѣненіи и спросить: виновенъ ли совѣтъ въ преступленіи, которое по отвѣту на 43 вопросъ имъ несомнѣнно совершено? Здѣсь то и обнаружилась бы несообразность постановки 43 вопроса, здѣсь то и сказалось бы, что подобные вопросы ставить нельзя, потому что совѣтъ не есть лицо физическое, что для него не существуетъ состояніе вмѣняемости, что онъ не есть *ein zurechnungsfähiger Subject*. Вслѣдствіе того, что виновникомъ оказывается невозможный съ угловной точки зрѣнія субъектъ, само его дѣяніе не есть настоящее, а отвлеченное и воображаемое; это дѣяніе вовсе не можетъ быть событіемъ преступленія. Разъ оно признано дѣяніемъ не лица физическаго, а юридическаго, по любому *учебнику* можно удостовѣриться, что субъектами преступныхъ дѣяній юридическія лица быть не могутъ. Эти дѣянія даже и не переводимы съ лицъ юридическихъ на физическія, потому что, еслибы и допустить отвѣты положительные на вопросы о каждомъ изъ членовъ совѣта, вивиновенъ ли онъ, что участвовалъ лично въ событіи преступленія совершеннаго совѣтомъ, то изъ этихъ отвѣтовъ нѣтъ возможности вывести заключеніе о преступности этихъ членовъ совѣта. Членъ совѣта участвовалъ несомнѣнно въ дѣйствіяхъ совѣта, хотя, положимъ, онъ оставался въ меньшинствѣ и составлялъ оппозицію противъ постановленія, состоявшагося по большинству голосовъ. По теоріи Московскаго окружнаго суда и обвинительнаго акта въ извѣстныхъ случаяхъ и общее собраніе акціонеровъ, какъ коллегія, можетъ

совершить преступленіе и можетъ быть судимо. Я бы желалъ знать, какъ бы примѣнена была ст. 341 ул. къ общему собранію акціонеровъ, постановившему что-либо противозаконное по большинству голосовъ при закрытой баллотировкѣ, при которой нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить, кто изъ акціонеровъ былъ за и кто противъ принятаго большинствомъ предложенія. Къ сожалѣнію присяжные рѣшили вопросъ о винѣ членовъ совѣта отрицательно; вообще они обнаружили въ отвѣтахъ тактъ и смыслъ замѣчательный. По ихъ понятіямъ совѣтъ виновенъ *in corpore*, но ни одинъ изъ членовъ не виновенъ въ частности въ томъ, что въ дѣйствіяхъ совѣта участвовалъ.

Слѣдовательно по приговору присяжныхъ всѣ до одного члены совѣта невиновны, оправданы и такимъ образомъ не можетъ быть даже вопроса о примѣненіи къ нимъ гражданскихъ послѣдствій преступленія, которыя какъ хвостъ кометы тянутся сзади за признаннымъ событіемъ преступленія и не являются никогда самостоятельно. Члены совѣта приговорены все-таки однако къ гражданской отвѣтственности. Какимъ образомъ? Очевидно, что судъ *перерѣшилъ* приговоръ присяжныхъ, явивъ примѣръ превышенія власти. Рѣшеніе суда, правда, мотивировано, подкрѣплено ссылкою на законъ и на кассаціонное рѣшеніе. Разберу эти мотивы и постараюсь доказать, что, не смотря на ихъ тонкость, они не выдерживаютъ критики и являются извращеніемъ на изнанку тѣхъ кассаціонныхъ рѣшеній, изъ которыхъ они будто бы заимствованы.

Въ кассаціонной практикѣ вопросъ этотъ слѣдующимъ образомъ поставленъ по двумъ примѣрнымъ кассаціоннымъ рѣшеніямъ 1868 г. № 388, по дѣлу Постовскаго и 1871 г. № 639, по дѣлу Кострубо-Корицкаго. Если вопросъ о виновности разрѣшенъ отрицательно, то безъ сомнѣнія и рѣчи быть не можетъ о гражданской отвѣтственности подсудимаго въ уголовномъ порядкѣ. Но если вопросъ о виновности былъ разчлененъ, если

изъ него выдѣленъ вопросъ о вмѣненіи и если на два вопроса о событіи преступленія и о томъ, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго даны положительные отвѣты и только на третій вопросъ о вмѣненіи данъ отвѣтъ отрицательный, слѣдовательно когда удостовѣрено, что преступленіе совершено, но только не можетъ быть ему вмѣнено, то въ этомъ и *только въ этомъ* случаѣ судъ уголовный можетъ присудить оправдываемаго подсудимаго къ вознагражденію за вредъ, причиненный его дѣяніемъ, если не уголовно-преступнымъ, то по крайней мѣрѣ безспорно имъ совершеннымъ. Такова практика сената, никакими убѣдительными доказательствами неподдерживаемая и, я долженъ сказать, въ основаніяхъ своихъ сомнительная, потому что коль-скоро нѣтъ вмѣненія, слѣдовательно нѣтъ участія воли въ дѣяніи, то нѣтъ также и событія преступленія; за отсутствіемъ въ дѣяніи всего уголовнаго, оно перестаетъ подлежать суду уголовному. Нѣтъ основанія къ тому, чтобы оправданный подсудимый лишаемъ былъ возможности отстаивать свое имущество противъ спорныхъ требованій заявляемыхъ въ порядкѣ уголовномъ, не соотвѣтственномъ, не предназначенномъ для разбора этихъ требованій. Настоящія причины, вызвавшія разбираемую мною практику сената заключаются, какъ мнѣ кажется, въ *частыхъ оправданіяхъ* на первыхъ порахъ несомнѣнно-виноватыхъ подсудимыхъ, въ присвоеніи себѣ присяжными права миловать, въ желаніи сената, въ виду такихъ весьма возможныхъ неправильныхъ оправданій, доставить гражданскимъ истцамъ возможность получить тутъ же въ порядкѣ уголовнаго суда вознагражденія за несомнѣнно причиненный имъ вредъ признаннымъ присяжными событіемъ преступленія. Но какова бы не была эта практика, она требуетъ раздѣленія всѣхъ трехъ вопросовъ о виновности, потому что если они соединены въ одинъ, т. е. коллективно поставлены, то при дачѣ присяжными немотивированныхъ отвѣтовъ остается навсегда во мракѣ неизвѣстности, почему подсудимый оправданъ,

потому ли, что его дѣяніе не можетъ быть ему вмѣнено, или потому, что событіе не было его дѣяніемъ, или наконецъ, что событіе преступленія вовсе не существуетъ. Вопреки этимъ началамъ, твердо поставленнымъ въ кассаціонной практикѣ, окружный судъ позволилъ себѣ присудить вознагражденіе, когда вопросъ о винѣ поставленъ былъ одинъ коллективный и когда вина не только моральная, но и фактическая, состоявшая подъ величайшимъ сомнѣніемъ, была присяжными прямо отвергнута. Допустимъ, что присяжные установили событіе преступленія въ отвѣтахъ на вопросы 43—46, затѣмъ возникаютъ вопросы объ участіи въ этомъ преступленіи, положимъ, Шумахера, и о вмѣненіи; всѣ эти вопросы соединены въ одинъ 48-й, составленный слѣдующимъ образомъ: виновенъ ли Шумахеръ въ томъ, что принялъ участіе въ дѣйствіяхъ совѣта? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть толкуемъ двояко: либо что Шумахеръ невиновенъ, потому что вовсе не участвовалъ, либо что хотя и участвовалъ, но былъ въ состояніи невмѣняемости или дѣйствовалъ въ условіяхъ, при которыхъ содѣянное не можетъ ему быть поставлено въ вину. Если въ 48 вопросѣ отвергнуто вмѣненіе, то самъ фактъ участія ни однимъ словомъ присяжными неудостовѣренный не можетъ быть разрѣшенъ самимъ судомъ безъ присяжныхъ. Если въ 48 в. само участіе Шумахера отвергнуто, то судомъ нарушены и приговоръ присяжныхъ и кассаціонныя рѣшенія сената, приведенныя мною и долженствующія служить для судовъ руководствомъ. Въ прежнемъ судопроизводствѣ съ теоріею формальныхъ доказательствъ существовало нѣчто среднее между осужденіемъ и оправданіемъ подсудимому, а именно оставленіе его въ подозрѣніи, которое отмѣнено судебными уставами 20 ноября. Призракъ этого позорнаго оставленія въ подозрѣніи воскресаетъ въ рѣшеніи Московскаго окружнаго суда. Члены совѣта не могутъ быть наказаны, потому что они оправданы присяжными, но судъ нашелъ возможнымъ ошель-

мовать, облиховать этихъ подсудимыхъ на всю жизнь, закрѣпивъ, вопреки рѣшенію присяжныхъ, что они совершили преступленіе. Мой кліентъ надѣется, гг. сенаторы, что вы не допустите, чтобы онъ былъ оставленъ подъ бременемъ осужденія судьями коронными въ преступленіи, въ которомъ онъ былъ оправданъ совѣстью присяжныхъ засѣдателей.

Я кончилъ первую часть моей защиты, касающуюся гражданской отвѣтственности Шумахера, какъ члена совѣта. Я вовсе не исключаю возможной отвѣтственности всѣхъ членовъ совѣта за дѣйствія совѣта предъ лицами, пострадавшими отъ этихъ дѣйствій, я утверждаю только, что по предмету этой отвѣтственности уголовный судъ не есть *forum competens*. Мнѣ предстоитъ исполнить вторую часть моей задачи, касающуюся не коллективнаго, а личнаго поступка моего кліента Шумахера, вынутіе имъ своего вклада изъ банка, за что съ него никто ничего не ищетъ, такъ какъ вкладъ былъ добровольно въ банкъ обратно положенъ, но за что, тѣмъ не менѣе, приговорили его къ наказанію, установленному за мошенничество. Я полагаю, что въ этомъ случаѣ Шумахеръ преслѣдуется не за свои личные поступки, а за свою совѣтскую дѣятельность. Постараюсь представить его поступокъ, за который онъ осужденъ въ наипростѣйшемъ видѣ и прослѣдить потомъ какими тонкостями и хитросплетеніями поступокъ этотъ превращенъ въ глазахъ судей въ мошенническое злоупотребленіе довѣрія.

Мною уже было высказано прежде вполнѣ безспорное на мой взглядъ положеніе, что вкладчикъ банка есть его кредиторъ. Всякій кредиторъ имѣетъ право получить свои деньги съ должника, срочный по наступленіи срока, безсрочный по предъявленіи. Право это не ограничено никакими соображеніями, касающимися состоятельности должника, потому что *qui jure suo utitur nemini facit injuriam*. Въ требованіи уплаты не можетъ быть нарушенія чьихъ бы то ни было интере-

совъ ни должника, ни другихъ сокредиторовъ, между которыми и кредиторомъ не существуетъ никакой связи и солидарности. Законъ не могъ однако же предвидѣть, что кредиторы могутъ пострадать, когда должникъ, поступая какъ злостный банкротъ, переведетъ обманнымъ образомъ свое имущество на чужое имя, или даже когда должникъ, и не будучи банкротомъ, пожелаетъ спасти и выгородить нѣкоторыхъ изъ своихъ кредиторовъ, которые къ нему поближе, жертвуя въ пользу ихъ другими, которые уже ничего не получатъ. Для устраненія этихъ двухъ возможностей установлены два законоположенія. *Одно· изъ нихъ* (1163 и 1164 ст. улож. о наказ.) о злонамѣренномъ банкротствѣ и о лицахъ, участвовавшихъ въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота, *другое* содержится въ 1957 ст. торг. уст. XI т. Платежъ по актамъ, которымъ по день объявленія несостоятельности, сроки еще не наступили, учиненный несостоятельнымъ въ теченіе послѣднихъ десяти дней до открытія несостоятельности, считается незаконнымъ, и деньги, такимъ образомъ уплаченныя, взыскиваются обратно въ пользу массы кредиторовъ несостоятельнаго. Первое изъ этихъ законоположеній непримѣнимо въ настоящемъ случаѣ, потому что банкъ, какъ юридическое лицо, не можетъ быть признанъ злостнымъ банкротомъ, но второе примѣняется вполнѣ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказано, что оно не должно было примѣняться въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ, по аналогіи признаваемою и обвинительною властью, закрытіе операцій банка 11 октября вполнѣ равносильно объявленію банка несостоятельнымъ. Какъ въ медицинѣ не прибѣгаютъ къ хирургическимъ операціямъ какъ только въ случаяхъ, когда нельзя пособить менѣе крайними средствами, такъ точно и на судѣ къ уголовнымъ мѣрамъ обращаются, когда всѣ гражданскія исчерпаны. Въ настоящемъ случаѣ гражданскія средства остались *неиспробованными*. Вопросъ остался открытымъ. Либо 1957 ст. непримѣнима къ настоящему случаю, слѣдо-

вательно выдачи вкладовъ съ 5 по 11 октября совершены на законномъ основаніи, слѣдовательно за выдачу ихъ ни къ кому нельзя простирать претензій. Либо 1957 ст. примѣнима — въ такомъ случаѣ всѣ вклады, выданные съ 5 по 11 октября могутъ быть вытребованы обратно по постановленіямъ конкурса, или властей замѣняющихъ конкурсъ надъ банкомъ, или по опредѣленію надлежащаго суда, а за несостоятельностью вкладчиковъ могутъ быть на основаніи 684 ст. т. X подвергнуты отвѣтственности, конечно только гражданской, лица выдававшія вклады изъ банка. Во всякомъ случаѣ при развязываніи сего узла главный преюдиціальный вопросъ есть вопросъ чисто гражданскій: законность или незаконность платежей, учиненныхъ банкомъ въ послѣдніе дни до объявленія его несостоятельности и прекращенія операцій. Практически это положеніе подтверждается тѣмъ, что никто изъ получившихъ свои вклады вкладчиковъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, кромѣ только трехъ, бывшихъ членами совѣта, Шумахера, Вишнякова и Лѣнивова. Относительно всѣхъ трехъ поставлены вопросы присяжнымъ (89, 90, 91), но на эти вопросы, не смотря на одинаковость положенія, даны присяжными разные отвѣты: о Вишняковѣ и Лѣнивовѣ, что они невиновны, о Шумахерѣ, что онъ виновенъ. Спрашивается: *во-первыхъ*, не налагало ли званіе членовъ совѣта какихъ-нибудь особенныхъ обязанностей на Вишнякова, Лѣнивова и Шумахера, вслѣдствіе чего требованіе ими своихъ вкладовъ, не будучи вообще преступно для всѣхъ другихъ вкладчиковъ, явилось для нихъ спеціально-преступнымъ дѣяніемъ; *и во-вторыхъ,* какая могла быть разница въ положеніи Шумахера съ одной, а Вишнякова и Лѣнивова съ другой стороны, вслѣдствіе которой они оправданы присяжными, а Шумахеръ обвиненъ? Если вердиктъ присяжныхъ разсматривать, какъ изреченіе оракула, то самая постановка этихъ вопросовъ представляется праздною, если же видѣть въ немъ продуктъ разумнаго изслѣдованія

обстоятельствъ дѣла, то большею частью возможно добраться до мотивовъ, руководившихъ присяжными. Итакъ, постараюсь дать отвѣты на оба эти вопроса.

Ни въ уставѣ банка, ни въ гражданскихъ законахъ нѣтъ того ограниченія, чтобы акціонеръ, избираемый въ должность по акціонерному обществу лишался права дѣлать вклады въ банкъ, а слѣдовательно и получать ихъ обратно. Между дѣятельностью члена совѣта и дѣятельностью его же, какъ кредитора вкладчика, нѣтъ ничего общаго, нельзя сказать даже, чтобы въ немъ кредиторъ смѣшивался съ завѣдывающимъ дѣлами или кассой банка; къ нему нельзя примѣнить, что онъ какъ распорядитель выдалъ себѣ же деньги, какъ вкладчику. Между кредиторами и совѣтомъ стоитъ, какъ извѣстно, правленіе; членъ совѣта въ управленіе не вмѣшивается, а состоитъ только членомъ въ коллегіи, въ которой и подаетъ свой голосъ; свой вкладъ онъ можетъ получить только при посредствѣ правленія. Не выдавая денегъ, Шумахеръ и не могъ воспользоваться званіемъ члена правленія для полученія денегъ. Званіе члена совѣта могло ему только помочь узнать раньше другихъ, что банкъ въ опасности, но онъ взялъ уже свои деньги не какъ членъ совѣта, а какъ вкладчикъ, наравнѣ со всѣми другими вкладчиками. Итакъ, званіе члена совѣта не осложняло нисколько поступка Шумахера; если не предавались суду вынувшіе свои вклады вкладчики, то и его не надо было предавать суду; если оправданы Лѣнивовъ и Вишняковъ въ сущности и его слѣдовало бы оправдать. Развѣ въ его положеніи и поступкахъ есть какія-либо особенности, которыхъ не встрѣчается въ дѣйствіяхъ Вишнякова и Ленивова и какія именно?

Вишняковъ и Лѣнивовъ взяли свои вклады и ихъ обратно не внесли, Шумахеръ свой вкладъ внесъ опять полностью уже по закрытіи банка, такъ что отъ вынутія имъ другіе вкладчики никакого уменьшенія своихъ долей при разверсткѣ не испытали. Кажется, что эта особенность не должна бы вести къ отягченію участи

Шумахера. Какія же иныя отличія его отъ товарищей его по совѣту? Кажется никакихъ, кромѣ одного только, что онъ былъ вице-предсѣдателемъ совѣта по выбору самихъ же членовъ совѣта. Если сообразимъ, что только двое членовъ совѣта: предсѣдатель Борисовскій и вице-предсѣдатель Шумахеръ обвинены въ поступкахъ, имѣвшихъ предметомъ не ихъ совѣтскую дѣятельность, но стремленіе спасти во время крушенія банка свое добро, прочимъ же членамъ совѣта это стремленіе прощено, то я не ошибусь, если скажу, что присяжные на нихъ двоихъ, стоявшихъ во главѣ совѣта, посмотрѣли, какъ посмотрѣлъ бы судъ морской на капитана погибающаго корабля и его помощника, которые во время крушенія вмѣсто того, чтобы послѣднимъ сойти съ корябля, бросились спасаться сами. И окружный судъ, и присяжные сошлись въ воззрѣніи на обязанности Борисовскаго и Шумахера весьма идеальномъ. Они разсудили, что кому больше дается, съ того больше и взыщется. Шумахеръ по своему прошлому, по своему положенію, по своему выдающемуся мѣсту въ совѣтѣ обязанъ былъ не имѣть минуты слабости, не дрогнуть, не брать своего вклада обратно въ то время, когда совѣтъ считалъ еще возможнымъ надѣяться на лучшее будущее и не закрывалъ банковыхъ операцій. Онъ самъ постигъ свою ошибку и возвратилъ вкладъ, но сдѣлалъ это уже поздно. Извѣстный идеалъ поставленъ былъ предъ присяжными, идеалъ въ самомъ дѣлѣ привлекательный въ формѣ вопроса довольно странной, необычной. Сама форма вопроса сентенціональная, не фактическая подкупала ихъ своею возвышенностью. Идеалъ они признали и потому поступка Шумахера не могли одобрить, они и выразили ему свое порицаніе. О томъ загладилъ ли Шумахеръ свою вину возвращеніемъ вклада ихъ и не спрашивали. Присяжные вѣроятно не знали и не обязаны были знать законы уголовные, свойство преступленія совершеннаго Шумахеромъ и даже подходитъ ли поступокъ Шумахера подъ понятіе какого бы то ни

было преступленія. Они не одобряли этотъ поступокъ; я и не думаю противъ этого неодобренія возставать. Порицаніе можетъ быть отнесено ко всякому неловкому, нехорошему поступку, но не во всякомъ неловкомъ поступкѣ содержится мошенничество. Начальникъ виновенъ, когда подписываетъ дѣловыя бумаги не читая, но здѣсь не слѣдуетъ казнить, какъ за подлогъ. Военачальникъ, который спитъ въ палаткѣ или проводитъ время въ пьянствѣ въ то время, когда на него нападаютъ въ расплохъ, конечно плохой начальникъ, но онъ еще не государственный измѣнникъ. Порицаемый фактъ еще надобно вставить въ закономъ установленныя формы, провѣрить, есть ли въ немъ составъ требуемый уложеніемъ *мошенничества* или *нарушенія довѣрія*. Поступокъ Шумахера очерченъ въ отвѣтѣ присяжныхъ, изъ этихъ признаковъ, какъ изъ бревенъ и кирпичей, надо построитъ преступленіе, предусмотренное въ 1198 ст. улож., которую привелъ окружный судъ. Задача переносится на эту чисто юридическую почву. Я утверждаю, что изъ отвѣта на 89 вопросъ нельзя построить преступленія, предусмотрѣннаго 1198 ст. улож.

Статья эта гласитъ, что членъ торговаго общества, который съ умысломъ употребитъ ко вреду общества данное ему полномочіе или довѣріе подлежитъ наказанію, какъ за мошенничество. И въ кассаціонной жалобѣ и въ объясненіяхъ прокурора потрачено много времени и соображеній на то, какъ понимать «довѣріе» въ 1198 ст., слѣдуетъ ли его понимать въ смыслѣ тѣсномъ, отождествляя съ полномочіемъ или въ болѣе обширномъ. Прокуроръ толкуетъ его въ самомъ обширномъ смыслѣ, но какъ бы онъ обширенъ не былъ, я полагаю, что надо его брать въ *опредѣленномъ* смыслѣ, въ противномъ случаѣ члены всѣхъ совѣтовъ и правленій россійскихъ акціонерныхъ компаній рискуютъ попасть въ мошенники. Допустимъ, что директоръ компаніи съ *умысломъ,* т. е. сознательно, затѣетъ по легкомыслію или непониманію дѣла такую спекуляцію, которая причи-

нитъ вредъ компаніи, вслѣдствіе чего онъ несомнѣнно злоупотребитъ тѣмъ довѣріемъ, которое на него возложили, выбирая его въ директоры. Всѣ признаки преступленія, какъ его толковалъ московскій окружный судъ на лицо и патентъ на мошенника готовъ; я полагаю однако, что вы, гг. сенаторы, въ этомъ поступкѣ злоупотребленія довѣрія не нашли бы, а открыли бы въ рѣшеніи суда *злоупотребленіе словами* закона и непониманіе смысла уголовнаго кодекса... Система уложенія такова, что при дѣленіи его на 12 раздѣловъ, разновидности одного и того же преступленія попали въ разные раздѣлы (лжесвидѣтельство и лжеприсяга въ раздѣлахъ 8 и 2, подлогъ въ обязательствахъ, служебный и въ векселяхъ въ раздѣлахъ 12, 4 и 8 и т. д.). Въ подобныхъ случаяхъ уложеніе не повторяетъ наказаній, наложивъ наказаніе за главный видъ, всѣ другіе оттѣнки отсылаетъ къ этому виду, при чемъ самыя ссылки на этотъ видъ уже указываютъ, съ какого рода преступленіемъ имѣемъ дѣло и какія условія требуются для всѣхъ оттѣнковъ относительно состава преступленія. Преступленіе, предусмотрѣнное въ 1198 ст. ул. есть ранозвидность мошенничества, само мошенничество—одинъ изъ видовъ преступленія противъ чужой собственности. Система преступленій противъ собственности слагается изъ слѣдующихъ главныхъ статей: похищеніе силою (кража, грабежъ, разбой), похищеніе хитростью (мошенничество) и наконецъ присвоеніе вещи непохищенной, но дошедшей какимъ-либо образомъ до держателя. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (§ 66 Нѣмецкаго имперскаго кодекса) этотъ третій видъ подраздѣляется еще на присвоеніе простое и усложненное нарушеніемъ довѣрія, которымъ пользовался присвоитель: званіе опекуна, душеприкащика, управляющаго компаніею, повѣреннаго (*Unterschlagung* и *Untreue*). Во французскомъ правѣ нѣтъ простаго присвоенія, а выдѣляется только нарушеніе довѣрія: *abus de confiance* при особенныхъ отношеніяхъ (art. 408 Code pénal) и присвоеніе вещей, до-

вѣренныхъ *à titre de louage, depôt, mandat ou pour un travail salarié ou non salarié.* У насъ въ противность тому, что существуетъ во Франціи, присвоеніе простое имѣетъ особое мѣсто рядомъ съ мошенничествомъ, а нѣтъ преступленія соотвѣтствующаго abus de confiance и предусмотрѣны два только случая abus de confiance, одинъ въ 1198 ст. улож. для членовъ компаній, другой въ 1709 ст. для повѣренныхъ, вступающихъ во вредъ довѣрителя въ сдѣлки съ его противниками. Если брать 1198 ст. въ связи съ одной стороны съ постановленіями о присвоеніи, съ другой о мошенничествѣ, то составъ этого преступленія опредѣлится слѣдующими чертами:

1) *Субъектомъ* его можетъ быть только членъ общества, облеченный его довѣріемъ, въ этомъ обществѣ по выбору его служащій. 2) *Объектомъ* его можетъ быть только довѣряющееся общество, представляемое общимъ собраніемъ акціонеровъ. 3) Для понятія *умысла* мало того, чтобы преступникъ совершилъ дѣйствіе сознательно и намѣренно. Всѣ безъ исключенія законодательства требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ *fraudulenter* (fraude ou intention de nuire; absichtlich zum Nachtheile der ihm anvertrauten Sache), т. е. не только съ положительнымъ намѣреніемъ сдѣлать то, что сдѣлано, т. е. взять свой вкладъ, но еще съ тѣмъ, чтобы *повредить* обществу, какъ довѣрителю. 4) Необходимо при томъ, чтобъ вредъ *дѣйствительно* былъ причиненъ объекту преступленія— довѣрителю. 5) Накопецъ необходимо, чтобы это причиненіе вреда послѣдовало посредствомъ *употребленія* на этотъ вредъ *власти*, которою преступникъ довѣрителемъ облеченъ, чтобы онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ того, что ему довѣрено или поручено. Разсмотримъ, имѣются ли въ данномъ случаѣ всѣ эти пять капитальныхъ существенныхъ признаковъ. Составъ преступленія будетъ неполный коль-скоро нѣтъ котораго-либо изъ нихъ.

Первое условіе на лицо: Шумахеръ былъ дѣйствительно довѣренное лицо, избранное въ члены совѣта

общимъ собраніемъ акціонеровъ и въ предсѣдатели товарищами—членами совѣта.

Втораго условія совсѣмъ нѣтъ. Объектомъ преступленія можетъ быть *только само общество*, а не посторонніе лица напр. *кредиторы* общества. Сама прокуратура и судъ признаютъ, что 5 октября банкъ уже былъ трупъ, что онъ уже былъ несостоятельнымъ, сами они обвиняютъ членовъ совѣта за непрекращеніе операцій. Если банкъ былъ все равно что трупъ, а его имущество, въ которомъ пассивъ преобладалъ надъ активомъ было только массою, подлежащею распредѣленію между кредиторами, то я полагаю, что объектъ преступленія, требуемый ст. 1198, уже не существовалъ. Съ кредиторами же банка Шумахеръ не состоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ довѣрія: онъ самъ былъ такой же кредиторъ, какъ и они. Взятіемъ Шумахеромъ вклада нисколько не измѣнился балансъ Банка, потому что насколько уменьшился активъ, настолько уменьшился пассивъ, а разница осталась таже самая.

Третье условіе—умыселъ съуживается въ рѣшеніи суда до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, до сознанія въ Шумахерѣ, что вынутіемъ вклада уменьшится капиталъ общества. Я уже старался доказать, что этого мало, что если *умыселъ* прямо упомянутъ въ 1198 ст., то это обозначаетъ, что здѣсь требуется не простая сознательность, но нѣчто большее, а именно особенная цѣль преступная, извѣстнымъ образомъ опредѣленная. Прокуроръ въ своемъ объясненіи утверждаетъ, что умыселъ былъ, потому что Шумахеромъ руководила при вынутіи вклада цѣль корыстная, желаніе возвратить себѣ вкладъ полностью. Этотъ доводъ грѣшитъ незнакомствомъ съ техникою, съ терминологіею уложенія. Уложеніе подъ словомъ корыстная цѣль никогда не подразумѣваетъ желанія доставить себѣ *законную* выгоду, воспользоваться законнымъ правомъ, вынутіе же вклада есть цѣль вполнѣ законная, въ противномъ случаѣ всѣ вкладчики, вынувшіе 2,400,000 р. съ 5 по 11

октября сидѣли бы на скамьѣ подсудимыхъ. Итакъ въ данномъ случаѣ корыстные виды не примѣнимы, необходимо намѣреніе вредить довѣрителю, а этого то намѣренія и нѣтъ. Само *соображеніе*, что получая вклады Шумахеръ уменьшилъ платежную способность банка есть не больше какъ *софизмъ*. Несостоятельность значитъ отсутствіе платежной способности, банкъ былъ ея лишенъ по обвинительному акту и мнѣнію суда уже 5 октября, и потому Шумахеръ не могъ уменьшить того, что вовсе не существовало. Только въ математикѣ употребляются величины отрицательныя; въ дѣйствительности ихъ нѣтъ, онѣ только условные знаки.

Четвертое условіе—вредъ банку есть тоже фикція, такая же какъ уменьшеніе платежной способности банка, квадратура круга, круглый четвероугольникъ! Если банкъ умеръ, а совѣтъ обвиняется въ томъ, что скрывалъ отъ публики его плачевную кончину, то вредъ не могъ быть причиненъ ни банку, который умеръ, ни лицамъ, которыя бы являлись продолжателями его личности, банкъ не оставилъ наслѣдниковъ, имущество его невыморочное, оно ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ въ казну.

Пятое условіе—выдача вклада произошла не чрезъ злоупотребленіе довѣрія. Это послѣднее условіе я отрицаю въ большей еще степени нежели всѣ остальныя. Мнѣ говорятъ: дѣло рѣшено по существу непоколебимымъ въ этомъ отношеніи приговоромъ присяжныхъ; присяжные признали, что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія и такимъ образомъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе. Я долженъ прежде всего отдѣлить въ этомъ отвѣтѣ, что сказали присяжные *отъ умозаключеній самого суда*. Отвѣчая на вопросы, присяжные признали: 1) что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія, 2) для взятія своего вклада полностію; 3) между тѣмъ какъ званіе обязывало его не допускать даже съ ущербомъ для себя уменьшенія капитала Банка. Изъ этихъ трехъ положе-

ній первое фактически невѣрно, но я не вправѣ его опровергать, оно примѣръ неправды, которую никакъ нельзя исправить. Членъ совѣта ни чѣмъ не распоряжается, приказовъ не даетъ; онъ по званію члена совѣта, узналъ о положеніи дѣлъ банка, но онъ взялъ свой вкладъ не позванію члена совѣта, а по званію кредитора. Но если бы въ самомъ дѣлѣ онъ взялъ свой вкладъ пользуясь своимъ положеніемъ, какъ члена совѣта, то взятіе своего вклада есть дѣйствіе совершенно законное и потому ненаказуемое. Итакъ, вся суть отвѣта заключается въ третьемъ положеніи, въ словахъ что Шумахеръ взялъ свой вкладъ, между тѣмъ, какъ на немъ лежали такія-то обязанности. Защитникъ Шумахера протестовалъ въ судѣ противъ постановки всего вопроса, въ кассаціонной своей жалобѣ онъ оспариваетъ послѣднюю его часть, содержащую изложеніе обязанностей членовъ совѣта. Я поддерживаю эту часть жалобы на слѣдующихъ основаніяхъ. Если по 760 ст. уст. угол. суд. присяжнымъ нельзя предлагать вопросъ въ видѣ закономъ принятыхъ опредѣленій, то конечно нельзя предлагать на ихъ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, какія обязанности возложены закономъ на членовъ совѣта, потому что присяжные не законники, а это вопросы *техническіе*, юридическіе, въ которыхъ они не свѣдущи, въ которыхъ нельзя ихъ брать въ провожатые. Я не унижу нисколько достоинства присяжныхъ, если скажу, что они столь же мало способны рѣшать техническіе вопросы юриспруденціи, какъ я, не математикъ, разрѣшать задачи съ помощію дифференціальнаго исчисленія. Въ сферѣ уголовной есть два ряда предметовъ, сличаемыхъ между собою и приводимыхъ къ уравненіямъ: обязанности людскія, изображенныя въ законахъ, толкуемыя судомъ безъ помощи присяжныхъ и дѣянія человѣческія, которыя обсуждаются для подведенія ихъ подъ законы; въ дѣлахъ важнѣйшихъ, дѣянія эти обсуждаются присяжными. Судъ не можетъ предлагать присяжнымъ вопросовъ, виновенъ ли подсудимый въ томъ, что нару-

шилъ такія-то обязанности, закономъ на него возложенныя, потому что они могутъ отвергнуть виновность, не признавая самой обязанности, не сочувствуя ей, и такимъ образомъ присяжные отмѣнятъ то, что установлено законодателемъ. Если присяжные не законники, то нельзя ни давать имъ провѣрять правильность того, что установлено закономъ, ни предлагать имъ свое толкованіе обязанностей будто бы изъ закона вытекающихъ, а можетъ быть и совсѣмъ изъ закона не почерпнутыхъ и лишенныхъ всякаго законнаго основанія, потому что если въ вопросахъ факта совѣсть присяжныхъ есть окончательно рѣшающая власть, то въ вопросахъ права должны быть инстанціи, должно быть обращеніе къ кассаціонному департаменту сената. Всякій судъ можетъ ошибиться и измыслить небывалыя обязанности, которыя потомъ присяжные закрѣпятъ своимъ приговоромъ. Ошибки эти возможны; онѣ и допущены московскимъ окружнымъ судомъ, который въ вопросѣ присяжнымъ позволилъ себѣ изложить обязанности члена совѣта банка чисто *фантастическія*. Никогда законъ не возлагалъ на членовъ совѣта обязанностей дѣйствовать въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Еще римляне сводили всѣ юридическія обязанности къ тремъ: *honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue*. Мы слышали здѣсь въ засѣданіи высказанное мнѣніе, что всякіе вопросы права могутъ превращаться въ вопросы факта; къ сожалѣнію не были указаны законы, по которымъ совершаются подобныя превращенія. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что законы суть тоже факты, но факты абстрактные, эти абстрактные факты не могутъ быть превращаемы въ конкретные и предлагаемы въ такомъ видѣ присяжнымъ, потому что присяжные установлены только для однихъ конкретныхъ фактовъ, а не абстрактныхъ. Превратнымъ истолкованіемъ обязанностей членовъ совѣта судъ могъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ и былъ причиною того, что они признали Шумахера виновнымъ. По всѣмъ симъ основа-

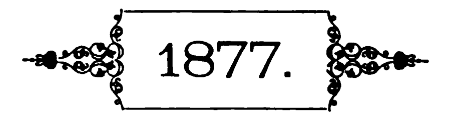
ніямъ оказывается, что въ поступкѣ Шумахера нѣтъ четырехъ изъ пяти признаковъ состава преступленія, предусмотрѣннаго въ 1198 ст. ул., а потому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ.

Да будетъ мнѣ позволено при окончаніи защиты сказать нѣсколько словъ о весьма важной бытовой сторонѣ настоящаго дѣла, для котораго ваше рѣшеніе, гг. сенаторы, будетъ имѣть громадное значеніе. Акціонерное дѣло у насъ новое; въ то время, когда писалось уложеніе оно существовало въ однихъ ничтожныхъ зачаткахъ; иначе и быть не могло при системѣ правительственной опеки въ области промышленности. Съ тѣхъ поръ Россія вступила на новые пути, возникли банки, желѣзнодорожныя компаніи, торговыя товарищества. Разумѣется эти скороспѣлые плоды—пріобрѣтенія ненадежныя, набирались туда люди всякіе, и существовало убѣжденіе, что достаточно получить уставъ, вывѣску повѣсить, да выбрать правленіе и совѣтъ, чтобы машина пошла, какъ слѣдуетъ. Всякая новинка, пока она привьется, оплачивается крахами и неудачами, разочарованіями. Всѣ страны переживаютъ подобные кризисы, доходя горькимъ опытомъ до сознанія условій, при которыхъ механизмъ можетъ успѣшно дѣйствовать. Урокъ былъ и намъ данъ,—и притомъ данъ урокъ относительно дешевый; онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, панику, острастку, заставилъ призадуматься. Онъ породилъ раньше вопросы по предмету того, какъ слѣдуетъ относиться къ акціонернымъ неурядицамъ. Два противоположныя направленія высказались въ двухъ сужденіяхъ по дѣлу Московскаго коммерческаго ссуднаго банка—въ приговорѣ присяжныхъ и въ рѣшеніи коронныхъ членовъ суда. Взглядъ присяжныхъ умѣреннѣе; вина всеобщая, всѣ виноваты, но тѣ которые провинились только оплошностію, малою заботливостью должны быть освобождены, наказать слѣдуетъ только лицъ дѣйствовавшихъ вполнѣ недобросовѣстно. Иной, болѣе энергичный образъ мыслей у коронныхъ судей, которые при-

говоромъ присяжныхъ недовольны и явно высказываютъ сожалѣніе о томъ, что имъ не предоставлено право передавать дѣла, подобныя настоящему, на новый комплектъ присяжныхъ вслѣдствіе того, что оправданные явно, по ихъ мнѣнію, виноваты. Увлекаясь своею спеціальностью, гг. коронные судьи полагаютъ, что все акціонерное дѣло можно бы наладить и имъ заправлять посредствомъ острастки, посредствомъ частаго употребленія уголовныхъ инструментовъ, закона о подлогѣ, законовъ о мошенничествѣ, о присвоеніи и бездѣйствіи власти, 1198 ст. Улож. Недостатокъ этой политики заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ крутыми мѣрами, что она вводитъ въ сложное и трудное акціонерное дѣло сильно и разрушительно дѣйствующіе снаряды, отъ которыхъ попортятся всѣ зубья и колеса, всѣ составныя части машины. Излѣченіе конечно будетъ радикальное въ томъ смыслѣ, что неправильностей въ ходѣ машины не будетъ, когда перестанетъ дѣйствовать сама машина.

Уголовный кассаціонный департаментъ (въ 37 ст. св. рѣшенія) призналъ, что члены совѣта Московскаго коммерческаго банка обвинялись въ допущеніи уменьшенія оставшихся въ банкѣ 5 октября капиталовъ, составлявшихъ общую собственность кредиторовъ банка выдачею вкладовъ полнымъ рублемъ, между прочимъ, и Шумахеру *съ нарушеніемъ* при этомъ правилъ, установленныхъ для выдачи по чекамъ; но изъ вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ невидно признанія нарушеній этихъ правилъ и вообще допущенія злоупотребленій въ порядкѣ выдачи Шумахеру вклада, а въ виду сего помѣщенное въ вопросѣ выраженіе «воспользовался должностью члена совѣта для полученія вклада полностью» безъ объясненія въ чемъ именно это воспользованіе заключалось, не можетъ имѣть значенія. По уставу банка членамъ совѣта и служащимъ вообще не воспрещено быть вкладчиками банка, и выдача имъ вкладовъ не обусловливается какими либо особыми правилами, да и отвѣтомъ присяжныхъ Шумахеръ признанъ виновнымъ въ томъ только, что зная о растратѣ капиталовъ банка, *поспѣшилъ лишь* взять свой вкладъ, тогда какъ по довѣрію акціонеровъ, избравшихъ его въ составъ совѣта, онъ обязанъ былъ ограждать интересы банка и его кредиторовъ недопущеніемъ даже съ ущербомъ для себя уменьшенія капиталовъ банка, подлежащихъ соразмѣрному между кредиторами распредѣленію. Вкладчики банка представляютъ кредито-

ровъ банка, которые въ случаѣ *поспѣшности* полученія уплаты отъ своего должника до объявленія послѣдняго несостоятельнымъ, хотя бы и въ ущербъ другимъ кредиторамъ, не совершаютъ уголовнаго проступка. Засимъ остается только обвиненіе Шумахера въ томъ, что онъ зная несостоятельность банка къ полному удовлетворенію кредиторовъ банка, недолженъ былъ по званію члена совѣта воспользоваться представленнымъ ему, какъ вкладчику, правомъ полученія своего вклада полностью. По точному смыслу этого обвиненія дѣйствіе Шумахера, если признаютъ оное несоотвѣтствующимъ въ данномъ случаѣ положенію Шумахера, какъ члена совѣта, не могло за силою 1 ст. улож. послужить основаніемъ къ присужденію его къ уголовной отвѣтственности, какъ потому, что для членовъ совѣта, состоящихъ въ тоже время въ отношеніи къ банку вкладчиками, никакихъ особыхъ ограниченій въ правѣ полученія своего вклада уставомъ банка не опредѣлено, такъ и потому, что въ приведенномъ вопросѣ о дѣйствіи Шумахера не заключается признаковъ какого либо дѣянія воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія. Въ виду сего, признавая выводы суда и прокурора въ возраженіи по жалобѣ Шумахера о преступности указаннаго въ вопросѣ дѣянія его не согласными съ точнымъ смысломъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и съ уставомъ банка, жалоба защитника Шумахера о томъ, что въ дѣяніи, въ коемъ подсудимый обвиняется по вопросу нѣтъ признаковъ преступленія или проступка представляется заслуживающею уваженія.

20.

Дѣло о 50 разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій.

Дознаніями, начавшимися весною 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившимися въ 1875 и 1876 гг. во Владимірской, Саратовской губерніяхъ и городахъ Тулѣ, Кіевѣ и Одесѣ, было обнаружено существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавшагося цѣлью низпроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это общество создалось подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся заграницу, преимущественно въ Швейцарію, и возвратившихся обратно въ отечество съ единственною цѣлью заняться пропагандою революціонныхъ идей среди рабочаго класса имперіи.

Къ слѣдствію и суду было привлечено 50 лицъ, по обвиненію: 1) первая група, и въ томъ числѣ Джабадари, Георгіевскій и Вѣра Любатовичъ въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, что предусмотрѣно 2 ч. 250 ст. улож. о нак.; 2) сверхъ того Джабадари, Вѣра Любатовичъ и др. въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному

неповиновенію власти верховной, что предусмотрѣно 251 ст. улож.; 3) не зависимо отъ сего кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ въ томъ, что во время обыска, съ цѣлью лишить жизни полицейскихъ чиновъ Ловягина и Ѳедорова, первый сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Ѳедорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, каковыя дѣянія предусмотрѣны 114 и 1455 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ особомъ присутствіи правит. сената, нучрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ 21 февраля по 14 марта 1877 года, при открытыхъ дверяхъ, «Правительственный Вѣстникъ» 1877. № 39 и слѣд.

ГГ. судьи! Такъ случалось, что мои подсудимые съ краю верхняго всей фаланги—первые, а потому и я съ краю — первый, и что мнѣ выпала въ нѣкоторомъ отношеніи выгодная а въ нѣкоторомъ и невыгодная доля первому говорить, и выразить многое, что, по всей вѣроятности, раздѣляется многими моими товарищами по защитѣ. Вотъ почему безъ всякой между нами стачки и сговора, просто въ силу того, что каждый процессъ есть работа коллективная, стройная, съ раздѣленіемъ труда, работа органическая, въ виду того чтобы не терять времени лишняго и не говорить словъ праздныхъ, я смѣю думать, что я въ общихъ моихъ соображеніяхъ, а не въ подробностяхъ, выражу многое, что думается и чувствуется моими товарищами по защитѣ и прежде всего къ числу такихъ общихъ ощущеній я долженъ отнести чувство большой трудности нашей задачи и большой отвѣтственности, которую мы несемъ въ настоящую минуту. Трудность велика, каждое слово должно быть взвѣшиваемое, не докажешь—не хорошо защищаешь кліента, такъ сказать, казеннымъ образомъ лишнее скажешь, вступишься теплымъ словомъ за обвиняемымъ,—посягнешь на основы церкви, общества, государства, семьи и доброй нравственности. Я лично полагаю, что эта трудность болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительнная, что она въ значительной степени облегчится для насъ вами же, гг. судьи, потому что она

искуственно создана разными умышленными или неумышленными алармистами и основана на смѣшеніи умышленномъ или безсознательномъ, но ошибочномъ, личностей подсудимыхъ съ личностями защитниковъ. Къ несчастію это смѣшеніе никогда не бываетъ по обыкновеннымъ дѣламъ, а только какъ разъ постоянно и неизмѣнно просходитъ по дѣламъ политическимъ. Когда судится убійство или кража, то никто и не вздумаетъ заподозрить въ защитникѣ единомышленника, хотя бы съ трогающею до глубины души красотою онъ отстаивалъ своего кліента, но есть много людей, которые по преступленіямъ политическимъ готовы корить защитника за всякое слово теплое, сказанное въ пользу этихъ гибнущихъ молодыхъ силъ, до того сильно предубѣжденіе, которое отвергая и осуждая ихъ гуртомъ, видитъ въ нихъ либо сумашедшихъ, либо отъявленныхъ враговъ всякаго общежитія, разрушающихъ основы общества и государства. Въ вашемъ присутствіи, гг. судьи, подъ вашею эгидою и на вашихъ глазахъ мы подобнаго смѣшенія опасаться не можемъ, смѣшенія, которое, сливая подсудимаго съ защитникомъ, влагалобы въ защитника душу подсудимаго и наоборотъ заставляло бы подсудимаго страдать и терпѣть всякія послѣдствія за всякое неловкое слово защитника. Отъ васъ, конечно, нечего опасаться этого смѣшенія съ подсудимыми, отъ которыхъ насъ отдѣляетъ возрастъ, общественное положеніе, иной образъ мыслей, иныя идеи, нравы; вѣдь и защищать мы явились большею частью по наряду и назначенію суда. Говорю я объ этомъ коренномъ различіи не потому, чтобы я желалъ насъ самихъ лично выгородить и обезопасить, выдавая головою подсудимыхъ, или чтобы я хотѣлъ нашу задачу возвести до простого актерства, до лицедѣйства, но потому что на этомъ различіи основывается качество защиты, которое къ несчастію оспаривается не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только по политическимъ, и безъ котораго защита существовать не можетъ и будетъ только притворная а слѣдовательно

безполезная и унизительная — я разумѣю *свободу защиты.* Я разумѣю свободу какъ нѣчто относительное, допускающее, степень и утверждаю, что, хотя есть страны и общества, въ которыхъ эта свобода больше, шире, въ которыхъ она доходитъ до того, что на судѣ подобномъ настоящему можно даже продискутировать тѣ ученія, которыя судятся, выдѣливъ изъ нихъ ту частицу истины, которая кроется въ каждомъ ученіи самомъ вредномъ, но тѣмъ не менѣе эта свобода существуетъ и у насъ какъ возможность защищать, какъ возможность высказать все то, что можетъ быть сказано для оправданія или уменьшенія вины подсудимыхъ, серьезно, скромно, безъ фразъ, не для того, чтобы рисоваться и производить эффектъ, и не для того, чтобы совершить формальность, но для того чтобы произвести на совѣсть людей не предубѣжденныхъ и безпристрастныхъ возможно выгодное или лучше сказать наименѣе не выгодное впечатлѣніе для подсудимыхъ и даже для идей и чувствъ, которыя руководили ими въ ихъ антигосударственной, революціонной дѣятельности.

У меня трое подсудимыхъ, которые по отношенію къ тяжести обвиненія идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Вѣра Любатовичъ и заговорщица и пропагандистка по обвинительному акту, болѣе даже заговорщица, потому что она не видно, чтобы пропага[illegible]ала въ администраціи, такъ что если въ ней скре[illegible]тся два обвиненія, то первое беретъ верхъ на[illegible] 2) Д[illegible], который, хотя и обви[illegible]ествѣ и въ пропагандѣ, но по отнош[illegible] котор[illegible]неніе въ сообществѣ отодвигае[illegible] задній план[illegible]ъ какъ и сама организація соо[illegible]ва болѣе поздн[illegible] времени, нежели его заарес[illegible]іе, слѣдовательно [illegible]тникъ, который по моему то[illegible] можетъ быть у[illegible]емъ съ успѣхомъ, какъ въ [illegible] преступленіи [illegible]занномъ — въ пропагандѣ, а у[illegible] пропагандѣ можетъ быть привле[illegible]у обвиненію — въ сообществѣ, какъ [illegible]лагаемому; нако-

нецъ 3) Георгіевскій, который и арестованъ до возникновенія организаціи, слѣдовательно когда, какъ я постараюсь доказать, не было еще сообщества въ настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ соединенія лицъ дѣйствующихъ по опредѣленному плану, да онъ и не пропагандировалъ, не ходилъ въ народъ, не раздавалъ книжекъ, а обличается въ весьма реальномъ, но не политическомъ преступленіи, за которое и судиться въ особомъ присутствіи не можетъ, а именно въ проживаніи по чужому или по ложному паспорту. Попался онъ потому, что, по случайному стеченію обстоятельствъ, накрытъ въ чужой квартирѣ вмѣстѣ съ другими; знакомый—слѣдовательно сообщникъ, вѣроятно по пословицѣ: «съ кѣмъ знаешься, такимъ и самъ бываешь». И по раздѣленіи подсудимыхъ на группы, я не могу ставить защиты въ такомъ порядкѣ и отдѣляю Вѣру Любатовичъ за послѣднее время къ группѣ 4-ой. И по моимъ личнымъ соображеніямъ, какъ защитника, то есть какъ техника, который предпочитаетъ методически разбирать вопросы, я долженъ и 2-хъ другихъ подсудимыхъ переставить, чтобы идти отъ простого къ болѣе сложному, отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному и болѣе сомнительному. Я во главу угла моей защиты ставлю Георгіевскаго и полагаю, что если, мнѣ удастся его оправдать, не по несомнѣнному преступленію, въ которомъ онъ положительно виповенъ, но по которому значительную часть населенія Россіи, т. е. всю Русь безпаспортную и бродячую можно перевести въ политическіе преступники, но въ томъ въ чемъ онъ обвиняется по обвинительному акту. Если онъ будетъ оправданъ, то есть еще лучъ надежды и для Джабадари, который имѣетъ съ Георгіевскимъ одну общую черту—отрицаніе самаго матеріальнаго факта, ставимаго и тому и другому въ вину. Отрицать этотъ фактъ труднѣе Джабадари чѣмъ Георгіевскому, потому что, если проанализировать этотъ фактъ съ поддерживающими его доказательствами, то фактъ самъ улетучивается и пропадаетъ. Разберемъ въ чемъ же

собственно проявилась прикосновенность матеріальная или моральная Георгіевскаго къ разбираемому здѣсь сообществу.

Причины, по которымъ я полагаю, что особое присутствіе не вправѣ судить Георгіевскаго за проживательство по завѣдомо фальшивому, виду я вывожу изъ двухъ основаній: а) изъ того, что по 751 ст. ус. уг. суд. основаніемъ вопросовъ по существу дѣла служитъ прежде всего и главнѣйше *обвинительный актъ;* а также слѣдствіе съ преніями, на сколько это слѣдствіе развиваетъ, дополняетъ или измѣняетъ выводы обвинительнаго акта. Изъ сего наша практика, на сколько мнѣ извѣстно, вывела то заключеніе, что не по обвинительному акту ставятся вопросы, когда въ слѣдствіи произошло нѣчто новое, когда обнаружены новые факты, вслѣдствіе которыхъ событіе получило новую окраску, новую квалификацію; но если къ фактамъ ничего во время слѣдствія не прибавилось, то невозможно по требованію обвиненія или усмотрѣнію суда измѣнять вопросъ и нельзя ни по ст. 751, ни даже по статьѣ 752, гдѣ говорится о преступномъ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи и гдѣ разрѣшается ставить вопросы, если они подвергаютъ наказанію болѣе слабому; нежели предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ. Я не могу сказать, что дѣяніе проживательства по фальшивому виду не предусмотрѣно въ обвинительномъ актѣ, въ ст. 6 обвинательнаго акта написано: «паспортъ В. Георгіевскаго оказался по справкамъ подложнымъ», и только изъ того предусмотрѣннаго дѣянія не выведено окончательное заключеніе. Почему оно не выведено? Я не знаю. Можетъ быть потому, чтобы поставить судьямъ дилемму: либо этотъ человѣкъ несомнѣнно виновный будетъ совсѣмъ оправданъ, либо обвиненъ, но въ тяжкомъ преступленіи безъ всякихъ посредствующихъ оттѣнковъ. Если такова была тактика обвиненія, то послѣдствіями ея только и могутъ быть оправданіе

или обвиненіе по главному вопросу и оставленіе вопроса о меньшемъ преступленіи безъ разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что это преступленіе можетъ быть преслѣдуемо отъ настоящаго дѣла особо. Противный тому образъ дѣйствія весьма по послѣдствіямъ неудобенъ и нарушаетъ начало fair play—равноправности сторонъ, равенства сторонъ въ состязаніи. Обвиненіе, имѣя факты въ обвинительномъ актѣ достаточные для обвиненія въ нѣсколькихъ преступленіяхъ одновременно совершенныхъ, совокупно вмѣщающихся въ одномъ внѣшнемъ дѣйствіи и одинаковыхъ по отвѣтственности, можетъ нарочно обвинять не по самому подходящему съ тѣмъ, чтобы защита не могла и подготовиться къ отпору, вызвать свидѣтелей, собрать доказательства...Наступаетъ состязаніе; обвиненіе отступаетъ отъ выставленнаго въ обвинительномъ актѣ; оказывается, что это обвиненіе было притворное и демаскируется главное обвиненіе, наносится неотразимый ударъ, неотразимый потому, что онъ задуманъ, но прикрытъ. Я не утверждаю, чтобы нѣчто подобное имѣло мѣсто теперь, я утверждаю только, что оно могло бы быть и ради этой возможности я ходатайствую, чтобы ее навсегда и въ принципѣ устранить.

Другое основаніе моего ходатайства основано на точномъ смыслѣ Высочайш. повелѣнія отъ 8 іюля 1876 г., изложеннаго въ предложеніи Министра Юстиціи Сенату 20 іюля 1876 г. Въ судебныхъ уставахъ, въ ст. 545 уст. уг. суд. содержится важное постановленіе, что по дѣлу, судимому съ присяжными, никто не можетъ быть судимъ безъ предварительнаго слѣдствія, по одному лишь дознанію. Изъ этого начала сдѣлано было въ Высоч. повелѣніи исключеніе примѣнительно къ 545 ст—дать ходъ дѣлу по дознанію, безъ предварительнаго слѣдствія, то есть судить это дѣло политическое какъ судятся дѣла безъ присяжныхъ; это дѣло совершенно опредѣленное, это дѣло а не какое бы то не было другое, которое могло бы кромѣ того по поводу этого дѣла обнаружиться. Высоч. повелѣніе, лиша-

ющее подсудимыхъ одной изъ гарантій, которой они пользовались бы въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, должно быть толкуемо стѣснительно и строго. Матеріалъ весь, къ которому оно относится, переданъ для составленія обвинительнаго акта; предполагается, что въ обвинительномъ актѣ выведены всѣ заключенія, которыя можно извлечь т. е. перечислены всѣ признаки преступленія. Если оказывается, что можно сдѣлать еще обвиненіе въ подлогѣ паспорта, то это преступленіе новое, если оно новое, то конечно на него не распространяется дѣйствіе Высоч. повелѣнія отъ 8 іюля, а такъ какъ это преступленіе судится съ присяжными (976 ст. улож.) то либо надлежало бы пріостановить все судебное слѣдствіе по политическому преступленію по 753 ст. уст. уг. суд., либо оставить безъ разсмотрѣнія обстоятельство о проживаніи по фальшивому паспорту.

Я постараюсь вамъ доказать, что это сообщество со стороны Георгіевскаго не проявилось рѣшительно ни въ чемъ и я надѣюсь, что докажу, если... если... тутъ камень преткновенія, тутъ вопросъ коренной капитальный для всей защиты, который надобно прежде всего устранить... если не будетъ недоразумѣнія въ методѣ, если обвиненіе, защита и судъ будутъ дѣйствовать по одному и тому же методу изслѣдованія, а не пойдутъ кто въ одну, кто въ другую сторону. Какой же долженъ быть методъ? зачѣмъ возбуждается этотъ вопросъ о методѣ, когда судъ настоящій есть судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію? Почему?... а потому, что уже при предварительномъ слѣдствіи по вопросу о прочности показанія Жерковскаго (2 группа) произошло кое что и высказались взгляды, которые ставятъ защиту въ тупикъ... ни одинъ документъ, находящійся въ дѣлѣ, не былъ оставленъ особымъ присутствіемъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ особое присутствіе не есть судъ присяжныхъ и оно не руководствуется законами установленными для присяжныхъ а почерпаетъ свои

убѣжденія какъ изъ судебнаго слѣдствія, такъ и изъ всего матеріала заключающагося въ десяти томахъ жандармскаго дознанія. Таковъ былъ смыслъ опредѣленія Правительствующаго Сената, состоявшагося 24 февраля. Какъ понимать эти слова: слѣдуетъ ли защитѣ готовиться къ отпору всѣхъ возможныхъ предположеній и уликъ содержащихся въ громадномъ матеріалѣ десяти томовъ или ей достаточно отражать и защищаться противъ того, что было здѣсь прочитано, сказано и выслушано? Вопросы эти капитальные для всѣхъ насъ, отъ нихъ зависитъ нашъ образъ дѣйствій. Разрѣшая этотъ вопросъ по моему крайнему разумѣнію, я въ моихъ колебаніяхъ и недоумѣніяхъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые считаю долгомъ изложить.

Всѣ уголовныя судопроизводства дѣлятся на два типа: 1) на процедуры письменныя онѣ же и инквизиціонныя, здѣсь нѣтъ дѣленія работы, нѣтъ обвиненія, нѣтъ защиты, а есть одни судьи, вытаскивавшіе истину изъ груды бумагъ, но есть и гарантія: судятъ человѣка только по бумагѣ и каждый выводъ, какъ въ историческомъ сочиненіи долженъ быть подкрѣпленъ ссылкою на бумажные источники, причемъ предполагается что эти источники собраны правильно и формально. 2) Другой типъ представляетъ процедура устная и вмѣстѣ съ тѣмъ состязательная, здѣсь есть письменная подготовка, но она составляетъ элементъ, иногда состоящій изъ одного только дознанія, есть обвиненіе, которое изъ груды матеріала изготовляетъ свою программу — обвинительный актъ, есть защита, которая изъ той-же груды извлекаетъ то только, чѣмъ нужно отразить актъ, есть законы допускающіе только частицѣ быть предлагаемою на судѣ и относящіе все остальное въ бракъ; законы эти одинаковы и для суда присяжныхъ и для суда безъ присяжныхъ; для присяжныхъ они существуютъ въ такомъ видѣ, что имъ недопускается даже знакомиться съ содержаніемъ акта не разрѣшаемаго закономъ для прочтенія и не бывшаго предметомъ состязанія на-

судѣ; для суда безъ присяжныхъ они существуютъ въ томъ видѣ, что хотя судъ беретъ съ собою дѣло и можетъ его прочесть, но основывать свои сужденія онъ можетъ всетаки только на томъ, что обсуждалось въ судебномъ засѣданіи и о чемъ сказали свое слово и обвинитель и защитникъ, все же остальное идетъ въ бракъ, какъ для математика все, что небыло имъ повѣрено, какъ для химика или физика свѣдѣнія, переданныя но не испытанныя и не испробованныя на опытѣ. Когда особое присутствіе по поводу показанія Жерковскаго постановило читать, мотивируя чтеніе тѣмъ, что для него какъ для суда присяжныхъ необязательны строгіе законы браковапія доказательствъ и что оно не можетъ оставить ни одного документа не разсмотрѣннымъ, то я это опредѣленіе понялъ такимъ образомъ, что по требованію обвиненія, защиты или по постановленію суда могутъ быть прочитаны всякіе акты, кромѣ разумѣется самосознаній подсудимыхъ, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы на актахъ не прочтенныхъ могъ судъ основываться, чтобы всѣ десять томовъ онъ читалъ и выбиралъ изъ нихъ то, что сторонамъ и въ голову не приходило, чтобы удаляясь въ совѣщательную комнату, онъ могъ вынести приговоръ основанный на признаніяхъ подсудимыхъ на дознаніи, которымъ нашъ гуманный законъ до такой степени не даетъ вѣры, что вовсе устраняетъ и выдѣляетъ ихъ изъ судебнаго слѣдствія. И такъ, я полагаю, что хотя въ этомъ судѣ область источниковъ шире, но все таки она ограничена предѣлами судебнаго слѣдствія и что она только и состоитъ изъ этихъ элементовъ: 1) обвинительнаго акта, какъ программы, какъ того, что требуется доказать, 2) изъ фактовъ объективныхъ и разъясненныхъ при судебномъ слѣдствіи, подкрѣпляющихъ или ослабляющихъ обвиненіе и наконецъ 3) изъ умозаключеній почерпнутыхъ только изъ этихъ фактовъ и не больше. Если это такъ, то часть дѣла, касающаяся Георгіевскаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Сынъ весьма бѣднаго и обремененнаго огромнымъ семействомъ священника, неудавшійся студентъ технологическаго института и медико - хирургической академіи, уволенный въ началѣ 1875 г., не могшій ее кончить по недостатку средствъ, бѣдствовавшій до того, что долженъ былъ ночевать въ ночлежныхъ заведеніяхъ по 3 коп. за ночь, Георгіевскій прибылъ въ Москву и поставилъ себѣ задачею поступить куда нибудь простымъ слесаремъ на казенномъ или частномъ заводѣ. Жилъ онъ крайне бѣдно, квартиру нанималъ за 6 руб. въ мѣсяцъ; а такъ какъ отъ него постоянно требуютъ паспортовъ, то прошлое его званіе могло ему служить только помѣхою; студентъ по свидѣтельству академіи, вѣчный студентъ, лицо подозрительное въ виду полицейскаго надзора, простираемаго на всѣхъ въ послѣдніе 4, 5 лѣтъ, за тѣмъ, не проявляется ли интернаціоналка въ Россіи. Со своими бумагами было рискованно соваться на фабрику, онъ и купилъ за 5 рублей паспортъ темный, но такой въ которомъ фальшивы были только подписи да званіе, а показаны истинное имя и отечество Василій Григорьевъ. На своей квартирѣ онъ не имѣетъ притона, гдѣ бы сходился кружокъ товарищей и галдѣлъ и разсказывалъ и толковалъ; разъ только пришелъ къ нему переночевать его товарищъ, такой-же какъ онъ и ушелъ; предварительнымъ дознаніемъ хотѣли установить связь между Георгіевскимъ и жильцами дома Корсакъ чрезъ Чикоидзе, но домохозяинъ отвергаетъ это сходство, а что касается до Чикоидзе, то вы сами знаете, трудно ли это лицо запомнить, оно выдѣляется рѣзко и запечатлѣвается мѣтко въ памяти.— Никакихъ книжекъ у Георгіевскаго не найдено, да и вообще не установлено, что-бы онъ что нибудь читалъ, а тѣмъ менѣе, чтобы онъ распространялъ. Пасмурный, молчаливый, не общительный и угрюмый онъ меньше всего годится въ пропагандисты. Есть еще несомнѣнное доказательство отсутствія тѣсныхъ сношеній между Георгіевскимъ и жильцами дома Корсакъ. Это Дарья

Ивановна, которая разсказывала много про какого то Василія, покупавшаго мебель и давшаго ей первое свѣдѣніе объ арестѣ Николая Василіевича, но этого Василія здѣсь неопознавшая и прямо удостовѣрившая, что Георгіевскаго въ лицо не знаетъ. И такъ единственная ниточка, которая связываетъ Георгіевскаго съ группого дома Корсакъ, это фактъ, что его накрыли въ этомъ домѣ при обыскѣ 3 апрѣля. Георгіевскій не повторялъ здѣсь сказки: мебель ходилъ покупать. Онъ бѣднякъ, не имѣющій гдѣ эту мебель уставить. Назвался онъ Василіемъ Григорьевымъ изъ очень понятной боязни быть уличеннымъ въ другомъ преступленіи; онъ зашелъ просто но знакомству съ людьми, съ которыми встрѣчался въ академіи въ 73—74 и половинѣ 75 гг. и которые могли его пригласить по товариществу, могли его пригласить потому, что имѣли на него и какіе нибудь виды, но откуда же увѣренность, что эти виды раздѣлялъ Георгіевскій, что онъ ихъ поддержалъ? Никогда еще на одномъ столь страшно шаткомъ основаніи, какъ физическая близость не основывался приговоръ. Я утверждаю, что Георгіевскій совершенно чистъ въ томъ преступленіи, которое по кѣмъ то счастливо сдѣланной характеристикѣ есть преступленіе свыше уголовнаго, что онъ по крайней мѣрѣ былъ совершенно чистъ относительно сообщества до ареста, что-же случилось бы съ нимъ во время ареста... Во время ареста совершилось надъ нимъ, что совершается со всѣми арестантами, будь они судимы не за дѣла свыше уголовныхъ, а за простыя кражи; устанавливается особаго рода сообщество не политическое а просто тюремное, переписка, обмѣнъ словъ, общія думы и заботы о свободѣ, заговоры противъ тюремнаго начальства, всѣ порожденія скуки, всѣ ухищренія ума, обреченнаго на бездѣйствіе и способнаго вслѣдствіе уединенія на выходки необыкновенныя а иногда и геніальныя. Георгіевскій уже посвященъ въ шифры, уже принимаетъ дѣятельное участіе въ перепискѣ по слу-

чаю освобожденія Чикоидзе. Тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы его по поводу и на основаніи этого тюремнаго сообщества можно было привлечь къ отвѣтственности за заговоръ политическій. Я полагаю, что подобныя сообщества между людьми подъ замкомъ сидящими только и могутъ устраиваться, благодаря несовершенству мѣстъ содержанія или оплошности содержащихъ въ отношеніи къ содержимымъ. Злая сатира на современные порядки не могла бы придумать ничего злѣе предположенія о политическомъ заговорѣ, составленномъ уже въ тюрьмѣ между арестантами на ниспроверженіе государственнпаго порядка и суда, который бы такихъ, въ мѣшкѣ сидящихъ, за это судилъ. И такъ, гг. судьи ни въ чемъ свыше уголовномъ Георгіевскій не повиненъ, не доказано даже, чтобы онъ былъ единомышленникъ ни кружковъ дома Корсакъ, ни своихъ товарищей по заключенію; а ежелибы вы и подозрѣвали, что онъ единомышленникъ, то слава Богу еще за мысли у насъ не судятъ; казнь за мысль въ смыслѣ науки есть такая криминалистическая ересь, которую я даже не берусь опревергать. Раставаясь съ Георгіевскимъ въ полной увѣренности, что я его еще встрѣчу на свободѣ и оправданнымъ, я приступаю къ другому подсудимому гораздо болѣе уличаемому и потому болѣе печальному, къ закавказцу Ивану Спиридоновичу Джабадари, который обвиняется и въ сообществѣ и въ пропагандѣ. Чтобы оцѣнить, какъ велики противъ него улики, надлежитъ взвѣсить объективно по началамъ науки, что такое сообщество и что такое пропаганда, послѣ чего уже можно будетъ подводить дѣяніе Джабадари подъ ту ли другую уголовную форму.

Въ то самое время когда по предположенію обвиненія нѣкоторые изъ подсудимыхъ, кромѣ Георгіевскаго, задумывали въ Парижѣ, Бернѣ и Цюрихѣ ниспроверженіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ русскаго правительства и упраздненіе русскаго государства, происходила здѣсь въ Россіи маленькая перемѣна

—

въ законахъ, предрѣшающая ихъ настоящую судьбу; 4 іюня 1884 г. добавлено къ 250 ст. 2-ую часть въ главѣ о бунтѣ и измѣнена въ главѣ о противозаконныхъ сообществахъ статья 318, бывшая въ свою очередь передѣлкою этой главы посредствомъ закона 27 марта 1867 г. Главныя черты этой перемѣны, измѣняющей существенно систему уложенія заключаются въ слѣдующемъ. Система уложенія была необыкновенно послѣдовательна и цѣльная; въ главѣ VI запрещались всякія собранія и соглашенія, хотябы и для дозволенныхъ закономъ цѣлей, и усиливаясь шли наказанія, смотря по увеличивающейся противозаконности цѣлей. Когда эта противозаконность доходила до возмущенія спокойствія государства и поколебанія или измѣненія образа и порядка правленія, то такое общество уже становилось однимъ изъ подвидовъ бунта, а законы о бунтѣ преслѣдовали и подавляли это преступленіе, начиная съ первоначальнаго его зародыша—появленія умысла въ единичной головѣ и до открытаго дѣла т. е. до возстанія заговоромъ или скопомъ противъ верховной власти. По наказанію выдѣлена была только одна зародившаяся въ единичной головѣ идея, она наказывалась слабо какъ приготовленіе и начало покушенія по 251 ст., но разъ она сообщена и распространена, само распространеніе сочиненія или письма или произнесеніе рѣчи преслѣдовались почти одинаково какъ заговоръ открытый до произведенія смятеній и почти одинаково какъ самъ бунтъ на дѣлѣ... Въ этой системѣ все послѣдовательно, но она вся покоится на предположеніи, что одна идея равна почти дѣлу, что надобно тушить идею въ ея зародышѣ, что зажигательная революціонная идея, хотя она мала какъ спичка, отъ которой не можетъ сыръ боръ загорѣться и которая есть только первое возбужденіе, вносимое въ организмъ общественный, совершенно по злокачественности равна рефлексамъ, вызваннымъ этою идеею, когда организмъ общественный его усвоилъ и перерабатываетъ, на каковую перера-

ботку требуется конечно время пропорціональное величинѣ этого организма. Эта система выкидывала совсѣмъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ для оцѣнки преступнаго умысла—время. Возьмемъ самаго радикальнаго революціонера, который составилъ себѣ идею объ упраздненіи всякаго государства и всякой власти, даже отцовской и материнской; если этотъ революціонеръ отлагаетъ осуществленіе своего идеала, хотя и не до второго пришествія Христа и не до возвращенія въ Европѣ ледяного періода, но за 200, 300 лѣтъ, когда не только его въ живыхъ не будетъ, но не будетъ въ живыхъ и тѣхъ самыхъ юныхъ дѣтей, съ которыми онъ сообщался въ условіяхъ жизни земной, то невозможно этого человѣка считать бунтовщикомъ и его идеи столь индиферентны для насъ, какъ индиферентно для насъ то что, по ученію естествоиспытателей паступитъ когда-то прекращеніе жизни органической и паденіе земли на солнце. Вотъ почему, въ виду трудности примѣненія въ первоначальномъ видѣ ст. 249 о бунтѣ, въ виду усиливавшагося развитія во всевозможныхъ видахъ жизни общественной, чему дали толчекъ великія реформы настоящаго царствованія, явилась, необходимость соразмѣрить наказаніе съ видами вины вновь зарождающимися въ общежитіи и отдѣлить умыселъ на бунтъ въ опредѣленномъ будущемъ и посредствомъ мѣръ насильственныхъ, отъ вины человѣка не думающаго дѣйствовать насильственно и стремящагося только къ распространенію такихъ идей, которыя, въ заранѣе съ точностью неопредѣленное время, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ могли бы произвести коренной и можетъ быть внезапный государственный переворотъ. Таковъ смыслъ 2 ч. ст. 250 по редакціи 1874 г. Въ техническомъ отношеніи, въ отношеніи шематизма эта редакція стушевала всякую границу между главою II и VI. Глава VI и теперь озаглавлена: «тайныя общества и сходбища», но сходбища уже выкинуты въ 1867 г. а и тайныя общества превращены просто въ сообщества

не политическо-революцiонныя, сiи же послѣднiя вклеены и приставлены къ бунту по 250 ст., отъ которой они существенно отличаются и по составу преступленiя и по ненаказуемости весьма широко понятой и допускающей громадное въ пользу подсудимаго число оттѣнковъ, опускающихся до простаго заключенiя въ крѣпости на 1 г. и 4 мѣсяца. Редакцiя во всякомъ случаѣ выгоднѣе для подсудимыхъ; что касается до примѣненiя ея къ настоящему случаю, то я наталкиваюсь на нѣкоторыя сомнѣнiя, кои долгомъ считаю отмѣтить. Сомнѣнiя мои заключаются во 1) въ томъ, что во 2 ч. 250 ст. сказано: въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, всетаки не очень отдаленномъ, не такимъ, котораго и опредѣлить нельзя, что имѣетъ мѣсто въ настоящемъ заговорѣ; 2) въ томъ, что умыселъ направленъ къ ниспроверженiю правительства во всемъ государствѣ или его части или къ перемѣнѣ образа правленiя, а въ данномъ случаѣ. хотя я не отвергаю, что умыселъ клонился къ упраздненiю государства и всякаго правительства, но вовсе не непосредственно а посредственно, чрезъ предварительное упраздненiе собственности а можетъ быть и семьи, послѣ чего упразднилось бы и правительство. Всякое тайное общество имѣющее предметомъ измѣненiе общественныхъ отношенiй имѣетъ въ сущности и политическiй характеръ, рефлексомъ оно отражается и на государствѣ, но всетаки оно должно быть оцѣниваемо по главному преобладающему въ немъ характеру, который есть несомнѣнно соцiалистическiй или пожалуй коммунистичеекiй—разрушенiе основъ общественной жизни, религiи, семьи и собственности, возбужденiе вражды между сословiями, слѣдовательно преступленiе, предусмотрѣнное въ 1 и 318 ст. улож. о наказ. а не въ 250 ст. Но оставляя въ сторонѣ эти сомнѣнiя, допустимъ, что было сообщество революцiонно политическое, въ которомъ принимаютъ участiе нѣкоторыя лица; прежде чѣмъ осудить за принадлежность

къ нему Джабадари нужно опредѣлить какого рода дѣятельность необходима для подведенія кого бы то не было подъ сообщество, послѣ чего соотвѣтствуетъ ли этимъ условіямъ дѣятельность Джабадари. И такъ, какой составъ преступленія революціонно политическаго сообщества по 2 ч. 250 ст. улож.?.. Мнѣ кажется, что надобно начать съ этимологическаго разбора самаго слова: сообщество. Оно конечно происходитъ отъ *общій*, общаго я могу имѣть много съ разными людьми, съ одними любовь къ скульптурѣ, съ другими убѣжденія религіозныя, съ третьими привычки общежитія или наклонности политическія, изъ того что у меня черты общія не вытекаетъ даже того, чтобы между мною и тѣми лицами было *общеніе* т. е. обмѣнъ идей, чувствъ или услугъ. Общеніе самое близкое, знакомство самое задушевное недостаточны для сообщества. Сообщниками по смыслу 13 ст. уложенія, которая относится ко всѣмъ преступленіямъ а слѣдовательно и къ политическимъ считаются тѣ лица, которыя по предварительному между собою соглашенію рѣшили произвести политическій переворотъ или по крайней мѣрѣ произведенію его посодѣйствовать. Такой выводъ вытекаетъ изъ 13 ст., такой же вытекаетъ и изъ сопоставленія ст. 250 съ 318.—Во главѣ 6-й стояло прежде «всякія тайныя общества», потомъ при томъ же заглавіи поставлено *сообщества*, потомъ слово сообщество перешло въ 250 ст., очевидно, что оба выраженія одно и тоже выражаютъ — *тайныя общества*. Тайныя общества съ революціонною цѣлью вездѣ запрещены; они преслѣдуются по французскому праву какъ *комплотъ* (который все таки требуетъ resolution d'agir convertie et arrêtèe entre deux ou plusieres personnes art. 89) или какъ Verbotene Verbindung по 129 § новаго нѣмецкаго имперскаго кодекса; всегда однако требуются извѣстныя условія, которыя бы отдѣляли тайное общество отъ общенія т. е. знакомства и условія, которыя могутъ выразиться въ слѣдующемъ опредѣленіи.

Тайное общество есть постоянный союзъ лицъ, рѣшившихся преслѣдовать по извѣстному плану или уставу политическую революціонную цѣль, напримѣръ цѣль пропаганды идей, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, если распространятся и усвоятся, произведутъ бунтъ и переворотъ. Какъ въ старыхъ учебникахъ давалось слѣдуюее опредѣленіе государству: союзъ лицъ, состоящихъ подъ господствомъ одного закона и управляемыхъ на основаніи этого закона одного властью, такъ и здѣсь въ этомъ тайномъ обществѣ, которое изображаетъ собою status in statu, необходимы: 1) люди, 2) подчиненные уставу, 3) признающіе власть, 4) имѣющіе одну цѣль, 5) которую они рѣшили осуществлять сообща и дружно общими средствами. Тайное общество есть прежде всего организація, это есть живая клѣточка, воспринимающая кое что извнѣ, сама получаемое перерабатывающая и на внѣшній міръ воздѣйствующая. Принадлежалъ ли къ такой клѣточкѣ Джабадари, сидѣлъ ли онъ въ ней, да вообще доказано ли, что она существовала въ тотъ моментъ когда онъ былъ арестованъ? Таковы вопросы, которые ставятся дѣломъ и на которые отвѣты могутъ быть весьма различные, смотря по исходной точкѣ разсуждающаго.

Есть одинъ способъ рѣшенія: все въ жизни и отдѣльнаго человѣка и общества происходитъ, совершается и устраивается сознательно. Если случилось смятеніе, если есть движеніе, то потому, что дѣйствуютъ и орудуютъ злоумышленники, которые задумали, распространили, согласили и произвели все чего маленькій отрывокъ прошелъ предъ вами на судѣ. Такова теорія обвинительнаго акта. По этой теоріи реформація произошла только потому, что появился Лютеръ; революціи французской не было бы не будь Мирабо. По этой теоріи вся будущая организація и все тайное общество существовали потенціально въ Парижѣ 1874 г. и безъ дальнѣйшихъ уже доказательствъ, въ силу од-

ного a priori и на вѣру принимается предположеніе и допускается, что все впослѣдствіи осуществленное отбывалось по плану, который изъ начала былъ уже присущъ этимъ лицамъ, когда они еще ходили по улицамъ Берна или Цюриха или когда они изъ Парижа направлялись въ Россію для революціонной пропаганды. Я не буду долго останавливаться на этой ипотезѣ, которой главный недостатокъ въ томъ, что она противоестественна, потому что бо́льшая часть психической жизни, какъ единичной, такъ и соціальной происходитъ въ безсознательномъ, что гдѣ есть потребности, чувства тамъ сами собою являются и дѣйствія болѣе или менѣе сознательныя, но далеко не всѣ сознательныя, что гдѣ есть организованная плазма тамъ сами собою появляются и клѣточки, слѣдовательно моментъ образованія клѣточки не предполагается въ прошедшемъ совершенно неопредѣленномъ, а въ каждомъ случаѣ долженъ быть опредѣленъ. Нашъ государственный канцлеръ въ своей извѣстной нотѣ говоритъ о сказочномъ завѣщаніи Петра Великаго и, отвергая объясненія враждебныхъ Россіи державъ о подстроенномъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ, назвалъ превосходно подобныя объясненія дипломатической миѳологіею. И я утверждаю, что въ настоящемъ случаѣ происходитъ нѣчто подобное, криминалистическая миѳологія, которую надо устранить, приступая къ изслѣдованію дѣла безъ предвзятыхъ идей. Если разсматривать дѣло безъ предвзятыхъ идей, то оказывается, что случайно въ 1874 г., вслѣдствіе движенія нашей молодежи недоучившейся въ Россіи, нѣкоторые изъ этихъ лицъ побывали въ Цюрихскомъ университетѣ и потомъ слушали медицинскіе курсы въ Парижѣ, послѣ чего они возвратились; нѣкоторые изъ нихъ остались въ С.-Петербургѣ, другіе разсѣялись и возвратились въ мѣста родины. Въ подобныхъ случаяхъ сборнымъ пунктомъ для разъѣзжающихся въ южныя губерніи, въ Малороссію, Закавказье, представляется Москва. Допустимъ, что подобрались люди одной масти, что

всѣ, не исключая Джабадари, и коренные русскіе и восточные, которые по происхожденію и обыкновенному разсчету должны бы быть сепаратисты, а оказываются вовсе не сепаратистами а нигилистами—единомышленники, что всѣ они какъ герои романа «Новь» имѣютъ стремленіе идти въ народъ; то изъ этого только слѣдуетъ, что они кружокъ. Всякая куча знакомыхъ кружокъ—кружокъ еще не тайное общество; чтобы оно было организовано ему необходимо имѣть организацію, необходимо имѣть уставъ; гдѣ же уставъ? гдѣ сѣть общинъ, съ центромъ въ Москвѣ? Къ Джабадари не можетъ быть отнесенъ ни одинъ изъ признаковъ, по которымъ узнается по обвинительному акту организація: ни денегъ изъ общественныхъ суммъ онъ не получалъ, ни колечка не носилъ, ни бѣльемъ онъ не компрометировался, ни шрифтомъ не обладалъ, ни переписывался. Въ рукахъ обвинительной власти столь богатой письменными документами нѣтъ ни одного клочка бумажки Джабадаровскаго, я уже не говорю о томъ, что о подведеніи его подъ какой бы то не было уставъ не можетъ быть и рѣчи. Самъ уставъ то выработался лѣтомъ, когда послѣ крушенія Московскаго кружка птицы разсѣялись. Дарья Скворцова проговорилась, что они и до погрома намѣрены были разъѣхаться, разсѣяться: 1) но она на мои вопросы отозвалась незнаніемъ зачѣмъ разъѣхаться и не сказала вовсе что для пропаганды, и 2) она не относила этого плана разъѣхаться ко всѣмъ подсудимымъ, не относила его къ Джабадари. Дивчата, бывшія на квартирѣ, говорили что разъѣдутся, изъ чего нельзя заключить, что разъѣхаться съ ними имѣлъ Джабадари, который напротивъ того собрался ѣхать гораздо раньше, а именно еще до весны, въ концѣ марта отправилъ свои пожитки, оставилъ свою квартиру и ждалъ только денегъ, за которыми зашелъ къ своей знакомой Бардиной. Въ подкрѣпленіе его членства приведены быть могутъ единственно только два обстоятельства: 1) заарестованіе его въ домѣ Корсакъ и не объявленіе при этомъ

своей фамиліи и 2) показаніе Дарьи Скворцовой. Но заарестованіе можетъ случиться вслѣдствіе простаго знакомства, а имени своего Джабадари въ теченіи часу открыть не хотѣлъ, онъ какъ и всѣ его сотоварищи пикировался въ сношеніяхъ съ жандармами, становился на почву законную впредь до исполненія своихъ, какъ онъ полагалъ, законныхъ требованій не хотѣлъ исполнять ихъ требованій—укрывательства своей фамиліи не учинилъ. Что касается до Дарьи Скворцовой, то онъ ее знаетъ, какъ и она его знаетъ, онъ съ товарищами дѣйствительно проживалъ у нея и ея любовника на квартирѣ въ домѣ Костомарова на Сыромятникахъ. Разберемъ по кусочку тѣ части ея показаній, которыя бросаютъ на него тѣнь и убѣдимся, что всѣ они не такого рода, чтобы могли убѣждать въ чемъ либо иномъ кромѣ знакомства и пожалуй единомыслія.

И такъ по словамъ Дарьи на съемку квартиры подбылъ Васильева не Джабадари а Петръ Алексѣевъ. При покупкѣ вещей Джабадари давалъ денегъ 5 р. Васильеву и 5 р. Дарьѣ, очевидно онъ былъ заинтересованъ, квартира была нанята и для него; потомъ привезъ какія то книги въ чемоданѣ Ѳедоръ, а чрезъ нѣсколько времени увезъ ихъ Джабадари. Какія? этого сама Дарья не знаетъ, мало ли книгъ перебывало въ рукахъ у учащейся молодежи. Джабадари этого обстоятельства не помнитъ, вѣроятно развозилъ книги по случаю переѣзда на другую квартиру. Джабадари называетъ Михаила,—этого обстоятельства никто другой не подтвердилъ; вообще на именахъ играть трудно въ этомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть много Ивановъ, Степановъ, Алексѣевъ да Михайловъ; есть и настоящій Михайло Петровъ а именно Боронковъ, но никто его и не думалъ пріурочивать къ Москвѣ и къ дому Костомарова, либо Корсака. На масляной разстались. Дарья переѣхала въ Лефортово, потомъ по заарестованіи Николая Васиііева она отыскала квартирантовъ у Николаевскаго вокзала, ночевала два дня, послѣ чего ей горько стало и пошла она до-

нести властямъ о случившемся съ ея любовникомъ. Посудите сами, гг. судьи, есть ли въ этомъ разсказѣ элементы для признанія не только членства Джабадари въ организаціи, но и существованія самой организаціи, вотъ почему я прошу по этой статьѣ Джабадари оправдать.

Но Джабадари обвиняется не только въ сообществѣ, а и въ пропагандѣ и по обстоятельствамъ дѣла второе обвиненіе несравненно сильнѣе перваго. Чтобы защищать Джабадари по этому пункту я долженъ сдѣлать, что сдѣлалъ по первому, то есть совершить экскурсію въ область уголовнаго права, въ область уложенія. Я объяснялъ систему уложенія направленную на самую идею и ея распространеніе; набросанная на бумагу она уже начало исполненія, сообщеніе ея на письмѣ или въ печати и передача изъ рукъ въ руки знакомымъ или незнакомымъ почти все равно по наказуемости, что и составленіе комплота, имѣющаго цѣлью бунтъ,—одинаково каторжныя работы. Я уже объяснялъ, какія обстоятельства и соображенія вызвали измѣненіе въ 1874 г. въ законѣ о комплотѣ 250 ст.; законодатель остановилъ вниманіе на 2-хъ чертахъ—насильственность и близость переворота и рядомъ съ настоящимъ заговоромъ, затѣяннымъ съ цѣлью произвести переворотъ насильственно и въ точно опредѣленномъ будущемъ, поставилъ тайное общество, задуманное съ цѣлью произвести переворотъ, но безъ рѣшимости на насильственныя средства и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; это сообщество угрожаетъ сравнительно весьма слабыми въ широкихъ предѣлахъ опредѣленными наказаніями. Но сообщеніе книжки или рукописи или такъ называемая пропаганда остались по прежнему безъ измѣненія подъ угрозою каторжныхъ работъ. Эта неподвижность 251 ст., въ то время когда 250 ст. подверглась коренному измѣненію, имѣетъ то важное и существенное послѣдствіе, что многочисленное сообщество, развѣтвившееся и въ теченіи многихъ лѣтъ выработавшее планъ новой организаціи

общества, если оно еще не условилось какъ и когда ее произвести, подвергается слабому относительно наказанію, между тѣмъ какъ подъ казнь, граничащую со смертной, подходитъ простая передача любознательному другу пріятелю, какъ пикантную новость, подлиннаго произведенія подпольной печати или № «Впередъ» или «Набата», провезенные изъ заграницы. Упирая на одно обыкновенное свойство произведенія, не дѣлается уже никакого различія, ни кто его распространяетъ, ни между кѣмъ (между образованными скептиками или совсѣмъ необразованными или полуобразованными), ни съ какими намѣреніями, ради курьеза, или для предостереженія отъ злоумышленныхъ подстрекателей разоблаченіемъ всей несостоятельности ихъ ученія съ точки зрѣнія логической (печатался же катехизисъ революціонный по нечаевскому дѣлу и никого не возбудилъ къ возмущенію и бунту). Вслѣдствіе величайшихъ неравномѣрностей и несоотвѣтствія между опасностью и наказаніемъ, между виною и наказаніемъ я полагаю, что сама ст. 251 должна быть примѣняема съ величайшею осторожностью и осмотрительностью со многими изъятіями и рестрикціями, и что главнымъ образомъ надо имѣть при примѣненіи ея въ виду; 1) что брошюры, статьи, прокламаціи могутъ имѣть значеніе воззванія или подстрекательства къ бунту въ исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ кидаются въ массы въ рѣдкій моментъ броженія, а обыкновенно онѣ только сѣмена, бросаемыя въ почву, которая, хотя и способна къ ихъ воспріятію но переработаетъ ихъ по своему и длиненъ будетъ этотъ процессъ и нельзя и предвидѣть какіе будутъ всходы; 2) что въ разборѣ злокачественности этихъ брошюръ и прокламацій необходимо ввести, какъ орудіе сортировки тѣ признаки, которые послужили для отдѣльнаго заговора или тайнаго общества а именно: опредѣленное время, когда предполагается переворотъ и побужденіе къ тому, чтобы совершить его насильственно. Съ этой стороны подвергнемъ

разбору всю ту литературу, которая распространялась во многихъ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ между простонародіемъ. Разборъ этотъ представляетъ нѣкоторыя особенныя затрудненія, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, что трудно критиковать то, что составляетъ само по себѣ секретъ и что само, своимъ невѣдомымъ для публики, но распространеннымъ въ народѣ содержаніемъ, защищаться не можетъ. Такія критики обыкновенно расходятся съ цѣлью и приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, то есть критику послушаютъ а думаютъ: въ книгѣ то по больше чѣмъ въ критикахъ, однимъ словомъ въ самомъ безобразномъ сочиненіи предполагается существованіе той доли истины, которая кроется и въ самомъ сильномъ заблужденіи. Другое затрудненіе это множественность этихъ произведеній, ихъ разныхъ десятка два, писанныхъ съ неровнымъ успѣхомъ и дарованіемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній уже потому не могутъ дѣйствовать, что весьма скучны («Чтой то братцы»), иныя производятъ впечатлѣніе въ окончательномъ результатѣ совершенно противоположное революціонной пропагандѣ («Исторія французскихъ крестьянъ»), которая доказываетъ, что крестьянинъ всегда былъ игрушкою интригановъ, властныхъ людей, кулаковъ. Мнѣ кажется, что изъ этой массы книгъ надобно выбирать не отдѣльныя зажигательныя фразы, которыя отторгнутыя отъ цѣлаго и безъ связи съ нимъ ничего не доказываютъ и ничего не выражаютъ, но тѣ произведенія, которыя содержатъ въ себѣ самую соль, самую суть ученія, которыя могутъ служить мѣриломъ и показателями идей, и такихъ я нахожу двѣ: «Хитрая механика» и «Сказка о 4 братьяхъ», которую нѣкоторые пропагандисты не изъ развитыхъ знали наизусть. Въ этихъ произведеніяхъ обращаетъ прежде всего вниманіе ихъ несерьезная, сказочная форма. Я не слыхалъ, чтобы какое нибудь воззваніе къ бунту было въ формѣ сказки. Сказка, новелла, басня все равно, что

орѣхъ въ своей скорлупѣ: сначала раскуси, намотай на усъ, поразмысли и тогда пойми, возбужденіе на размышленія не совсѣмъ хорошія, но не бунтъ. Въ скорлупѣ сидитъ и мораль. Мораль эта: критика настоящаго, чаяніе будущаго или идеалъ. Идеалъ этотъ политическаго свойства: не будетъ моего ни твоего а все братское, чтобы всѣ трудились по своей силушкѣ, а брали сколько надобно, безъ излишества. Когда все братское то не можетъ быть барыша, а не будетъ барыша, нѣтъ надобности копить, а нѣтъ накопленія и воровъ не будетъ. Хитрой механики мы не заведемъ, но и никакой механики не предлагаемъ; настоящая фаза пропаганды тѣмъ и замѣчательна, что въ неопредѣленной дали, открывая виды на коммунистическій рай, изображая нѣчто въ родѣ золотаго сна, она воздерживается отъ всего догматическаго, непредлагаетъ ни фаланстера, ни коммуны, ни какихъ бы то не было построеній, ни окончательныхъ, ни переходныхъ; на первый планъ вмѣсто всѣхъ утопій она выдвигаетъ критику и одну только критику всего существующаго съ коммунистической точки зрѣнія: совѣсть у богатаго, что сталь закаленная; законъ такъ устроенъ, что сильный можетъ все сдѣлать а слабый долженъ молчать—нѣтъ мѣста для бѣднаго, всѣ мѣста міроѣдами заняты. Критика и одна критика ѣдкая и сильная идетъ по всѣмъ направленіямъ отъ міра мужицкаго и фабричнаго до вершинъ общества и государства, возбуждая общее неопредѣленное неудовольствіе настоящимъ, которое, потому что оно общее, потому что оно направлено въ одинаковой степени и противъ собственности и противъ фабрикантовъ и противъ священниковъ и противъ всѣхъ міроѣдовъ и противъ, правительства дѣлается мало интенсивнымъ, а болѣе экстенсивныъ и захватываетъ въ ширь, но не захватываетъ въ глубину;—оно слишкомъ широкое, чтобы можно предположить, что оно то что предполагаетъ произведетъ, что оно, сдвинетъ горные хребты и выровняетъ моря общественнаго устройства. Чтобы вы сказали на цѣлый муравейникъ, который бы

задался мыслью разрушить Монбланъ: оно конечно возможно но въ продолженіи безконечно долгаго времени и безконечно великаго числа рабочихъ единицъ. Произвести политическую революцію легче, надобно только пріударить на правительство, но соціальную куда какъ труднѣе, а обѣ вмѣстѣ даже невозможно; вотъ почему соціальные революціонеры, подводя свои мины подъ общество, стараются быть легалистами, быть строгими законниками и жить въ ладахъ съ правительствомъ. Но если общій характеръ всей пропаганды, которая судится по книжкамъ, есть соціальный съ примѣсью относительно незначительнаго политическаго элемента, съ незначительною и, смѣю полагать, неловкою примѣсью, то спрашивается возможно ли пропагандистовъ подводить подъ 251 ст. (воззваніе къ бунту, къ перевороту въ близкомъ опредѣленномъ будущемъ и притомъ насильственному)? Я увѣренъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный.

Подъ какой же законъ другой болѣе подходящій подводить эти ученія, всетаки съ государственной точки зрѣнія вредныя? Я бы могъ сказать—не мое дѣло, поищите сами, можетъ быть 252 ст., а можетъ быть и еще какая нибудь иная. Мнѣ кажется, что еслибы я былъ судья, если бы меня заставили пріискать эту статью, то я не затруднился бы и подвелъ дѣяніе пропагандистовъ, судя его по главному преобладающему въ немъ характеру, подъ оспариваніе началъ собственности и семейнаго союза—1037 ст. улож., воззваніе вооружающее одну часть населенія противъ другой—1036, колебаніе довѣрія къ дѣйствующимъ законамъ—1035 ст. и меня не остановило бы то, что за эти преступленія, совершенныя посредствомъ гуттенбергова изобрѣтенія, полагаются сравнительно малыя, хотя и очень чувствительныя наказанія: смирительный домъ. Они малы, но мнѣ кажется были бы вполнѣ достаточны. Репрессивность наказаній всего сильнѣе обезпечивается умѣренностью ихъ, строгимъ соотвѣтствіемъ ихъ съ виною. Кромѣ того не надо забывать, что собственность, религія, семья—это уста-

новленія самостоятельныя, которымъ, хотя государство и обязано охраною отъ посягательствъ извнѣ, но охраною непереходящею границъ строгой необходимости; государство находится въ союзѣ, но не сливается ни съ однимъ изъ этихъ установленій, они сами должны давать отпоръ. Когда они охраняются только государствомъ и посредствомъ такихъ мѣръ, какими государство ограждаетъ собственное свое бытье, то они сами теряютъ свою самостоятельность, дѣлаются, такъ сказать, понятіями казенными и вокругъ нихъ вслѣдствіе строгостей образуется искуственная тишина; никто ихъ не защищаетъ, потому что оспаривать ихъ не безопасно, и неоспариваемыя явно—они только подтачиваются незамѣтно маленькими червячками въ родѣ брошюръ, которыя выложены на столѣ и которыхъ дѣйствіе, по моему мнѣнію, было бы гораздо менѣе опасно, если бы онѣ были пропечатаны въ газетахъ.

Такова по моему общая характеристика этой значительной по размѣрамъ и задающейся широкими цѣлями пропаганды коммунистической. Чтобы наказать кого нибудь, напр. Джабадари, за производство этой пропаганды нужно съ точностью опредѣлить, что онъ пропагандировалъ, какія книжки онъ давалъ, потому что нельзя же взваливать на человѣка всѣ произведенія подпольной печати, когда онъ распространялъ только нѣкоторыя а отъ иныхъ можетъ быть и чурался, ненавидя ихъ и боясь, какъ ненавидѣлъ Вольтеръ Руссо, какъ всякій революціонеръ не самый крайній и всякій постепеновецъ боится и противодѣйствуетъ тѣмъ, которые его перещеголяли. Подъ боевымъ перекрестнымъ огнемъ суда всѣ тѣ лица, которыя привлечены за пропаганду, сплотились и стоятъ однимъ фронтомъ, но какъ въ церкви нѣтъ двухъ лицъ, которыя бы имѣли одинаковыя понятія о Богѣ, такъ и въ этомъ отрядѣ нѣтъ двухъ людей одинаково понимающихъ свои цѣли, средства и задачи. Что въ нѣдрахъ этой, если она дѣйствительно существовала, организаціи были страшныя раз-

ногласія, діаметрально противоположныя мнѣнія, на это есть указаніе въ письменномъ архивѣ, который такъ богатъ и разнообразенъ по настоящему дѣлу. Въ бумагахъ нашли переписанное рукою Цвиленева характерное письмо. Всякая революціонная организація тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ ней какъ въ ковчегѣ Ноя сосуществуютъ и взаимно себѣ помогаютъ всякія животныя — и рядомъ съ человѣкомъ, который говоритъ: бунтовать, убивать, стрѣлять, можетъ быть человѣкъ, который по принципу не способенъ убить даже муху. Онъ напрямикъ говоритъ пропагандистамъ: вашъ радикализмъ основанъ на ненадежной подкладкѣ чувства—онъ сулитъ синицу въ небѣ людямъ, которыхъ потребности доведены соціальными невзгодами до minimum'а и народу, который одомашненъ и прирученъ, такъ что его и не поднять на дѣло Стеньки Разина и Пугачева. Народъ-стихія, бываютъ стихійныя движенія, но разъ они возбуждены имъ воспользуются не тѣ, которые ихъ вызвали а люди иные, которые сумѣютъ ими воспользоваться. Революція это не теорія, а чувства отдѣльныхъ лицъ и порывы массы.

Внести сознаніе въ эту массу надо, но надо развить эту массу вообще, возвысить въ ней культуру а не бросать тенденціозныя книжки зажигательнаго свойства, которыя надо кинуть въ печь, потому что онѣ только абсурдъ.—Если это письмо писалъ революціонеръ, то съ нимъ можно въ значительной степени помириться. Если какой либо революціонеръ идетъ въ народъ, дабы изучать его и поднять въ немъ культуру дѣйствіями образовательными, тоже тенденцію заключающими, то смѣшивать его съ сорвиголовою и вертопрахомъ, которому бы только зажечь пламя и любоваться какъ оно красиво, было бы явною вопіющею несправедливостью. Итакъ надобно различать пропаганду и пропаганду и вникать въ то какія книжки раздавалъ Джабадари и какія рѣчи произносилъ. Чемоданъ съ книжками, по словамъ Дарьи, содержалъ какія то книги, но какія неизвѣстно.

[redacted]

Джабадари на фабрику онъ не поступалъ, съ рабочими не работалъ а дѣйствительно вертѣлся вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ около фабрики Тюляевыхъ. Филатовъ дѣйствительно давалъ книжки («Хитрая Механика», «Сказка о 4 братьяхъ»), улика противъ Джабадари заключается только въ томъ, что когда Филатъ Егоровъ для разговора и раздачи книжекъ зазывалъ рабочихъ въ трактиръ, то, по словамъ Афанасія Ермолаева, Семена Зотова и Игнатова, въ этомъ же трактирѣ сидѣлъ чернолицый человѣкъ не изъ русскихъ, который курилъ табакъ и чаемъ угощалъ, изъ чего заключается, что онъ былъ въ исходѣ бесѣды заинтересованъ, но участіе въ разговорѣ онъ принималъ самое обыкновенное: у Зотова разспрашивалъ, какъ онъ съѣздилъ въ Нарву, у Игнатова, какимъ образомъ была деревня обложена оброкомъ, однимъ словомъ онъ имѣлъ видъ человѣка знакомящагося съ бытомъ крестьянъ, но не пропагандирующаго. О идеяхъ Джабадари, которыя бы онъ вносилъ въ пропаганду ничего неизвѣстно, разсказъ Дарьи Ивановой о томъ, что занимало кружокъ, вышелъ на судѣ отрывочный и блѣдный, скорѣе въ пользу подсудимаго, а не во вредъ, хотя ему трудно вѣрить даже и въ такомъ смягченномъ видѣ: Бога признавали, но личность его отрицали? Что это, научное ли опредѣленіе религіозно философской системы пантеизма? Едвали неграмотная Дарья настолько имѣла образованія, чтобы понимать въ чемъ заключается сущность пантеизма, да и едвали эти молодые люди занимались такою ветошью и такою метафизикою, какъ пантеизмъ; они скорѣе позитивисты, слѣдовательно люди, для которыхъ и ставиться не можетъ вопросъ метафизическій о личности или безличности Бога. Слѣдовательно надобно осторожно относиться и къ другимъ частямъ показанія Дарьи Ивановой: чтобы горя не было, чтобы всѣ жили ровно, да не былобы то, что у одного десять домовъ, а у другого ни одного. Я и узнаю разговоръ экономическо-соціальный съ примѣсью разсказовъ о формѣ правленія, что Дарья Иванова и приня-

ла за разговоръ о бунтѣ; о рѣзни не упоминалось, да и была это простая бесѣда между товарищами, а не пропаганда. Такимъ образомъ по совершенной неопредѣленности, зачѣмъ Джабадари бывалъ въ народѣ, можетъ быть просто какъ наблюдатель, по совершенному отсутствію указаній на то, чтобы онъ давалъ книжки, по совершенной невинности разговоровъ и бесѣдъ, которые онъ имѣлъ съ рабочими, я прошу и по вопросу о пропагандѣ его оправдать.

Моя работа еще не кончена, остается на рукахъ еще самое трудное—участь Вѣры Любатовичъ, такъ называемой съ малолѣтства въ домѣ родителей *Волченка.*

Моя кліентка Вѣра Любатовичъ обвиняется прежде всего въ общегражданскомъ т. е. просто уголовномъ преступленіи—покушеніи на смертоубійство, состоящее въ томъ, что она хотѣла собственными ручками, которыя не велики и не сильны, какъ Геркулесъ—Антея задушить помощника частнаго пристава Федорова, между тѣмъ какъ компаніонъ ея Цицiановъ стрѣлялъ въ жандарма Ловягина, причемъ сдѣлана ссылка на ст. 114, то есть, что покушеніе остановлено независѣвшими отъ преступницы обстоятельствами. Изъ судебнаго слѣдствія вытекаетъ, мнѣ кажется, то неопредѣленное убѣжденіе, что между выстрѣломъ Цицiанова и царапаніемъ по шеѣ Федорова нѣтъ ничего общаго. Подсудимые не сговаривались, соединиться для общей цѣли они не могли. Еслибы они знали что происходило въ номерахъ. «Украины», то они бы эти номера не только обошли, но и объѣхали. Она и попалась совершенно отдѣльно, на разстояніи, какъ показываетъ Вѣра Любатовичъ, 4 часовъ, по показаніи свидѣтелей, дающихъ самыя меньшія разстоянія времени,—$^{3}/_{4}$ часа. Вѣра Любатовичъ сидѣла спокойно до второго выстрѣла; послѣ второго, какъ извѣстно, Евстихіевъ и Власьевъ храбро бросились бѣжать, швейцаръ Галактіоновъ, городовые Вдовинъ, Чибисовъ, Лебедевъ и Федоровъ—всего 5 человѣкъ повалили Цицiанова, чтобы вырвать у него изъ рукъ револь-

веръ и ухватились за него не съ нѣжными чувствами. Они образовали пирамиду тѣлъ, человѣкъ на человѣкѣ, Федоровъ подъ однимъ изъ городовыхъ, а подъ нимъ Ціціановъ. Въ сердцѣ каждаго человѣка есть чувство, которое психологически называется симпатіей, которое заставляетъ при видѣ, что кого нибудь бьютъ, кидаться на выручку слабѣйшему, а Ціціановъ былъ не кто-нибудь, но компаніонъ Вѣры. Что у нея было на умѣ трудно сказать, потому что происшествіе случилось въ нѣсколько секундъ; мысль почти совпадаетъ съ исполненіемъ, вѣроятно Вѣра хотѣла сдѣлать просто диверсію. Эпизодикъ былъ до того маловажный, что его не замѣтили Вдовинъ, Чибисовъ, что Ловягинъ вовсе не занесъ его въ протоколъ, запомнили его только пострадавшій Федоровъ, да Галактіоновъ и Лебедевъ, при осмотрѣ оказались на шеѣ и за ухомъ только ссадины и никакихъ знаковъ давленія, никакихъ подтековъ, слѣдовательно то, что, какъ вѣрно охарактеризовалъ движеніе Вѣры Любатовичъ, Лебедевъ, она щипала за шею Федорова—движеніе конечно не женское, не красивое и совпадающее съ прозвищемъ Волченка. Волченокъ и показалъ свои зубы. Вполнѣ понятно и то, что Вѣра предлагала Власьеву или сулила ему за его усердіе при посылкѣ пятачекъ, но гдѣ же силушка то на удушеніе, гдѣ условія приведенія замысла въ исполненіе, гдѣ наконецъ смертоубійство; замысла этого не высказалъ даже и Федоровъ. Геркулесъ задавилъ гиганта Антея, но Геркулесъ былъ Богъ греческій, на то чтобы задавить нужно лишить дыханія человѣка на нѣсколько минутъ, а Федорову достаточно было выпустить Ціціанова и обернуться, онъ бы съ Волченкомъ справился, онъ этого не сдѣлалъ, царапины не заставили его обернуться. «Мы сладили съ Ціціановымъ, тогда и барыня перестала меня душить»—новое докаазательство, что барышня не покушалась на душеубійство, а просто выручала товарища. Федорову она причинила легкое поврежденіе, не преслѣдуемое какъ только по частной жалобѣ, которая по-

дана быть не могла за смертью Федорова, почему я прошу весь этотъ эпизодъ скорѣе забавный нежели трагическій оставить безъ послѣдствій и не возводить мою кліентку на пьедесталъ, на которомъ красовалась Леди Макбетъ и иныя эпическія или историческія героини, кровью человѣческою обагренныя.

Кромѣ того Вѣра Любатовичъ обвиняется еще и въ томъ, что она распространяла печатныя воззванія къ бунту въ народѣ; ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ судебномъ слѣдствіи не было ни малѣйшаго указанія на то, чтобы она давала какую нибудь, хотя малѣйшую, книжку. Единственнымъ основаніемъ подозрѣнія является то, что Вѣра Любатовичъ съ необыкновенною юркостью и подвижностью успѣвшая перебывать во всѣхъ мѣстахъ, которыя считаются гнѣздами организаціи: въ домѣ на Сыромятникахъ, въ домѣ Эйнбротъ, въ домѣ Толстой и посѣщавшая номера «Украны», считается чуть ли не главою организаціи, а такъ какъ въ послѣдней квартирѣ, занимаемой ею у кн. Циціанова, въ домѣ Толстой, найденъ архивъ печатныхъ зажигательныхъ сочиненій, ergo и она совиновница тѣхъ, которые оттуда выносили книжки для распространенія, ergo совиновница самаго распространенія. Я протестую противъ такого примѣненія къ Вѣрѣ Любатовичъ ст. 251, считаю, что эта статья не примѣнима безъ точнаго указанія на фактъ, на то, кому давались, когда и какія книги. Доказательства мои слѣдующія:

Если разобрать всѣ 1711 ст., изъ которыхъ состоитъ нашъ уголовный кодексъ, то окажется, что онъ казуистиченъ т. е. что всѣ предусмотренные въ немъ случаи сводятся къ какимъ нибудь 4 или 5 десяткамъ общихъ понятій, которымъ давно уже и пріисканы названія какъ въ обыкновенной, такъ и уголовной терминологіи, да и между этими преступленіями есть много общаго. Общность бываетъ двоякаго рода: во внѣшнемъ дѣйствіи, хотя намѣренія различны, нпр. убійство и поврежденіе тѣлесное, ударъ нанесенъ намѣренно, но если

не предполагалось умысла убить, то хотя послѣдовала смерть, будетъ только поврежденіе тѣлесное; обвинитель не можетъ доказывать, что меньшее содержится въ большемъ, и долженъ выбрать либо одно либо другое, либо ставить вопросъ вспомогательный: если не виновенъ въ смертоубійствѣ, то не виновенъ ли въ причиненіи поврежденій. Но общность можетъ быть и въ объективной сторонѣ преступленія. Въ этомъ случаѣ надобно различать не нанизываются ли эти дѣянія какъ бы на одну ниточку, не составляютъ ли они разныхъ только моментовъ развитія и осуществленія идеи, или они осуществляютъ идею по совершенно разнымъ направленіямъ. Я представлю примѣры. Возьмемъ нпр. пропаганду: сочиненіе въ родѣ о мудрецѣ Наумовѣ написано и переписано, оно по 251 ст. только приготовленіе и начало покушенія къ пропагандѣ, затѣмъ слѣдуетъ распространеніе, слѣдовательно совершеніе; вы знаете какія громадныя разницы, но въ сущности это только два момента одного и того же дѣянія. Но есть дѣянія разнородныя нпр., съ одной стороны тайная организація революціоннаго общества, съ другой пропаганда, изъ которыхъ ни одно не представляетъ собою послѣдовательныхъ моментовъ осуществленія идеи, ни одно не вмѣщается во второмъ, съ третьей стороны агитація, имѣющая цѣлью побудить личность или кружки на активную революціонную дѣятельность. Когда образовано тайное политическо-революціонное общество, то хотя бы оно и имѣло въ виду и пропаганду и агитацію и приводило къ нимъ, оно еще не резсматривается какъ активно революціонная дѣятельность т. е. какъ самый бунтъ, чему доказательствомъ служитъ обвинительный актъ, въ которомъ хотя обществу приписываютъ уставъ, гдѣ прямо помѣщены и пропаганда и агитація; но образованіе организаціи подведено подъ 2 ч. 250 а не подъ 17 и не подъ 251. Агитація можетъ быть совершена безъ всякой организаціи и безъ предварительной пропаганды, чему доказательствомъ можетъ служить ст.

249: возстаніе скопомъ и заговоръ противъ власти Верховной, скопомъ въ противоположность заговору, скопомъ дружнымъ дѣйствіемъ безъ предварительнаго сорлашенія.—Наконецъ, сколько же разъ пропаганда совегшалась не кунно, не сообща, а была дѣйствіемъ одинокаго человѣка, самаго новатора, который взлелѣялъ мысль, и зарядивъ ею слово, ввергаетъ ее въ общество какъ бомбу, которой опасаются какъ будто бы она была начинена порохомъ или динамитомъ, но которая въ сущности никакого непосредственнаго дѣйствія не имѣетъ, такъ какъ она подлежитъ самостоятельной переработкѣ въ средѣ, для которой предназначается. Въ организацію могутъ попадать люди, которые не сочувствуютъ ни способамъ пропаганды ни ея содержанію, которые знаютъ не все, что пропагандируется. Допустимъ, что вошелъ въ организацію жертвуя собою, Цвиленевъ, съ его взглядомъ, что книжки надо бросить въ печь, съ его понятіями, что на крестьянъ надо дѣйствовать образованіемъ а не зажиганіемъ а между тѣмъ только беречь силы на серьезное дѣло. Исторія тайныхъ обществъ исполнена такихъ примѣровъ. Наконецъ замѣтимъ, что въ своихъ моментахъ и относительной ихъ наказуемости пропаганда и организація не совпадаютъ. Въ организаціи совершеніе наступаетъ сразу когда соглашеніе состоялось; допустимъ что оно уже состоялось и что оно имѣетъ спеціальною цѣлью распространеніе не букварей и общеполезныхъ книжекъ, но «Хитрой Механики» и «Сказки о 4 братьяхъ», то и тогда желанія одного и согласія мало; для пропаганды нужно, чтобы книжки были розданы, иначе будетъ только храненіе книжекъ, и тоже можно сказать, что со стороны Вѣры Любатовичъ были или тайное храненіе книжекъ или просто недонесеніе о книжкахъ, которыя хотя имѣли быть выпущены, но не могли быть выпущены, потому что она была заарестована въ августѣ 1875 года. Распространители книжекъ въ Москвѣ были выловлены въ началѣ апрѣля, съ апрѣля по августъ не видно пропаганды

а только организація образуется лицами, которыя были совсѣмъ новыя, гдѣ же доказательство, что они тѣ книжки выпускали? И такъ я прошу и полагаю, что моя просьба будетъ уважена. Вѣру Любатовичъ по этому обвиненію оправдать. Обвинительный вопросъ прошу ставить совершенно опредѣленно: виновна ли Вѣра Любатовичъ въ томъ, что приблизительно въ такое то время, въ такомъ то мѣстѣ, такимъ то лицамъ давала такія то книжки возмутительнаго содержанія. Я полагаю, что иначе какъ совершенно опредѣленно нельзя ставить вопросовъ о пропагандѣ.

Остается послѣдняя изъ подлежащихъ моей разработкѣ матерій—задача столь трудная, что я считаю ее едва ли себѣ по силамъ, это обвиненіе Вѣры Любатовичъ въ членствѣ, въ соучастіи въ организаціи, въ дѣятельности административной въ кружкѣ центральномъ, въ заправленіи нѣкоторое время дѣлами всего революціоннаго союза вкупѣ съ другимъ необнаруженнымъ членомъ организаціи—Рыжимъ, обвиненіе, которое возводитъ ее въ предводители и ставитъ почти во главу угла всего союза. Слабосильное чахоточное существо, дѣвушка, отправившаяся съ сестрою заграницу, не чтобы учиться а чтобы лечиться, арестованная съ сестрою на границѣ по подозрѣнію въ провозѣ писемъ, отправленная потомъ въ Черниговъ и освобожденная только въ мартѣ 1875 г., Вѣра Любатовичъ въ короткій промежутокъ времени отъ марта и до августа (5 съ чѣмъ то мѣсяцевъ) попала въ водоворотъ революціоннаго движенія, завертѣлась столь шибко, со свойственной ея темпераменту юркостью и живостью, что успѣла вездѣ перебывать и со всѣми перезнакомиться, оставивъ свой слѣдъ во всѣхъ мѣстахъ, считаемыхъ гнѣздами и разсадниками заговора. Ее помнятъ въ домѣ Костомарова она жила въ домѣ Эйнбротъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ, она проживала съ Циціановымъ въ домѣ Толстой и попалась въ номерахъ «Украины», въ квартирѣ Гамкрелидзе. Вездѣ она носила съ собою данное ей еще

въ отцовскомъ домѣ прозвище Волченка, которое въ обвинительномъ актѣ признается революціонною кличкою. Она и писала при слѣдствіи, подобно многимъ другимъ подсудимымъ, она измѣняла почеркъ; хотя эксперты не признали совершеннаго сходства съ ея рукою разныхъ предполагаемыхъ писанными ею писемъ, на ея отвѣтственность возлагаютъ, не по сходству почерка, а по содержанію, приписку 24 іюля 1875 г., писанную за двѣ недѣли до арестованія т. е. до конца революціонной дѣятельности Вѣры Любатовичъ и въ тотъ самый день когда Вѣрѣ Любатовичъ, если вѣрить ея метрическому свидѣтельству, исполнился срокъ ея гражданскаго и уголовнаго совершеннолѣтія.

Она эту приписку отвергаетъ. Но вслѣдствіе несчастнаго совпаденія имени писавшей—Вѣра съ ея именемъ, того что она имѣла сестру, того что она была въ Москвѣ, она и порѣшила защищаться такъ, какъ будто бы эта приписка была ею писана. Принятіе на себя письма имѣло то хорошее послѣдствіе, что а) упрощало дѣло и б) пресѣкало дальнѣйшіе поиски всевозможныхъ Вѣръ, которыхъ такъ много бываетъ на свѣтѣ. И такъ допустимъ что письмо писано Вѣрою Любатовичъ, что изъ этого слѣдуетъ? Что Вѣра просится вонъ изъ организаціи, что ей не хочется переписывать сказки о «Наумовѣ», что она шила сапоги т. е. сочиняла фальшивые паспорты. Я надѣюсь, что вы ей не припишете никакой солидарности съ содержаніемъ письма Рыжаго и съ глупымъ, безсмысленнымъ совѣтомъ: убивайте, стрѣляйте, бунтуйте. Приписка есть самостоятельное письмо и никогда приписчикъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣту за глупую ерунду. Если вы будете судить Вѣру Любатовичъ за эту приписку, если вы ее признаете виновною въ членствѣ, въ организаціи, въ администраціи, то я полагаю, что при постановкѣ вопросовъ и опредѣленіи степени соучастія вы всетаки не окажете ей чести считать ее главнымъ воротилою, главнымъ лицомъ въ организаціи, что вы не возвысите

ее въ предводительши, а не признаете ее потому, что какія бы усилія ни дѣлались, чтобы играть роль и начальствовать, всетаки она въ моментъ самый важный своей революціонной дѣятельности была малолѣтка и женщина...

Кончая мою защиту, я позволю себѣ высказать нѣсколько общихъ соображеній, которыя, по моему убѣжденію, должны бы васъ расположить быть мягкими, снисходительными въ отношеніи ко всѣмъ моимъ кліентамъ, какъ и ко всѣмъ вообще подсудимымъ по дѣлу 21 февраля. По обвинительному акту подсудимыхъ 50, изъ нихъ какъ разъ $^1/_3$ женщинъ, $^2/_3$ мужчинъ, изъ подсудимыхъ болѣе $10^0/_0$ несовершеннолѣтнихъ, да и вообще если сложимъ всѣ года подсудимыхъ, то получимъ средній выводъ 23,72, изъ чего вытекаетъ заключеніе, что судится молодое недозрѣлое поколѣніе людьми, которыхъ средній возрастъ едва ли не вдвое болѣе... Разница въ возрастахъ затрудняетъ пониманіе нуждъ и потребностей, ошибокъ и стремленій — они не всѣ могутъ быть такъ дурны какъ предполагаютъ; при оцѣнкѣ не надо слишкомъ довѣряться первому впечатлѣнію, ихъ рѣзкости въ словахъ, ихъ грубости въ выраженіяхъ; оно вообще грубѣе это поколеніе, оно выросло и сложилось при другихъ нежели наше условіяхъ. Наше поколѣніе выросло при двухъ условіяхъ: при устраненномъ потомъ волею законодателя крѣпостномъ правѣ и при полномъ отсутствіи почти всякой жизни общественной, вслѣдствіе чего кормились мы одними только отвлеченными умственными наслажденіями, воспитывались по началамъ эстетики, въ культѣ чистой красоты. Всякая односторонность вызываетъ реакцію въ совершенно противоположномъ направленіи. Такою реакціею и является позитивизмъ, презрѣніе ко всякой эстетикѣ, понятіе, что пара сапоговъ лучше поэмы Пушкина и такая водобоязнь въ отношеніи къ идеальному, къ романтическому, что афектируется напускная грубость, чтобы не показаться сентиментальнымъ и слюнявымъ и что по выраженію

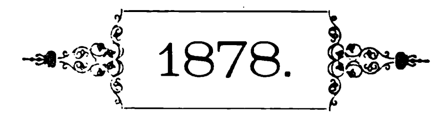
письма, на которое я просилъ позволенія ссылаться, если-бы новому дѣятелю пришлось быть въ лѣсу и зябнуть, то онъ имѣя спички не зажегъ бы огня, чтобы не походить на героя изъ Майнъ Рида или Купера. Этой рѣзкости я не одобряю. Mais on a les qualitès de ses defauts, у нихъ есть нѣкоторыя качества, которыхъ въ наше время недоставало, намѣренное предпочтеніе, отдаваемое черной работѣ, тяжкому труду, сознательное стремленіе посвящать себя этому труду. Стремленіе доведено до абсурда, но съ теченіемъ времени абсурдъ отойдетъ, хорошее останется и человѣкъ подобный можетъ быть употребленъ съ пользою даже государственною властью на дѣло полезное; я ссылаюсь на вашъ опытъ, на то, что бывали въ государствѣ Россійскомъ люди, которые въ молодости считались отчаянными и опасными революціонерами, а впослѣдствіи оказали услуги, какъ люди вполнѣ государственные.

Наконецъ мой послѣдній аргументъ—это чрезвычайное распространеніе въ настоящее время, если не коммунистическихъ и соціалистическихъ сообществъ, то по крайней мѣрѣ идей, вслѣдствіе чего идетъ большая волна, на ней плаваютъ какъ будто бы крупинки, какъ будто бы щепки, ничѣмъ невыдающіяся, ординарные представители «безъимянной Руси», какъ ее обозвалъ Тургеневъ въ своемъ романѣ «Новь». Чрезвычайное распространеніе есть фактъ общеизвѣстный, для удостовѣренія коего я и просилъ позволенія ссылаться на оффиціальныя данныя извѣстныя въ настоящемъ дѣлѣ. Изъ этого документа видно, что въ 1875 г. пропаганда въ кружкахъ была въ 37 губерніяхъ, что къ ней привлечены были въ то время 770 человѣкъ, 612 мужчинъ, 158 женщинъ, и что она, эта пропаганда, шла въ то время въ возрастающей прогрессіи, вслѣдствіе отсутствія достаточнаго противодѣйствія со стороны общества. Этихъ данныхъ довольно. Широкій фактъ, серьезный фактъ, какое же вліяніе его на уголовную отвѣтственность въ вашемъ судѣ? По дѣлу, недавно бывшему,

о преступленіи 6 декабря моимъ товарищемъ по однимъ защитѣ произнесены были слова, противъ которыхъ я протестую: что въ дѣлахъ политическихъ, проистекающихъ не столько отъ испорченности сердца, сколько отъ заблужденій ума, нравственность и безнравственность не принимаются въ разсчетъ, а преступленія преслѣдуются и наказываются только по относительной опасности дѣянія, по закону необходимой обороны. Я протестую противъ начала, которое повело бы къ тому, что пропаганда должна соразмѣряться съ распространеніемъ преступленія, съ чиномъ дѣйствующаго лица и отрицаю всякое примѣненіе закона необходимой обороны. Какая же тутъ необходимая оборона? гдѣже опасность неминуемая? гдѣ вулканъ? Фактъ распространенія, имѣетъ свои причины, въ эти причины не могутъ входить ни защита, ни судъ; и защитнику непрошенному совѣтнику не придетъ на мысль предлагать свою политику, свои мѣры противодѣйствія. Но защитникъ не можетъ не знать, что этотъ фактъ вызываетъ противодѣйствіе не въ одной только формѣ уголовныхъ наказаній, что, уголовныя наказанія всего менѣе успѣшны и что не задаваясь никакими посторонними задачами политики, судъ долженъ только, рѣшая по справедливости, отыскивать уравненіе между наказаніемъ и виною, а по справедливости онъ можетъ уравнивать, опредѣляя величину преступленія, не измѣреніемъ волны плюсъ стоящій на ней человѣчекъ, но откидывая волны и за устраненіемъ ихъ, измѣряя только человѣчка; не можетъ же быть этотъ человѣкъ искупителемъ за духъ вѣка, за его неудержимыя стремленія, за все то, что увлекаетъ мимо вѣдѣнія и воли въ невѣдомую и загадочную даль. Распространеніе движенія есть въ глазахъ правосудія смягчающее вину обстоятельство. Я вѣрю, что вы это обстоятельство примете въ разсчетъ и что вообще вы будете дѣлать различіе между подсудимыми по степени ихъ революціонности.

Правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, призналъ: 1) подсудимыхъ Ивана Джабадари и Вѣру Любатовичъ—виновными въ составленіи, въ 1875 г., въ Москвѣ, противозаконнаго сообщества, имѣвшаго своею цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ, 2) подсудимыхъ Василія Георгіевскаго и др.—виновными въ принадлежности къ упомянутому выше противозаконному сообществу, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго; 3) подсудимыхъ Джабадари и Любатовичъ—сверхъ сего виновными въ злоумышленномъ, съ цѣлью возбужденія къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, распространеніи сочиненій, соотвѣтствующихъ этой цѣли; 4) сверхъ сего, Вѣру Любатовичъ—виновною въ сопротивленіи, сопровождавшемся насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отправленіи должности.

Вслѣдствіе сего опредѣлилъ: Вѣру Любатовичъ и Ивана Джабадари—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари—на пять лѣтъ. Василія Георгіевскаго—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Енисейскую губ., съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіи 4 лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи 12 лѣтъ.

21.

Дѣло объ убійствѣ Нины Андреевской.

22-го іюля 1876 г., между 9 и 10 часами вечера, исчезла дѣвица Нина Эрастовна Андреевская, временно проживавшая вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою дѣйс. ст. сов. Варварою Андреевскою, въ г. Тифлисѣ, на Воронцовской набережной, въ домѣ княгини Шервашидзе, рядомъ съ лѣтнимъ помѣщеніемъ «Кружка», а на другой день утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, трупъ ея былъ найденъ рыбаками въ р. Курѣ, въ такъ называемой Караязской мѣстности, приблизительно верстахъ въ 40 отъ города.

Произведеннымъ по этому поводу предварительнымъ слѣдствіемъ было обнаружено слѣдующее: по духовному завѣщанію д. с. с. Эраста Андреевскаго, двумъ его дочерямъ Нинѣ и Еленѣ, вышедшей замужъ за князя Георгія Шервашидзе, достались имѣнія, расположенныя въ разныхъ частяхъ Тифлисскаго уѣзда. Первоначально имѣнія находились въ нераздѣльномъ владѣніи обѣихъ сестеръ и, такъ какъ владѣльцы проживали въ Россіи, и завѣдывались управляющими, то не доставляли владѣльцамъ никакого дохода. Въ концѣ 1875 г. кн. Шервашидзе предложилъ управлять имѣніями князю Давиду Чхотуа, не какъ опытному хозяину, а какъ честному, вполнѣ благонадежному лицу и другу. Молодой Чхотуа принялъ предложеніе и вскорѣ поселился въ Тифлисѣ, въ д. кн. Шервашидзе; въ іюнѣ 1876 г. къ нему пріѣхалъ младшій братъ—Николай Чхотуа, собиравшійся поступить въ военную службу. Весною этого года владѣльцы порѣшили произвести раздѣлъ доставшихся имъ имѣній и съ этою цѣлію Нина Андреевская съ своею матерью Варварою и кн. Шервашидзе въ началѣ іюля съѣхались въ г. Тифлиссѣ, гдѣ остановились въ гостин-

ницѣ «Европа». Вскорѣ Шервашидзе переселился изъ гостинницы въ домъ жены своей, находящійся въ Кукахъ, надъ Курою, въ довольно глухомъ мѣстѣ, куда приглашалъ переѣхать и Андреевскихъ. Послѣднія, не желая быть стѣсненными, не приняли этого предложенія. Раздѣлъ совершился третейскимъ судомъ, по жребію; обѣ стороны дѣлежомъ остались вполнѣ довольны. Послѣ раздѣла кн. Шервашидзе уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Кутаисскую губ., а Андреевскія, на другой день послѣ его отъѣзда, перебрались въ его домъ, въ ту самую комнату, гдѣ жилъ домовладѣлецъ. Домъ этотъ представляетъ каменное 2-хъ этажное зданіе, обращенное переднимъ фасадомъ во дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ густымъ, запущеннымъ садомъ, примыкающимъ къ саду лѣтняго помѣщенія, такъ наз. «Кружка» а заднимъ на небольшую площадку, обнесенную деревьями, за которыми спускается, въ видѣ обрыва, крутой берегъ Куры. Къ рѣкѣ ведетъ крутая и обрывистая тропинка, по которой спускъ довольно труденъ. Въ зданіи имѣются два входа: одинъ со двора возлѣ кухни, а другой съ площадки; чрезъ сѣни и по длинѣ всего нижняго этажа проходитъ корридоръ. Изъ числа проживавшихъ въ домѣ лицъ старшій Чхотуа помѣщался въ верхнемъ этажѣ и окна его комнаты выходили во дворъ; младшій же Чхотуа и Андреевскіе помѣщались въ нижнемъ этажѣ, но комната перваго изъ нихъ была расположена ближе къ кухнѣ и окна ея также выходили во дворъ, комната Андреевскихъ находилась въ противоположномъ концѣ корридора и была обращена окнами къ рѣкѣ. Прислуга состояла изъ 3-хъ лицъ: поваръ Габисонія и сторожъ Коридзе жили въ комнатѣ рядомъ съ кухней, а садовникъ Мчеладзе въ особой сторожкѣ у воротъ дома. У Андреевскихъ собственной прислуги не было, почему онѣ довольствовались тою мужской прислугой, которая состояла при Чхотуа. Обыкновенно онѣ утромъ уходили изъ дому, возвращались около 7—8 час. вечера и до 12 час. ночи и даже позже занимались своими дѣлами а послѣ ложились спать. Въ день происшествія, 22-го іюля утромъ, Нина Андреевская, вмѣстѣ съ матерью своею, отправились на имянины къ бабушкѣ своей, проживавшей у кн. Варвары Тумановой. Здѣсь она согласилась съ дочерьми Тумановой, Ниною и Елизаветою, что въ 10 часовъ вечера подойдутъ въ своемъ саду къ забору «Кружка», гдѣ въ тотъ день долженъ былъ быть танцовальный вечеръ. Около восьми часовъ вечера Андреевскія вернулись домой, гдѣ встрѣтилъ ихъ Давидъ Чхотуа; братъ же его Николай, по прибытіи ихъ, сейчасъ же отправился кататься въ Муштаидъ. Просидѣвъ съ Андреевскими минутъ двадцать, Давидъ Чхотуа оставилъ ихъ и отправился по своимъ дѣламъ въ городъ, тотчасъ по прибытіи брата своего Николая. Послѣдній оставался съ Андреевскими минутъ десять. Затѣмъ всѣ разошлись. Нина Андреевская, переодѣвшись въ домашнее платье, и старыя опорки отъ дамскихъ полусапожекъ и вытряхнувъ на террасѣ

отъ пыли платье, въ которомъ она вернулась изъ города, принялась писать письмо къ кн. Шервашидзе въ Кутаисъ, предполагая послать его съ Давидомъ Чхотуа, который, уходя вечеромъ въ городъ, сказалъ, что завтра поѣдетъ въ Кутаисъ, чтобы отвести князю Шервашидзе, забытую имъ шашку. Часу въ 10-мъ Нина, окончивъ письмо, взяла у матери большую свѣчу, оставила ей огарокъ и вышла со свѣчею изъ комнаты, причемъ сказала матери, что пойдетъ въ кухню къ повару Габисоніи за полусапожками, которые дала ему утромъ для чистки. Спустя минутъ 20 по уходѣ Нины, когда оставленный ею огарокъ началъ догарать, Варвара Андреевская вышла въ корридоръ и увидѣла, что свѣча, взятая Ниною, горѣла въ корридорѣ у поворота къ двери, ведущей на террасу, а дочери ея нѣтъ; на встрѣчу ей шелъ Зурабъ Коридзе босикомъ. На вопросъ, гдѣ барышня, Коридзе отвѣтилъ, что она, должно быть, пошла въ садъ прогуляться. Они отправились вмѣстѣ въ садъ, но Нины тамъ не нашли. Тогда по просьбѣ Андреевской, Коридзе разбудилъ спящаго уже Николая Чхотуа и съ нимъ Андреевская продолжала розыски въ саду, постоянно зовя дочь свою по имени. Когда они вышли изъ сада на дворъ, въ верхнемъ этажѣ, изъ окна показался Давидъ Чхотуа и, узнавъ о поискахъ Нины Эрастовны, тотчасъ же сбѣжалъ внизъ и сталъ искать ее въ саду; когда же поиски оказались безуспѣшными, спустился къ берегу Куры и нашелъ тамъ, на каменной площадкѣ, платье и опорки Нины Андреевской. На другой день, 23 іюля, въ Караясѣ, авлабарскіе рыбаки Менабдишвили и Чіоберовъ задержали утромъ плывущій по рѣкѣ, ногами по теченію, трупъ дѣвушки въ рубашкѣ, кальсонахъ и чулкахъ, въ каковомъ трупѣ, какъ по немъ самомъ, такъ и по бывшему на немъ бѣлью, знакомые и родные Нины А. признали эту послѣднюю. Первоначально возникло предположеніе, не утонула ли она, отправившись вечеромъ купаться въ рѣкѣ; но затѣмъ слѣдствіемъ были добыты данныя, которыя привели обвинительную власть къ убѣжденію, что Нина А. въ вечеръ происшествія не могла отправиться купаться и что смерть ея послѣдовала не отъ случайной к. л. причины, а была причинена постороннею рукою, путемъ насилія.

Вотъ эти данныя: 1) Нина А. не могла бы сама, безъ посторонней помощи, спуститься ночью къ рѣкѣ, по крутой и обрывистой тропинкѣ. 2) Еслибы она и рѣшилась на это, то такъ какъ тропинка ведущая къ рѣкѣ покрыта грязью и постоянно мокра, то платье и сапоги ея непремѣнно были бы перепачканы грязью и мокры; между тѣмъ какъ они оказались совершенно чистыми и сухими. 3) Задумавъ купаться Н. А. оставила бы на берегу рубашку, кальсоны и чулки и не стала бы купаться въ бѣльѣ. 4) Будучи въ высшей степени стыдливой и конфузливой, она не рѣшилась бы купаться въ то время когда, по заявленію свидѣтелей, на противоположномъ берегу рѣки купались мужчины. 5) Это не возможно тѣмъ болѣе, что Н. А. въ день

происшествія находилась въ періодѣ мѣсячнаго очищенія и вообще, видя купающихся въ Курѣ возмущалась какъ можно купаться въ такой грязной и мутной водѣ. 6) Если бы Н. А. и утонула, то трупъ ея не могъ бы впродолженіи 6—8 час. оказаться въ Караязской мѣстности, на разстояніи 40 в. отъ города. 7) Такъ какъ въ 16 верстахъ отъ г. Тифлиса Кура, вслѣдствіе мелководія, образуетъ 3 острова и раздѣляется на 3 рукава глубиною лишь отъ 2—4 вершковъ, то трупъ ея едва ли могъ бы проплыть дальше указаннаго мѣста; но еслибы въ силу случайныхъ причинъ успѣлъ проплыть и далѣе, то по причинѣ каменистаго дна, оказался бы разбитымъ и поврежденнымъ; между тѣмъ какъ на немъ никакихъ ссадинъ, царапинъ и др. знаковъ насилія или побоевъ не было.

Судебно-медицинское вскрытіе трупа Н. А., произведенное 25 іюля въ г. Тифлисѣ врачами: Гораевичемъ, Блюмбергомъ и Павловскимъ тоже привело къ заключенію, что Н. А. утонуть не могла.

Хотя вскрытіе не могло во всей точности выяснить ближайшую причину смерти Н. А., такъ какъ трупъ ея подъ вліяніемъ дѣйствія воды и главнымъ образомъ высокой лѣтней температуры воздуха сильно разложился (особенно мозгъ и мозговыя оболочки),—но тѣмъ не менѣе врачи эксперты пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что при вскрытіи не обнаружено ни одного признака, который съ достовѣрностью указывалъ бы на смерть отъ утопленія, а именно: въ гортани, дыхательномъ горлѣ и легкихъ не было ни пѣны, на пѣнистой жидкости, въ дыхательномъ и пищеварительномъ путяхъ не оказалось присутствія песку или ила,—въ желудкѣ не было накопленія воды и на рукахъ не было замѣчено ссадинъ, а подъ ногтями песку, или же камешковъ; 2) на головѣ умершей Андреевской и на разныхъ частяхъ туловища и конечностей ея оказались значительные кровоподтеки, имѣющіе характеръ прижизненныхъ поврежденій, такъ какъ кровяные свертки на головѣ представляли обширную сплошную массу, а на груди слишкомъ глубоко были расположены въ мышечномъ слоѣ, и притомъ, травматическаго происхожденія, т. е. происхожденія не отъ болѣзненныхъ внутреннихъ явленій, а отъ внѣшняго насилія; вмѣстѣ съ тѣмъ врачи—эксперты признали, что кровоподтекъ, найденный на головѣ, могъ произойти или отъ удара, или отъ паденія о какое либо твердое тѣло, а поврежденія, найденныя на шеѣ и на груди и особенно противъ яремной впадины, т. е. надъ дыхательнымъ горломъ, произошли, вѣроятно, отъ удавленія; поврежденія эти не могли быть объяснены ушибомъ о каменья въ рѣкѣ, ибо тогда: а) на головѣ подтекъ не могъ-бы занимать столь большаго и при томъ сплошнаго пространства, а поврежденія на груди и въ яремной области не допускаютъ возможности такого рода ушибовъ, такъ какъ эти части тѣла окружены мягкими, упругими органами и защищены болѣе выдающеюся нижнею челюстью и б) при такихъ ушибахъ поврежденія на обѣихъ половинахъ груди

не представляли бы такой полной симметричности. 3) Что же касается до ближайшей причины смерти Н. А., то, по мнѣнію д-ра Главацкаго смерть ея, судя по жидкому состоянію крови, не оставившей по себѣ въ сердцѣ кровяныхъ свертковъ, была асфиктическая, т. е. произошла отъ прекращенія доступа воздуха къ легкимъ, и составляетъ одинъ изъ видовъ удушенія, но было-ли въ данномъ случаѣ утопленіе или задушеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, опредѣлить не возможно; остальные же три врача, не находя достаточныхъ признаковъ для признанія асфиктической смерти, полагаютъ, что причиною смерти А. могли быть ушибы, нанесенные ей по головѣ и причинившіе, какъ надо полагать по величинѣ ихъ, сотрясеніе мозга, которое могло быть смертельнымъ.

Въ виду этихъ данныхъ обвиненіе пришло къ заключенію, что какова бы не была причина смерти Н. А., во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ трупъ ея попалъ въ воду, ей былъ нанесенъ цѣлый рядъ поврежденій, произведенныхъ давленіемъ на горло, ударами по головѣ и тому подобнымъ насиліемъ.

Что же касается вопроса, кто является виновникомъ сего преступленія, то обвиненіе признало, что такая мысль могла явиться лишь у тѣхъ лицъ, которыя знали, что отъ нихъ прежде всего потребуютъ отчета о причинѣ исчезновенія Н. А., близко и хорошо были знакомы съ мѣстностью и имѣли достаточно времени и возможности для того, чтобы по совершеніи преступленія принять всѣ нужныя мѣры къ сокрытію слѣдовъ онаго; такими же лицами могли быть лишь Давидъ и Николай Чхотуа и ихъ прислуга. Притомъ, такъ какъ на дворѣ дома Шервашидзе были на столько злыя собаки, что не только ночью, но даже и днемъ никого посторонняго не впускали во дворъ, то потому никакой чужой человѣкъ не могъ забраться въ домъ Ш., для совершенія преступленія. Къ тому же отсутствіе при убійствѣ видимой цѣли преступленія напр. грабежа, посягательства на цѣломудріе ея и т. п. указывали обвиненію на существованіе между убійцами и жертвою болѣе близкихъ, личныхъ или денежныхъ отношеній, могущихъ возбудить неудовольствія; въ такихъ же отношеніяхъ съ Андреевскими могли находиться лишь бр. Чхотуа. Но, такъ какъ трудно допустить, чтобы подобное преступленіе могло быть совершено ими одними, безъ вѣдома и содѣйствія домашней прислуги, то вмѣстѣ съ Чхотуа были привлечены къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ, находившіеся у нихъ въ услуженіи: сторожъ Зурабъ Коридзе, поваръ Петръ Габисонія и садовникъ Иванъ Мчеладзе. Всѣ они, не признавая себя въ чемъ либо виновными по настоящему дѣлу, дали слѣдующія показанія.

Давидъ Чхотуа объяснилъ, что въ вечеръ происшествія, по возвращеніи Андреевскихъ домой, онъ, посидѣвъ съ ними на террасѣ и дождавшись вернувшагося съ катанья брата, ушелъ въ городъ за по-

купками, такъ какъ на другой день утромъ имѣлъ въ виду отправиться въ Кутаисъ, для доставленія кн. Шервашидзе, оставленной имъ въ Тифлисѣ шашки. Прежде всего онъ заѣхалъ къ портному Капанадзе, взять находившіеся у него въ починкѣ брюки, но нашелъ магазинъ запертымъ; оттуда отправился въ Сололакскую аптеку, въ которой купилъ хинные порошки и мозольные кружки. На обратномъ пути въ магазинѣ Чарухчіанца купилъ себѣ черный шарфъ и затѣмъ, около 9½ ч. веч., зашелъ въ гостинницу «Европа» поужинать. Домой вернулся въ началѣ 11 часа; въ комнатѣ Ан—ихъ, хотя и былъ тогда видѣнъ свѣтъ, но разговора слышно не было. Раздѣвшись при помощи Зураба, онъ легъ спать, но вскорѣ былъ разбуженъ крикомъ В. А., которая на дворѣ звала свою дочь. Открывъ окно и узнавъ объ исчезновеніи Нины, онъ наскоро одѣлся и сошелъ внизъ; такъ какъ послѣ поисковъ Нины нигдѣ не оказалось, то ему мелькнула мысль, не пошла ли она купаться и не утонула ли въ рѣкѣ, вслѣдствіе чего онъ спустился по тропинкѣ къ рѣкѣ, на берегу которой, на площадкѣ нашелъ платье и сапоги ея, и тогда убѣдился, что она утонула, но объ этомъ въ ту ночь ничего не говорилъ В. А., чтобы еще больше не разстроить ея. Давъ знать о случившемся полиціи и мировому судьѣ, онъ послалъ телеграмму въ Поти на имя Шервашидзе о томъ, что Нина при смерти и чтобы онъ немедленно пріѣхалъ и, на случай выѣзда его въ Кутаисъ, такого же содержанія телеграммы въ Кутаисъ, на имя Висаріона Гогоберидзе и Маріи Цулукидзе съ просьбою передать содержаніе ихъ кн. Шервашидзе.

Николай Чхотуа показалъ, что вернувшись въ день происшествія около 10 ч. утра съ урока, онъ до вечера никуда изъ дому не выходилъ. Около 7 ч. вечера поѣхалъ кататься верхомъ и когда вернулся домой, то братъ его, сказавъ, что пойдетъ гулять, куда то ушелъ, а онъ остался на террасѣ и нѣкоторое время разговаривалъ съ А—ми. Когда же затѣмъ А—іи ушли къ себѣ, то и онъ отправился въ свою комнату, гдѣ часовъ въ 9 или въ началѣ 10-го раздѣлся и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ легъ спать. Черезъ нѣкоторое время былъ разбуженъ, вошедшими въ его комнату Вѣрою А—ою и Зурабомъ, изъ коихъ 1-ая объявила ему, что Нина пропала; тогда онъ одѣлся и когда вышелъ на дворъ, то тамъ уже была Вѣра А—ая, Зурабъ и братъ его Давидъ, который отправился разыскивать Нину и вернувшись назадъ сказалъ ему по мингрельски, что платье ея лежитъ на берегу.

Поваръ Петръ Габисонія показалъ, что въ день происшествія онъ видѣлъ Андреевскихъ лишь утромъ, уѣзжающими изъ дому; болѣе ихъ не видѣлъ такъ какъ будучи въ тотъ день боленъ, лежалъ на кухнѣ и только впослѣдствіи отъ Зураба узналъ, что барышня утонула. Когда же послѣ обыска въ кухнѣ подъ кроватью его были найдены полусапожки Н. А., то Габисонія прибавилъ, что утромъ того дня онъ по порученію барышни сапоги эти отнесъ сапожнику въ по-

чинку, а вечеромъ, отправляясь въ Александровскій садъ гулять, взялъ ихъ у сапожника починенными. Такъ какъ тогда онъ былъ боленъ, то въ этотъ вечеръ не отнесъ сапогъ барышнѣ, а оставилъ ихъ до утра на кухнѣ, а самъ легъ спать.

Наконецъ, сторожъ Зурабъ Коридзе и садовникъ Иванъ Мчеладзе первоначально объяснили, что никакого участія въ убійствѣ Н. А. не принимали и объ убійствѣ или исчезновеніи ея ничего не знали до тѣхъ поръ, пока В. А. сама не замѣтила отсутствія своей дочери; при этомъ изъ нихъ Зурабъ пояснилъ, что послѣ возвращенія Андреевскихъ домой онъ видѣлъ барышню, вытряхивавшею платье; Давида Чхотуа тогда не было дома; когда же онъ вернулся, то Зурабъ раздѣлъ его, послѣ чего, подавъ В. А. воды отправился къ себѣ на кухню и снялъ сапоги, но въ это время былъ позванъ А—ою, съ которою пошелъ въ садъ искать пропавшую барышню; а Иванъ показалъ, что подавъ Николаю Чхотуа, по возвращеніи Андреевскихъ, чай, онъ ушелъ въ свою сторожку, находящуюся у воротъ и легъ спать, послѣ чего былъ разбуженъ Зурабомъ, который сообщилъ ему о смерти барышни.

Но впослѣдствіи Зурабъ Коридзе и Иванъ Мчеладзе, хотя и не признали своей виновности въ содѣйствіи или пособничествѣ Чхотуа въ убійствѣ Н. А., тѣмъ не менѣе объ обстоятельствахъ, при которыхъ она была лишена жизни, заявили слѣдующее.

22 іюля, послѣ возвращенія А—ихъ изъ города, Давидъ Чхотуа велѣлъ Зурабу осѣдлать лошадь и подать ее брату Николаю, а самъ остался съ А—ими на террасѣ. Когда Николай вернулся съ прогулки, то братъ его Давидъ приказалъ Зурабу хорошенько выводить лошадь, которая вся была въ пѣнѣ и сильно измучена и сталъ о чемъ то говорить съ Николаемъ,—послѣ чего, подозвавъ Ивана, онъ приказалъ ему убить самую большую и злую собаку, что съ помощью топора и было исполнено, а остальныхъ собакъ запереть въ сторожкѣ; на вопросъ Ивана зачѣмъ запирать, Давидъ ему отвѣтилъ: «не твое дѣло». Затѣмъ Давидъ велѣлъ Ивану напоить брата чаемъ и самому ложиться спать, сказавъ при этомъ, что онъ отправится въ городъ и приведетъ гостей. Вскорѣ послѣ ухода Давида Иванъ, послышавъ чьи то шаги, вышелъ изъ сторожки и увидѣлъ Давида Чхотуа, который съ нѣсколькими неизвѣстными ему, Ивану, личностями въ темныхъ платьяхъ, прошелъ черезъ садъ по направленію къ задней сторонѣ дома. Изъ любопытства Иванъ послѣдовалъ за ними и, хотя замѣтившій его Давидъ Чхотуа приказалъ ему не ходить, при чемъ грозилъ револьверомъ, но подкравшись онъ всетаки замѣтилъ, что около тропинки въ кустахъ двигаются какіе то люди и въ это время услышалъ легкій храпъ, а затѣмъ, присмотрѣвшись, увидѣлъ, что Давидъ Чхотуа и пришедшіе съ нимъ люди тащутъ трупъ женщины, одѣтой въ темное платье, къ рѣкѣ; но бросили ли ее туда или нѣтъ, онъ не знаетъ; тогда онъ догадался, что они задушили барышню, и хотѣлъ

убѣжать, но не успѣлъ, ибо Давидъ Чхотуа, схвативъ его за волосы, пригнулъ къ землѣ, чтобы онъ не могъ разсмотрѣть уходившихъ по направленію къ воротамъ людей; затѣмъ сказалъ Ивану, чтобы онъ не смѣлъ никому говорить о случившемся и не боялся, что они задушили барышню; такъ какъ платье ея положено на берегу то подумаютъ, что она сама утонула, купаясь въ рѣкѣ;—что еслибы его, Ивана, даже задержали, то онъ освободитъ его и, въ удостовѣреніе того, что онъ, Иванъ, сохранитъ молчаніе, Давидъ Чхотуа приказалъ ему произнести клятву такого содержанія: «пусть будетъ на моей совѣсти твой грѣхъ, грѣхъ этихъ людей и смерть барышни, если я скажу кому нибудь объ этомъ».

Что касается до Зураба, то тотъ показалъ, что замѣтивъ на террасѣ какихъ то людей, вышелъ изъ кухни на площадку, гдѣ увидѣлъ, что два брата Чхотуа и еще трое какихъ то людей несли по тропинкѣ къ рѣкѣ что то въ родѣ человѣческой фигуры, въ коей онъ отличилъ туловище и голову,—около нихъ стоялъ Петръ Габисонія. Вдругъ къ нему, Зурабу, подскочилъ какой то человѣкъ и обнаживъ кинжалъ, схватилъ за шею, въ каковомъ видѣ держалъ его до тѣхъ поръ, пока Чхотуа и бывшіе съ нимъ люди не вернулись на террасу. Тутъ Давидъ Чхотуа, обращаясь къ своему брату, сказалъ: «убьемъ этого сукина сына, а то онъ насъ выдастъ», но Николай Чхотуа на это не согласился и отвѣтилъ Давиду: «развѣ не довольно, что убили одного? онъ не выдастъ». Тогда Д. Чхотуа заставилъ его, Зураба, произнести слѣдующую клятву: «пусть меня причастятъ собачьею кровью, если я выдамъ», и проводивъ до воротъ бывшихъ съ нимъ людей, приказалъ Зурабу отправиться къ нему въ комнату и раздѣть его,—при чемъ Зурабъ замѣтилъ, что брюки Давида были въ грязи а изъ сапогъ текла вода. Тутъ только Давидъ сказалъ Зурабу, что они задушили барышню;—послѣ того Зурабъ пошелъ на кухню, но когда проходилъ по корридору В. А. позвала его и сначала потребовала воды, а потомъ спросила, гдѣ дочь ея и затѣмъ они пошли въ садъ розыскивать барышню.

Независимо отъ сего виновность вышесказанныхъ обвиняемыхъ въ совершеніи, по взаимному между собою соглашенію, убійства дѣвицы Андреевской, удостовѣряется въ обвинительномъ актѣ слѣдующими данными:

I. Въ отношеніи Давида и Николая Чхотуа. 1) Показаніями Зураба Коридзе и Ивана Мчеладзе, подтвержденными показаніями арестантовъ Муса-Измаилъ-Оглы и Меликъ-Мамедъ-Мурадъ-Али-Оглы, которые, находясь на излѣченіи въ военномъ госпиталѣ вмѣстѣ съ Петромъ Габисонія, узнали отъ сего послѣдняго, что въ убійствѣ дѣвицы Андреевской принимали участіе оба брата Чхотуа и вся прислуга, по подговору и подстрекательству Давида Чхотуа. 2) Распоряженіями Давида Чхотуа относительно собакъ, вслѣдствіе которыхъ одна самая злая и большая собака была убита садовникомъ Мчеладзе, а остальныя были

имъ заперты на ночь въ сторожкѣ. 3) Не подтвержденіемъ alibi Давида Чхотуа такъ какъ а) въ теченіи всего іюля мѣсяца у портнаго Капанадзе никакихъ брюкъ Чхотуа въ починкѣ не было, б) въ Сололакской аптекѣ, какъ это видно изъ листа личной продажи за 22 іюля, хининъ и кружки могли быть ему отпущены не позже 7—8 часовъ утра и ни въ какомъ случаѣ не вечеромъ, в) когда именно и въ какое время была произведена въ магазинѣ Чарухчіанца продажа шарфа выяснить не было возможности. 4) Ложнымъ показаніемъ Давида Чхотуа, что по возвращеніи домой, тотчасъ заснулъ и былъ разбуженъ крикомъ В. А—ой, такъ какъ: а) свидѣтелямъ Исарлову и Меликову онъ же самъ разсказывалъ, что въ то время еще не спалъ, а лишь собирался лечь спать и б) Варвара А., по показанію ея, не на столько громко кричала, чтобы могла разбудить спавшаго во 2-мъ—этажѣ Давида Чхотуа. Точно также и Николай Чхотуа, по показанію Зураба Коридзе, хотя лежалъ въ постелѣ, закрывшись одѣяломъ, но былъ совсѣмъ одѣтъ и только сапоги у него были сняты. По мнѣнію же В. А—ой. онъ вовсе не спалъ, такъ какъ проснулся слишкомъ быстро и вышелъ къ ней тотчасъ послѣ того, какъ Зурабъ сказалъ ему у постели, что «барышню ищутъ». 5) Душевнымъ волненіемъ, безпокойствомъ и неестественнымъ поведеніемъ обоихъ братьевъ Чхотуа, въ то время когда на нихъ еще не падало подозрѣнія въ причиненіи Нинѣ Андреевской насильственной смерти. 6) Неожиданнымъ предположеніемъ Давида Чхотуа о томъ, что Нина Андреевская могла утонуть, а когда платье ея было найдено на берегу рѣки, тѣмъ стараніемъ, съ которымъ оба брата старались каждаго являвшагося на мѣсто происшествія убѣдить въ томъ, что Н. А. утонула. 7) Переговорами Давида Чхотуа съ Петромъ Габисонія на непонятномъ для окружающихъ языкѣ въ то время, когда Габисонія находился подъ надзоромъ полицейскихъ солдатъ и всякіе разговоры съ нимъ были воспрещены.

II. Въ отношеніи Зураба Коридзе и Ивана Мчеладзе: 1) Собственнымъ ихъ сознаніемъ въ укрывательствѣ убійства Н. А., но коль скоро они присутствовали на мѣстѣ преступленія, то не могли не принимать участія и въ самомъ совершеніи преступленія, иначе Чхотуа приняли бы мѣры, къ устраненію ихъ на время изъ дому. 2) Показаніями арестантовъ Церетели, Муса-Измаилъ-Оглы и Меликъ-Мамеда-Мурадъ-Али-Оглы, которые, содержась подъ стражею въ госпиталѣ вмѣстѣ съ Петромъ Габисонія, слышали отъ него, что въ убійствѣ дѣвицы А. принимали участіе вмѣстѣ съ братомъ Чхотуа и всѣ три человѣка прислуги. 3) Отсутствіемъ у Зураба сапогъ во время появленія его на зовъ Варвары А., каковое обстоятельство указываетъ, что онъ вмѣстѣ съ Давидомъ Чхотуа, по всей вѣроятности, спускался внизъ къ рѣкѣ и сапоги у него были мокры. 4) Возгласами Зураба послѣ его заарестованія, что онъ погибъ, что указываетъ на то, что онъ,

чувствуя и сознавая свою виновность, предвидѣлъ грозившую ему отвѣтственность. 5) Приказаніемъ Давида Чхотуа, даннымъ Мчеладзе, убить одну собаку и запереть остальныя, такъ какъ если бы всѣ они недѣйствовали за одно, по взаимному между собою соглашенію, то Чхотуа не сдѣлалъ бы такого распоряженія и скорѣе лично принялъ бы мѣры къ устраненію собакъ, коль скоро онѣ ему мѣшали.

и *III. Въ отношеніи Петра Габисонія.* 1) Объясненіемъ Зураба Коридзе, видѣвшаго между лицами тащившими трупъ Н. А. и Петра Габисонія. 2) Показаніями Ивана Церетели, Муса-Измаилъ-Оглы и Мелика-Мамеда-Мурадъ-Али-Оглы, которымъ Габисонія сознался, что убійство Н. А. совершено по подговору хозяина (Чхотуа), по предварительному соглашенію со слугами, въ кухнѣ, куда около 10 ч. вечера подошла А.; что Габисонія втащилъ ее туда, при чемъ она успѣла одинъ разъ крикнуть и защищаясь, оцарапала ему грудь; что въ это время всѣ они накинулись на нее и задушили, послѣ чего онъ, Габисонія, привелъ фаэтонъ и, посадивъ въ немъ убитую барышню, какъ живаго человѣка, повезъ ее вмѣстѣ съ знакомымъ имеретиномъ за городъ, гдѣ въ Ортогалахъ трупъ ея бросили въ рѣку. Разсказъ этотъ нашелъ себѣ подтвержденіе: а) въ томъ, что у Габисоніи на груди дѣйствительно были найдены слѣды царапинъ, б) что исчезновеніе Н. А. послѣдовало именно въ то время, когда она со свѣчею въ рукѣ отправилась въ кухню за полусапожками и в) что, по заявленію Коридзе, послѣ убійства А., Габисоніи не оказалось на кухнѣ и онъ появился лишь чрезъ довольно продолжительное время, откуда то на дворѣ. 3) Найденными подъ кроватью Габисонія полусапожками Н. А., которые, по объясненію Габисоніи, были имъ отдаваемы въ починку и не возвращены въ тотъ вечеръ Нинѣ, вслѣдствіе его нездоровія; хотя никто изъ сапожниковъ факта починки полусапожекъ въ тотъ день не подтвердилъ и сапоги, по показанію. В. А., были отданы лишь въ чистку а не для починки. 4) Симуляціей болѣзни, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, онъ въ продолженіи дня производилъ разныя работы и завязалъ голову платкомъ лишь вечеромъ, послѣ прибытія полиціи. 5) Разговоромъ съ Давидомъ Чхотуа на непонятномъ для окружающихъ языкѣ, во время своего ареста, когда всякіе разговоры были ему воспрещены. 6) Неохотнымъ розыскиваніемъ исчезнувшей Н. А. 7) Заявленіемъ своимъ свидѣтелю кн. Гебаудзе за нѣсколько дней до происшествія, что Давидъ Чхотуа уговариваетъ его ограбить барышню А. и уѣхать затѣмъ туда, гдѣ ихъ никто не отыщетъ.

Такимъ образомъ картина убійства Нины А—ой представилась обвиненію въ слѣдующемъ видѣ. Давидъ Чхотуа, задумавъ лишить жизни Н. А., согласилъ на это преступленіе брата своего Николая, находившихся у него въ услуженіи Коридзе, Мгеладзе и Габисонію и еще нѣсколькихъ постороннихъ, по дѣлу не обнаруженныхъ лицъ, необхо-

димыхъ для сокрытія трупа послѣ совершенія преступленія и выжидалъ удобнаго случая, который и представился 22 іюля. Въ этотъ день утромъ Н. А. передала Габисоніи свои полусапожки для чистки, которые тотъ, по соглашенію съ Д. Чхотуа, не возвратилъ ей днемъ а оставилъ у себя. Когда же въ 10-омъ часу вечера она сама зашла за ними на кухню, на нее набросились братья Чхотуа, прислуга и приглашенные заранѣе сообщники въ количествѣ 3 или 4 человѣкъ. Чтобы сообщники могли войти во дворъ безпрепятственно, подъ вечеръ этого дня, самая злая изъ собакъ, по распоряженію Д. Чхотуа, была убита а остальныя заперты въ сторожку. Нападеніе на Нину А. было столь неожиданно, что она была лишена всякихъ средствъ защиты и, по всей вѣроятности, задушена. Затѣмъ вытащили ее въ садъ, сняли съ нее платье и сапоги, которые, для введенія правосудія въ обманъ, положили на берегу рѣки и трупъ ея увезли въ фаэтонѣ за городъ и тамъ бросили въ рѣку. Что трупъ А. былъ брошенъ въ рѣку не у дома Шервашидзе, а увезенъ въ фаэтонѣ, имѣются многочисленныя показанія свидѣтелей. По объясненіямъ однихъ, фаэтонъ съ большимъ числомъ людей, съ женщиной въ бѣломъ по серединѣ, съ протянутыми руками, промчался по лѣвому берегу Куры, такъ называемой караязской дорогѣ; по показаніямъ же другихъ трупъ А. былъ переправленъ на другой берегъ Куры въ мѣшкѣ, гдѣ ожидалъ уже фаэтонъ, который доставилъ трупъ за городъ.

Что касается до цѣли убійства, то та была найдена въ оскорбленномъ чувствѣ самолюбія Д. Чхотуа и той затаенной злобѣ, которую онъ долженъ былъ питать по отношенію къ Н. А. вслѣдствіе: 1) недовѣрчиваго отношенія къ нему послѣдней, выразившагося не только въ лишеніи его полномочія на участіе вмѣсто ея при раздѣлѣ имѣній. но даже въ устраненіи его отъ управленія доставшейся ей половиной и 2) неудовольствій, доходящихъ до столкновеній между ними по поводу находившихся въ домѣ Шервашидзе подъ надзоромъ Д. Чхотуа вещей ея.

На основаніи вышеизложеннаго обвинялся:

1) князь Давидъ Чхотуа въ томъ, что, задумавъ изъ личныхъ видовъ убить дѣвицу Нину Андреевскую, онъ согласилъ на это преступленіе другихъ лицъ и вечеромъ 22 іюля 1876 г., устроивъ въ кухнѣ засаду, куда должна была придти Нина А., онъ вмѣстѣ съ сими послѣдними лишилъ ее жизни посредствомъ задушенія или инымъ насильственнымъ образомъ.

и 2) князь Николай Чхотуа и крестьяне: Зурабъ Коридзе, Иванъ Мчеладзе и Петръ Габисонія въ томъ, что, согласившись съ Давидомъ Чхотуа, совершили означенное въ п. 1 преступленіе, каковое предусмотрѣно 3 п. 1453 ст. улож. о нак.

Дѣло это слушалось въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ съ 23 Февраля по 5 Марта 1878 г. Изъ поименованныхъ лицъ, преданныхъ су-

ду, Мчеладзе умеръ, а Корндзе заболѣлъ, вслѣдствіе чего дѣло въ отношеніи перваго было прекращено, а въ отношеніи второго отложено разсмотрѣніемъ впредь до его выздоровленія.

На судебномъ слѣдствіи обвиняемые не признали себя виновными а Давидъ Чхотуа объяснилъ. что онъ отрицаетъ самый фактъ преступленія, приписывая смерть Андреевской случайному утопленію во время купанья въ р. Курѣ.

Изъ показаній свидѣтелей, знавшихъ Н. А. съ дѣтства выяснилось, что она была дѣвушка умная, развитая, съ сильнымъ, настойчивымъ и самостоятельнымъ характеромъ, такъ что въ домѣ всѣ ея желанія исполнялись; общество она всегда выбирала себѣ по своему желанію и хотя поведенія была безукоризненнаго, но иногда, по свидѣтельству кн. Тумановой, позволяла себѣ такія шалости, изъ которыхъ можно заключить, что въ данномъ случаѣ она могла попробовать купаться; такъ напримѣръ поѣдетъ верхомъ кататься и ускачетъ впередъ одна, или же, бывало въ Кисловодскѣ, опускается въ рѣчку, гдѣ и мущины не рѣшались опускаться. Николай Чхотуа показалъ, что Н. А. нѣсколько разъ спрашивала его, въ которомъ мѣстѣ онъ купается и глубока ли тамъ Кура.

Относительно alibi Давида Чхотуа портной Капанадзе измѣнилъ данное имъ на предварительномъ слѣдствіи показаніе, объяснивъ, что на дняхъ, уже по открытіи засѣданія по настоящему дѣлу, другой его приказчикъ Шахнабаровъ, поступившій на мѣсто Мдивани, нашелъ брюки Чхотуа въ магазинѣ, и въ подтвержденіе сего Капанадзе представилъ въ судъ таковые. Шахнабаровъ подтвердилъ это обстоятельство. Брюки, по осмотру ихъ въ судебномъ засѣданіи, оказались почти новыми. Капанадзе не могъ вспомнить, что именно имъ починено.

Изъ показаній, данныхъ свидѣтелями Мусою-Измаилъ-Оглы, Дмитріемъ Сагара-Швили, докторомъ Маркаровымъ и полковникомъ Бѣлликомъ, бывшимъ во время производства предварительнаго слѣдствія Тифлисскимъ старшимъ полиціймейстеромъ, обнаружилось: что Габисонія не сознавался свидѣтелямъ Мусѣ Церетели; что полицейскій чиновникъ Лоладзе всѣ вышеприведенныя показанія о сознаніи выманилъ путемъ пытокъ, обѣщаній и застращиваній; что когда Лоладзе неудалась попытка выманить у Габисоніи сознанія посредствомъ спаиванія его водкой, онъ обѣщалъ татарину Мусѣ сначала 800, потомъ 2000 руб. а также и свободу, если онъ повторитъ продиктованный ему разсказъ; что для полученія сознанія Мчеладзе, Лоладзе вкрался въ его довѣріе, выдавая себя за ходатая по дѣламъ, и самъ Бѣлликъ призналъ, что онъ лично обѣщалъ этому подсудимому за таковое сознаніе смягченіе наказанія и перемѣщеніе изъ одиночной въ общую арестантскую камеру; что Мчеладзе передъ смертью терзался и раскаявался въ томъ, что невинно оговорилъ

своихъ товарищей и господъ; что для полученія сознанія Коридзе, Лоладзе съ одной стороны мучилъ его и держалъ «въ секретѣ», съ другой же обѣщалъ хлопотать передъ Великимъ Княземъ объ его освобожденіи, если тотъ будетъ говорить такъ, какъ онъ его научитъ почему Коридзе «показалъ то, чего и не зналъ».

Врачи эксперты, принявъ во вниманіе, что при вскрытіи трупа Н. А., не было обнаружено ни одного изъ признаковъ, характеризующихъ утопленіе а именно: въ дыхательныхъ путяхъ и въ легкихъ не было найдено ни пѣны, ни пѣнистой жидкости, равнымъ образомъ не было открыто слизи и въ плеврѣ жидкости, гортань оказалась совершенно сухою и отека легкихъ не было, пришли къ заключенію: что смерть Н. А. не могла произойти отъ утопленія. Что касается кровоподтековъ, обнаруженныхъ на головѣ, груди и подъ яремной впадиной, то эксперты признали ихъ прижизненными, происшедшими отъ ударовъ и давленія, а не причиненными въ водѣ. Кровоподтеки же на бедрѣ и др. мѣстахъ признали за трупныя явленія, т. к. они не имѣли свертка крови. Устанавливая происхожденіе кровоподтековъ, эксперты въ данныхъ, представляемыхъ вскрытіемъ трупа, открыли признаки, указывающіе на существованіе удушенія, какъ одной изъ причинъ смерти А—ой. Таковыми эксперты признали расширеніе мышцъ задняго прохода, пустоту мочеваго пузыря, сокращеніе селезенки и слабое налитіе ея кровью, пузыри на легкихъ, прижатіе языка зубами и жидкое состояніе крови. Опредѣляя ближайшія причины смерти, экспертъ д-ръ Горалевичъ объяснилъ, что таковая послѣдовала отъ удара въ голову, оставившаго слѣдъ въ видѣ кровоподтека и могшаго произвести сотрясеніе мозга, и отъ удушенія; экспертъ д-ръ Главацкій— что смерть произошла отъ давленія на дыхательное горло и грудную клѣтку, т. е. отъ удушенія;—д-ръ Блюмбергъ — что ударъ въ голову произвелъ безсознательное состояніе А—ой., во время коего она была задушена, и д-ръ Павловскій—что смерть была слѣдствіемъ и удара въ голову и удушенія.

По выслушаніи заключительныхъ преній окружный судъ, опредѣлилъ: Давида Чхотуа и Петра Габисонію, признанныхъ виновными въ насильственномъ лишеніи жизни Нины Андреевской, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: перваго въ рудникахъ на 20 л. а втораго въ крѣпостяхъ на 10 л. Николай Чхотуа признанъ оправданнымъ.

Вслѣдствіе отзыва подсудимыхъ и протеста прокурора дѣло это 25—30 Ноября 1878 г. слушалось въ апелляціонномъ порядкѣ въ Тифлисской судебной палатѣ.

Защита пригласила новаго эксперта професора С.-Петербургскаго университета и Медико-Хирургической академіи Сорокина. Обвиненіе довольствовалось экспертами окружнаго суда.

Професору Сорокину были предложены палатою тѣже вопросы, что и экспертамъ въ окружномъ судѣ. Въ виду неполноты и неясности фактовъ, изложенныхъ въ протоколѣ вскрытія, имъ было испрошено разрѣшеніе палаты предложить экспертамъ, производившимъ вскрытіе, нѣсколько вопросовъ, съ цѣлью болѣе подробнаго описанія видѣнныхъ ими фактовъ и объясненія употребленныхъ ими способовъ изслѣдованія. Эксперты, отвѣчая на заданные имъ вопросы, между-прочимъ, высказали, что во всѣхъ кровоподтекахъ замѣченныхъ ими на трупѣ Н. А. найдены были кровяные свертки т. е., что кровоподтеки эти не посмертнаго, а прижизненнаго свойства.

Професоръ Сорокинъ, основываясь на полученныхъ отъ экспертовъ свѣдѣніяхъ и добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, пришелъ къ заключенію, что смерть Н. А. произошла отъ утопленія. По его мнѣнію, въ виду жидкаго состоянія крови и сокращенія селезенки, слѣдуетъ признать, что Н. А. умерла отъ асфиксіи, причиною же послѣдней могло быть или утопленіе или одинъ изъ видовъ механическаго задушенія. Главнымъ и единственнымъ основаніемъ послѣдняго предположенія, являются знаки насилія, въ видѣ кровоподтековъ на различныхъ частяхъ тѣла, которые могли быть произведены или побоями, или давленіемъ. При побояхъ (ушибахъ) подтеки бываютъ или поверхностные или глубокіе. *Первые* обнаруживаются немедленно послѣ нанесенія побоевъ, но рыбаки, кромѣ мелкихъ синихъ пятенъ на рукахъ, не замѣтили на тѣлѣ покойной никакихъ слѣдовъ насилія,—что же касается *вторыхъ* то они производятъ разрывы и полное размозженіе глубокихъ тканей, переломы костей и другія тяжкія поврежденія, чего въ настоящемъ случаѣ тоже не замѣчено. При давленіи же нѣкоторые подтеки имѣли бы поверхностное положеніе, а таковыхъ не обнаружено; затѣмъ, на тѣлѣ потерпѣвшей остались бы ссадины, царапины, вдавленія ногтей или отпечатки пальцевъ въ видѣ углубленій, которыя вслѣдствіе высыханія кожи съ теченіемъ времени становятся еще замѣтнѣе. Однако на тѣлѣ Н. А. никакихъ вообще поврежденій не оказалось. Итакъ, если подтеки не могли произойти ни отъ побоевъ, ни отъ давленія, то необходимо должно заключить, что всѣ наружные подтеки не имѣли травматическаго характера и безъ сомнѣнія были трупными гипостазами, тѣмъ болѣе, что при всѣхъ видахъ асфиксіи часто встрѣчаются произвольныя кровотеченія, которыя иногда по своему макро и микроскопическому виду ничѣмъ не отличаются отъ подтековъ, произведенныхъ механическимъ насиліемъ.—Что касается подтековъ, замѣченныхъ на головѣ, шеѣ и груди Н. А., то, по мнѣнію пр. Сорокина, ихъ можно былобы признать за травматическіе только въ томъ случаѣ, еслибы на ограниченномъ ихъ пространствѣ находилось большое количество жидкой или свернувшейся крови, когда была бы повреждена самая ткань, содержащая подтекъ или же когда имѣлись бы наружныя поврежденія въ видѣ ссадинъ, царапинъ, вдавленій и т. п. Такъ какъ

въ этихъ подтекахъ ни одного изъ упомянутыхъ признаковъ не найдено, то они должны быть признаны или за трупные гипостазы или за произвольные кровоподтеки, развившіеся во время агоніи.—Но не было ли замѣчено при вскрытіи признаковъ смерти отъ утопленія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, професоръ Сорокинъ замѣтилъ, что, такъ какъ вскрытіе тѣла Н. А. было произведено черезъ 62 часа послѣ ея смерти, то всѣ характерные признаки отъ утопленія, если не исчезли, то должны были значительно стушеваться, въ особенности когда эксперты употребили всѣ старанія, конечно неумышленно, чтобы замаскировать или уничтожить всѣ доказательные признаки. Сохранился, однако, одинъ существенный признакъ, приведенный въ протоколѣ: «легкія не спавшіяся, выполняютъ грудную полость»; присутствіе «на поверхности ихъ эмфизематозныхъ возвышеній» не могло препятствовать ихъ спаденію, гортанная щель была открыта, гиперемія не послужила бы препятствіемъ къ спаденію, да, по словамъ протокола, ея и не было; слѣдовательно, находились препятствія, если не въ дыхательномъ горлѣ, то въ крупныхъ и мелкихъ дыхательныхъ вѣтвяхъ а такимъ препятствіемъ могла быть содержавшаяся въ нихъ вода, или пѣна, или та и другая вмѣстѣ. Признакъ этотъ получаетъ значеніе несомнѣннаго доказательства, въ виду показанія рыбака Менабди Швили, даннаго имъ на судебномъ слѣдствіи въ судебной палатѣ. Рыбакъ этотъ объяснилъ, что когда тѣло Н. А. вытащили на берегъ, раздѣвали, сплавляли на островъ, опускали въ могилу, то всякій разъ, когда сообщалось трупу какое нибудь движеніе, у покойницы изо рта показывалась «каплями», «какъ слезы» *слегка окрашенная жидкость и мелкая пѣна*. Такое явленіе, въ совершенно свѣжемъ трупѣ, въ высшей степени характерно и наблюдается исключительно у однихъ только утопленниковъ. — Итакъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, проф. Сорокинъ заключилъ, что Н. А. утонула, безъ всякихъ признаковъ насильственной смерти.

Гг. члены тифлисской судебной палаты, гг. судьи коронные, гг. судьи законники, то есть посвящающіе себя служенію закону, исполненію его свято, и разумному его истолкованію, позвольте мнѣ начать мою защитительную рѣчь словами же закона.

Ст. 890 ус. уг. суд. гласитъ, что при пересмотрѣ приговора по отзыву подсудимаго, опредѣленное ему наказаніе можетъ быть не только уменьшено, но и вовсе отмѣнено. Слова эти исполнены глубокаго значенія, они

якорь спасенія для тѣхъ несчастныхъ мучениковъ, которые, бывъ осуждены въ 1-й инстанціи, ввѣрили мнѣ свою судьбу. Если апелляція не мертвый обрядъ, если апелляціонное производство не трата времени, томительная какъ все, что безполезно, если слова закона, который я только что прочелъ,—настоящая, живая правда, то значатъ они слѣдующее: что эти арестанты еще люди не рѣшенные, что еще они не осуждены, не изобличены, что они могутъ возвратиться въ общество, отъ котораго ихъ отдѣляли долгое время стѣны тюрьмы; что къ приговору ихъ осудившему вы должны отнестись критически, то есть должны его испытать и провѣрить, слѣдовательно—усомниться въ томъ, что онъ справедливъ, слѣдовательно предположить, что можетъ быть они люди невинные и перебрать мысленно всѣ звенья, состоящія изъ умозаключеній того приговора, который ихъ сковалъ точно веригами, съ тѣмъ чтобы узнать, не порвутся ли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя звенья, какъ нити, и не спадутъ ли съ подсудимыхъ вслѣдствіе того оковы приговора. Эта закономъ возложенная обязанность на судей высшаго суда, обладающихъ большею опытностью, большими свѣдѣніями, значитъ большею возможностью систематически усомниться въ виновности осужденныхъ подсудимыхъ до тѣхъ поръ, пока заново и самостоятельно не будетъ построена вполнѣ прочно ихъ вина въ совѣсти судей, составляетъ одно изъ преимуществъ суда, передъ которымъ я имѣю честь говорить, суда апелляціоннаго передъ судомъ съ присяжными. Въ судѣ присяжныхъ, судящемъ болѣе по впечатлѣнію, а не по логическимъ выводамъ, и человѣка, только еще обвиняемаго, а не такого, о которомъ уже прогремѣлъ осуждающій его приговоръ,—закономъ не установлено никакого метода повѣрки обвиненія, не предписано никакихъ правилъ изслѣдованія, а для избѣжанія увлеченій, весьма возможныхъ, когда судится дѣло громкое и сильно возбуждающее страсти, служатъ два средства,—съ одной стороны, присяга присяжнаго:

подать голосъ сообразно тому, что увижу и услышу на судѣ (ст. 666 ус. у. с.), и съ другой стороны, неизбѣжное почти затѣмъ предвареніе со стороны предсѣдателя въ заключительномъ словѣ: забыть все то, что моглобы дойти до присяжныхъ окольнымъ путемъ, въ видѣ разсказовъ, молвы, слуховъ, устныхъ или печатныхъ. Судьи коронные въ такихъ предвареніяхъ и присягахъ не нуждаются. По закону, а именно по 2 п. 797 и 892 ст. ус. уг. суд., судъ долженъ мотивировать рѣшеніе, объяснивъ его и сопоставивъ не съ иными какими нибудь данными, а только съ представленными къ дѣлу доказательствами и уликами. По 737 ст. ус. уг. суд. прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется по судебному слѣдствію, точно также какъ и защита—по 744 ст. у. у. с. въ томъ же видѣ представляетъ свои объясненія; причемъ каждой изъ состязающихся сторонъ воспрещается вставлять, ссылаться или приводить обстоятельства, не бывшія предметомъ слѣдствія. Если же сторонамъ возбранено употреблять данныя, въ дѣлѣ неимѣющіяся, если суду только и можно мотивировать свое рѣшеніе имѣющимися въ дѣлѣ доказательствами и уликами, то отсюда ясно, очевидно и безспорно, что и состязаніе, и рѣшеніе происходятъ въ рѣзко очерченномъ и ограниченномъ кругѣ, на почвѣ фактовъ, въ предѣлахъ источниковъ; а источниками только и могутъ быть 4 тома предварительнаго слѣдствія, 2 т. производства окружнаго суда и судебной палаты и дополненіе судебнаго слѣдствія. Закономъ установленная необходимость позабыть все, внѣ дѣла лежащее, имѣетъ громадное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, потому что на канвѣ дѣйствительности, какъ бурьянъ, поросли сказки, легенды и миѳы, которые приходится корчевать и вырывать, чтобы добраться до истины. Отрѣшаясь отъ сказочнаго элемента, судебное изслѣдованіе по источникамъ, согласно закону должно поступать въ изслѣдованіи правды точно тѣми же путями, какъ и всякое изслѣдованіе истины, напр., изслѣдова-

ніе историческое. Былъ фактъ въ исторіи, изъ него возникла быль, сказаніе, легенда, которыя составляютъ ходячее, хотя и превратное представленіе о предметѣ; ложь перемѣшалась съ истиной. Что дѣлаетъ историкъ? Онъ отрицаетъ всю легенду, кропотливо возстановляетъ истину по источникамъ и являетъ фактъ въ новомъ видѣ. Можетъ быть новое, добытое такимъ образомъ, представленіе и не совершенно совпадаетъ съ дѣйствительностью, можетъ не вполнѣ изобразить ее, но оно, тѣмъ не менѣе, несравненно ближе къ истинѣ, гораздо правдивѣе, нежели всякія легенды.

Доказавъ, такимъ образомъ, что изслѣдованіе должно быть производимо только по источникамъ и что было бы противозаконно основывать его на чемъ либо еще иномъ, кромѣ источниковъ, я позволю себѣ еще изложить какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться этими мною уже исчисленными источниками. Способы и пріемы пользованія источниками находятся въ тѣснѣйшей связи съ устройствомъ суда. Каждый своеобразно устроенный судъ иначе функціонируетъ, и есть коренное различіе въ этомъ отношеніи между судомъ съ присяжными, окончательно рѣшающимъ дѣла въ одной инстанціи, и судомъ тифлисской палаты, рѣшающимъ дѣла по апелляціи. Основной типъ судопроизводства по судоустройству есть судъ съ присяжными. Къ нему примѣнены и приспособлены почти всѣ кассаціонныя рѣшенія, даже и такія, которыя имѣютъ самый общій характеръ. Въ судѣ съ присяжными источники предлагаются далеко не всѣ; здѣсь заботливо усѣкаются, такъ сказать, всѣ дикія вѣтви; запрещено читать и собственныя признанія, и опыты дознанія, и нѣкоторые документы; не могутъ быть подвергнуты подъ опыты судебнаго слѣдствія и вещественныя доказательства. Вы, господа судьи, гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи, вы разсматриваете все дѣло отъ первой страницы до послѣдней, вы знаете его полнѣе, нежели присяжные, вы знаете больше, но и къ источникамъ вы съ молоду

привыкли относиться критически, для васъ не существуетъ причинъ, заставляющихъ законодателя искуственно устранять тѣ изъ источниковъ, которымъ онъ не совсѣмъ довѣряетъ. Какъ историкъ пользуется всѣми ими, такъ и вы воспользуетесь всѣми источниками, и позволите мнѣ ссылаться на всякій источникъ, лишь бы онъ имѣлся въ дѣлѣ. Но вслѣдствіе того, что вы разсматриваете дѣло во второй инстанціи, не повторяя всего судебнаго слѣдствія, знаніе ваше менѣе непосредтвенное, изученіе менѣе наглядное, опытъ вашъ имѣетъ болѣе книжный, бумажный характеръ; каждая буква въ протоколѣ что нибудь да вѣситъ и вы не будете мнѣ препятствовать, когда я буду взвѣшивать слова, буквы и даже запятыя, уничтожая измышленія, искаженія истины и прикрасы въ самомъ ихъ зародышѣ.

Кромѣ этихъ двухъ существенныхъ различій есть еще одно третье, которому приписываютъ большое значеніе, но на которое я попрошу не обращать никакого вниманія. Оно заключается въ томъ, что, такъ какъ присяжные ничѣмъ не мотивируютъ своего рѣшенія, а вы обязаны мотивировать, то судъ присяжныхъ въ своихъ осужденіяхъ несравненно смѣлѣе и рѣшительнѣе, что судъ присяжныхъ можетъ и долженъ брать болѣе на свою совѣсть. Юстиція присяжныхъ способна ошибаться и увлекаться, но она менѣе дискредитируется, потому что она юстиція по преимуществу народная. Когда есть, и несомнѣнно есть фактъ преступленія на лицо, а съ другой стороны въ обвиняемомъ сильные къ совершенію его мотивы, удостовѣренные порывы и стремленія къ тому, чтобы воспользоваться плодами жизни, или, по крайней мѣрѣ, напряженное выжиданіе результата, то сотни разъ я это видѣлъ и испыталъ, для совѣсти присяжныхъ этого достаточно: смѣло перекидывается воздушный мостъ стройною аркою отъ преступленія къ мотивамъ, хотя бы въ дѣлѣ не было и малѣйшаго слѣда руки обвиняемаго. Отъ васъ, господа судьи, стоящихъ превыше страстей и увлече-

ній народныхъ, обязанныхъ отдавать отчетъ въ каждомъ вашемъ выводѣ, обыкновенно требуется чтобы, даже при наличности факта преступленія и мотивовъ, виновность подсудимаго только тогда признавалась, когда есть какое нибудь хотя бы малое, но удостовѣренное внѣшнее дѣяніе обвиняемаго въ преступленіи, видимое проявленіе его воли въ мірѣ внѣшнемъ по пути къ преступленію. Допустимъ, что Н. Андреевская удавлена и потомъ въ воду брошена, допустимъ, что отысканы правдоподобные мотивы, зачѣмъ подсудимые Чхотуа и Габисонія желали ея смерти. Но докажите, что по ея шеѣ и груди проходила ихъ рука, докажите это по отношенію къ каждому изъ нихъ, а если не можете сдѣлать этого, то докажите, что существовалъ между ними общій на умерщвленіе Н. Андреевской уговоръ. Это требованіе, которое всегда почти и не безрезонно ставилось по отношенію къ судамъ изъ техниковъ и которое вытекаетъ изъ того, что отъ нихъ и ожидается всегда менѣе вообще осуждающихъ приговоровъ, но также, такъ какъ они свѣдущіе судьи, менѣе и плачевныхъ судебныхъ ошибокъ, имѣетъ громадное значеніе для тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые являются спутниками другихъ свѣтилъ, мерцаютъ въ ихъ блескѣ и осуждаются за одно, по общему правилу: «да кто ихъ тамъ разберетъ»! Таковы въ данномъ дѣлѣ Габисонія и Н. Чхотуа, таковъ былъ бы и Мелитонъ Кипіани, если бы прокуроръ не составилъ заключенія о прекращеніи относительно его преслѣдованія. Были на мѣстѣ преступленія въ моментъ совершенія его, и отчего о немъ не знаютъ? Значитъ виноваты.

Я заявилъ, что, сообразуясь съ условіями устройства и производства суда, я могъ бы съ полнымъ основаніемъ стоять на этой почвѣ и, допуская, что могло совершиться удавленіе, утверждать, что виновность въ немъ подсудимыхъ не доказана, не доказано ихъ участіе, что Нина А. можетъ быть убита, но не они убійцы, что невѣдомые люди могли проникнуть въ садъ, спус-

титься въ немъ и сбросить съ обрыва свою жертву въ воду, что могли сторожить ее когда она вошла въ воду и стала купаться, и тогда ее удавили, и мало ли можно сдѣлать подобныхъ предположеній, не совсѣмъ правдоподобныхъ, но физически не невозможныхъ. Но, господа судьи, я отъ этого средства отказываюсь, я его откидываю, какъ ненужное, я на вашихъ глазахъ сожигаю мои корабли. Я становлюсь прямо и безъ колебаній на точку зрѣнія суда и усваиваю себѣ слѣдующую дилемму: 1) либо Н. Андреевская утонула случайно, и тогда уголовному правосудію нечего дѣлать; 2) либо она убита и брошена потомъ въ воду, но убита никѣмъ инымъ, какъ домашними, и тогда въ числѣ этихъ домашнихъ были или какъ подстрекатели, или какъ физически виновные, или, по крайней мѣрѣ, какъ пособники и укрыватели, Д. Чхотуа и Габисонія, но не Н. Чхотуа, который могъ, по мнѣнію суда, ничего не знать о преступленіи и о которомъ мнѣ придется говорить особо, по поводу прокурорскаго протеста.

Поставивъ эту дилемму, я разрѣшаю ее прямо и ставлю какъ тезисъ, который я долженъ доказать и который я надѣюсь доказать, тезисъ въ полной истинѣ котораго я глубоко убѣжденъ и который для меня яснѣе бѣлаго дня, а именно, что Н. Андреевская, купаясь, утонула, и что, слѣдовательно, въ смерти ея никто не виноватъ.

Чтобы доказать этотъ тезисъ, пойдемъ за трупомъ Н. Андреевской съ того момента, когда онъ отысканъ въ Каранаѣ, прослѣдимъ обратно тотъ путь, который былъ пройденъ этимъ трупомъ, дойдемъ до мѣста на площадкѣ, гдѣ найдено ея платье, до минуты, когда она разсталась съ матерью и до предшествовавшихъ ея исчезновенію обстоятельствъ, и при этомъ разборѣ фактовъ будемъ перебирать, какъ зерна въ четкахъ, всѣ до одной изъ нихъ, которые нанизаны одно на другое, какъ обвиненіи подсудимыхъ улики. При этомъ разборѣ я надѣюсь васъ убѣдить, что ни одна улика не уцѣлѣетъ,

что всѣ онѣ раскрошатся въ мелкій песокъ; однѣ изъ нихъ изъ фактовъ обратятся въ противное тому—небылицы, другія получатъ смыслъ безразличныхъ, третьи—сомнительныхъ, и весь искуственно построенный замокъ обвиненія превратится въ марево, въ миражъ.

Я кончилъ мои предварительныя объясненія, извиняясь за ихъ длинноту, но такова ужъ моя усвоенная привычка обращать прежде всего вниманіе на пріемы и методы изслѣдованія. Во всякомъ изслѣдованіи они то главное, они почти все, всякая погрѣшность коренится въ ошибочномъ пріемѣ, въ ложномъ методѣ.

За симъ прошу перенестись мысленно въ Караязъ и присутствовать при обстоятельствахъ отысканія и вскрытія трупа.

22 іюля 1876 года, въ среду, въ самый день таинственнаго происшествія исчезновенія Н. Андреевской, два рыбака спустились утромъ въ Ортачалы на бурдюкахъ. Черезъ часъ, въ полдень, они остановились въ Навтлугѣ, а въ сумерки прибыли въ село Таклы. Одного звали Пидуа Менабди-Швили, другого—Эстате Чіаберовъ, по прозванію Наташка. Такловъ два: по лѣвой сторонѣ Куры - Кара - Таклы и по правой - Акъ - Таклы. Возьму предположеніе, наиневыгоднѣйшее для подсудимыхъ, именно, что они ночевали въ Акъ - Таклы. По протоколу судебнаго слѣдствія, по словамъ Чіаберова - Наташки, они ночевали не въ Акъ-Таклахъ, а въ мѣстности, находящейся близко Акъ - Таклы и называемой Кенчи - Кара. Съ восходомъ солнца (которое бываетъ по календарю въ концѣ іюля въ 4 часа 58 минутъ, возьму для округленія счета 5 часовъ) они умылись и пошли внизъ, до праваго развѣтвленія Куры, къ тому мѣсту, гдѣ были разставлены еще прежде того ими сѣти и надо было повѣрить привѣшенные къ сѣтямъ крючья. Мѣсто, гдѣ были сѣти и крючья, отстояло отъ мѣста ночевки, какъ этотъ судъ отъ Татарскаго майдана, во всякомъ случаѣ болѣе версты. Я полагаю, что minimum надо дать на путь полчаса. И такъ, въ $5^1/_2$ ча-

совъ утра они осмотрѣли сѣти и разошлись, Пидуа пошелъ вверхъ, Эстате Чіаберовъ внизъ. Но всетаки они отстояли другъ отъ друга на разстояніи человѣческаго крика. Спустя 1½ или 2 часа, говоритъ Чіаберовъ, я услышалъ крикъ Пидуа; солнце уже было порядочно высоко. Крикъ былъ вызванъ видомъ трупа, и находка трупа произошла, такимъ образомъ, въ 7 или 7½ часовъ, что совпадаетъ и съ словами Пидуа: солнце не было еще очень высоко, т. е. далеко было ему до апогея высоты. Трупъ этотъ плылъ свободно по водѣ въ бѣльѣ и браслетахъ, съ распущенными волосами, закрытыми глазами и ртомъ. Лицо бѣлое, спокойное, какъ у спящаго ангела; ноги были у нея раздвинуты на два вершка, руки приподнятыя вверхъ, у локтей обгибали грудь. Экспертъ по части утопленниковъ, Пидуа, видѣвшій болѣе 15 труповъ, не вытерпѣлъ и сдѣлалъ слѣдующую индукцію, образчикъ эмпирическоіі индукціи, которая едва ли найдетъ оправданіе вь судебной медицинѣ: трупъ женщины всегда плыветъ на спинѣ, а мужчины вверхъ спиною. Вѣроятно онъ плылъ ногами впередъ. Мѣсто, гдѣ трупъ отысканъ, находится ниже караязскаго моста, слѣдовательно, у развалинъ Риша-кала. Рыбаки раздѣли трупъ донага и, помѣстивъ его на островку, приняли мѣры, чтобы дать знать властямъ о находкѣ. Въ верстѣ отъ мѣста находки трупа по направленію къ Тифлису, въ шабуровской мѣстности, они натолкнулись на собиравшихся въ городѣ крестьянъ Ивана Арутинова и Гигола Каракозова, и которые, хотя собирались въ городъ, но пришли на островокъ поглядѣть на трупъ. Общее впечатлѣніе всѣхъ 4-хъ то, что трупъ былъ свѣжій, чистый; а между тѣмъ тогда былъ уже голый; никакихъ рѣшительно не было поврежденій и знаковъ, ни на шеѣ, ни на груди (ссадинъ), ни царапинъ, а только, говорятъ Пидуа и Чіаберовъ, что было синее пятно на лѣвой рукѣ. По показаніямъ Пидуа и Цинамзгварова синее пятно было ниже сгиба, на самой кисти лѣвой руки. Я прошу обратить вниманіе на

эти, совершенно согласныя между собою, четыре показанія: это не то что не замѣтили, а то что совершенно не было никакихъ пятенъ и подтековъ. Когда трупъ подняли, по словамъ какъ Пидуа такъ и Арутинова, изъ рта вылилась кровь красноватая, какъ бы разбавленная водою. Пидуа говоритъ, что жидкости вытекло нѣсколько капель, а Арутиновъ говоритъ—ложки двѣ.

Пидуа при передопросѣ пояснилъ: это была жидкость, въ которую замѣшана была кровь.

Нагой трупъ тутъ же для предохраненія отъ быстраго разложенія зарыли въ яму, конечно, не глубокую, засыпали пескомъ, прикрывши его хворостомъ. Ясно, что къ тѣлу не могли не пристать земляныя частицы, но я долгомъ считаю сказать, что, по показаніямъ Пидуа и Кобіева, въ рукахъ между пальцами, подъ ногтями не было найдено ни земли, ни песку. Черезъ день потомъ, т. е. 24 іюля въ 7 часовъ вечера, произведено полиціею при докторѣ Мревловѣ, съ замѣчательною неточностью и небрежностью, вскрытіе трупа для перенесенія его въ анатомическій театръ. Полиція, Мревловъ, Кобіевъ, Цинамзгваровъ стояли на берегу и послали на островъ раздѣтыхъ рыбаковъ, Арутиновыхъ, которые, откопавъ трупъ, сплавили трупъ нагой по рѣкѣ къ мѣсту, гдѣ стояли изслѣдователи, причемъ, конечно, трупъ былъ обмытъ отъ земляныхъ частицъ и песку, и если были какія нибудь песчинки или былинки между пальцами и подъ ногтями, то онѣ должны были исчезнуть. Отъ пребыванія его въ ямѣ неглубокой остались наружные слѣды, глубокіе и узкіе желоба, вѣроятно, отъ хворосту, въѣвшагося въ потерявшую всякую окоченѣлость и размягченную отъ разложенія массу.

Кромѣ того говорится, что на пальцахъ ногъ кожа представилась поверхностно изъѣденною, вѣроятно, полевыми крысами. Пребываніе въ водѣ сдѣлало свое дѣло въ совокупности съ жгучимъ зноемъ іюльскаго солнца. Трупъ былъ въ полномъ гніеніи. Обѣ щеки, вѣки, шея

и верхъ груди представляли видъ темнокрасныхъ поверхностей съ синимъ отливомъ, покрытыхъ пузырями. Тоже представляли спина, оба бока груди и живота, мѣста подъ колѣнами, заднія поверхности обѣихъ верхнихъ конечностей, а также уши; съ спины и съ предплечій даже кожа слупилась. Тѣло сдано цирюльнику Шахъ-Незидову, который прокололъ его булавкою, или бистурмомъ на животѣ въ двухъ мѣстахъ, и доставлено въ анатомическій театръ въ Тифлисъ. Бѣглый, небрежный, поверхностный протоколъ 24 іюля едва отмѣтилъ нѣкоторыя подробности.

Настоящее изслѣдованіе началось только въ анатомическомъ театрѣ 25 числа, ровно черезъ двое съ половиною сутокъ послѣ исчезновенія Н. Андреевской, т. е. чрезъ 61 часъ отъ момента ея предполагаемой смерти. Было ли оно полное, было ли оно точное, вотъ въ чемъ да будетъ мнѣ позволено усомниться. Дѣятельность врачей должна быть двоякая: констатированіе фактовъ въ актахъ осмотровъ и выводы заключеній. Разсмотримъ отдѣльно и то и другое.

Съ формальной стороны все какъ слѣдуетъ. Произведенъ наружный осмотръ, а затѣмъ вскрытіе головы, брюшной и грудной полостей, и при этомъ наружномъ осмотрѣ пропущены несомнѣнно существовавшіе на трупѣ знаки, неупомянуты проколы булавками на животѣ фельдшеромъ Шахъ-Незидовымъ, ни даже такой важный признакъ, по которому трупъ признанъ 24 іюля за трупъ Н. Андреевской со стороны Шарвашидзе, Андреевской и Чхотуа, а именно порубленіе, т. е. отсѣченіе указательнаго пальца лѣвой руки. За то въ актѣ осмотра вошли текстуально совсѣмъ непринятые и не провѣренные экспертизою, а я полагаю, что докажу, ошибочныя удостовѣренія со стороны слѣдователя, неимѣющаго права ничего подобнаго удостовѣрять, потому что оно для него искомое, а именно, что Н. Андреевская не могла сойти на площадку, что ея ботинки не загрязнены, что слѣдовательно, правдоподобно, она не

утонула, а инымъ образомъ была изведена. Вмѣсто того, чтобы сказать имъ: вотъ вамъ трупъ, спорный вопросъ: утонула ли Андреевская, или была убита и въ воду брошена,—имъ предлагаютъ все слѣдствіе въ извлеченіи съ готовымъ уже заключеніемъ: она убита, и заставляютъ искать признаковъ, которые бы соотвѣтствовали этому заключенію. И вмѣсто того, чтобы отстоять самостоятельность своего изслѣдованія, медики вносятъ заключеніе въ свой актъ и изъ осмотра выпускаютъ все то, что не имѣетъ съ нимъ прямой связи, вопреки 1766 ст. уст. суд. мед., которая предписываетъ записать въ актъ даже рубцы, бородавки и родимыя пятна, не только отсутствіе одного изъ членовъ тѣла. Слово «ноготь» измѣнено въ «палецъ», такъ какъ обезображенъ былъ указательный палецъ, вслѣдствіе бывшаго, вѣроятно, ногтоѣда. Изъ осмотра извлекаемъ черты, считаемыя мною существенными: конецъ языка прижатъ, ротъ и глаза закрыты, изъ рта выходила сукровица, тѣло распухшее, кожа облѣзаетъ, гдѣ были багровыя пятна, тамъ теперь, какъ на головѣ, шеѣ, груди, бокахъ, зеленыя трупныя пятна. Есть и сине-багровыя пятна съ сильными кровоподтеками; на обѣихъ бедрахъ въ $^1/_2$ ладони, ниже того два, величиною въ двугривенный; а также на спинѣ, подъ лопаткою, на поясницѣ, на обѣяхъ плечахъ, на обѣихъ голеняхъ.

Внутренній осмотръ представляетъ слѣдующее: подъ кожею на всѣхъ костяхъ черепа обширные кровоподтеки въ видѣ рыхлыхъ темныхъ шариковъ, лежащихъ сплошною массою. Мозгъ малокровенъ, сильно разложенъ, безъ всякихъ признаковъ кровоизліянія. Кости цѣлы. На груди, при полной цѣлости реберъ, кровоподтеки въ грудныхъ мышцахъ въ видѣ острововъ. Легкія не спали, блѣднокровныя; сердце пусто, въ околосердной сумкѣ обильное скопленіе серозной жидкости. Въ желудкѣ ничего особеннаго, ни малѣйшихъ признаковъ отравленія, но нѣтъ и воды; мочевой пузырь пустой. Въ дѣтородныхъ частяхъ слизистая оболочка влагалища блѣдна,

что представляетъ важный признакъ отсутствія регулъ. Селезенка умѣренно сокращена. Наконецъ, на шеѣ, противъ яремной впадины, между мышцами шеи кровоподтекъ въ двугривенный; безъ повреждения хрящей, съ покраснѣлою слизистою оболочкою гортани и дыхательнаго горла, но безъ пѣнистой жидкости. Таковы главные факты. Посмотримъ же теперь на заключеніе.

Заключеніе состоитъ изъ отрицательныхъ и положительныхъ результатовъ. Отрицательный результатъ есть тотъ результатъ, въ которомъ всѣ эксперты, Горалевичъ, Главацкій, Блюмбергъ и Павловскій, согласились съ поразительнымъ единогласіемъ, а именно въ томъ, что никакихъ признаковъ утопленія нѣтъ, потому что нѣтъ двухъ признаковъ, постоянныхъ и характеристичныхъ смерти отъ утопленія, а именно пѣны у рта и отека легкихъ, и менѣе постоянныхъ—воды въ желудкѣ и песку подъ ногтями. Пѣна въ гортани остается трое сутокъ, потомъ она переходитъ въ плевру, остается слизь, которую можно разсмотрѣть еще въ третьи сутки. Отекъ въ легкихъ увеличиваетъ ихъ въ объемѣ; они нажимаютъ на вдавливающія ихъ ребра и только тогда, когда жидкость просочится въ сосѣднія ткани, легкія спадаютъ и являются въ половину своей прежней величины. Въ данномъ случаѣ не было ни отека, ни спаденія.

Установилось также полное единодушіе и по важнѣйшему изъ пунктовъ положительнаго результата, по вопросу о кровоподтекахъ. Тѣ свертки крови густыми массами, которые замѣчены на всѣхъ почти частяхъ тѣла, признаны прижизненными явленіями травматическаго происхожденія, т. е. причиненными Н. Андреевской насиліемъ извнѣ, причемъ признано неправдоподобнымъ, чтобы они могли появиться отъ ударовъ утопающей или только что утонувшей, у которой только что прекратилась жизнь, но продолжаются еще сокращенія сердца и кровеобращеніе. Выводъ этотъ сдѣланъ рѣшительно и категорически, какъ ножемъ отрѣзано. Крово-

подтеки не могли быть смѣшаны съ трупными явленіями. Горалевичъ даже опредѣлилъ, что ударовъ было нанесено не 1, а 4; цѣлыхъ 4, ни болѣе, ни менѣе. По словамъ Главацкаго, былъ нанесенъ ударъ твердымъ тѣломъ, не особенно сильный. По словамъ Блюмберга, кровоподтеки служатъ признакомъ удавленія, травматическаго поврежденія и вообще насилія, болѣе несомнѣннымъ, нежели петля, затянутая на шеѣ какого нибудь трупа. Павловскій заявилъ, что посмертные подтеки никогда не бываютъ въ сверткахъ и смѣшать кровоподтеки съ трупными пятнами почти невозможно. Полное отсутствіе ссадинъ и ранъ заставило экспертовъ придти къ заключенію, что подтеки могли произойти либо отъ ушибовъ не особенно сильныхъ, либо отъ давленія. Особенно поражали подтеки на черепѣ и подтекъ на шеѣ противъ подъяремной впадины, величиною въ двадцати копѣечную монету.

При оцѣнкѣ вліянія кровоподтековъ на смерть Н. Андреевской произошли споры, и мнѣнія раздѣлились. Самый осторожный изъ врачей, Главацкій, формулировалъ свой взглядъ довольно неопредѣленно. По его словамъ, смерть произошла отъ асфиксіи, т. е. отъ преграждѣнія доступа воздуха къ легкимъ. Заключеніе довольно эластичное, потому что подъ него подходитъ и насильственно удушенный зажатіемъ рта, и захлебнувшійся, потерявшій сознаніе и переставшій дышать самоутопленникъ. Остальные врачи возстали всѣ, защищая внѣшнее насиліе съ поврежденіями. По мнѣнію Павловскаго, Н. Андреевская была удавлена нажатіемъ на шеѣ безъ поврежденія гортаннаго хряща, а по мнѣнію Блюмберга, главную роль играли не знаки на шеѣ, а удары по головѣ, которые причинили сотрясеніе мозга. Заключеніе удобное и трудно опровержимое, въ виду того, что во 1-хъ, мозгъ былъ въ состояніи полнаго разложенія, недопускавшаго изслѣдованія, и во 2-хъ, сотрясеніе мозга не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, слѣдовательно нѣтъ предположенія какъ предположеніе,

оно неопровержимо, его и провѣрить то нельзя. Ученый споръ кончился, какъ не всегда бываетъ, соглашеніемъ въ духѣ эклектизма, въ смыслѣ допущенія единовременно всѣхъ противоположныхъ системъ, въ родѣ мольеровскаго изреченія: Passez moi la rhubarbe, et je vous accorde la sèné.

Главацкій признаетъ травматичность подтековъ и сотрясеніе мозга и думаетъ, что смерть произошла скорѣе отъ удушенія, нежели отъ утопленія, хотя признаки и той и другой смерти одинаковы. По мнѣнію Горалевича, смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ наружныхъ поврежденій, т. е. отъ давленія на горло и грудную клѣтку. Павловскій приписываетъ подтекъ въ яремной впадинѣ давленію, которое прекратило доступъ воздуха къ легкимъ и такимъ образомъ причинило удушеніе. Блюмбергъ, отстаивая свою гипотезу о commotio cerebri, знаетъ даже самымъ точнымъ образомъ, какъ совершилось убійство: сначала были нанесены удары по головѣ, удары эти не произвели мгновенной смерти, а привели Н. Андреевскую въ безсознательное состояніе, въ которомъ она была удушена и тотчасъ брошена въ воду. Но г. Блюмбергъ знаетъ весьма многое, и не только по предметамъ, относящимся къ его спеціальности; онъ знаетъ, напр., какъ значится въ судебномъ протоколѣ, что трупъ вовсе и не плылъ по рѣкѣ, а такъ только былъ положенъ на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ его и обрѣли рыбаки.

Такова главная суть заключенія экспертовъ, изъ котораго я выпускаю все второстепенное, какъ напр., разсказы объ илѣ и пескѣ, которыхъ нѣтъ, а быть непремѣнно должны у утопленниковъ на глубокихъ мѣстахъ, о водѣ въ легкихъ и желудкѣ, которой можетъ не быть, о пустомъ мочевомъ пузырѣ, на пустотѣ котораго настаиваетъ г. Блюмбергъ, но тутъ же замѣчаетъ, что этотъ признакъ отвергаютъ ученые. По особенному свойству нашего дѣла весь ключъ позиціи въ томъ, что составляло предметъ экспертизы: утонула ли, или

была убита и брошена въ воду? Внѣ этого вопроса все остальное, какъ я постараюсь доказать, не важно и мелочь. И по этому вопросу въ отвѣтахъ экспертовъ уже былъ вынесенъ подсудимымъ готовый приговоръ: убита. Суду оставалось только либо усомниться и призвать другихъ еще болѣе опытныхъ экспертовъ, либо приложить, такъ сказать, къ готовому осужденію свою печать, потому что ни я, ни мой почтенный противникъ, ни господа судьи не знаемъ, не можемъ, и не вправѣ по незнанію своему рѣшать, какіе признаки на трупѣ соотвѣтствуютъ утопленію, и какіе удавленію. Судъ такъ и сдѣлалъ. Но послѣ того возникаетъ вопросъ, какой смыслъ сторонѣ, хотя бы и осужденной, возражать противъ такого приговора, произнесеннаго представителями науки. Я, господа, уважаю всякій законный, по закону юридическому или по природѣ и законамъ вещей, авторитетъ, но я не допускаю авторитетовъ безусловныхъ, въ особенности когда отъ оракула этого авторитета зависитъ судьба человѣка, смертная казнь или каторжныя работы. Что можетъ быть святѣе и крѣпче третейскаго рѣшенія по формальной записи, а и оно можетъ быть кассировано судомъ; точно также, что можетъ быть сильнѣе слова, произнесеннаго представителемъ науки во имя науки, но и это слово можетъ быть уважено или не уважено, и не должно быть уважено, когда въ немъ нѣтъ условій, при которыхъ оно становится убѣдительнымъ. Когда же оно становится убѣдительнымъ то и тогда, какъ извѣстно, судъ юридически ему не обязанъ подчиняться. Но возможны случаи, когда онъ и нравственно не обязанъ ему подчиняться. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о соотношеніи двухъ авторитетовъ — суда и науки, — вопросъ, который не ясно понимался и криво поставленъ даже въ рѣшеніи Тифлисскаго окружнаго суда. Да будетъ мнѣ позволено сосредоточить на нѣкоторое время на немъ вниманіе палаты. Всякій судебный приговоръ есть логическая дедукція, всякая дедукція имѣетъ форму силлогизма; каждый, кто совершилъ тако-то дѣя-

ніе, подлежитъ такому-то наказанію, говоритъ законъ,—это большая посылка. *А* совершилъ такое-то дѣяніе—меньшая посылка, выражающаяся въ вердиктѣ присяжныхъ. Слѣдовательно, *А* подлежитъ такому-то наказанію, дополняетъ судъ въ своей резолюціи. Въ общемъ ходѣ и работѣ судебной дедукціи есть эпизоды, къ числу которыхъ принадлежитъ и экспертиза. Она тоже вся построена въ формѣ силлогизма, въ выводѣ котораго участвуютъ и эксперты, и судъ.

Дедукція съ помощью экспертовъ имѣетъ слѣдующій видъ. Большая посылка представляется въ такомъ видѣ: Если есть на лицо признаки 1, 2, 3, то имѣло ли мѣсто удушеніе, или отравленіе, или изгнаніе плода? Этого положенія никто не можетъ вывести, кромѣ спеціалиста, не только спеціалиста по медицинѣ вообще, но и спеціалиста по судебной медицинѣ. Есть люди, которые всю жизнь посвятили подаванію помощи живому больному человѣку, которымъ, однако, я не довѣрю вовсе рѣшать вопросъ о причинахъ смерти субъекта, котораго они не наблюдали живымъ, какъ не совѣтую обращаться ко мнѣ, хотя и юристу, по финансовому вопросу, потому только, что мнѣ, какъ юристу, не можетъ быть чуждо и финансовое право, или по вопросамъ по архитектурѣ, потому что я, будучи, напримѣръ, искуснымъ человѣкомъ въ построеніи рѣчи, долженъ быть искуснымъ и во всякомъ другомъ строеніи, даже каменныхъ зданій. Большая посылка это положеніе, недоступное для профановъ. Но если оно въ себѣ самомъ заключаетъ противорѣчіе, если оно чисто эмпирическое, т. е. предлагаетъ фактъ голый, но не объясняетъ законовъ факта; если оно, наконецъ, совсѣмъ противно популярному книжному значенію, столь нынѣ распространенному посредствомъ печати, то понятно, что и судъ можетъ и долженъ усомниться въ большой посылкѣ и либо эту посылку совсѣмъ отвергнуть, либо обойтись вовсе безъ экспертизы, или же обратиться къ другимъ оберъ-свѣдущимъ людямъ, спеціалистамъ въ квадратѣ.

Что касается до второй посылки, то она ставится такъ, въ данномъ случаѣ, напримѣръ: на тѣлѣ Андреевской найдены такіе-то признаки, соотвѣтствующіе понятію убійства, удушенія, отравленія. Въ выводѣ этой посылки, которая заимствована изъ протоколовъ и свидѣтельскихъ показаній, оба элемента, и судьи и эксперты, принимаютъ одинаково живое и непосредственное участіе, контролируя другъ друга. Слѣдовательно, если экспертъ выдаетъ за признакъ то, чего никто изъ свидѣтелей не говоритъ, или то, чего вовсѣ нѣтъ въ visum repertum, то судъ вправѣ сказать: этого признака нѣтъ, онъ фальшивъ, это фантазія, устранить его совсѣмъ.

Когда есть обѣ посылки, то заключеніе слѣдуетъ само собою и его выводитъ самъ судъ, уже съ совсѣмъ безъ экспертовъ, при чемъ онъ юридически можетъ и не вывести его. 533 ст. уст. гр. судопр. примѣняется и къ уголовному производству. На основаніи этой статьи судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, несогласному съ достовѣрными обстоятельствами дѣла, но нравственно обязанъ подчиниться, коль скоро оно стойко и выдерживаетъ пробу тѣхъ критеріевъ, которые я имѣлъ честь изложить.

Изложивъ логическія основанія, по которымъ и профаны, каковы судьи и стороны, могутъ, конечно не по существу, а только съ внѣшней стороны, съ кассаціонной, такъ сказать, точки зрѣнія, отнестись къ дѣлу, я позволю себѣ примѣнить эти критеріи къ экспертизѣ по дѣлу Н. Андреевской.

Я думаю, что не обижу и не скажу ничего непріятнаго для гг. экспертовъ Блюмберга, Главацкаго, Горалевича и Павловскаго, сказавъ, что они не то что дилетанты, но и не полные спеціалисты, такъ сказать, полуспеціалисты, такіе напр., какимъ былъ бы я критикомъ, если бы мнѣ дали разрѣшать тонкіе вопросы права полицейскаго, финансоваго или административнаго. Всѣ гг. эксперты — искусные люди въ принесеніи по-

[illegible] самому больному человѣку, но не въ изслѣдованіи причины смерти умершаго.

[illegible] судебной медицины, этой крайней специальности [illegible] круга медицинскихъ знаній,—предметъ второстепенный. Остается она въ нашихъ тетрадяхъ, да въ [illegible] учебникахъ, да собственный опытъ— [illegible] открытій, а эти опыты куда какъ недостаточны [illegible] способствуетъ образованію поспѣшныхъ [illegible] выводовъ изъ нѣсколькихъ случайныхъ примѣровъ.

Ни одинъ изъ экспертовъ не могъ объяснить признаковъ утопленія и удавленія генетически: они говорили что, но не говорятъ: почему?... За то явились сомнѣнія, напримѣръ у г. Блюмберга о пустотѣ мочевого пузыря, отъ которой онъ самъ долженъ былъ отказаться, и совершенно такія же основательныя, какъ сомнѣнія [illegible], что утопленники плывутъ вверхъ спиною, а удавленники на оборотъ. При такой экспертизѣ [illegible] специалистовъ весьма важное значеніе имѣетъ [illegible] книжки. Знаніе у насъ не хранится подъ спудомъ: есть по каждому знанію печатные учебники, [illegible] опытъ цѣлыхъ вѣковъ, изложенный въ доступной формѣ. Если эти книжки говорятъ прямо противное тому, что говорятъ живые эксперты, то я не совѣтовалъ бы судить по книжкамъ, по причинамъ, которыя я потомъ изложу, но я бы совѣтовалъ не вѣрить и экспертамъ относительно этого факта, а разъ не вѣришь этимъ фактамъ, то все обаяніе ихъ авторитета пропало, — не вѣришь имъ совсѣмъ. Авторитетъ есть нѣчто цѣлое, какъ заговоръ. Разъ въ одномъ пунктѣ его провалишь, онъ провалится и во всей своей цѣлости. Но даже одинъ бѣглый просмотръ книжекъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ употребительнѣйшихъ учебниковъ достаточенъ, чтобы пошатнуть всю вѣру въ экспертизу. Книжки говорятъ противное тому, что экспертиза. Господа, я не специалистъ, но учебники я перелистывалъ и вотъ что я нашелъ въ самыхъ употре-

бительнѣйшихъ изъ нихъ, каковы: Casper, Liman, для вскрытія труповъ, Mittelerweig, переводъ профессора Крылова, Briand et Chaudet, Tardieu и даже самый старый, но почетный Шауенштейнъ и друг. Относительно пресловутыхъ устойчивыхъ признаковъ утопленія, будто-бы отсутствующихъ въ трупѣ Н. Андреевской, то напр., еще у Шауенштейна говорится, что никакихъ признаковъ нѣтъ вѣрныхъ, устойчивыхъ, не постоянны даже пѣна, даже отекъ легкихъ. Одинъ признакъ, который здѣсь имѣется: гніеніе страшно быстрое и начинающееся сверху, съ головы, безусловно постояненъ. Даже не могутъ считаться таковыми пѣна и пѣнистая жидкость. Она дѣйствительно важна, но только тогда, когда смерть произошла отъ асфиксіи. Когда человѣкъ утопая, борется со смертью, реагируетъ и напрягаетъ силы, чтобъ дышать, тогда гортань, горло и бронхіи содержатъ всегда пѣну, но когда смерть происходитъ отъ обморока, тогда наступаетъ мгновенная пріостановка рефлекторнаго дѣйствія легкихъ, и дыханія, происходитъ потеря сознанія безъ боли отъ апоплексіи нервной въ выдыхательномъ положеніи грудной клѣтки и тогда дыхательное горло сухо, и содержитъ въ себѣ немного лишь воды безъ пѣны. Точно тоже можно сказать и объ отекѣ легкихъ. Увеличеніе легкихъ происходитъ отъ тойже причины, что и пѣна: отъ сильнаго вдыханія при борьбѣ со смертью; но во первыхъ, при смерти отъ обморока, при выдыхательномъ положеніи клѣтки увеличеніе легкихъ до такой степени слабый признакъ, что Миттелервейгъ не помѣстилъ его въ число признаковъ смерти отъ утопленія. Во вторыхъ, кромѣ того, я обращу вниманіе на слѣдующую странность въ словахъ экспертовъ. Они признали бы утопленіе, еслибы легкія были съ отечнымъ отпечаткомъ реберъ или спавшія, вслѣдствіе просоченія жидкости въ сосѣднія ткани, а если тѣло найдено въ моментъ перехода отъ одного состоянія въ другое, то, очевидно, не было бы ни того, ни другого, ни А. ни В., а среднее состоя-

ніе, не очень отечное, а съ легкою воздушною опухолью.

Но я имѣю болѣе серьезный упрекъ противъ экспертовъ нежели тотъ, что они приняли не серьезный признакъ—пѣну изо рта—за серьезный, я ихъ упрекаю въ томъ, что они не провѣрили существованіе этого признака въ данномъ случаѣ, который, по всей вѣроятности, былъ. Это нѣчто въ родѣ воды у рта, которая замѣчена Пидуа—нѣчто ни кровь, ни вода; вода разбавленная кровью, которой вылилось двѣ ложки, въ связи съ состояніемъ красноватости гортани и дыхательнаго горла, давали полное основаніе думать, что пѣна была, но исчезла, потому что произошло необычайно быстрое разложеніе трупа и сохраниться то на третій день она не могла. Гг. эксперты предпочли совсѣмъ игнорировать показаніе рыбаковъ и остановились на выводѣ: пѣны не нашли, а слѣдовательно ея не было. Одинъ изъ нихъ, Главацкій, объяснилъ показаніе рыбаковъ такимъ образомъ: пѣна могла исчезнуть, но осталась бы слизь, а слизи то и не было, гортань была сухая. Прошу обратить вниманіе на этотъ отзывъ. Онъ является exromptu, онъ не занесенъ въ visum repertum, онъ не подтвержденъ другими экспертами. Прямая обязанность суда была его исключить, именно потому, что, если этотъ важный и существенный признакъ имѣлъ мѣсто, то онъ долженъ былъ быть занесенъ въ актъ осмотра, а заявленный такъ поздно, теряетъ всякое значеніе. Судъ же его такъ таки безъ провѣрки и принялъ, хотя принятіе или не принятіе признака есть обстоятельство изъ области житейскихъ, а не научныхъ фактовъ, опредѣляемыхъ и провѣряемыхъ протоколами. И такъ оказывается, что не доказано отсутствіе устойчивыхъ признаковъ утопленія.

Еще менѣе оправдывается признаніе наличности удушенія, доказываемое кровоподтеками. Самый наглядный пунктъ положенія совершенно ложный: что подтеки не могли быть смѣшаны съ гипостозами или трупными

пятнами отъ просачиванія сыворотки съ кровянымъ пигментомъ сквозь капилляры въ сосѣднія ткани, и о томъ, что, какъ только есть кровяные свертки, такъ, непремѣнно, должны были имѣть мѣсто прижизненныя повреждения.

Миттелервейгъ говоритъ, что въ періодѣ гніенія кровоподтеки тоже измѣняются и тогда ихъ едва возможно отличить отъ гипостозовъ посредствомъ имбибиціи. Гипостозы представляютъ равномѣрно окрашенную поверхность, ихъ признаки рѣзки, такъ какъ они не проникаютъ глубоко въ ткань; но для опредѣленія ихъ надобно прорѣзать мышцу, а этихъ опытовъ именно и не дѣлали эксперты на черепѣ. Здѣсь то, что они называютъ подтекомъ, было прямо на кости, но не въ мышцахъ шеи, которой кожа не была окрашена, а только между ними было пятно, величиною въ двадцати копѣечную монету. Ихъ не было даже между ребрами. Въ visum repertum сказано, что разсѣянные островками сѣтки на реберныхъ мышцахъ проходили до надкостицы реберъ, но это заключеніе лично было выведено изъ сопоставленія красноты на ребрахъ съ краснотою на подкостицѣ, безъ сѣченія всей мышцы, которое едва ли было произведено. Бріанъ и Шоде говорятъ, что когда вырѣзанная кожица оказывается пропитанною кровью во всю толщину и эта жидкость оказывается густою и свернувшеюся, то почти съ достовѣрностью можно сказать, что эти поврежденія были причинены при жизни. Этихъ признаковъ нельзя повѣрить на visum repertum. Великій авторитетъ—Касперъ, основываясь на опытахъ своихъ, Энгеля и Бока, отвергаетъ, чтобы свертки крови доказывали происхожденіе прижизненное. Майръ говоритъ, что какъ только наступаетъ гніеніе, уже нельзя опредѣлить, имѣешь ли передъ собою прижизненный или посмертный свертокъ крови. Главная разница та, что при травматическихъ кровоподтекахъ границы подтека точнѣе и рѣзче обозначены, между тѣмъ какъ трупныя пятна болѣе расплывчаты, а въ данномъ

случаѣ подтеки описаны, какъ обширные, рыхлые, сплошные, на черепѣ, и какъ неопредѣленные островки на ребрахъ. Я думаю, что если не останавливаться на нѣкоторыхъ только кровоподтекахъ, а взять всѣ описанные въ visum repertum въ связи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ ссадинъ, ранъ, царапинъ и подкожныхъ подтековъ, то легко убѣдиться, что почтенные эксперты просто на просто смѣшали гипостозы съ экхимозами. Кровоподтековъ оказалось пропасть на головѣ, кругомъ черепа, въ мышцахъ реберъ, на бедрахъ, спинѣ, правой лопаткѣ, поясницѣ, бокахъ, обѣихъ голеняхъ, у колѣнъ; всѣ эти кровоподтеки на всѣхъ частяхъ туловища и головѣ признаны прижизненными. Для объясненія, какъ могли они произойти безъ окрашиванія кожи, такъ какъ трупъ былъ чистъ, и безъ внѣшнихъ знаковъ, каковы ссадины и проч., г. Главацкій долженъ былъ прибѣгнуть къ предположенію мягкой подстилки между кожею и бьющимъ предметомъ, вслѣдствіе чего кровь изливается не подъ кожицу, но въ мышцы. Но въ такомъ случаѣ были истязанія. Н. Андреевская была избита отъ головы до пятокъ, съ такими утонченными варварскими пріемами, которые не соотвѣтствуютъ ни короткому времени между ея исчезновеніемъ и обнаруженіемъ исчезновенія, ни мѣсту и обстоятельствамъ, которыя внушали осторожность, ни цѣли, которую могла полагать даже корысть или мщеніе. Зачѣмъ было надо колотить по плечамъ, и по бокамъ, да по головѣ чрезъ какую нибудь подушку? Многочисленность кровоподтековъ доводитъ предположеніе объ ихъ прижизненности до абсурда. Ясно, что мало мальски разсудительная критика должна была обнаружить, что признаки утопленія Н. Андреевской весьма вѣроятны, и напротивъ, признаки травматическихъ изліяній крови, слѣдовательно прижизненныхъ насилій, весьма сомнительны. Что предстояло суду? Либо повѣрить экспертамъ на слово, какъ авторитету, либо усомниться въ томъ, толкуютъ ли они согласно съ обстоятельства-

ми дѣла, извѣстными и суду по протоколу? отрицаютъ ли пѣну, когда она есть, отрицаютъ ли плытіе трупа, какъ напримѣръ Блюмбергъ, когда трупъ найденъ плывшимъ. Разъ усомнившись, судъ столь же мало можетъ видоизмѣнять, кодифицировать сужденія экспертовъ, какъ приговоръ присяжныхъ. Судъ не можетъ совладать съ большою посылкою, которой эксперты являются вѣщателями, онъ можетъ повѣрить оракулу и тогда принять цѣликомъ его изреченіе; либо потерять вѣру въ авторитетъ, и тогда отнестись къ экспертамъ, какъ къ недостовѣрному источнику. А затѣмъ что?... Затѣмъ либо надо самый вопросъ признать не рѣшеннымъ, т. е. сказать: можетъ быть удавлена, а можетъ быть утонула, и оправдать прямо и просто подсудимыхъ по общему правилу криминалистики, что всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу подсудимыхъ; либо—назначить новую и настоящую экспертизу. Въ мѣсто того судъ вышелъ изъ предѣловъ своей роли, заявилъ, что онъ вправѣ повѣрять, какъ экспертизу, такъ и научную основательность приводимыхъ въ опроверженіе ея выводовъ авторитетовъ, и явиться судьею между экспертами, требующими пѣны и ученымъ Окстономъ, который вскрывалъ 90 труповъ въ 55 часовое время послѣ смерти и пѣны не находилъ. Окстонъ не нашелъ пѣны, но не видно изъ протокола, не нашелъ ли онъ слизи, а слизи не было, какъ говорятъ эксперты, слѣдовательно, эксперты правы.

Я уже замѣтилъ, что слизь вѣроятно была, но не въ томъ ошибка, а въ томъ, что судъ является разборщикомъ спора между экспертами и книгою, которой они не читали, которая извѣстна только по отрывку изъ судебной медицины Бухнера; что хотя судъ даетъ предпочтеніе экспертамъ передъ книгою, но могъ дать предпочтеніе и книгѣ предъ экспертами, и на основаніи сочиненія, хотя и спеціальнаго, но достоинствъ котораго онъ оцѣнить не въ состояніи, рѣшилъ научный вопросъ, въ которомъ онъ, очевидно, столь же мало

[illegible] прійскомъ
[illegible] ...мъ.
[illegible] ...дье. на-
[illegible] ра-
[illegible] подъ
[illegible] при
[illegible] ...нился
[illegible] врачи
[illegible] бы,
[illegible] и что
[illegible] за
[illegible] то и
[illegible] ...товъ.
[illegible] этой
[illegible] Гла-
[illegible] ихъ
[illegible] ...чій
[illegible] ...теніе
[illegible] ...рта.
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] въ
[illegible]
[illegible] въ
[illegible] ...ство,
[illegible] даже
[illegible] ...нимъ мѣстамъ. во вся-
...омъ случаѣ не могло оно не ударяться о дно, не быть

ушибленнымъ. А такъ какъ трупъ чистъ, то она, вѣроятно, была убита, изъ Тифлиса увезена сухимъ путемъ и пущена въ воду гдѣ нибудь, по близости отъ того мѣста, гдѣ ее нашли. Такова вторая улика. Займусь ея разборомъ.

Было заявлено при слѣдствіи не Богъ знаетъ какимъ знатокомъ, пожалуй, такимъ же, какъ Пидуа или «Наташка», что трупъ непремѣнно идетъ ко дну, что, попавъ въ яму, онъ пролежитъ тамъ дня три, пока разбухнетъ, и что онъ долженъ тащиться по дну, цѣпляясь за камни и подвергаясь ушибамъ. Всѣ эти заключенія подлежатъ сильному спору и весьма сомнительны. Коль скоро человѣкъ потерялъ сознаніе, то онъ пересталъ управлять собою и дальнѣйшій его путь въ водѣ зависитъ отъ удѣльнаго вѣса его тѣла. Вѣсъ этотъ больше, если человѣкъ захлебнулся, напился воды и вода вытѣснила изъ легкихъ воздухъ, и меньше, если смерть безъ опоенія, вслѣдствіе нервной апоплексіи, какъ въ данномъ случаѣ. Вѣсъ больше, когда человѣкъ худъ, какъ щепка, и меньше, когда человѣкъ плотенъ, съ отложеніемъ жиру, какъ въ настоящемъ случаѣ. Вотъ почему трупъ могъ не опуститься въ яму, могъ попасть въ теченіе прямо изъ этой ямы у площадки въ $4^1/_2$ арш., по словамъ Водопьянова, въ 5—по словамъ Каменогорскаго, и пойти дальше. Вѣсъ человѣка почти равенъ вѣсу воды, вѣсъ Андреевской, вслѣдствіе ея полноты и того количества воздуха, который остался въ легкихъ, могъ быть меньше воды, т. е. что тѣло настолько же было погружено подъ поверхностью, насколько высовывалось надъ поверхностью, забирая такимъ образомъ чрезвычайно малое количество воды. Плылъ же свободно этотъ трупъ, когда его остановили, схвативъ за ноги, рыбаки; слѣдовательно, по той же самой причинѣ, онъ могъ уплыть такъ и отъ Михайловскаго моста. Тутъ изъ этого логическаго кольца выхода нѣтъ, развѣ оспаривать показаніе рыбаковъ, но такого tour de force не дѣлаетъ даже и обвиненіе. Оно

пришло въ голову только г. Блюмбергу, съ его живымъ воображеніемъ.

Но трупъ не могъ проплыть 43 версты отъ начала ночи 22 іюля до ранняго утра 23. Прежде всего я отвергаю эти 43 версты. Они безъ критики взяты со словъ свидѣтеля Водопьянова, котораго я ловлю на первой крупной цифровой неточности и утверждаю, что если онъ ошибся въ длинѣ рѣки, которую онъ такъ досконально будто бы знаетъ, какъ староста спасительной станціи, то почему ему же не ошибиться и въ глубинѣ той же рѣки. Экспертъ Ткачевъ, на основаніи точныхъ измѣреній, опредѣлилъ это разстояніе въ 33 версты, и сомнѣваться въ этомъ невозможно. Такимъ образомъ, разстояніе прочно установлено. Остается опредѣлить скорость теченія. Въ сентябрѣ 1876 г. при слѣдствіи путь этотъ пройденъ лодкою ровно въ 5½ часовъ, а именно отъ 6½ ч. утра до 12 ч. Н. Андреевская, если утонула, то въ половинѣ десятаго. Нашли ее въ Караязѣ приблизительно чрезъ 14 часовъ, т. е. 840 минутъ. Если раздѣлить это время на 33 версты и 100 саж. (840:16600), то окажется, что трупъ проходилъ версту почти въ 25,5 минуты, вдвое медленнѣе ходьбы человѣка пѣшкомъ и ѣзды на лодкѣ. Если разсчитать, какова будетъ эта скорость въ минуту, то выйдетъ въ минуту 19,7 саж., а въ секунду—0,33 сажени. Это исчисленіе почти цифра въ цифру совпадаетъ съ вычисленіями, на которыя я попрошу обратить вниманіе въ запискахъ кавказскаго техническаго общества за 1869—70 г. т. II. Въ технической бесѣдѣ г. Вейсенгофа отъ 27 сент. 1870 г. передаются результаты изслѣдованій Куры въ Тифлисѣ англійскими инженерами Белли и Габъ, въ теченіи 4 лѣтъ, отъ 1862 г. до 1865 г. По этимъ изслѣдованіямъ Кура рѣка капризная. Она имѣетъ самыя низкія воды зимою, не столь низкія лѣтомъ, весьма большія весною, не столь большія осенью. Колебанія между максимумомъ и минимумомъ относятся, какъ 33 къ 1. Скорость рѣки, неимѣ-

ющей водопадовъ, на небольшихъ протяженіяхъ въ нѣсколько десятковъ верстъ, почти вездѣ одинакова. Она по вертикальному разрѣзу воды больше на поверхности, нежели въ глубинѣ, но тѣло плыло по поверхности. Быстрота теченія зависитъ отъ объема воды и при объемѣ воды въ кубическихъ саженяхъ 10,93, она равняется 0,378 въ секунду. Наибольшая скорость 2 саж. въ секунду. Но могутъ сказать, что лѣтомъ объемъ воды, доставляемой въ секунду, можетъ быть меньше 10,93 саж. Едва ли, скорѣе больше. Я это заключаю изъ сопоставленія по таблицѣ объема воды за 22-е іюля за всѣ 4 года, 1862—1865. Объемъ воды бывалъ въ 7,2 саж., но бывалъ и въ $22^1/_2$ саж., а въ среднемъ выводѣ 15,13 сажени, а при этомъ объемѣ средняя скорость теченія 0,45.

Итакъ, по техническимъ даннымъ, основаннымъ на точныхъ вычисленіяхъ, трупъ могъ проплыть 22 іюля 1876 г. 33 версты до Караяза.

Но если исчезаетъ препятствіе пространства въ 43 версты, то существуетъ другое, въ такъ называемыхъ въ рѣшеніи суда перекатахъ въ Курѣ. Рѣка течетъ глубокимъ русломъ до 16 верстъ. Затѣмъ, не доѣзжая до Караджалара, она дѣлится на три рукава, изъ которыхъ наиболѣе глубокій имѣлъ въ сентябрѣ 1876 г. глубины 6 вершковъ. Потомъ идетъ опять развѣтвленіе съ глубиною въ наиболѣе глубокомъ изъ 3 рукавовъ на 4 вершка, причемъ руководившій экспертизою Водопьяновъ удостовѣряетъ, что 23 іюля 76 г. вода была еще ниже на $1^1/_2$ вершка, слѣдовательно имѣла $4^1/_2$ и $2^1/_2$ верш., и значитъ, въ глубочайшемъ изъ рукавовъ стояла на высоту, равную ширинѣ моей ладони. Ясно, что по такой мели не проплыть никакому трупу, если правду говоритъ Водопьяновъ; но говоритъ ли онъ правду, въ томъ да будетъ мнѣ позволено усомниться.

Прежде всего я поторгуюсь объ этихъ $1^1/_2$ вершкахъ. Въ осмотрѣ мѣстности занесено въ протоколъ,

что Водопьяновъ признавалъ разницу уровней воды всего въ $^1/_2$ вершка, слѣдовательно, въ наиболѣе мелкомъ мѣстѣ наиболѣе глубокаго рукава $3^1/_2$ вершка. Въ протоколѣ 9 сентября и въ протоколѣ судебнаго слѣдователя записано $1^1/_2$ вершка, вѣроятно, по ошибкѣ. Во всякомъ случаѣ, разница цифръ не объяснена, на нее не обратили никакого вниманія. Но я полагалъ, что, при изысканіи полной и настоящей истины, никакъ нельзя установить $1^1/_2$ вершка на томъ только основаніи, что противъ протокола защитникъ не возражалъ.

Почему судилъ даже и объ этихъ 4 и $3^1/_2$ вершкахъ Водопьяновъ? Имѣлъ ли онъ аршинъ съ собою, мѣрилъ ли онъ воду? Нѣтъ, онъ судилъ по глазомѣру, какъ судилъ о 43 верстахъ, и если ошибся на 43 верстахъ, то могъ ошибиться и на 4 вершкахъ. Но если была ошибка, то никакъ уже не въ пользу подсудимыхъ, потому что Водопьяновъ принадлежалъ къ числу увлекавшихся, желавшихъ доказать преступленіе, какъ увлекались Цимамзгваровъ, слѣдователь и весь, можно сказать, Тифлисъ, т. е. всѣ вѣрившіе въ преступленіе и подгонявшіе къ нему факты. А между тѣмъ изъ того же показанія можно почерпнуть нѣсколько данныхъ, послѣ которыхъ плохо вѣрится въ 4 вершка. Осмотръ былъ произведенъ такимъ образомъ. Въ лодкѣ сидѣли слѣдователь, товарищъ прокурора, Бураковъ, Водопьяновъ, Каменогорскій да 4 гребца, итого 9 человѣкъ. Вѣсъ этихъ людей вмѣстѣ съ вѣсомъ лодки былъ не менѣе 55 пудовъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы эта лодка сидѣла въ водѣ только на 4 вершка, т. е. на глубинѣ двухъ моихъ ладоней въ ширину. Она забирала больше, и глубина рѣки, такъ какъ лодка не сѣла на днѣ, должна была быть и того еще больше. Правда, что въ одномъ мѣстѣ лодка цѣплялась за камни и они должны были ее перетащить. Но что значитъ это «перетащить»? Не тащили же гг. Кобіевъ, Хлодовскій и понятые, не высаживались же они, а просто, вѣроятно, одинъ или

два гребца сошли въ воду, да толкнули и двинули ее своими руками. Притомъ, самъ Водопьяновъ, хотя предполагаетъ, что воды было чуть ли не на одинъ стаканъ, предполагаетъ, но трупъ все же могъ проплыть. Даже въ судебномъ протоколѣ сказано, что если трупъ проплылъ, то долженъ былъ быть сильно поврежденъ. А почему поврежденъ? Потому, что по идеямъ Водопьянова, трупъ тащится по дну, а не шелъ поверхъ воды. Но я отвергаю эту теорію Водопьянова; трупъ долженъ былъ идти, если онъ легокъ, по поверхности, а трупъ Н. Андреевской былъ особенно легокъ, распущенные волосы предохраняли голову, плылъ онъ на спинѣ, но туловище было охраняемо бѣльемъ, которое испытало значительныя поврежденія. Рубашка, приподнятая вверхъ и державшаяся подъ мышками была разорвана на спинѣ на $^{1}/_{4}$ вершка. Кальсоны были тоже разорваны по бокамъ. Быстрота теченія, $^{1}/_{3}$ сажени въ секунду, не такова, чтобы тихо несущееся тѣло, въ особенности предохраненное бѣльемъ, должно было терпѣть ушибы. И такъ, существуетъ полная возможность проплытія трупомъ пространства отъ Тифлиса до Караяза въ 10 часовъ, а тѣмъ болѣе въ 14.

Но я не отвергаю, что существуетъ и возможность смерти Нины Андреевской отъ асфиксіи, не оставившей насильственныхъ знаковъ и не отличимой отъ утопленія, перевозки ея тѣла ниже перекатовъ Караладжарскихъ и опущенія трупа въ воду гдѣ нибудь около Кара-Таклы или Акъ-Таклы. Вдумаемся въ это послѣднее предположеніе и укажемъ на тѣ невѣроятности, на которыя оно наталкивается. Таинственные неизвѣстные убійцы, которые вынесли, по предположенію суда, трупъ Нины Андреевской на своихъ рукахъ и обладали превосходными средствами перевозки, должны были быть озабочены тѣмъ, куда дѣвать трупъ, не подавая вида, что она убита, вселяя убѣжденіе, что она утонула. Изъ-за чего они провезли трупъ верстъ двадцать слишкомъ, и спустили его въ одномъ изъ немногихъ спусковъ къ Курѣ, двѣ версты

за Таклами, гдѣ дорога, прежде чѣмъ отойти отъ Куры, подходитъ къ ней на 80 саженей и гдѣ проѣзжіе поятъ скотъ? Надобно признаться, что эти люди, которые должны были страшно умно и хитро задумать преступленіе, страшно глупыми оказались при укрывательствѣ. Зачѣмъ довѣрять ея трупъ водѣ и притомъ водѣ такой быстрой, не хранящей довѣренной ей поклажи? Платье, сложенное на берегу, заставляло бы предполагать утопленіе; изслѣдованіе преступленія задерживалось бы ожиданіемъ всплытія трупа; есть трупы даже и въ малыхъ рѣкахъ, которые никогда не всплываютъ, и между тѣмъ трупъ былъ бы зарытъ въ уединенномъ мѣстѣ, въ какую нибудь яму, въ оврагѣ или между кустами, и не узнали бы о немъ не только люди, но и птицы небесныя. Если же эти люди, вопреки здравому смыслу, рѣшились бросить трупъ въ рѣку, какъ поддѣльное доказательство не бывшаго утопленія, то, во-первыхъ, имъ нельзя было Н. Андреевской до нага не раздѣть, оставляя браслеты и медальонъ, а снять по крайней мѣрѣ бѣлье, такъ какъ купанье въ бѣльѣ даже между женщинами исключеніе и съ этимъ исключеніемъ могли быть знакомы мать, сестра, но едва ли могли быть знакомы недавно приставленная прислуга Шервашидзе и самъ Чхотуа. Во-вторыхъ, изъ осмотра сухимъ путемъ мѣстности видно, что есть спускъ въ нѣсколькихъ верстахъ за Навтлугомъ, за дачею Тамамшева, у дальней церкви св. Варвары. Въ осмотрѣ мѣстности сказано, что спускъ крутъ и есть строенія жилыя по близости. Крутизною спуска никого въ Тифлисѣ не испугаешь, а что касается до жилыхъ строеній, то ихъ назначеніе не опредѣлено и не указано, какъ далеки они отъ спуска, а притомъ ночью подвозъ трупа къ спуску и мимо жилыхъ строеній, лишь бы не открытыхъ всю ночь для гуляющихъ людей, какъ духаны, совершенно возможенъ. Таковы соображенія, по которымъ весьма сомнительно, чтобы трупъ Н. Андреевской былъ вывезенъ и умышленно спущенъ за Акъ-Таклами, за двумя перекатами;

[redacted]

а слѣдовательно и эта вторая улика превращается въ дымъ, въ неизвѣстное, въ мечту воображенія. Остается 3-я. Спускъ изъ дома Шервашидзе былъ весьма крутой и почти невозможный для ходьбы днемъ, не только ночью; притомъ съ половины этого спуска сочилась вода родника по тропѣ, такъ что платье, а по крайней мѣрѣ ботинки сходившей должны быть грязными, или, по крайней мѣрѣ, мокрыми, а онѣ найдены совсѣмъ чистыми и сухими. Разберемъ послѣднюю изъ уликъ, будто бы доказывающихъ физическую невозможность купанья, а слѣдовательно и того, что Н. Андреевская утонула.

Передъ открытымъ окномъ комнаты, въ нижнемъ этажѣ, занимаемой В. и Н. Андреевскими, есть площадка, по которой идетъ черезъ обрывъ къ рѣкѣ, какъ обыкновенно на кручахъ, зигзагами тропинка въ формѣ латинскаго вывороченнаго на другую сторону S; всей тропинки 5 саженей до воды, но сюда слѣдуетъ включить самую площадку до обрыва; самъ обрывъ отъ площадки до поверхности воды въ вертикальномъ направленіи 2, мало-мало $2^{1}/_{2}$ сажени, т. е. какъ спускъ съ крыши одно-этажнаго небольшаго домика. Первый зигзагъ, составляющій половину S, идетъ по твердому и сухому, зеленью поросшему грунту и неособенно крутъ. Я сходилъ по немъ безъ всякихъ затрудненій. Говорятъ, и это записано въ протоколѣ судебнаго слѣдствія, но весьма неопредѣленно и глухо, что послѣ того, какъ въ домѣ помѣщена больница Краснаго Креста, сдѣлана выемка, тропа расширена. Незнаю, произошли ли какія либо перемѣны въ этой части спуска, можетъ быть слово выемка относилось къ другой части спуска. Сторожъ, который водилъ меня, утверждалъ, что первая верхняя половина спуска совсѣмъ не тронута. Но другой зигзагъ, другая часть спуска подверглась нѣкоторому весьма незначительному исправленію, которое, неизмѣняя его вида, облегчаетъ работу спускающейся стопы; въ немъ сдѣланы насѣчки горизонтально въ видѣ ступенекъ. Когда я былъ въ сентябрѣ, да и теперь, ни-

...ихъ камешковъ не было, но изъ протокола, отъ 27 ...мая видно, что мелкій щебень, оставшійся, вѣроятно отъ насѣчекъ, мѣшалъ осматривавшимъ. Теперь по ступенькамъ сходить удобно, тогда же не отрицаю, что было трудненько: рискнулъ ли бы я сходить въ мои годы,—не знаю, можетъ быть не рискнулъ бы, но во всякомъ случаѣ я замѣчу, что трудность есть понятіе относительное и что для насъ спускъ былъ бы un peu raide въ виду того, что и плотнѣе мы и главное менѣе гибки наши мускулы и кости, то ни по чемъ для дѣвушки молодой, бойкой, отважной, воспитанной не для салона, но имѣющей почти мужскій складъ ума и сильную волю. Правда, что сходъ затруднительнѣе ночью, но вспомнимъ, что это былъ садъ дома, гдѣ проживала Н. А. цѣлую недѣлю, и что ночь была хотя и облачная, но лунная, слѣдовательно, дающая полную возможность оріентироваться, какъ днемъ. Сходили же по этой тропѣ во время поисковъ за Ниною, кромѣ братьевъ Чхотуа, Цинамзгваровъ, полицiймейстеръ Меликъ-Бегляровъ, Исарловъ и самъ слѣдователь; а Бѣликъ и Сулхановъ сходили только до половины, до родниковъ. Мало того, на судебномъ слѣдствіи Гоцеридзе, лакей Цинамзгварова, показалъ, что видѣлъ какъ малютка Николаева, дочь лѣснаго сторожа, спускалась къ Курѣ по тропинкѣ. Всѣ они охали и жаловались на боль въ спинѣ, нѣкоторые пользовались помощью полицейскихъ на спускѣ. Тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что спускъ былъ возможенъ, а не опасенъ, что до нижней площадки на скалѣ, въ 12 шаговъ длины и 5 ширины, съ которой былъ сходъ въ рѣку, могла Н. Андреевская рѣшиться сойти и исполнить свое намѣреніе, не дѣлая никакого tour de force, не обладая никакими акробатическими способностями, кромѣ здоровыхъ и гибкихъ мускуловъ. Возможность подтверждается и показаніемъ кн. Варвары Тумановой, что въ день происшествія Н. Андреевская ходила по спуску и распрашивала про мѣсто, гдѣ купаться. Даже и окружный судъ не [illegible]лъ крутизну спуска

въ шеренгу уликъ, онъ зачислилъ туда только сухіе и чистые сапожки. Приходится именно объ нихъ и говорить теперь.

На площадкѣ у берега лежали въ образцовомъ порядкѣ, заставляющемъ вѣрить въ купаніе, либо предполагать весьма тонкое, умное, хладнокровно обдуманное воспроизведеніе искуственныхъ сборовъ къ купанію, сначала поясокъ, потомъ кофточка, на ней платье съ грязными пятнами и разорваннымъ подоломъ, а рядомъ съ платьемъ пара опорокъ отъ ботинокъ старыхъ и поношенныхъ, поставленныхъ рядышкомъ, носками къ рѣкѣ, но совершенно сухихъ. Въ актѣ, составленномъ въ 4½ ч. утра, значится, что на этихъ ботинкахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ засохшей грязи. По словамъ главныхъ свидѣтелей, Цинамзгварова и Меликъ-Беглярова, 22 іюля, съ половины высоты обрыва, сочилась вода изъ родниковъ и воды было больше, нежели потомъ, нежели теперь, потому что родникъ обдѣланъ кирпичемъ, послѣ чего вода течетъ теперь струею, а тогда она, вѣроятно, стекала сплошною, тонкою массою. Бегляровъ утверждалъ, что послѣ спуска по тропинкѣ сапоги его были совершенно грязные, но напротивъ, тѣ ботинки были совсѣмъ красноватыя съ замѣтными слѣдами зелени. Цинамзгваровъ утверждаетъ тоже, что на подошвахъ были замѣтны слѣды травы и зелени. Этотъ отрицательный признакъ и былъ точно лучъ свѣта, съ этой минуты Цинамзгваровъ увѣровалъ въ преступленіе. Чтобы оцѣнить этотъ признакъ по достоинству, отдѣливъ его отъ всякихъ оттѣняющихъ его субъективныхъ воззрѣній, нужно принять въ соображеніе: 1) время наблюденій, 2) свойства какъ грунта, такъ и стекающей воды въ лѣтнее время, безъ дождей. Прежде всего я долженъ замѣтить, что въ Тифлисѣ, имѣющемъ вообще грунтъ скалистый, не бываетъ и не можетъ быть грязи иначе, какъ послѣ дождя. Ея не бываетъ и быть не можетъ въ скалистомъ грунтѣ, даже тамъ, гдѣ родники, [illegible] грязь эта образуется искуственно, когда, топча

ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ, разболтаютъ сочащуюся влагу. Я понимаю, что теперь, когда родникъ выложенъ кирпичемъ и превращенъ въ одну струю, т. е. въ ручеекъ водообильный, многократно проходя по немъ толпой, можно его взбаламутить и получить на сапогахъ сланцевые и иловые слѣды. Но даже и по этой чистой струѣ, если идетъ только одинъ, то онъ можетъ лишь замочиться, а не загрязниться, тѣмъ болѣе въ то время, когда вода тонкимъ и широкимъ слоемъ покрывала скалистый бокъ обрыва. Что касается до грязныхъ сапогъ Меликъ-Беглярова, то еслибы свидѣтели припомнили, что ихъ имъ показывалъ Меликъ-Бегляровъ, я думаю, онъ могъ загрязниться, потому что былъ на обрывѣ въ особенныхъ обстоятельствахъ 22 іюля, послѣ обоихъ Чхотуа, Цинамзгварова, Бѣллика, Сулханова да мало ли кого, когда на всей скалѣ виднѣлись слѣды сапоговъ, слѣды истоптанные и размазанные. И такъ, я полагаю, что не грязь слѣдуетъ искать, не на ней останавливаться, а главнымъ образомъ имѣть въ виду сухость или мокроту. Извѣстно, что г. Тифлисъ имѣетъ одинъ изъ самыхъ сухихъ климатовъ въ мірѣ, въ особенности въ бездождное лѣтнее время, въ концѣ знойнаго іюля, при 30 гр. жары. Съ 8½ ч. до 4½ ч., когда былъ составленъ протоколъ Кобіевымъ, прошло 7 часовъ, въ теченіе которыхъ всякіе сапоги могли просохнуть. Относительно ихъ мокроты во время, болѣе близкое къ происшествію, мы ограничимся только показаніемъ Цинамзгварова и Беглярова. Оба наблюдали поздно и при огненномъ свѣтѣ, даже не въ комнатѣ, а на площадкѣ, гдѣ вещи такъ и лежали до прибытія слѣдователя Кобіева.

Согласитесь, гг. судьи, что эти условія крайне неудобны для изслѣдованія цвѣтовъ. Я по первому показанію Цинамзгварова, данному 30 октября, опредѣляю такимъ образомъ время: узнали о происшествіи около 12 часовъ, въ половинѣ перваго; въ часъ ночи поѣхали вмѣстѣ съ Бегляровымъ къ Варварѣ Андреевской. Оба

видѣли площадку, и сапоги около половины второго, слѣдовательно, опять черезъ 4 часа послѣ происшествія, когда незначительная мокрота могла просохнуть. Но ихъ показанія именно такого рода, что если принять ихъ за сущую правду, то надо положительно заключить, что подошвы ботинокъ были весьма мокры и мокротою именно родника. Старыя изношенныя опорки отъ ботинокъ имѣютъ сѣро-желтый цвѣтъ нежженной охры съ тушью, между тѣмъ, по Беглярову, подошвы были красноватыя, но Цинамзгваровъ утверждаетъ, что подошвы были красны, а кожа старая, не полированная, бываетъ всегда томнокрасная и коричневая, когда ее намочить; что же касается до зелени, то она необъяснима ничѣмъ другимъ, кромѣ соприкосновенія съ тѣми слизистыми водорослями въ водѣ, нити которыхъ всегда заводятся въ топкой влагѣ, на скалистомъ грунтѣ подлѣ ручейковъ. Н. А. нигдѣ не была, гдѣ бы могла къ подошвѣ пристать зелень, зелень сада въ концѣ іюля не была сочною, слѣдовательно, если допустить слѣдъ зелени, а онъ подтвержденъ произведенной экспертизой, то отъ водорослей на нашей колеѣ, а слѣдовательно, въ связи съ темнокоричневымъ цвѣтомъ подошвъ прямо доказывается, что Н. А. прошла чрезъ родникъ.

Замѣчательно то, что при осмотрѣ обуви Кобіевымъ въ 4½ ч. утра, при тѣхъ же гг. Цинамзгваровѣ и Меликъ-Бегляровѣ признакъ зелени вовсе въ протоколъ не занесенъ, изъ чего я усматриваю, что на глазъ его не было видно, что проходя черезъ столько рукъ, онъ стерся, какъ стереться могли и слѣды грязи на ботинкахъ, которая, если была, то, конечно, самая неглубокая. Однимъ словомъ, либо пятна зелени были, и они доказываютъ присутствіе родника, а ихъ исчезновеніе доказываетъ, что проходя черезъ много рукъ, ботинки потеряли всѣ характерныя особенности, которыя имѣли, когда стояли на площадкѣ; либо зелени вовсе не было, такъ что, разсматривая ботинки второпяхъ при свѣчкѣ или фонарѣ, Цинамзгваровъ или Бегляровъ увидѣли чего не

было, зелень имъ померещилась, но въ такомъ случаѣ и показанія ихъ о сухости подошвъ не достовѣрны; неизвѣстно каковы были ботинки, къ пяти часамъ утра они успѣли окончательно просохнуть. Такимъ образомъ выходитъ слѣдующее: было обстоятельство столь важное, что его сразу приняли за рѣшительное доказательство преступленія. Лица, сдѣлавшія это открытіе, сейчасъ пошли обыскивать, арестовывать, строить воздушные замки гипотезъ для объясненія мотивовъ, а между тѣмъ самого то обстоятельства не констатировали какъ слѣдуетъ, не описали, вслѣдствіе чего оно и выходитъ въ уголовномъ отношеніи никуда негоднымъ, какимъ то не то жировымъ, не то кровянымъ пятномъ, изъ котораго самый тщательный химикъ, анализируя, ничего вывести не въ состояніи, а между тѣмъ это и есть единственный кирпичъ, на которомъ зиждется все зданіе, вся пирамида обвиненія, имѣющая вопреки статикѣ узкое основаніе и широкую вершину въ самомъ неустойчивомъ равновѣсіи.

Послѣ разбора улики, основанной на ботинкахъ, о физической невозможности утонутія не можетъ быть и рѣчи. Остаются соображенія, заимствованныя уже не изъ области физики и статики, и уже гораздо менѣе рѣшительныя, основанныя на психологіи, на серьезныхъ свойствахъ ума и характера, которыя, по мнѣнію суда, мѣшали молодой дѣвушкѣ купаться, на ея привычкахъ, потому что не могла она купаться въ бѣльѣ, не могла она купаться во время регулъ. Между тѣмъ всякія психологическія задачи труднѣе рѣшать нежели физическія, потому что дѣятельность человѣка не чисто рефлекторная и какъ элементъ въ нихъ входитъ тотъ X, который одними называется свободнымъ произволомъ, а другими—способностью противупоставлять внѣшнимъ мотивамъ тѣ неисчислимые сонмы идей и представленій, которыя составляютъ содержаніе нашего сознанія. Какъ бы то не было и эта новая категорія уликъ физико-психологическихъ, блѣдныхъ, [illegible] ясныхъ должна

быть разобрана и упразднена. Я полагаю, что она упразднится несравненно легче даже, нежели улики, почерпанныя изъ законовъ физики и изъ свойствъ матеріи.

Въ visum repertum 25 іюля 1876 г. есть слѣдующія слова: *слизистая оболочка влагалища блѣдна.* Никѣмъ незамѣченный, этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе. Онъ доказываетъ, что въ моментъ купанья не только прошла менструація съ ея признаками, но прошло послѣдующее послѣ выдѣленія крови выдѣленіе бѣлей или, по крайней мѣрѣ, что послѣ менструаціи продолжалось только выдѣленіе бѣлей, которыхъ слѣды найдены на правомъ рукавѣ рубашки, но которыхъ вовсе не найдено на кальсонахъ.

Оно такъ и должно быть по разсказамъ прачки. По словамъ г-жи Зуевой регулы впервые были въ гостинницѣ, куда пріѣхала Андреевская, какъ извѣстно, 29-го іюня, а такъ какъ, по словамъ Зуевой, регулы бывали черезъ 3 недѣли, то регулы должны были быть ко времени убійства. Они и были дѣйствительно. За два или за три дня до убійства, слѣдовательно 19-го или 20-го іюля, г-жѣ Зуевой дано было бѣлье, въ томъ числѣ извѣстныя женскія тряпки, окровавленныя, изъ чего г-жа Зуева и заключила, что регулы имѣли мѣсто за 5 дней до убійства, т. е. около 17-го іюля; кусковъ этихъ было всего 5; изъ факта ихъ отдачи я могу заключить, что періодъ регулъ кончился. Да и спросите любого доктора, могутъ ли онѣ 5 дней продолжаться. Нинѣ такъ нужно было бѣлье, что, отдавъ его 19-го, она уже ѣздила 22-го къ прачкѣ просить о доставкѣ его немедленно; прачка и приняла все бѣлье и съ этими тряпками, 23 или 24 іюля, вмѣстѣ съ запискою Нины. И то и другое получила Безирганова, заплатившая за бѣлье 2 р. 50 к.

Настоящая экспертиза единогласно согласилась, что въ моментъ купанья у Нины Андреевской не было уже кровей. Войдите же теперь въ положеніе чистоплотной женщины, у которой только что кончились регулы. У нея должна быть неодолимая физіологическая потреб-

ность вымыться, каковы не были бы серьезныя или не серьезныя свойства ея ума и характера. Когда является физіологическая потребность, то какой вздоръ толковать про свойства ума и характера.

А что, имѣя надобность выкупаться, она прямо отправилась тайкомъ, никому не сказавъ, въ Куру, это настолько естественно, какъ то, что когда кто голоденъ, то отправится поѣсть въ первый ближайшій трактиръ. Въ пользу этого предположенія говоритъ не только бойкость и неугомонность ея характера, ея всѣмъ извѣстная и всѣми удостовѣряемая эксцентричность, но и та масса имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, что она постоянно была занята идеею купанья въ Курѣ, что ее подмывало идти окунуться въ струяхъ этой рѣки. Сюда относятся всѣ разговоры Н. Андреевской съ разными лицами о грязной водѣ въ р. Курѣ и о томъ, что она бы не рѣшилась купаться. Изъ отзывовъ Автандилова, Сулханова и друг. видно, что она заводила съ ними разговоры объ этомъ именно предметѣ, а если относилась къ этой идеѣ отрицательно, скажу, что 9/10 всего числа дѣвушекъ отнеслись бы на языкѣ отрицательно къ самой эксцентричной выходкѣ, напримѣръ, поѣхать въ маскарадъ или куда нибудь на пикникъ. Не ожидать же отъ нея, что она скажетъ: а вотъ я такъ пойду купаться; не ожидать же, что она скажетъ: я тогда и тогда буду купаться.

Подобнаго рода заявленія были бы граничащею съ идіотизмомъ простотой, или болѣе, чѣмъ кокетствомъ. Ни то, ни другое не было присуще Н. Андреевской.

Съ посторонними она заводила только разговоры, не высказывалась, но съ близкими она не таилась и не хитрила, какъ говоритъ В. Андреевская. Матери она прямо сказала, что попробуетъ разъ выкупаться. Вспомните показаніе на судебномъ слѣдствіи кн. Варвары Тумановой, что въ Кисловодскѣ, въ 1866 году, Н. Андреевская купалась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не рѣшился бы купаться и мужчина. Помните ея же слова,

что В. Андреевская передавала ей послѣ событія, слѣдовательно утромъ 23-го іюля, слышанное отъ прислуги, что 22-го іюля Нина спускалась къ Курѣ, распрашивала прислугу и Н. Чхотуа, гдѣ мельче, и вы повѣрите словамъ обоихъ Чхотуа, что она выражала имъ намѣреніе выкупаться. Это совсѣмъ на нее похоже, пойти купаться въ 10 часовъ, говоритъ княгиня Туманова.

Но если она рѣшилась купаться, то, раздѣваясь, она должна была скинуть и бѣлье, должна была взять съ собою перемѣну бѣлья, простыню. Такъ судило общество, такъ судили даже знакомые, даже родные, напримѣръ, кн. Кетевана Орбеліани, но знающіе жизнь въ извѣстномъ домѣ лишь по наружности, по входу съ передняго крыльца. Если предположить, что убійцы Н. Андреевской хотѣли сочинить поддѣльное утопленіе и расположили для виду платье на площадкѣ въ порядкѣ естественнаго раздѣванія, то, во что бы то ни стало, они должны были снять и бѣлье, тѣмъ болѣе, что оно оказалось не окровавленнымъ, за исключеніемъ тѣхъ незначительныхъ крапинокъ, доказывающихъ, что оно было грязно, когда его одѣла Н. Андреевская. Но, гг. судьи, судебное изслѣдованіе имѣетъ свои громкія прерогативы, оно ходитъ съ задняго крыльца и наблюдаетъ человѣка en déshabillé. Такихъ неожиданностей и тутъ много, противорѣчащихъ ходячимъ понятіямъ о комфортѣ въ семьѣ, во всякомъ случаѣ богатой. На Нинѣ Андреевской было, несомнѣнно, грубое и сильно заношенное бѣлье, кальсоны заплатанные и на заднихъ частяхъ, и на колѣнахъ. Рубаха испещрена кровяными крапинками, башмаки съ покривившимися каблуками весьма не элегантнаго свойства. Изъ показанія В. Андреевской явствуетъ,—прошу извиненія за подробность, но суду не присуще чувство стыдливости,—что Н. Андреевскою выливаемо было за окно содержимое ночного горшка. Добавьте незначительность багажа, отдачу всего бѣлья прачкѣ; тогда и явится предположеніе, что мо-

жетъ и не быть губки, можетъ и не быть другой простыни, а былъ такой разсчетъ, что, снявъ рубашку и кальсоны, Нина, надѣвъ платье, кофту и на голую ногу широкія опорки, доберется до дому такимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ воду она могла пойти только въ бѣльѣ, одѣтая, во-первыхъ, потому, что хотя ночью, но купанье происходитъ все-таки въ Тифлисѣ, во-вторыхъ, что бойкая дѣвушка, наѣздница, артистка, читавшая Геккеля и Дарвина и удивлявшая рѣзкостью своихъ словъ и смѣлостью поступковъ, была нѣчто въ родѣ Карла XII, крайне застѣнчивая, стыдливая, мечтавшая также остаться на вѣкъ дѣвицею. Стыдливость ея была столь неслыханно велика, что даже въ баню ходила она въ рубашкѣ. Старуха служанка Хончикашвили говоритъ: «Разъ была я въ банѣ съ Андреевскими; барышня парилась въ рубашкѣ и только потомъ раздѣлась». Мать, В. Андреевская, удостовѣряетъ, что она всегда мылась въ рубашкѣ, и когда ей приходилось снимать рубашку и закутываться въ простыню, она даже ей никогда не показывалась въ одной рубашкѣ, а выходила совсѣмъ одѣтая. Если родная мать, которая въ концѣ концовъ увѣрилась въ убійствѣ, твердила, что Н. Андреевская могла сойти въ однихъ чулкахъ безъ ботинокъ, что она не могла снять бѣлья, но могла не взять съ собою простыни, то по какому же праву и на какомъ основаніи могъ усомниться въ этомъ судъ, менѣе знающій Н. Андреевскую, чѣмъ родная мать. Спущенные чулки ничего не значатъ, если трупъ, хотя нѣкоторое время, плылъ впередъ головою а не ногами, а неизвѣстно какъ онъ плылъ, когда его изловилъ Пидуа.

И такъ, и эти улики пропадаютъ. У средневѣковыхъ юристовъ для доказательства убійства требовалось тѣло убитаго, corpus delicti. Здѣсь есть corpus, но весьма сомнительно, есть ли это corpus delicti. Можетъ быть утоплена, можетъ быть задушена, но безъ давленія на

горло, а однимъ изъ способовъ въ романахъ только встрѣчающихся, напримѣръ, приложеніемъ пластыря и прегражденіемъ дыханія, а можетъ быть и утонула. Чтобы обличить убійство, необходимо доказать, что ее извѣстные люди убивали, поймать ихъ на самомъ дѣяніи убійства, а затѣмъ, такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины и злодѣянія безъ мотива, то доискаться личныхъ цѣлей убійства; необходимы доказательства не самаго дѣла, а преступнаго дѣянія подсудимыхъ. Такихъ доказательствъ нѣтъ, актъ дѣянія покрытъ совершеннымъ мракомъ. Ставятъ улики, которыя относятся либо къ области приготовленій, либо къ области сокрытія слѣдовъ преступленія, о мотивахъ никто и не думаетъ; зачѣмъ ихъ доискиваться? Эти изслѣдованія разсматриваются, вѣроятно, какъ роскошь. Если предшествующіе мои доводы успѣли хоть сколько нибудь пошатнуть убѣжденіе въ наличности corpus delicti, то, конечно, остальной анализъ дѣйствій приготовительныхъ къ акту, который можетъ быть и не былъ, или охранительныхъ, когда преслѣдованіе уже висѣло надъ головами подозрѣваемыхъ не имѣетъ никакого значенія.

Но я долженъ сразиться и съ этими личными уликами противъ каждаго изъ подсудимыхъ, дабы доказать, что это псевдоулики, хитроумныя натяжки, что въ силу предвзятой идеи, каждое лыко шло въ строку, что каждый безцѣльнѣйшій предметъ превращался въ рѣжущій инструментъ, топоръ или револьверъ, противъ подсудимыхъ и въ особенности противъ главнаго, Чхотуа, потому что объ остальныхъ мало и думали, они такъ и шли безъ счету и числа въ придачу.

И такъ, разберемъ прежде всего личныя улики противъ Д. Чхотуа, подраздѣливъ ихъ на пріуготовительныя и послѣдовавшія за преступленіемъ, изъ которыхъ я постараюсь потомъ доказать, что только первыя имѣли бы значеніе, а послѣднія никакого.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію уликъ противъ Д. Чхотуа. Главною уликою являются собаки. Въ домѣ

Шарвашидзе ихъ было 5 или 6. Онѣ были особенно злыя, кусались, не пропускали постороннихъ, но своихъ домашнихъ знали, и повидимому, и Андреевскія освоились съ ними, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ нѣтъ намековъ, чтобы собаки безпокоили ихъ, и чтобы люди, по пріѣздѣ Андреевскихъ, были озабочены униманіемъ собакъ. Прочіе же входили во дворъ только при комъ нибудь изъ домашнихъ, всего же чаще при помощи садовника Мгеладзе, который и жилъ въ сторожкѣ у воротъ двора. Между этими собаками самая большая, сильная и злая была одна, которая была между ними первая и главная, въ родѣ старшины. Свидѣтель Кадуринъ удостовѣрилъ, что за недѣлю до событія, слѣдовательно когда Андреевскія только что въѣхали въ домъ, Д. Чхотуа просилъ яду у Кадурина, чтобы отравить собаку, такъ какъ она могла взбѣситься, но Кадуринъ посовѣтовалъ ему подождать. Въ дѣлѣ есть еще болѣе раннія доказательства, что собакъ опасались. Въ счетахъ Д. Чхотуа подъ № 22 значится на 21 іюня, что коновалу дано 2 руб. за леченіе собакъ. Случилось, что свое давнишнее намѣреніе убить собаку Д. Чхотуа привелъ въ исполненіе какъ разъ въ роковое число 22 іюля. Вечеромъ того числа, часовъ въ 8, онъ приказалъ ее убить садовнику Мгеладзе, что Мгеладзе и сдѣлалъ, убивъ ее палкою, которая и найдена 23 іюля утромъ въ кухнѣ окровленною съ прилипшими къ ней шерстинками. Но въ соображеніи г. Цинамзгварова, присутствовавшаго при ея осмотрѣ, палка эта превратилась потомъ въ топоръ, какъ онъ это показалъ 30 октября.

Остальныя собаки присмирѣли, не лаяли, оно такъ и должно было быть послѣ того, какъ изведенъ былъ подзадоривавшій ихъ собратъ. Были ли онѣ заперты, или такъ гдѣ нибудь припрятались, не извѣстно; очень можетъ быть, что онѣ не были заперты, такъ какъ одна изъ нихъ попала подъ ноги пріѣхавшей въ 10½ часовъ княгинѣ Варварѣ Тумановой. Отсутствіе собакъ обратило на себя вниманіе розыщиковъ въ самую ночь

событія и породило предположеніе, что собаки были заперты и заперты по приказанію Чхотуа. Фактъ этотъ непосредственно извѣстенъ только Д. Чхотуа и Мгеладзе, но во время слѣдствія онъ явился обставленнымъ мельчайшими подробностями. Говорили, нпр., о какомъ то опрокинутомъ корытѣ съ помоями, о закладкѣ двери сторожки полѣномъ. Но тутъ представляется такая особенность, что все показаніе Мгеладзе признано судомъ романомъ, совершенно какъ зачумленное, какъ вынужденное спаиваніемъ и подкупомъ. Самъ Мгеладзе умеръ. Фактъ запиранія собакъ выяснился такимъ образомъ изъ вторыхъ источниковъ, а именно: 1) изъ показаній Цинамзгварова и Беглярова, которые расспрашивали и прислугу, и Чхотуа о собакахъ ночью въ саду и 2) изъ показаній другихъ лицъ, имѣвшихъ съ Д. Чхотуа разговоры о собакахъ впослѣдствіи. Что касается до Цинамзгварова и Беглярова, то ихъ роль, которую я разберу послѣ, не такова, чтобы ихъ собственно можно было назвать свидѣтелями; они скорѣе были доводчики, ближайшіе дѣятели въ созиданіи легенды о таинственныхъ незнакомцахъ, о фаэтонахъ и т. д. Но въ дѣлѣ еще приведенъ цѣлый рядъ показаній людей, которыхъ приставили къ Д. Чхотуа послѣ того, какъ онъ сдѣланъ былъ кандидатомъ въ тюремные сидѣльцы, на похоронахъ и послѣ похоронъ. Прочтите, господа судьи, всѣ эти показанія, и вы не найдете, чтобы имъ признавался Д. Чхотуа, что онъ приказалъ запереть собакъ. Таковы показанія Умикова, Меликова, Ивана Месхи, Мозгварова. Они отозвались въ томъ смыслѣ, что когда приставали къ Чхотуа относительно запиранія собакъ, то онъ отражалъ эти нападки, не говоря, что онъ приказалъ запереть, а говоря: „ну и что же, если были заперты, ихъ заперли, чтобы онѣ не кусались и чтобы не мѣшали розыскамъ.“ Итакъ, сомнительно, по приказанію ли Д. Чхотуа заперъ собакъ Мгеладзе, а можетъ быть ихъ и вовсе не запирали. Несомнѣнно только, что самая боль-

ная изъ собакъ была убита. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что Д. Чхотуа старался облегчить нешумный доступъ въ садъ таинственнымъ незнакомцамъ? Какимъ? Доказано ли существованіе этихъ незнакомцевъ, не легенда ли они? А такъ какъ устраняются показанія Мгеладзе и Коридзе, то кто ихъ видѣлъ? Господа судьи, здѣсь допущенъ, по моему, такой антилогичный пріемъ: запираніемъ собакъ, доказывается входъ незнакомцевъ, а входъ незнакомцевъ объясняется запираніемъ собакъ, причемъ теряется изъ виду, что является уравненіе съ двумя неизвѣстными безъ извѣстныхъ величинъ; теряется изъ виду, что запираніе собакъ не имѣетъ смысла, коль скоро допускается, какъ это сдѣлано въ приговорѣ, совмѣстное убіеніе Н. Андреевской и домашними, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, и незнакомцами извнѣ, въ составѣ тоже пожалуй 4 человѣкъ. Господа судьи, для того, чтобы справиться съ дѣвушкой 25-ти лѣтъ, не надо восьми человѣкъ, довольно двухъ или трехъ. Если въ заговорѣ были домашніе, двое Чхотуа, Коридзе, Мгеладзе, Габисонія, то, убивъ Н. Андреевскую, они могли сдать ее чрезъ ворота незнакомцамъ, съ тѣмъ чтобы припрятать трупъ. Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ убивать собакъ, такъ какъ дворъ и ворота находились внѣ наблюденій В. Андреевской. Или убійство совершили невѣдомые незнакомцы, то тогда не однѣхъ собакъ надлежало припрятать и удалить, но и Коридзе, и Мгеладзе, и Габисонію, и я не понимаю, зачѣмъ послѣдній на скамьѣ подсудимыхъ, такъ какъ достаточно было посадить одного Д. Чхотуа. Во всякомъ случаѣ улика, заключающаяся въ собакахъ, далекая и подлежитъ многоразличнымъ толкованіямъ.

Какія же другія? Штаны, мозольные кружки и галстухъ, изобрѣтенные для сочиненія поддѣльнаго alibi. Или я ничего не смыслю въ дѣлахъ уголовныхъ, или по вопросу объ этомъ alibi существуетъ странное недоразумѣніе. Признаюсь, я этого alibi не понимаю, и вотъ по какимъ соображеніямъ: я думаю, что эта улика не улика, что она походитъ на колесо вѣтренной мельницы,

съ которымъ пресерьезно сражалось обвиненіе, не подозрѣвая, что оно неодушевленный предметъ.

Alibi называется отводъ со стороны обвиняемаго, основанный на томъ, что онъ не былъ на мѣстѣ преступленія въ моментъ совершенія его. Преступленіе совершено въ промежутокъ времени получасовый, между моментомъ, когда Н. Андреевская вышла со свѣчею изъ комнаты матери и моментомъ, когда В. Андреевская стала искать свою дочь. Судъ опредѣляетъ этотъ промежутокъ равнымъ отъ времени послѣ 9 часовъ до $9^{3}/_{4}$ часа, но точное опредѣленіе времени здѣсь ни причемъ. Д. Чхотуа могъ думать, что онъ возвратился въ $10^{1}/_{4}$ часа, но главное то, что онъ уже спалъ или притворялся спящимъ въ моментъ начатія поисковъ, т. е. въ $9^{3}/_{4}$ часа, а передъ тѣмъ вернулся, раздѣлся и расположился спать, на что нужно полчаса, слѣдовательно, что онъ несомнѣнно былъ въ своей квартирѣ въ единственные полчаса, потребные для лишенія жизни Н. Андреевской, внѣ которыхъ преступленіе и не мыслимо.

При такихъ уловіяхъ разыскиваніе того, гдѣ былъ Чхотуа вечеромъ, прежде чѣмъ онъ возвратился домой, не имѣетъ никакого соотношенія къ alibi его, есть работа столь же праздная, какою, напр., была бы повѣрка того, что онъ ѣлъ за обѣдомъ, рыбу или говядину, или въ какомъ онъ былъ сюртукѣ, сѣромъ или черномъ. Ну, не ужиналъ Д. Чхотуа въ гостиницѣ «Европа», хотя объ этомъ и не произведено изслѣдованія, не покупалъ онъ въ аптекѣ у провизора Канделяки хинныхъ порошковъ и мозольныхъ кружковъ 22 іюля вечеромъ, а утромъ, хотя записка въ книгѣ едва ли что нибудь доказываетъ и неизвѣстно, не записывались ли продаваемые медикаменты заразъ, а не постепенно. Ну, положимъ, совралъ въ этомъ отношеніи Д. Чхотуа. Можетъ быть галстухъ онъ купилъ у Чарухчіанца не 22, а 23 іюля, хотя такіе шарфы продавались у Чарухчіанца и 21, и 22, и хотя изъ показанія обоихъ Чарухчіанцевъ и изъ книги видно, что шарфъ могъ быть купленъ 22

іюля во время до пожара, что совершенно понятно, такъ какъ пожаръ совпалъ съ моментомъ исчезнованія Н. Андреевской. Такого же рода и вопросъ о брюкахъ, хотя онъ и повредилъ, можетъ быть, всего больше Д. Чхотуа, возбудивъ подозрѣніе о какомъ то подстроенномъ доказательствѣ, о стачкѣ между Д. Чхотуа и портнымъ Капанидзе, вслѣдствіе коей Капанидзе и Мдивани на предварительномъ слѣдствіи отозвались, что никакихъ брюкъ Д. Чхотуа имъ не оставлялъ и подтвердили этотъ отвѣтъ, осмотрѣвъ и свои книги, и магазинный гардеробъ, а при судебномъ слѣдствіи они [illegible] приказчикъ Шахнабазовъ представили тѣ са- [illegible] брюки, какъ завалявшіеся между старыми вещами. [illegible] дѣло до того выходитъ изъ ряда обыкновен- [illegible] настоящія, несомнѣнныя, фальсификаціи про- [illegible] въ немъ безслѣдно, зато и подлинное принима- [illegible] за фальшивое, какъ нпр., находка брюкъ, [illegible] положительно отношу къ числу неподдѣль- [illegible] на томъ основаніи, что эти брюки не [illegible] никакого соотношенія и слѣдовательно [illegible] фактъ въ сообществѣ съ портными для [illegible] представляло никакого интереса. Я въ [illegible] представляю себѣ это произшествіе: когда [illegible] ственный розыскъ по всѣмъ направленіямъ [illegible] дѣлу, преступленію, которое по своей [illegible] поражало воображеніе и ужасало будто бы [illegible] рами, всякій, кромѣ тѣхъ, которые явились [illegible] сыщиками, старались, сколько могли, не [illegible] чтобы не попасть въ какую то при- [illegible] убійцами. Вотъ почему и Капанидзе [illegible] малодушія и трусости, промолчали, [illegible] когда дѣло пошло на судъ, Шахнабазовъ [illegible] актъ и магазинщики пораску- [illegible] дѣло и какое значеніе имѣютъ брюки, [illegible] сдѣлалось, что можетъ быть они на- [illegible] Чхотуа, они и предъявили въ инте- [illegible] брюки, но оказали Д. Чхотуа медвѣжью

услугу, потому что ихъ запоздалое поличное отвергнуто какъ плодъ ихъ стачки съ Д. Чхотуа. Оставимъ, впрочемъ, тотъ споръ, который, по моему, не болѣе, какъ водотолченіе. Допустимъ что Д. Чхотуа собралъ. Что же изъ этого слѣдуетъ по дѣлу объ убійствѣ? Развѣ судъ засѣдаетъ, чтобы судить о нравственныхъ грѣшкахъ Д. Чхотуа? Предоставимъ это дѣло его бесѣдѣ съ священникомъ на духу. Развѣ мы не знаемъ вралей постоянныхъ, вралей безъ мотива, вралей, которые постоянно и безъ интереса врутъ. Никто же ихъ еще не судилъ какъ за убійство. Мало того, вы, господа судьи даже и относиться къ этому вранью не можете, какъ отнесся бы посторонній человѣкъ, съ осужденіемъ и негодованіемъ. Вы должны устранить это обстоятельство, какъ къ дѣлу не подходящее, на основаніи того, что вы слуги закона, вы судите по законамъ, а преслѣдованіе обвиняемаго только за то, что онъ вралъ, прямо противно духу судебныхъ уставовъ. Въ старой инквизиціонной процедурѣ, гдѣ доискивались прежде всего собственнаго признанія подсудимаго, я понимаю, что искренность или не искренность подсудимаго играли роль, и въ числѣ уликъ преступленія было то, что подсудимый дѣлалъ на слѣдствіи разнорѣчивыя, а слѣдовательно ложныя, или просто лживыя показанія. Но замѣтьте, что за то онъ могъ быть оставленъ только въ подозрѣніи, а лучшія постановленія нашей старой магистратуры направлены къ тому, чтобы на такой фактъ не обращалось даже вниманія. Вмѣсто инквизиціи мы дожили до процесса состязательнаго. Первое условіе состязанія-свобода дѣйствій, возможность употребленія подсудимыми всѣхъ средствъ къ оправданію безъ малѣйшаго разбора; никто не можетъ ему воспретить употреблять даже ложь и, summum jus summa injuria. Въ нашемъ новомъ судѣ отношеніе его къ подсудимому таково — извините за нѣсколько тривіальныя выраженія: защищайся чѣмъ угодно, ври сколько душѣ угодно, тѣмъ покойнѣй будетъ судья, что все вышло наружу, интрига не оста-

[redacted]

лась скрытою. Судья будетъ судить не по твоимъ словамъ, которыя, какъ слова заинтересованнаго, подозрительны, но по обстоятельствамъ дѣла, въ число которыхъ войдутъ факты дѣла, но не твоя ложь, но не твое поведеніе при слѣдствіи. Въ судѣ съ присяжными показанія при слѣдствіи подсудимаго вовсе не читаются, такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ, какъ онъ защищался при слѣдствіи. Да если бы онъ вралъ и на судѣ, то ни одинъ изъ предсѣдателей не остановитъ его, не будетъ объяснять присяжнымъ, чтобъ они на эту ложь не обращали вниманія, а его предупреждать, что до истины можно добраться умомъ, помимо всѣхъ усилій подсудимыхъ затемнить истину и безъ вымучиванія у него признанія. Въ судѣ безъ присяжныхъ есть другое средство противъ увлеченія негодованіемъ, возбужденнымъ ложью: мотивація приговора. — Подсудимый, защищаясь, на что онъ имѣетъ право, ставитъ отводъ объ alibi. Отводъ этотъ, по несостоятельности, отвергнутъ; и такъ, слѣдуетъ, что подсудимый былъ на мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія, былъ въ домѣ Шарвашидзе. Да онъ этого и не отвергалъ, будутъ ли ему вѣрить, что онъ уже спалъ, или повѣримъ ли мы другимъ лицамъ, которые будто бы отъ него слышали, что онъ читалъ газету, собираясь спать. Фактъ этотъ весьма сомнительный, такъ какъ въ его комнатѣ было темно, свѣча не свѣтилась, а безъ свѣчки не читаютъ.

Во всякомъ случаѣ опроверженіе alibi не идетъ дальше того, что alibi не было; а превращать отводъ alibi въ самостоятельную улику преступленія есть, по моему, грубая логическая ошибка, принятіе какого то картоннаго доказательства за настоящее. Я отрицаю, какъ одно изъ грубѣйшихъ заблужденій, умозаключеніе суда, что къ нелѣпому предлогу, по мнѣнію суда, подсудимый могъ прибѣгнуть, такъ какъ всякій юристъ знаетъ, что сгоряча, когда подсудимый, хотя бы и не виновный, попадетъ подъ судъ, онъ наговоритъ

вздору для себя же вреднаго короба съ два, а судъ долженъ будетъ установить связь между alibi и преступленіемъ, а не гадать о цѣли съ какою кто вралъ. Цѣль была ясная, чтобы спастись отъ опасности, кажущейся грозою, отъ каторжныхъ работъ. Мнѣ тяжело даже отвѣчать на двѣ послѣднія улики противъ Чхотуа, до того онѣ представляются натянутыми, на тѣ два—три слова, которыми онъ обмѣнялся съ Габисоніей въ ночь 22-го іюля и на то, что онъ будто бы дѣлалъ притворные поиски трупа у парома. Прислуга уже была охраняема стражею подъ глазами Петренко, значитъ заподозрѣна въ убійствѣ. Д. Чхотуа оставался на свободѣ, но въ него впивались жадные взгляды людей, уже заранѣе убѣжденныхъ, что онъ убійца, и слѣдившихъ съ напряженнымъ вниманіемъ Гамлета въ сценѣ съ театромъ, не измѣняется ли онъ въ лицѣ. Въ эту минуту подсудимые перекинулись двумя—тремя словами по грузински, которыхъ никто не слышалъ и которыхъ содержаніе осталось неизвѣстнымъ. Можетъ быть со стороны Габисонія было сказано: «за что насъ арестовали, что намъ дѣлать?» Можетъ быть Д. Чхотуа отвѣтилъ: «не унывайте, держитесь какъ слѣдуетъ, говорите правду» и т. д. Обмѣнъ мыслей тотчасъ же былъ прерванъ Петренко, Колмогородскимъ, Цинамзгваровымъ. Приведеніе такихъ уликъ доказываетъ, что нѣтъ вѣскихъ, нѣтъ настоящихъ, когда платежъ наличными производится выдачею такихъ кусковъ металла, которые совершенно лишены даже формы монетъ.

Еще красивѣе улика съ паромщикомъ, со словъ его, паромщика Кадурина о томъ, что Д. Чхотуа стоялъ долго на берегу,—а можетъ быть онъ отыскивалъ глазами трупъ Нины,—потомъ вымылъ руки, а можетъ быть и голову какъ это дѣлаютъ люди встревоженные, когда желаютъ успокоиться и собрать мысли; затѣмъ, вѣроятно, увидѣвъ его, Кадурина, лежащимъ на паромѣ, пораженный пришедшею ему въ голову мыслію, онъ сталъ съ горячностью распрашивать: не видѣлъ ли па-

ромщикъ утопленника. Въ безсвязности этихъ дѣйствій, происходящихъ отъ внутренней тревоги лица, судъ усматриваетъ явное притворство, притворные поиски за тѣломъ Н. А., о которой Д. Чхотуа извѣстно было, что она не утонула. Чтобы вы сказали, гг. судьи, если бы родственникъ и ближній наслѣдникъ завѣщателя по закону сталъ доказывать недѣйствительность завѣщанія сумасшествіемъ, а сумасшествіе сталъ доказывать невозможностью, чтобы по духовному завѣщанію. онъ, наслѣдникъ по закону, былъ бы устраненъ. Ясно что здѣсь будетъ petitio principii, верченіе въ бѣличьемъ колесѣ. Не то ли самое и здѣсь?

Вопросъ о притворствѣ есть вопросъ чисто психологическій, о томъ, что *А* зналъ, что чего-то нѣтъ и несмотря на то его искалъ. Еслибы мы не знали по обстановкѣ театральнаго представленія, что мы присутствуемъ при воображаемыхъ и симулированныхъ дѣйствіяхъ, то мы ни какъ не могли бы рѣшить, правду ли мы созерцаемъ или ложь; слѣдовательно и для рѣшенія вопроса, притворялся ли Давидъ Чхотуа, необходимо рѣшить, что Н. А. не утонула и что о неутонутіи ея зналъ Д. Чхотуа и не смотря на то ее искалъ. Но вѣдь и *А* и *В* суть факты искомые, еще неизвѣстные. Обыкновенно и въ логикѣ, и въ математикѣ идутъ отъ величинъ извѣстныхъ, чтобъ опредѣлить неизвѣстныя. Здѣсь же отъ неизвѣстныхъ идемъ къ изслѣдованію неизвѣстныхъ. Вотъ почему и получаются нелѣпые результаты. Лучшимъ опроверженіемъ вывода улики о притворномъ исканіи трупа служатъ чрезъ нѣсколько же строкъ слѣдующія золотыя слова суда, къ несчастію, оставшіяся безъ примѣненія, а именно, что наблюденія надъ состояніемъ духа подсудимаго по обнаруженіи преступленія произведены при такомъ тревожномъ состояніи духа самихъ наблюдателей, что лишены гарантіи правильности, сдѣланныхъ имъ тогда нахожденій. А тревожное состояніе духа подсудимаго не должно ли быть объясняемо не столько угры-

зеніями совѣсти, сколько можетъ быть что оно слѣдствіемъ неловкаго его положенія, слѣдствіемъ устремленнаго на него всеобщаго вниманія, высказываемаго ему почти въ глаза. Какъ жаль, что судъ неостался вѣренъ этой правдивой мысли. Она, будучи послѣдовательно развита, предотвратила бы массу ошибокъ, предварила бы смерть двухъ людей и долговременное содержаніе другихъ подъ стражею.

Съ уликами противъ Д. Чхотуа я кончилъ. Но есть еще другіе подсудимые: братъ Чхотуа, Габисонія, Куридзе и Мгеладзе. Не явствуетъ ли преступность, какъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и всѣхъ съ совокупности, изъ уликъ, имѣющихся противъ остальныхъ подсудимыхъ. Разберемъ эти улики, и прежде всего улики противъ Габисоніи.

У Н. Андреевской было три пары обуви: а) опорки, найденныя у Куры, в) другія, которыя она сняла, вернувшись вечеромъ и раздѣваясь и с) которыя были найдены Цинамзгваровымъ подъ кроватью П. Габисоніи. Относительно сапожковъ этихъ только изъ показанія Чинамзгварова видно, что они была нечищены, но не разслѣдовано, какіе были починенные и какіе непочиненные, такъ какъ былъ сбитъ одинъ каблукъ. Это разслѣдованіе разрѣшило бы всѣ спорные вопросы. Но именно въ настоящемъ дѣлѣ—бездна праздныхъ изслѣдованій, тогда какъ важные пункты оставлены безъ вниманія. Вотъ эти то сапожки и задали работы слѣдователю больше, чѣмъ мозольные кружки и брюки Д. Чхотуа. Какъ и когда они попали къ П. Габисоніи? Это тайна между нимъ и Н. Андреевской. Ее не разрѣшили даже и показанія матери, которыя до того сбпвчивы и противорѣчивы, что придется допустить: а) либо, что ея голова ослабѣла, b) либо, что показаній отъ нея добивались, пригоняя ихъ къ извѣстному уже рѣшенію задачи. Такъ, 23 іюля, она показала, что Нина пошла вытряхивать пыль изъ платья. 28 іюля, она-же показала, что Нина, уходя, сказала только слова: «я скоро

прійду». Петру были отцаны того же утра Ниной, безъ ея вѣдома, сапоги для починки. Въ показаніи, данномъ 5 ноября въ Одессѣ, говорится: Нина сказала, что сходитъ въ кухню за полусапожками, которые дала утромъ вычистить повару. Наконецъ, 29 ноября Варвара Андреевская показала, что она не знаетъ, давала ли Нина въ день убійства повару или кому либо сапоги для починки. Сопоставьте эти показанія. Два изъ нихъ несомнѣнно ложны и, по всей вѣроятности, самое ложное отъ 5 ноября, когда одряхлѣвшая мать въ своемъ горѣ увѣровала, что ея Нина мученица, что ее убили. Но это показаніе, очевидно, всего то болѣе и было на руку обвиненію, какъ средство доказать, что, взявъ сапожки для чистки утромъ, Габисонія не возвратилъ ихъ вечеромъ, чтобы заставить барышню прійти въ кухню, гдѣ ее ожидала засада. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы доказать, что сапоги были даны для чистки, но не для починки, и, слѣдовательно, къ разрушенію показанія Габисоніи о томъ, какъ онъ отдавалъ сапоги, бралъ ихъ назадъ, оставлялъ ихъ у пурщика и т. д. Я не въ состояніи разбирать всю эту длинную и главное, безполезную исторію. Она, по моему, разрѣшается очень просто тѣмъ, что не могъ же Габисонія разсчитывать, что барышня потребуетъ чистые сапоги въ 10 ч. ночи, потому что, во-первыхъ, барышня никуда не собиралась, во-вторыхъ, что барышня имѣла другіе сапоги, которые скинула: наконецъ, въ третьихъ, барышни обыкновенно не ходятъ въ кухню, а зовутъ людей, и какъ ни неохотно служила Андреевскимъ чужая прислуга, а все таки на зовъ эта прислуга должна была явиться. Я главнымъ образомъ обращу вниманіе палаты на то употребленіе, какое судъ сдѣлалъ изъ обстоятельства о ботинкахъ, столь же идущаго къ дѣлу, какъ берлинскій конгрессъ или событія въ Америкѣ къ уликѣ виновности Габисоніи въ убійствѣ. Габисонія, значитъ, и теперь старается скрыть истину о сапожкахъ, а если онъ старается скрывать,

то для того только, чтобы отклонить подозрѣніе, а кто старается отклонить подозрѣніе, тотъ уже виноватъ. Гораздо было бы прямѣе, вмѣсто всѣхъ этихъ логическихъ хитросплетеній, имѣющихъ видъ софизмовъ, поставить ребромъ вопросъ: носилъ ли Габисонія сапоги въ починку и разрѣшить его осмотромъ самыхъ сапоговъ. Но сапоговъ то и нѣтъ. За неимѣніемъ же сапоговъ, имѣется записанное въ протоколъ показаніе Ив. Сумбатова, говорившаго, что онъ замѣтилъ башмаки подъ кроватью Габисоніи, что онъ разсматривалъ ихъ,— башмаковъ теперь нѣтъ между вещественными доказательствами, — и что онъ замѣтилъ новую полосу на каблукѣ. Починка, по словамъ Сумбатова, была свѣжая и потому онъ убѣдился, что Габисонія говоритъ правду.

Вторая улика противъ Габисоніи заключается въ томъ, что, когда исчезла Н. А., когда исчезновеніе это огласилось и пришло даже много постороннихъ посѣтителей, въ томъ числѣ г. Цинамзгваровъ, кн. Сумбатовъ, княгиня Туманова и др., то сходившіе на площадку, глядя сверху внизъ, видѣли на обрывѣ человѣка съ обвязанною головою, кто говоритъ тряпкою, какъ напр. Варвара Андреевская, кто — башлыкомъ, и этотъ человѣкъ внимательно слѣдилъ за наблюдателями, а когда его замѣтили, удалился въ кухню. Человѣкъ этотъ оказался П. Габисоніей. Онъ говорилъ, что его трясла лихорадка. Его словамъ не хотѣли вѣрить: онъ дескать притворяется больнымъ. Наконецъ, и само странное его любопытство обличало его въ преступленіи. Говорили, что онъ притворяется больнымъ, хотя въ скорбномъ листѣ значится, что онъ страдалъ давнишнею лихорадкою. Довольно взглянуть на этого исхудавшаго человѣка, чтобы убѣдиться, на сколько его жизнь сильно подточена сифилисомъ и кавказскою febris intermittens. Говорятъ, что онъ интересовался розысками и ставятъ это ему въ вину. Но, гг. судьи, вѣдь это дѣлаетъ г. Цинамзгваровъ, который лично не зналъ Андреевскую, а такъ заинтересовался самъ, что и слѣдствію то до-

ставилъ половину матеріаловъ. Спросите себя, неужели никто изъ васъ, узнавъ, что случилось по сосѣдству что то необычайное, не пожелалъ бы поглядѣть на это зрѣлище.

Но вѣнецъ всѣхъ уликъ и nec plus ultra въ искуствѣ строить предположенія смѣлыя до невозможности, болѣе тонкія, нежели паутинная сѣть, это царапина надъ правымъ соскомъ у П. Габисоніи, открытая 14 августа, слѣдовательно, чрезъ три недѣли, спустя послѣ происшествія, на такомъ мѣстѣ тѣла, которое я отношу къ секретнымъ, потому что нетолько въ высшемъ классѣ, но и въ простонародіи на Кавказѣ, никто этого мѣста не обнажаетъ, даже у русскаго мужика оно спрятано подъ рубашкою, а у здѣшнихъ — подъ рубашкою, архалукомъ и черкеской. Исходя изъ словъ доктора Маркарова, что ранка эта могла быть отнесена ко времени, когда совершено преступленіе, т. е. къ 22 іюля, судъ связалъ эти два факта и вывелъ заключеніе, что царапина могла быть причинена Габисоніи во время совершенія убійства, но ставитъ между этихъ словъ маленькую, ничтожную на видъ частичку *только: царапина только и можетъ быть причинена Габисоніи при совершеніи убійства.* Сказать это, значитъ вывести заключеніе не о возможности, а о достовѣрности, т. е. что Габисонія при совершеніи убійства изцарапанъ. Позвольте мнѣ этотъ замѣчательный образецъ логики пояснить примѣромъ: 12 октября 1877 года много людей ранено за Дунаемъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ. Я тоже, положимъ, къ этому времени порѣзалъ себѣ руку. Рана по времени совпадаетъ съ сраженіемъ при Горномъ Дубнякѣ, изъ чего я вправѣ составить предположеніе, что я могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, но, вставивши частичку *только* и утверждая, что я только могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, выйдетъ, слѣдовательно, въ результатѣ, что я въ самомъ дѣлѣ раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, за что и могу претендовать на полученіе военнаго ордена Георгія четвертой степени. Но возвратимся къ Габисоніи. Если онъ

дѣйствительно израненъ при убійствѣ Н. А., то какъ же рука ея туда попала и какъ на самыхъ этихъ нѣжныхъ рукахъ не было слѣда того, что онѣ рвали черкеску, верхнюю рубаху и добрались до самаго соска. Въ скорбномъ листѣ есть ранки у Габисоніи также и на рукѣ, на противоположной сторонѣ голени, въ двухъ мѣстахъ двѣ ранки. Я удивляюсь какъ не отнесены онѣ тоже къ убійству и не приписаны рукѣ Н. А. Всѣ же эти улики, вмѣстѣ взятыя и уничтожающіяся при строгомъ анализѣ, доказываютъ только, какъ мало постигается у насъ вообще, что такое улика въ преступленіи и какъ искуственный подборъ какъ бы уликъ, псевдо-уликъ, лишь бы ихъ было много по счету, вполнѣ достаточенъ для осужденія людей, хотя бы въ ихъ дѣйствіяхъ не было ничего, имѣющаго какое бы то ни было отношеніе къ преступленію, кромѣ ихъ случайной близости по времени и мѣсту къ преступленію еще не доказанному, но предполагаемому совершившимися.

За Габисоніею стояли въ категоріи прислуги Зурабъ Коридзе и Иванъ Мгеладзе, оба умершіе, оба подлежащіе и упоминовенію и разбору нынѣ съ одной лишь стороны, не признались ли они въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ преступленіи и не усиливаетъ ли ихъ участіе подозрѣнія, падающаго на остальныхъ. Иванъ Мгеладзе убилъ большую злющую собаку и заперъ остальныхъ. Если предположить, какъ долженъ былъ дѣйствовать судъ, что оба эти дѣйствія совершены по приказанію Д. Чхотуа, то затѣмъ участіе Мгеладзе, видимое и доказанное, сведется до нуля. Если, не получивъ приказанія, онъ заперъ собакъ въ сторожку, то и въ такомъ случаѣ я уже доказалъ, что это обстоятельство безразлично; кромѣ того оно опровергается показаніемъ кн. Тумановой, что собаки не были заперты.

О Зурабѣ Коридзе, появившемся первымъ послѣ исчезновенія Н. Андреевской есть два совершенно противоположныя обстоятельства въ показаніяхъ В. Андре-

евской, съ которыми, по причинѣ уже разсмотренной, должно обходиться очень осторожно.

Въ показаніи отъ 25-го іюля В. Андреевская говоритъ: Я стала звать Нину, потомъ позвала Зураба, Зурабъ крикнулъ «сейчасъ» и съ полчаса не являлся; послѣ чего явился и сказалъ, что раздѣвалъ Д. Чхотуа.

Въ показаніи 29-го іюля она говоритъ: черезъ $^1/_4$ часа, послѣ ухода Нины, услыхавъ трескъ въ корридорѣ, я крикнула Зураба, онъ отвѣтилъ: «сейчасъ»! и пришелъ черезъ полчаса, когда огарокъ уже догоралъ. Я приказала ему убрать огарокъ и принести свѣчку.

По показанію ея 9-го ноября она говоритъ: Я вышла въ корридоръ, съ удивленіемъ увидѣла свѣчку на полу у двери и услышала приближающіеся шаги изъ комнаты Д. Чхотуа. То былъ Зурабъ, шедшій босикомъ.

Разницы малехонькія но онѣ существенны. Это обстоятельство о сапогахъ наводитъ на мысль, что сапоги были мокрые, когда барышню топили. Къ счастію, мокрыхъ сапоговъ нигдѣ въ домѣ не оказалось, а простонародіе какъ во всемъ свѣтѣ, такъ и здѣсь любитъ ходить босикомъ; что же касается до мѣста, гдѣ В. Андреевская встрѣтилась съ Зурабомъ, то его откровенное признаніе: «Я иду отъ Чхотуа», разомъ упрощало вопросъ. Нѣтъ, нужно было, чтобъ Зурабъ не самъ сказалъ, что его накрыли возвращавшимся отъ Чхотуа и вотъ почему во второмъ показаніи его замѣтили въ корридорѣ.

Такъ или иначе Зурабъ могъ раздѣвать Чхотуа, а такъ какъ противъ него нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ вымученнаго признанія средствами, которыя осудилъ окружной судъ, то я не сомнѣваюсь, что за полнымъ отсутствіемъ данныхъ о мѣрѣ участія Зураба Коридзе, вы, гг. судьи, если бы его судили, то тотчасъ же и оправдали бы его.

Остается оправданный Николай Чхотуа, котораго несчастіе заключается въ томъ, что онъ жилъ въ домѣ

[redacted]

Шарвашидзе и, повидимому, спалъ въ моментъ, когда Н. Андреевская пропала. Говорятъ, что въ послѣднемъ словѣ онъ сказалъ: «г. прокуроръ во всей своей рѣчи обо мнѣ не упомянулъ ни слова, что же мнѣ послѣ того говорить въ мою защиту»? Свобода, которая выпала на долю Николая Чхотуа оспорена апелляціоннымъ протестомъ г. товарища прокурора. Первый разъ судъ сказалъ: убійство совершено чрезъ домашнихъ, но кѣмъ, нѣтъ никакой возможности выслѣдить и указать прямо на одну какую нибудь личность. Совершено съ участіемъ домашнихъ, слѣдовательно, нужно привлечь къ суду всѣхъ домашнихъ безъ изъятія. Если Д. Чхотуа согласилъ слугъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ согласить брата. При этомъ по послѣднимъ показаніямъ В. Андреевской, Николай Чхотуа слишкомъ скоро выскочилъ изъ комнаты и къ тому же одѣтый, на зовъ Варвары Андреевской, слѣдовательно, онъ притворялся, слѣдовательно, онъ зналъ и участвовалъ по предварительному съ ними соглашенію. Вся система доказательствъ состоитъ въ ссылкѣ на отвергнутыя судомъ вымученныя и купленныя сознанія Мгеладзе и Коридзе, которыя я теперь обхожу, предоставляя ихъ себѣ разсмотрѣть потомъ, когда, разобравъ и установивъ исторію происшествія, я перейду къ исторіи возникновенія сказокъ, легендъ и иныхъ фальсификацій происшествія. Теперь я имѣю дѣло только съ показаніемъ В. Андреевской, но прежде всего я долженъ повторить, что показанія ея раздваиваются по нѣкоторымъ интереснымъ пунктамъ, и что сторонамъ приходится либо выбирать любое, либо отвергнуть всѣ, какъ противорѣчивыя и не провѣренныя на судѣ, слѣдовательно, заставляющія предположить либо о слабыхъ умственныхъ способностяхъ, либо о внѣшнемъ давленіи, безъ всякой возможности возстановить нынѣ истину,

29 іюля В. Андреевская, не упомянувъ о пожарѣ, показала, что она стала звать Нину, и пошла съ Зурабомъ искать ее къ саду. „Мы разбудили Николая Чхотуа (въ нижнемъ этажѣ возлѣ кухни), который, повидимому,

спалъ въ то время. Отъ этого крика проснулся (въ верхнемъ этажѣ) Д. Чхотуа и спросилъ: «Что такое»? Потомъ одѣлся, побѣжалъ весь взволнованный." Между тѣмъ въ показаніи 5 ноября она говоритъ: „Около $8^1/_2$ часа Нина пришла со двора, сказавъ, что пожаръ вспыхнулъ гдѣ-то, что на пожаръ будто бы смотрѣли Николай Чхотуа и прислуга. Черезъ часъ, слѣдовательно въ $9^1/_2$ часа, у Ник. Чхотуа свѣча уже не горѣла; я не входила въ комнату, я стояла внѣ (не смотрѣла же она сквозь щель въ комнату молодаго человѣка), я только втолкнула Зураба со свѣчею. Чхотуа сдѣлалъ видъ проснувшагося, но онъ проснулся быстро; я не вѣрю чтобы онъ спалъ, я не знаю, какъ онъ былъ одѣтъ (не спалъ же голый?), былъ ли онъ прикрытъ одѣяломъ; не знаю, что онъ надѣлъ, надѣлъ ли онъ сапоги (слѣдовательно, былъ, можетъ быть, босъ). Когда онъ вышелъ на дворъ, то отворилось верхнее окошко, въ бѣлой рубашкѣ высунулся Д. Чхотуа и спросилъ: «что такое»?

Извѣстно, какъ не благопріятны для подсудимыхъ послѣднія показанія Варвары Андреевской въ сравненіи съ первыми, и какъ ни объяснять ихъ, давленіемъ ли извнѣ, системою ли допросовъ, или убѣжденіемъ, мало по малу проникшимъ въ душу старушки, что дочь ея убита, убѣжденіе, котораго она сначала не имѣла. Но даже и въ этомъ допросномъ пунктѣ, кромѣ субъективнаго „мнѣ не вѣрится, чтобы онъ спалъ", не сказано ничего далѣе о снѣ, котораго она и не могла, стоя внѣ комнаты и наблюдать, а выходитъ, что Н. Чхотуа, вѣроятно, былъ босъ, въ бѣльѣ лежалъ подъ одѣяломъ, слѣдовательно, въ положеніи совершенно противномъ тому, какое изображено въ прокурорскомъ протоколѣ. Если-бы за часъ до исчезновенія Н. Андреевской Николай Чхотуа и смотрѣлъ на пожаръ, то и это еще ничего бы не значило; но, гг. судьи, замѣтьте, что его наблюденія за пожаромъ ни чѣмъ не подтвердились. Записаны слова Н. Андреевской: „Матушка, подите, посмотрите на пожаръ, Н. Чхотуа отправился

смотрѣть на него“—вставка странная: съ какой стати то обстоятельство, что Н. Чхотуа смотрѣлъ на пожаръ, могло повліять на В. Андреевскую, чтобы и она пошла носмотрѣть на пожаръ. Это одинъ изъ тѣхъ позднѣйшаго происхожденія узоровъ, которыми рождающаяся легенда старалась сшить расползающіеся свои элементы, изъ которыхъ выкраивалось исподоволь и постепенно обвиненіе. Но изъ этого матеріала зданіе не выстраивается, какъ не выстраивается домъ изъ пуху или каналъ изъ масла. Допустимъ, что Н. Чхотуа притворялся, что онъ залѣзъ въ подушки, чтобы не быть при совершеніи или послѣ совершеннаго ужаснаго событія. Судите его, но судите по закону. Но законъ обойденъ, какъ будто онъ вовсе неизвѣстенъ обвинителю и я невольно задаюсь вопросомъ: извѣстно ли обвинителю, что въ преступленіи, совершенномъ нѣсколькими лицами сообща, нужно прежде всего, по 11 ст. улож., предварительно рѣшить, было ли это преступленіе совершено скопомъ, безъ предварительнаго соглашенія, или по предварительному соглашенію? Вопросъ этотъ не разобранъ, хотя и рѣшенъ безъ всякихъ мотивовъ въ послѣднемъ смыслѣ. Но въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать переборку всѣхъ участвующихъ и только подводя подсудимыхъ подъ извѣстныя категоріи, казнить ихъ по мѣрѣ участія въ преступленіи, какъ сказано въ заголовкѣ предъ 117 ст. Куда же прикажете отнести подсудимыхъ, какъ того требуетъ 13 ст., не говоря уже о Д. Чхотуа, котораго вы зачисляете и въ зачинщики, и въ подстрекатели, и, вѣроятно, въ физическіе виновники? Онъ конечно, атаманъ цѣлой разбойничьей шайки. Онъ Ванька Каинъ или Стенька Разинъ. Но остальные? Габисонія участвовалъ тѣмъ, что у него болѣла голова и что былъ оцарапанъ. Но участвовалъ ли онъ въ совершеніи преступленія, или въ сокрытіи слѣдовъ его? Н. Чхотуа участвовалъ только тѣмъ, что влѣзъ въ подушки и лежалъ прикрытый одѣяломъ. Кого онъ подтсрекалъ? Какой онъ могъ имѣть къ совершенію преступленія мо-

тія? Откуда видно, что онъ физически участвовалъ? Предположеніе, что Д. Чхотуа, зная замыслы преступниковъ, знаетъ быть можетъ и брата, оказывается фальшивымъ и не вѣрнымъ, именно потому, что всякій любящій брата и, задумавъ преступленіе, не втянетъ, а напротивъ, изъ любви выгородитъ его тѣмъ болѣе, что въ физическомъ его участіи не было необходимости въ виду и трехъ человѣкъ прислуги, и неопредѣленнаго быть можетъ сотеннаго числа таинственныхъ незнакомцевъ. Чѣмъ онъ помогалъ къ подготовленію преступленія, чтобы быть отнесеннымъ въ сообщники? Имѣлъ ли онъ одинъ достаточную силу, чтобы помѣшать преступленію? Слѣдовательно, можетъ быть онъ отнесенъ къ разряду попустителей? Что онъ укрывалъ, чтобы можно было его отнести къ разряду укрывателей? Самое большое, что его могло постигнуть—это подведеніе его по 15 ст. улож., подъ категорію недоносителей о преступленіи уже содѣянномъ, но тутъ самъ законъ, а именно ст. 128, какъ Архангелъ становится на его стражѣ и прикрываетъ его своими крыльями. Наказаніямъ за не донесеніе о содѣянномъ преступленіи не подвергаются недонесшіе родители на дѣтей, дѣти на родителей, супруги на супруговъ, родные братья и сестры на родныхъ братьевъ и сестеръ. Преслѣдуя всѣхъ виновныхъ и въ томъ числѣ Н. Чхотуа безъ разбора, безъ раздѣленія на категоріи, безъ мѣры вины, обвиненіе поступаетъ суровѣе, чѣмъ по горскимъ адатамъ (обычаямъ). По этимъ адатамъ только опредѣленное число домашнихъ дѣлается за убійство отвѣтственнымъ.

Обвиненіе же требуетъ выдачи головою всѣхъ домашнихъ безъ исключенія,—отчего-же и не тѣхъ собакъ или щенковъ, которые тоже обнаружили нѣкоторое участіе въ преступленіи тѣмъ, что не лаяли въ вечеръ 22-го іюля?

Я разбиралъ всѣ доказательства событія преступленія; ихъ нѣтъ. Самое большое что можно извлечь—это двоящееся предположеніе: можетъ быть утонула, можетъ

быть утоплена; мало рѣроятности, чтобы была удавлена и брошена въ воду. Я разобралъ прикосновенность къ злому дѣлу; если оно было твореніемъ рукъ домашнихъ, то оказывается, что никто изъ нихъ не прикасался, что связь ихъ съ преступленіемъ основана только на томъ, что они домашніе. Но въ дѣлѣ преступленія, даже доказанномъ, есть еще нѣчто третье, кромѣ мертваго тѣла да и движенія рукъ убійцъ, а именно та душевная пружина, которая приводила руки въ дѣйствіе, сердечное побужденіе, первоначальный импульсъ, мотивъ. Для полной ясности дѣла необходимо, чтобы существовали всѣ три элемента, обнаруженные или намѣченные, и при отсутствіи котораго либо изъ нихъ, дѣло точно статуя безъ головы, или безъ рукъ, или безъ туловища. Въ крайнемъ случаѣ субъективный человѣкъ, по скудости средствъ познанія, довольствуется двумя, когда можетъ догадываться о существованіи третьяго. Внѣшняя сторона дѣла раскрыта: есть убійство, есть физическій виновникъ, дѣйствовавшій въ состояніи вмѣняемости, тогда нужно предположить, что онъ имѣлъ цѣль, потому что только сумасшедшіе дѣйствуютъ безъ достаточнаго основанія, а меньше всего безпричинность можетъ быть приписана волѣ. Всего чаще случается въ судѣ уголовномъ и при томъ въ судѣ съ присяжными, вести мостъ воздушною аркою между дослѣженнымъ фактомъ убійства и несомнѣнными мотивами и дѣлать заключеніе о невѣдомомъ преступникѣ. Наконецъ, бываетъ, и это еще рискованнѣе, когда предполагаемый убійца похваляется, что онъ убилъ своего явнаго врага, на немъ найдены царапины и ссадины, обнаружено окровавленное платье предполагаемаго убитаго. Убійца осужденъ,—но во всѣхъ уголовныхъ лѣтописяхъ вы найдете случаи, что такіе убитые воскресали и въ старой практикѣ выработалось даже правило не обвинять безъ наличнаго corpus delicti.

Во всякомъ случаѣ мотивъ все равно что улика, клѣтка и сердце состава преступленія. Мотивы должны

быть хотя бы отмѣчены; въ приговорѣ должна быть, по крайней мѣрѣ, указана ихъ возможность, слѣдовательно, вѣроятность того, что, хотя не раскрытые, они существуютъ. Приговоръ суда о мотивахъ даже не заикнулся, онъ просто обошелся безъ нихъ. Онъ просто намъ далъ постройку преступленія безъ грудной клѣтки и сердца, какъ будто бы такъ и слѣдуетъ быть, такъ что по ихъ недостатку мы должны обратиться къ обвинительному акту, котораго намеки должно быть не подтвердились, коль скоро не вошли въ приговоръ.

Какіе же мотивы подходятъ подъ предполагаемыя дѣйствія подсудимыхъ, и прежде всего челяди? Даже въ обвинительномъ актѣ нѣтъ никакихъ, благо они челядь, чернь, толпа, о которой на всемъ свѣтѣ мало заботятся, предполагая, что, легко завлекаемая вожакомъ, она пойдетъ какъ панургово стадо; къ этому присоединяются чисто мѣстныя причины, нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ горцамъ. Объ этихъ абхазцахъ, напр., говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: абхазецъ готовъ зарѣзать за абазъ, готовъ зарѣзать даромъ. Изъ этого взгляда при условіяхъ мѣстной среды и обстановки создается даже и у весьма образованныхъ, но обжившихся здѣсь людей, странное міросозерцаніе. Признаюсь, что отъ такихъ сужденій невольно морозъ подираетъ по кожѣ пріѣзжаго и кажется ему, что у суда должна быть одна мѣрка, и что этою мѣркою надо было бы судить даже дикихъ краснокожихъ и даже австралійскихъ аборигеновъ.

Каждый изъ насъ—человѣкъ Божій. Я полагаю, что вы ихъ будете судить по человѣчески, какъ людей, хотя они и абхазцы. Но въ такомъ случаѣ вы примете въ разсчетъ то обстоятельство, что не всѣ изъ этой челяди были въ такомъ подчиненіи у Д. Чхотуа, чтобы они рѣшились на все или по матеріальной отъ него зависимости, или потому, что Гизо называетъ ésprit de clan, чувство солидарности всѣхъ членовъ рода—клана къ старшему, которому слѣдуетъ повиноваться. Какое

такое подчиненіе, или какую привязанность могъ питать такой, наприм., Габисонія, безъ году недѣлю пребывавшій въ домѣ Шарвашидзе, нанятый за 8 или за 9 дней до происшествія. О Н. Чхотуа нѣтъ уже и помину.

Предполагаютъ, что онъ былъ увлеченъ старшимъ братомъ, хотя упускаютъ изъ виду, что братъ то и долженъ былъ помѣшать ему втягиваться безъ нужды въ дѣло убійства. Остается Давидъ Чхотуа. Изъ двухъ мотивовъ, только и возможныхъ въ настоящемъ случаѣ: корысти и злобы, прежде всего отпадаетъ корысть. Н. Андреевская не была ограблена, одна или двѣ вещицы съ медальономъ или остались на днѣ рѣки, или пропали у рыбаковъ. Смерть ея никому матеріальной выгоды не доставила, кромѣ какъ стоявшему вдали отъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ и жившему тогда въ Одессѣ брату ея Константину. Итакъ злоба, но спрашивается за что? Занимаясь геологіею въ Петербургскомъ университетѣ, самъ кавказецъ, Д. Чхотуа пріѣхалъ въ 1870 году въ Одессу и сталъ вхожъ въ полукавказскій домъ бывшаго доктора при князѣ Воронцовѣ, женатаго на княжнѣ Тумановой и породнившагося съ Орбеліани. Знакомство началось еще при жизни Э. Андреевскаго. Въ домѣ этомъ онъ былъ принятъ точно родной послѣ женитьбы на одной изъ Андреевскихъ его молочнаго брата князя Шарвашидзе. Его отношенія съ бойкой, живой, имѣвшей много мужескаго, рѣшительнаго и занимавшейся естественными науками Ниной, были милыя, дружескія. Въ 1872 году умеръ Эрастъ Андреевскій. Сестрамъ достались домъ и имѣнія на Кавказѣ, которые съ 1872 года по 1876 годъ оставались въ нераздѣльномъ владѣніи сестеръ, но приносили мало дохода, потому что нельзя было подыскать умѣлыхъ и добросовѣстныхъ управляющихъ. Не оправдалъ довѣрія Анищенко, не поправилъ дѣла Вейсенфельдъ, тогда Шарвашидзе и упросилъ Д. Чхотуа взять на себя управленіе имѣніемъ. Человѣкомъ добрымъ его назы-

[redacted]

валъ еще покойный Андреевскій. Управляющій онъ былъ не важный. Но если въ немъ не видать качествъ управляющаго, то съ другой стороны тѣ даже, которые называютъ его скупымъ, говорятъ, что онъ былъ честный человѣкъ и даже честнѣйшій, какъ отозвался объ немъ редакторъ газеты *Дроэба* С. Месхи.

Во всякомъ случаѣ онъ былъ свой, вѣрный человѣкъ и за управленіе имѣніемъ, которое, по словамъ кн. Анчабадзе, стоитъ болѣе двухъ сотъ тысячъ руб., бралъ всего 600 руб., а потомъ, по предложенію кн. Шарвашидзе, 1,200 руб. въ годъ.

Будучи приглашенъ на это мѣсто, Чхотуа бросилъ Петербургъ, заключилъ условіе въ ноябрѣ 1874 г., но сталъ управлять имѣніемъ съ апрѣля 1875 года. Такимъ образомъ управлялъ годъ до давно желаннаго и предвидѣннаго момента раздѣла.

Въ цѣломъ раздѣлѣ этомъ онъ былъ фигурантъ, лице, являющееся только ради церемоній для приложенія къ акту своей подписи. Раздѣлъ условленъ былъ заранѣе еще въ Варшавѣ, когда мать съ дочерью посѣщали жену Шарвашидзе. Надобно было предварительно заложить имѣніе, потому и выслана была довѣренность нѣкоему Мирзоеву, который, по словамъ Шарвашидзе, и оцѣнилъ домъ въ 22 т. р. Но Мирзоеву было некогда, вслѣдствіе того была дана довѣренность на имя Давида Чхотуа, посланная при письмѣ Н. Андреевской изъ Одессы. Письмо это замѣчательно. Она, между прочимъ, пишетъ: «Это въ сущности одна формальность, потому что мы въ Одессѣ согласились на полюбовный раздѣлъ». Довѣренность эта служила только для предварительныхъ дѣйствій, потому что, когда В. и Н. Андреевскія пріѣхали 29 іюня и остановились въ гостинницѣ «Европа», то составить раздѣлъ на основаніяхъ, предложенныхъ въ Варшавѣ со стороны кн. Шарвашидзе, взялся кн. Анчабадзе, а со стороны Н. Андреевской ихъ старинный 65 лѣтній знакомый Ониковъ. Соглашеніе состоялось и относительно дома, по оцѣнкѣ

Мирзоева, и относительно имѣній. Шарвашидзе далъ Нинѣ вексель въ половину стоимости дома, а именно въ 11 т. р. Вексель былъ изорванъ потомъ братомъ ея, Константиномъ. Представителями сторонъ были Филковъ и Анчабадзе. Облечь полюбовный раздѣлъ въ форму третейскаго приговора упрошенъ былъ нѣкто Виссаріонъ Гогоберидзе. Анчабадзе и Ониковъ составили двѣ равныя части. Подававшему чай, лакею Оникова, Леванидзе, приказано было позвать мальчика съ улицы для вынутія жребія, и жребій вынутъ: на долю Нины выпалъ лѣсъ въ Дрэ, въ которомъ производилась уже рубка по распоряженію Шарвашидзе и Чхотуа. По словамъ Ал. Сулханова, Оникова и Гогоберидзе, когда жребій былъ вынутъ, то Нина сказала Шарвашидзе: «Георгій, ты хотѣлъ лѣсъ, помѣняемся», но Шарвашидзе не принялъ этого предложенія. Это обстоятельство разсѣваетъ всѣ выводы, основанные на лакейскихъ соображеніяхъ Леванидзе о томъ, что Шарвашидзе не былъ доволенъ, недопилъ чаю и уѣхалъ. Они опровергаются и тѣмъ, что beau frère и belle soeur остались въ дружескихъ отношеніяхъ, которыхъ я еще коснусь.— Какъ только раздѣлъ совершился, надо было пріостановить рубку лѣса въ Дрэ; новая владѣлица, входя во всѣ свои права и видимо наслаждаясь ихъ пользованіемъ, поѣхала на мѣсто, созвала крестьянъ и въ присутствіи ихъ, а также Д. Чхотуа и Сулханова, племянника Оникова, заявила себя владѣлицей, указала на Сулханова, какъ на новаго управляющаго и какъ на человѣка, къ которому съ тѣхъ поръ они должны обращаться въ своихъ нуждахъ и со своими требованіями. При этомъ случаѣ, разсказывалось Сулхановымъ, что Д. Чхотуа былъ скученъ и поблѣднѣлъ; по словамъ Баграта-Швили, онъ металъ на Сулханова столь злобные взгляды, что Баграта-Швили опасался за жизнь Сулханова и держалъ ружье наготовѣ.

Я не придаю этимъ показаніямъ сулхановскимъ никакого значенія потому, что фактъ наблюденія можетъ

быть явился у Сулханова ретроспективно. Онъ трудно констатируется; такъ могло Сулханову показаться; что касается Баграта-швили, то онъ, какъ видно, дикарь, и какъ дикарь судилъ объ отношеніяхъ людей образованныхъ и при томъ такъ мало понималъ въ чемъ дѣло, что принималъ все время Д. Чхотуа за Константина Андреевскаго, на котораго опять незачѣмъ было бросать гнѣвные взгляды, да притомъ гнѣвныхъ взглядовъ никто не замѣчалъ кромѣ этого дикаря. Ни самъ фактъ, ни его формы не оправдывали ни въ малѣйшей степени предположенія, чтобы Д. Чхотуа могъ быть недоволенъ назначеніемъ новаго управляющаго. По разсказамъ очевидцевъ, Н. Андреевская не сказала никакихъ обидныхъ словъ и не сдѣлала обидныхъ намековъ для Д. Чхотуа. Назначеніе же новаго управляющаго было существенно важно и практически необходимо, какъ для того, чтобы отмѣтить перемѣну порядка, разницу стараго отъ новаго, такъ и для того еще, чтобы дать волю своему доброму и благородному сердцу, привлечь къ себѣ крестьянъ и провозгласить программу цѣлой новой помѣщичьей политики. Дѣло въ томъ, что, по показанію, весьма вѣроятному, свидѣтеля объѣздчика осетина Алексѣя Текета-Швили на этомъ имѣніи лежалъ отцовскій грѣхъ. Эрастъ Андреевскій заставилъ крестьянъ до ихъ освобожденія подписать прошеніе, въ которомъ они назывались «хизанами». Вслѣдствіе этого они не получили надѣла. Конечно, исправить зло не было возможности при общемъ владѣніи, но первымъ дѣломъ Н. Андреевской было объявить, что они получатъ землю. Минута была торжественная и сильно могла растрогать присутствовавшихъ, вотъ почему могъ поблѣднѣть Д. Чхотуа. Что Н. Андреевская дѣлала крестьянамъ заявленія по необходимости своего положенія, а не для того, чтобы кольнуть Д. Чхотуа, и заявленіе не могло быть понимаемо какъ только въ видѣ дѣйствительной необходимости и со стороны самаго Чхотуа, что я заключаю изъ того, что и новый управляющій не

былъ человѣкъ окончательный. Г. Сулхановъ, племянникъ Оникова, имъ рекомендованный, былъ взятъ на время; это несомнѣнно изъ письма, найденнаго на столикѣ Н. Андреевской и писаннаго ею утромъ 22 іюля къ своему учителю Іосифу Васильевичу Романовскому, управляющему одесскимъ домомъ. «Можетъ быть мой повѣренный Сулхановъ (назначенный на прошлой недѣлѣ) окажется также честнымъ человѣкомъ; до сихъ поръ онъ очень старателенъ... Но вы всетаки пріищите надежнаго грузина. Мы съ маменькой только на васъ можемъ полагаться». Былъ ли смыслъ мѣнять Д. Чхотуа на Сулханова, а вмѣстѣ съ тѣмъ выписывать новаго управляющаго отъ Романовскаго; очевидно, практичнѣе было подождать новаго, оставивъ управленіе при Чхотуа. Нельзя было не перемѣнить въ одномъ только случаѣ, если бы самъ Чхотуа отказался. Есть обстоятельства, дѣлающія этотъ отказъ фактомъ, почти несомнѣннымъ, и прежде всего слова Сулханова, который говоритъ, что отношенія между Н. Андреевской и Д. Чхотуа были самыя вѣжливыя. Д. Чхотуа самъ отказался отъ званія управляющаго, чтобы не навлечь на себя нареканій изъ боязни, чтобы къ нему не отнеслись недовѣрчиво. Не повѣрите Сулханову, такъ повѣрьте матери. Въ этомъ дѣлѣ какъ бы условлено брать изъ ея показаній только то, чѣмъ она обвиняетъ, а не то, чѣмъ она оправдываетъ Д. Чхотуа. Между тѣмъ въ показаніи 28 іюля она говоритъ, что у Нины никакой непріязни къ Д. Чхотуа не было. Чхотуа никогда не выражалъ желанія быть управляющимъ имѣніемъ Нины; при томъ онъ ничего не знаетъ въ дѣлѣ управленія. Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія нато, чтобы онъ напрашивался. Единственный свидѣтель въ этомъ родѣ лѣсной сторожъ Ковальскій, слышавшій это отъ неподтвердившаго ссылки лѣсника Георгія Модебадзе. Я потомъ объясню происхожденіе этой сказки. Между сторонами можетъ быть все обошлось безъ всякихъ объясненій; случилось то, что бываетъ между короткими и хоро-

шими знакомыми. изъ деликатности они не станутъ другъ у друга одолжаться, другъ къ другу наниматься, чтобы не испортить своихъ хорошихъ отношеній. Внѣ дѣловыхъ отношеній, неподающихъ повода къ злобѣ и даже къ размолвкѣ, не обнаружено ни малѣйшихъ поводовъ къ неудовольствію, ни малѣйшаго намека, на которомъ можно было бы построить романъ отвергнутой любви. За неимѣніемъ личнаго мотива стали подозрѣвать, что Д. Чхотуа есть только ширма, что за нимъ дѣйствовали другія темныя силы. Два тома дѣла посвящены обслѣдованію въ Кутаисѣ, что ѣлъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ разговаривалъ кн. Шарвашидзе съ своимъ повѣреннымъ, кн. Анчабадзе. Они не были привлечены къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, но я полагаю, что гораздо лучше положеніе подсудимыхъ, нежели людей, относительно которыхъ слѣдователемъ дается предложеніе кутаисской полиціи узнать между какими лицами вращался кн. Шарвашидзе и не готовился ли онъ послать въ Россію убить своего шурина К. Андреевскаго, или о которыхъ составляется постановленіе, что для окончательнаго убѣжденія въ виновности Шарвашидзе и Анчабадзе въ убійствѣ не достаетъ только телеграммъ ихъ къ Д. Чхотуа. Между тѣмъ и телеграммы на лицо, и все таки первоначальное убѣжденіе въ убійствѣ остается подъ спудомъ. Пришлось признать, что кн. Шарвашидзе не могъ имѣть ни малѣйшаго интереса въ смерти Н. Андреевской, такъ какъ не жена его наслѣдовала по закону все ея имущество, а братъ ея Константинъ, что досужія предположенія о томъ, что кн. Шарвашидзе нѣчто въ родѣ того шейха, который во время крестовыхъ походовъ посылалъ на Ричарда Львиное сердце и Филиппа Августа своихъ убійцъ, не внесены даже въ обвинительный актъ. Безсиліе и нищета этихъ предположеній не помѣшали помѣщенію въ обвинительномъ актѣ нѣсколькихъ парфянскихъ стрѣлъ, пущенныхъ назадъ убѣгающихъ всадниковъ, не сказано, что подозрѣнія не подтвердились, а намѣчено только, что

не добыто данныхъ къ возбужденію обвиненія и не открыто, къ несчастію, надлежащихъ уликъ, какъ будто бы есть мѣсто какимъ либо уликамъ, когда признается, что смерть не могла принести пользы, и что не могло быть болѣе интимныхъ отношеній, какъ тѣ, которыя существовали между Ниной и ея зятемъ. Она умерла, когда не обсохли еще чернила на письмѣ ея, которое она должна была въ 9 ч. утра слѣдующаго дня отправить въ Кутаисъ съ Д. Чхотуа. Она пишетъ: «Дорогой Георгій! Portez vous bien, cher princillo, n'oubliez pas votre belle soeur, qui vous embrasse et vous aime bien. — Nina, citoyenne mocalaque de Tiflis». Далѣе она пишетъ, что купила мѣсто на домъ и была страшно рада.

Я полагаю, что тѣмъ можно и покончить главу мотивовъ преступленія. Нигдѣ, ни въ комъ не обнаружено никакихъ мотивовъ, да ихъ и не было. Событія 22 іюля развертываются предъ нами просто, естественно, прямолинейно, словно хронологически они укладываются въ слѣдующемъ порядкѣ.

Передъ нами носится яркій, живой, рельефный образъ женщины, молодой, исполненной жизни и силы, имѣющей всѣ задатки долгой, счастливой жизни, полезной для себя и для другихъ. Хотя грузинка по матери, Н. Андреевская по складу ума, наклонностямъ, закалу характера въ полномъ смыслѣ русская женщина, въ лучшемъ смыслѣ слова, сама во все вникающая и рѣшающаяся на дѣло самостоятельно. Свидѣтель Меликовъ привелъ, между прочимъ, на судѣ ея слова, сказанныя кн. Анчабадзе: «Я русская женщина, люблю, чтобы все дѣлалось прямо, оканчивайте ваши акты, потомъ я поѣду и подпишу». Это была притомъ русская женщина новѣйшей формаціи, бойкая, веселая, рѣзвая, смѣлая, съ широкимъ умственнымъ горизонтомъ, незнающая предѣловъ. Она любила Бокля, читала Дарвина и Геккеля; по словамъ кн. Варвары Тумановой, знала медицину. По словамъ студента Донаіани, знававшаго ее съ 1868 по 1870 г., занималась жен-

скимъ вопросомъ, мечтала о докторствѣ и о путешествіяхъ, разсказывала живо, огненно, съ увлеченіемъ, одѣвалась чрезвычайно просто, даже неряшливо, съ мужчинами становилась тотчасъ на товарищескую ногу, была рѣзка, отважна, по выраженію Варвары Тумановой, говорила, смѣясь, что трусятъ однѣ бабы. При такихъ условіяхъ понятно, что она подчинила себѣ всѣхъ окружающихъ, что она вполнѣ подчинила себѣ мать. По словамъ кн. Тумановой, мать все дѣлала по волѣ Нины еще въ бытность ихъ въ 1876 году въ Кисловодскѣ. При этихъ смѣлыхъ полетахъ въ область мышленія, живомъ и трезвомъ разсудкѣ, стремленіе къ реальному, при рѣзкости и вирильности въ манерахъ,— полное отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, полное подчиненіе чувственности, похоти и того, что называется плотскимъ инстинктомъ.

Она другая Діана, она между женщинами другой Карлъ XII. Объ ней говоритъ Шарвашидзе: «она была чужда всякаго романтизма». О ней всѣ говорятъ, что она никого, что называется, не любитъ; она смѣялась, когда говорили о любви, это говоритъ Донаіани. Она говорила домашнимъ, что никогда не выйдетъ замужъ. При этомъ пугливомъ цѣломудріи, при этой стыдливости, мѣшающей ей обнажаться при сестрѣ и матери, при этомъ крѣпкомъ умѣ и закаленномъ характерѣ, трудно было и выйти замужъ, ей трудно было подыскать человѣка, котораго превосходство она бы признала и потому къ нему привязалась. Н. Андреевская выходила изъ ряда женщинъ, но и рѣдкій мужчина былъ бы ей парой, его бы надо было со свѣчей поискать.

Дѣловитость Н. Андреевской проявилась и въ раздѣлѣ. Она даетъ для формы довѣренность, но условія продиктованы ею лично и сдѣлка совершена толково, разсчетливо, съ полнымъ пониманіемъ своего интереса. Послѣ раздѣла, Нина, со свойственной ей принципіальностью и со сметкою, стала пріискивать себѣ управляющаго, за отказомъ Д. Чхотуа, бывшаго интермаль-

нымъ управляющимъ, что нисколько не возмутило добрыхъ ея отношеній къ братьямъ Чхотуа. По познаніямъ и происхожденію, она не могла не относиться къ Д. Чхотуа, какъ къ человѣку своего общества и, конечно, не могла раздѣлять ретроградныхъ предразсудковъ своей матери: «какое же они намъ общество, они служатъ на жалованьи?» Еще въ бытность Шарвашидзе въ Тифлисѣ, онъ предложилъ Андреевскимъ переѣхать въ свой домъ, но онѣ не переѣхали, боясь стѣснить князя, къ которому ходило много молодыхъ людей, а они могли быть ими стѣснены. Послѣ отъѣзда Шарвашидзе, онѣ вдругъ воспользовались приглашеніемъ и переѣхали по инициативѣ Нины. Это утверждаетъ прямо В. Туманова, это утверждаетъ и мать, объясняя переѣздъ такъ: Нинѣ, которая любила все устраивать и укладывать, пришла мысль наклеить ярлычки на вещи въ домѣ Шарвашидзе, ей принадлежащія. Положеніе въ домѣ оказалось не очень удобное не потому, чтобы Д. Чхотуа не былъ предупредителенъ, но по недостатку подходящей прислуги. На всемъ свѣтѣ прислуга такова, что родственники господъ для нихъ люди чужіе, которымъ служатъ они нехотя, если не ублажать ихъ подарками, а мать и дочь—женщины разсчетливыя. Какая притомъ прислуга изъ неуклюжихъ абхазцевъ или осетинъ могла быть годна для дамъ такого общества и воспитанія, къ какимъ принадлежали Андреевскія? Какая горничная — Зурабъ Коридзе, двигающійся медленно, какъ автоматъ, Зурабъ Коридзе, который скажетъ флегматически «сейчасъ» и ждешь его потомъ минутъ 10 или 20? Обѣ дамы отъ этой прислуги требовали весьма малаго, сами выливали горшки, не обѣдали дома и, разумѣется, имѣли въ виду пробыть здѣсь наиболѣе короткое время, затѣмъ уѣхать; ихъ пребываніе имѣло характеръ случайности, думалось, уѣдутъ черезъ день, черезъ два.—А задержали ихъ случайно появившіяся одно за другимъ обстоятельства. Ѣздили въ Каджоры въ фаэтонѣ, въ сопровожденіи Габисоніи. По показанію свидѣтелей То-

хадзе и Хидакова, она ѣздила въ лѣсъ Дрэ и обѣщала хизанамъ, что ихъ судьба будетъ устроена [redacted]; наконецъ, была извѣстная покупка въ Тифлисѣ мѣста подъ домъ, по предложенію Сулханова, о чемъ писала Н. Андреевская въ письмѣ къ Шарвашидзе: «me voila citoyenne de Tiflis». Объ этой новой затѣѣ, задержавшей именно еще на нѣкоторое время Нину, не могъ знать Д. Чхотуа, ѣздившій съ Андреемъ Николаевымъ 20-го іюля и возвратившійся 21-го вечеромъ изъ Дрэ. 21-го онъ вернулся, а 23-го долженъ былъ ѣхать въ Кутаисъ, къ Шарвашидзе, везти отцовскую шашку, починенную въ Тифлисѣ.

У него въ промежуткѣ поѣздокъ только и было полтора дня, въ теченіи которыхъ онъ узналъ о предстоящей покупкѣ земли. Онъ предполагалъ ѣхать въ Гори. Онъ думалъ, что онѣ уѣхали. Ихъ обыкновенное времяпрепровожденіе было слѣдующее: утро онѣ проводили дома, въ 3 часа по полудни отправлялись обѣдать въ гостинницу, возвращались въ 7 часовъ вечера домой, пили чай, потомъ дамы запирались у себя и просиживали по городскому современному обычаю часовъ до 12 и до 1-го, между тѣмъ, какъ прислуга спала мертвымъ сномъ уже въ половинѣ десятаго или въ 10 часовъ и даже не свѣтился огонекъ въ корридорѣ. Такъ какъ даже за естественной нуждою дамы не выходили на дворъ, то устроеніе засады, безъ вызова ихъ изъ комнаты, было не мыслимо; вызовъ безъ мотива—тѣмъ паче. Подстроить нельзя было эту засаду такъ, чтобы попала въ руки жертва, потому что ея прогулка ночью была такая случайность, на которую никто изъ домашнихъ не могъ разсчитывать.

День 22-го іюля, прошелъ тѣмъ же порядкомъ, но съ нѣкоторыми особенностями, которыя только и могутъ быть удостовѣрены показаніями Варвары Андреевской, данными ею 23-го и 28-го іюля. 22-го былъ день ангела матери Варвары Андреевской. Дамы уѣхали туда въ 11 часовъ, видались съ Тумановыми, при-

чемъ Нина обѣщала, по словамъ княжны Тумановой, подойти въ 10 часовъ къ забору «Кружка». Заѣзжали къ Бебіеву заказать лимонаду, обѣдали въ 3 часа въ гостинницѣ «Кавказъ», потомъ пробыли до 7 часовъ у тетки, кн. Орбеліани; къ 8-ми часамъ, уже напившись чаю, пріѣхали и, заставъ Д. Чхотуа одного, такъ какъ Н. Чхотуа ѣздилъ кататься въ Муштаидъ, отказались отъ предложеннаго Д. Чхотуа чаю. Нина раздѣлась; узнавъ отъ Д. Чхотуа, что онъ ѣдетъ, написала письмо къ Шарвашидзе, которое намѣревалась передать утромъ; посидѣла нѣкоторое время, а именно до 8¹/₄ часовъ съ В. Андреевской. Въ 8¹/₂ часовъ ушелъ Д. Чхотуа, но минутъ черезъ 10 явился Николай, посидѣлъ на террасѣ тоже минутъ 10, выпилъ чай, отъ котораго отказались дамы, но который былъ заготовленъ къ обычной порѣ прислугою и поданъ Зурабомъ. Затѣмъ прошли еще полчаса въ теченіи которыхъ Нина нѣсколько разъ входила и выходила. Въ этотъ промежутокъ времени апелляціонный протестъ вставляетъ, на основаніи показанія В. Андреевской отъ 5-го ноября, слова Нины: «пойдемъ, матушка, посмотрѣть на пожаръ, смотрятъ Н. Чхотуа и вся прислуга»,—какъ доказательство, что Н. Чхотуа не спалъ вплоть до исчезновенія Н. Андреевской, но это запоздалое показаніе подозрительно. Это было передъ уходомъ Нины со свѣчею. Если бы обстоятельства были таковы, то Андреевская, когда вышла за Ниною, натолкнулась бы на возвращавшуюся прислугу. А между тѣмъ, когда она вышла, не было ни живой души. Все успокоилось; въ 10 часовъ Нина условилась идти къ «Кружку». Настаетъ роковое время, 9¹/₂ часовъ. Въ это время совершается выходъ Нины изъ комнаты, возвращеніе ея съ огаркомъ, обмѣнъ огарка на свѣчку и уходъ Нины, сопровождаемой словами: «я скоро приду», какъ сказано въ показаніи 28-го іюля, или какъ сказано въ показаніи 5-го ноября: «я не успѣю пройти черезъ корридоръ съ этимъ огаркомъ, его вѣтеръ задуетъ, я ухожу черезъ кор-

ридоръ въ кухню за башмаками, которые отдали утромъ».

Изъ этихъ двухъ совершенно противорѣчивыхъ показаній о намѣреніяхъ Н. Андреевской надо выбрать одно. Я выбираю первое и положительно отвергаю второе, какъ несомнѣнно несостоятельное. Во-первыхъ, противно природѣ, чтобы несвѣжія воспоминанія были обстоятельнѣе, въ особенности у женщины, ослабленной лѣтами, которая въ послѣдующихъ показаніяхъ наговорила массу вещей, прямо противныхъ первымъ показаніямъ. Кромѣ того, я надѣюсь доказать, что и допросы были тенденціозны, т. е. дѣлались съ цѣлью подогнать показанія подъ факты, считавшіеся обнаруженными; во-вторыхъ, потому что для того, чтобы пройти корридоръ и вернуться, достаточно было маленькаго огарка; въ третьихъ, потому что Нина на ночь не нуждалась въ ботинкахъ, у нея были тѣ, въ которыхъ она была въ этотъ день, и опорки, и наконецъ, въ четвертыхъ, потому что не только стыдливой Нинѣ, но и всякой дѣвицѣ, дамѣ, женщинѣ не прилично идти на кухню въ то время, когда по часамъ челядь, повидимому, раздѣвается или раздѣлась и легла спать. Послѣ того и появленіе ночью между спящими мужчинами вы должны бы признать за явленіе естественное.

Итакъ, Нина сказала: «я скоро приду», не сказавъ, куда идетъ, но само взятіе свѣчки въ подсвѣчникѣ указываетъ, что она не очень скоро придетъ, или, что скорость, по крайней мѣрѣ, есть понятіе относительное. Подсвѣчникъ нуженъ былъ, чтобы поставить его у лѣстницы, гдѣ его и увидала мать, а ушла она на террасу, передъ открытымъ окномъ матери, и оттуда на спускъ купаться, по извѣданной утромъ тропинкѣ. Не брала ни простыни, ни губки, ни полотенецъ, потому что она была въ чужомъ домѣ, безъ всякихъ принадлежностей туалета и даже безъ бѣлья, котораго у нея свѣжаго, можетъ быть, и вовсе не было, такъ какъ

оно было отдано въ стирку. Но если бы оно и было въ комодѣ, она, можетъ быть, и не взяла бы его, чтобы не безпокоить мать. Не сказавъ матери, куда она идетъ, она исполнила еще поутру задуманное со свойственною ей рѣшимостію и, поставивъ подсвѣчникъ въ корридорѣ, у выхода или лѣсенки на террасу, пришла на террасу; засады здѣсь никому нельзя было устроить, потому что малѣйшій крикъ услышала бы мать и высунулась бы въ открытое окошко. По своему обычаю, она предполагала выкупаться въ бѣльѣ, послѣ чего, сбросивъ его, надѣть на босую ногу сапожки, на тѣло—черное платье и кофту. Въ то время, когда она сходила на террасу, возвращался съ противоположной стороны черезъ сторожку Мгеладзе, въ это же самое время Д. Чхотуа и звалъ къ себѣ Коридзе помочь ему раздѣться.

Легкою поступью, свѣтлою лунною ночью, Н. Андреевская спустилась по тропинкѣ, раздѣлась и, не зная мѣстности, не умѣя плавать, попала тотчасъ въ яму, глубиною въ пять аршинъ, у площадки налѣво, яму, которую изслѣдовалъ потомъ Кадуринъ.

Она потеряла почву подъ собою, захлебнулась, не испустивъ крика, потеряла сознаніе, получила нервный ударъ, къ которому ее располагало полнокровіе, и вода со свойственною Курѣ быстротою унесла ее, незамѣченную паромщиками, вдаль за Тифлисъ и до Караяза. Между тѣмъ, наступаетъ 10 часовъ, мать безпокоится, выходитъ въ корридоръ, видитъ подсвѣчникъ. По корридору раздались шаги; то былъ возвращавшійся отъ Д. Чхотуа Зурабъ, вѣроятно, съ платьемъ; на зовъ онъ по обычаю сказалъ «сейчасъ», да и не пришелъ сейчасъ, пока опять не вызвала его своимъ крикомъ В. Андреевская; тогда онъ пришелъ подпоясанный, въ архалухѣ и босой; вѣроятно, босикомъ онъ ходилъ раздѣвать и Д. Чхотуа. Съ Зурабомъ Коридзе В. Андреевская пошла поднимать на ноги всѣхъ домашнихъ, всунула ему въ руки подсвѣчникъ и втолкнула его будить Н. Чхотуа. Сама она же кричала «Нинуца» и заставила Д. Чхотуа вы-

сунуться изъ окна. Николай Чхотуа смотрѣлъ спокойнѣе, но Д. Чхотуа весь дрожалъ, пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ. Остальное извѣстно. Явились знакомые и не знакомые, въ ихъ числѣ и Цинамзгваровъ; тотчасъ же, въ часъ ночи, возбудилось подозрѣніе въ убійствѣ; въ 2 часа прислуга была арестована; всѣ глаза были устремлены на братьевъ, Чхотуа, что бы они ни дѣлали, стояли или сидѣли, краснѣли отъ внутренняго волненія или блѣднѣли подъ устремленными на нихъ взорами пытливыхъ розыщиковъ изъ знакомыхъ враговъ. Д. Чхотуа ставятъ въ вину и то, что онъ на рѣкѣ близъ парома вглядывался пристально въ камень, наблюдая не плывущій ли это предметъ; и то, что онъ, взволнованный происшествіемъ, омочилъ руки, а можетъ быть, вспрыснулъ холодной воды на горячую голову и лицо; и то, что онъ не позволялъ трогать платье на берегу, пока не придетъ полиція; и то, что онъ говорилъ «мы погибли»; и то, что, когда внезапно пало подозрѣніе на домашнихъ, и эти люди, которыхъ онъ зналъ какъ невинныхъ, будучи неожиданно арестованы, смущались, онъ внезапно ободрилъ одного изъ нихъ спокойнымъ словомъ: «не бойся, не погибнешь, невинныхъ людей не губятъ»; и то, что, когда въ послѣдующіе дни его, оставленнаго пока на свободѣ, пронизывали пытливые взгляды публики, его лицо осунулось и губы нервно дрожали,—но вѣдь, въ такомъ положеніи въ одну недѣлю можно посѣдѣть!

Такимъ образомъ, изъ точнаго, обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла Н. Андреевской вытекаетъ, что ничего нѣтъ въ немъ темнаго, загадочнаго, таинственнаго, что только болѣзненное воображеніе могло искать за естественнымъ ходомъ событій какихъ-то адскихъ, страшныхъ, ужасающихъ причинъ. Дѣйствительность оказывается безъ всякой поэзіи: она суха и прозаична.

Положимъ былъ человѣкъ молодой, исполненный будущности, слетѣлъ со второго этажа и убился на смерть; невинное дитя убито было ударомъ грома на полѣ; кра-

сивая дѣвица, купаясь, утонула,—какъ жаль, скажетъ всякій по врожденному человѣку чувству симпатіи, чувству человѣколюбія. Иные, ближе знавшіе утопленницу, потоскуютъ, растрогаются и заплачутъ... Но затѣмъ, какая же вытекаетъ изъ этихъ событій драма, какая мораль, гдѣ чья либо вина? Развѣ вина утопленницы, заключающаяся въ неосторожности.

Но если бы послѣ всего предпосланнаго мною разбора дѣла, вы остановились окончательно, гг. судьи, на такомъ отрицательномъ, нигилистическомъ заключеніи, то вы бы сильно ошиблись. Заключеніе, что въ дѣлѣ ничего поучительнаго и драматическаго нѣтъ, вытекаетъ только изъ тѣхъ фактовъ, которые я до сихъ поръ подобралъ, сопоставилъ и разобралъ. Я же не всѣ факты вамъ представилъ и доложилъ, есть еще цѣлый непочатый уголъ фактовъ, совершенно особыхъ, совершенно своеобразныхъ, которые хотя и попадались но не достаточнымъ образомъ взвѣшены и оцѣнены, а между тѣмъ они то и даютъ дѣлу особенное, яркое, такъ сказать, электрическое освѣщеніе. Въ виду этихъ фактовъ все заключеніе подлежитъ измѣненію; есть въ дѣлѣ мораль, но она иного рода, есть и потрясающая драма, но не тамъ, гдѣ ее ожидали. Драматично то, что при всей простотѣ дѣла уже осуждены нѣкоторые люди, ничѣмъ неуличенные, что двое изъ нихъ отправились отъ недостатка воздуха, отъ лишенія столь дорогой для нихъ, какъ вода, хотя они и горцы, свободы, на тотъ свѣтъ, что и тѣхъ, которые остались, жизнь надломлена, что несмотря на всю глубину моего убѣжденія и ту опытность, которую я въ теченіи многихъ лѣтъ пріобрѣлъ, я сомнѣваюсь, успѣлъ ли я моими словами и доводами разбить гранитъ предразсудковъ и предубѣжденій, который стоитъ предо мною стѣною.

Трагично въ дѣлѣ то, что оно возникло и разбиралось на почвѣ малоспособной, мало удобствъ представляющей для спокойнаго безстрастнаго историческаго изслѣдованія истины, почвѣ, на которой рядомъ съ исто-

рическимъ изслѣдованіемъ, въ уровень съ нимъ, а иногда и переростая его, слагается быль; вмѣсто точнаго преданія—поэтическая легенда, гдѣ ползучія вѣтви сказки совсѣмъ закроютъ дубъ, вокругъ котораго онѣ образовались. Вамъ всѣмъ извѣстны страны благословенныя въ тепломъ климатѣ густаго чернозема, земля тучная, благодатная, плодоносная, но дайте ей залежаться или засѣйте новь, потому, что разъ вы не будете ее полоть, разъ вы не будете ее истощать, пойдутъ бурьянъ, дикая ромашка и всякая другая гадость, и они заглушатъ хлѣбъ; никуда негодныхъ растеній получится бездна, а зерна хлѣбнаго ни-ни.

Въ художественномъ отношеніи эти зеленыя волны высыпавшей ромашки и этотъ разросшійся бурьянъ красивѣе хлѣба, но въ хозяйственномъ—они злѣйшіе враги.

Я полагаю, что такое же отношеніе, какъ между бурьяномъ и агрономіей, существуетъ между практическою жизнью вообще и легендою, поэзіею, вымысломъ, а въ особенности между судомъ и легендою. Судъ легенды не выноситъ, потому что двухъ господъ онъ не имѣетъ и служитъ только одной сухой, простой, иногда вовсе непоэтической, за то безсмертной истинѣ. Когда въ дѣло судебное проникаетъ контрабандою элементъ вымысла, сказки, поэзіи, то онъ худшія сочиняетъ штуки, болѣе плохія оказываетъ услуги, нежели вѣдьмы Макбету въ шекспировской драмѣ. Элементъ этотъ надо преслѣдовать, искоренять. Нѣтъ средствъ, которыхъ бы неслѣдовало употреблять, чтобы избавиться отъ заразы. Я думаю, что всѣ согласны на счетъ вреда страшнаго, происходящаго отъ этихъ паразитовъ, отъ этихъ башибузуковъ, залѣзающихъ въ покой мышленія и мѣшающихъ правильности изслѣдованія.

Но меня могутъ спросить, чѣмъ же я докажу, что въ настоящемъ дѣлѣ замѣтенъ элементъ фантастическій, что легенда затесалась въ судебные протоколы, что красная нитка сказки примѣшалась къ бѣлой тка-

ни точнаго изслѣдованія? Нѣтъ ничего легче, какъ доказать этотъ несомнѣнный фактъ: стоитъ только сослаться, съ одной стороны, на приговоръ окружнаго суда, съ другой—на апелляціонный протестъ товарища прокурора Холодовскаго. Оба документа, главнымъ образомъ, возятся съ этимъ фантастическимъ элементомъ, но ни одинъ изъ нихъ не справился какъ слѣдуетъ. Обратите вниманіе на тѣ характерные въ этихъ документахъ мѣста, на которые я вамъ укажу далѣе.

Я вамъ напомню часть приговора окружнаго суда, которая относится къ оцѣнкѣ показаній и образа дѣйствій агентовъ правительства и свидѣтелей Лоладзе, Бѣллика, Маркарова, а также арестантовъ Мусы-Измаилъ-Оглы и Церетели, относительно подсудимыхъ Коридзе и Мгеладзе. Я позволю себѣ разсказать вкратцѣ факты изъ дѣла. Съ 22 іюля по 23 ноября спрашивали всю прислугу, слѣдовательно Коридзе, Мгеладзе и Габисонію, и посадили въ секретѣ, какъ предполагаемыхъ убійцъ. Представьте себѣ положеніе этихъ темныхъ людей и этихъ горцевъ, ничего не смыслящихъ въ общественныхъ и въ особенности въ русскихъ порядкахъ. Намъ, понимающимъ ихъ смыслъ и ходъ, не всегда легко остеречься, чтобы эти шестерни и колеса насъ не раздавили, а что же имъ, которымъ эти учрежденія представляются какъ роковыя силы, какъ приближающаяся смерть отъ пожара, наводненія—не разсуждать, а спасаться. Люди малые, сидѣвшіе больше въ кухнѣ и ничего не знающіе, они смекнули, что травля имѣетъ предметомъ болѣе крупнаго звѣря, а не ихъ мелкотравчатыхъ, что сила бо́льшая противъ Чхотуа. Они усомнились, сдобровать ли ему, а потому по политикѣ, свойственной людямъ маленькимъ и темнымъ, и приняли свои мѣры выйти изъ потока уликъ. Виноватъ, или не виноватъ Чхотуа, это ихъ не занимало. Его преслѣдуютъ, Богъ его знаетъ, можетъ быть и виноватъ, да мы то не виноваты. Крѣпились, крѣпились долго, да и пошли потомъ сами же на доносы. Доносы имѣли цѣлью выгораживаніе

самихъ себя. Они показали, сперва Коридзе, потомъ Мгеладзе: «мы видѣли какъ Чхотуа распоряжался убійствомъ, вмѣстѣ съ невѣдомыми, чужими людьми, мы были съ кинжалами и револьверами, но и убійцы тоже». Объясненіе глупое: Чхотуа не могъ рѣшиться, не заручившись содѣйствіемъ домашнихъ, а если онъ имѣлъ ихъ на своей сторонѣ, то ему незачѣмъ было приводить чужихъ людей. Одинъ только Габисонія былъ какъ скала крѣпокъ, но и на того пошли показанія не совсѣмъ то надежныхъ свидѣтелей, тюремныхъ, сидѣльцевъ, людей, что называется прожженныхъ, осужденныхъ, лишенныхъ правъ состоянія, которые изъ услужливости начальству приняли на себя несомнѣнно неприличную, неопрятную роль лазутчиковъ. Таковы показанія Церетели и татарченка Мурада-Али-Оглы и Мусы-Измаилъ-Оглы. Эти лазутчики писали и говорили, что при нихъ Габисонія сознался, что онъ былъ свидѣтелемъ убійства Н. Андреевской, съ мельчайшими подробностями обрисовали даже и экономическую сторону дѣла, т. е. сколько каждому изъ своихъ клевретовъ убійцъ далъ серебряниковъ Д. Чхотуа. Габисонія молчалъ, однако, твердо, какъ камень. Изъ доносившихъ на него лазутчиковъ въ моментъ судебнаго слѣдствія Церетели оказался больнымъ въ военномъ госпиталѣ, Али-Оглы — сосланнымъ уже въ Эривань; доставленъ одинъ Муса, но показаніе его вмѣсто того, чтобы окончательно уличить Габисонію, явилось на судѣ совершеннымъ откровеніемъ, лучемъ свѣта, озарившимъ цѣлую подготовительную стряпню въ дѣлѣ, цѣлый рядъ странныхъ, я смѣло скажу, преступныхъ маневровъ, подготовляющихъ показанія, прежде чѣмъ таковыя показанія облеклись въ юридическую форму протоколовъ судебнаго слѣдствія.

Муса татаринъ, хотя и каторжникъ, но подъ присягою, которую мусульмане вообще сильно уважаютъ, объявилъ, что осужденный и свыше всякаго описанія несчастный, онъ поступилъ въ сыщики къ полицейскому

офицеру Ваалу Лоладзе, который обѣщалъ выхлопотать ему свободу отъ Великаго Князя, дать 2 т. рублей, а самому получить чинъ, если откроются убiйцы Н. Андреевской. Муса пролежалъ 15 дней въ госпиталѣ съ другими, точно также посторонними, выпытывающими, вымучивающими у Габисонiи его сознанiе. Онъ приставалъ къ Габисонiи цѣлыхъ 4 дня. Для добытiя истины употреблялось и вино. При докторѣ Маркаровѣ Лоладзе вынулъ изъ собственнаго кошелька 60 коп. на спаиванiе, но оно не удалось. Тогда приступлено было къ простому сочиненiю показанiя Габисонiи. Муса боялся присяги, его увѣрили, что онъ присягать не будетъ. Лоладзе училъ Мусу, что показывать и Муса повторялъ за нимъ тѣ же слова, затѣмъ былъ родъ домашняго экзамена при старшемъ полицiймейстерѣ Бѣлликѣ. Наконецъ, показанiе, сочиненное и лживое, было облечено въ форму слѣдственнаго протокола. Впослѣдствiи Муса хотѣлъ взять назадъ свое показанiе, но онъ удержанъ былъ слѣдователемъ съ просѣдью, который ему посовѣтовалъ держаться стараго, а то ему будетъ жестокое наказанiе.

Каторжнику можно было не вѣрить, но вотъ въ чемъ особенность его показанiя: оно находитъ множество неожиданныхъ подтвержденiй съ той стороны, съ которой ихъ трудно было ожидать, а именно, отъ доктора Маркарова и старшаго полицiймейстера Бѣллика, послѣ которыхъ намъ остается только послѣдовать примѣру окружнаго суда и признать все то правдой, что говорилъ Муса. Оба они наивно и безъ того, чтобы совѣсть ихъ мучила, участвовали съ Лоладзе въ предварительной обработкѣ подсудимыхъ и выпытыванiи отъ нихъ сознанiй, не подозрѣвая ничего въ томъ дурного, думая, что дѣлаютъ доброе дѣло и способствуютъ правосудiю.

Докторъ Маркаровъ не сознается, что онъ мучилъ голодомъ Габисонiю, чтобы вымучить сознанiе, какъ то прямо удостовѣряетъ Мурадъ-Али-Оглы, но сознается,

что онъ, докторъ, не въ видахъ лѣченія, а въ видахъ наказанія за непослушаніе, посадилъ этого Лазаря, на которомъ, какъ видите, только кожа да кости, на полъпорціи, т. е. всетаки морилъ голодомъ. Этотъ же доктотъ Маркаровъ открылъ ту знаменитую царапину на груди, которая какъ рана уже не признана, но превращена въ улику, вышла даже какъ улика въ рѣшеніи суда. Этотъ же докторъ Маркаровъ помогалъ Лоладзе не выписывать, какъ самъ говоритъ, изъ лазарета Мусу и Мурада и обязательно командировалъ своего солдата въ кабакъ за виномъ, чтобы напоить, да—напоить Габисонію, и въ пьяномъ видѣ заставить его сознаться. Къ довершенію красивой картины прибавлю, что есть въ дѣлѣ вещественное доказательство, а именно письмо ищейки Церетели къ доктору Маркарову: «Мой милостивый баринъ, который приказалъ написать относительно дѣла, какъ разскажетъ Габисонія»... Это письмо обнаруживаетъ, что, подобно г. Цинамзгварову, онъ счелъ совмѣстимыми обязанности доктора съ ролью добровольца-разыщика, несчастный человѣкъ, а не докторъ! Къ чести русской медицины, я надѣюсь, что мало найдется людей, которые рѣшились бы на такое явное забвеніе обязанностей своего званія и искуства. Г. полковникъ Бѣлликъ, старшій полиціймейстеръ, одобрительно отзываясь, а также наивно разсказывая, какъ его субалтернъ-агентъ Лоладзе выдаетъ себя за ходатая по частнымъ дѣламъ, за друга и помощника, подосланнаго къ подсудимымъ ихъ родственниками,—слѣдовательно совершалъ актъ возмутительный обмана и измѣны,—самъ производилъ нравственное давленіе на подсудимыхъ, обѣщая имъ освобожденіе изъ одиночнаго заключенія и помѣщеніе въ общей камерѣ, если они сознаются, т. е. склонялъ тенденціозно къ заранѣе по содержанію опредѣленному показанію оказаніемъ выгодъ, вѣроятно, бывшихъ въ его власти, хотя по бумагамъ и по закону они числились тогда за судебнымъ слѣдователемъ. Превышеніе власти, обработка предварительная, соеди-

ненная съ фальсификаціею свидѣтельскихъ показаній, пытка, подстрекательство ко лжи,—всѣ уголовныя красоты, собранныя въ одинъ букетъ, совмѣщаются въ картинѣ, которую имѣлъ предъ собою окружный судъ. Судъ не остановился на богатой находкѣ, никто не преданъ суду, не возбуждено преслѣдованія противъ Лоладзе, благоразумно не явившагося. Спасибо ему и за то, что онъ произвелъ извѣстнаго рода ампутацію, выбросивъ за бортъ нѣсколько, очевидно, фальшивыхъ доказательствъ изъ тѣхъ, которыя были подобраны самимъ обвиненіемъ; что онъ устранилъ всѣ показанія, имѣющія предметомъ усиливать вину, устранилъ добытое сознаніе Габисоніи; все это понятно, это само собою слѣдовало изъ обстоятельствъ судебнаго слѣдствія, съ этимъ согласенъ и прокуроръ, который не отрицаетъ, что Лоладзе допустилъ нѣкоторыя дѣйствія неправильныя и недозволенныя закономъ. Но судъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выкинулъ какъ недостовѣрныя, полупризнанія и другого подсудимаго Мгеладзе, а, слѣдовательно, и третьяго Коридзе, такъ какъ, если онъ промолчалъ о Коридзе, то только потому, что Коридзе былъ живъ, и что всякое сужденіе о недостаточности его признанія было бы преждевременно до явки Коридзе на судъ и либо утвержденія, либо отрицанія слѣдственныхъ показаній. Судъ заключилъ, что если Лоладзе вымучилъ показаніе у Габисоніи неудачно, то тѣ же способы онъ долженъ былъ употреблять и въ отношеніи Мгеладзе и Куридзе, т. е. спаиваніе водкой, обѣщаніе выгодъ, принятіе на себя не принадлежащаго ему званія, однимъ словомъ, насиліе и обманъ. Изъ сего судъ заключилъ, что сознаніе, вымaненное у Мгеладзе, а, слѣдовательно, и у Коридзе, вопреки закону, посредствомъ ухищреній и обѣщаній выгодъ, драгоцѣнныхъ для содержащагося въ одиночномъ заключеніи, не могло внушить ни малѣйшаго довѣрія. Однимъ словомъ судъ поступилъ какъ тотъ, кому придется подавать на столъ гнилое яблоко съ темнобурымъ пятномъ: сначала онъ

вырѣзываетъ пятно, а потомъ подаетъ бѣлый остатокъ. Вотъ изъ за этого гнилаго пятна и завязался споръ между прокуратурою и судомъ; это составляетъ главную тему апелляціоннаго протеста. Г. товарищъ прокурора употребляетъ слѣдующій пріемъ: поддѣльно сочиненное доказательство онъ называетъ нерегулярнымъ, не совсѣмъ правильнымъ и заключаетъ: если неправильно отобранныя при незаконномъ, напр., обыскѣ или выемкѣ вещественныя доказательства не пропадаютъ, а всетаки употреблены для дѣла, то и иррегулярно добытыя показанія Мгеладзе и Коридзе не должны пропадать; имъ нельзя вѣрить, когда они выгораживаютъ себя, но имъ надо вѣрить, когда они обвиняютъ другихъ, напр., Д. Чхотуа. Я полагаю, что такой взглядъ весьма выгоденъ для обвиненія, какъ средство захватить въ разставленныя тенета возможно большее число людей за одинъ разъ, и виноватыхъ, которымъ не вѣрятъ, и оговариваемыхъ виноватыми, на которыхъ эти послѣдніе сваливаютъ свои грѣхи. Но, чтобы способъ этотъ былъ законный, правильный и согласный съ истиною, въ томъ да позволено мнѣ будетъ усомниться на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній.

Понятія, правильно и неправильно, съ одной стороны, и подложно или не подложно—съ другой, принадлежатъ къ совсѣмъ различнымъ категоріямъ мышленія. Фальшивая бумажка нельзя сказать, что неправильна, потому что на ней не соблюдены всѣ тѣ знаки, которые неподдѣльны, а потому, что она фальшивая, т. е. обманнымъ образомъ фабрикуется частными лицами. Такъ точно и показанія сфабрикованныя Лоладзе не неправильны, а подложны; они могутъ служить вещественнымъ доказательствомъ, но только противъ него; по обвиненію его по 237 и 942 ст. улож. о нак., грозящимъ за подобныя дѣйствія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжныя работы. Я отвергаю и теорію г. товарища прокурора о вещественныхъ доказательствахъ, будто бы вещественное доказательство непре-

мѣнно будетъ доказательствомъ, гдѣ бы и какъ бы оно не было бы добыто. Если бы мнѣ, какъ частному лицу предоставлено было произвести обыскъ у моего противника и представить добытыя, такимъ образомъ, будто бы при этомъ обыскѣ, доказательства вещественныя, то я сомнѣваюсь были ли бы признаны отобранныя, такимъ образомъ, у него деньги и бумаги доказательствомъ противъ него; за такой обыскъ я бы поплатился. Равнымъ образомъ, если бы слѣдователь, завѣдомо сталъ производить слѣдствіе, въ которомъ онъ непосредственно заинтересованъ, я полагаю, что были бы выброшены, какъ негодные, всѣ представленные имъ топоры, ломы, ружья и лопаты и не повѣрили бы кровянымъ знакамъ на платьѣ, потому что всѣ эти вещи были въ подличающихъ, нечистыхъ рукахъ и могли легко подвергнуться фабрикаціи. Я удивляюсь тому развязному способу оцѣнки доказательствъ, по которому одно и тоже доказательство, заключающееся въ показаніи, считается и годнымъ и негоднымъ, не по своему содержанію, а по цѣли, для которой могло бы быть употреблено. Я согласенъ въ томъ, что нѣкоторыя вещи могли быть испорчены въ частяхъ, какъ напримѣръ, половина фрукта гнилая, но я утверждаю, что есть предметы, и къ числу ихъ относятся показанія, которыя въ техническомъ отношеніи на судѣ признаются совершенно испорченными, напримѣръ, какъ испорченъ стаканъ чаю, если въ него влита ложка чернилъ. Мнѣ невольно приходитъ на мысль сходство признаній Мгеладзе и Коридзе съ такимъ стаканомъ чая, приправленнымъ чернилами. Стаканъ чаю былъ поданъ въ обвинительномъ актѣ, изъ него хлебнули, выслушавъ Мусу, отвернулись послѣ глотка, стаканъ весь негоденъ. Нѣтъ, говоритъ г. товарищъ прокурора въ протестѣ: не годенъ былъ глотокъ; но отчего же не допустить, что кромѣ того глотка все остальное содержимое стакана превосходно. Я могу доказать, что оно не превосходно. Показаніе не можетъ быть никогда сравнено съ вещественнымъ доказатель-

ствомъ, или, если его сравнивать, то съ такимъ, какъ чай съ чернилами, медъ, приправленный дегтемъ.

Всякая рѣчь, слово, показаніе не есть изображеніе вещей или предметовъ, но только нашихъ идей и представленія о предметѣ, они окрашены нашимъ *я*, проникнуты нашею субъективностью, суть произведеніе внѣшнихъ впечатлѣній и нашей субъективности.

Когда лице показываетъ о предметѣ, то возникаютъ два вопроса: первый, могло ли оно наблюдать, не было ли въ его умѣ нелѣпыхъ идей, предразсудковъ, превратныхъ и кривыхъ понятій, которые бы ему помѣшали наблюдать событіе, и второй вопросъ—хочетъ ли лице показывать правду, т. е. не заинтересовано ли оно корыстью, не поставлено ли оно угрозою и страхомъ въ необходимость лгать и представлять въ превращенномъ видѣ то, о чемъ его спрашиваютъ. Разъ только доказано, что былъ страхъ, былъ обманъ, ухищреніе, вымогательство, все показаніе въ конецъ испорчено до такой степени, что не только судья, но даже историкъ, не пренебрегающій никакимъ матеріаломъ, не рѣшится его употребить. Утверждать, что показаніе, хотя и вымученное, можетъ служить доказательствомъ, значитъ, не знать исторіи, ни отмѣны пытки въ 1801 году, ни наказа Екатерины, ни стараго, ни новаго судопроизводства, значитъ пытаться вернуть насъ къ блаженнымъ временамъ петровскимъ и Алексѣя Михайловича, когда вздергивали на дыбу, садили на кобылку, ломали ноги, завинчивая испанскіе сапоги; сказалъ подсудимый, хотя его мучили, значитъ повинился, и дѣло съ концомъ, и приговоръ готовъ. Къ счастью, до этого позора и до святой инквизиціи мы не дожили и вымученныя сознанія обращаются, прежде всего, противъ вымучившаго. Главный вопросъ, вымучены ли сознанія у Мгеладзе и Коридзе. Но на этотъ счетъ не можетъ быть сомнѣнія, это удостовѣряютъ нѣмые габисоніевскіе свидѣтели.

По показанію Мусы, Лоладзе безъ вѣдома доктора выписалъ его изъ лазарета, подсадилъ къ Зурабу Ко-

ридзе и, сочинивъ показаніе, училъ, какъ показывать. И старшій полицціймейстеръ Бѣлликъ совѣтовалъ показать, какъ научилъ Лоладзе. Все это происходило въ метехскомъ замкѣ. Даже Бѣлликъ самъ признаетъ, что онъ обѣщалъ Мгеладзе выводъ изъ одиночнаго заключенія и смягченіе наказанія за признаніе. Кромѣ того, имѣется съ печатью правдивости показаніе Дм. Сапара-Швили, что Мгеладзе и Коридзе обвиняли другъ друга въ ложныхъ доносахъ по наущенію Лоладзе, и что передъ смертью Мгеладзе страшно мучился и приказалъ ему, Сапара-Швили объявить, что мучимый Лоладзе, онъ напрасно оклеветалъ невинныхъ людей.

Итакъ, гг. судьи, правильно поступилъ судъ, отвергнувъ полупризнанія Мгеладзе и Коридзе, какъ зараженныя органическимъ порокомъ, какъ явно противозаконныя, вымученныя.

Но при отсѣченіи пораженныхъ антоновымъ огнемъ членовъ, надо дѣйствовать энергично и рѣшительно, надо вырѣзывать гнилое съ корнемъ, надо вглубь рѣзать яблоко и захватывать не только темнобурое пятно, но и свѣтлобурую полость, отдѣляющую гнилое отъ здороваго. Судъ не сдѣлалъ ни того, ни другого; онъ не предалъ суду Лоладзе, слѣдовательно, не пошелъ вглубь; онъ и не всѣ гнилыя пятна очистилъ, напротивъ того, многими пользовался. Возьмемъ, напримѣръ, его отзывъ о показаніи Дгебуидзе. Свидѣтель этотъ, говоритъ судъ, показалъ па предварительномъ слѣдствіи, что за недѣлю до убійства, Габисонія спрашивалъ его, какъ поступить ему: его подговариваютъ убить Андреевскую. Это показаніе ничѣмъ не опровергнуто, а потому не можетъ возбуждать подозрѣнія въ достовѣрности, ergo... и т. д. Вы спросите, кто такой Дгебуидзе? Я вамъ на это отвѣчу, что это каторжникъ, лишенный правъ состоянія, обязательно доставленный къ слѣдователю г. Цинамзгваровымъ и пропавшій безслѣдно, такъ что его не могли розыскать. Напрасно Габисонія клянется, что его въ глаза не видѣлъ, что они и не знакомы, что въ Але-

ксандровскомъ саду не могъ совѣтоваться, потому что изъ дѣла явствуетъ, что за недѣлю до событія еще не существовало даже того мотива неудовольствія, который эксплуатируется обвинительнымъ актомъ,—удаленія Д. Чхотуа отъ званія управляющаго, —а все-таки Габисонія долженъ опровергнуть показаніе Дгебуидзе. Да, предъ такимъ пріемомъ, предъ такимъ судомъ кто же устоитъ и очистится? Волосы становятся дыбомъ: воришка, бродяга, не помнящій родства заявитъ въ глаза мнѣ, прожившему на виду всего общества 50 лѣтъ: «ты сознавался мнѣ, что ты кралъ, что ты убилъ, или совершилъ прелюбодѣяніе» и я буду осужденъ, потому что я не опровергъ. А какже я могу опровергнуть, доказывать не бытіе факта, что я не кралъ, что я не убивалъ, и долженъ я буду предъ такимъ судомъ преклонить выю и сказать, я погибъ, потому что воришка рѣшился меня оболгать, и я его показанія не опровергъ.

Есть и другой свидѣтель, доставленный тоже г. Цинамзгваровымъ, нѣкто Кирилъ Ковальскій, лѣсной сторожъ въ Дрэ, который показывалъ вещь важную, что Д. Чхотуа похвалялся, что скоро попрежнему сдѣлается управляющимъ. Къ несчастію, онъ только слышалъ это отъ другаго сторожа, Георгія; къ еще большему несчастію, этотъ другой сторожъ Георгій Модсбадзе отвергаетъ слова Ковальскаго, говоря, что ничего подобнаго не было и что онъ этого не говорилъ. Напрасно.

Слова Ковальскаго остаются. Дѣлается предположеніе, что, можетъ быть, былъ другой сторожъ Георгій и противъ этого parti pris вѣрить не помогаетъ ничѣмъ не опровергнутое показаніе Д. Чхотуа, что лѣсниковъ было не много и что одного изъ нихъ только, и то свидѣтеля по слухамъ, доставилъ къ слѣдствію мировой судья — поставщикъ свидѣтелей, — это явленіе рѣдкое, пикантное. Негодныхъ этихъ свидѣтелей поставилъ г. Цинамзгваровъ. Есть и другіе напр., рыбаки, которые и прежде прошли чрезъ его руки и уже имъ опрошен-

ные доставлены съ слѣдователю. Показанія ихъ, данныя Цинамзгварову, были потомъ закрѣплены формально. Въ теченіи всего слѣдствія г. Цинамзгваровъ стоитъ по срединѣ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, съ нимъ совѣтуются, когда допрашиваютъ Церетели и другихъ свидѣтелей изъ каторжниковъ, его слушаются, всѣ нити слѣдствія скрещиваются въ его лицѣ, и если есть одно темное пятно, которое уже судомъ немножко соскоблено, имя же ему Лоладзе, то есть еще другое, въ противуположной сторонѣ, которое называется Цинамзгваровъ. Я не дѣлаю г. Цинамзгварову той обиды, чтобы поставить его, хотя на одну минуту, рядомъ съ полицейскимъ офицеромъ Вааломъ Лоладзе: разница между ними громадная: та, что Лоладзе, какъ утверждаютъ арестанты, выслуживается, а Цинамзгваровъ является усердно безкорыстнымъ розыскателемъ истины; но, именно, потому что у Цинамзгварова болѣе убѣжденія, я считаю вліяніе его гораздо злокачественнѣе лоладзевскаго, потому что въ убѣжденіи даже ложномъ есть магическая сила, оно сильнѣе крупповскихъ пушекъ, оно заразительно. Я въ сущности не удивляюсь, что и слѣдователи имъ заразились. Да позволено мнѣ будетъ на минуту остановиться и обрисовать ту въ высшей степени оригинальную роль, какую играетъ въ этомъ дѣлѣ г. Цинамзгваровъ.

Г. Цинамзгваровъ, по его собственнымъ словамъ, есть завсегдашній понятой по всѣмъ важнымъ дѣламъ, какія встрѣчаются въ Тифлисѣ, объ убійствѣ консула и другихъ; такъ какъ, по его словамъ, онъ не можетъ отказывать слѣдователю въ своихъ совѣтахъ... Я не считаю нужнымъ останавливаться на томъ, что 1) такой завсегдашній понятой совсѣмъ не соотвѣтствуетъ понятію понятаго; по закону это все равно, что если судьи, вмѣсто того, чтобы обновлять комплектъ присяжныхъ засѣдателей стали бы брать въ комплектъ однихъ и тѣхъ же засѣдателей и 2) какъ страшенъ, какъ опасенъ такой понятой — руководитель, такой доброво-

лецъ, не связанной обязанностями своего званія и не отвѣчающій за свои промахи, этотъ Габоріо, произведенный въ судебные слѣдователи. Андреевскихъ Цинамзгваровъ не зналъ. Объ нихъ могъ только слышать вскользь отъ своего родственника Сулханова; первый разъ былъ онъ въ домѣ Андреевскихъ въ ночь послѣ происшествія съ Н. Андреевской. Цинамзгваровъ откровенный человѣкъ, онъ весьма просто и наивно изобразилъ всѣ душевные процессы, совершавшіеся въ его душѣ. Тропинка, дѣйствительно, крутая. Цинамзгваровъ убѣдился, что Н. Андреевская, которую онъ не зналъ, не сходила купаться по этой тропѣ. Поднялъ сапожки, посмотрѣлъ, эти сапожки были цѣлое откровеніе: они сухіе, со слѣдами зелени. Цинамзгваровъ убѣдился, что тутъ кроется преступленіе и тотчасъ же немедленно посовѣтовалъ арестовать прислугу. Когда люди были арестованы и смутились, смутившись же перекинулись двумя, тремя словами съ Чхотуа, Цинамзгваровъ восклицаетъ въ показаніи словами сыщика: «мы накрыли, Габисонія говорилъ, значитъ, старался скрыть преступленіе», потому, что преступленіе уже для Цинамзгварова несомнѣнно. Убѣжденный окончательно сухими сапожками въ виновности прислуги, мало того и Давида Чхотуа, Цинамзгваровъ, какъ Гамлетъ послѣ явленія тѣни отца, продѣлываетъ почти все то, что продѣлываетъ Гамлетъ въ знаменитой сценѣ театра. Онъ впивается глазами въ лицо Чхотуа и малѣйшую нервную дрожь въ теченіе этой ночи, столь богатой ощущеніями, онъ приписываетъ смущенію совѣсти. Онъ накрываетъ бр. Чхотуа, когда у нихъ при мысли объ обыскѣ, лица сдѣлались, какъ бѣлое полотно. Чхотуа ломалъ себѣ руки, измялъ бороду, чуть съ нимъ дурно не сдѣлалось. Какое противорѣчащее показаніе съ показаніемъ, даннымъ Ив. Сумбатовымъ на судебномъ слѣдствіи. Сумбатовъ говорилъ, что Д. Чхотуа такъ равнодушно относился ко всему, что происходило, что это не могло его не удивить. Цинамзгваровъ ѣдетъ въ степь съ Кобіевымъ ос-

матривать трупъ; присутствуетъ при вскрытіи, наблюдаетъ прижизненные кровоподтеки, принимаетъ участіе въ подготовкѣ фальшивыхъ свидѣтелей полиціей, въ спросѣ ихъ на слѣдствіи, какъ напр., Церетели, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ винѣ Чхотуа или лучше сказать, наблюдая какъ его убѣжденіе, которое сложилось цѣльное и полное, торжественно господствуетъ, увлекаетъ за собою, какъ неудержимый потокъ. Въ средствахъ онъ неразборчивъ, онъ самъ поставляетъ каторжника Дгебуидзе, т. е. содѣйствуетъ тому, чтобы вторгались башибузуки, чтобы подонки общества всплывали на его поверхность.

Съ Цинамзгваровымъ имѣло мѣсто то, что бываетъ со всякимъ увлекающимся, со всякимъ фанатикомъ; не въ немъ сидѣла идея, но онъ весь ушелъ въ идею, завоеванъ ею, готовъ бы ею клясться, на нее присягать. Такіе люди прямые создатели легендъ. Легенду не въ состояніи сочинить, пустить въ ходъ какой нибудь Лоладзе,—она требуетъ живой вѣры. Когда эта живая вѣра произвела свое дѣйствіе, когда ей поддались сотни и тысячи субъектовъ болѣе слабосильныхъ, посредственныхъ, тогда, и только тогда, являются спекулянты, которые на этой вѣрѣ строятъ свои разсчеты и на ней уже возводятъ свои хитроумныя постройки. Разница между обоими дѣятелями, какъ между вдохновеннымъ пророкомъ начала всякой религіи и авгуромъ, опытнымъ въ надувательствѣ публики. Именно вслѣдствіе этого убѣжденія г. Цинамзгваровъ легъ пудовою гирею на вѣсахъ и перетянулъ чашку обвиненія. Не знающая подробностей, жадная къ самымъ пикантнымъ открытіямъ, публика, видя и слыша это лице, отъ самаго алтаря правосудія исходящее, знающее послѣдній протоколъ, вѣдающее результаты послѣдняго допроса и послѣдней выемки, съ разинутыми ртами ловила каждое изрѣченіе и повторила въ сущности на тысячу ладовъ, какъ самую правду, личныя, субъективныя убѣжденія г. Цинамзгварова, пріучилась на всѣ обстоятельства дѣла, даже безразличныя,

смотрѣть его предубѣжденными глазами. Этому настроенію публики вторила и печать, печати всегда выгоднѣе угадывать вкусъ толпы, нежели идти противъ потока. Обрисовалось странное явленіе, травля людей, противъ которыхъ вооружилось все общество. Какъ грибы послѣ дождя, являлись свидѣтели обвиненія по собственному вызову, и свидѣтели большею частью фальшивые, напр., Оскановъ, обвинявшійся въ мошенничествѣ, который со словъ Хундадзе назвалъ даже № 406 фаэтона, въ которомъ увозили Андреевскую въ мѣшкѣ, но когда ему предъявили Хундадзе, то онъ его не призналъ. Въ дѣлѣ есть весьма интересный отзывъ редакціи Тифлисскаго Вѣстника о томъ, что чуть ли не каждый день получаемы были предложенія и совѣты открыть при редакціи подписку на увеличеніе средствъ сыскной полиціи по открытію убійцъ Н. Андреевской. Я не имѣю положительныхъ данныхъ, но я слыхалъ, что подобные сборы дѣлались, и можетъ быть на нихъ то и разсчитывалъ располагающій извѣстными средствами на подпаиваніе подсудимыхъ Ваалъ Лоладзе. Въ одинъ тонъ съ публикою настроена была и судебная власть, приглашавшая Цинамзгварова въ качествѣ непремѣннаго понятого, въ качествѣ совѣтника и участника въ слѣдствіи. Есть постановленія и протоколы, которые до того поражаютъ своею необычайностью, что ничего подобнаго не встрѣчается во всѣхъ концахъ и мѣстностяхъ обширной Россіи, по крайней мѣрѣ, той ея части, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы. Для примѣра я укажу на постановленіе о Мелитонѣ Кипіани. Это былъ бывшій слуга, разсчитанный Д. Чхотуа. 22 іюля онъ заходилъ въ домъ Шарвашидзе. Это и была единственная сильная улика, на основаніи которой постановили его арестовать съ прибавкою: «есть противъ него и другія улики, которыя не могли быть приведены, такъ какъ сообщеніе ихъ обвиненіемъ могло бы быть вредно для дѣла». Второй примѣръ. Производившимъ кутаисское слѣдствіе постановилось предложеніе полиціи дознать между какими

лицами вращался кн. Шарвашидзе, и не готовился ли онъ послать въ Россію убить своего шурина К. Андревскаго. Полиція можетъ дѣлать о чемъ угодно дознанія; каждый увѣренъ, что я спокоенъ подъ щитомъ судебной власти, какъ начинается дѣло безъ законныхъ къ слѣдствію основаній. Если дано предписаніе о дознаніи, то и полиція должна предположить, что есть уже законныя основанія предполагать, что Шарвашидзе настоящій убійца. Я васъ прошу указать, гдѣ эти данныя? По темнымъ слухамъ слѣдователь рѣшается повѣрить, не убійца ли человѣкъ, на котораго не подано даже и доноса. Третій примѣръ. Когда началось слѣдствіе въ Кутаисѣ о томъ, гдѣ обѣдаютъ и завтракаютъ князья Шарвашидзе и Анчабадзе, появились анонимныя письма, грозившія разными непріятностями слѣдователю. Можетъ быть эти анонимныя письма и подкинулъ В. Г. Чхотуа, но его привлекли къ отвѣтственности, на основаніи однихъ анонимныхъ писемъ, по подозрѣнію въ убійствѣ Н. Андреевской, 28 августа 1876 г. и, вопреки 398 статьи, допросили только 2 сентября, слѣдовательно съ произвольнымъ лишеніемъ свободы въ теченіи пяти дней, такъ какъ постановленіе о заарестованіи могло послѣдовать только послѣ привода и допроса.

Подъ вліяніемъ сложившагося предубѣжденія и въ обществѣ, и въ магистратурѣ, производилось слѣдствіе, искало силъ и лицъ, для которыхъ Чхотуа былъ будто бы только ширмою, гдѣ обрывались факты подставляло гипотезы и подгоняло показанія свидѣтелей и факты къ предвзятымъ предположеніямъ и объясненіямъ. Тенденціозность опредѣлилась на всемъ объемѣ слѣдствія. Конечно, въ большей части случаевъ доказать такой тенденціозности нельзя; она сказалась въ томъ, что оправдывающія обстоятельства только намѣчены вскользь, но есть два рода показаній, въ которыхъ ясно, какъ на ладони, обнаруживается неправильный процесъ подтягиванія и прилаживанія ихъ къ предвзятой идеѣ, а

именно показанія подсудимыхъ Мгеладзе и Коридзе, и показанія В. Андреевской; въ обоихъ случаяхъ допрашивали несмѣтное число разъ и добывали данныя, совсѣмъ противныя прежде добытымъ, но прямо соотвѣтствующія измѣнившимся представленіямъ и взглядамъ слѣдователя.

Итакъ, что касается до подсудимыхъ Мгеладзе и Коридзе, то прежде всего въ разсказахъ этихъ сквозитъ намѣреніе обрисовать и дѣйствующихъ лицъ, Н. Андреевскую и Д. Чхотуа такимъ образомъ, чтобы сдѣлалась правдоподобною ихъ вражду. Но пріемъ употреблялся такой, какъ у писателя, который, не зная народа, думаетъ, что онъ живымъ его перенесъ въ свой разсказъ, если вложилъ въ уста своихъ героевъ—пейзанъ нѣсколько ругани и похабщины. Н. Андреевская и Д. Чхотуа ругаются какъ пастухи или гренадеры. Н. Андреевская въ чужомъ домѣ чужую прислугу обзываетъ мамадзагли (собачій сынъ). Д. Чхотуа говоритъ при наклеиваніи билетиковъ: довольно того, что вы уже съѣли. Д. Чхотуа говоритъ: зачѣмъ эти проклятые пріѣхали и беретъ съ Зураба Коридзе клятву въ такомъ родѣ: пусть меня причастятъ собачьей кровью, если я выдамъ. Неправда ли, какая бездна couleur locale жаль только что картинка выходитъ суздальская, азбучная, какъ разъ соотвѣтствующая уровню пониманія сочинителей. Оба показанія Мгеладле и Коридзе относительно образа совершенія преступленія основаны на первоначальномъ предположеніи полиціи, что трупъ тутъ же кинули въ рѣку, лѣвѣе водоворота, и что безпрепятственно онъ проплылъ до Караяза. Для того, чтобы бросить, должны были входить въ рѣку; вотъ почему, по словамъ Коридзе, сапоги у Чхотуа были совсѣмъ мокрые.

Вынудить то полупризнаніе которое сдѣлано Мгеладзе и Куридзе, можно было только обѣщая имъ безнаказанность или смягченіе наказанія, а достигнуть того и другого можно было, только придумавъ объяс-

неніе въ родѣ компромисса, чтобы и волки были сыты, и овцы остались цѣлы. Людей не предупредили, ихъ заставили быть безмолвными свидѣтелями убійства, да взяли клятву, что они будутъ молчать. Какъ средство заставить ихъ уличать Д. Чхотуа, выведены на сцену призраки четырехъ туманныхъ рыцарей въ темныхъ черкескахъ, съ кинжалами. Д. Чхотуа стоитъ во главѣ ихъ. Для облегченія ихъ работы Д. Чхотуа приказалъ убить одну и запереть остальныхъ собакъ. У него при обыскѣ 2 августа не найдено, къ сожалѣнію, ни грязныхъ сапоговъ, ни полусапожекъ, но оказался револьверъ. Имъ машетъ онъ и кричитъ Мгеладзе: «убью и брошу трупъ твой въ рѣку». Окно, по показанію Мгеладзе, было открыто несомнѣнно; по несомнѣнному удостовѣренію В. Андреевской, оно было заперто и завѣшено. Такова была первая серія показаній, добытыхъ въ то время, когда Габисонія еще крѣпился и когда его уличали только языки Церетели и Мусы-Оглы.

Показаніе Церетели не провѣрено, но есть его знаменитая записка; есть и показаніе при слѣдствіи Мусы, столь блистательно имъ опровергнутое на судѣ. Въ обоихъ готовится совершенно новое объясненіе убійства въ связи съ распространившимися сомнѣніями—могла-ли Н. Андреевская проплыть въ одну ночь отъ Тифлиса до Караяза. Если она не проплыла, то ее вывезли и и бросили; если вывезли и бросили, то долженъ былъ кто нибудь видѣть фаэтонъ и стали, съ одной стороны, разыскивать людей, которые видѣли чѣмъ нибудь особеннымъ отличающіеся по способу ѣзды фаэтоны, съ другой,—являются показанія личностей, которыя нѣчто подобное замѣчали. Ходитъ слухъ, что какая то баба въ фаэтонѣ на Курѣ колотила двухъ господъ. Карапетъ Агаровъ, генеральша Минквицъ и сторожъ ея дома Грикуръ Эліазаровъ, семья Принцевъ и маіоръ Алихановъ видѣли собственными глазами скачущій во весь опоръ фаэтонъ или фаэтоны съ болѣе или менѣе многочисленными сѣдоками, мужчинами и женщинами,

скачущіе отъ «Кружка» къ Михайловскому мосту. Одинъ ли или два, или болѣе фаэтоновъ,—это вопросъ; покрайней мѣрѣ вѣрно. что фаэтонъ, гдѣ, по словамъ семьи Минквицъ. сидѣла женщина въ черномъ, между мужчинами. съ распростертыми руками, могъ быть тотъ же фаэтонъ. которому Алихановъ готовился обрѣзать шашкой ремни и въ которомъ у ногъ мужчинъ что то лежало въ мѣшкѣ. Къ довершенію путаницы, по утру, на одномъ изъ спусковъ къ Курѣ Иванъ Вартановъ, духанщикъ. былъ разбуженъ какою то веселою компаніею. которая чуть не выбила окна, крича: «Ослиный сынъ! дай водки»! бросила ему цѣлковый и, не дожидая сдачи. уѣхала. И эту исторію припутали: Можетъ быть убійцы такъ наскандальничали на радостяхъ, что совершили наконецъ свое темное дѣло?... Въ виду этихъ показаній. легенда рѣшительно усвоила себѣ фаэтоны, а вслѣдъ за легендою готово показаніе Габисоніи, сочиненное въ лазаретѣ. уже совершенно отличное отъ показаній—Мгеладзе и Коридзе.—Нину не душатъ на кухнѣ. не несутъ на площадку. а прямо къ фаэтону чрезъ дворъ. завертываютъ въ мѣшокъ и везутъ мимо Алиханова вскачь въ Ортачалы и за Ортачалами къ спуску.—Такъ изображаетъ дѣло докторъ Маркаровъ. Есть имя фаэтонщика Нико, и номеръ новый, и даже подробнѣйшія указанія, сколько денегъ получилъ каждый изъ нанятыхъ bravi. Какъ согласовать показанія Мгеладзе и Коридзе съ показаніемъ Габисоніи, если бы оно было дано? Но. зная музыку. легко обойти всѣ диссонансы и остановиться на согласныхъ аккордахъ. Одни говорятъ: стащилъ въ рѣку. другіе—вывезли. всѣ говорятъ—убили. И такъ если убита, къ чему теряться въ противорѣчьяхъ?

При дальнѣйшей обработкѣ дѣла подробности еще болѣе улетучились. даже самъ фаэтонъ не существуетъ; но все таки осталось самое существенное. самое главное и уже ничѣмъ не доказанное—это гипотеза о рыцаряхъ тумана. о всесильныхъ убійцахъ и этотъ при-

[redacted]

зракъ, въ которомъ сидитъ квинтэссенцированная легенда, подводитъ нынѣ подсудимыхъ подъ каторжныя работы. Неопредѣленное показаніе о фаэтонѣ заставило забыть о брошенномъ разсказѣ Мгеладзе и Коридзе; но и объ нихъ вспомнилъ опять апелляторъ, г. товарищъ прокурора Холодовскій, въ своемъ протестѣ. Почему же и ихъ не употребить? докажите, что они фабрикованы. Я уже это, полагаю, доказалъ и еще разъ докажу: вспомните мокрые сапоги и револьверъ Чхотуа. Мокрыхъ сапоговъ не оказалось, а револьверъ, по показаніямъ Константина Дадшиколіани, оказался купленнымъ съ патронташемъ за 21 р. 50 к. на слѣдующій день послѣ событія 22 іюля, когда Чхотуа считалъ себя въ опасности не только отъ юстиціи, но и отъ публики, и пріобрѣлъ это смертоносное оружіе.

Противорѣчій въ показаніяхъ Варвары Андреевской я не буду излагать; я уже на нихъ указывалъ: они бьютъ въ носъ, рѣжутъ глаза. Кажется, ревностные слѣдователи, Кобіевъ и Цинамзгваровъ, допрашивали В. Андреевскую въ Тифлисѣ; между тѣмъ въ Одессѣ, при мелочномъ допрашиваніи о томъ же о чемъ она уже была въ Тифлисѣ допрошена, отъ нея добыто совсѣмъ противное тому, что добыто въ Тифлисѣ. Я припомню только заключительныя слова ея показанія при Кобіевѣ и Цинамзгваровѣ отъ 28 іюля: «У Нины никакихъ непріятностей съ Чхотуа не было. Мнѣ крайне непріятно, что изъ за этого дѣла явились нареканія въ обществѣ на Чхотуа и на моего зятя. Я этимъ слухамъ не вѣрю и совершенно увѣрена, что здѣсь никакого преступленія не могло быть, а просто несчастный случай при купаніи, на которое моя дочь, Нина, какъ я ее знаю, могла по своему характеру смѣло рѣшиться».

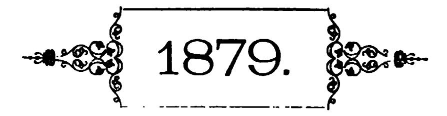
Многія соображенія эти и тому подобные отзывы забыты, а взяты изъ показаній В. Андреевской послѣдующія, позднѣйшія, когда ей, слабой женщинѣ, втолковали, что Нина убита, и эти только отзывы легли въ основаніе приговора.

Дѣятельность окружнаго суда въ этомъ отношеніи я бы охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: Окружный судъ имѣлъ предъ собою самый трудный матеріалъ—чистыя, хрустальныя струи историческаго преданія сливающіяся съ мутными притоками безсознательно ложной легенды, съ грязными и вонючими осадками изъ клоакъ подлога съ нарочно дѣланными показаніями. Онъ, по своему крайнему разумѣнію, старался поступить критично, но не успѣлъ; плавающія по поверхности явную падаль и нечистоты онъ выдѣлилъ, но затѣмъ онъ забылъ, что и въ очищенномъ то жидкомъ остаткѣ, безъ твердыхъ частицъ, къ чистому примѣшено грязное, что тончайшія міазмы, не видимыя на глазъ, разведены въ цѣломъ растворѣ, и что прежде чѣмъ воспользоваться этою водою, надобно ее профильтровать, а можетъ быть и подвергнуть перегонкѣ.

Я не оскорблю васъ, гг. судьи, если скажу, что и я, и мои кліенты возлагаемъ на вашу совѣсть, надежду, что вы совершите эту великую, трудную работу. Я кончаю безъ риторическихъ орнаментовъ, безъ фразъ, я убѣжденъ въ ихъ невинности.

Судебная палата большинствомъ 2-хъ голосовъ противъ 1-го приговоръ тифлисскаго окружного суда утвердила во всемъ его объемѣ. Кассаціонная жалоба Д. Чхотуа и П. Габисоніи была оставлена Правительствующимъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

[redacted]

22.

Дѣло по обвиненію Архипова, Черенкова и Сѣрикова въ подпаиваніи и подкупѣ выборщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ.

Отставной коллежскій регистраторъ Павелъ Родіоновъ Архиповъ, 38 лѣтъ, и крестьяне елецкаго уѣзда, села Гущина Колодезя Фролъ Гавриловъ Черенковъ, бывшій засѣдатель Богато-Платовскаго волостнаго правленія, 31 года, и деревни Роговой Иванъ Ивановъ Сѣриковъ, 47 лѣтъ, были преданы суду по обвиненію въ томъ, что чрезъ угощеніе водкою и денежные подарки склоняли другихъ лицъ къ поданію голоса при выборахъ въ пользу землевладѣльцевъ изъ дворянъ Хвостова и Бехтѣева, т. е. въ совершеніи каждымъ изъ нихъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1425 ст. уложенія. Разбирательство дѣла происходило въ елецкомъ окружномъ судѣ въ г. Ельцѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей 21—22 марта 1879 года.

Гг. судьи! Судъ безъ присяжныхъ засѣдателей отличается отъ суда съ присяжными нѣкоторыми особенностями, на которыя я позволю себѣ указать. Первая особенность заключается въ томъ, что не всѣ бумаги производства читаются, что можно ссылаться на тѣ, которыя находятся въ дѣлѣ, которыя извѣстны уже гг. судьямъ и на которыя мнѣ разрѣшено ссылаться; вто-

[redacted]

рая особенность та, что такъ какъ въ этомъ судѣ не отдѣляется вопросъ о фактѣ отъ вопроса о правѣ, то, смотря по обстоятельствамъ, защита можетъ начать съ одного или съ другого —или съ вопросовъ юридическихъ и кончить фактическими, или наоборотъ. Я воспользуюсь этою предоставленною защитѣ свободою дѣйствій и начну съ разбора 1,425-й ст. улож. о нак., по которой обвиняются подсудимые. Эта статья гласитъ: «кто, при выборахъ дворянскихъ или же городскихъ, или сельскихъ обществъ, будетъ, черезъ *подкупъ, подарки, обѣщанія* или *угрозы*, склонять кого-либо къ поданію голоса въ его пользу, или въ пользу, или противъ другого лица, тотъ подвергается такому-то наказанію». Изъ текста этой статьи явствуетъ, что если бы кто нибудь на собраніи откупался отъ выбора его въ должность и не въ видѣ угощенія послѣ факта отклоненія отъ выборовъ, какъ это сдѣлалъ Иванъ Сѣриковъ, но еще предъ самыми выборами отказался отъ должности, то онъ не могъ бы быть судимъ по 1,425-й статьѣ. Итакъ, Иванъ Сѣриковъ не могъ бы подлежать никакой отвѣтственности, если бы еще передъ выборами онъ раскошелился и далъ 3 рубля на водку избирателямъ. Сверхъ того, изъ текста ст. 1,425-й видно еще слѣдующее: въ ней запрещены: подкупъ, подарки, обѣщанія или угрозы, но не подговариваніе и склоненіе. Постараюсь впослѣдствіи доказать, что подговариваніе и склоненіе суть совершенно законныя средства на выборахъ при всякой электоральной борьбѣ. Статья 1,425-я изданія «Уложенія» 1866 года представляетъ еще ту особенность, что она говоритъ о выборахъ дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, но не говоритъ о выборахъ земскихъ. Она взята изъ старинныхъ источниковъ; она въ такомъ же точно видѣ обрѣтается въ проектѣ «Уложенія» 1845 года (статья 1,889-я), откуда вошла въ 1,884-ю ст. «Уложенія» 1845 года. Съ тѣхъ поръ она повторяется безъ перемѣны во всѣхъ слѣдующихъ изданіяхъ подъ инымъ только числомъ. Она возникла еще въ то время,

когда не было и въ поминѣ земскихъ учрежденій, когда были только выборы дворянскіе, городскіе и сельскіе. Въ «Проектѣ Уложенія» отмѣчено, что это постановленіе *новое*. Оно мотивировано слѣдующимъ образомъ: «Злоупотребленіе, о которомъ говорится въ сей статьѣ, тогда было замѣчено при выборахъ, а отъ сего поступаютъ на мѣста, можетъ быть важныя, люди, которые безъ подобныхъ происковъ не были бы избраны и которые впослѣдствіи оказываются вовсе неспособными и недостойными довѣренности. Сверхъ сего, кажется, само приличіе требуетъ, чтобы такія дѣйствія были наказываемы».

Итакъ, наказаніе налагается по двумъ мотивамъ. одинъ, такъ сказать, эстетическій. Наказуемость нужна для симметріи — «прилично, чтобы такія дѣйствія наказывались». Другой мотивъ заключается въ томъ, что въ интересахъ государства нужно стараться, чтобы поступали на выборныя должности лица, того достойныя. Вся статья пропитана духомъ безвыходной и непрестанной надъ сословіями правительственной опеки, завѣдыванія правительствомъ всѣми дѣлами всякихъ сословій. Со времени возникновенія этого закона многое измѣнилось къ лучшему; явились новыя, уже инымъ совсѣмъ духомъ проникнутыя земскія учрежденія. Дано имъ болѣе самоуправленія, болѣе широкая автономія. Можетъ возникнуть даже споръ о томъ, относится ли эта статья 1,425 къ земскимъ выборамъ. Я, можетъ быть, возбудилъ бы этотъ споръ, если бы онъ уже не былъ рѣшенъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената, который, въ рѣшеніяхъ своихъ, за №№ 459 и 626, 1875 года, по дѣламъ Лихотинскаго и Телѣгина, призналъ, что ст. 1,425 примѣнима и къ земскимъ учрежденіямъ. Но, распространяя ее и на земскіе выборы, сенатъ не разрѣшилъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ ею. Онъ не разрѣшилъ слѣдующаго вопроса, который нынѣ находится въ разсмотрѣніи общаго собранія кассаціонныхъ и перваго департамента сената,

по дѣлу Голубова. Одно лицо, выбранное въ земскіе гласные, было обвинено въ подкупѣ, но выборы его были утверждены земскимъ собраніемъ; о немъ состоялся, обвиняющій его въ подкупѣ выборщиковъ, приговоръ; оно обжаловало этотъ приговоръ, какъ послѣдовавшій по дѣлу, по которому, предварительно разсмотрѣнія его уголовнымъ судомъ, надлежало разрѣшить по 27-й ст. уст. угол. суд. преюдиціальный вопросъ. Преюдиціальными вопросами, какъ извѣстно, считаются не только вопросы, исчисленные въ 27 ст. уст. уг. суд., т. е. о правахъ состоянія, о правахъ собственности на недвижимое имущество и о свойствѣ несостоятельности, но еще цѣлый рядъ вопросовъ, не только гражданскихъ, но и въ другія области права входящихъ, напримѣръ, въ область права государственнаго. Проситель, по указанному мною дѣлу, основываетъ свою кассаціонную жалобу на ст. 1,853 т. 2-го ч. 1-й учр. гос. по изданію 1876 года (37-я ст. положенія о земск. учр.): «Повѣрка числа гласныхъ, законности и дѣйствительности выбора возлагается на самое земское собраніе». Если законъ возлагаетъ на земскія собранія окончательную повѣрку выборовъ, то спрашивается, какимъ же образомъ можетъ быть возбуждаемо преслѣдованіе, помимо собранія, по выборамъ, уже имъ утвержденнымъ, а слѣдовательно, узаконеннымъ? Подобный случай равносиленъ былъ бы тому, если бы противъ должностнаго лица было возбуждено преслѣдованіе безъ разрѣшенія той власти, которой оно подчинено, вопреки 1,086 ст. уст. угол. суд. Тутъ выйдетъ слѣдующая несообразность: собраніемъ выборъ утвержденъ, лицо признано гласнымъ окончательно, слѣдовательно, разслѣдованіе злоупотребленій при выборахъ безцѣльно. Неужели возможенъ такой скандалъ, что лицо, осужденное за подкупъ, послѣ того будетъ продолжать засѣдать въ собраніи въ качествѣ гласнаго! Если же, напротивъ, предоставить власти судебной пріостанавливать дѣятельность гласнаго и лишать его этого званія, то тогда можно каждаго гласнаго на неопредѣленное

время устранить или даже вышвырнуть изъ собранія, причемъ сословіе потеряетъ значительную долю сомостоятельности и самоуправленія, предоставленныхъ ему закономъ. Во что обратилась бы независимость администраціи, если бы мы подчинили ее тому же началу, если бы противъ должностного лица можно было возбудить преслѣдованіе помимо его начальства. Я не вхожу въ разборъ, было ли бы при этой системѣ лучше или хуже—я только утверждаю, что строй государственнаго управленія измѣнился бы и что надъ всѣми министерствами возвысилось бы одно: министерство юстиціи, какъ грозная государственная инквизиція надъ служащими, и пріобрѣло бы первенствующее въ государствѣ положеніе, а всѣ вѣдомства сдѣлались бы отъ него зависимыми. Если бы въ данномъ случаѣ уѣздное елецкое земство стояло за свои, закономъ ему дарованныя прерогативы, если бы оно постигало силу изложенія 1,853 ст. ч. 1-й т. 2-го учр. губ., то я непремѣнно возбудилъ бы преюдиціальный вопросъ по 27 ст. уст. угол. суд. и доказывалъ бы, что Архиповъ, Сѣриковъ и Черенковъ судимы быть не могутъ, пока ихъ не предало суду елецкое уѣздное земское собраніе. Но елецкое земское собраніе о правахъ своихъ меньше всего заботилось. Изъ представленнаго мною протокола этого собранія 27-го сентября 1878 года видно, что когда выборы 6-ти волостей 3-го стана елецкаго уѣзда были опротестованы губернаторомъ, никто въ собраніи даже и не сослался на статью 1,853, никто не указалъ на безконтрольное право собранія повѣрять и утверждать выборъ. Образовались только два мнѣнія. Одни полагали, что слѣдуетъ, не утверждая гг. Хвостова и Бехтѣева гласными, допустить ихъ участвовать въ засѣданіяхъ собранія впредь до рѣшенія возбужденнаго уголовнаго дѣла о злоупотребленіяхъ на выборахъ. Другіе, напротивъ, думали, что сообщеніе губернатора не подлежитъ разбору и должно быть принято на вѣру и что губернаторъ не могъ безъ солидныхъ основаній и сооб-

щать о раскрытыхъ имъ злоупотребленіяхъ. Второе мнѣніе побѣдило: выборы были отмѣнены и въ настоящее время Бехтѣевъ и Хвостовъ не состоятъ въ числѣ гласныхъ. Но именно потому, что они извергнуты изъ собранія безъ разбора злоупотребленій, о которыхъ только въ настоящее время можно будетъ удостовѣриться, существовали ли они въ дѣйствительности или нѣтъ, приговоръ вашъ, помимо вашей воли и, можетъ быть, противъ вашего желанія, будетъ имѣть громадное значеніе въ электоральной борьбѣ партій—онъ обратится по необходимости въ орудіе дѣйствія. Если онъ будетъ обвинительный, то онъ доставитъ одной сторонѣ, той, которая была противна выбору гг. Бехтѣева и Хвостова, законное основаніе и оправданіе ея дѣйствій, которыя совершены въ предположеніи, что есть налицо злоупотребленія. Если онъ будетъ оправдательный, то онъ обнаружитъ, что исключеніе гг. Бехтѣева и Хвостова сдѣлано безъ всякихъ причинъ и основаній. Такимъ образомъ, главная въ этомъ дѣлѣ сторона вовсе не уголовная, а бытовая. Предъ нашими глазами раскрывается упорная, ожесточенная борьба партій—борьба, въ которой одна партія старается доѣхать другую, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, а можетъ быть, и мытьемъ, и катаньемъ. Въ этой картинѣ, среди этого движенія стоятъ подсудимые Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ, къ которымъ, поистинѣ, можно примѣнить извѣстную поговорку: «когда паны дерутся, у хлопцевъ чубы трещатъ». Въ средніе вѣка былъ обычай, когда воспитывали принцевъ крови, ставить при нихъ сверстниковъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которыхъ наказывали и сѣкли за всякія провинности проказника принца. Отчасти такую же роль играютъ въ этомъ дѣлѣ подсудимые, которыхъ я защищаю. Я думаю, что они имѣютъ право сказать: обратите вниманіе на насъ, нами двигаютъ какъ пѣшками, но мы живые субъекты, мы люди и, какъ таковые, имѣемъ право быть судимыми независимо отъ того, какіе отъ нашего страданія результаты могутъ при-

[redacted]

годиться той или другой партіи. Три четверти дѣла вовсе до подсудимыхъ не относятся. Дѣло само — это громадное полотно въ нѣсколько саженъ, па которомъ виднѣются три маленькія точки: Архиповъ, Сѣриковъ и Черенковъ. Спрашивается: нельзя ли вырѣзать эти точки и разсматривать ихъ отдѣльно отъ цѣлаго полотна? Какъ бы ни былъ подобный образъ дѣйствія желателенъ, но онъ невозможенъ, потому что этихъ точекъ не разобрать и значенія ихъ не опредѣлить безъ связи съ цѣлою картиною. Если обвиняемые согрѣшили, если они въ самомъ дѣлѣ нарушили законъ употребленіемъ преступныхъ средствъ при выборахъ, то надо же знать подкупали ли они или спаивали выборщиковъ по своему собственному произволу или по чужому подговору и подстрекательству. Вы должны разобрать мотивы ихъ дѣйствія, съ этими мотивами сообразовать наказаніе. Но вины они за собою вовсе не признаютъ, они защищаются говоря: мы не насиловали выборовъ, напротивъ, мы только старались изо всѣхъ силъ сохранить нашу самостоятельность; мы только противодѣйствовали другому внѣшнему вліянію; насъ приневоливали не выбирать господъ Бехтѣева и Хвостова; но, понимая свою пользу и отстаивая свое избирательное право, мы провели выборъ Хвостова и Бехтѣева. Вы, такимъ образомъ, поставлены въ необходимость, гг. судьи, вникнуть въ душу подсудимыхъ и сообразить, могли ли они имѣть такія убѣжденія. Но этимъ не исчерпана ваша задача. Противъ подсудимыхъ возбуждено преслѣдованіе, ставятся обвиняющіе ихъ свидѣтели, подсудимые съ перваго же допроса заявляютъ, что эти свидѣтели лживые и противопоставляютъ имъ другихъ, которыхъ слѣдователь не потрудился спросить, но которые должны были удостовѣрить, что первые свидѣтели, то есть, свидѣтели обвиненія, суть свидѣтели лживые, что они подговорены и подстроены, что та же полиція, которая оказывала давленіе на выборы, отклоняя отъ выбора гг. Бехтѣева и Хвостова, продолжала ту же дѣятельность при

предварительномъ слѣдствіи, чтобы себя оправдать и, съ другой сторны не допустить сторонниковъ Бехтѣева и Хвостова очистить себя отъ обвиненія въ злоупотребленіяхъ. Итакъ, обвиненіе ставитъ доказательства, подсудимые опровергаютъ эти доказательства новыми, которыя, въ свою очередь, могутъ быть опровергаемы, причемъ это противопоставленіе доказательствъ и опроверженій должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока изслѣдованіе не дойдетъ до совершенно твердаго грунта, до фактовъ, уже не подлежащихъ оспариванію. По всѣмъ симъ соображеніямъ, какъ ни тяжело вдаваться въ разборъ косвенныхъ обстоятельствъ, повидимому, мало относящихся къ настоящему дѣлу, но все-таки, необходимо уяснить себѣ ихъ, необходимо разбить эту скорлупу, чтобы добраться до маленькаго, очень маленькаго, заключающагося въ немъ ядра. Долгомъ считаю пояснить, какимъ образомъ я буду разбирать тѣ неуголовныя, или, по крайней мѣрѣ, не подлежащія нынѣ разбору въ уголовномъ порядкѣ обстоятельства, которыми осложняется нынѣ разбираемое уголовное дѣло объ Архиповѣ, Сѣриковѣ и Черенковѣ. Конечно, я не вправѣ судить споры и пререканія между установленіями по крестьянскимъ дѣламъ для опредѣленія, кто правъ, кто виноватъ. Конечно, ни я, ни вы, гг. судьи, не вправѣ судить дѣйствія полиціи, опредѣлять виновность полиціи. Она можетъ быть привлечена къ отвѣтственности только по 1,086 ст. уст. угол. суд. Но въ данномъ дѣлѣ нельзя обойти фактъ дѣйствій полиціи на выборахъ и нельзя не разобрать, вліяла ли полиція на выборы, насколько этимъ фактомъ объясняются дѣйствія подсудимыхъ, насколько этотъ фактъ входитъ въ систему защиты подсудимыхъ. Поставивъ такимъ образомъ мою задачу, я раздѣлю защиту на двѣ части: я постараюсь, прежде всего, въ первой изъ нихъ представить вамъ бытовую картину выборовъ въ селѣ Стегаловкѣ, соединивъ въ этой картинѣ всѣ обстоятельства, неподлежащія вашему суду и косвенно только относящіяся къ

обвиненію, направленному противъ подсудимыхъ. Затѣмъ, окончивши съ неуголовнымъ матеріаломъ, перейду ко второй части моей защиты—къ обзору дѣйствій, приписываемыхъ Архипову, Черенкову и Сѣрикову. Вы знаете, гг. судьи, что Сѣрикова я долженъ защищать, несмотря на то, что г. прокуроръ отказался отъ обвиненія. Начинаю съ исторіи выборовъ.

Въ елецкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи должно быть 33 гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 10 отъ городскихъ обществъ и 28 отъ крестьянскихъ. Съѣздъ крупныхъ землевладѣльцовъ состоялся 7-го іюня прошлаго года; на этомъ съѣздѣ дѣйствительно были забаллотированы гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ, или, какъ выражается обвиненіе, будто бы повторяя слова свидѣтелей крестьянъ: «прокачены на вороныхъ». Замѣчу, что само это выраженіе чисто дворянское; оно не употребляется крестьянами, потому что нынѣ при всѣхъ выборахъ, а слѣдовательно, и крестьянскихъ, употребляются одного цвѣта шары, бросаемые направо или налѣво; понятіе же о вороныхъ или черныхъ шарахъ есть остатокъ прежняго времени и прежней системы балотировки, когда въ одно отверстіе клали шары либо бѣлые, либо черные. До сихъ поръ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ были постоянно гласными въ теченіи трехъ трехлѣтій и въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, участвовали во всевозможныхъ коммисіяхъ, принимали въ земскихъ дѣлахъ живѣйшее участіе. Когда они были забаллотированы, то немедленно у нихъ явилась мысль предложить себя въ кандидаты отъ крестьянскихъ обществъ. Эта мысль неновая; она всегда и вездѣ повторяется. Вездѣ молодая партія людей прогрессивныхъ, подающая руку преобразованію, интересамъ массы, сближенію сословій, была въ своей средѣ побиваема; но она подавала руку плебсу, становилась въ его главѣ и гораздо лучше, нежели самъ этотъ плебсъ, отстаивала его интересы. Самъ законъ предусмотрѣлъ возможность подобнаго стремленія и узаконилъ его, допустивъ крестья-

намъ выбирать своихъ гласныхъ изъ среды членовъ землевладѣльческаго съѣзда. Появленіе этихъ кандидатуръ было, въ данномъ случаѣ, тѣмъ естественнѣе, что во всѣхъ волостяхъ, гдѣ происходили выборы, Бехтѣевъ и Хвостовъ отлично извѣстны, какъ мировые судьи; ихъ заявили своими кандидатами пять волостей, въ томъ числѣ даже и Воронецкая; первое заявленіе подано отъ Богатоплатовской волости. Всѣхъ выборщиковъ на съѣздѣ могло быть, еслибы всѣ они явились, около 300 человѣкъ; выборы назначены на 24-е іюня, въ селѣ Стегаловкѣ. Такимъ образомъ, поставлена была открыто и сильно кандидатура гг. Бехтѣева и Хвостова въ маломъ кружкѣ меньшей братіи, въ средѣ самоуправленія крестьянскаго. Маленькій мірокъ крестьянскаго самоуправленія существуетъ по закону и красуется, по бо́льшей части, на бумагѣ; въ дѣйствительности онъ только зародышъ, или, по крайней мѣрѣ, птенецъ, едва выклевывающійся изъ яичка. На бумагѣ онъ красивъ: всѣ должности выборныя—старосты, засѣдателя и старшины; старшины утверждались мировымъ посредникомъ, а по упраздненіи посредниковъ, утверждаются по 1-му п. 143-й ст. полож. о губ. и уѣздн. крест. учр., изд. 1876 года, уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ; по 122-й ст. общаго положеніи о крестьянахъ, отрѣшить старшину отъ должности можетъ присутствіе не иначе, какъ по докладу, утвержденному губернаторомъ; такъ какъ всякаго рода постановленіе уѣзднаго присутствія, слѣдовательно и постановленія его объ оштрафованіи должностныхъ лицъ крестьянскихъ за маловажные проступки, а тѣмъ болѣе о смѣщеніи, можетъ быть, по 127-й ст. пол. о крест. уст., обжаловано губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, то, обыкновенно, всѣ подобнаго рода смѣщенія съ должностей проходятъ чрезъ губернское присутствіе, образующее собою нѣчто въ родѣ кассаціонной инстанціи. Въ дѣйствительности, какъ вы знаете, эта сила крестьянскаго самоуправленія болѣе кажущаяся, чѣмъ

[redacted]

реальная. Она призрачна, потому что отношеніе должностныхъ лицъ крестьянскихъ къ начальнику полиціи самое неопредѣленное; онъ привыкъ распоряжаться ими, какъ своими подручниками, требовать безусловной исполнительности по командѣ даже при подачѣ голосовъ и взыскивать за уклоненіе, какъ за ослушаніе начальства. Я спрашивалъ г. исправника Ивашинцева, въ качествѣ чего провинились поддерживавшіе выборъ Бехтѣева и Хвостова старшины, и онъ мнѣ отвѣчалъ: въ качествѣ не выборщиковъ, а его, г. исправникъ Ивашинцева, подчиненныхъ. Самые выборы происходятъ съ явнымъ нарушеніемъ дарованной закономъ автономіи. Членъ уѣзднаго присутстія, по закону, только открываетъ выборы; обыкновенно, эта функція поручается непремѣнному члену и ограничивается тѣмъ, что членъ предложитъ съѣзду выбрать предсѣдателя и потомъ, послѣ избранія его, передаетъ ему распоряженіе въ открытомъ собраніи. Вы сами знаете, что въ Стегаловкѣ происходило противное, то-есть, что г. начальникъ полиціи и открылъ собраніе, и руководилъ имъ самолично вплоть до конца, оставляя въ сторонѣ избраннаго предсѣдателемъ Лаврентія Сѣрикова. Настоящее дѣло могло бы служить превосходнымъ поясненіемъ того, какъ неисполняются желанія законодателя, какъ понуждаются должностные крестьяне не выбирать, кого не желаетъ начальство, и какъ они поплатиться могутъ лично, еслибы они воспользовались своимъ правомъ, какъ избиратели, и выбрали того, кто не былъ начальству угоденъ. Я не могу не коснуться послѣдняго изъ этихъ фактовъ, какъ относящагося прямо къ моему кліенту Черенкову и къ его страданію за результаты выборовъ. Всѣ старшины и засѣдатели, которые участвовали въ выборахъ 24-го іюня, какъ вамъ извѣстно, были позваны 8-го іюля въ уѣздное крестьянское присутствіе; двое старшинъ были немедленно отрѣшены за злоупотребленія на выборахъ, безъ всякаго потомъ преданія суду; та же участь постигла двухъ засѣдателей, въ томъ числѣ и Черенкова.

Изъ нихъ толко Черенковъ можетъ нынѣ оправдываться; отъ остальныхъ не выслушано даже объясненій. Это доказано бумагою, имѣющеюся въ дѣлѣ: постановленіемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое отмѣнило на этомъ основаніи, за несоблюденіемъ 1,086-й ст. уст. угол. суд., постановленіе уѣзднаго присутствія, наложившаго взысканіе за выборы. Замѣтьте, что на выборахъ всѣ эти лица являлись не въ качествѣ должностныхъ лицъ, а только какъ выборщики, и если могли подвернуться отвѣтственности, то только какъ выборщики, а не за преступленіе по должности. Преступленіе, за которое преслѣдуетъ 1,425-я ст., есть преступленіе общее, а вовсе не преступленіе по должности; въ противномъ случаѣ, не могъ бы вовсе судиться ни Архиповъ, который вовсе не участвуетъ въ сельскомъ обществѣ, ни Иванъ Сѣриковъ, который хотя и крестьянинъ, но не выборщикъ. За это преступленіе они и не могли подлежать суду присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, а только общему суду. Смѣщеніе старшинъ и засѣдателей породило цѣлый конфликтъ между обоими присутствіями, губернскимъ и уѣзднымъ, старшины были возстановлены губернскимъ присутствіемъ, потомъ опять смѣщены уѣзднымъ и во второй разъ возстановлены и въ третій разъ смѣщены; дѣло о нихъ, кажется, получило государственное значеніе, чуть ли не внесено оно въ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ! Таковы послѣдствія выборовъ. Но и передъ выборами всѣ крестьянскія власти подвергались сильному натиску со стороны администраціи, съ которою они находятся въ болѣе или менѣе частыхъ и близкихъ отношеніяхъ. Этотъ натискъ былъ такъ силенъ, до того укоренилось понятіе, что, состоя должностными лицами общества, старшинами, они, въ то же время, суть полицейскіе чины, слѣдовательно, отвѣчаютъ за то, что̀ происходитъ въ собраніи; что еслибы даже вовсе не присутствовалъ на выборахъ исправникъ, то онъ, вѣроятно, взыскалъ бы съ нихъ за послѣдствія выборовъ,

[redacted]

такъ какъ они старшины и такъ какъ предполагается, что въ ихъ вѣдѣніи совершено противное тому, что начальству было угодно. Что таково было вліяніе полиціи, это вполнѣ подтверждено фактами, это доказывается не четырьмя свидѣтельскими показаніями, какъ говоритъ г. прокуроръ, а гораздо бóльшимъ ихъ числомъ, именно, семью присяжными показаніями. Нѣкоторые, правда, говорятъ, что слышали приказъ отъ одного станового, но другіе утверждаютъ, что приказаніе исходило отъ исправника. Лавреній Сѣриковъ (смѣщенный безъ суда старшина) утверждаетъ, что за двѣ недѣли до выборовъ онъ былъ въ Ельцѣ и тамъ получилъ приказъ отъ станового Крупкина не выбирать гг. Бехтѣева и Хвостова, причемъ становой сказалъ, что этого желаетъ исправникъ. Затѣмъ, передъ самыми выборами двое старшинъ: Сорокинъ и Рощупкинъ отправились по зову сотскаго къ Бологову, приставу 3-го стана, въ квартирѣ котораго произошелъ тотъ разговоръ, о которомъ такъ долго пререкались мы съ г. прокуроромъ во вчерашнемъ засѣданіи суда. Признаюсь, я не вижу никакого противорѣчія между показаніями Рощупкина и Сорокина. Рощупкинъ прямо показалъ, что, стоя на улицѣ, у квартиры станового, онъ слышалъ черезъ полураскрытую дверь, какъ становой внушалъ Сорокину не выбирать Бехтѣева и Хвостова, потому что этого желаетъ исправникъ. Показаніе Сорокина тоже, въ сущности, но по формѣ, нѣсколько сдержаннѣе, что можетъ объясняться его положеніемъ. Рощупкинъ смѣщенъ, а Сорокинъ и до сихъ поръ состоитъ старшиною, слѣдовательно, зависимъ отъ исправника; тѣмъ неменѣе, не смотря на эту зависимость, онъ, всетаки, прямо высказалъ, что становой употребилъ выраженіе: «этого желаютъ», причемъ слово «желаютъ», употребленное безлично во множественномъ числѣ, указывало, по понятіямъ Сорокина, на желаніе начальства, на желаніе исправника. Такимъ образомъ, очевидно, что оба эти показанія вполнѣ подтверждаютъ одно другое. Но сверхъ того, они подтверждаются еще

показаніемъ Лаврентія Сѣрикова, который говоритъ то же самое; подтверждаются и свидѣтелями - выборщиками Богачевымъ и Першиковымъ. Два послѣднія лица находились на выборахъ и видѣли, какъ во время выборовъ между народомъ ходилъ становой приставъ и внушалъ не выбирать Бехтѣева и Хвостова. То же самое удостовѣряется Камышевымъ. Наконецъ, то же явствуетъ изъ показанія непремѣннаго члена Кузьмина, который далъ вамъ самый обстоятельный очеркъ того, что происходило въ собраніи. Я знаю, что противъ г. Кузьмина собирался разный матеріалъ, заносимый въ протоколъ судебнаго засѣданія; что г. Кузьминъ со стороны обвиненія выставлялся, какъ лицо, которое вліяло на выборы и, будто бы, внушало, какъ выражаются свидѣтели Тулениновъ и Ковыршинъ, избрать Хвостова и Бехтѣева. Дѣйствительно, г. Кузьминъ явился на выборы. Явка его объясняется очень просто. Я не знаю закона, который воспрещалъ бы члену присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, хотя не тому, который назначенъ присутствовать при открытіи съѣзда выборщиковъ, явиться и присутствовать, не принимая, конечно, прямого и дѣятельнаго участія. Г. Кузьминъ имѣлъ прямой интересъ въ томъ, чтобъ своими собственными глазами слѣдить за выборами: вопервыхъ, ему офиціально было заявлено старшиною Сорокинымъ о давленіи полиціи на старшинъ, слѣдовательно, вовторыхъ, онъ былъ заинтересованъ какъ членъ присутствія, держащійся иного мнѣнія, принадлежащій къ иной партіи, нежели г. Ивашинцевъ; онъ не могъ не желать провѣрить это свѣдѣніе полученное отъ Сѣрикова, и, насколько можно, не допустить, чтобъ въ его присутствіи чинимы были явныя противозаконія, чтобъ стѣсняема была свобода выборовъ. Кузьминъ присутствовалъ на выборахъ на совершенно одинаковыхъ правахъ съ открывшимъ съѣздъ г. Ивашинцевымъ, потому что и г. Ивашинцеву слѣдовало только открыть собраніе и потомъ все остальное предоставить предсѣ-

дателю, избранному самими крестьянами. Любопытно то, что только по крестьянскимъ выборамъ возникаютъ подобные курьезные вопросы, ни на какихъ другихъ выборахъ ихъ быть не могло бы, потому что ни въ какомъ другомъ сословіи не было бы допущено, чтобъ лицо, на которое возложено только открытіе выборовъ, распоряжалось бы всѣмъ ходомъ выборовъ послѣ открытія, слѣдовательно, въ сущности предсѣдательствовало во все время выборовъ. Если къ г. Кузьмину обращались крестьяне и требовали совѣта, то я не вижу почему бы Кузьминъ отказывалъ себѣ въ удовольствіи преподать подобный совѣтъ: онъ могъ открыто высказать свое мнѣніе. Ни одинъ изъ свидѣтелей не утверждалъ, чтобъ г. Кузьминъ совѣтовалъ выбирать именно Бехтѣева и Хвостова, чтобъ онъ этихъ лицъ называлъ. Онъ говорилъ вообще о землевладѣльцахъ, о томъ, что землевладѣльцевъ не запрещается выбирать. Вотъ какой смыслъ имѣли слова г. Кузьмина. Они не заключали въ себѣ никакого внушенія, а только разъясненіе закона. Но еслибъ они и содержали въ себѣ внушеніе, то это внушеніе являлось бы только, какъ противовѣсъ, и то далеко недостаточный, давленію, производимому полиціей. Когда двѣ силы дѣйствуютъ на одно тѣло въ противоположныхъ направленіяхъ, то дѣйствіе этихъ обѣихъ взаимно нейтрализующихся силъ, равняется разности ихъ или нулю. Силы нейтрализуются, дѣйствуя на тѣла неодушевленныя, но, въ данномъ случаѣ, онѣ дѣйствовали на тѣло живое, на людей. Какъ ни малъ этотъ мірокъ крестьянскій, но нельзя относиться къ нему свысока, съ пренебреженіемъ; вынесъ на себѣ этотъ мірокъ всю тягость крѣпостного права, и не сломился; нынѣ онъ сталъ уже понимать, гдѣ его друзья и въ чемъ заключаются его интересы. Для доказательства этого пониманія, я приведу изображенный въ свидѣтельскихъ показаніяхъ разговоръ между воронецкими крестьянами на выборахъ. Одни распинались, доказывая, что незачѣмъ выбирать господъ, что тамъ, гдѣ есть

24,000 крестьянъ, можно изъ нихъ выбрать всѣхъ девять гласныхъ; другіе заявляли, что желаютъ выбрать хорошихъ господъ, Хвостова и Бехтѣева. У крестьянъ всякій споръ сходитъ скоро на почву личныхъ вопросовъ. Ефимъ Кабановъ брякнулъ прямо въ глаза Дмитрію Богачеву: «подкупленъ», на что разсердившись, Богачевъ отвѣтилъ: «Хвостовъ хорошій баринъ, а ты его выбирать не хочешь, потому что ты прикарманилъ общественныя деньги и не далъ въ нихъ отчета, такъ ты его боишься». Изъ всего, что намъ извѣстно о выборахъ, видно пониманіе вообще своихъ интересовъ маленькимъ міркомъ крестьянскимъ и видно, что онъ пытается справиться съ своею задачею, хотя не всегда пользуется тою долею свободы, которая предоставлена ему закономъ. Выборы открылись въ 12 часовъ; въ 11 часовъ пріѣхалъ исправникъ. По открытіи засѣданія, одна какая то волость заявила своихъ кандидатовъ. Это была единственная, у которой не значились имена Бехтѣева и Хвостова. Эти имена были заявлены второю волостью, потомъ Богатоплатовскою волостью; такимъ образомъ, гг. Хвостовъ и Бехтѣевъ должны бы значиться четвертымъ и пятымъ въ общемъ спискѣ кандидатовъ. Списокъ кандидатовъ составилъ, вопреки закону, самъ исправникъ Ивашинцевъ, записавъ имена на бумажкѣ и отправился въ волостное правленіе, чтобы переписать списокъ набѣло. Въ этомъ перебѣленномъ спискѣ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ поставлены уже четырнадцатымъ и пятнадцатымъ, т. е. являются уже послѣдними кандидатами. Конечно, установленіе очереди между кандидатами есть право того, кто предсѣдательствуетъ, но оно не было право г. Ивашинцева. Едва ли оно было случайное. Всякій, участвовавшій въ какихъ бы ни было выборахъ, пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ мѣсто въ очереди, особенно, когда кандидатовъ 15, а гласныхъ нужно выбрать только девять человѣкъ, слѣдовательно, послѣ выбора первыхъ девяти, выборщики могутъ разойтись не баллотируя остальныхъ

[redacted]

кандидатовъ. Крестьяне, однако, остались и баллотировали до конца, не пивши и не ѣвши. Выборы продолжались отъ полудня до захожденія солнца; нѣкоторые показываютъ — до семи часовъ. Если взять часъ на предварительные переговоры, на записку именъ, на составленіе списка кандидатовъ и на открытіе баллотировки, то остается только шесть часовъ на баллотировку 15-ти кандидатовъ. Баллотировка производилась на каждаго кандидата порознь, на двухъ столахъ, у двухъ ящиковъ, изъ которыхъ къ каждому подходили по три волости. Старшины раздавали шары, помощники ихъ выкликали выборщиковъ. Если, такимъ образомъ, раздѣлить число баллотировавшихся кандидатовъ на число часовъ, въ теченіи которыхъ происходили выборы, то выйдетъ около 20-ти минутъ на каждаго кандидата. Я обращаю вниманіе ваше на это обстоятельство для того, чтобы постигнуть всю невозможность, въ которую былъ поставленъ засѣдатель Черенковъ, отлучиться изъ собранія. Выбрали нѣкоторыхъ, другихъ забаллотировали; близилось дѣло къ концу, т. е. къ баллотировкѣ послѣднихъ кандидатовъ — Бехтѣева и Хвостова. Тогда то произошла сцена, относительно которой несовсѣмъ согласны показанія гг. Ивашинцева и Кузьмина. Несомнѣнно, что, взявшись подъ руки, они удалились отъ столовъ и выборъ Хвостова и Бехтѣева происходилъ, за удаленіемъ Ивашинцева, уже подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя собранія, Лаврентія Сѣрикова. Результатъ выборовъ вышелъ, какъ выразился свидѣтель Кузьминъ, вопреки ожиданіямъ исправника, блистательный. Я повѣрялъ списокъ выборщиковъ, находящійся при дѣлѣ. Ихъ было всего 244 человѣка. Изъ нихъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, получили избирательныхъ 199 г. Хвостовъ и 195 г. Бехтѣевъ. Слѣдовательно, четыре пятыхъ они получили избирательныхъ; это были наибольшія числа балловъ, полученныя какими нибудь изъ всѣхъ девяти избранныхъ въ гласные кандидатовъ. Я долженъ здѣсь

упомянуть, что въ баллотировочномъ спискѣ, имѣющемся при дѣлѣ, не означено число голосовъ, полученныхъ избранными девятью гласными и что и въ этомъ спискѣ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ стоятъ опять послѣдними, какъ будто бы они получили наименьшее число баловъ. Выборы кончились, исправникъ отправился къ становому приставу, между тѣмъ, какъ крестьяне подписывали приговоръ въ волости; исправникъ уѣхалъ и представилъ о произведенныхъ выборахъ въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Что происходило послѣ выборовъ въ заведеніи Волкова, то входитъ уже во вторую часть моей рѣчи, гдѣ я буду подробно разбирать показанія свидѣтелей. Замѣчу только, что вскорѣ послѣ выборовъ произведено полицейское дознаніе о подлогѣ и подкупѣ. Зародышъ его и появленіе вы могли прослѣдить по судебному слѣдствію. Доносчикомъ былъ Ефимъ Кабановъ, недовольный выборами: онъ искалъ уѣхавшаго уже исправника; не нашелъ; тѣмъ не менѣе, вскорѣ заявленіе Кабанова доведено до свѣдѣнія исправника, началось дознаніе; старшинъ требовали въ Елецкъ, оштрафовали, смѣстили. Дѣло передано слѣдователю. Какъ во время дознанія, такъ и во время предварительнаго слѣдствія полиція дѣйствовала въ извѣстномъ направленіи. Дѣйствія ея удостовѣрены выслушанными вчера свидѣтелями. О нихъ показывалъ Николай Савинъ, которому предлагаемо было становымъ приставомъ мѣсто урядника, если онъ покажетъ о подпоѣ и подкупѣ выборщиковъ со стороны приверженцевъ Бехтѣева и Хвостова. Съ другой стороны, имѣется цѣлый рядъ показаній, также весьма важныхъ, относящихся къ поведенію противниковъ подсудимыхъ—Волкова и Кабанова. О Волковѣ свидѣтели Широкихъ и Иванъ Савинъ удостовѣряютъ, что онъ прямо признавался передъ Черенковымъ, что поклепалъ на него напрасно, но что сдѣлалъ это потому, что, по своему ремеслу, онъ зависитъ отъ полиціи. Вы, вѣроятно, помните также показаніе свидѣтеля Матосова. Матосовъ

удостовѣрилъ, что при немъ Кабановъ признавался, что истратилъ болѣе 100 рублей на подкупъ свидѣтелей по настоящему дѣлу. Я кончилъ первую часть моей рѣчи, составляющей какъ бы рамку, внутри которой рисуются подсудимые Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ. Теперь я перейду ко второй части.

Я старался нарисовать картину борьбы двухъ партій. Борьба эта была ожесточенная и упорная. Каждая сторона старалась опровергнуть другую и найти въ ея дѣйствіяхъ уголовную подкладку. Расколъ произошелъ нетолько внутри обоихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и между этими присутствіями, но и въ литературѣ. Я представилъ вамъ нумеръ «Русскаго Міра», гдѣ исправникъ Ивашинцевъ помѣстилъ офиціальное опроверженіе корреспонденціи, благопріятно отзывавшейся о гг. Хвостовѣ и Бехтѣевѣ. Въ опроверженіи исправникъ заявляетъ, что полиція въ этомъ дѣлѣ не принимала никакого участія и что лживо сообщеніе корреспондента, будто бы полиція производила давленіе на выборщиковъ. Опроверженіе это я могу назвать преждевременнымъ; г. Ивашинцевъ не потрудился обождать и узнать, что скажетъ судъ, въ который передано было дѣло о выборахъ. Дѣло это лежитъ передъ вами гг. судьи. Обвиняются Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ. По 1,425-й ст. улож. о нак., одинаково подлежатъ наказанію и тѣ, которые подкупали, и тѣ, которые были подкупаемы. Я и думалъ, по заглавію обвинительнаго акта, что такимъ образомъ распредѣлятся роли: Архиповъ явится подкупающимъ, а другіе—подкупаемыми. Оказалось, что подкупаемыхъ совсѣмъ нѣтъ. Я думаю, что еслибъ примѣнить къ этому дѣлу мотивы одного изъ постановленій слѣдователя при предварительномъ слѣдствіи 26-го октября прошлаго года, то дѣло вовсе не дошло бы до суда. Подсудимые просили слѣдователя спросить свидѣтелей, которые удостовѣрятъ, какъ Ефимъ Кабановъ подкупалъ разныхъ непоименованныхъ индивидуально лицъ къ дачѣ лживыхъ показаній, но слѣдо-

ватель въ этой просьбѣ отказалъ на томъ основаніи, что, такъ какъ не обозначено, какъ подкупалъ Кабановъ, то и изслѣдованіе произведено быть не можетъ. Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ являются по обвинительному акту, подкупающими и подпаивающими неизвѣстно кого и, притомъ, дѣйствующими, по состоявшемуся между ними предварительному уговору. Вы могли убѣдиться, гг. судьи, что въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ они были даже знакомы между собою; они упорно отвергаютъ это знакомство, которое ничѣмъ не подтверждается, слѣдовательно, если даже они дѣйствовали, то порознь, совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

Разберемъ, что дѣлалъ каждый изъ нихъ, и прежде всего коллежскій регистраторъ Архиповъ. Онъ, по происхожденію, принадлежитъ къ духовному званію; онъ въ двоякомъ отношеніи заинтересованъ въ томъ, чтобъ выборъ состоялся въ пользу Бехтѣева и Хвостова; *во-первыхъ*, онъ породненъ съ крестьянскою семьей Рощупкиныхъ, стоявшихъ крѣпко за этотъ выборъ, будучи женатъ на дочери одного изъ Рощупкиныхъ— Нестера; *во-вторыхъ*, онъ управляющій г. Бехтѣева, пользующійся довѣріемъ его и глубоко ему преданный. Передъ выборами ходили уже слухи о давленіи на выборы со стороны полиціи. Свидѣтель Лаврентій Сѣриковъ доводилъ объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія г. Кузьмина. Поэтому, совершенно понятна бытность Архипова на этихъ выборахъ; онъ имѣлъ порученіе отъ Бехтѣева слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается, какъ держитъ себя полиція; въ случаѣ надобности, онъ долженъ былъ нетолько довести о происходившемъ своему довѣрителю, но и стараться злоупотребленіямъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ противодѣйствовать. Занималъ ли Архиповъ въ электоральномъ движеніи одно только наблюдательное положеніе или онъ и склонялъ кого-нибудь самъ непосредственно выбирать гг. Бехтѣева и Хвостова? Я утверждаю, что еслибъ онъ всѣми силами души убѣждалъ и самымъ энергическимъ

образомъ склонялъ выборщиковъ, то за это склоненіе никоимъ образомъ подлежать онъ отвѣтственности не можетъ, такъ какъ это дѣло съ его стороны совершенно законное. На то и существуютъ выборы, на то и узаконена борьба партій, чтобъ всякій, даже не выборщикъ, склонялъ всѣхъ и каждаго, чтобъ прямое, живое и непосредственное участіе въ выборахъ принимало возможно большее число лицъ. Представьте себѣ законъ, который ставилъ бы преграды такому склоненію, убѣжденію, уговору: тогда все общество походило бы на заведеніе вмѣщающее въ себѣ лицъ, подвергнутыхъ точно одиночному заключенію; каждый гражданинъ точно запертъ въ свою клѣточку, знать ничего не зналъ бы, что дѣлается вокругъ, и выбиралъ бы, не уяснивъ себѣ, кого онъ выбираетъ! Правильные выборы при такихъ условіяхъ невозможны, потому что въ обществѣ всегда найдутся люди, которые настолько заинтересованы въ томъ, чтобъ выбрали ихъ кандидатовъ, что, несмотря ни на какія затраты, обходя законъ и дѣйствуя скрытно, устроятъ выборы по своему, они составятъ маленькую тайную организацію, которая достигнетъ большихъ предвзятыхъ результатовъ, по тому громадному преимуществу, которымъ пользуется всякая организація передъ толпами изъ людей, дѣйствующихъ порознь, въ разсыпную. Никакой законъ, ни въ какомъ государствѣ, ни въ какомъ обществѣ не можетъ допустить, чтобъ при выборахъ не было склоненія; напротивъ, всякому склоненію дается полный просторъ. Если будутъ склонять въ свою пользу всѣ и каждый, и лично заинтересованные, и лично незаинтересованные, то, такъ какъ послѣднихъ, дѣйствующихъ безъ личнаго интереса, въ виду только общаго блага, гораздо больше, нежели тѣхъ, которые дѣйствуютъ по личному интересу, то эти послѣдніе, составляя меньшинство, расплавятся и утонутъ въ огромномъ числѣ лицъ, заинтересованныхъ въ выборахъ не лично, а по соображеніямъ пользы общественной. Еслибы всѣ склоняли всѣхъ, еслибы всѣ прини-

мали участіе въ выборахъ, тогда всякіе выборы были бы безусловно хороши въ томъ смыслѣ, что эти выборы были бы сознательнымъ выраженіемъ настоящей воли общественной. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, я долженъ сказать, что нетолько въ крестьянскомъ мірѣ, но даже въ обществахъ городскихъ и дворянскихъ на выборахъ не обходится безъ того, чтобы кандидаты не предлагали бы сами себя, не ухаживали бы за выборщиками, не приглашали бы ихъ и не угощали бы при этомъ случаѣ. Выборы почти никогда и не бываютъ безъ ѣды и безъ питья на чужой счетъ. Я не слышалъ, чтобы когда-нибудь кого винили за выпитую чашку чая, за съѣденный кусокъ селедки; чтобы рюмка водки и кусокъ селедки или даже выпитая въ компаніи бутылка шампанскаго были чѣмъ-то въ родѣ договора, по которому тотъ, который съѣлъ или выпилъ, продаетъ свой голосъ, обѣщается вотировать за того или другого кандидата. Угощаясь на выборахъ, я никогда въ себѣ не ощущалъ никакихъ сомнѣній или угрызеній совѣсти. Перенесемся мысленно за маленькую сферу выборовъ дворянскихъ, въ которой выборщиковъ немного, и легче, чѣмъ во всякой другой сферѣ, агитировать. Выборамъ предшествуетъ образованіе гласныхъ или негласныхъ комитетовъ. У самого кандидата или у кого-нибудь изъ его близкихъ съѣзжаются обсуждать, подкрѣпляя, отъ времени до времени, свои силы, о томъ, кого возвести въ подлежащую замѣщенію должность. Пріѣзжаютъ на эти бесѣды и угощенія нетолько сторонники кандидата, но даже и люди изъ другого лагеря, люди нейтральные или противники, для полученія свѣдѣній и согласованія своихъ дѣйствіи съ дѣйствіями другой партіи. Отъ этихъ малыхъ выборовъ перейдемъ къ большимъ, къ цѣлымъ десяткамъ тысячъ людей—въ члены парламента, въ какое-нибудь народное собраніе. Избирателей не можетъ помѣстить ни одно обыкновенное помѣщеніе. Нанимаются для предварительныхъ сходокъ и совѣщаній цирки, театры, кон-

цертныя залы, или, просто-на-просто, сходки происходятъ въ паркѣ, саду, на городской площади. Ораторы съ каѳедры или подмостковъ склоняютъ публику въ пользу своихъ кандидатовъ и своихъ программъ. Мало того: подряжаются лица, которыя посвящаютъ свою дѣятельность спеціально на то, чтобы склонять нетолько выборщиковъ, но всю читающую публику въ пользу извѣстныхъ кандидатовъ — это журналисты. Каждая партія, для успѣшности своихъ дѣйствій, основываетъ свой органъ — газету, или поддерживаетъ своими средствами существующіе органы печати, газеты, въ которыхъ ежедневно повторяется: выбирайте такого-то, онъ такихъ-то убѣжденій, онъ будетъ служить такимъ-то интересамъ. И этотъ образъ дѣйствія въ порядкѣ вещей. Никто не станетъ уважать публициста, который, за деньги, переходя отъ одной партіи къ другой и мѣняя убѣжденія, сегодня служитъ однимъ кандидатамъ, а завтра ихъ противникамъ, но если онъ не мѣняетъ, если онъ тѣхъ же убѣжденій, принадлежитъ той же партіи, въ пользу которой склоняетъ, и если получаетъ за свои труды вознагражденіе, безъ котораго никакой трудъ экономически немыслимъ, то эти его дѣйствія совершенно законны и таковыми по всему свѣту признаются. Итакъ, склонялъ или не склонялъ выборщиковъ Архиповъ въ пользу Хвостова и Бехтѣева—это безразлично. Не подлежитъ отвѣтственности и Черенковъ, вовсе незнавшій Архипова, за то, что ходилъ между выборщиками, подговаривая ихъ класть шары за Хвостова и Бехтѣева, а тѣмъ меньше за то, что произнесъ слова: «въ святомъ писаніи говорится: послѣдніе будутъ первыми». Итакъ, склоненіе выборщиковъ ненаказуемо. Чтобы подвести подъ отвѣтственность и сдѣлать предметомъ вмѣненія, необходимо сопоставить его или съ дурнымъ намѣреніемъ склоняющаго, или со средствами, употребляемыми для склоненія. Сопоставленіе дѣйствія склоненія съ намѣреніями склоняющаго даетъ основаніе нравственной оцѣнкѣ склоненія, но от-

нюдъ не уголовной. Можно хулить или презирать человѣка, который дѣйствовалъ безъ внутренняго убѣжденія или за деньги, перекидывался съ одной стороны на другую, но нельзя еще его за то наказывать, потому что мотивы неуголовнаго дѣйствія оцѣниваются только по совѣсти, а не по закону, и судья ихъ только публика, общественное мнѣніе. Уголовной отвѣтственности могутъ подлежать способы склоненія предосудительныя, средства склоненія, отнесенныя закономъ въ разрядъ происковъ преступныхъ и потому запрещенныя подъ страхомъ наказанія. Они перечислены въ 1425-й ст. улож. Я замѣчу, что въ числѣ этихъ способовъ нѣтъ *угощенія.* Я еще возвращусь къ этому слову и буду протестовать противъ его включенія въ обвиненіе. Въ статьѣ 1425-й упомянуты и запрещены только четыре средства: угрозы, подкупъ, подарки и обѣщанія. Разберемъ, были ли эти средства пущены въ ходъ въ настоящемъ случаѣ? Имѣли ли мѣсто *угрозы?* Говорятъ, будто бы Камышевъ и Богачевъ, споря съ Кабановымъ, стращали его тѣмъ, что пожалуются на него Хвостову; зная цѣну этому стращанію Кабановъ имъ отвѣтилъ: «Я не боюсь Хвостова; скажите ему, что я его выбирать не стану». Такъ и хочется спросить: гдѣ мы? въ дѣтской ли или между взрослыми людьми? Угроза преступная, уголовная можетъ заключаться только въ стращаніи зломъ опредѣленнымъ, положительнымъ и, притомъ, противозаконнымъ, но она ненаказуема, какъ скоро стращающій грозитъ, что онъ воспользуется своимъ несомнѣннымъ и законнымъ правомъ. Кабановъ не зависитъ отъ Хвостова; но еслибъ, положимъ, все населеніе извѣстной мѣстности вполнѣ зависѣло отъ землевладѣльца, на котораго землѣ они поселены, въ лѣсахъ котораго они пасутъ свой скотъ, и еслибъ этотъ землевладѣлецъ вдругъ объявилъ населенію: «кто не будетъ вотировать въ мою пользу тотъ не получитъ отъ меня аренды или скотина того не будетъ пастись на моей землѣ», то это предвареніе не-

благородное, мерзкое, недостойное, а всетаки, не будетъ считаться угрозою, потому что за пользованіе своимъ правомъ никто не отвѣчаетъ. Итакъ, угроза отпадаетъ, за нею слѣдуетъ второе средство—*подкупъ*. Кого и какъ подкупалъ Архиповъ? Неизвѣстно кого и даже не могутъ быть приблизительно указаны тѣ лица, на которыя онъ дѣйствовалъ деньгами. Есть два свидѣтеля, Дерюгинъ и Ѳедоръ Савинъ, которые утверждаютъ, будто Архиповъ дѣлалъ передъ ними признаніе въ подкупѣ или, по крайней мѣрѣ, въ раздачѣ денегъ на угощеніе. Разберемъ эти показанія и опредѣлимъ степень ихъ достовѣрности. Свидѣтель Дерюгинъ, который не зналъ вовсе Архипова, который не былъ выборщикомъ, разсказываетъ, будто, проходя въ 12 часовъ или немного позже, по дорогѣ мимо заведенія Волкова, видѣлъ лицо, признаваемое имъ нынѣ за Архипова, которое, будто бы, ему и другимъ крестьянамъ вовсеуслышаніе передавало: «Я больше не дамъ; я роздалъ 25 р. на выборы и, кромѣ того, 3 р. далъ Сѣрикову». Одновременно, будто бы, проходили по улицѣ вязовецкіе старшина и сборщикъ податей Черенковъ, которыхъ Архиповъ зазвалъ въ трактиръ и которые получили отъ Архипова 1 рубль. Странная вещь: оказывается изъ словъ Дерюгина, что была устроена Архиповымъ точно контора для раздачи денегъ, что приставали къ Архипову крестьяне невыборщики, которымъ давать чтобы ни было было безполезно! Свидѣтель Дерюгинъ ссылается на лица, совершенно неизвѣстныя, имена которыхъ онъ скрывалъ при предварительномъ слѣдствіи и обнаружилъ только теперь. Безъ этихъ лицъ нельзя провѣрить фактъ, странный самъ по себѣ и даже мало естественный—самопризнанія Архипова! Или повѣрить на слово Дерюгину? но это рискованно—неизвѣстно, что онъ за человѣкъ; или спросить тѣхъ крестьянъ, которыхъ имена онъ объявилъ теперь? Я просилъ вызвать тѣхъ свидѣтелей на счетъ защиты; но мнѣ было отказано. Я убѣжденъ, что еслибъ ихъ вызвали, то результатъ оказался

бы тотъ же, какъ относительно вязовецкихъ крестьянъ. Если я лишенъ былъ возможности доказать невѣрность показанія относительно тѣхъ крестьянъ, которые шли по дорогѣ, то имѣю основаніе сказать, что фактически обнаружена и доказана недостовѣрность показанія Дерюгина относительно вязовецкихъ крестьянъ, по его словамъ, получившихъ рубль отъ Архипова. Когда предсталъ предъ вами вязовецкій сборщикъ податей Шеменевъ, то Дерюгинъ, поспѣшилъ заявить: «Я обознался; тотъ сборщикъ былъ человѣкъ другой; тотъ былъ маленькій, рябой, молодой; онъ былъ сборщикомъ въ 1878 году, а не въ нынѣшнемъ 1879 году». Между тѣмъ, оказалось, что Шеменевъ былъ сборщикомъ и въ 1878 году; а его предмѣстникъ вовсе не соотвѣтствуетъ, по чертамъ лица, описанію, составленному, вѣроятно, на скоро и наугадъ Дерюгинымъ. Если Дерюгинъ попалъ въ просакъ съ Шеменевымъ, можно ли вѣрить и всѣмъ вообще его показаніямъ, напримѣръ, относителъно вязовецкаго старшины Попова. Старшина сбѣжалъ отсюда изъ Ельца ночью; онъ человѣкъ боязливый, боялся сильныхъ міра сего, онъ желалъ показать правду, но когда, явившись въ Елецъ, узналъ, что показаніе его можетъ быть не въ пользу исправника, то скрылся. Тѣмъ не менѣе, онъ сознавался свидѣтелямъ, которыхъ вы слышали на судѣ, что рубля отъ Архипова не получатъ, да и не могли получить этого рубля вязовецкіе выборщики, такъ какъ, запоздавъ пріѣздомъ и пріѣхавъ только въ часъ, они, никуда не заходя, прямо попали на выборы. Если показанія Дерюгина относительно вязовецкихъ крестьянъ столь сомнительны, то сомнительны они также и по предмету израсходованныхъ, будто бы, на подкупъ или угощеніе 25 руб. Если бы деньги раздавались открыто, точно въ конторѣ, каждому, то развѣ не раскрыло бы этого факта дознаніе, которое шло по всѣмъ волостямъ, и предварительное слѣдствіе, воспользовавшееся какъ матеріалами дознанія, такъ и данными еще другихъ разспросовъ и дознаній, которыхъ была пропасть.

Спрашивали, поочередно свидѣтелей, производя формальные допросы, полиція и слѣдователь, уѣздный предводитель дворянства и чиновникъ отъ губернатора—неужели всѣ эти дознанія и слѣдствія не обнаружили бы какую-нибудь раздачу въ многія руки разныхъ суммъ, когда при нихъ обнаружены даже такія подачки, какъ 50 к., дѣлаемыя разными лицами, но только не Архиповымъ. Извѣстно, что изъ частей можно заключать о цѣломъ. Если часть показанія Дерюгина вполнѣ опровергнута, то можно съ увѣренностью заключить, что столь же мало заслуживаютъ довѣрія и остальныя части показанія, непровѣренныя или даже и немогущія быть провѣренными. На этомъ основаніи, я откидываю показаніе Дерюгина и перехожу къ Ѳедору Савину. Ѳедоръ Савинъ—стегаловскій житель; онъ не былъ въ должности. Я былъ лишенъ возможности раскрыть исторію о похищеніи вещей, на которую наводитъ рѣчь Иванъ Савинъ. Но, независимо отъ этого обстоятельства, показаніе Ѳедора Савина въ высшей степени сомнительно по своему содержанію. Это человѣкъ, неимѣющій постоялаго двора, но имѣющій лавочку галантерейныхъ товаровъ близъ трактира Волкова. Онъ разсказываетъ, что послѣ не только выборовъ, но и угощенія Архиповымъ привалившаго съ выборовъ народа, Архиповъ, будто бы, убѣжалъ къ нему, Савину, и тутъ открылъ ему свою тайну: я, дескать, говоритъ, подкупалъ крестьянъ, роздалъ 70 рублей, ѣздилъ по волостямъ и давалъ гдѣ 5, гдѣ 7, гдѣ 10 рублей на угощеніе. Замѣчу, что показанія Ѳедора Савина и Дерюгина, если бы они были вполнѣ вѣрны, сводятся только на одно угощеніе. Но, я утверждаю, что, даже ссылаясь на угощеніе, это показаніе невѣроятно. Если послѣ выборовъ выборщики стали приставать къ Архипову, чтобы онъ ихъ угостилъ за то, что выбрали его господъ, то Архипову нужно было поскорѣе уѣхать совсѣмъ изъ Стегаловки, что онъ и сдѣлалъ. Извѣстно изъ слѣдствія, что Архиповъ уже былъ предупрежденъ друьями, что на него идетъ доно-

сить о подкупѣ Кабановъ. Извѣстно, что когда это извѣстіе донеслось до Архипова, онъ схватилъ ведро вина съ рундука на улицѣ и внесъ его въ домъ. Архиповъ, такимъ образомъ, уже былъ на сторожѣ, зналъ, что къ нему придерутся. Мыслимо ли, чтобы въ этотъ моментъ онъ вздумалъ побѣжать къ весьма мало ему извѣстному человѣку для того только, чтобы сдѣлать его вмѣстилищемъ уголовной тайны, а себя, посредствомъ самообвиненія, выдать, такъ сказать, головою? Гг. судьи, вѣдь это былъ бы безумный поступокъ. Сверхъ того, показаніе это еще опровергается слѣдующимъ. Если бы Савинъ дѣйствительно слышалъ отъ Архипова признаніе въ томъ, что за двѣ недѣли до выборовъ онъ давалъ гдѣ 5, гдѣ 7, гдѣ 10 руб., если подпой шелъ ещъ задолго до выборовъ, то, во-первыхъ, это просто въ экономическомъ отношеніи было бы крайне глупо, потому что память объ угощеніи дѣйствуетъ хорошо, когда она свѣжа, а потомъ угощеніе забывается и отходитъ, какъ воспоминаніе, въ даль; во-вторыхъ, раннія угощенія были бы самымъ лучшимъ средствомъ разглашать по всему бѣлу свѣту о подпаиваніи избирателей; извѣстіе о подпоѣ не могло бы не дойти до полиціи, и дознаніе, а потомъ и слѣдствіе, вѣроятно, начались бы еще до выборовъ. Ничего подобнаго не происходило. Итакъ, весь разсказъ Ѳедора Савина сильно похожъ на вымыселъ и крайне неправцоподобенъ. Я полагаю, что этотъ подкупъ, о которомъ такъ много говорится, пе существовалъ вовсе. Если не было подкупа, не обнаружена ли раздача *подарковъ?* Подарки сводятся къ тому же, что и подкупъ — къ угощенію водкою. Онъ угощалъ несомнѣнно послѣ выборовъ, но говорятъ, что онъ давалъ на угощеніе еще до выборовъ. Между тѣмъ, никто не видѣлъ этого угощенія. У Волкова кабакъ былъ, по крайней мѣрѣ, снаружи, закрытъ, туда входили, однако, заднимъ ходомъ люди, ѣли и пили, никто не видѣлъ, чтобы ѣли и пили съ Архиповымъ, чтобы Архиповъ кого нибудь угощалъ. Я уже говорилъ, что уго-

[redacted]

щенія входятъ, какъ элементъ, во всякое выборное движеніе. начиная съ игръ и постановки трагедій греческихъ, съ римскимъ *circenses*, которыми народъ угощали люди добивающіеся высшихъ должностей въ государствѣ до англійскихъ hustings и польскихъ сеймиковъ. Задабриваніе кандидатами избирателей доходило до безобразія, но нигдѣ почти этимъ безобразіямъ законодательства даже и не пытались противодѣйствовать мѣрами уголовными. Средство противъ задабриванія выборщиковъ угощеніями заключается, главнымъ образомъ, въ нравахъ; сверхъ того, демократія обладаетъ еще двумя весьма сильными способами противъ задабриванія, именно, всеобщею подачею голосовъ и закрытою баллотировкою. При всеобщемъ голосованіи избирателей такъ много, что угощеніе ихъ не по средствамъ частныхъ лицъ, какъ бы богаты эти люди не были. Крестьяне наши очень скоро постигли цѣну секретнаго баллотированія шарами и усвоили себѣ превосходно это учрежденіе. Всякому извѣстно, что если придется баллотировать открыто, то кандидатъ почти навѣрняка пройдетъ, хотя бы онъ и не былъ любъ большинству, потому что немногіе рѣшатся обнаружить открыто свое мнѣніе вставаніемъ или сидѣніемъ, но если баллотировка закрытая, шарами, то, въ сущностн, глупъ тотъ, кто угощаетъ, на чей счетъ ѣдятъ и пьютъ, потому что слѣдить за тѣмъ, куда кладутъ шары, онъ не можетъ—его и объѣдятъ, и, все таки, забаллотируютъ. Такимъ образомъ, при секретной баллотировкѣ угощеніе совершенно недѣйствительное средство привлеченія сторонниковъ.

Итакъ, если бы даже было доказано, что въ какой-нибудь мѣстности до выборовъ Архиповъ совѣщался съ съ нѣкоторыми изъ выборщиковъ, если бы онъ и приказывалъ дать закуску или водку, то изъ этого еще нельзя заключить о подкупѣ и подаркахъ, потому что угощеніе въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ вовсе не предполагаетъ договора между угощающимъ и угощаемымъ, котораго смыслъ такой: ты меня угости, а я

дамъ тебѣ свой голосъ. Очень часто принимаются, а слѣдовательно, и угощаются лица завѣдомо принадлежащія къ противной партіи, которыя, однако, безъ зазрѣнія совѣсти пользуются угощеніемъ, а потомъ голосуютъ противъ угощавшаго. При угощеніи не было уговора о голосованіи ни явнаго, ни подразумѣваемаго.

Но если подарковъ не было даже въ формѣ угощенія, то не было ли *обѣщаній угостить* въ случаѣ избранія Бехтѣева и Хвостова? Если разобрать это предположеніе, то оно окажется еще слабѣе всѣхъ предъидущихъ. Чего не сдѣлалъ живой человѣкъ, того не сдѣлаетъ его тѣнь. Чего нельзя достигнуть самымъ угощеніемъ въ натурѣ, того не достигнешь тѣнью угощенія, то есть, обѣщаніемъ угостить тѣмъ, что обѣдающій скажетъ выборщику: дай мнѣ твой голосъ, а если мой кандидатъ будетъ выбранъ, то я тебя накормлю и напою. Какъ удостовѣриться, что подкупленный обѣщаніемъ далъ голосъ? Удостовѣриться можно только тогда, когда голосующіе на перечетъ, а не $2^1/_2$ сотни, слѣдовательно тотъ, къ кому обращался обѣщающій угощать, составлялъ только $^1/_{250}$ часть выбирающей силы. Въ данномъ дѣлѣ надо допустить, что обѣщаніе распространялось на всѣхъ вообще крестьянъ и на выборщиковъ, слѣдовательно, что кругъ прельщаемыхъ людей былъ еще больше. Если результатъ выбора зависитъ отъ 250 человѣкъ, то обѣщаніе угощенія едва ли могло имѣть какое нибудь вліяніе на каждую единицу, потому что каждая единица поразсудитъ, развѣдаетъ сначала, куда клонится выборъ по общему желанію и туда пристанетъ, въ полной увѣренности, что угощеніе послѣ выборовъ будетъ имѣть мѣсто въ его обычной, искони установившейся формѣ, соединенное съ поздравленіемъ. Вездѣ и всегда счастливые избранники задавали друзьямъ, знакомымъ и даже мало знакомымъ пиръ на славу. Въ Англіи, лордъ-мэръ задаетъ послѣ избранія обѣдъ, даетъ балы президентъ французской республики; у насъ празднуетъ свое избраніе каждый предводитель дво-

[redacted]

рянства, каждый городской голова, я самъ бывалъ на профессорскихъ обѣдахъ, по случаю избранія или переизбранія въ профессора. Обычай такъ силенъ, что едва ли кто можетъ отъ него уклониться. Вспомните, господа судьи, того Катона Воронецкой волости, который вамъ говорилъ, что еслибы къ нему подошелъ мужикъ и попросилъ на водку послѣ выборовъ, то онъ его тотчасъ посадилъ бы въ холодную арестантскую. Этотъ самый Катонъ уличенъ двумя свидѣтелями: Богачевымъ и Камышевымъ въ томъ, что и онъ, попавъ въ число девяти гласныхъ на выборахъ въ Стегаловкѣ, далъ 1 руб. на угощеніе. Угощеніе со стороны выбранныхъ столь обычно, что оно могло подразумѣваться и что молва о немъ могла ходить въ народѣ и гулять по міру безъ всякаго участія со стороны Архипова. Если богатоплатовскіе мужики взяли на себя пропагандировать кандидатуру Бехтѣева и Хвостова, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что просто по обычаю, по извѣстнымъ примѣрамъ, они же подталкивали выборщиковъ другихъ волостей словами: угощеніе будетъ. Молва росла, кто сулитъ три, кто пять ведеръ, могла она дойти и до десяти и до 15-ти, но что же изъ этого слѣдуетъ? развѣ можно такую ходячую молву относить насчетъ Архипова? Количество требуемаго угощенія не можетъ быть опредѣлено заранѣе; оно зависитъ отъ числа лицъ, которые придутъ поздравлять. Придетъ больше, чѣмъ ожидали— слава Богу, у насъ водка вездѣ есть—можно взять и дать въ одну минуту. Сверхъ того, водка въ натурѣ легко замѣняется деньгами на водку. Торопятся люди уѣхать, солнце садится, распить хотѣлось бы, но поздно, и, вмѣсто водки, кто получаетъ 20 коп., кто 30 копѣекъ: поѣзжай и угощайся въ дорогѣ. Это то же самое угощеніе, это то, что называется магарычъ. Онъ вовсе не расплата за сдѣланное, за сработанное. Онъ неразрывно сросся съ обычнымъ поздравленіемъ. Приходятъ поздравлять съ днемъ рожденія, съ днемъ ангела, съ полученнымъ чиномъ, крестомъ, съ крестинами или

свадьбою, приходятъ толпами, всѣхъ не отблагодаришь хлѣбомъ-солью, просто, вмѣсто угощенія, даешь «на водку». Русское: «на водку» неискоренимо никакими уголовными мѣрами. Итакъ, когда послѣ выборовъ народъ повалилъ толпою по постоялымъ дворамъ и въ томъ числѣ и въ трактиръ Волкова, Архиповъ былъ поставленъ въ необходимость предложить ведро водки. Его уличаютъ, что онъ далъ больше. Въ дѣлѣ есть показаніе свидѣтеля обвиненія, трактирщика Волкова, что за всю бытность у него Архипова, онъ и за себя, и за тестя, и за кормъ лошадей въ теченіи двухъ дней, и за угощеніе крестьянъ заплатилъ всего только 14 руб. Итогъ этого расхода не даетъ основанія предполагать, что въ трактирѣ Волкова, вечеромъ 24-го іюня, было разливанное море. Наконецъ, еслибъ и розлито было это море, еслибъ дано было десять ведеръ водки, то и такое угощеніе послѣ выборовъ не подходило бы подъ дѣйствіе 1425-й ст., потому что эта статья говоритъ о склоняющихъ передъ выборами, но послѣ выборовъ склонять уже нельзя. Всякое пьянство, конечно, предосудительно, но было ли въ данномъ случаѣ пьянство? Сообразите, что люди цѣлый день ничего не ѣли и не пили, и, право, вы признаете, что въ такомъ угощеніи не было совершенно ничего необыкновеннаго, неприличнаго.

Я кончилъ объ Архиповѣ. Изъ всей массы уликъ не осталось ничего. Остаются Черенковъ и Сѣриковъ. Что касается Черенкова, то противъ него существовали прежде слѣдующія улики: показаніе Романа Туленинова, но оно снято: Тулениновъ говорилъ при предварительномъ слѣдствіи о воронецкомъ засѣдателѣ, но при судебномъ онъ не призналъ за таковаго Черенкова—очевидно, что онъ ошибался; показаніе Волкова, что вечеромъ послѣ выборовъ Черенковъ былъ въ кабакѣ; показаніе Дерюгина, который, будто бы, видѣлъ, какъ Черенковъ зазывалъ въ трактиръ вязовецкихъ сборщика податей и старосту; показаніе Филиппа Малютина, который снявъ оговоръ съ

[redacted]

Ивана Сѣрикова, оставилъ его, однако, по мнѣнію г. прокурора, на Черенковѣ. Разберемъ эти показанія.

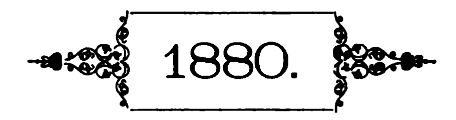
Показаніе Дерюгина относится ко времени послѣ 12-ти часовъ дня, когда, будто бы, шли по улицѣ вязовецкіе мужики; изъ нихъ Шаменевъ здѣсь удостовѣрилъ, что они опоздали, пріѣхали лишь въ часъ и прямо отправились, никуда не заходя, на выборы. Послѣ 12-ти часовъ Черенковъ не могъ сидѣть у Волкова; онъ, по обязанности засѣдателя, долженъ былъ собирать людей и перекликать ихъ предъ каждымъ баллотированіемъ. Выборщики утверждаютъ, что если Черенковъ отлучался, то только на самое короткое время, за отысканіемъ двухъ изъ своей волости людей, которые вышли за ограду и которые находились не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста выборовъ. Показаніе Волкова о бытности у него Черенкова вечеромъ, послѣ выборовъ, опровергается свидѣтелями, показывающими, что онъ тотчасъ послѣ выборовъ, не заходя въ трактиръ, собрался и уѣхалъ. Еслибъ показаніе Волкова и подтвердилось, оно ничего не значило бы, потому что оно относилось бы ко времени послѣ выборовъ, но оно связывало бы Архипова съ Черенковымъ, устанавливало бы фактъ личнаго между ними знакомства. Но несомнѣнно, по словамъ односельцевъ Черенкова, что прямо съ выборовъ Черенковъ отправился съ Сорокинымъ на постоялый дворъ, тамъ запрягли лошадей и уѣхали. Такимъ образомъ, оказывается, что Черенковъ съ самаго начала и до конца былъ на выборахъ, не заходилъ къ Волкову и никакого участія въ угощеніи не принималъ. Если онъ убѣждалъ выбирать Бехтѣева и Хвостова, то пользовался законнымъ правомъ выборщика и послѣ выборовъ имѣлъ полное основаніе сказать евангельскія слова: «первые да будутъ послѣдними и послѣдніе первыми». Въ этихъ словахъ, я думаю, вся вина Черенкова! Что касается еще одного свидѣтеля, Филиппа Манютина, то его показаніе, сверхъ своей неправдоподобности, хромаетъ еще тѣмъ, что Манютинъ

одинъ изъ тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ имъ же самимъ опровергнуты, а потому весьма сомнительны. Ф. Манютинъ отозвался полнѣйшимъ запамятованіемъ происходившаго, довелъ дѣло до того, что прочтено было его показаніе, данное при предварительномъ слѣдствіи; часть этого послѣдняго показанія онъ совсѣмъ отвергъ, а часть какъ будто бы призналъ, но, все таки, весьма нетвердо, словами: «должно быть, было такъ». Наконецъ, я совсѣмъ не буду говорить о подсудимомъ Сѣриковѣ, потому что всѣ свидѣтели ничего противъ него не сказали: Волковъ говоритъ, что его не видѣлъ; Дерюгинъ впутывалъ его только въ сдѣланное, будто бы, Архиповымъ признаніе; Романъ Тулениновъ снялъ свое показаніе относительно Сѣрикова; далѣе Кабановъ говоритъ, что ничего не знаетъ; Иванъ Манютинъ тоже отказался. Словомъ, о Сѣриковѣ никто ничего не знаетъ.

Оканчиваю мою защиту слѣдующими соображеніями. Я полагаю, что было бы прилично дать всему этому дѣлу названіе одной изъ шекспировскихъ пьесъ: «Much do about nothing»—(«Много шума изъ за пустяковъ»). Враждующія партіи перекидываются живыми людьми, какъ мячиками. Я полагаю, эти люди имѣютъ право, чтобы ихъ судили не какъ неодушевленныя вещи, а какъ живыхъ лицъ, себя сознающихъ, которыхъ дѣйствія должны быть цѣнимы и имъ вмѣняемы, независимо отъ того, какія цѣли достигаемы были черезъ нихъ тѣми, которые ихъ обвиняютъ, или тѣми, съ кѣмъ они дѣйствовали заодно. Вотъ почему я и прошу, гг. судьи, чтобы вы вынесли совершенное оправданіе всѣмъ подсудимымъ.

Судъ послѣ краткаго совѣщанія, вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ. Харьковская Судебная Палата оставила безъ послѣдствій принесенный на этотъ приговоръ апелляціонный протестъ Прокурора Елецкаго Окружнаго Суда.

23.

Дѣло крестьянина Осипа Малиновскаго.

Въ засѣданіи перваго отдѣленія пятаго департамента правительствующаго сената слушалось, 27-го сентября, 1880 г. дѣло по частной жалобѣ крестьянина Осипа Малиновскаго на постановленіе гродненской соединенной палаты, которымъ рѣшено прекратить производствомъ, по необнаруженію виновныхъ, дѣло, возбужденное Малиновскимъ, о подложномъ составленіи въ 1866 году подписки, на основаніи которой онъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ причисленъ, противъ воли своей, въ православные. между тѣмъ какъ, по его словамъ, онъ никогда подобной подписки не давалъ. Присяжный повѣренный Спасовичъ, поддерживая жалобу Малиновскаго, въ дополненіе къ ней, представилъ слѣдующее объясненіе:

«Я буду просить гг. сенаторовъ удѣлить мнѣ благосклонное вниманіе по дѣлу, которое можетъ быть сочтено и весьма сложнымъ, и весьма простымъ, и неважнымъ, и важнымъ, смотря по тому, съ какого конца на него смотрѣть и какъ опредѣлить его содержаніе. Что касается его содержанія, то съ перваго взгляда кажется, будтобы оно есть дѣло только о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 187 и 207 ст. улож. о нак., т. е. объ отпаденіи отъ православія въ католицизмъ, или дѣло о неисполненіи новообращеннымъ

въ православіе обрядовъ православной церкви. Дѣйствія эти пріобрѣтаютъ вполнѣ уголовный характеръ только тогда, когда есть въ виду совратители; когда ихъ нѣтъ, то они—проступки не уголовные, а просто церковные, и разсматриваются, какъ состояніе личнаго убѣжденія человѣка отступившаго, за которое онъ только отсылается къ духовному начальству, причемъ противъ него принимаются лишь нѣкоторыя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія. Правда, въ настоящемъ дѣлѣ есть до 20-ти подобнаго рода подсудимыхъ, отпавшихъ отъ православія. Спрошенные по дѣлу, всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ стереотипную фразу: я не былъ пять или шесть лѣтъ у исповѣди и св. причастія, дѣти—одни крещены, потому что были больны и при смерти, а другіе—не крещены. Эти показанія давались въ 1871 году, слѣдовательно, девять лѣтъ тому назадъ. Если къ этимъ девяти годамъ прибавить тѣ пять или шесть лѣтъ, въ теченіи которыхъ они не исполняли извѣстныхъ обрядовъ до допроса, то выйдетъ 14 или 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ они пребывали внѣ общенія съ какою бы ни было церковью и были лишены духовной пищи, утѣшеній религіи, находясь въ состояніи, похожемъ на расколъ, произведенный искуственно мѣрами администраціи. Состояніе печальное; но что же дѣлать? Судъ можетъ сказать себѣ: не мое дѣло вмѣшиваться въ духовное вѣдомство; мнѣ только слѣдуетъ производство, за неимѣніемъ уголовнаго наказанія, прекратить и отослать упорствующихъ къ благочинному и полиціи, предоставивъ дѣлать съ ними что знаютъ. Но, гг. сенаторы, настоящее производство, по содержанію своему, не состоитъ изъ одного только отпаденія отъ православія—въ немъ есть еще и другой конецъ. Эти люди, упорствующіе въ томъ, чтобы не подчиняться обрядамъ и уставу православной церкви, въ то же время, переходятъ въ наступательное положеніе. Изъ обвиняемыхъ они обращаются въ обвинителей и утверждаютъ, что однихъ обращали посредствомъ истязаній и насилія, а

[redacted]

другихъ—при помощи составленія отъ имени ихъ росписокъ, которыхъ они никогда не давали. Такимъ образомъ, возникаетъ уже иной вопросъ, прямо подходящій къ вашей компетенціи: объ употребленіи насилія и совершеніи подлога для причисленія людей къ православію. Если судъ гражданскій обязанъ защищать каждаго человѣка въ его чести, въ его собственности, то онъ не можетъ не защищать его въ самомъ драгоцѣннѣйшемъ изъ благъ, именно—въ правѣ исповѣдывать, по своему убѣжденію, ту или другую религію и прибѣгать къ утѣшеніямъ той церкви, отъ которой онъ считаетъ себя незаконно отторгнутымъ. Для простого человѣка вся его умственная жизнь заключается въ одной только религіи; вѣра для него цѣннѣе всякаго богатства: что, въ сравненіи съ нею, земля, деньги, удобства жизни? Если посмотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, которая и есть, по моему убѣжденію, единственная правильная, то по такому дѣлу, какъ настоящее, нельзя ограничиться однимъ формальнымъ къ нему отношеніемъ и сказать, что мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе существа его, а лучше его прекратимъ. Православная литовская духовная консисторія, къ которой эти люди обращались съ жалобою на подлогъ, въ отвѣтъ имъ, рѣшила: за причисленіемъ ихъ къ православію, по распоряженію синода, сужденія о нихъ не имѣть. Но оцѣнить представленныя судебныя доказательства подлога и признать подлогъ можетъ только уголовный судъ. Если онъ откажетъ въ этомъ, будучи убѣжденъ, что доказательства вѣрны и что подлогъ на лицо, то такой судъ совершитъ явный отказъ въ правосудіи. Имѣлъ ли въ дѣйствительности мѣсто подлогъ или нѣтъ? Я постараюсь доказать, что подлогъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ моему кліенту Малиновскому, и приступаю прямо къ передачѣ фактовъ словами подлинныхъ протоколовъ слѣдственнаго производства.

Время дѣйствія — 1866 годъ, мѣсто дѣйствія—Свислочь, маленькій городокъ, почти селеніе въ волковыс-

комъ уѣздѣ, гродненской губерніи. Оно происходило почти одновременно съ такъ называемымъ каракозовскимъ дѣломъ, которое, какъ извѣстно, поручено было генералу Муравьеву, уже оставившему виленское генералъ губернаторство. Мѣсто его занималъ генералъ Кауфманъ, при управленіи котораго и происходили самыя крупныя обращенія въ православіе цѣлыми массами. Дѣйствующими лицами являются: во-первыхъ, священникъ Александръ Гомолицкій; во-вторыхъ, мировой посредникъ Щербовъ, который хотя и не значится въ числѣ подписавшихся на актахъ присоединенія къ православію, но дѣйствовалъ, такъ сказать, за кулисами, какъ видно изъ показаній свидѣтелей; въ третьихъ, участковый чиновникъ, состоящій при посредникѣ, Шевягинъ, подпись котораго имѣется на многихъ подпискахъ; затѣмъ, въ четвертыхъ, жандармскіе нижніе чины и унтеръ-офицеры, въ числѣ которыхъ есть нѣкто Лопатицынъ, и, наконецъ, въ пятыхъ, писаря, которые подписывались за безграмотныхъ. Значительно было число обращенныхъ въ православіе—болѣе 700 человѣкъ, такъ что священникъ Гомолицкій, какъ онъ объясняетъ въ своемъ показаніи, не успѣвалъ сочинять росписки отдѣльно отъ каждаго обращающагося лица, а писалъ ихъ гуртомъ отъ цѣлыхъ селеній сразу.

Большинство обращенныхъ поступило, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ массы, т. е. подчинилось и, не возражая, слилось съ массою православныхъ. Но въ числѣ этихъ 700 лицъ нашлось человѣкъ 20 или 25, которые протестовали и которыхъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ одной изъ нихъ принадлежатъ тѣ, которые вовсе не соглашались на составленіе отъ имени ихъ подписокъ, а къ другой — тѣ, которые хотя и согласились, но потомъ, когда ихъ поставили съ глазу на глазъ съ свидѣтелями, сказали, что дали согласіе только вслѣдствіе употребленныхъ противъ нихъ побоевъ, истязаній и насилія. Но съ тѣхъ поръ, какъ обращеніе послѣдовало, до этихъ позднихъ заявленій объ истязаніяхъ, прошло

много лѣтъ, заявляющіе были люди неграмотные, несмышленые, подробности забылись, не было возможности доказать фактъ насилія, такъ что эта часть разсматриваемаго дѣла по вопросу объ истязаніяхъ отпадаетъ, и разсматривать ее не приходится. Потому остаются только отвѣты о подлогахъ, обвиненія лицъ, которыя утверждаютъ, что, вмѣсто ихъ, подписки были сочинены безъ ихъ на то согласія другими лицами, которыхъ они объ этомъ не просили.

Обращаясь къ этой категоріи лицъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и мой кліентъ, Малиновскій, я долженъ сначала остановиться на опредѣленіи въ общихъ чертахъ операціи отбиранія подписокъ, которыя явствуютъ изъ дѣла. Всѣ подписки были отбираемы между 9-мъ и 13-мъ числами апрѣля, сначала, именно 9-го и 10-го, отъ отдѣльныхъ лицъ, а потомъ 11-го и 13-го апрѣля—гуртомъ, цѣлыми деревнями. Одна такая гуртовая подписка имѣется на листѣ 57-мъ дѣла, а другая на 123-мъ. Эти подписки весьма замѣчательны въ томъ отношеніи, что, если брать ихъ, какъ акты и судить ихъ по общимъ правиламъ оцѣнки достовѣрности документовъ, то едва ли можно признать за ними какую нибудь доказательную силу. Всѣ онѣ составлены за рукоприкладствомъ и удостовѣрены только однимъ священникомъ Гомолицкимъ, который постоянно является одинъ въ трехъ лицахъ: во-первыхъ, на первой страницѣ онъ занесъ своею рукою имена цѣлыхъ десятковъ лицъ, обращаемыхъ въ православіе, отмѣченныхъ потомъ троекратными крестиками, которые Богъ знаетъ кто поставилъ, можетъ быть, самъ Гомолицкій, и которые всѣ похожи одинъ на другой; во-вторыхъ, рукою же Гомолицкаго сдѣланы надписи забезграмотныхъ свидѣтелей и наконецъ, въ третьихъ рукою же Гомолицкаго сдѣлана надпись: «подписки принималъ», каковою подписью удостовѣряется, что всѣ поименованныя въ подпискѣ лица присоединились къ православію. Слѣдовательно, совокупность этихъ подписокъ равносильна удо-

стовѣренію только одного священника Гомолицкаго, а если оно обжаловано и оспорено, то нѣтъ возможности провѣрить, имѣлъ ли мѣсто фактъ, удостовѣряемый священникомъ Гомолицкимъ. На 125-й страницѣ дѣла имѣется гуртовая подписка, немного отличная отъ предыдущей. Имена обратившихся написаны Гомолицкимъ, опять поставлены крестики, свидѣтели тоже вписаны рукою Гомолицкаго; потомъ идетъ надпись рукоприкладчика: «по личной просьбѣ всѣхъ крестьянъ росписался жандармъ Лопатицынъ». Въ этой подписи опять всѣ слова подписаны рукою Гомолицкаго, кромѣ послѣдняго: «Лопатицынъ». Таковы общія подписки массами. Имъ, какъ я сказалъ, предшествовали, 9-го и 10-го апрѣля, единичныя подписки. Я объясняю себѣ выдачу этихъ единичныхъ подписокъ тѣмъ, что массы крестьянскія являютъ изъ себя видъ панургова стада; надобно склонить главныхъ хозяевъ, какъ предводителей, потомъ остальные пойдутъ, какъ овцы, за подавшими примѣръ домохозяевами. 9-го и 10-го апрѣля нужно было уломать главныхъ домохозяевъ, лучшихъ людей между крестьянами, а 11-го и 13-го апрѣля уже отмѣчалось прохожденіе за ними всего остальнаго стада. Противъ самыхъ сомнительныхъ подписокъ гуртомъ, 11-го и 13-го апрѣля, сравнительно съ единичными, сдѣлано мало возраженій, а бо́льшая часть возраженій относилась до подписокъ 9-го и 10-го апрѣля. Какой же порядокъ былъ при отбираніи этихъ единичныхъ подписокъ? Прежде всего, въ нихъ бойкимъ, писарскимъ почеркомъ написано: я, такой-то, вмѣстѣ со своимъ семействомъ перехожу въ православіе и обязуюсь пріобщиться святымъ таинствамъ къ троицыну дню, 15-го мая. Потомъ тѣмъ же почеркомъ идетъ надпись: по безграмотству такого-то и по его личной просьбѣ, подписался писарь такой-то. Налицо имѣлись два писаря: одинъ Хвощевскій, волостной, а другой чиновникъ Шевягина, Дашкевичъ. Далѣе имѣется надпись какого нибудь свидѣтеля, напримѣръ, старосты Лукащука; потомъ голая подпись дол-

жностнаго лица — чиновника Шевягина, и въ концѣ всего — подпись священника Гомолицкаго, какъ лица, принимавшаго эти подписки. Конечно, всѣ подобнаго рода подписки весьма неформальны. Неизвѣстно, зачѣмъ стоитъ и что удостовѣряетъ подпись Шевягина, а подписи за безграматныхъ по ихъ просьбѣ нуждаются въ удостовѣреніи полиціи нетолько относительно того, кѣмъ онѣ дѣйствительно подписаны за безграмотныхъ, но и относительно того, были ли дѣйствительно упрошены подписавшіеся тѣми, за кого они подписывались. Когда, по возбужденіи уголовнаго слѣдствія, оно коснулось подписавшихся на актахъ за безграмотныхъ, обращенныхъ въ православіе и вообще участвовавшихъ въ составленіи подписокъ, то показанія этихъ лицъ обнаружили рядъ весьма курьезныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, свидѣтель Лукащукъ показалъ, подъ присягою, что хотя онъ и расписывался на многихъ подпискахъ, какъ свидѣтель, но лица, отъ имени которыхъ давались эти подписки, вовсе не просили, чтобы за нихъ кто нибудь расписался, и даже этихъ лицъ иногда вовсе не было налицо. Въ свое оправданіе, Лукащукъ приводитъ слѣдующее: «скажу только то, что время было такое, и я не смѣлъ ослушаться приказанія своего начальства».

«Дашкевичъ, писарь при Шевягинѣ, отзывается болѣе сдержанно и осторожно. Онъ говоритъ прямо, что подпись его на подпискахъ сдѣлана имъ подложно. Но, вмѣсто того, на страницѣ 101-й дѣла онъ пишетъ слѣдующее: за давностью времени, я все запамятовалъ и не помню, просили ли меня крестьяне расписываться на подпискахъ, или не просили. Слѣдовательно, Дашкевичъ не отвергаетъ того, что онъ могъ подписываться и за отсутствовавшихъ, и за непросившихъ его расписаться за нихъ. Словомъ, это удостовѣреніе сдѣлано только для того, чтобы самому уклониться отъ отвѣтственности, и равносильно тому, что Дашкевичъ не подтвердилъ своей подписи на роспискахъ; значитъ, росписки все равно, что никѣмъ не подписаны. Наконецъ, писарь Хвощев-

скій уже прямо заявилъ, подъ присягою, что онъ подписывался безъ всякой просьбы о томъ со стороны крестьянъ и въ отсутствіи лицъ, которыя на подпискахъ значились, и что онъ дѣлалъ это просто по приказанію гостившаго у Шевягина начальника его, посредника Щербова. Такимъ образомъ, уясняется вполнѣ та обстановка, при которой совершались обращенія въ православіе въ 1866 году. По составленіи общаго понятія о событіи, я обращаюсь къ тому его эпизоду, который касается только Малиновскаго, какъ моего кліента.

«Отецъ и дѣдъ его были католики, мать также католичка; ничѣмъ не подтверждено, чтобы она была православная или даже уніатка. Малиновскій — человѣкъ семейный, уважаемый и вліятельный въ своемъ околоткѣ. Ни въ 1866, ни въ 1867 годахъ, ни въ послѣдующіе года, онъ не пріобщался, не ходилъ въ церковь, не былъ мѵропомазанъ; словомъ, онъ отъ церкви православной всегда сторонился. Онъ даже и не былъ ни 9-го, ни 10-го апрѣля въ Свислочи, доказательства чему имѣются неопровержимыя. Только стороною онъ узналъ впослѣдствіи—и я вѣрю его показанію—что онъ записанъ въ православіе; его не стали допускать и въ латинскій костелъ. Такимъ образомъ, онъ остался между двумя церквами. Несмотря на то, что онъ человѣкъ бѣдный, онъ рѣшился поѣхать въ Вильно освѣдомиться, что случилось. Ему отвѣтили, что имѣется его подписка о причисленіи къ православію. Онъ заявляетъ о подлогѣ этой подписки, въ 1871 году, и начинаетъ дѣло, которое, въ 1874 году, поступаетъ въ гродненскую соединенную палату. Эта палата, постановивъ прекратить дѣло относительно другихъ лицъ, опредѣлила произвести дослѣдованіе о подложной подпискѣ Малиновскаго. Подписка, о которой идетъ рѣчь, замѣчательна въ слѣдующемъ отношеніи. Написана она, будто бы, 10-го августа. Я утверждаю, что въ этомъ числѣ названіе мѣсяца августа есть или умышленно подложное, или занесенное по ошибкѣ, но во всякомъ случаѣ не

соотвѣтствующее дѣйствительности. Я полагаю, что слово «августъ» невѣрно, и вотъ почему: Шевягинъ съ писаремъ Дашкевичемъ находились въ Свислочи только въ апрѣлѣ 1866 года, и только въ апрѣлѣ совершалось обращеніе въ православіе массами и отбирались Гомолицкимъ подписки при той обстановкѣ, на которую я намекалъ.

Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы обращеніе въ православіе повторялось: кого могли записать — записали въ апрѣлѣ, потомъ остальныхъ оставили уже въ покоѣ. Если бы отбиралась подписка отъ обращавшагося въ августѣ 1866 года, то его заставили бы обѣщать, что онъ пріобщится св. тайнъ къ ближайшему празднику, напримѣръ, къ Рождеству или къ Великому посту, передъ Пасхою, или, наконецъ, къ Пасхѣ 1867 года, но никакъ не къ троицыну дню, который только въ 1866 году приходился на 15-е мая, а въ 1867 году пришелся на 4-е іюня. Въ подпискѣ Малиновскаго, отъ 10-го августа за 1866 годъ, дано имъ, будто бы, обѣщаніе причаститься 15-го мая, къ троицыну дню; но, очевидно, что нельзя пріобщиться къ дню 15-го мая, троицыну, уже прошедшему, въ моментъ, когда писалась росписка, если только она писалась 10-го августа. Я не полагаю, чтобы былъ умыселъ въ выставленіи числа 10 го августа; въ этомъ я не вижу цѣли. Я скорѣй готовъ думать, что произошла просто описка при опредѣленіи мѣсяца, которой способствовало то обстоятельство, что и августъ, и апрѣль начинаются одною и тою же буквою. Итакъ, въ подпискѣ необходимо сдѣлать исправленіе и, вмѣсто августа, при 10-мъ числѣ поставить апрѣль. Но потомъ и послѣ этого исправленія, ставится вопросъ: выражала ли она волю давшаго ее, или нѣтъ, подлинная ли она или нѣтъ? Она написана Дашкевичемъ отъ начала до конца замѣчательно небрежно. На ней послѣ текста имѣются незачеркнутыя слова: «въ чемъ собственноручно подписуюсь»; вслѣдъ затѣмъ, другія слова: «въ

чемъ, по неумѣнію грамоты, чрезъ упрошеннаго, подписуюсь»—за Малиновскаго Дашкевичъ; потомъ идетъ подпись Шевягина, и потомъ опять неизвѣстно что обозначающая подпись того же Дашкевича. Въ первоначальномъ своемъ присяжномъ показаніи о подпискахъ 9-го и 10-го апрѣля, Дашкевичъ говоритъ, что, просили ли его лица, дававшія подписки 9-го и 10-го апрѣля, подписываться за нихъ, онъ не помнитъ; слѣдовательно, что очень возможно и естественно, онъ заочно подписывалъ, между тѣмъ какъ Лукащукъ и Хвощевскій прямо показывали о понужденіи ихъ къ составленію подписокъ Шевягинымъ и Щербовымъ. Въ послѣдующемъ показаніи уже объ одной подпискѣ Малиновскаго, Дашкевичъ, противорѣча себѣ, увертывается такимъ образомъ: «должно быть, Малиновскій меня просилъ, когда я расписался, какъ упрошенный, а, впрочемъ, не помню». Такимъ образомъ, вмѣсто показанія о фактѣ, намъ предлагается умозаключеніе. Но, конечно, намъ нѣтъ дѣла до умозаключенія Дашкевича; притомъ же, оно опровергается слѣдующимъ вѣскимъ фактомъ. Имѣется до десятка присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній о томъ, что ни 9-го, ни 10-го апрѣля Малиновскаго не было въ Свислочи, а ѣздилъ онъ въ это время въ Гродно съ докторомъ Заіончковскимъ. Этотъ фактъ врѣзался въ память свидѣтелей по слѣдующему случаю. Такъ какъ Малиновскій весьма уважаемъ въ селеніи, то многіе хозяева отказывались принять православіе до тѣхъ поръ, пока не приметъ его Малиновскій; его же въ то время, въ апрѣлѣ, при розыскахъ не нашли, такъ какъ онъ оказался уѣхавшимъ. Итакъ, подписка отъ имени Малиновскаго подложна отъ начала до конца въ томъ смыслѣ, что удостовѣряетъ фактъ, котораго не было. Она — вещественное доказательство подлога, будемъ ли мы ее судить по 1692-й или по 362-й ст. улож. Это убѣжденіе не можетъ быть поколеблено соображеніемъ палаты—которое я, не обинуясь, назову софизмомъ — что, если Малиновскій не далъ

подписки 10-го апрѣля, то онъ могъ дать ее впослѣдствіи. Я понимаю, что, если человѣкъ — грамотный и если предъявляется подпись его на актѣ поразительно схожая съ его почеркомъ, то ему трудно опровергать эту подпись только тѣмъ, что онъ въ тотъ же день не былъ въ томъ мѣстѣ, которымъ актъ помѣченъ. Могутъ ему возразить, что онъ подписалъ актъ ненадлежащимъ числомъ или что онъ подписалъ его впослѣдствіи. Но дѣло-то въ томъ, что Малиновскій — безграмотный, своей подписи поставить не могъ. На участвовавшихъ въ сочиненіи подписки лежитъ обязанность доказать, что они дѣйствительно сочинили ее по его просьбѣ не тѣмъ числомъ какое въ ней показано, а другимъ, которое должно быть ими доказано. Они этого не дѣлаютъ. Священникъ Гомолицкій стоитъ на 10-мъ августѣ, Шевягинъ не спрошенъ. Оба эти лица, купно съ Дашкевичемъ, навлекаютъ на себя подозрѣніе въ подлогѣ. При такихъ условіяхъ, подложность подписки ясна, какъ божій день. Теперь спрашивается: какъ разрѣшить дѣло, въ которомъ имѣется такой очевидный подлогъ? Палата не разрѣшила его, а постановила прекратить производство его вслѣдствіе необнаруженія виновныхъ. Я могу указать на то, что въ 5-мъ департаментѣ правительствующаго сената по 2-му отдѣленію разсматривалось дѣло Павловскаго, по которому сенатъ вмѣнилъ въ обязанность палатѣ войти въ разсмотрѣніе существа дѣла и постановить опредѣленіе о фактѣ преступленія и о виновныхъ. Я утверждаю, что въ данномъ случаѣ палата не можетъ обойтись безъ опредѣленія, подлинная ли эта росписка Малиновскаго, или нѣтъ, хотя бы лица, совершившія подлогъ, уже умерли или преступленіе ихъ было покрыто давностью, или не обнаружено. Только въ новыхъ судахъ, образованныхъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года, введенъ въ гражданскую процедуру институтъ оспариванія актовъ, по подложности ихъ гражданскимъ порядкомъ (споръ о подлогѣ). Но въ дореформенномъ судѣ, которому подле-

жить дѣло по извѣту Малиновскаго, такая возможность не существуетъ, а есть просто 319-я статья 2-й ч., X-й т., на основаніи которой, какъ только сдѣланъ извѣтъ о подлогѣ, дѣло направляется въ судъ уголовный и производится въ немъ до окончательнаго разрѣшенія уголовнымъ порядкомъ вопроса о самомъ фактѣ преступленія, независимо отъ вопроса о виновныхъ. Каждый изъ васъ, гг. сенаторы, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ дѣла о подложныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ по старому порядку, и, слѣдовательно, вамъ извѣстно, что уголовный судъ не можетъ не сдѣлать заключенія о томъ, подлинно ли завѣщаніе или нѣтъ, безъ чего нерѣшимо самое дѣло о наслѣдствѣ по завѣщанію, которое должно, по необходимости, получить какой-нибудь конецъ и перейти къ тому или другому лицу. Сдѣлайте и для Малиновскаго то, что вы, не обинуясь, сдѣлали бы для всякаго наслѣдника по завѣщанію. Ему необходимо установить, что сочиненная отъ его имени подписка подложна. Протяните руку помощи этому бѣдному человѣку и дайте ему возможность изъ плохого православнаго сдѣлаться опять тѣмъ, чѣмъ онъ не переставалъ быть, т. е. хорошимъ латиняниномъ. Вѣра человѣка есть дѣло его убѣжденія, его личной совѣсти; ея превосходство здѣсь ниприченъ. Еслибъ Малиновскій былъ даже магометанинъ, буддистъ или язычникъ, то и въ такомъ случаѣ вы обязаны были бы оставить его при его убѣжденіяхъ, въ которыхъ для него заключается все его счастіе, все блаженство души.

Еслибъ вы, гг. сенаторы, затруднились рѣшить настоящее дѣло только по отношенію къ подлинности самаго документа, то у васъ имѣется еще другой исходъ. Обратитесь къ виновнымъ въ подлогѣ—виновные на виду. Невѣрно, будто бы не оказывается виновныхъ; они, правда, не названы, но, въ сущности, они указаны. Говорятъ, что Малиновскій ихъ не указалъ. Нѣтъ, онъ ихъ указалъ, когда твердилъ, что подписка сочинена безъ вѣдома его, а сочинена она извѣстно кѣмъ—лицами, на ней подпи-

[redacted]

савшимися: Дашкевичемъ, Шевягинымъ, да священникомъ Гомолицкимъ. Сверхъ того, слѣдствіе указало на Щербова. Щербовъ, можетъ быть, и прикрытъ давностью, Шевягинъ, кажется, умеръ, но Дашкевичъ и Гомолицкій остаются. Я думаю, что Гомолицкій больше всѣхъ другихъ виноватъ. Въ доказательство, я ссылаюсь не на отзывы множества крестьянъ объ испытанныхъ отъ него притѣсненіяхъ и истязаніяхъ, но только на два неоспоримыя доказательства. Въ дѣлѣ есть, вопервыхъ, отзывъ становаго пристава 3-го стана о томъ, что, когда дочь Ивана Петрошевича, уклоняющагося отъ православія послѣ обращенія, сильно заболѣла, не бывъ крещена, то священникъ писалъ къ приставу, чтобъ онъ, призвавъ въ помощь казаковъ, отнялъ силою дитя у родителей и доставилъ въ церковь къ нему, Гомолицкому, для совершенія надъ нею таинства крещенія. Приставъ не рѣшился исполнить безчеловѣчное требованіе. Второе доказательство заключается въ собственноручномъ отзывѣ священника Гомолицкаго на листѣ 138-мъ, въ которомъ Гомолицкій старается умалить значеніе вредныхъ послѣдствій отъ пребыванія упорствующихъ въ непринимaніи православія внѣ всякой церкви. Крестьяне, пишетъ онъ, своихъ заболѣвшихъ дѣтей несутъ крестить предсмертно и погребаютъ по православному обряду; они не ведутъ причащаться только здоровыхъ дѣтей, обнадеживаясь увѣреніями папской партіи въ Свислочѣ, что дождутся возможности возвратиться въ латинство. Конечно, всякій человѣкъ будетъ нести дѣтей крестить предъ смертью, чтобъ ихъ прилично похоронить, потому что иначе придется трупы зарывать, какъ падаль, внѣ уважаемой даже язычниками ограды кладбища. Для характеристики личности священника Гомолицкаго да будетъ мнѣ позволено привести еще одну черту, которую я заимствую изъ собственнаго его показанія: онъ судится за вымогательство у своихъ прихожанъ денегъ за требы. Всѣ эти данныя бросаютъ такой свѣтъ на отца Гомолицкаго, что я

удивляюсь, какъ хватило у него духа заключить свой отзывъ о больныхъ и здоровыхъ дѣтяхъ словами «о любви и о возсоедлненныхъ любовью».

Послѣ объясненій г. Спасовича, первоприсутствующій, сенаторъ В. Д. Цеэ, предоставилъ слово находившемуся въ засѣданіи сената Малиновскому, который объяснилъ, что никогда никакихъ подписокъ о переходѣ въ православіе онъ не давалъ и что, когда онъ возвратился изъ Гродны въ мѣстечко Свислочь и узналъ, что его присоединили, помимо его воли, къ православію, то одно изъ должностныхъ лицъ въ присутствіе котораго онъ явился, закричало: «А! Малиновскій явился— подать мнѣ его!». Потомъ его схватили, причемъ, по приказанію благочиннаго, его посадили подъ арестъ на четверо сутокъ и морили голодомъ, не давали въ это время ни хлѣба ни воды...

Первоприсутствующій. Вы подписки не давали?

Малиновскій. Нѣтъ, не давалъ... ей-Богу, не давалъ.

Первоприсутствующій. Но, можетъ быть, вы дали ее вслѣдствіе дѣланныхъ вамъ угрозъ?

Малиновскій. Нѣтъ, я никакой подписки не давалъ.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ:

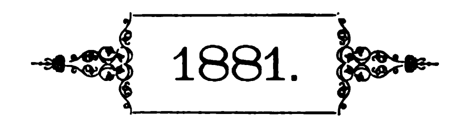
1) опредѣленіе Гродненской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, 5 сентября 1875 г., по настоящему дѣлу состоявшееся, отмѣнить;

2) признать вышеизложенную подписку, писанную 10 августа 1866 года отъ имени крестьянина Свислочскаго общества Осипа Малиновскаго подложною;

3) дальнѣйшее производство сего дѣла, на основаніи 1, 5 и 8, ст. улож. о наказ., за давностью прекратить.

(См. «Голосъ» отъ 13—25 октября 1880 г. № 283).

24.

Дѣло члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надв. сов. Савицкаго.

Правительствующій сенатъ, въ соединенномъ присутствіи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, 30 октября 1880 г., постановилъ: члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника Ивана Клементьева Савицкаго, на основаніи ст. 283 и 347 улож. о нак., предать суду Казанской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что Савицкій, жалуясь правительствующему сенату на предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда и описывая дѣйствія ихъ, дозволилъ себѣ съ намѣреніемъ употребить выраженія, прямо оскорбительныя для означенныхъ предсѣдателя и членовъ суда. Палата признала Савицкаго виновнымъ и присудила его къ 14 дневному аресту на военной гауптвахтѣ. На этотъ приговоръ палаты подсудимымъ Савицкимъ была подана въ правительствующій сенатъ апелляціонная жалоба, которую въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента, 8 декабря 1887 г., поддерживалъ прис. пов. Спасовичъ.

Гг. сенаторы! Дѣло Савицкаго такого рода, что если его не концентрировать, то можно о немъ говорить и часъ и два и десять—безконечно. Дѣло похоже не на рѣку, которой ручьи сливаются въ одно русло, но на пень старой верьбы, пускающей много тонкихъ и на-

добно сказать хилыхъ вѣтвей. Пень, это первоначальная жалоба въ сенатъ 14 января 1879 г., члена Екатеринбургскаго суда, Савицкаго, движимаго искреннею, сердечною и непритворною печалью о томъ, что *принципъ* коллегіальности падаетъ въ Екатеринбургскомъ судѣ, вслѣдствіе установившихся *противныхъ* ему *гнилыхъ порядковъ.* Особое присутствіе сената не только оставило жалобу безъ послѣдствій, но усмотрѣло въ этой жалобѣ 13 пунктовъ оскорбительныхъ для предсѣдателя суда и судей, товарищей жалобщика. По каждому изъ 13 пунктовъ Савицкій оправдывался горячо, почти литературно, во всякомъ случаѣ пространно со ссылками на законы и кассаціонную практику. Повторять всю аргументацію указа сената, защиты Савицкаго, приговора палаты и апелляціи, разбавляя ихъ еще водицею подстрочныхъ примѣчаній, я считаю ненужнымъ толченіемъ воды, не приводящимъ ни къ какому результату. Есть случаи когда защитѣ нужно какъ можно болѣе отождествляться съ подсудимымъ и передавать сколько возможно вѣрно и полно чувства его одушевлявшія, есть случаи напротивъ (и настоящій сюда принадлежитъ), когда полезнѣе наоборотъ, отдѣлиться отъ подсудимаго, отнестись къ нему совершенно объективно, искать оправданій въ свойствѣ самаго поступка, отвлекая его отъ личныхъ цѣлей и побужденій, что я и постараюсь сдѣлать; но этотъ способъ можетъ разсчитывать на какой бы то не было успѣхъ, только въ томъ случаѣ, если вы сами, гг. сенаторы, дѣйствуя въ качествѣ уголовнаго кассаціоннаго департамента, какъ апелляціоннаго суда, отрѣшитесь отъ солидарности съ соединеннымъ присутствіемъ 1-го и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ, въ его заключеніяхъ, состоявшимся 11 мая 1879 г. въ распорядительномъ засѣданіи по дѣлу о жалобѣ Савицкаго на Екатеринбургскій судъ. Подавляющее впечатлѣніе этаго заключенія столь велико, что подчиняется ему Казанская судебная палата, которая въ мотивахъ рѣшенія умозаключаетъ такимъ образомъ: се-

натъ, зорко слѣдящій—за порядкомъ судопроизводства, оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, чѣмъ очевидно доказалъ, что событія, которыя сенатъ не нашелъ даже нужнымъ повѣрить путемъ истребованія объясненій, если они и случились въ дѣйствительности никакой преступности въ себѣ не заключаютъ. Умозаключали такъ: еслибы удалось Савицкому вызвать со стороны сената требованіе объясненій отъ обвиняемыхъ имъ лицъ, а еще болѣе добиться преслѣдованія, то онъ былъ бы правъ и имѣлъ бы основаніе такъ дѣйствовать; неудалось, онъ очевидно не правъ, значитъ судить о намѣреніяхъ по успѣху, оправдывать ихъ успѣхомъ и умозаключать совсѣмъ невѣрно, такъ какъ изъ того что сенатъ оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, слѣдовало умозаключить, что онъ ее неуважилъ и только, но не слѣдуетъ заключать, чтобы подъ жалобою не скрывалось настоящее, глубокое, можетъ быть плохо формулированное и не подлежащимъ пріемамъ раскрываемое зло. И особое присутствіе не непогрѣшимое установленіе и Екатеринбургскій судъ еще не идеальный и не образцовый судъ вслѣдствіе лишь того, что жалобу Савицкаго оставилъ безъ последствій. До кассаціоннаго сената доходили другія дѣла этого суда. Здѣсь въ прошломъ году судился членъ суда Іолшинъ, за такую ничтожную мелочь, которую и поднимать не слѣдовало и былъ потомъ оправданъ департаментомъ. Я прошу васъ, гг. сенаторы, повременить съ заключеніемъ и не становиться на точку зрѣнія Казанской судебной палаты, относительно содержанія жалобы 14 января; она не получила ходу, не была уважена, но оцѣнить вы ее можете и должны сами, самостоятельно, и независимо отъ особаго присутствія, притомъ вы должны будете признать, что еслибы вы даже мысленно пришли къ убѣжденію, что ее надо бы оставить безъ послѣдствій, то что писавшій ее человѣкъ писалъ искренно, съ убѣжденіемъ, безъ личныхъ видовъ ради пользы для общаго блага, можетъ быть дурно по-

нимаемаго, но дѣйствовавшій по мѣрѣ своего разумѣнія. Мнѣ незачѣмъ просить васъ, чтобы вы сочли вопросъ объ оскорбительности 13 отмѣченныхъ особымъ присутствіемъ фразъ уже предрѣшеннымъ посредствомъ опредѣленія и указа особаго присутствія 1879 г., изъ которыхъ и составленъ прямо перепискою съ бумаги въ бумагу обвинительный актъ, коимъ Савицкій преданъ суду. Особое присутствіе есть то начальство, которое въ данномъ случаѣ предаетъ служащаго суду. Преданіемъ суду вина не установлена и преданный суду можетъ быть оправданъ, какъ то случилось съ Іолшинымъ, товарищемъ Савицкаго въ прошломъ году. И такъ въ надеждѣ, что правительствующій сенатъ въ кассаціонномъ департаментѣ не сочтетъ себя связаннымъ опредѣленіемъ особаго присутствія 1-го и угол. касс. департамента, я съ моей стороны отрѣшаюсь отъ солидарности съ моимъ кліентомъ и начну съ того, что заявлю, что не стану поддерживать ту часть его жалобы, въ которой онъ силится доказать, что его преступленіе, если бы таковое и существовало, а существованіе его онъ отрицаетъ, подходило бы только подъ 283, а никакъ не подъ 347 ст. улож., то есть что оно было бы оскорбленіемъ нанесеннымъ въ поданной оффиціальной бумагѣ должностнаго лица частнымъ лицомъ, каковое оскорбленіе вслѣдствіе того, что оно получило неправильное направленіе и отослано въ ненадлежащій судъ—въ палату, а не въ окружной, покрылось уже давностью болѣе чѣмъ 2 лѣтнею. Я не беру назадъ этихъ выраженій—я на то не уполномоченъ; я прошу разобрать ихъ по апелляціи Савицкаго, на мой взглядъ они недостаточно убѣдительны, потому что, хотя писаніе жалобъ на товарищей и предсѣдателя суда и не входило въ кругъ его судейскихъ обязанностей и не возлагалось прямо на него никакою статьею закона, но его жалоба есть такого рода дѣловая бумага, которая въ данномъ случаѣ только при условіи подписанія ея не надворнымъ совѣтникомъ, а членомъ суда Савицкимъ подлежала вѣ-

[redacted]

дѣнію и разсмотрѣнію сената. Когда ее писалъ Савицкій, то въ немъ прорывался съ своимъ негодованіемъ не только человѣкъ, но еще болѣе судья, который въ своей профессіональной дѣятельности стѣсненъ тѣмъ, что потрясенъ дорогой его сердцу принципъ коллегіальности, составляющій одинъ изъ крѣпчайшихъ устоевъ организаціи суда. Глубокое сознаніе полной правоты своихъ дѣйствій онъ сохранилъ и послѣ того когда сенатъ, на который онъ возлагалъ надежды, отвѣтилъ ему преданіемъ суду. За эту устойчивость въ убѣжденіяхъ никто не вправѣ ни претендовать къ нему, ни взыскивать—это святая область чувствъ и убѣжденій человѣка, въ которой будь онъ администраторъ или судья онъ не повиненъ отчетомъ начальству. Онъ не пошелъ на капитуляцію даже и послѣ приговора и даже нашелъ себѣ союзниковъ, въ журналѣ гражд. и угол. права за 1881 г., и въ Тифлисскихъ Судебн. Отгол. № 29 и 30; онъ вслѣдствіе такого оглашенія своего дѣла подвергся и полемикѣ со стороны Тифлисскаго Юридическаго Обозрѣнія, гдѣ его выставили въ видѣ судьи Донъ-Кихота.

Это то пропечатаніе жалобы 1879 г. составляетъ corpus delicti, и есть delictum communi juris—общегражданское преступленіе частнаго лица посредствомъ печати, диффамація или отзывъ о должностномъ лицѣ, заключающій въ себѣ злословіе или брань; хотя я долженъ сказать, что когда прочтешь это произведеніе печатно, то не вѣрится, чтобы могла прійти мысль о преступленіи посредствомъ печати, до того мы привыкли со стороны печати къ отзывамъ въ сто разъ болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ. Великое дѣло типографскій станокъ, многое подъ нимъ терпитъ бумага, чего она какъ будто бы стыдится и чурается подъ перомъ. Я васъ попрошу, гг. сенаторы, на этотъ разъ мысленно поставить вопросъ такъ, какъ будто-бы жалоба уже была на весь широкій свѣтъ предана гласности, и не предназначалась для келейнаго разсмотрѣнія въ распо-

рядительномъ засѣданіи соединеннаго присутствія. При такомъ взглядѣ великія вины писавшаго будутъ умаляться, и таять до такихъ размѣровъ, что наибольшее, что могло быть усмотрѣно, это по 347 ст. не обида а образъ выраженій противный правиламъ пристойности, за что полагается выговоръ, а можетъ быть и до нуля понизится эта вина, то есть не будетъ усмотрѣно ничего не только оскорбительнаго но и непристойнаго.

Сдѣлавъ одну уступку и отдѣлившись на довольно значительное разстояніе отъ моего кліента, я еще другой шагъ сдѣлаю и постараюсь его самаго опредѣлить на сколько это необходимо для уразумѣнія его жалобы.

Савицкій кончилъ курсъ медико-хирургической академіи, но съ 1862—1870 состоялъ кандидатомъ при уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, гдѣ его можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и помнятъ. Къ этому времени относится начало его литературныхъ связей, его сотрудничество въ разныхъ юридическихъ журналахъ. Его несчастіе можетъ быть то, что изъ правительствующаго сената онъ вынесъ слишкомъ идеальное понятіе объ обязанностяхъ судей, о законѣ, о правдѣ; что можетъ быть развилась именно здѣсь черта въ его характерѣ, о которой онъ говоритъ: «всегда готовый протестовать противъ нарушенія или отсутствія порядка, хотя бы это создало мнѣ репутацію нетерпимаго или безпокойнаго человѣка». Въ результатѣ врожденный темпераментъ и юридическое воспитаніе полученное здѣсь же, такъ сказать, у главнаго алтаря святилища Ѳемиды дали человѣка съ извѣстною складкою ума и характера, такою именно, какую имѣютъ во всякомъ дѣлѣ протестанты, раскольники и іересіархи. Его бы можно назвать печальникомъ о судебныхъ порядкахъ, какъ Некрасова называли печальникомъ о русской землѣ. Таковъ онъ есть и будетъ, его не передѣлаешь, вопросъ только въ томъ, невозможный ли онъ для суда человѣкъ съ этими качествами, или возможный. Право эти качества не дурныя въ особенности

вслѣдствіе того, что судебные уставы значительно пообносились и духъ ихъ улетучился, а рутина то и дѣло, что засасываетъ ихъ и доля живаго дѣла становится меньше и меньше. За то, что кто нибудь не по напускному а по искреннѣйшему чувству очутился въ положеніи Чацкаго или Альцеста въ Мизантропѣ, его еще не осуждаютъ и не вѣшаютъ; можно, пожавъ плечами, сказать: чудакъ да и только; можно погрустить и о томъ, что нѣтъ побольше на свѣтѣ такихъ чудаковъ, потому что одинъ въ полѣ не воинъ; во всякомъ случаѣ надо отдать должное искренности чувства, когда обращаешься къ высшимъ судьямъ, къ правительствующему сенату, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ нѣкогда Лютеръ: ich kann nicht anders; онъ формулировалъ, такимъ образомъ, свое обращеніе въ словахъ, изъ которыхъ составленъ 10-й пунктъ его обвинительнаго акта. «Разсудите меня съ г. Бутаковымъ, правительствующій сенатъ, нѣтъ кромѣ жалобы другаго средства, чтобы выяснить: можно ли продолжать службу въ судахъ, держась на чисто легальной почвѣ безъ потачекъ, послабленій и уменьшенія правъ, или надо просить объ освобожденіи отъ службы тому, кто не обладаетъ готовностью на каждомъ шагу дѣлать уступки не установленные закономъ для того, чтобы былъ видимый ладъ и во славу идей о судейской непогрѣшимости». Признать, что это патетическое мѣсто, изображающее наисубъективнѣйшія чувства человѣка, который не можетъ смотрѣть безъ энергичнаго протеста, что общее дѣло и благо гибнетъ отъ безпорядка, мѣсто напоминающее послѣдній монологъ Чацкаго: «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», состовляетъ совокупность словъ направленныхъ къ тому, чтобы оскорбить г. Бутакова. Послѣ того всякая исковая есть оскорбленіе, потому что она сводится къ слѣдующему разсуди, судъ, меня истца человѣка праваго съ отвѣтчикомъ, человѣкомъ неправымъ. Или можетъ быть сенатъ призналъ это выраженіе оскорбительнымъ для себя, отождествивъ себя, послѣ от-

каза по дѣлу Савицкаго, съ Бутаковымъ — но этого то отказа не предвидѣлъ Савицкій, когда писалась жалоба? Или еще одно предположеніе: особое присутствіе признаетъ обязательною извѣстную долю оптимизма во взглядахъ на современное состояніе поднадзорно ему подчиненнаго района, и считаетъ, что для сената оскорбительно предположеніе, будто бы подъ нимъ внизу могли быть потачки, послабленія и умаленія правъ. Въ данномъ случаѣ я со смиреніемъ заявляю, что для меня не совсѣмъ понятно, что оскорбительно лично для предсѣдателя и членовъ суда въ этой пессимистической тирадѣ, которая имѣетъ значеніе гораздо болѣе общее. Какъ Чацкій крича: «карету мнѣ, карету», не можетъ считаться оскорбляющимъ Фамусова или Скалозуба, или даже все московское общество, а является онъ развѣ оскорбителемъ всего своего вѣка, среди котораго пришлось ему жить, такъ точно изъ этой тирадѣ Савицкаго есть все, что хотите, протестъ противъ условій судейской жизни въ Россіи въ концѣ 1879 года, протестъ можетъ быть безумный, можетъ быть не основательный, во всякомъ случаѣ искренній, но не оскорбленіе отдѣльныхъ лицъ. Если бы Фамусова и Скалозуба спросили, оскорблены ли они словами Чацкаго, они напротивъ того, сказали бы: «туда ему и дорога, карету ему, карету»; я полагаю, что таково и отношеніе екатеринбургскихъ судей. Послѣ всего сказаннаго надлежало бы 10-й пунктъ исключить.

Я полагаю, что также слѣдуетъ исключить пункты 11, 12 и 13-й. Савицкій замѣчаетъ весьма резонно: я въ концѣ жалобы писалъ обвинительные пункты; я былъ убѣжденъ, что мои противники виновны по 344 ст. улож. въ преступленіи, какъ должностныя лица, мѣшающія другимъ лицамъ въ отправленіи должности. Съ цѣлью весьма опредѣленною — ихъ подъ судъ упечь я обвинялъ: 1) предсѣдателя Бутакова, что онъ, отступивъ отъ установленныхъ наказомъ правилъ, не только отказался подписать составленный секретаремъ по его, Савицкаго, черновой, проектъ проток[illegible]то сочинилъ

самъ, или чрезъ другое лицо другой протоколъ, въ которомъ намѣренно, для сокрытія слѣдовъ злоупотребленій и неправильности дѣйствій, иначе представилъ происходившее и этотъ новый протоколъ далъ подписать; 2) въ томъ, что, получивъ представленіе Савицкаго объ исправленіи безпорядковъ, намѣренно задержалъ эту бумагу и внесъ ее въ общее собраніе въ отсутствіи Савицкаго и въ то время, когда по случаю начавшихся каникулъ въ іюнѣ остутствовала половина членовъ; 3) другихъ судей Клименко, Шадурскаго и Краснопѣвцева въ томъ, что они дѣйствуя съ Бутаковымъ заодно, учинилиэто не по незнанію, а съ намѣреніемъ: а) съ цѣлью одобрить неправильныя дѣйствія Бутакова, и б) съ другою цѣлью, чтобы воспрепятствовать ему, Савицкому, осуществить права, принадлежавшія ему по должности, слѣдовательно участвовали въ преступленіи предусмотрѣнномъ 344 ст. улож. Я дурно описалъ дѣйствія товарищей, можетъ быть описалъ ихъ рѣзко, можетъ быть выводы смѣлы, доказательства не достаточны, сама жалоба моя не серьезна, но все таки я хотѣлъ упечь ихъ подъ судъ а не оскорблять. Изъ сего слѣдуютъ неизбѣжно слѣдующіе выводы:

1) Несомнѣнно Савицкій имѣлъ умыселъ, который онъ долго питалъ и который онъ осуществилъ съ полною обдуманностью, но умыселъ свойственный вовсе не оскорбленію а лжедоносу по 940 ст. улож., обвиненіе кого нибудь нетолько въ дѣяніи противномъ правиламъ чести, но и противозаконномъ, заявленномъ не окольнымъ путемъ а прямо той власти, которая можетъ возбудить преслѣдованіе (1875 г., № 572, Сизаго). До полнаго состава лжедоноса недостаетъ одной маленькой черты—завѣдомой лживости обвиненія, которая если бы была установлена или заподозрѣна особымъ присутствіемъ, то Савицкій за это преступленіе судился бы, и судился судомъ съ присяжными. Но Савицкій дѣйствовалъ, какъ дѣйствуетъ прокурорская власть по крайней мѣрѣ въ [illegible] части случаевъ, онъ строилъ обвиненіе по 344 ст.

[illegible] — не [illegible] артистически [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] изъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] таже [illegible] [illegible] [illegible] X [illegible] только [illegible] [illegible] ему [illegible] отношенію къ нему [illegible] можетъ [illegible] также навязы- [illegible] просто ложь [illegible] противное [illegible]

[illegible] суть [illegible] тяжелой [illegible] вызвать [illegible] статью [illegible] криминали- [illegible] предѣлами [illegible] преда- [illegible] дѣйствія [illegible] стороны [illegible] сознаніемъ [illegible] несомнѣнно, [illegible] 344 ст. [illegible] въ томъ, [illegible] началь- [illegible] только [illegible] ству

законовъ, чего никто не отрицаетъ. Кто осуществляетъ извѣстное право долженъ пользоваться и средствомъ для осуществленія его. Одно изъ этихъ средствъ—опредѣленіе поступка его уголовными признаками: намѣренно, изъ корыстныхъ видовъ, для сокращенія злоупотребленій и неправильныхъ дѣйствій. Всякій обвинительный актъ и всякая исковая, не подтвердившіеся на судѣ и провалившіеся превращались бы въ обиды, обиды простыя со стороны истца, обиды по 347 ст. улож., причиняемыя должностнымъ лицамъ въ случаѣ обвинительнаго акта, причемъ стѣснялся бы ходъ правосудія, которое требуетъ, чтобы вещи назывались правдиво и прямо по имени,—укралъ такъ укралъ, обманулъ такъ обманулъ. Я полагаю, что на судѣ, а особое присутствіе есть тоже судебное мѣсто, равно какъ имъ была бы и судебная палата, еслибы жалобѣ Савицкаго данъ былъ ходъ, прямота первый долгъ, нечего деликатничать. Я полагаю что вы во первыхъ осудите ту теорію казанской судебной палаты, по которой жалобщикъ, представляя высшей инстанціи предосудительные факты, долженъ описать ихъ, воздержаться отъ ихъ квалификаціи и предоставить высшей власти всякую оцѣнку этихъ фактовъ. На это невозможное требованіе Савицкій отвѣчаетъ побѣдоносно: когда частный ... жалуется на преступленіе у мироваго судьи ... уст. о нак. и 302 ст. улож. въ общихъ ... то онъ долженъ указать и дѣяніе ... чины, по которымъ онъ считаетъ его ... Эта жалоба по 526 и 520 ст. ... ключать даже и опредѣленіе ... соотвѣтствуютъ признаки ... въ подкрѣпленіе моего ... нова 1875 г. № 275, ... ленно несправедливая ... должностного лица ... вый доносъ, а не ... Если устранены ...

...о ...эта ...л су- ...ноября ...еликаго, ...сильщики. ...латы только ...ненie съ пе- ...палатѣ стараго ...но время съ чело- ...мы недалеко ушли ...о того могучаго чело- ...толь же сильно, какъ и ...нихъ нашего брата коробитъ. ...цензурныхъ.

нутся 9 первыхъ, которые столь слабы, что разложивъ каждый изъ нихъ, много, много если въ одномъ или въ двухъ или въ трехъ найдутся выраженія не то оскорбительныя, а неумѣстныя, неприличныя или такія, которыя можно бы замѣнить менѣе колкими или совсѣмъ обойти. Я ихъ подраздѣлю на два класса якобы оскорбительныхъ фразъ: однѣ содержатъ совершенно общія безымянныя и отвлеченныя разсужденія, которыя не только судей но и предсѣдателя Бутакова задѣть не могутъ; другія, хотя его и задѣваютъ, но со ссылкою на положительные факты, которые надлежало бы провѣрить прежде чѣмъ за нихъ судить Савицкаго.

1) Савицкій предпосылаетъ своимъ обвиненіямъ общія соображенія и аксіомы въ видѣ слѣдующихъ: суды не состоятъ изъ однихъ предсѣдателей. И такъ вслѣдствіе безпечности предсѣдателя невыгодно слагается репутація всего суда къ ущербу отдѣльныхъ судей ни въ чемъ въ этомъ неповинныхъ. Эта фраза безъ связи прямой въ жалобѣ съ Екатеринбургскимъ судомъ, такого рода, что ее можно примѣнить ко всякому суду, какъ афоризмъ, какъ аксіому и даже какъ назиданіе членамъ, чтобы они не бездѣйствовали а помогали предсѣдателю безтактному, удерживая его отъ безтактностей, потому что репутаціею суда они должны дорожить, какъ собственнымъ добромъ. Святая истина, я не понимаю, за что судить Савицкаго.

2) Незачто его судить и по 4 пункту: если между судьями происходитъ разногласіе и послѣ долгаго спора дѣло рѣшается, но рѣшается резолюціею безъ всякихъ мотивовъ, то эта резолюція имѣетъ видъ произвола въ самой грубой формѣ. Особое присутсвіе обошло самъ вопросъ о правильности или неправильности немотивированнаго отказа. Сама по себѣ идея столь вѣрна, что едва ли можно ее оспаривать. Характеръ произвола имѣютъ всякія дѣйствія не поддерживаемыя основаніями и резонами. Въ дѣятельности коллегіи вообще и суда

[redacted]

въ особенности весьма существенно, чтобы всякая резолюція сколько-нибудь сложная и возбуждавшая пренія была помѣчена съ изображеніемъ ея происхожденія, ея логическихъ корней и утвержденій.

3) Я теперь не могу себѣ уяснить, что оскорбительнаго въ томъ, что, жалуясь на распоряженіе въ распорядительномъ засѣданіи Екатеринбургскаго окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ Бутакова въ комплектѣ 4 членовъ, Савицкій выразился такъ: «дѣйствія этой коллегіи». Вся суть въ томъ, что Савицкій имѣетъ о коллегіи весьма высокое понятіе, ругать словомъ «коллегія» товарищей ему не приходилось, напротивъ того если есть колкость то она противоположнаго свойства въ родѣ той: ай да судъ, ай да коллегія, то есть собраніе, судъ дѣйствовавшій не по судейски и не коллегіально, потому что они нарушаютъ законъ, опять вопросъ о лживомъ доносѣ, а не объ оскорбленіи.

Наконецъ 4) я попрошу нѣкотораго снисхожденія, нѣкоторой пощады для законовъ Петра Великаго, для крѣпкихъ, ядреныхъ выраженій этого великаго реформатора, для его рѣзкихъ отзывовъ о судьяхъ, которые «въ мутной водѣ рыбу ловятъ». Курьезна не столько эта фраза, выхваченная изъ жалобы Савицкаго, сколько разсужденія казанской палаты, что сама по себѣ эта фраза ничего, но какъ можно уподоблять дѣйствія судей нынѣшнихъ, работающихъ по уставамъ 20 ноября 1864 г., дѣйствіямъ судей временъ Петра Великаго, которые извѣстны были какъ взяточники и насильщики. Забавно то: а) что по выводу казанской палаты только судамъ по уставу 20 ноября обидно сравненіе съ петровскими, слѣдовательно соединенной палатѣ стараго режима оно ни почемъ, б) что смѣшано время съ человѣкомъ, во многихъ отношеніяхъ мы недалеко ушли отъ нравовъ петровскихъ, но нѣтъ того могучаго человѣка, котораго слово разило столь же сильно, какъ и дубина, такъ что отъ нихъ нашего брата коробитъ, какъ отъ несовсѣмъ цензурныхъ.

Переходя затѣмъ къ 5 пунктамъ личнымъ, я 1) устраняю пунктъ 5, чтобы покончить съ изложеніемъ неправильныхъ дѣйствій суда; всякая жалоба отъ частной до апелляціонной и кассаціонной имѣетъ предметомъ неправильныя и даже противозаконныя дѣйствія суда. Запретить употребленіе этихъ выраженій значитъ почти что отмѣнить институты апелляціи и кассаціи.

2) п. 9, самъ предсѣдатель Бутаковъ жаловался на насъ членовъ суда, въ казанскую палату двумя весьма тенденціозными секретными доношеніями. Это не мнѣніе и не сужденіе, а просто ссылка на фактъ, который неразъясненъ, потому что жалобѣ Савицкаго не данъ ходъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, донесенія Бутакова поданы и они тенденціозны, если такъ, то въ оглашеніи факта нѣтъ ничего оскорбительнаго.

Притомъ всякій фактъ осуждать можно, не осуждать и не умозаключать только изъ него о лицахъ — это первое правило судопроизводства и уголовнаго и гражданскаго, въ которыхъ судятся отдѣльно незаконныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ съ весьма остроумнымъ отнесеніемъ ихъ на самое лицо.

3) Это послѣднее замѣчаніе относится къ протоколу не признаваемому Савицкимъ въ словахъ: «этотъ кѣмъ то выдуманный». На счетъ протокола возникали 2 вопроса, въ разрѣшеніи которыхъ Савицкій видимо заблуждается, что и уяснено ему особымъ присутствіемъ сената въ указѣ отъ 11-го мая. Онъ полагалъ, что каждый членъ по желанію можетъ составить протоколъ о происходящемъ и что по этому черняку секретарь обязанъ изготовить протоколъ и предложить его къ подписи. Это невѣрно, изготовленіе лежитъ по требованію большинства на секретарѣ, дѣлается подъ руководствомъ предсѣдателя и ограждается отъ несогласія съ дѣйствительнымъ правомъ всякаго подписывающаго отмѣтить при особомъ мнѣніи несогласія описаннаго съ дѣйствительно происходившимъ. Слова кѣмъ то вымышленныя со стороны Савицкаго суть порицанія не неизвѣстнаго

[redacted]

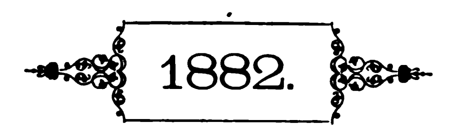
лица изъ протокола, а можетъ быть и всѣхъ протоколовъ, но порицаніе и отрицаніе куска бумаги, какъ неизвѣстно отъ кого исходящей и какъ несогласнаго съ дѣйствительностью потому, что проектъ протокола не читался въ засѣданіи, а очутился уже подписаннымъ, и то вѣроятно на дому, членами неприсутствующими въ засѣданіи и товарищемъ прокурора Клименко, слѣдовательно существованіе рода сговора части собранія противъ меньшинства относительно редакціи протокола. Какъ бы то не было весь вопросъ въ томъ заключается, заблуждался ли Савицкій? — а не въ томъ, желалъ ли онъ оскорбить непоименованныя имъ лица, порицая протоколъ, изъ порицанія коего окольнымъ путемъ можно бы дойти до умозаключенія о порицаніи и составителей его. Наконецъ весь анализъ 13-ти пунктовъ сводится къ двумъ только фразамъ, въ которыхъ, я не отрицаю, можетъ быть Савицкій и увлекся, но увлекся до выраженій игривыхъ, колкихъ, можетъ быть неумѣстныхъ, но не оскорбительныхъ, такихъ притомъ, которыхъ оскорбительность только тогда бы могла быть установлена, если бы было доказано, что описываемое не происходило вовсе въ дѣйствительности, что голосованіе по вопросу объ отпускѣ Кравцова происходило не въ томъ порядкѣ какъ описано, потому что если оно происходило въ томъ порядкѣ, то понятно, что можно было написать: а) судьи давали отвѣты то да, то нѣтъ, почистому капризу, а предсѣдатель потакивалъ ихъ нелегальнымъ требованіямъ; б) лицо, отъ котораго зависитъ инициатива въ управленіи судомъ, по мнѣнію части суда, положимъ меньшинства, оказывается забывчивымъ, относительно нѣкоторыхъ своихъ обязанностей, или предпочитающимъ имъ другія. Оба мѣста безупречны относительно формы, даже слова капризъ, прихоть, произволъ не оскорбительны, можно бы ихъ и оспаривать какъ клевету, но не иначе. Выводъ общій тотъ, что ни одинъ изъ указанныхъ 13-ти пунктовъ не достаточенъ для постройки на немъ обвиняющаго Савицкаго приговора.

Еще одно послѣднее сказанiе. Казанская палата, недовольствуясь разборомъ 13-ти пунктовъ жалобы находитъ, что не одни эти отдѣльныя фразы составляютъ намѣренное оскорбленiе судей екатеринбургскаго суда, но вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство судей на которыхъ она принесена. Съ этимъ выводомъ никакъ не могу согласиться. Когда оскорбленъ человѣкъ - судья, то надобно же. рѣшить, куда мѣтилъ оскорбитель въ человѣка А. В. С. и поповоду исполненiя имъ судейской обязанности, или въ самую должность судейскую, съ цѣлью унизить самую функцiю сборщика податей, сыщика, полицейскаго, или наконецъ и судьи — и то и другое возможно. Итакъ, если бы въ своей жалобѣ Савицкiй дозволилъ себѣ инсинуацiю противъ того или другого изъ своихъ товарищей о томъ, что онъ ростовщикъ или прелюбодѣй, или что нибудь подобное, то это было бы оскорбленiе должностнымъ лицомъ частнаго лица, а что онъ взяточникъ—это уже оскорбленiе человѣка-судьи. Этого элемента въ данномъ случаѣ нѣтъ, ни Бутаковъ, ни другiе судьи не явились въ Казань потерпѣвшими отъ преступленiя лицами и не принимали участiя въ дѣлѣ, не откликнулись, — нельзя было быть болѣе чувствительнымъ, чѣмъ они сами, почему этотъ элементъ надо исключить. Остается предположенiе второе: умаленiе достоинства судьи, но оно не мыслимо со стороны Савицкаго, который самъ судья, слѣдовательно былъ бы изобличенъ въ самобичеванiи, въ самооплеванiи. Напротивъ того, все приписываемое ему преступленiе вышло изъ того, что онъ высоко ставилъ идеалъ судьи, а своихъ противниковъ считалъ недоросшими до этого идеала. Чѣмъ же онъ ихъ корилъ,—вообще укорялъ не въ безчестности, укорялъ въ дѣйствованiи по капризу, укорялъ предсѣдателя. что онъ предпочитаетъ свои обязанности направленiя судебной коллегiи другимъ своимъ обязанностямъ, это укоръ, который дѣлаютъ Бисмарку, что онъ слишкомъ абсолютный министръ и слишкомъ

мало членъ парламента, что плевое дѣло для него парламентскія формы, какъ Савицкій укорялъ Бутакова, что онъ слишкомъ мало цѣнитъ коллегіальныя формы и голосованіе въ судебномъ собраніи. Я надѣюсь, что вы оправдаете Савицкаго.

Правительствующій сенатъ, признавая Савицкаго виновнымъ въ томъ, что онъ, состоя въ должности члена екатеринбургскаго окружнаго суда, въ жалобѣ правительствующему сенату, отъ 14-го января 1879 г., по опрометчивости, помѣстилъ неприличныя выраженія, относительно дѣйствій предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ означеннаго суда, на основаніи ст. 347, 283 и 110 улож. о нак. опредѣлилъ: сдѣлать ему внушеніе объ опрометчивости этого поступка его.

25.

Дѣло по жалобѣ редактора «Порядка», г. Стасюлевича, на редактора «Новаго Времени», г. Ѳедорова, и сотрудника, г. Буренина.

Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, по третьему отдѣленію, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, 19-го октября 1882 г.

Въ засѣданіи была прочитана слѣдующаго содержанія жалоба повѣреннаго жалобщика М. М. Стасюлевича, прис. пов. Спасовича:

«Мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, основавшій въ 1866 году въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ «Вѣстникъ Европы», получилъ во второй половинѣ 1880 года разрѣшеніе издавать здѣсь же ежедневную газету подъ названіемъ «Порядокъ». Никакое повременное изданіе не можетъ обойтись безъ полемики съ другими органами печати, обусловливаемой, прежде всего, различіями въ направленіяхъ, но неизбѣжно доходящей порою и до личностей. Въ газетномъ дѣлѣ, элементъ личный въ полемикѣ еще болѣе выдвигается впередъ, чѣмъ при изданіи ежемѣсячныхъ, толстыхъ журналовъ, такъ какъ и статьи въ газетахъ бываютъ короче по объему, и пререканіе можетъ быть ведено изо дня въ день, въ видѣ непрерываемаго спора, и конкуренція сильнѣе, такъ какъ газетъ много, кругъ подписчиковъ на нихъ ограниченъ и усиливающійся успѣхъ каждой газеты тотчасъ же можетъ

выразиться въ соотвѣтственно сокращающемся числѣ подписчиковъ на другія газеты. Всякая война, коль скоро она ведется не между совсѣмъ уже дикими людьми, имѣетъ свои правила, обычаи и приличія, соблюдаемыя воюющими по отношенію другъ къ другу и опредѣляющія, какія средства борьбы честны и какія нечестны. Такія же приличія существуютъ и въ газетной полемикѣ. Просторъ въ этомъ отношеніи у печатнаго слова великій. Всякая колкость, сатира, насмѣшка, карикатура, не щадящія даже лица, всякая оцѣнка дѣйствительныхъ фактовъ, всякое толкованіе, даже самое одностороннее и пристрастное, чужихъ мнѣній и словъ, всякое выраженіе чувствъ, вызываемыхъ этою оцѣнкою, даже самыхъ недружелюбныхъ, если оно не облечено въ черезчуръ уже неприличную форму площадной брани и грубаго ругательства—считаются подходящими средствами газетной войны въ томъ смыслѣ, что всякій, такимъ образомъ, уязвленный считается достаточно огражденнымъ въ своей чести тѣмъ, что имѣетъ возможность отвѣчать противнику такимъ же путемъ, посредствомъ печати, еще болѣе колко и язвительно. Площадная ругань есть средство уже выходящее за предѣлы дозволеннаго и приличнаго, но хотя бы она и носила на себѣ явные и всегда удобно примѣчаемые слѣды своего уголовнаго характера, она то всего рѣже и бываетъ преслѣдуема, такъ какъ она, по формѣ своей, отталкиваетъ и такъ какъ она видимо указываетъ, что прибѣгающій къ ней необразованный человѣкъ, а нравиться она можетъ только необразованнымъ людямъ, каковыхъ въ читающей публикѣ всегда бываетъ малое число. Большинство читающихъ относится къ ней, какъ нѣкогда отнесся къ заочной брани манифестъ о поединкахъ Екатерины II, апрѣля 21-го дня 1787 года, (ст. 12-я): «заочная же брань ни во что не вмѣняется и обращается въ поношеніе тому, кто ее произнесъ». Въ газетной полемикѣ есть также средства не только неприличныя, но и безусловно нечестныя, таковы: изобрѣтеніе ложныхъ слуховъ, распространеніе ихъ, а также повтореніе ложныхъ извѣстій, заимствованныхъ у другихъ лицъ, завѣдомо о лживости такихъ извѣстій. Ложь, пускаемая завѣдомо въ обращеніе, хотя и безъ намѣренія кого нибудь оскорбить, всегда вредна для общества; нравственный вредъ этотъ можно сравнить съ матеріальнымъ вредомъ отъ выпуска въ обращеніе фальшивыхъ знаковъ цѣнности. Не отъ всякаго ложнаго извѣстія законъ ограждаетъ частное лицо. Можетъ быть выдумано не *«дѣяніе, противное правиламъ чести»*, а извѣстное непріятное для кого-нибудь обстоятельство, котораго распространеніе не подходитъ подъ понятіе клеветы по 1535-й ст. улож. о наказ., хотя самъ фактъ измышленія такого завѣдомо ложнаго обстоятельства, не смотря на свою уголовную ненаказуемость, есть поступокъ въ высшей степени нечестный. Когда же распространяется завѣдомо лживое обвиненіе кого-либо въ противномъ правиламъ чести поступкѣ, то это распространеніе составляетъ уже

прямо запрещаемую закономъ клевету, а въ данномъ случаѣ, преслѣдованіе клеветы судомъ можетъ быть и единственнымъ средствомъ для оклеветаннаго оградить свою честь, такъ какъ иныя средства защиты, напримѣръ заявленія и отвѣты въ печати, могутъ оказаться недостаточными нетолько для человѣка посторонняго газетному дѣлу, но и для лица, находящагося въ положеніи моего довѣрителя, т. е. располагающаго извѣстнымъ органомъ печати. Извѣстно, что отрицательные факты не доказываются и что всякій былъ бы обвиненъ, еслибъ его судили, требуя отъ него доказательствъ того, что онъ не совершилъ поступка, который ему приписываютъ. Допустимъ, что ему приписываютъ извѣстное дѣйствіе; онъ его не сдѣлалъ и даже заявилъ категорически, что не сдѣлалъ, но недобросовѣстный противникъ продолжаетъ, хотя и безъ всякихъ доказательствъ, чисто голословно, приписывать ему это дѣйствіе. Очевидно, что для оклеветаннаго всѣ литературныя средства огражденія своей чести уже исчерпаны. Если онъ не хочетъ прибѣгать къ кулачной расправѣ, то ему остается только обратиться въ судъ и достигнуть посредствомъ судебнаго состязанія рѣшенія подлежащей власти, которое, бывъ оглашено, поставило бы публику въ извѣстность, что жалующійся былъ оклеветанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отняло бы у клеветы ея жало.

Въ такой необходимости, прибѣгнуть къ суду для огражденія своей чести отъ завѣдомо лживыхъ, намѣренно, постоянно и съ большою настойчивостью распускаемыхъ слуховъ, находится нынѣ мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, по отношенію къ лицамъ, участвующимъ въ редакціи газеты «Новое Время». Такъ какъ клевета, которой онъ подвергается, по содержанію одна, но повторяется, будучи воспроизводима всякій разъ иными чертами и въ иныхъ формахъ, и такъ какъ эта многократность составляетъ то, что въ уголовной техникѣ называется «продолжаемымъ преступленіемъ», то для надлежащей оцѣнки этой клеветы я долженъ сопоставить всѣ статьи «Новаго Времени», въ которыхъ заключаются, на мой взглядъ, недозволенныя посягательства на честь г. Стасюлевича, посредствомъ ложныхъ и вредящихъ его репутаціи слуховъ.

Недружелюбныя отношенія «Новаго Времени» къ «Порядку» и его редактору г. Стасюлевичу обозначились еще прежде появленія въ свѣтъ перваго нумера «Порядка». Въ № 1736 «Новаго Времени», отъ 28-го декабря 1880 года, читаемъ слѣдующее:

«Между слухами о наградахъ къ новому году отмѣтимъ слѣдующее: Редакторъ-издатель «Вѣстника Европы» и «Порядка» г. Стасюлевичъ и извѣстный сотрудникъ «Голоса» г. А. Градовскій получаютъ по звѣздѣ ордена св. Станислава».

Въ № 1740-мъ, на новый годъ, слухъ на столбцахъ «Новаго Времени», превратился въ совершившійся фактъ.

[redacted]

Г. Стасюлевичъ въ № 248-мъ «Порядка» заявилъ, что этотъ слухъ во вредъ ему вымышленъ «Новымъ Временемъ», но въ № 1986-мъ Новаго Времени», отъ 8-го сентября, былъ помѣщенъ такого рода отвѣтъ:

«Когда мы сообщили въ началѣ этого года о пожалованіи звѣзды св. Станислава, то имѣли на то полное и *фактическое* основаніе. Мы вовсе не думали остроумничать и изобрѣтать и г. Стасюлевичу *это очень хорошо извѣстно.* Такое «преждевременное» сообщеніе дѣйствительно помѣшало звѣздѣ украшать грудь одного изъ двухъ вышепоименованныхъ серьезныхъ людей» (Стасюлевичъ и Градовскій).

Это повтореніе ложнаго слуха, съ указаніемъ на будто бы имѣющіяся и припасенныя доказательства, заставляетъ моего довѣрителя постараться вывести спорный фактъ на чистую воду и потребовать по этому предмету судебнаго разбирательства.

Служить государству (само собою разумѣется, добросовѣстно и усердно) есть не безчестіе, а заслуга. Кто долго служилъ, тотъ по естественному ходу вещей, не могъ не получить въ награду чиновъ и знаковъ отличія. Въ такомъ положеніи нашелся и мой довѣритель, который много лѣтъ назадъ, когда еще состоялъ на службѣ, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Этимъ чиномъ видимо попрекаетъ его «Новое Время» (№ 1820-й «не даромъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасюлевичъ такъ неодобрительно отнесся къ воплямъ бабы!»), какъ упрекаетъ онъ и другихъ лицъ, состоящихъ въ подобномъ же званіи: (№ 1815-й Заявленіе торговцевъ Сѣнной Площади, рѣшительноне дастъ покоя либеральнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ»... № 1822-й: «статскій совѣтникъ Полонскій поетъ тоже самое въ «Странѣ»).

Очевидно, что либо чужіе чины не даютъ покоя редакціи, либо въ самомъ полученіи званія есть нѣчто предосудительное, на что и дѣлается коварный намекъ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ полученіе чина моимъ довѣрителемъ есть фактъ, то повтореніе этого факта, съ какимъ намѣреніемъ оно ни происходило бы, не даетъ никакого основанія жаловаться. Иное дѣло пожалованіе (на словахъ, разумѣется) «Новымъ Временемъ» звѣзды лицу, которое хотя, когда-то, лѣтъ 15 назадъ, и состояло на службѣ, и получало чины, но потомъ государственную службу оставило и занималось съ тѣхъ поръ только частною издательскою дѣятельностью. Дѣятельность Стасюлевича, какъ издателя «Вѣстника Европы», въ теченіи 14-ти лѣтъ этого издательства, равно какъ и дѣятельность почти всѣхъ другихъ его товарищей по професіи, ограничивалась по отношенію къ правительству дачею объясненій, когда таковыя отъ него требовались за напечатанное, и взысканіями со стороны органовъ цензуры.

Сопоставленіе звѣзды, будто бы, даваемой редактору имѣющей появиться газеты не за услуги его въ прошломъ, которыхъ быть не могло, но развѣ за услуги въ будущемъ, имѣло очевидно цѣль, которая, какъ я полагаю, будетъ признана и судомъ, и которая состояла въ томъ, чтобы представить на основаніи ложнаго факта, что редакторъ «Порядка», если и не находится на правительственной службѣ, то состоитъ, однако, по отношенію къ правительству въ особенныхъ, такъ сказать, обязательныхъ отношеніяхъ. Всякая профессія, а въ томъ числѣ и литературная, и издательская дѣятельность, имѣютъ, по своимъ особеннымъ условіямъ быта, особенныя понятія о доблести и чести. Честь человѣка, идущаго по этой дорогѣ, требуетъ, прежде всего, совершенной самостоятельности въ убѣжденіяхъ, высказываемыхъ печатно. Служить правительству можетъ честный гражданинъ и на этомъ поприщѣ, но требуется, чтобы онъ ничѣмъ не навлекалъ подозрѣнія, что онъ дѣйствуетъ изъ «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» или изъ-за особыхъ какихъ либо наградъ, которыя онъ получитъ въ какомъ бы ни было видѣ или надѣется еще получить. Съ представленіемъ о такого рода возмездіи связанъ обыкновенно упадокъ литературной репутаціи, къ которому наша публика къ счастію еще весьма чутка, чему доказательствами могутъ служить невыгодные толки въ печати по поводу субсидій, толки, которымъ подвергаются, напримѣръ, издатели «Московскихъ Вѣдомостей» и «Кіевлянина» или непродолжительность издательской карьеры бывшаго редактора «Берега». Таковы основанія, по которымъ и въ ложномъ слухѣ о звѣздѣ я усматриваю со стороны редакціи «Новаго Времени» попытку на клевету, попытку усугубленную недавнимъ смѣлымъ заявленіемъ, о какихъ то доказательствахъ, которыя очень желательно бы видѣть, такъ сказать, на столѣ; того, что если г. Стасюлевичъ и былъ звѣздою обойденъ, то, будто бы, только вслѣдствіи дѣйствія редакціи «Новаго Времени», огласившей награду и тѣмъ, будто бы, помѣшавшей правительству пожаловать ее г. Стасюлевичу.

Слухъ о звѣздѣ, хотя и содоржитъ, по моему мнѣнію, клевету, но клевету въ малой дозѣ, клевету средствами довольно слабыми, а потому и не очень дѣйствительными. Мой довѣритель и не началъ бы по одному этому предмету дѣла съ редакціею «Новаго Времени», если бы вскорѣ потомъ не была пущена другая, гораздо сильнѣйшая, но принадлежащая къ тому же роду клеветъ — о томъ, что, будто бы, «Порядокъ» существуетъ на еврейскія средства и отъ евреевъ за защиту ихъ интересовъ получаетъ въ томъ или другомъ видѣ содержаніе или поддержку.

«Порядокъ» издается г. Стасюлевичемъ, котораго образъ мыслей и направленіе по отношенію къ національнымъ вопросамъ давнымъ давно извѣстны публикѣ, слѣдившей за «Вѣстникомъ Европы». Это направленіе требуетъ гуманнаго отношенія ко всѣмъ племенамъ и

народамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи и проводило постоянно ту мысль, что надобно стараться, чтобы всѣмъ разновидностямъ рода человѣческаго, подчиненнымъ россійской державѣ, можно было жить безъ исключительныхъ мѣръ и притѣсненій, если и не совсѣмъ хорошо, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сносно. Г. Стасюлевичъ невправѣ былъ, конечно, обижаться, при современномъ раздраженіи въ умахъ и возбужденіи страстей, что его органъ называли противники и «жидовствующимъ», и «полякующимъ».

Ему на такомъ же основаніи могли бы быть присвоиваемы клички, соотвѣтствующія всѣмъ мало-мальски отступающимъ отъ великорусскаго типа племенамъ и народностямъ, которыми пестрѣетъ составъ народонаселенія Россіи. Равнымъ образомъ я признаю, что онъ не можетъ взыскивать, а въ правѣ только полемизировать по поводу, хотя и несправедливыхъ и пристрастныхъ, но не клеветъ а только сужденій о его органѣ и его редакторѣ, основанныхъ на томъ, какъ этотъ органъ относится къ извѣстнаго рода общественнымъ вопросамъ, напримѣръ, въ № 1761 «Новаго Времени», въ одной статьѣ котораго г. Стасюлевичъ названъ «первымъ застрѣльщикомъ», котораго выдвинулъ кабацкій станъ»... и т. д.

Но эта брань не имѣетъ ничего общаго съ постановкою въ видѣ тезиса того смѣло провозглашаемаго и выдаваемаго за истину обстоятельства, будто бы органъ г. Стасюлевича по средствамъ, на которыя издается, а слѣдовательно и по личности его владѣльцевъ и вкладчиковъ, есть еврейская газета, а ея редакторъ есть не больше, какъ наемный защитникъ еврейскихъ интересовъ даже и въ такихъ случаяхъ, когда этотъ интересъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами русской націи и русскаго государства. Нѣтъ надобности доказывать, что еслибъ хотя и вопреки истинѣ, подобное убѣжденіе распространилось, то довѣріе къ газетѣ было бы подорвано у самой лучшей части публики, именно той, которая цѣнитъ независимое слово; равнымъ образомъ что низко упалъ бы въ общественномъ мнѣніи, редакторъ этого органа, потому что къ нему тогда могли бы прямо идти всѣ тѣ краснорѣчивыя выходки противъ «наемныхъ» и «платныхъ» защитниковъ чужихъ интересовъ печати, которыми переполнены страницы «Новаго Времени». И на подобное обвиненіе противъ г. Стасюлевича «Новое Время» рѣшилось. Въ № 1881 «Новаго Времени» (25-го мая 1881 года) сказано: «Порядокъ» недавно понадергалъ изъ труда г. Чубинскаго разныя цифры, гласящія, будто бы, о томъ, что безъ евреевъ мы погибнемъ. На самомъ дѣлѣ тамъ рѣчь идетъ о томъ, какъ устроиться, чтобъ не погубить, не закабалить евреямъ въ экономическое рабство народную массу, только что освободившуюся отъ юридическаго рабства. «Порядокъ», какъ органъ Блiоховъ и Гинцбурговъ, благоразумно умолчалъ объ этомъ».

Съ г. Бліохомъ г. Стасюлевичъ видѣлся въ жизни всего одинъ только разъ, когда получилъ отъ г. Бліоха его статью: «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ», помѣщенную потомъ въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Вѣстника Европы» за 1877 годъ. За эту статью въ распоряженіе автора поступилъ, по заведенному порядку, изъ конторы «Вѣстника Европы» причитающійся гонораръ. Баронъ Орасъ Гинцбургъ—хорошій и давнишній знакомый г. Стасюлевича; они знакомы семействами, но ни по литературной или издательской части, ни въ иныхъ предпріятіяхъ финансовыхъ или коммерческихъ г. Стасюлевичъ никогда съ нимъ не участвовалъ и нынѣ въ таковыхъ не состоитъ. Слова: *«быть органомъ Бліоховъ и Гинцбурговъ»* имѣли въ «Новомъ Времени» весьма опредѣленный и совершенно ясный смыслъ, который и успѣлъ обнаружиться, когда пущеный въ ходъ прозрачный намекъ пошелъ въ обращеніе, причемъ можно было наблюдать, какъ ростетъ клевета, переползая изъ одной газеты въ другую. Газета «Востокъ», очевидно, со словъ «Новаго Времени», заявила прямо, что «Порядокъ» издается на *деньги* банкировъ Гинцбурга и Бліоха, послѣ чего «Новое Время» въ № 1909-мъ, отъ 23-го іюня 1881 года, воспользовавшись своимъ собственнымъ произведеніемъ, уже отраженнымъ и полученнымъ обратно по рикошету, помѣстило у себя слѣдующее: «Газета «Востокъ» не довѣряетъ безкорыстію либеральныхъ юдофиловъ и въ подтвержденіе своихъ сомнѣній сообщаетъ, что *«Порядокъ» издается на деньги еврейскихъ банкировъ Гинцбурга и Бліоха, также какъ на жидовскія же деньги издаются «Заря», «Одесскій Листокъ» и нѣкоторыя другія газеты»*. Всего любопытнѣе замѣчаніе, добавляемое къ этой выдержкѣ изъ «Востока» редакціею «Новаго Времени» и исполненное *фарисейскаго лицемѣрія:* «Оставляемъ это извѣстіе на отвѣтственности «Востока».

Вслѣдствіе появленія подобнаго же рода ложныхъ извѣстій въ «Кіевлянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», г. Стасюлевичъ далъ въ № 246-мъ «Порядка» общій отвѣтъ всѣмъ лицамъ, интересующимся знать, откуда у него имѣются средства на изданіе газеты, и отрицалъ полученіе какихъ бы ни было субсидій. Редакція «Новаго Времени» и въ этомъ случаѣ нашла что сказать, именно: № 1986-й «Новаго Времени», 8-го сентября 1881 года, содержитъ слѣдующее: «Что касается капиталовъ, лежащихъ въ основаніи «Порядка», то мы говорили объ нихъ какъ о паяхъ, а не какъ о субсидіи, что не одно и тоже. Субсидія — плата на извѣстныя услуги, паи — соиздательство, нравственная связь, участіе въ прибыляхъ и убыткахъ».

Но и этотъ новый оборотъ, данный ложному слуху, оказался неудачнымъ. Въ № 248-мъ «Порядка» г. Стасюлевичъ потребовалъ отъ «Новаго Времени» напечатать, что и эта догадка несостоятельна, что его газета издается исключительно на его собственный счетъ и не

имѣетъ никакихъ пайщиковъ; что «Новое Время», говорившее о паяхъ, на которыхъ, будто бы, издается «Порядокъ», сообщило совершенную ложь». Поставленная, такъ сказать, у самой стѣны, редакція «Новаго Времени» вышла изъ этого затруднительнаго положенія слѣдующимъ образомъ. Она трунитъ, между прочимъ, надъ г. Стасюлевичемъ въ «маленькомъ фельетонѣ» № 1889-го газеты, озаглавленномъ: «Раздвоившійся Стасюлевичъ—фантастическая сцена», но въ сущности и она сама въ этомъ случаѣ раздвоилась. Въ № 1988-мъ, отъ 10-го октября 1881 года, неподписанная статья, исходящая отъ редакціи, гласитъ:

«Мы готовы простереть свою любезность до того, что будемъ ежедневно печатать такъ: «Порядокъ», издающійся на собственныя деньги г. Стасюлевича», но въ слѣдующемъ же № 1989-мъ, отъ 11-го сентября 1881 года, появился вышеназванный нами «маленькій фельетонъ» за подписью *графа Алексиса Жасминова,* въ которомъ, послѣ шутовской сцены г. Стасюлевича съ еврейскою депутаціею, какъ ему, такъ и еврейской депутаціи влагаются въ уста два стиха, воспроизведенные двукратно:

«*Все устроилось въ порядкѣ:*
Взяли пай жиды въ «Порядкѣ».

Такимъ образомъ, редакція «Новаго Времени» уклончиво отнеслась къ вполнѣ законному требованію г. Стасюлевича о напечатаніи опроверженія, пущеннаго ею же ложнаго слуха, сказавъ о деньгахъ, промолчала въ № 1988-мъ о паяхъ, потомъ, несмотря на опроверженіе и не представляя доказательствъ, повторила свое обвиненіе о паяхъ, правда, въ шутовской формѣ, но, тѣмъ не менѣе, язвительно. Обида на словахъ не становится меньше, вслѣдствіе одного только того обстоятельства, что она произнесена въ группѣ лицъ, дѣйствующихъ сообща, тѣмъ изъ нихъ, который играетъ въ этой группѣ роль клоуна или шута. Маленькій фельетонъ съ приведеннымъ мною двустишіемъ помѣщенъ въ газетѣ по волѣ редакціи и при полномъ ея участіи въ этой продѣлкѣ, нетолько недостойной, но и противозаконной, какъ я и постараюсь передъ судомъ доказать. Въ послѣдующей статьѣ, безъ подписи подъ заглавіемъ: «Литературное сутяжничество» (№ 1993) редакція «Новаго Времени» возбуждаетъ многочисленныя сомнѣнія и опасенія на счетъ того, вправѣ ли г. Стасюлевичъ преслѣдовать судомъ «Новое Время» по 1039-й ст. улож. за диффамацію. Могу успокоить редакцію тѣмъ, что обвиненіе ставится только по 1535-й ст. улож. исключительно въ клеветѣ, причемъ редакціи предоставляется полнѣйшая возможность доказать, на чемъ она основываетъ свое настойчивое удостовѣреніе, что «Порядокъ» издается при условіяхъ или соиздательства съ евреями, или матеріальной съ ихъ стороны поддержки, или участія евреевъ въ прибыляхъ и убыткахъ

отъ издательства, или въ иной какой-нибудь, хотя и хитропридуманной формѣ.

Предъявляя обвиненіе въ клеветѣ, я обращаю его къ двумъ лицамъ сообща, именно: къ Михаилу Павловичу Ѳедорову и къ Виктору Петровичу Буренину, по нижеслѣдующимъ основаніямъ:

1) Г. Ѳедоровъ, какъ редакторъ «Новаго Времени», несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ статьи, помѣщаемыя въ «Новомъ Времени», какъ безыменныя, такъ и кѣмъ-нибудь подписанныя, на точномъ основаніи ст. 1044-й улож. о наказ.

2) Послѣдняя изъ статей, содержащихъ въ себѣ клевету противъ г. Стасюлевича, подписана фамиліею *графъ Алексисъ Жасминовъ*. Такого лица нѣтъ: оно вымышленное; но подъ этимъ псевдонимомъ скрывается, что я и докажу, постоянный сотрудникъ «Новаго Времени», литературный критикъ его и стихотворецъ, Викторъ Петровичъ Буренинъ.

Такъ какъ настоящее дѣло должно производиться въ порядкѣ частнаго обвиненія, при которомъ настоящая жалоба замѣняетъ обвинительный актъ, по 426-й ст. уст. угол. суд., то, представляя ее г. мировому судьѣ 13-го участка, въ которомъ помѣщается редакція «Новаго Времени» и въ которомъ слѣдовательно совершено преступленіе (36-й ст. уст. угол. суд.), для исполненія обряда, предписаннаго стат. 35-й, т. е. склоненія сторонъ къ миру, прошу, въ случаѣ если примиреніе не состоится, переслать мою жалобу, согласно 511-й ст. уст. уг. суд., г. прокурору петербургскаго окружнаго суда для передачи судебному слѣдователю съ цѣлью предварительнаго разъясненія, путемъ предварительнаго слѣдствія, тождества Жасминова съ г. Буренинымъ.

Законъ требуетъ, чтобы до суда стороны, между которыми производится дѣло о клеветѣ въ печати, были склоняемы къ миру подлежащимъ мировымъ судьею. Желая, съ своей стороны, подчиниться закону не только формально, но и въ томъ смыслѣ, который ставитъ себѣ цѣлью законодатель, учреждая обрядъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая избѣгнуть малѣйшей тѣни «литературнаго сутяжничества» мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, уполномочилъ меня и на мировую, на условіяхъ, которыя, и по его, и по моему взгляду, для обѣихъ сторонъ безобидны и не противны ихъ достоинству. Я предлагаю редакціи «Новаго Времени» выдать мнѣ за подписью М. П. Ѳедорова, какъ отвѣтственнаго редактора «Новаго Времени», подписку нижеслѣдующаго содержанія:

«Удостовѣрившись со словъ издателя-редактора «Порядка», М. М. Стасюлевича, въ полной неосновательности слуховъ, пропечатанныхъ въ нашей газетѣ о томъ, будто бы, въ издательствѣ газеты «Порядокъ» участвуютъ еврейскіе капиталисты, либо какъ обязательные подписчики, либо какъ пайщики, либо какъ лица инымъ образомъ

оказывающія г. Стасюлевичу при изданіи газеты поддержку своими матеріальными средствами, редакція «Новаго Времени» всякую по этому предмету полемику съ «Порядкомъ» прекращаетъ, о чемъ и объявитъ въ тѣхъ же выраженіяхъ въ «Новомъ Времени». Съ своей стороны и г. Стасюлевичъ заявитъ въ «Порядкѣ» о прекращеніи полемики, вслѣдствіе признанія себя удовлетвореннымъ за полученіемъ отъ редакціи «Новаго Времени» настоящей подписки».

Примиренія у мирового судьи не послѣдовало, а потому дѣло поступило въ окружный судъ.

На вопросъ предсѣдателя оба обвиняемые не признали себя виновными.

Гг. судьи! Манифестъ, при которомъ изданы «Судебные уставы» 20-го ноября 1864 года, выразилъ желаніе, чтобъ новый судъ былъ скорый, правый, милостивый и равный. Охотно признавая всѣ три послѣднія качества за новыми судами, я не могу сказать, чтобъ во всѣхъ случаяхъ имъ было присуще качество скорости. Я не намѣренъ дѣлать какіе-нибудь упреки судамъ нашимъ. Механизмъ новыхъ учрежденій, какъ всякій механизмъ, имѣетъ свои несовершенства. Я хочу только отмѣтить, что затяжка не должна быть отнесена къ винѣ частнаго обвинителя, что онъ не относился къ дѣлу апатично послѣ того, какъ жалоба его была оглашена въ печати, что нельзя его подозрѣвать въ томъ, будто-бы, главная его цѣль только и заключалась въ томъ, чтобъ наговорить непріятныхъ вещей для противниковъ, что онъ перестал самимъ дѣломъ интересоваться, послѣ того, какъ самъ «Порядокъ» прекратилъ свое существованіе, и послѣ того, какъ по прекращеніи его «Новое Время», освободившись отъ конкурента, произнесло надъ его гробомъ даже нѣчто въ родѣ похвальнаго слова. Приведу слѣдующія цифры: въ сентябрѣ случилось происшествіе, которое подало поводъ къ жалобѣ. Жалоба слушалась у мироваго судьи, 30-го сентября 1881 года, и поступила въ судъ въ началѣ октября, но по новому обстоятельству я долженъ былъ

просить о производствѣ слѣдствія. Новое обстоятельство заключалось въ томъ, что г. Буренинъ, котораго я несомнѣнно считалъ авторомъ одной изъ инкриминируемыхъ мною статей, отрекся отъ авторства, вслѣдствіе чего надо было доискиваться, кто же ея авторъ. Дѣло поступило къ судебному слѣдователю. Слѣдствіе окончено 8-го февраля и направлено въ судъ, гдѣ, по моей просьбѣ, было назначено къ слушанію на 27-е апрѣля, потомъ съ очереди по распоряженію суда снято, затѣмъ пришли каникулы, потомъ судъ выѣзжалъ на внѣпетербургскія засѣданія и только теперь назначили засѣданіе по дѣлу. Ясно, что затяжка произошла по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

За этимъ объясненіемъ считаю нужнымъ предпослать изложенію дѣла по существу еще другое; я хочу разъяснить, какого рода интересъ связанъ для насъ, т. е. для меня и г. Стасюлевича, въ настоящую минуту при поддерживаніи на судѣ нашей жалобы. Это обстоятельство могло бы показаться чисто субъективнымъ, но въ данномъ случаѣ оно существенно потому, что свойствомъ интереса обыкновенно опредѣляются и требованія частнаго обвинителя, а слѣдовательно, имъ въ извѣстной степени обусловливается и рѣшеніе суда, такъ какъ въ порядкѣ частнаго обвиненія судъ не выходитъ обыкновенно за предѣлы этихъ требованій. Притомъ, въ настоящемъ дѣлѣ имѣется матеріалъ, наросшій уже послѣ подачи жалобы. Когда мы подавали жалобу, можно было предвидѣть, что полемика не остановится, что потекутъ ругательства изъ «Новаго Времени» противъ «Порядка», что посыплется брань, что будетъ продолжаема и клевета. Свойствомъ интереса опредѣлится и мое отношеніе къ этому матеріалу и образъ моихъ дѣйствій и требованій, обращаемыхъ къ суду.

Законъ предоставляетъ лицу, страдающему отъ оскорбленій его чести въ печати, три средства защиты: вопервыхъ, искъ о диффамаціи по 1039-й ст., вовторыхъ, жалобу на брань и ругательства и, въ третьихъ, искъ

о клеветѣ. Два послѣднія средства уже имѣлись въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ; первое послѣ иска о диффамаціи появилось только во временныхъ правилахъ для печати, 6-го октября 1865 года, которыя до сихъ поръ составляютъ нашу, значительно уже теперь сокращенную, хартію свободы печатнаго слова.

Уголовный законъ о диффамаціи—есть средство крайне неудовлетворительное, мы всегда ратовали противъ него, потому что еслибы считающій себя опозореннымъ человѣкъ и добился бы заключенія своего обидчика въ тюрьму за диффамацію, сей послѣдній можетъ всегда сказать «а всетаки я страдаю за правду», Законъ о диффамаціи есть средство, пригодное въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, когда разоблаченіе касается такихъ домашнихъ, семейныхъ обстоятельствъ, нисколько не относящихся до жизни общественной, которыхъ раскрывать нельзя, потому что раскрытіе подвергло бы обижаемаго еще большему и жестокому глумленію. Положимъ, напримѣръ, что человѣкъ, который такимъ образомъ оскорбленъ въ самыхъ сердечныхъ привязанностяхъ, въ лицѣ жены, сестры, дочери, позоветъ оскорбителя на судъ за клевету. На судѣ этомъ положеніе сторонъ страшно неравное. Чтобъ защититься отъ обвиненія въ клеветѣ, посредствомъ, такъ называемой, exceptio veritatis, достаточно обидчику сослаться, что онъ позорящее обстоятельство не выдумалъ, и доказать, что онъ повѣрилъ свидѣтелямъ или что въ народѣ ходили слухи объ этомъ обстоятельствѣ. Уголовный кассаціонный департаментъ многократно разъяснялъ, что для полноты состава клеветы требуется, чтобы клеветникъ дѣйствовалъ недобросовѣстно, чтобъ распространяемые имъ слухи были завѣдомо фальшивые. Жалующійся выйдетъ изъ суда еще болѣе опозореннымъ вслѣдствіе того, что его противника почти навѣрно оправдаютъ. Обиженному не придется даже убѣдить судъ, что онъ чистъ потому, что ему пришлось бы доказывать отрицательный фактъ, что онъ невиноватъ—что часто невозможно, хотя бы

онъ раскрылъ всю душу, хотя бы онъ разсказалъ всю свою жизнь, хотя бы онъ такъ сказать—раздѣлся передъ публикою. Потому то законъ о диффамаціи мало употребителенъ; обыкновенно обиженный терпитъ скрѣпя сердце и стиснувъ зубы или прибѣгаетъ къ кулачной расправѣ.

Второе средство—жалоба на брань и ругательство употребляется почти исключительно людьми частными за частыя оскорбленія. Оно обыкновенно не употребляется вовсе при оскорбленіяхъ, наносимыхъ общественному дѣятелю за его дѣйствія въ какой бы ни было общественной сферѣ; государственной службѣ, наукѣ, промышленности, искуствѣ и т. д. Чѣмъ шireобщественная дѣятельность лица, тѣмъ болѣе у него и враговъ и друзей: однимъ онъ нравится, угодивъ имъ, другіе напротивъ имъ недовольны. Судовъ и пересудовъ о его дѣятельности бездна, ихъ необерешься. Отвѣчать на всѣ эти сужденія нѣтъ никакой возможности, надо положиться на время и ждать. Съ сужденіемъ о дѣйствіяхъ бываютъ смѣшаны ругательства, на которыя едва ли приходится отвѣчать. Ну вылили, напримѣръ, на человѣка ушатъ помоевъ, не на самаго человѣка, а на его имя, неужели отвѣчать тѣмъ же? Неужели ему придется заниматься производствомъ точно такихъ-же зловоній? Есть занятія, которыя противны по натурѣ порядочному человѣку; есть мастерства, съ которыми нельзя сравниться, есть искуства такого рода, что въ нихъ охотно уступаешь и пальму первенства всякому противнику, Сверхъ того, силы состязающихся обыкновенно неравны. Противникъ пользуется большимъ преимуществомъ — своимъ собственнымъ органомъ печати, у обиженнаго рѣдко такой бываетъ въ своемъ распоряженіи, мой довѣритель, г. Стасюлевичъ, имѣлъ свой органъ, «Порядокъ», но нынѣ его не имѣетъ и не могъ бы отвѣчать на послѣдующія статьи «Новаго Времени». Большинство обижаемыхъ, желая отвѣчать на ругательства, должны идти въ

чужіе органы печати и напрашиваться, чтобъ ихъ туда пустили, что невсегда удобно, невсегда возможно, потому что большею частью органы печати бываютъ очень брезгливы въ этомъ отношеніи. Сверхъ того, что съ обидчикомъ они обыкновенно имѣютъ свои личные счеты которые не хотятъ увеличивать, но они вообще не любятъ всякихъ запаховъ—ни запаховъ зловонія, ни запаховъ карболовой, ни салициловой кислоты.

Единственное практическое средство правильно отнестись къ ругательству—заключается въ томъ, чтобъ на него вовсе не отвѣчать, чтобъ пустить его мимо себя съ презрительнымъ равнодушіемъ, не обращать вниманія ни на какіе этого рода уколы, пріучить себя къ тому, чтобъ совсѣмъ не чувствовать этихъ уколовъ, менѣе же всего прибѣгать къ кулачной расправѣ. Конечно, есть утонченная, облагороженная форма этой расправы, это—дуэль, но оставимъ ее французамъ; она у насъ не прививается и никогда не привьется. Бывали у насъ великіе люди, великіе литераторы, которые погибли на дуэли, каковы Пушкинъ и Лермонтовъ, но ни одинъ не вышелъ на дуэль изъ за литературныхъ дрязгъ и ругательствъ. Звать человѣка въ судъ за брань и ругательства—это только средство доставить ругающемуся противнику возможность вылить еще два—три новые ушаты помоевъ; мало того: можно было предполагать, что первый то ушатъ въ обиженнаго не попалъ, но идя въ судъ, онъ самъ заявляетъ, что онъ ими облитъ, что предназначаемое ему дошло по назначенію. Если я не откликнулся и молчу, то еще вопросъ, получилъ ли я ихъ или не получилъ. Если я не получилъ, то могу отослать, откуда они пришли, назадъ по принадлежности! Слова печатныя не громъ, они завтра же забудутся, будущее будетъ судить меня не по чьимъ-либо словамъ, а по моимъ поступкамъ. Слово—вѣтеръ, останутся только поступки, т. е. извѣстныя дѣянія или извѣстныя художественныя произведенія, но пасквили никогда не бываютъ и не будутъ художественными

произведеніями. Вотъ настоящее отношеніе общественнаго дѣятеля ко всякому печатному ругательству.

Исходя изъ этой точки, мы поставили себѣ за правило: обойти съ презрѣніемъ всѣ тѣ ругательства, которыми наполнены нумера «Новаго Времени», и такимъ образомъ мы считаемъ этотъ счетъ совершенно поконченнымъ; хроматическая гамма этихъ ругательствъ красива: отъ «искаріотствующаго» до «паразита» и «прохвоста». Мы всѣ эти клички отсылаемъ назадъ по принадлежности; пусть общество разсудитъ, чья это вина, кому она принадлежитъ. Отрицая возможность жаловаться суду за брань и ругательства, мы не можемъ, однако, не сказать, что бываютъ случаи, когда нельзя избѣжать того, чтобъ не прибѣгнуть во огражденіе себя къ третьему средству—къ иску о клеветѣ. Клевета существенное отличается отъ другихъ преступленій противъ чести. Въ другихъ оскорбленіяхъ задѣто, главнымъ образомъ, субъективное чувство, которое человѣкъ можетъ въ себѣ побороть, послѣ чего оно никакого почти другого слѣда и не оставитъ, но клевета производитъ вредъ объективный, безъ всякой вины и безъ всякаго участія со стороны того, кто ей подвергся. Если даже не отвѣчать на клевету, то по поводу ея пойдутъ толки, которые, сгущаясь, ее оплотняютъ. Выдумка, мало по малу, обращается почти въ фактъ. Вѣскимъ примѣромъ такого процеса можетъ служить представленное мною къ дѣлу письмо орловскаго присяжнаго повѣреннаго г. Ильинскаго, полученное нами изъ Орла, письмо лица, котораго мы не знали до того времени и котораго мы и донынѣ никогда не видали. Г. Ильинскій разсказываетъ, что въ орловскомъ дворянскомъ собраніи, въ присутствіи членовъ управы, мировыхъ судей и другихъ почетныхъ лицъ того общества, шли разговоры о газетахъ, о ихъ направленіи и т. д. Одинъ изъ присутствующихъ нападалъ на «Порядокъ»? Да, вѣдь, извѣстно, отвѣчаетъ онъ, что это органъ—еврейскихъ банкировъ. «Новое Время» пропечатало этотъ фактъ, а

г. Стасюлевичъ не возражаетъ. Такъ складывается общественное мнѣніе въ провинціи, не иначе устанавляется оно и въ столицѣ. Клевета распространяется въ публикѣ и вредитъ доброму имени оклеветаннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, что гораздо важнѣе съ точки зрѣнія его конкурентовъ, она уменьшаетъ число подписчиковъ на «Порядокъ». Необходимо было отвѣчать и г. Стасюлевичъ отвѣчалъ.

Порядочный органъ печати, получивъ такое заявленіе, долженъ былъ бы удовольствоваться имъ и перестать помѣщать ложные слухи, опровергаемые тѣмъ, къ кому они относятся и никакими доказательствами съ другой стороны неподтверждаемые. Но какимъ образомъ поступить, если органъ, пустившій лживые слухи, нетолько не удовлетворяется опровергающимъ ихъ заявленіемъ, но продолжаетъ повторять настойчиво эти лживые слухи еще и еще. Тогда представляется всякому уму такая дилемма: либо у него мѣдный лобъ, либо онъ дѣйствительно имѣетъ въ рукахъ вѣскія доказательства, подтверждающія слухъ, который онъ распространяетъ. Какъ рѣшить вопросъ? Единственный выходъ—это искъ о клеветѣ. Надо заставить противника предъявить доказательства. Надобно дать ему навыборъ: если вы имѣете доказательства — то выложите ихъ на столъ, если не имѣете — то будете наказаны. Таковы были соображенія, въ силу которыхъ мы обратились къ суду. Мы рѣшились на судъ только по исчерпаніи всѣхъ средствъ для полученія иного удовлетворенія. Доказательствомъ нашей уступчивости служитъ наше предложеніе идти на мировую, которое было сдѣлано у мирового судьи. Мы нарочно избрали форму, не могшую ни въ какомъ случаѣ оскорбить честь органа, являющагося нашимъ противникомъ. Всякій органъ можетъ ошибаться, можетъ быть введенъ въ заблужденіе, но онъ не затрудняется и признаться въ томъ, что былъ введенъ въ заблужденіе, но теперь, убѣдившись въ противномъ, беретъ назадъ сказанное, неподтвердившееся.

По смыслу нашего предложенія о мировой, въ немъ только и содержалось слѣдующее: со словъ противника убѣдившись, что пущенный нами слухъ не вѣренъ, мы тѣмъ и оканчиваемъ полемику. «Со словъ противника»... въ порядочномъ обществѣ, между порядочными людьми, когда опровергается однимъ изъ нихъ ничѣмъ не подтверждаемый слухъ, принято такому опроверженію вѣрить. Взятіе назадъ неподтвердившагося слуха не есть отрѣшеніе отъ чего бы то ни было, не есть отказъ отъ своихъ правъ, не есть лишеніе себя возможности когда нибудь поднять опять тотъ же самый вопросъ. Сегодня слухъ былъ взятъ назадъ, но немедленно послѣ того взявшій его назадъ получилъ доказательство справедливости этого слуха. Тогда онъ можетъ, ничѣмъ уже не стѣсняясь, снова пропечатать всю правду, со всѣми доказательствами, онъ можетъ притомъ, ошельмовать своего недобросовѣстнаго противника, увѣрившаго его, что слухъ ложный. Я, конечно, не могу въ настоящее время дѣлать какихъ бы ни было предложеній объ удовлетвореніи меня по соглашенію съ нашимъ противникомъ. Мы уже заявили у мирового судьи, что беремъ наше предложеніе обратно. Предлагать что либо вновь значило бы, что мы, какъ будто бы напрашиваемся на мировую. Наши противники очень хорошо знаютъ насъ, особенно г. Ѳедоровъ, съ которымъ мы и предполагали въ то время возможнымъ заключить сдѣлку—съ нимъ однимъ, оставивъ въ сторонѣ г. Буренина. Если бы г. Ѳедоровъ самъ теперь задумалъ сдѣлать серьезное предложеніе о мировой, то онъ знаетъ, что, вѣроятно, мы бы потолковали съ нимъ, какъ бы уладить дѣло помимо суда. Вся бѣда въ томъ, что съ нашими противниками нельзя говорить серьезно о соглашеніи. Если бы сдѣлка останавливалась затѣмъ, что г. Ѳедоровъ не вполнѣ самостоятельное лицо и не можетъ рѣшиться безъ чьего нибудь согласія на тотъ или другой шагъ, то онъ знаетъ, что мы не отказались бы отъ предоставленія ему возможности переговорить съ своимъ патрономъ...

[redacted]

Предсѣдатель. Въ виду этого заявленія, я прошу васъ остановиться. Я сдѣлаю предложеніе обвиняемымъ. *(Къ обвиняемымъ).* Не желаете ли кончить дѣло примиреніемъ?

Ѳедоровъ. Я ничего не имѣю противъ примиренія. Я у мирового судьи не былъ и первый разъ слышу это предложеніе...

Буренинъ. А на какихъ условіяхъ?

Прис. пов. Спасовичъ. Я взялъ назадъ свое предложеніе. Въ настоящее время, послѣ отклоненія его противною стороною, кажется, ей, а не мнѣ слѣдуетъ дѣлать предложеніе о мировой. Я заявляю, что хотя у насъ есть полнѣйшее желаніе покончить это дѣло миролюбивымъ образомъ, но я долженъ сказать, что безъ гарантій я на такую сдѣлку не пойду.

Предсѣдатель. Въ чемъ же состоитъ эта гарантія?

Прис. пов. Спасовичъ. Въ томъ, чтобы завтра или послѣзавтра, а также и на будущее время не появлялись фельетоны или другія статьи въ родѣ «Раздвоившійся Стасюлевичъ» и вообще, чтобы прекратились и не возобновлялись глумленія и ругательства по поводу настоящаго процесса.

Предсѣдатель. Вы обращаетесь съ настоящимъ заявленіемъ къ г. Ѳедорову, какъ редактору?

Прис. пов. Спасовичъ. Да.

Предсѣдатель. А относительно г. Буренина...

Ѳедоровъ. «Порядокъ» болѣе не существуетъ, слѣдовательно не можетъ быть и полемическихъ статей...

Предсѣдатель. Если вы согласны дать такое удовлетвореніе...

Буренинъ. Я не могу согласиться...

Прис. пов. Спасовичъ. Мы уже дѣлали предложеніе у мироваго судьи, но оно было отвергнуто. Я теперь не дѣлаю никакого предложенія, а жду его отъ противной стороны...

Буренинъ. Какимъ образомъ можно на это согласиться? Г. Спасовичъ желаетъ зажать намъ, т. е. га-

зетѣ, ротъ, и мнѣ даже странно, что г. Спасовичъ, самъ публицистъ, хочетъ этого...

Предсѣдатель. Вамъ предлагаются условія...

Буренинъ. Но мы не можемъ на нихъ согласиться, потому что это не возможно.

Предсѣдатель (къ Спасовичу). Въ такомъ случаѣ, угодно вамъ продолжать.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу къ существу дѣла. Оно состоитъ изъ двухъ частей: части о звѣздѣ и части о еврейскихъ деньгахъ въ «Порядкѣ».

Что касается первой части, то она болѣе потѣшна, нежели серьезна, хотя она несомнѣнно направлена къ тому, чтобы причинить извѣстный вредъ «Порядку». Если бы она стояла одна, то можно было бы скорѣе предъявить противъ редакціи «Новаго Времени» искъ объ убыткахъ, нежели искъ о клеветѣ; но она не могла быть оставлена, потому что заключаетъ въ себѣ зародышъ той клеветы, которая пявилась потомъ въ видѣ еврейскихъ субсидій. Я ограничусь по первому предмету нѣсколькими словами.

28-го декабря 1880 года, явился слухъ о звѣздѣ. 1-го января 1881 года, эта звѣзда была уже пожалована «Новымъ Временемъ» на бумагѣ г. Стасюлевичу. Въ «Порядкѣ» объявлено, что это извѣстіе есть тенденціозная фабрикація ложныхъ свѣдѣній. «Новое Время» нашло выходъ изъ этого обвиненія и заявило: фактъ вѣренъ, Стасюлевичъ знаетъ объ этомъ «также какъ и мы: предполагалось правительствомъ дать ему звѣзду, но именно наше заявленіе о томъ, что звѣзда будетъ ему пожалована помѣшало осуществленію предположенія». Заявляю, что ничего подобнаго не было извѣстно г. Стасюлевичу, что оно никому неизвѣстно, потому что и само заявленіе имѣетъ всѣ признаки явной небылицы. Вспомнимъ время, когда это происходило. Кончался 1880 годъ, начинался 1881. Тогда было еще въ полной силѣ министерство графа Лорисъ-Меликова, преобладающее направленіе господствовало то, которое теперь поносятъ подъ именемъ либеральнаго и къ кото-

рому тогда принадлежало «Новое Время». Еще не дѣлалось никакого различія между газетами. Еще «Правительственный Вѣстникъ» не считалъ нужнымъ заявлять, что «Новое Время» не есть офиціозный органъ правительства. «Новое Время» не опровергало слуховъ о томъ, что оно офиціозъ. Но независимо отъ момента, можно ли, при какомъ угодно министерствѣ, предполагать, что у насъ, въ Россіи, при нашихъ условіяхъ государственнаго устройства, какая нибудь частная газета могла вліять на дачу или не дачу той или иной награды правительствомъ тому или иному лицу? Хотя самое заявленіе — чистая небылица, но главное то не въ этой небылицѣ, а въ намѣреніи, съ которымъ слухъ распространенъ. Намѣреніе, очевидно, было: противники наши—люди, дѣйствующіе всегда цѣлесообразно, ни одного поступка не дѣлаютъ даромъ, безъ цѣли и разсчета. Утверждаю, что намѣреніе было слѣдующее: государственныя награды даются за государственныя заслуги; г. Стасюлевичъ уже 14 лѣтъ какъ не находится на государственной службѣ—онъ просто частный человѣкъ, занимающійся издательствомъ журнала. Мы готовы принять всѣ тѣ названія, которыми величаютъ этотъ журналъ наши противники. Онъ былъ журналъ аккуратный, умѣренный, доктринерскій и т. д.; во всякомъ случаѣ, онъ былъ журналъ критическій, основательно или неосновательно, но считаемый оппозиціоннымъ. Отношенія г. Стасюлевича къ цензурѣ, къ главному управленію по дѣламъ печати были только такія, что на г. Стасюлевича налагали взысканія и приглашали его для объясненій въ цензурный комитетъ. Вдругъ, наканунѣ появленія газеты, становится извѣстнымъ, что редактору дана будетъ звѣзда! Конечно, могли быть у него иные наивные знакомые, которые, можетъ быть, его и поздравляли по этому случаю на новый годъ, но были несомнѣнно и такіе, которыхъ должно было озадачить это извѣстіе: значитъ—это будетъ офиціозная газета, съ правительственнымъ направлені-

емъ, чего трудно было ожидать. Разсудивъ такимъ образомъ, многіе изъ желавшихъ подписаться на газету не подписались, остановились. Между тѣмъ, это было самое горячее время для подписки — декабрь и январь. Въ послѣдующіе мѣсяцы никакъ не наверстаешь, что въ эти мѣсяцы ушло. Такимъ образомъ, цѣль выпуска ложнаго слуха достигнута: нѣкоторые подписчики остановились и не подписались; озадаченные извѣстіемъ, они обзавелись иными газетами. Я не могу охарактеризовать подобный маневръ именемъ нечестнаго, непорядочнаго, именемъ коварнаго пріема, который не долженъ существовать въ литературѣ. Этимъ пріемомъ старались дать понять, что г. Стасюлевичъ—офиціозъ правительства. Поэтому то въ сообщеніи извѣстія о звѣздѣ заключается уже зародышъ клеветы, которая воспроизведена гораздо сильнѣе въ слѣдующей формѣ, въ формѣ еврейскихъ денегъ въ «Порядкѣ». Къ этому второму предмету я теперь и перехожу.

Съ первыхъ мѣсяцевъ появленія «Порядка» начинаются упорно повторяемые на всѣ лады нескончаемые толки о томъ, что этотъ органъ нетолько полякующій, юдофильствующій, но прямо еврейскій, издающійся на еврейскія деньги и преслѣдующій исключительно еврейскіе интересы. Эта упорная настойчивость обличала важность, которую редакція «Новаго Времени» приписывала извѣстію. Ясно, что она имъ пользовалась какъ острымъ, рѣжущимъ орудіемъ, которымъ она достигала извѣстной, весьма опредѣленной цѣли. Такимъ сопоставленіемъ издательства съ финасовою подкладкою этого издательства оно открыто стремилось къ тому, чтобы повредить «Порядку». Спрашивается: всегда ли или только при извѣстныхъ условіяхъ соединеніе этихъ двухъ вещей: истиннаго факта издательства газетъ съ вымышленнымъ фактомъ издательства его на извѣстнаго рода чужія деньги, получаетъ значеніе клеветы и имѣетъ ли это сопоставленіе двухъ предметовъ значеніе въ настоящемъ случаѣ? Я и постараюсь, прежде всего, разрѣшить эти вопросы.

Гг. судьи! Печать есть средство распространять мысли чрезвычайно скоро и быстро. Она есть своего рода механическая сила, которая можетъ оказывать свои услуги всѣмъ лицамъ и группамъ, входящимъ въ составъ общества, всѣмъ классамъ и сословіямъ, всевозможнымъ матеріальнымъ ихъ интересамъ. Каждая такая группа, будетъ ли она сословная, будетъ ли она національная или иная, конечно, можетъ находить много выгодъ въ томъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстный органъ печати. Въ обладаніи своимъ органомъ печати нѣтъ ровно ничего предосудительнаго или незаконнаго. Бо́льшею частью всѣ крупные интересы и обзавелись такими органами. Евреи имѣютъ свои повременныя изданія—«Русскій Еврей», «Разсвѣтъ», поляки въ Петербургѣ обзавелись «Краемъ», нѣмцы имѣютъ въ Петербургѣ двѣ газеты. Понятно, что каждая газета, преслѣдующая свой особый интересъ совершенно явно, по всѣмъ извѣстной программѣ, не можетъ быть попрекаема тѣмъ, что она преслѣдуетъ этотъ именно интересъ. Ее и не станутъ читать люди, невходящіе въ составъ группы, для которой она предназначена; напримѣръ, русскій читатель, исполненный духа такъ называемаго народничества или самобытности, не станетъ и заниматься чтеніемъ еврейскихъ, нѣмецкихъ или польскихъ органовъ. Равнымъ образомъ, не предосудительно быть соиздателемъ или редакторомъ такого органа и даже редакторомъ на жалованьѣ. Обыкновенно онъ самъ членъ этой группы, раздѣляетъ всѣ ея убѣжденія и взгляды, пользуется довѣріемъ и въ ея пользу работаетъ. Быть редакторомъ органа, проводящаго интересы какой нибудь отдѣльной группы общества столь же непредосудительно, какъ быть редакторомъ какого-нибудь правительственнаго офиціальнаго органа. Есть правительственныя изданія, которыя приносили громадную пользу, напримѣръ, «Военный Сборникъ», «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» и друг. Когда направляешься въ такой журналъ, то зна-

ешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, знаешь, что за столомъ сидитъ редакторъ, который исполняетъ государственную должность и который имѣетъ всегда на головѣ шапку съ кокардою. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ со стороны органа и его редакціи никакой фальши, никакого обмана. Кромѣ этихъ случаевъ бываютъ и другіе, когда не безчестно издавать газету не на свои собственныя деньги. Очень рѣдки литературный талантъ или издательская сметка, соединенная въ одномъ лицѣ съ большими денежными средствами. У кого своихъ денегъ нѣтъ, тотъ долженъ прибѣгать къ кредиту. Есть многіе журналы, которые основаны въ кредитъ. Никому не интересно знать, изъ какихъ источниковъ возникло, напримѣръ, «Новое Время», какія деньги лежатъ въ его основаніи. Я самъ когда-то, вмѣстѣ съ гг. Суворинымъ и Буренинымъ, работалъ въ одной такой почтенной газетѣ, финансовое положеніе которой было далеко не блестящее. Но никогда и вопросъ не поднимался, откуда берутся средства, потому что въ каждой строкѣ газеты звучали искренность, твердость и независимость убѣжденій и потому, что редакторъ никогда не смѣшивалъ своего литературнаго дѣла съ своими финансовыми средствами; онъ расплачивался какъ могъ съ кредиторами, но не позволялъ имъ входить, какъ хозяевамъ, въ редакцію. Слѣдовательно, даже соединеніе издательства съ чужими деньгами не имѣетъ значенія чего-то безусловно дурнаго или предосудительнаго, да оно большею частью и не интересно, незачѣмъ о немъ публиковать.

Совершенно иную окраску получаетъ соединеніе издательства съ его средствами, когда установляется между обоими этими обстоятельствами причинная связь: еврейскія деньги — слѣдовательно, и еврейское соиздательство, когда органъ представляется платнымъ слугою, работникомъ по найму, состоящимъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ деньгодателямъ извѣстной націи, извѣстнаго класса или вѣроисповѣданія, от-

стаивающимъ ихъ исключительные интересы, но подъ видомъ служенія общему благу, потому что въ то же время этотъ органъ красуется какъ самостоятельный, какъ выражающій мысли, цѣли и общественное мнѣніе всей Россіи, всѣхъ слоевъ ея. Въ установленіи такой причинной связи между двумя предметами и заключается вся суть клеветы, и это злое намѣреніе преслѣдовалось «Новымъ Временемъ» постоянно и настойчиво. Оно, вѣроятно, будетъ констатировано вами, гг. судьи. Я думаю, что для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ правильно, вамъ нужно, прежде всего, остановиться на содержаніи выдуманнаго извѣстія, соединить его съ цѣлью, съ которою оно придумано, и затѣмъ рѣшить еще вопросъ о формѣ извѣстія. Вы должны разсмотрѣть соединеніе этихъ двухъ фактовъ, то есть, вопросъ о томъ, одинаково ли возможна клевета, въ какомъ бы видѣ она ни явилась, т. е. въ простомъ ли заявленіи, или въ видѣ шутовскаго передразниванія, въ прозѣ ли или въ стихахъ, то есть, на языкѣ, который называли когда-то языкомъ боговъ, пока онъ не сдѣлался хуже языка торговцевъ Сѣнной Площади, въ драматической ли формѣ или какой либо иной.

Итакъ, я остановлюсь, прежде всего, на вопросѣ, въ какой степени, по общечеловѣческимъ понятіямъ или по понятіямъ, господствующимъ въ извѣстномъ классѣ, въ извѣстной средѣ, обвиненіе человѣка въ томъ, что онъ, выдавая себя за совершенно независимаго литератора, есть въ то же время слуга извѣстныхъ интересовъ, отъ которыхъ получаетъ денежную поддержку, должно считаться обиднымъ для чести того лица? Конечно, гг. судьи, въ такомъ обвиненіи нѣтъ и не можетъ быть чего бы то ни было уголовнаго. У насъ личный наемъ литературный, отдача пера на заработки, суть виды торговли безданной, безпошлинной. Торгъ перомъ не возбуждалъ и не возбуждаетъ никакихъ преслѣдованій со стороны прокурорскаго надзора, и каждый изъ попрекаемыхъ за этотъ образъ дѣйствій могъ бы отвѣ-

чать такъ, какъ отвѣчалъ «нравственный человѣкъ» у Некрасова:

> «Живя согласно съ строгою моралью,
> Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла».

Но суть вопроса вовсе не въ уголовщинѣ, а въ чести. Понятіе о чести бываетъ различное, въ разныхъ кругахъ общества. Конечно, если вы будете судить о литературномъ дѣйствіи съ точки зрѣнія простонародья, то не придете къ результату, потому что простонародіе не занимается литературою. Если бы дѣло объ обидѣ происходило между людьми изъ простонародія, то вы должны бы были при обсужденіи его снизойти до уровня понятій о чести простонародія. Но если обидчикъ и обиженный принадлежатъ къ иному кругу, то вы должны опредѣлить степень оскорбленія чести извѣстнаго рода клеветою по понятіямъ этого круга. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ литературнымъ кругомъ, имѣющимъ свои особенныя понятія о чести, о томъ, въ чемъ заключается главное достоинство литератора. Вы должны разрѣшить этотъ вопросъ по понятіямъ этого литературнаго круга и должны потомъ повѣрить добытые такимъ образомъ результаты собственнымъ вашимъ опытомъ, то есть, сличеніемъ его съ понятіями той среды, къ которой вы сами принадлежите. Вы принадлежите къ самому интеллигентному обществу, въ составъ котораго входитъ и кругъ литераторовъ. Итакъ, я прошу васъ рѣшить этотъ вопросъ по понятіямъ литературнаго круга, притомъ высшаго литературнаго круга, а не одной той маленькой прессы, которая большею частью только и питается злословіемъ, бранью и сплетнями. Вы должны, я думаю, признать, что какъ у воина главная доблесть—храбрость, у священника — благочестіе, у женщины — цѣломудріе, у судьи — безпристрастіе, такъ у литератора главная и коренная доблесть—гордая свобода, неклапяющаяся ни-

кому независимость. Можетъ быть литераторъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ запятнанный, но пока онъ хранитъ эту черту въ характерѣ, пока онъ держится такихъ правилъ: «хотя я, положимъ, ограниченъ, стѣсненъ условіями цензуры, но въ предѣлахъ, въ которыхъ мнѣ предоставлено говорить и судить по уставу цензуры, я сужу свободно, прямо, откровенно, никому не кланяюсь, я рѣжу правду и никому не мирволю» — этотъ литераторъ будетъ имѣть, все-таки, почетъ и уваженіе между своими собратьями. Разъ онъ сошелъ съ этого пути, разъ онъ сдѣлался служителемъ чьихъ-либо интересовъ, разъ онъ имѣетъ своего господина, онъ уже входитъ въ тотъ кругъ, который очень мѣтко очерченъ во многихъ нумерахъ «Новаго Времени» словами: лакейство. Онъ принадлежитъ уже къ «лакействующей литературѣ». Къ ея составу одинаково принадлежатъ и тѣ, которые служатъ большому барину—правительству, и тѣ, которые имѣютъ надъ собою менѣе почетныхъ господъ, именно тѣхъ, кого «Новое Время» называетъ Güntzburgii et omnes iudaei. Точно такимъ же лакействующимъ литераторомъ я не могу не считать и того, кто будетъ служить успѣху минуты, сегодняшнему настроенію или вкусу публики, кто будетъ ей низкопоклонничать и подлаживаться подъ ея вкусъ. Чтобы доказать это положеніе, чтобы уяснить, какое громадное значеніе имѣетъ литературная независимость въ литературномъ мірѣ; я призову въ свидѣтели само «Новое Время», я приведу сужденія «Новаго Времени» о самомъ себѣ, когда оно было задѣто съ этой больной стороны, когда оно ополчилось противъ слуховъ, что оно есть официозный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Оно судило само о себѣ вѣрно; жаль только, что оно не прилагаетъ этой мѣрки къ другимъ лицамъ.

Беру два нумера «Новаго Времени»: 2147-й и 2151-й отъ 19-го и 23-го февраля нынѣшняго года, вмѣщающіе отвѣты на вопросъ, есть ли «Новое Время» официозный или неофиціозный органъ правительства. Прежде всего «Но-

вое Время» дѣлаетъ слѣдующее заявленіе, въ слогѣ который можно назвать слогомъ послѣдняго фасона, слогомъ послѣдняго чекана, никакъ не позже 1881 или 1882 года: «каждый самостоятельный органъ, искренно служащій національнымъ интересамъ, разоблачающій лживую противународную политику, какъ мнимыхъ друзей Россіи, такъ и ея враговъ, преслѣдуется самыми безчестными, самыми пошлыми выдумками, сплетнями и инсинуаціями». Отмѣчу употребленіе слова «инсинуація», противъ котораго всегда возражаетъ «Новое Время», въ другихъ органахъ. Тѣмъ дѣло не кончилось. Нашлась одна газета, которая разсудила такъ, что нѣтъ ничего позорнаго и безчестнаго въ томъ, когда дается помощь на ея изданіе. Тогда «Новое Время» разразилось взрывомъ негодованія противъ этой «малограмотной» газеты и приняло ея слова, какъ доказательство того, что элементарность извѣстныхъ понятій не допускается у насъ, по крайней мѣрѣ, чтобы эти понятія стояли внѣ споровъ и сомнѣній. Затѣмъ оно присовокупляетъ: «частныя газеты имѣютъ вѣсъ и значеніе лишь по стольку, по скольку выражаютъ общественное мнѣніе и, слѣдовательно, по скольку имѣютъ сочувствіе въ обществѣ». Это не значитъ, чтобы независимая газета не могла не совпадать въ своихъ взглядахъ со взглядами правительства, но это значитъ, что она не должна быть официознымъ органомъ правительства. «Официозная газета, говоритъ «Новое Время», представляетъ собою грубый обманъ, претящій нравственному чувству порядочныхъ людей и потому отталкивающій ихъ отъ газеты. По самому существу дѣла, официозность газеты есть нѣчто такое, что лишаетъ ее всякаго вѣса и значенія. Официозъ, говорящій по вдохновенію извнѣ—это торгующій своимъ умѣньемъ говорить съ чужого голоса. Официозная газета—это наемница самаго худшаго сорта, потому что ничего нѣтъ позорнѣе, какъ торговля своими убѣжденіями. Если это непонятно публицистамъ малограмотной газеты, то помочь мы уже не можемъ».

Такова эта статья, прекрасная во многихъ отношеніяхъ. Я позволю себѣ сдѣлать относительно ея два замѣчанія. Она вмѣщаетъ въ себѣ два опредѣленія того, что согласно съ достоинствомъ газеты и того, что противно этому достоинству. Что касается перваго предмета, то мы не совсѣмъ сойдемся съ «Новымъ Временемъ» и полагаемъ, что оно поставило такое опредѣленіе достоинства газеты, подъ которое само могло бы подойти. Въ самомъ дѣлѣ, что такое слова: «выражать общественное мнѣніе и имѣть сочувствіе публики»? Это взглядъ буржуазный... Позвольте мнѣ сослаться на собственное признаніе противной стороны, на то значеніе этого признанія, которому я сочувствую. Я вполнѣ сочувствую «Новому Времени» въ томъ, что офиціозъ— это человѣкъ, говорящій по вдохновенію извнѣ, что онъ грубый обманщикъ, что онъ хуже публичной женщины и что онъ отталкиваетъ отъ себя порядочныхъ людей. Я думаю, что вы будете судить по этой мѣркѣ, самимъ «Новымъ Временемъ» поставленной, потому что эта мѣрка настоящая, потому что вы не можете допустить, чтобы нравственность въ обществѣ была ниже того, чѣмъ она стоитъ въ крупныхъ органахъ печати, что въ своихъ опредѣленіяхъ того, что безчестно, не можете понизиться и зайти за тѣ предѣлы, за которыми стоятъ малограмотныя газеты. Вы не можете допустить, чтобы считалось согласнымъ съ честью литератора позировать, принимать видъ самостоятельнаго человѣка, а между тѣмъ быть въ услуженіи у кого-нибудь и двигать впередъ его особенные интересы. Я думаю, что въ этомъ отношеніи вы отнесетесь къ дѣянію можетъ быть и строже, чѣмъ отнесся бы судъ на Западѣ Европы. Во многихъ отношеніяхъ мы еще варвары. У насъ еще нѣтъ многихъ послѣднихъ по времени европейскихъ изобрѣтеній. У насъ еще не существуетъ такъ называемый Reptilienfond. У насъ пресса еще не вся въ рукахъ евреевъ, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, и, какъ говорятъ, еще болѣе въ Вѣнѣ. Но если вы допустите, что-

печати.

Д... и...

теперь къ

Может

составъ пр

не будетъ

явится въ

Шуточная ф

знаки престу

точное являе

когда составъ

оно—только п

вившая насъ

гда ложное и

произведено. Д

Тогда «Новое

есть органъ Блі

эпизодъ съ «Во

что онъ ярко о

рымъ были пост

гг. Бліоха и Гин

докъ» былъ назва

бурга, но ничего

личивается, какъ катящійся съ горы комъ снѣга. Противъ извѣстія возражаетъ г. Стасюлевичъ; онъ заявляетъ, что евреи не участвуютъ въ газетѣ, что онъ не получаетъ никакой субсидіи. Несмотря на это, «Новое Время» стоитъ упорно на своемъ и заявляетъ: мы говорили собственно не о субсидіи; евреи участвуютъ въ «Порядкѣ» не субсидіями, а паями. Это значитъ, по моему мнѣнію, тоже, что бить не тростью, а дубьемъ; я докажу, что паи хуже субсидіи. «Новое Время» само понимаетъ это обстоятельство, но оно осторожно: хвативъ сильно, оно обезпечиваетъ себѣ отступленіе. Субсидія, говоритъ оно, совсѣмъ не то, что пай; пай почетнѣе субсидіи. Субсидія—это плата деньгами за услугу; пай—нѣчто болѣе благородное, это только «соиздательство», «нравственная поддержка», «участіе въ прибыляхъ и убыткахъ». Я утверждаю, что пай гораздо хуже, нежели субсидія, что полученіе денегъ можетъ быть двоякимъ образомъ истолковываемо: оно можетъ быть субсидія, а можетъ быть только простой заемъ; но пай всегда предполагаетъ деньги, за деньги дано соиздательство, т. е. участіе хозяевъ предпріятія въ редакціи, значитъ, редакціею завѣдываетъ не г. Стасюлевичъ, а сидитъ въ ней цѣлый кагалъ. Клевета вполнѣ опредѣлилась уже въ статьѣ «Новаго Времени» за № 1986-мъ. Въ послѣдующихъ нумерахъ она воспроизводится. Въ октябрѣ 1881 года, помѣщены насмѣшки надъ г. Стасюлевичемъ: «Когда вздумаетъ онъ тайно, полякамъ, жидамъ продаться» и т. д. № 1989-й имѣетъ значеніе только прямого отказа газеты помѣстить заявленіе г. Стасюлевича, опровергающее клевету, потому что хотя редакція и заявляетъ, что мы будемъ ежедневно печатать, что «Порядокъ» издается на собственныя деньги г. Стасюлевича, но тутъ же, въ этомъ нумерѣ, почти рядомъ, помѣщены два стиха, гласящіе, что

«Все устроилось въ порядкѣ,
Взяли пай жиды въ «Порядкѣ».

ступилъ не безчестно, разыскивая въ редакціи «Новаго Времени» кто настоящій авторъ «словъ» противъ г. Стасюлевича.

Печать, какъ извѣстно, есть механическое распространеніе письма, а письмо есть изображеніе слова, слѣдовательно, всѣ тѣ преступленія, которыя совершаются посредствомъ слова, могутъ быть совершаемы и посредствомъ печати, съ тою разницей, что дѣйствіе печати въ тысячу разъ сильнѣе и что виновному въ оскорбленіи гораздо легче скрыться. По звуку голоса, по почерку письма можно узнать, кто виновникъ преступленія, совершаемаго словомъ, но когда оскорбленіе является въ газетѣ безъ подписи, то автора нельзя узнать. Поэтому, въ правилахъ для печати 6-го апрѣля 1865 года законодатель, неизъемля виновныхъ въ преступленіяхъ словомъ изъ общихъ законовъ уголовныхъ объ отвѣтственности, въ случаѣ соучастія въ преступленіи, постановилъ еще одну спеціальную мѣру, усиливающую наказуемость этихъ преступленій. Онъ положилъ, что редакторъ повременнаго изданія во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ за содержаніе статьи, какъ главный виновникъ. Есть два способа толковать это постановленіе: первый тотъ, что подобная строгость, подобное усиленіе наказуемости установлены въ виду того, чтобъ во всякомъ случаѣ и неизбѣжно кто-нибудь за содержаніе напечатаннаго отвѣчалъ, чтобъ оскорбленіе не могло остаться безъ взысканія, чтобъ былъ на лицо человѣкъ, который принималъ бы на себя отвѣтственность и съ котораго можно было бы взыскивать, что не пресѣкаетъ пострадавшему возможности привлекать къ суду сверхъ редактора и настоящихъ виновниковъ оскорбленія. Но есть еще и другой взглядъ на ту же мѣру. Отвѣтственность редактора можно разсматривать какъ привилегію и особую льготу для газетъ, что кромѣ редактора, отвѣчающаго по договору, всѣ остальные сотрудники не наказуемы, какія бы безчинства они не совершали, хотя бы швыряли камнями изъ-за угла въ каждаго встрѣчнаго. Съ подобнымъ взгля-

домъ едва ли можно согласиться. Былъ и у древнихъ римлянъ праздникъ сатурналій, единственный въ году, когда и невольникамъ разрѣшалось напиваться вмѣстѣ съ господами. Безнаказанность злословія и безчинства въ литературѣ могутъ точно также совпадать съ крайне приниженнымъ общимъ состояніемъ литературы, когда невозможность говорить возмѣщается полною свободою злословить. Не я одинъ противникъ безнаказанности безчинствъ подъ маскою анонимности. Я позволю себѣ привести цитату на этотъ счетъ знаменитаго историка литературы Брандеса изъ IV-го тома его сочиненія: «О литературныхъ теченіяхъ XIX-го вѣка», по поводу Байрона; «Явились нападки на его частную жизнь, благодаря анонимности, которая въ англійской литературѣ преобладаетъ, несмотря на вносимые ею порчу и развратъ. Въ дѣйствительности, значеніе анонимности только то, что ничтожнѣйшій писака, еле—еле держащій перо, можетъ приложиться ртомъ къ трубѣ общественнаго мнѣнія и изобразить собою оскорбленную невинность. Не только этотъ анонимъ дѣлается общеизвѣстнымъ по числу экземпляровъ, въ которыхъ разошлось его изданіе, но онъ можетъ еще, оставаясь анонимомъ, появляясь въ сотнѣ видахъ, подъ разными кличками, начальными буквами и цифрами, писать въ цѣлой дюжинѣ повременныхъ изданій. Одинъ бумагомаратель можетъ, такимъ образомъ, испакостить всю прессу».

Я вполнѣ раздѣляю взглядъ Брандеса. Когда появилась въ «Новомъ Времени» статья „Раздвоившійся Стасюлевичъ“, за подписью Жасминова, то я и не предполагалъ, чтобъ по поводу этой подписи могъ возникнуть вопросъ. Г. Буренинъ писалъ подъ этою фамиліей въ «Новомъ Времени», послѣ чего онъ издалъ книжку «Стрѣлы», подъ своимъ собственнымъ именемъ, въ которую вошли тѣ именно стихотворенія, которыя печатались прежде за подписью графа А. Жасминова. Я и не подозрѣвалъ, чтобъ стояла передомною маска и чтобъ г. Буренинъ отрекся отъ своего произведенія. Я ошиб-

ся: мы узнали изъ открытаго письма г. Буренина къ г. Суворину, что тутъ участвовала цѣлая веселая компанія Г. Буренинъ давалъ статьѣ такой видъ, что Жасминовъ есть собирательная кличка, обозначающая многихъ, подобно тому, какъ подъ именемъ Косьмы Пруткова писали Жемчужниковъ, Некрасовъ, а затѣмъ и графъ Толстой. Г. Буренинъ заявилъ при томъ, что г. Суворинъ знаетъ тѣхъ лицъ, которыя писали подъ фамиліей графа Жасминова. Намъ пришлось отнестись извѣстнымъ образомъ къ этому заявленію, посмотрѣть на него либо какъ на отводъ глазъ въ другую сторону, либо какъ на фактъ, хотя мало вѣроятный, но фактически возможный. Сложить оружіе предъ г. Буренинымъ мы не могли, это значилобы принять и усвоить себѣ тотъ принципъ, что подъ маскою все дозволено, что ее нельзя срывать. Нельзя было также послѣ этого письма заявить прямо, что противники, оскорбивъ, скрываются, потому что тогда эти противники могли намъ сказать: вамъ давались и книги въ руки, вамъ указанъ былъ г. Суворинъ, пошли бы вы въ редакцію и тогда узнали бы имя автора. Итакъ, намъ предстояло допросить г. Суворина, который сказалъ на судѣ почти то же, что при предварительномъ слѣдствіи, однако, съ маленькимъ измѣненіемъ: тогда онъ прямо заявилъ, что г. Буренинъ не участвовалъ въ этой статьѣ, теперь онъ не помнитъ, участвовалъ ли г. Буренинъ или не участвовалъ. Еще было одно лице, подлежащее спросу, это—г. Масловъ (на котораго указалъ г. Ѳедоровъ, какъ на лице, писавшее подъ фамиліей А. Жасминова, но г. Масловъ этой ссылки не подтвердилъ. Такимъ образомъ, ни изъ показанія г. Суворина, ни изъ показанія редактора Ѳедорова, ни изъ показаній кого-нибудь другого не видно, чтобъ существовало какое-нибудь другое лицо, которое пользовалось бы кличкою графа А. Жасминова. Если редакція не желала открыть имя автора, то могли существовать иные пути, вещественныя доказательства, рукописи,

которыя должны быть въ типографіи и по которымъ набиралась статья... Изъ типографіи рукописи отсылались въ редакцію. Слѣдовало спросить редакцію, не имѣется ли у нея рукописи. Редакція была заранѣе предупреждена о времени, когда прибудетъ судебный слѣдователь; онъ потребовалъ, чтобъ ему показали книгу гонорарную, въ которой ничего не оказалось касающагося статьи въ № 1989-мъ. Тогда онъ спросилъ, имѣются ли какія-нибудь рукописи 1881 года. Ему былъ предъявленъ цѣлый ворохъ такихъ рукописей. Въ нихъ ничего не оказалось. Я утверждаю, что никакого обыска не было, а что заявлено было требованіе о выдачѣ извѣстнаго документа, который, по заведенному порядку, при изданіи газеты долженъ быть въ редакціи, если его не истребили, но котораго на-лицо не оказалось.

Теперь могу сказать прямо, что противная сторона скрыла концы въ воду, такъ что, несмотря ни на какія старанія, нельзя добиться лицу, ищущему удовлетворенія, имени автора статьи «Раздвоившійся Стасюлевичъ». Нареканія на преслѣдованіе, будто бы, свободы слова и печати совершенно напрасны въ данномъ случаѣ. Я не имѣю основанія допустить, чтобы повременное изданіе пользовалось правомъ какого-то убѣжища, которымъ не пользуется домъ частнаго лица, которымъ не пользуется жилище каждаго гражданина. Притомъ, моимъ правомъ разыскивать я пользовался подъ контролемъ магистратуры, на основаніи закона.

Хотя, такимъ образомъ, нѣтъ вещественныхъ доказательствъ, которыя могли бы разрѣшить вопросъ объ авторѣ статьи въ № 1989-мъ, я не могу сказать, что беру назадъ обвиненіе, когда я больше чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ, что статья принадлежитъ г. Буренину. Я буду просить судъ выслушать меня, и если судъ, по внутреннему убѣжденію, не смотря на отсутствіе вещественныхъ слѣдовъ преступленія, согласится со мною, то онъ можетъ, по внутреннему убѣжденію, присудить къ наказанію и г. Буренина. Мои доказа-

тельства состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, г. Буренинъ писалъ подъ фамиліею графа Алексиса Жасминова; онъ помѣстилъ въ «Стрѣлахъ», правда, не всѣ тѣ вещи, которыя печатались подъ этимъ именемъ въ «Новомъ Времени», но это обстоятельство—легко объяснимое съ каждымъ авторомъ, который пишетъ весьма много, который живетъ преимущественно литературою—случается, что онъ пишетъ и слабыя вещи, которыхъ потомъ не желаетъ помѣщать въ собраніи своихъ сочиненій, а выбираетъ только лучшія произведенія. Второе доказательство состоитъ въ томъ, что, кромѣ г. Буренина, нѣтъ ни одного лица, которое бы писало подъ именемъ графа Алексиса Жасминова; было указано одно лицо—Масловъ, но онъ этой ссылки не подтвердилъ. Что же касается сравненія Кузьмы Пруткова съ графомъ А. Жасминовымъ, то это сравненіе весьма неудачное, потому что Кузьма Прутковъ не есть кличка, которую бралъ на себя авторъ—это есть созданіе художественное, это есть живой, хотя литературно созданный типъ, весьма характерный, съ вполнѣ опредѣленными привычками мышленія, чувствованія и дѣйствованія.

Такіе типы, какъ Фаустъ и Мефистофель или Донъ-Жуанъ и Лепорелло, однажды созданные, многими послѣдующими художниками заимствуются для писанія сценъ, въ которыхъ они ставятъ эти типы въ новыя положенія. Отъ высшаго перейдемъ къ низшему, къ карикатурѣ. Генри Моннье создалъ карикатурнѣйшій типъ m—r Prudhomme, откуда французскія газеты помѣщаютъ изреченія и поговорки à la Prudhomme. Это такой же типъ, какъ генералъ Дитятинъ въ разсказахъ Горбунова. Отличительное свойство подобнаго типа то, что разъ онъ созданъ, каждый, кто его понялъ, можетъ его изображать, и публика можетъ судить, вѣрно ли типъ изображенъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ графѣ А. Жасминовѣ, который лишенъ характерныхъ чертъ; это только кличка, которую принималъ г. Буренинъ и въ кото-

рой его можно узнать по его слогу, я не скажу по когтямъ, а по извѣстному острому и ядовитому ноготку.

Я прошу подвергнуть г. Буренина наказанію, какъ автора статьи, направленной противъ г. Стасюлевича въ «Новомъ Времени».

С.-Петербургскій окружной судъ, выслушавъ, въ порядкѣ частнаго обвиненія, дѣло о редакторѣ газеты «Новое Время», колежскомъ асесорѣ Өедоровѣ, и сотрудникѣ той же газеты, сынѣ свободнаго художника Буренинѣ, обвиняемыхъ по 1535-й ст. улож. о нака з., и признавая изъ нихъ виновнымъ Өедорова по означенной статьѣ, а Буренина невиновнымъ, постановилъ: Өедорова заключить въ тюрьму на три мѣсяца, а Буренина признать по суду оправданнымъ.

[redacted]

Содержаніе VI тома.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

Stanford University Libraries
3 6105 015 056 885

